Легенды II

Робин ХОББ

Джордж МАРТИН

Орсон Скотт КАРД

Диана ГЭБЛДОН

Роберт СИЛВЕРБЕРГ

Тэд УИЛЬЯМС

Энн МАККЕФРИ

Раймонд ФЕЙСТ

Элизабет ХЭЙДОН

Нил ГЕЙМАН

Терри БРУКС

Легенды II

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

LEGENDS III

Edited by Robert Silverberg

ЛЕГЕНДЫ III

Составитель Роберт Силверберг

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА
МОСКВА
2006

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Л33

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

LEGENDS II
Edited by Robert Silverberg

Перевод с английского
Серийное оформление А.А. Кудрявцева
Художник А.Е. Дубовик

Компьютерный дизайн А.С. Сергеева

Печатается с разрешения литературных агентств
Ralph M.Vicinanza Ltd. и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 24.01.06 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 38,64. Тираж 3000 экз. Заказ № 197.

Легенды II : [сб. : пер. с англ.] / сост. Роберт Силверберг. —
Л33 М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. —733, [3] с. —
(Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-034469-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-1914-0 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9578-3283-9 (ООО «Транзиткнига»)

Роберт Силверберг ВНОВЬ собрал для этого сборника самых знаменитых творцов миров. Джорджа Р. Мартина, создавшего мир «Песни льда и огня». Терри Брукса, создавшего мир «Шаннары». Нила Геймана, создавшего мир «Американских богов». Тэда Уильямса, создавшего мир «Иноземья». И многих, многих других — тех, что не просто пишут романы-фэнтези, а, подобно демиургам, полетом фантазии творят миры. Тех, которым нет равных. Они объединились для сборника «Легенды», чтобы пригласить миллионы своих поклонников попутешествовать по этим мирам еще раз. И все произведения, вошедшие в «Легенды II» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней, — были написаны СПЕЦИАЛЬНО для антологии...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Agberg Ltd., 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2006

Предисловие

В первую антологию «Легенды», изданную в 1998 году*, вошли одиннадцать не публиковавшихся ранее новелл одиннадцати самых популярных авторов фэнтези, причем каждая из них была частью особой вселенной, созданной воображением определенного автора и прославившей своего создателя. Книга задумывалась как фундаментальная антология современной фэнтези, и этот замысел, судя по отзывам читателей всего мира, оказался удачным.

Спрашивается, если первый сборник был фундаментальным, зачем выпускать второй?

Самый короткий ответ звучит так: фэнтези неисчерпаема. Всегда найдутся новые истории, отыщутся новые авторы, желающие их рассказать, и ни одна тема, какой бы древней она ни была, истощена быть не может.

Фэнтези, как я уже говорил в предисловии к первому сборнику, есть старейшая ветвь беллетристики, почти столь же старая, как само человеческое воображение. Нетрудно поверить, что тот самый артистический импульс, который породил пещерную живопись Ласко, Альтамиры и Шове, насчитывающую уже пятнадцать, двадцать, а то и тридцать тыся-

© Перевод. Виленская Н.И., 2006

* На русском языке сборник «Легенды» вышел в 1999 г., в издательстве «АСТ». — *Примеч. ред.*

челетий, создал также истории о богах и демонах, о талисманах и заклинаниях, о драконах и оборотнях, о чудесных странах, лежащих за горизонтом, — сказки, которые шаманы в звериных шкурах рассказывали завороженным слушателям у костров в Европе ледникового периода. То же самое происходило и в знойной Африке, и в доисторическом Китае, и в обеих Америках, тысячи и даже сотни тысяч лет назад. Мне нравится думать, что стремление рассказывать истории было вечным, что рассказчики существовали на Земле столько же, сколько и вид гомо сапиенс, — и что эти люди на всем долгом пути нашей эволюции вкладывали свою энергию и свое мастерство в создание признанных всеми чудес. Шумерский эпос о Гильгамеше относится к жанру фэнтези, как и Одиссея Гомера — и так далее, и так далее, включая таких авторов фэнтези нового времени, как Э.Р. Эддисон, А. Меррит, Г.П. Лавкрафт и Дж.Р.Р. Толкиен, а также научных фантастов от Ж. Верна и Г. Уэллса до наших дней. (Именно так. Я рассматриваю научную фантастику как специфическую отрасль фэнтези, технологизированный жанр пророческой литературы, где вольная игра воображения делает невозможные или неправдоподобные с научной точки зрения вещи возможными.)

Многие из участников первых «Легенд» с радостью ухватились за шанс вернуться в созданные ими миры по второму разу. Некоторые так часто заговаривали о втором сборнике, что я и сам пришел к выводу, что «Легенды-2» — хорошая мысль. Из первой антологии нас набралось шестеро: Орсон Скотт Кард, Джордж Р.Р. Мартин, Раймонд Фейст, Энн Маккэффри, Тед Уильямс и я. К нам присоединились еще четверо: Робин Хобб, Элизабет Хэйдон, Диана Гебелдон и Нил Гейман, ставшие очень популярными у поклонников фэнтези после выхода первой книги, а также великий ветеран Терри Брукс — он не смог принять участие в первом сборнике, зато внес свой вклад в этот.

Я еще раз благодарю мою жену Карен и моего литературного агента Ральфа Вичинанцу, которые оказывали мне все-

возможную помощь в подготовке этой книги, — и, разумеется, всех писателей, снабдивших нас таким превосходным материалом. Приношу особую благодарность Бетси Митчелл из «Дель Рей букс», чьи мудрые советы и неизменно хорошее настроение позволили осуществить этот проект. Без нее книга в буквальном смысле не увидела бы свет.

Роберт Силверберг, февраль 2003

Робин Хобб

СТРАНА ЭЛДЕРЛИНГОВ

САГА О ВИДЯЩИХ
Ученик убийцы (1995)
Королевский убийца (1996)
Странствия убийцы (1997)

САГА О ЖИВЫХ КОРАБЛЯХ
Волшебный корабль (1998)
Безумный корабль (1999)
Корабль судьбы (2000)

САГА О ШУТЕ И УБИЙЦЕ
Миссия шута (2002)
Золотой шут (2003)
Конец шута (2004)

Место действия первой трилогии Хобба «Сага о Видящих» — Шесть Герцогств. Это история Видящего по имени Фитц Чивэл. Известия о том, что существует незаконный сын, достаточно, чтобы поколебать надежды принца Чивэла на трон. Он отрекается от престола, уступает титул наследника своему младшему брату Верити и поручает ребенка заботам конюшенного мастера Баррича. Самый младший принц, Регал, лелеет честолюбивые планы и хочет разделаться с бастардом, но старый король Шрюд решает по-своему, и мальчика воспитывают как наемного убийцу. Бастарда можно послать туда, куда законных детей посылать опасно, и поручить ему то, что замарало бы руки наследного принца.

В процессе обучения Фитц Чивэл проявляет склонность к Уиту, звериной магии, презираемой в Шести Герцогствах. К его тайному пороку относятся терпимо, поскольку общение с животными может быть полезным для его ремесла. Когда открывается, что ему также доступна наследственная магия Видящих, Скилл, он становится ценным орудием в руках короля и в то же время преградой для принца Регала на пути к трону. Борьба за престол разгорается, а жители Внешних островов, плавающие на красных кораблях, навязывают герцогствам войну. В это время Фитц Чивэл обнаруживает, что судьба королевства, вполне возможно, зависит от некоего молодого бастарда и королевского шута. Движимый преданностью, не имея за душой ничего, кроме древней магии, Фитц следует забытым путем короля Верити, который через Горное Королевство прошел в страну легендарных Элдерлингов. Его ведет надежда — быть может, и тщетная — возобновить старый союз.

© Перевод. Виленская Н.И., 2006

Действие «Саги о живых кораблях» переносится в Джамелию, Бингтаун и на Пиратские острова, далеко к югу от Шести Герцогств. Война на севере препятствует торговле, жизненно важной для Бингтауна, и для его купцов настают тяжелые времена, несмотря на их волшебные, наделенные разумом корабли. В свое время одно только обладание живым кораблем, построенным из волшебного дерева, гарантировало купеческой семье процветание. Только живой корабль может рискнуть отправиться по Дождевой реке, где легендарные тамошние купцы торгуют таинственными товарами, добытыми из руин Элдерлингов. Алтея Вестрит полагает, что семья, согласно традиции, после смерти отца передаст фамильный живой корабль ей. Но «Проказница» переходит к ее сестре Кеффрии и зятю, коварному чалседийцу Кайлу. Теперь гордый корабль служит для всеми презираемой, но очень выгодной работорговли.

Лишенная законных прав Алтея решает завладеть отнятым у нее кораблем. Единственные ее союзники в этом деле — старый мореход Брашен Трелл, загадочный резчик по дереву Эмбер и живой корабль «Совершенный», слывущий безумцем; а пираты, восставшие рабы, морские змеи и только что вылупившийся дракон — лишь немногие из препятствий, которые ей приходится преодолеть. В конце концов она понимает, что живые корабли, возможно, не совсем то, чем кажутся, и что у них есть свои мечты.

«Сага о Шуте и Убийце», над окончанием которой автор работает в настоящее время, возвращает нас к истории Фитца и Шута примерно через пятнадцать лет после войны красных кораблей. Королева Кетриккен решает укрепить права своего сына принца Дьютифула на престол, обручив его с Эллианой из рода их старинных врагов-островитян. Но и в самих Шести Герцогствах неспокойно. Приверженцы Уита, устав терпеть гонения, замышляют свергнуть Видящих, открыв всем тайный изъян молодого принца. Эллиана назначает за свою руку высокую цену: Дьютифул должен принести ей голову Айсфира, легендарного дракона с острова Аслевджал.

Бингтаунские купцы на юге продолжают войну с Чалседом и хотят привлечь Шесть Герцогств на свою сторону. Одна союзница у них уже есть — своенравная драконихa Тинтаглия. Помогая бингтаунцам, она стремится не только возродить расу драконов, но и вернуть магию Элдерлингов на Проклятый берег.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Седьмой день Рыбной луны
14-го года правления благороднейшего
и блистательного сатрапа Эсклепия

В этот день у меня самым беззаконным образом конфисковано пять ящиков и три сундука. Это случилось при погрузке корабля «Дерзостный», отправляемого, согласно отважному замыслу сатрапа Эсклепия, для колонизации Проклятого Берега. В ящиках содержалось следующее: кусок превосходного белого мрамора, пригодный по размеру для бюста; два куска аартинского жадеита, также пригодных для бюстов; большой мыльный камень, высотой и шириной с человека; семь больших медных слитков отличного качества, три серебряных приемлемого качества и три бочонка с воском. В одном ящике лежали подрамники, инструменты для работы по металлу и камню и разные мерные приспособления. В сундуках содержалось следующее: два шелковых платья, голубое и розовое, шитые Вистой и носящие ее марку; отрез зеленой парчи; две шали, шерстяная белая и льняная голубая; несколько пар чулок, летних и зимних; три пары туфель, одни атласные, с отделкой в виде розовых бутонов; семь нижних юбок — три шелковые, одна полотняная, три шерстяные; шелковый корсет с костяшками; три томика стихов моего сочинения; миниатюра работы Соиджи, изображающая меня, леди Кариллион Каррок, урожденную Вальджин, и заказан-

ная моей матерью, леди Арстон Вальджин, к моему четырнадцатилетию. Кроме того, там находились детские вещи: приданое для новорожденного и парадная одежда для девочки четырех лет и двух мальчиков, шести и десяти лет — летняя и зимняя.

Я составила этот список для того, чтобы грабители по нашему возвращении в Джамелию понесли должное наказание. Произошло все это так: при погрузке багаж нескольких вельмож, уже поднявшихся на борт, задержали на пристани. Капитан Триопс уведомил нас, что все наше имущество переходит в собственность сатрапа. Я не верю этому человеку, не выказывающему подобающего уважения ни мне, ни моему мужу. Поэтому я подробно записываю все, что у меня пропало, и когда будущей весной я вернусь в Джамелию, мой отец, лорд Крион Вальджин, подаст жалобу в суд сатрапа — раз уж мой муж не проявляет такого намерения. И пусть сия запись послужит тому порукой.

Леди Кариллион Вальджин Каррок

Десятый день Рыбной луны
14-го года правления благороднейшего
и блистательного сатрапа Эсклепия

Условия на этом корабле положительно невыносимы. Я снова берусь за перо, дабы виновные впоследствии могли быть наказаны. Я принадлежу к роду Вальджин, а муж мой к тому же наследует титул лорда Каррока, однако разместили нас не лучше, чем простых колонистов и прочий сброд, — в зловонном трюме. Только каторжники, закованные в цепи и содержащиеся в самых недрах корабля, страдают больше, чем мы.

Мы путешествуем на необструганной палубе, среди голых дощатых стен. Видно, что до нас здесь квартировали крысы. Так только скот перевозят. Отдельного помещения для моей служанки нет, и она спит чуть ли не бок о бок с нами! Я пожертвовала тремя дамастовыми занавесями, чтобы как-то отгородиться и помешать своим детям якшаться с отродьем простолюдинов. Эти люди относятся ко мне крайне неува-

жительно, и я подозреваю, что они потихоньку воруют наши припасы. Они открыто насмехаются надо мной, а муж говорит, чтобы я не обращала на это внимания. Это очень дурно влияет на мою служанку, которой приходится исполнять также обязанности няни. Сегодня утром она прямо-таки оборвала маленького Петруса, велев ему замолчать и не приставать к ней с вопросами. Когда я побранила ее за это, она осмелилась вскинуть брови.

Моя попытка подняться наверх не увенчалась успехом. Палуба вся забита канатами и свернутыми парусами, всюду бродят грубые матросы. Для дам и детей, желающих подышать воздухом, там места нет. Вид скучен — одни лишь туманные острова далеко в море. Развлечься совершенно нечем, и это отвратительное судно уносит меня все дальше от белых шпилей Джамелии, священного города Са.

На борту у меня нет друзей, способных развеять мою печаль. Леди Дюпарж как-то посетила меня, и я была с ней вежлива, но разница в нашем положении затрудняет беседу. Лорд Дюпарж только и наследует, что свой титул, два корабля и одно поместье на границе с Герфенским болотом. Леди Крифтон и Анзори довольствуются обществом друг друга и совсем ко мне не приходят. Обе они слишком молоды, чтобы представлять для меня интерес, но их матерям следовало бы внушить им, как вести себя с теми, кто выше их. Моя дружба могла бы очень им пригодиться по возвращении в Джамелию. То, что они не ищут моего расположения, не позволяет высоко судить об их уме. Не сомневаюсь, что они наскучили бы мне очень скоро.

Все это убожество невыразимо угнетает меня. Ума не приложу, почему моему мужу вздумалось вкладывать свое время и средства в это предприятие. Человек, более склонный к приключениям, безусловно, лучше послужил бы нашему светлейшему сатрапу в этой экспедиции. Не могу понять также, почему я и дети вынуждены сопровождать его, особенно в моем положении. Вряд ли он подумал о том, как тяжело такое путешествие для женщины на большом сроке беременности. Он, как всегда, не счел нужным обсудить свое реше-

ние со мной — как и я никогда не советуюсь с ним в том, что касается моего творчества. А между тем я жертвую своими планами ради того, чтобы он мог осуществить свои. Теперь я еще долго не смогу закончить капеллу моих колокольчиков из металла и камня. Брат сатрапа будет крайне разочарован — ведь я собиралась преподнести ему эту работу к тридцатилетию.

Пятнадцатый день Рыбной луны
14-го года правления благороднейшего
и блистательного сатрапа Эсклепия

Я была глупа. Нет. Меня обманули. Доверять тем, кто имеет все права на твое доверие, — не глупость. Мой отец, вручая мою руку и мою судьбу лорду Джатану Карроку, верил, что отдает меня человеку богатому, с видным положением и хорошей репутацией. Отец восхвалял Са за то, что мои таланты привлекли столь завидного жениха. Сама я плакала, что должна идти за человека намного старше себя, но матушка посоветовала мне смириться и продолжать творить под его покровительством. За те десять лет, что мои красота и молодость увядали в его тени, я родила ему трех детей и теперь вынашиваю четвертого. Все эти годы я всячески украшала его жизнь, и тем не менее он меня обманул. При мысли о часах, которые я посвятила хозяйству в ущерб своему искусству, во мне вся кровь закипает.

Сегодня я сперва попросила, а затем, сознавая свой долг перед детьми, и потребовала, чтобы он пошел к капитану и добился для нас лучшего помещения. Тогда он, отослав детей на палубу с няней, признался, что мы — не добровольные пайщики, а изгнанники, которым дается возможность искупить свою вину. Все оставленное нами на берегу — дома, поместья, драгоценности, лошади, скот — конфисковано сатрапом, как и наше имущество на пристани. Мой всеми уважаемый муж — изменник, который предал нашего возлюбленного сатрапа, злоумышлял против освященного Са престола.

Это признание я вытянула из него не сразу, а понемногу. Он твердил, что политика — не мое дело, а его. Что жена должна доверять мужу во всем. Что весной, когда корабли придут в наше новое поселение, он полностью искупит свои грехи, и мы сможем вернуться в джамелийское общество. Но я продолжала докучать ему своими глупыми женскими вопросами. Все ли наше достояние у нас отнято, спросила я — и он сказал, что это сделано ради спасения имени Карроков, чтобы скандал не коснулся его родителей и младшего брата. Брату в наследство оставлено небольшое имение, и при дворе все думают, что Джатан Каррок вложил все свое состояние в предприятие сатрапа — лишь приближенным к сатрапу особам известно, что это была конфискация. Чтобы удостоиться этой милости, Джатан не один час простоял на коленях, вымаливая прощение.

Он долго распространялся об этом, как бы желая произвести на меня впечатление, но мне не было дела до его колен.

«А Тростники? — спросила я. — Домик у брода и доход, который мы с него получали?» Эту усадьбу, хотя и скромную, я принесла ему в приданое и думала отдать ее нашей Нариссе, когда придет время.

«Это больше не наше», — ответил он.

«Но почему? Я ведь не вступала в заговоры против сатрапа — за что же меня-то наказывать?»

На это он отрезал, что я его жена и должна разделять его участь. Я не видела причин почему, а он не мог объяснить. Наконец он заявил, что бабьему уму это недоступно, велел мне замолчать и не позорить себя своим невежеством. Я возразила ему, что я не какая-нибудь дурочка, а знаменитая художница, он же сказал, что теперь я жена колониста и лучше мне выкинуть из головы свои артистические претензии.

Я прикусила язык, чтобы не накричать на него, но сердце мое и теперь вопит от ярости на подобную несправедливость. Тростники, где мы с младшими сестрами рвали водяные лилии и воображали себя богинями в белых с золотом венцах... мои Тростники пропали из-за сумасбродной измены Джатана Каррока.

•

Я слышала, что раскрыт заговор против сатрапа, но пропускала эти слухи мимо ушей, думая, что они не имеют ко мне отношения. Я сочла бы наказание справедливым, если б сама вместе с моими невинными крошками не угодила в ту же сеть, которую сплели для заговорщиков. Все конфискованные богатства пошли на оплату этой экспедиции, а разоблаченных вельмож заставили вступить в Компанию. Хуже того: всех этих преступников в нижнем трюме, воров, шлюх и прочих негодяев, при сходе на берег освободят, и они станут членами той же Компании! Вот в каком обществе предстоит расти моим малюткам.

Наш благословенный сатрап великодушно дарует нам случай обелить себя. По милости своей он выделил каждому пайщику двести лефферов земли — либо вдоль Дождевой реки, отделяющей нас от варварского Чалседа, либо на Проклятом берегу. Первое поселение нам надлежит основать на Дождевой. Всемилостивейший сатрап выбрал для нас это место, руководствуясь преданиями о королях Элдерлингов и королевах-блудницах. Рассказывают, что в старину их дивные города стояли по всей реке. Они покрывали лица золотой пудрой и украшали свои веки драгоценностями. Джатан говорит, что недавно перевели некий старинный свиток, показывающий, где находились эти города. Я настроена скептически.

В обмен на возможность нажить себе новые состояния и восстановить свою репутацию смелейший сатрап Эсклепий требует только одного: половину всего найденного или произведенного в тех краях. На этом условии он берет нас под свою руку; за наше благополучие в храмах будут читаться молитвы, и корабли дважды в год будут приходить в наше речное селение. Так говорится в хартии нашей Компании, собственноручно подписанной сатрапом.

Лорды Анзори, Крифтон и Дюпарж разделяют нашу участь, хотя им пришлось падать не с такой высоты, как нам. На двух других кораблях нашей флотилии есть еще дворяне, но я ни с кем не знакома близко. Я радуюсь, что моих дорогих друзей не постигла та же судьба, но скорблю о том, что одинока в своем изгнании. Муж мой неспособен утешить меня в несча-

стье, которое сам же навлек на свое семейство. При дворе тайны долго не сохраняются — быть может, поэтому никто из моих друзей не пришел на пристань проститься со мной?

Родные мать и сестра едва успели помочь мне собраться, так мало времени было отпущено нам. Они со слезами простились со мной в доме отца, но не стали провожать меня в порт, откуда я уплывала в изгнание. Почему, о Са, не сказали они мне правды о том, что меня ожидало?

От всех этих дум я забилась в истерике, рыдая и вскрикивая помимо своей воли. Моя рука и теперь дрожит, выводя на странице эти каракули. Я потеряла все: дом, любящих родителей и, что горше всего, — искусство, бывшее отрадой всей моей жизни. Я никогда уже не закончу оставленных мною работ, и это причиняет мне не меньшее горе, чем если бы мое дитя родилось мертвым. Я живу только одним — надеждой на возвращение в свою милую Джамелию. Да простит меня Са, но я охотно вернулась бы туда вдовою. Никогда, никогда не прощу я Джатана Каррока. Желчь подступает к горлу при мысли, что мои дети должны носить имя этого изменника.

Двадцать четвертый день Рыбной луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

В душе моей царит тьма. Это путешествие к берегам изгнания длится целую вечность. Человек, которого я вынуждена называть своим мужем, твердит, что мне следует лучше заботиться о нашем семействе, я же едва в силах держать перо. Дети ревут, жалуются и ссорятся, а служанка даже не пытается их занять. Она совсем отбилась от рук. Будь у меня силы, я надавала бы ей пощечин, чтобы исправить эту ее гадкую надутую мину. Она не мешает детям теребить меня, а ведь женщину в моем положении полагается всячески оберегать. Вчера днем, когда мне хотелось отдохнуть, она бросила на меня спящих детей и ушла любезничать с каким-то матросом. Я проснулась от плача Нариссы, и мне пришлось долго ее убаюкивать. Она жалуется, что у нее болят животик и горло. Как толь-

ко она утихомирилась, проснулись Петрус и Карлмин, принялись тузить друг друга и совершенно вывели меня из себя. Когда эта негодница соизволила вернуться, я была на грани истерики. В ответ на мои упреки она нагло заявила, что ее мать вырастила девятерых детей без всяких нянек. Как будто пример этой простолюдинки должен меня вдохновить! Если бы хоть кто-то мог ее заменить, я бы немедленно ее рассчитала.

А где же был лорд Каррок все это время? Беседовал на палубе с теми самыми дворянами, которые погубили его.

Пища становится все более скверной, как и вода, но наш трусливый капитан не желает пристать к берегу, чтобы пополнить запасы. По словам матроса, к которому бегает моя служанка, Проклятый берег не зря получил свое название и тех, кто здесь высадится, ждет такая же доля, как прежних его обитателей. Неужели капитан Триопс тоже верит в эти страшные сказки?

Двадцать седьмой день Рыбной луны
14-го года правления благороднейшего
и блистательного сатрапа Эсклепия

Мы попали в шторм. Весь корабль пропах рвотой несчастных, которые заключены в его чреве. Качка взболтала трюмные воды, и нам приходится дышать еще и этим смрадом. На палубу капитан нас больше не выпускает. Внизу сыро, вода капает с бимсов нам на головы. Мне кажется, что я уже умерла и терплю посмертные муки вместе с другими грешниками.

В этой сырости, однако, нам едва хватает воды для питья, а помыться и вовсе нечем. Запачканную одежду и простыни полощут в морской воде, отчего все пропитывается солью и становится жестким. Нарисса чувствует себя хуже, чем другие дети. Ее больше не тошнит, но сегодня она, бедняжка, почти не слезала со своей койки. Молю тебя, Са, останови эту болтанку.

Двадцать девятый день Рыбной луны
14-го года правления благороднейшего
и блистательного сатрапа Эсклепия

Мое дитя скончалось. Я потеряла единственную дочь. Смилуйся надо мной, Са, и покарай Джатана Каррока, причину всех наших скорбей. Мою девочку завернули в парусину и бросили за борт вместе с двумя другими покойниками, лишь ненадолго оторвавшись ради этого от работы. В тот миг я, кажется, обезумела. Каррок схватил меня и удержал, не дав броситься в море вслед за Нариссой. Я боролась с ним, но не совладала и осталась влачить эту жизнь, на которую обрекла меня его измена.

Седьмой день Пахотной луны
14-го года правления благороднейшего
и блистательного сатрапа Эсклепия

Мое дитя все еще мертво. Как глупо записывать подобную мысль, но она преследует меня неотступно. Нарисса, Нарисса, неужели ты ушла навсегда? Не может быть. Это какой-то кошмарный сон, от которого я скоро проснусь!

Я плакала, и муж сказал, сунув мне эту тетрадь: «Сочини какой-нибудь стих и успокойся. Пусть твое искусство поможет тебе прийти в себя. Сделай хоть что-нибудь, только перестань реветь!» Точно кусок сахара дал пососать плачущему младенцу. Как будто искусство уводит нас от жизни, а не погружает в нее с головой! Джатан попрекнул меня моим горем, сказав, что моя неистовая скорбь пугает наших сыновей и вредит ребенку, которого я ношу. Можно подумать, что ему есть до них какое-то дело. Если бы он думал о нас, как пристало мужу и отцу, то не предал бы нашего обожаемого сатрапа и не вверг нас в пучину бедствий.

Тем не менее я пишу все это, как послушная жена, чтобы умерить его злость.

Ровно дюжина пассажиров и двое матросов умерли от кишечного расстройства. Из ста шестнадцати человек, кото-

рые отплыли на этом судне, осталось сто два. Непогода миновала, но тепло и солнечный свет кажутся мне насмешкой над моим горем. Море окутано дымкой, на западе курятся далекие горы.

Восемнадцатый день Пахотной луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Писать не хочется, но больше мне нечем занять свой усталый ум. Я, сочинявшая когда-то блещущую остроумием прозу и возвышенные строки стихов, теперь с трудом подбираю слова.

Несколько дней назад мы достигли устья реки. Я не записала даты, пребывая в мрачном унынии. Это событие обрадовало всех наших мужчин. Одни говорили о золоте, другие о сказочных городах, полных богатой добычи, третьи о девственных лесах и плодородных землях. Я подумала, что наше путешествие на этом закончится, но оно тянется до сих пор.

Поначалу прилив помогал нам продвигаться вверх по реке, но теперь команде пришлось сесть на весла. Узников расковали и посадили в шлюпки. Они гребут вверх по течению, бросают там якоря и подтягивают корабль на канатах. Ночью мы тоже становимся на якорь. Вода плещется у бортов, в джунглях на берегу кричат невидимые создания. Пейзаж с каждым днем становится все более фантастическим и грозным. Деревья на берегах Дождевой вдвое выше наших мачт, а позади видны другие, еще выше. Когда река сужается, на нас падает их густая тень. Мы ничего не видим, кроме непроходимой зеленой стены. Наши попытки отыскать более приветливый берег представляются безумием. Я не нахожу никаких признаков того, что здесь когда-либо жили люди. Единственное живое здесь — это пестрые птицы да большие ящерицы, которые греются на древесных корнях у воды. На вершинах деревьев порой слышатся возня и громкие вопли. Ни широких лугов, ни твердой земли — только болотистые берега, покрытые этой буйной растительностью. Громадные деревья стоят

прямо в реке, и с них свешиваются в меловую воду лианы. Кое-где видны цветы, ночью светящиеся белым. Ветер доносит до нас их сладковатый мясной запах. Крылатые насекомые больно жалят нас, особенно гребцов, которые сплошь покрыты укусами. Вода в реке непригодна для питья — хуже того, она разъедает как человеческую плоть, так и дерево. Весла гниют, люди страдают язвами. Если ее отстаивать, то верхний слой можно пить, но осадок очень быстро портит стенки и дно ведер. Те, кто пробовал ее, жалуются на головную боль и бредовые сны. Один каторжник кричал о каких-то «прекрасных змеях», а после бросился за борт. Двух матросов, несущих такую же чепуху, заковали в цепи.

Я не вижу конца этому страшному пути. Два корабля, сопровождавшие нас, мы потеряли из виду. Предполагается, что капитан Триопс высадит нас в безопасном месте, где можно будет построиться и обрабатывать землю, но надежда на залитые солнцем луга и пологие холмы меркнет с каждым днем. Капитан говорит, что речная вода вредна для его корабля, и хочет высадить нас прямо на болоте, уверяя, что дальше от берега земля должна быть суше. Наши мужчины, возражая ему, то и дело разворачивают свиток с хартией и показывают капитану его обязательства, написанные черным по белому. Он в ответ тычет им подписанный сатрапом приказ, где упоминаются несуществующие приметы, давно обмелевшие судоходные каналы и города, на месте которых стоят джунгли. Этот текст переводили служители Са. Они не могут лгать, но что-то здесь очень, очень не так.

Весь корабль неспокоен. Люди часто ссорятся, команда ропщет на капитана. Я вся как на иголках и постоянно близка к слезам. Петруса мучают кошмары, а Карлмин, и раньше скрытный, стал почти нем.

О чудесная Джамелия, родной мой город, увижу ли я вновь твои холмы и высокие шпили? Не придется ли родителям оплакивать меня, как пропавшую для них навсегда?

Этой кляксой я обязана Петрусу — он лезет ко мне на колени, заявляя, что ему скучно. От няньки никакой пользы. Она не оправдывает ту еду, которую поглощает, и шляется по

всему судну, как блудливая кошка. Вчера я сказала, что если она забеременеет от своей матросни, я немедленно ее выгоню. На это она имела наглость ответить, что ей все равно — дескать, ей так и так недолго оставаться у меня в услужении. Разве эта глупая потаскушка забыла, что обязывалась служить еще пять лет?

Двадцать второй день Пахотной луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Случилось то, чего я и боялась. Я сижу на большом корне, а сундучок с моими скудными пожитками служит мне письменным столом. За спиной у меня высится громадное, как башня, дерево. Корни обхватом с целую бочку удерживают его в болотистой почве. На одном из них я и спасаюсь, оберегая юбки от сырости. На корабле мы по крайней мере наслаждались солнечным светом — здесь, под густой листвой, царят вечные сумерки.

Капитан Триопс высадил нас на болоте. Он заявил, что корабль протекает, и единственный его выбор — разгрузиться и бежать с этой едкой реки. Мы отказались высаживаться, но команда применила насилие. Когда одного из мужчин, выброшенного за борт, унесло течением, наша воля к сопротивлению ослабла. Скот, предназначенный для нашего пропитания, они оставили себе. Кто-то из мужчин вцепился в клетку с почтовыми птицами. Во время борьбы клетка сломалась, птицы выпорхнули из нее и улетели. Вслед за нами на берег выкинули ящики с инструментами, семенами и разной провизией — не ради нас, а для того, чтобы разгрузить корабль. Многое упало на глубину и затонуло. Мужчины спасли, что было возможно, остальное засосало в ил. Нас семьдесят две души на этом пустынном берегу, а взрослых мужчин только сорок.

Со всех сторон нас окружают деревья. Земля колеблется под ногами, как корка на пудинге. Следы мужчин, собиравших наше имущество, уже доверху полны водой.

Течение быстро унесло прочь корабль вместе с предавшим нас капитаном. Кое-кто говорит, что надо оставаться на месте и ждать другие два корабля — они, мол, непременно окажут нам помощь. Я думаю, что мы должны идти дальше в лес, чтобы найти твердую землю, где нет такого количества жалящих насекомых. Но я женщина и права голоса не имею. Мужчины держат сейчас совет, решая, кто возглавит нашу компанию. Джатан Каррок предложил себя как наиболее знатного по происхождению, но бывшие каторжники, купцы и прочие зашикали его, сказав, что имя его отца здесь ценности не имеет. Вдобавок они посмеялись над ним — ведь наш позор ни для кого не тайна. Я ушла от них подальше, полная горечи.

Как описать отчаяние, которое я испытываю? Моя бесстыжая служанка не сошла с нами на берег и осталась на корабле, где будет шлюхой для всей команды. Желаю ей всего, что она заслуживает! Петрус и Карлмин липнут ко мне, говоря, что башмаки у них промокли и ноги горят. Не знаю, когда мне еще доведется улучить время для этого дневника. Я кляну живущего во мне художника: глядя на косые лучи солнца, проникающего сквозь листву, я вижу дикую, грозную красоту этого места. Боюсь, что она соблазнит меня, как может соблазнить жадный взгляд неотесанного мужлана.

Не знаю, откуда у меня эти мысли. Я хочу домой, вот и все.

Где-то в листьях над головой шумит дождь.

Двадцать четвертый день Пахотной луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Перед рассветом мне приснился какой-то шумный уличный праздник в чужой стране. Я проснулась от чувства, что земля ушла из-под ног. Позже, когда солнце стояло уже довольно высоко на невидимом небе, мы снова почувствовали, что земля дрожит. Землетрясение прокатилось через Дождевой лес, как волна. Я не впервые переживаю землетрясения, но на этой зыбкой почве оно кажется особенно сильным и

страшным. Легко вообразить, что болото разверзнется и поглотит нас, будто карп хлебную крошку.

Мы движемся в глубь суши, но земля остается вязкой и неустойчивой. Сегодня я столкнулась со змеей, которая свисала с лианы, и сердце у меня замерло — как от ее красоты, так и от ужаса. Как легко она оторвала от меня взгляд и заскользила прочь в путанице ветвей. Если б и я могла перемещаться по этой земле с такой легкостью!

Двадцать седьмой день Пахотной луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Пишу, угнездившись на ветке вместе с яркими попугаями. Мне смешно, и настроение у меня восторженное, несмотря на голод, жажду и великую усталость. Возможно, этот мой восторг — лишь побочное действие голодания.

Уже пять дней мы пробираемся по вязкой почве через густой подлесок, удаляясь от реки в поисках более сухого грунта. Некоторые из нас протестуют, говоря, что обещанный корабль, придя весной, не найдет нас. Я помалкиваю, но мне сомнительно, что какой-либо корабль захочет подняться вверх по этой реке.

Поход в глубину суши не улучшил нашего положения. Почва остается болотистой. За нами тянется грязная, заполненная водой колея. Сырость жжет нам ноги и портит нашу одежду. Все женщины теперь идут, подоткнув подолы.

Все, что нам не под силу нести, брошено по дороге. Каждый из нас, будь то мужчина, женщина или ребенок, несет сколько может. Маленькие дети измучены. Каждый раз, выдергивая ногу из грязи, я чувствую, как тяжелеет ребенок у меня в животе.

Мужчины образовали совет, который все и решает. У каждого по одному голосу. Я нахожу такое нарушение существующего порядка гибельным, но изгнанным дворянам нечем подкрепить свои права. Джатан с глазу на глаз сказал мне, что лучше этому не препятствовать — скоро, мол, Компания

отлучит от власти всех этих крестьян, карманников и авантюристов. Пока что, однако, мы подчиняемся им. Совет распоряжается всеми съестными припасами, и каждый получает свою порцию на день. Все мужчины, согласно другому распоряжению, должны работать наравне, и ночью Джатан несет караул в очередь с остальными, словно простой солдат. Они караулят попарно, так как одинокий часовой может легче пасть жертвой диковинного безумия, обитающего в этих местах. Мы избегаем разговоров об этом, но всем нам снятся странные сны, и некоторым уже изменяет рассудок. Мужчины винят во всем здешнюю воду. Поговаривают о высылке вперед небольшой партии, которая должна подыскать хорошее сухое место для поселения.

Я не верю в их смелые планы. Этому дикому краю нет дела до наших правил и решений.

Мы нашли здесь очень мало пригодного в пищу. Растения нам незнакомы, а животные существуют где-то высоко, в кронах деревьев. Но и в этой увитой лианами чаще есть своя красота, если уметь ее разглядеть. Солнце, проникающее пятнами сквозь листву, высвечивает перистый мох на ветвях. Я проклинаю его, когда пробираюсь через его цепкие сети, но порой он видится мне, как тончайшее зеленое кружево. Вчера, несмотря на усталость и нетерпение Джатана, я остановилась полюбоваться цветущей лианой. Разглядывая ее, я заметила, что в трубочке каждого цветка заключена дождевая вода, смешанная с нектаром. Да простит мне Са — мы с детьми выпили немало таких трубочек, прежде чем я сообщила о своей находке остальным. Съедобны также грибы, растущие наподобие полок на древесных стволах, и красные ягоды на одном из видов лиан, но этого мало.

То, что этой ночью мы спим в сухости — моя заслуга. Мне не хотелось даже думать еще об одном ночлеге на сырой земле, когда к утру промокаешь насквозь и чувствуешь сильный зуд, или на своих пожитках, которые постепенно погружаются в болото вместе с тобой. Этим вечером, когда тени стали сгущаться, я увидела птичьи гнезда, подвешенные к веткам наподобие кошельков. Зная, как ловко Петрус карабка-

ется на шкафы и даже на занавески, я выбрала дерево с крепкими, расположенными почти лесенкой ветвями и предложила сыну взобраться туда. Он ухватился за лиану, уперся подошвами в грубую кору и вскоре уже сидел на толстой ветке над нашими головами, болтая ногами и смеясь при виде нашего изумления.

Я велела Джатану последовать примеру сына и вручила ему дамастовые портьеры, которые несла все это время. Другие быстро раскусили мой замысел, и теперь с деревьев, словно яркие плоды, свисают всевозможные ткани. Одни спят на широких ветках или в развилках, другие в гамаках. Ночлег не совсем надежный, зато сухой.

Все хвалили меня. «Моя жена всегда была умницей», — заявил Джатан, как бы желая приписать мои заслуги себе. «Я не просто ваша жена — у меня есть имя, — напомнила ему я. — Я была Кариллион Вальджин задолго до того, как сделалась леди Каррок. Некоторые из моих подвесных композиций, «Мисочки» и «Фонарики», потребовали безупречного расчета — здесь вся разница только в масштабе». Несколько женщин сочли было, что я хвастаюсь, но леди Дюпарж сказала: «Она говорит правду. Я всегда восхищалась работами леди Каррок».

Один грубиян при этом имел дерзость добавить: «Если она впредь будет зваться женой купца Каррока, смекалки у нее не убудет. Тут у нас ни лордов, ни леди нету».

Эти слова меня отрезвили. Боюсь, что он прав. Порода и воспитание здесь мало что значат. Простолюдины, не получившие никакого образования в отличие от меня или леди Дюпарж, уже получили здесь право голоса, и какой-нибудь крестьянин имеет в нашем маленьком обществе больше веса, чем я.

И что же в довершение всего сказал мне мой муж? «Ты позоришь меня, выпячивая свои достижения. Какое неприличие — хвалиться своими «композициями»! Занималась бы лучше детьми». Вот так он поставил меня на место.

Что с нами будет? Какой толк в относительно удобном ночлеге, если в животе пусто, а в глотке сухо? Мне жаль моего будущего ребенка. Все наши мужчины совместно, с беско-

нечными предосторожностями, пользуясь наскоро изготовленными талями, поднимали меня на этот насест. Но никакие предосторожности не спасут мое дитя от судьбы появиться на свет в этой глуши. Я все еще тоскую по Нариссе, но ее кончина может оказаться милосерднее той, что готовит нам этот лес.

Двадцать девятый день Пахотной луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Нынче ночью я опять съела ящерицу. Стыдно признаваться, но это так. В первый раз я сделала это не задумываясь, как кошка, хватающая птичку. Во время привала я увидела это крохотное создание на листьях папоротника — зеленое, как изумруд, и совершенно неподвижное. Только блестящий глазок и трепещущее жизнью горло выдали его мне. Я со змеиной быстротой выбросила руку, поймала ящерицу и впилась зубами в ее мягкое брюшко. Вкус был сырым, горьким и сладким одновременно. Я съела ее целиком, хрустя косточками, словно жаворонка с праздничного стола сатрапа, а после не могла поверить, что сделала это. Я думала, что меня стошнит, но этого не случилось. Стыд не позволил мне никому рассказать о своем поступке. Такая пища не годится для цивилизованных людей, не говоря уж о том, как я ее пожирала. Я сказала себе, что этого потребовал ребенок, растущий во мне, что у меня просто помутилось в голове от голода, и мысленно пообещала больше этого не повторять.

И вот ночью это повторилось снова. Эта ящерка была серая, под цвет древесной коры. Она увернулась от моей руки и шмыгнула в трещину на стволе, но я вытащила ее за хвост. Зажатая между двумя моими пальцами, она сперва билась, а потом затихла, понимая, что борьба бесполезна. Я пристально рассматривала ее, надеясь, что после этого смогу ее отпустить. Все в ней было красиво — блестящие глазки, крошечные коготки, тонкий хвост. Брюшко при серой шершавой спинке цветом напоминало сливки. От голубоватого горла по

животу шла розовая полоска. Коснувшись языком маленьких гладких чешуек на брюшке, я ощутила, как стучит сердечко ящерицы, и почуяла запах ее страха. Ее коготки царапали мои потрескавшиеся губы. Все это почему-то показалось мне очень знакомым. Потом я закрыла глаза и вонзила зубы в живую плоть, прикрывая рот руками, чтобы не упустить ни кусочка. На ладони осталось пятнышко крови, и я слизнула его. Никто ничего не видел.

О всемогущий Са, что со мной происходит? Что заставляет меня делать такие вещи? Жгучий голод или заразительная дикость этих мест? Я едва узнаю себя. Сны, которые я вижу по ночам, не могут рождаться в душе знатной джамелийки. Вода жжет мне руки. Ноги уже закалились и стали жесткими, как ореховая скорлупа. Страшно представить, на что похожи мои лицо и волосы.

Второй день Зеленой луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Прошлой ночью у нас умер мальчик. Все мы потрясены. Утром этот вполне здоровый паренек лет двенадцати попросту не проснулся. Его звали Дурган. Он был сыном простого торговца, но я в полной мере разделяю горе его родителей. Петрус ходил за ним хвостиком и, кажется, сильно поражен его смертью. Он признался мне шепотом, что ему приснилось, будто эта земля его помнит. Когда я спросила, что это значит, он не мог объяснить, но сказал, что Дурган, наверное, умер оттого, что его земля не захотела. Для меня это не имеет смысла, но Петрус твердил свое, пока я с ним не согласилась. Сладчайший Са, не дай моему мальчику сойти с ума. Я так боюсь этого! Возможно, и хорошо, что он не будет больше водиться с этим мальчуганом из простого сословия, но Дурган так славно смеялся — Петрусу будет его не хватать.

Могила, не успели мужчины ее выкопать, наполнилась мутной водой. Мать пришлось увести прочь, пока отец опускал своего сына в эту грязную жижу. Когда мы просили Са

принять душу усопшего к себе, ребенок у меня в животе стал сердито брыкаться, и я испугалась.

Восьмой день Зеленой луны (как мне кажется. Марти Дюпарж говорит, что девятый) 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Мы нашли клочок более или менее сухой земли. Большинство из нас будет ждать здесь, а небольшой разведочный отряд уйдет на поиски лучшего места. Наше убежище представляет собой маленький островок посреди болота. Мы уже знаем, что определенный вид игольчатого кустарника указывает на более твердую почву, а здесь он растет весьма густо. Его смолистые ветки горят, даже будучи сырыми. При этом они сильно дымят, но дым отгоняет насекомых.

Джатан ушел с разведчиками. Лучше бы он остался и позаботился о детях, ведь я должна скоро родить. Но он сказал, что нужно идти, если он хочет занять пост во главе Компании. С ними ушел и лорд Дюпарж. Его жена Марти тоже ждет ребенка, и Джатан решил, что мы с ней будем помогать друг другу. Она молода, неопытна и вряд ли будет мне полезна при родах, но лучше такая помощь, чем никакой. Всех нас, женщин, сплотила нужда — ведь мы вынуждены делить наш скудный запас провизии, чтобы кормить детей.

Одна из нас, жена ткача, нашла способ плести циновки из здешних лиан. Я тоже учусь этому — я так отяжелела, что больше почти ничего не могу делать. На циновках можно спать, а если скрепить их вместе, то получаются ширмы. У деревьев, которые здесь растут, кора гладкая, а ветви начинаются очень высоко, так что придется устраиваться на земле. Несколько женщин присоединилось к нам, и мы чувствуем себя почти уютно за работой и разговорами. Мужчины смеются над нами, глядя, как мы ставим свои хлипкие стенки. Днем их насмешки задевали меня, но вечером наша непрочная хижина показалась мне очень удобной. У Севет,

ткачихи, красивый голос, и она довела меня до слез, когда стала убаюкивать своего младшенького старой песней «И в несчастье славим Са». Я уже целую вечность не слышала музыки. Сколько еще времени моим детям придется жить без книг и наставников, если не считать суровой школы этого дикого края?

При всей своей ожесточенности против Джатана Каррока, обрекшего нас на изгнание, сегодня вечером мне его недостает.

Двенадцатый или тринадцатый день Зеленой луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Этой ночью наш лагерь посетило безумие. Одна из женщин стала кричать: «Слушайте! Слушайте! Неужели никто не слышит их пения?» Муж попытался успокоить ее, но тут какой-то маленький мальчик сказал, что уже которую ночь слышит поющие голоса — и убежал в темноту, словно зная, куда идет. Его мать бросилась за ним, а первая женщина вырвалась от мужа и помчалась вдогонку. Еще трое устремились за ней, но не затем, чтобы вернуть ее, а с криками: «Подожди, мы с тобой!»

Я крепко держала своих сыновей, чтобы они не сделали того же. Ночью в этих джунглях царит не тьма, а какой-то мерцающий сумрак. Светляки и у нас водятся, но тут есть еще пауки, который оставляют на нитях своей паутины капли светящейся слюны, и мошкара летит на нее, как на свет лампы. Есть висячий мох, испускающий бледное холодное свечение. Я старалась не показывать мальчикам своего страха и говорила, что дрожу от холода и от тревоги за несчастных, убежавших на болото. Но мне стало еще страшнее, когда маленький Карлмин стал говорить, как красивы джунгли ночью и как сладко пахнут ночные цветы. Он сказал, что помнит, как я делала печенье с таким же запахом. У нас в Джамелии таких специй нет, но когда он это сказал, мне тоже почти что вспомнились маленькие коричневые коржики, мягкие в середине

и хрустящие снаружи. Даже теперь, когда я пишу эти строки, мне помнится, как я лепила их в форме цветков, прежде чем изжарить в кипящем жире.

Клянусь, что в жизни не готовила ничего подобного!

Уже полдень, но пропавших ночью нет как нет. Ушедшие искать их вернулись мокрые, искусанные комарами и в полном отчаянии. Джунгли поглотили несчастных безумцев. Женщина, с которой все началось, оставила ребенка, и он весь день плачет не умолкая.

Я никому не сказала, что сама слышу во сне музыку.

Четырнадцатый или пятнадцатый день Зеленой луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Наши разведчики до сих пор не вернулись. Днем, при детях, мы с Марти Дюпарж делаем вид, что ничего особенного в этом нет, ночью же делимся своими страхами. Им определенно пора возвратиться — хотя бы затем, чтобы сказать, что не нашли ничего лучше нашего болотистого островка.

Ночью Марти с плачем сказала, что сатрап намеренно послал нас на смерть. Меня это поразило до глубины души. В древних свитках, переведенных жрецами Са, говорится о городах, стоящих на этой реке. Люди, посвятившие свою жизнь Са, лгать не могут. Но, возможно, они ошиблись, и эти ошибки будут стоить нам жизни.

Здесь нет сокровищ, нет изобилия, зато живут странные силы, дремлющие днем и заползающие в наши хижины ночью. Каждые сутки один или двое пробуждаются с криками от кошмара, который не могут вспомнить. Одна молодая женщина легкого поведения уже два дня как исчезла. Она торговала собой на джамелийских улицах и продолжала свое ремесло здесь, отдаваясь уже за еду. Мы не знаем, заблудилась она в болоте, или ее убил кто-то из мужчин. Не знаем, есть среди нас убийца, или это чужая земля потребовала себе очередную жертву.

Мы, матери, страдаем больше других, ибо не можем накормить своих детей досыта. Все, что мы взяли с корабля, уже

съедено, и я с сыновьями ежедневно хожу на промысел. Недавно я нашла взрыхленную кучку земли и палкой раскопала там бурые в крапинку яйца — почти пятьдесят штук. Мужчины не хотели их брать, говоря, что их отложили змеи или ящерицы, но матери не отказывались. Есть одно растение, похожее на лилию, — когда рвешь его с корнем, нельзя не забрызгаться едкой водой. На его длинных волокнистых корнях имеются клубни, не больше крупных жемчужин, обладающие приятным перечным вкусом. Из самих корней Севет плетет корзинки и сумела даже изготовить грубую ткань. Это хорошо. Наши юбки совсем истрепались, а башмаки стали тонкими, как бумага. Все удивлялись моим жемчужинам и спрашивали, откуда я знаю, съедобны они или нет.

Я не знала, что на это ответить. Просто эти цветы почему-то показались мне знакомыми. Не могу сказать, что побудило меня дергать их с корнем, обрывать маленькие клубни и класть их себе в рот.

Мужчины, оставшиеся здесь, постоянно сетуют, что им приходится караулить по ночам и поддерживать костры, но я, право же, думаю, что женщины трудятся нисколько не меньше. В наших обстоятельствах очень тяжело следить за детьми, кормить их и содержать в чистоте. Признаюсь, что многому в этом смысле научилась от Челлии. В Джамелии она была прачкой, а здесь стала моей подругой. Мы делим с ней хижину, которую построили для себя и пятерых наших детей. Ее муж, Эте, тоже ушел с разведчиками. Но она не унывает и заставляет трех своих детишек помогать ей. Старшие наши мальчики собирают хворост для костра. Мы не велим им уходить далеко от лагеря — они должны искать топливо в пределах слышимости, — но Петрус и Олпи жалуются, что в окрестностях сушняка совсем не осталось. Дочки Челлии, Пиэт и Ликея, смотрят за Карлмином, пока мы с ней собираем водяные трубочки или ищем грибы. Мы нашли кору, из которой получается ароматный чай, помогающий заглушить голод.

Я благодарна ей за дружбу. И Марти, и я будем рады ее помощи, когда придет время рожать. Но ее Олпи старше мо-

его Петруса и подзадоривает его на разные бесшабашные выходки. Вчера их не было дотемна, и хвороста они принесли совсем немного. Они сказали, что услышали вдали музыку и пошли на ее звуки. Уверена, что они уходили в лес дальше, чем допускает благоразумие. Я отругала обоих. Петрус притих, но Олпи дерзко спросил у своей матери, уж не хочет ли она, чтобы он пустил корни в этой грязи. Меня поразило, как может мальчик так разговаривать с матерью. Своими кошмарами Петрус тоже наверняка обязан ему — Олпи любит рассказывать ему страшные сказки о ночных призраках и сосущих кровь ящерицах. Я не желаю, чтобы Петрусу забивали голову подобными суевериями, но что я могу поделать? Мальчики поневоле должны добывать нам топливо, а одного Петруса я отпустить не могу. Все мальчики в нашем лагере, кто постарше, выполняют такую же работу. Грустно видеть, как Петрус, потомок двух знатных родов, таскает дрова наряду с сыновьями простолюдинов. Я боюсь, что потеряю его задолго до возращения домой.

И где же Джатан? Что случилось с нашими мужчинами?

Девятнадцатый или двадцатый день Зеленой луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Сегодня в наш лагерь пришли трое мужчин и одна женщина, вымазанные в болотной грязи. Когда я услышала шум, мое сердце затрепетало — я думала, что вернулись наши разведчики, но это оказались люди с другого корабля.

Их судно попросту развалилось, и однажды утром они все очутились в реке вместе с капитаном и всей командой. Спасти с потерпевшего крушение корабля не удалось почти ничего, и больше половины бывших на борту душ утонуло. Многими из тех, кто добрался до берега, овладело безумие — люди совершали самоубийства или пропадали в лесу.

Особенно много народу погибло в первые несколько ночей, поскольку вокруг лежала настоящая трясина без единого клочка твердой земли. Я зажала уши, когда дошло до рас-

сказов о людях, которых засасывало в жидкую грязь с головой. Многие просыпались от странных снов. Одни после опоминались, но другие уходили в болото, и больше никто их не видел. Четверо наших гостей сказали, что они шли первыми и скоро подойдут остальные, кому удалось уцелеть. Вскоре те действительно начали прибывать — по трое, по четверо, оборванные, искусанные мошкой, обожженные губительной речной водой. Всего их шестьдесят два — несколько сосланных дворян и простые люди, отплывшие на поиски новой жизни. Самые злые из них — это те, кто вложил средства в экспедицию, надеясь нажить состояние.

Капитан погиб в ночь крушения, и матросы, неожиданно ставшие изгнанниками, в полной растерянности. Одни из них держатся особняком от «колонистов», как они нас называют, другие, кажется, понимают, что должны либо влиться в нашу среду, либо погибнуть.

Кое-кто из наших недоволен этим нашествием — нам, мол, самим едва хватает жилья и пропитания, — но в большинстве своем мы охотно поделились с пришельцами всем, что у нас есть. Не думала встретить людей, чье положение еще хуже нашего. Мне кажется, прибавление пойдет нам на пользу, особенно Марти и мне. Пришедшая с ними женщина по имени Серр — опытная повитуха. Еще у них есть кровельщик, корабельный плотник и несколько охотников. Матросы, парни крепкие и сноровистые, тоже могут быть очень полезны.

От наших мужчин по-прежнему ни слуху ни духу.

Двадцать шестой день Зеленой луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Время мое пришло, и я родила. Повитуха унесла мою девочку, даже не показав ее мне. И она, и Марти с Челлией говорят, что дитя родилось мертвым, но я уверена, что слышала плач. Я была почти без чувств, но помню, что слышала. Мое дитя позвало меня, прежде чем умереть.

Челлия говорит, что я заблуждаюсь, что девочка была синенькая и ни разу не пискнула. «Почему же тогда мне не дали взглянуть на нее?» — спросила я. Повитуха ответила, что так я буду меньше горевать, но бледность, которая покрывает ее лицо при каждом моем вопросе, меня настораживает. Марти тоже не хочет говорить об этом. Либо она боится за собственного ребенка, либо от меня что-то скрывают. За что ты столь жестоко отнял у меня обеих моих дочерей, о Са?

Я все расскажу Джатану, когда он вернется. Будь он здесь, он помогал бы мне в самые тяжкие последние дни, мне не пришлось бы так надрываться, и моя крошка, возможно, была бы жива. Но его не было со мной тогда и теперь тоже нет. Кто присмотрит за моими мальчиками, кто будет кормить их и следить, чтобы они приходили из леса засветло, пока я поправляюсь после своих неудавшихся родов?

Первый день Урожайной луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Я уже на ногах, но мне кажется, что сердце мое похоронено вместе с моим ребенком. Чего ради я несла ее так далеко и переносила все эти лишения, если ей не суждено жить?

Наш лагерь так переполнен, что между хижинами едва можно пройти. Карлмин, разлученный со мной на время моей болезни, теперь не отстает от меня, как маленькая тень. Петрус еще больше подружился с Олпи и не обращает на мои слова никакого внимания. Я велю ему не уходить далеко от лагеря, а он из упрямства забирается все дальше в болото. Челлия советует мне оставить его в покое. Эти двое мальчишек стали любимцами всего лагеря из-за того, что нашли новые съедобные ягоды, растущие кистями. Эти плоды, ярко-желтые и отчаянно кислые, наше голодное сообщество приняло с большой радостью. Меня, однако, бесит, что все и каждый поощряют моего сына в его непослушании, хотя мальчики то и дело рассказывают о звучащей вдали музыке и похваляются, что отыщут, откуда она исходит. Мое материнское серд-

це подсказывает, что не будет добра от этого колдовского обольщения, заманивающего их все глубже в грозящие гибелью джунгли.

Условия в лагере ухудшаются с каждым днем. Тропинки превратились в грязное месиво. У нас слишком много таких, кто не делает ничего для улучшения нашей участи. Они живут одним днем, не делая запасов на завтра и полагаясь на то, что их накормят другие. Одни из таких тупо смотрят в пространство, другие плачут и молятся. Чего они ждут — что Са сойдет с небес и спасет их? Прошлой ночью нашли мертвыми целую семью, пять человек. Они лежали под деревом, коекак прикрывшись циновками. Никто не может понять, что убило их. Мы избегаем разговоров о том, чего боится каждый из нас — о безумии, которое обитает в воде, а то и в самой земле и проникает в наши сны неземной музыкой. Ночью я вижу себя в незнакомом городе и знаю, что я — не я, а кто-то другой. Когда я открываю глаза навстречу грязи, мошкаре и голоду, мне порой хочется снова закрыть их и вернуться в мой сон. Не это ли случилось с тем несчастным семейством? Когда их нашли, глаза у всех были широко открыты. Их тела бросили в реку, и совет поделил то немногое, что у них было, но многие ворчат, что наши избранники роздали все своим друзьям, а не тем, кто нуждается больше всего. Недовольство советом растет с каждым днем.

Наше сомнительное убежище начинает изменять нам. Наши хижины при всей своей легкости обращают нетвердую почву в трясину. Раньше я презирала тех, кто жил в нищете, и приравнивала их к животным, но животный мир этих джунглей живет куда чище нас. Я завидую паукам, ткущим свои сети в лучах солнца, завидую птицам, чьи плетеные гнезда висят высоко над нами, недосягаемые для грязи и змей. Завидую даже плосконогим болотным кроликам, как прозвали наши охотники мелких зверьков, так ловко шмыгающих по переплетенному тростнику и широким листьям водяных растений. Мои ноги земля засасывает на каждом шагу. Ночью циновки, на которых мы спим, тоже уходят в болото, и мы встаем мокрые. Надо срочно найти какое-то решение, но все

твердят: «Подождем. Скоро придут разведчики и проводят нас на сухое место».

Думаю, что единственное место, куда они могут нас проводить — это обитель Са. Туда мы все вскоре и отправимся. Доведется ли мне увидеть вновь благоуханную Джамелию, пройтись по саду, где растения не враждебны человеку, поесть досыта и напиться вдоволь, ничего не сберегая на завтра? Искушение уйти от этой жизни, заснув и не проснувшись, очень сильно. Только сыновья удерживают меня в этом мире.

Шестнадцатый день Урожайной луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Сердцу ведомо то, что не может осмыслить пробуждающийся ум. Во сне я неслась по Дождевому лесу, как ветер, скользя над землей и преодолевая ветви деревьев. Грязь и едкая вода не касались меня, что позволило мне наконец увидеть во всей полноте окружающую нас красоту. Я опустилась, как птица, на ветку папоротника, и некий дух здешних мест шепнул мне: «Попытайся покорить этот лес — и он поглотит тебя. Стань его частью — и будешь жить».

Затрудняюсь сказать, верит ли в это мой ум, а сердце мое плачет по белым шпилям Джамелии, по голубым водам ее гавани, по прочным тротуарам и солнечным площадям. Я жажду музыки и живописи, вина и поэзии, мне опостылело добывать себе еду, ползая по непокорным джунглям. Я жажду красоты среди захлестывающего меня убожества.

Сегодня я не ходила ни за водой, ни за пищей. Вместо этого я пожертвовала двумя страницами дневника, чтобы набросать эскиз жилища, пригодного для этих болот, и висячих дорожек для соединения наших домов. Чтобы осуществить это, понадобится рубить лес и обрабатывать дерево. Я показала свои эскизы людям. Некоторые посмеялись надо мной и сказали, что это непосильная задача для такого малого числа человек. Другие заметили, что наши орудия в этом климате быстро ржавеют. Я возразила на это, что тем больше причин пустить их в дело, пока они не пропали совсем.

Были и такие, что рассматривали рисунки внимательно, но потом пожимали плечами и говорили, что нет смысла браться за это, когда вот-вот вернутся разведчики с благоприятными известиями. Не можем же мы, говорили они, навсегда остаться в этом болоте. Я отвечала, что они совершенно правы и что, если мы не предпримем усилий, то в нем и умрем. Чтобы не искушать судьбу, я не высказала вслух худших своих опасений — что на многие лиги вокруг нас нет ничего, кроме болота, и что наши разведчики никогда не вернутся.

Почти все они разошлись, не желая спорить со мной, но двое стали запальчиво меня обвинять — как, мол, у порядочной джамелийки хватает смелости говорить так с мужчинами? Их жены кивали, поддакивая им. Это люди простого звания, но я не могла сдержать дрожь в голосе, говоря с ними. Какие же вы мужчины, спрашивала я, если посылаете моих мальчиков в лес за едой, а сами сидите и ждете, чтобы кто-то решил все за вас? Они жестами дали мне понять, что я бесстыдная женщина, не лучше уличной девки, и ушли прочь.

Мне нет дела до их оскорблений. Я докажу им, что права я, а не они.

Двадцать четвертый день Урожайной луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Я разрываюсь между горем и ликованием. Мой ребенок умер, Джатана нет до сих пор, но такого торжества, как сегодня, я не испытывала ни разу с тех пор, как начала заниматься искусством. Челлия, Марти и маленький Карлмин трудились вместе со мной. Ткачиха Севет тоже внесла свою лепту, Пиэт и Ликея ходили вместо меня за едой. Карлмин изумлял меня своей ловкостью и согревал мое сердце своими стараниями помочь мне. Теперь я вижу, что он поистине сын своей матери.

Мы настлали в большой хижине пол, уложив циновки крест-накрест поверх тростника и тонких веток. Такой настил распределяет вес равномерно, вознося нас над губчатой

почвой. Другие жилища постепенно тонут, и их приходится переносить, а наше уже четыре дня стоит на одном месте. Сегодня, уверившись, что наш дом держится прочно, мы взялись за дальнейшие усовершенствования. Без всяких инструментов мы наломали тонкие деревца и очистили их от веток. Из стволов, связав их корнями водяных лилий, мы соорудили горизонтальные лесенки, чтобы ходить по ним вокруг хижины. Завтра мы настелим сверху циновки и укрепим их. Вся хитрость, как я поняла, в том, чтобы распределить нагрузку от ходьбы на возможно большую площадь, как это делают болотные кролики со своими плоскими лапками. На самом мокром участке за хижиной мы подвесили такую дорожку, как паутину, между двумя стволами. Это трудно, поскольку деревья здесь толстые, и кора у них гладкая. Дважды дорожка падала, и зеваки, собравшиеся вокруг нас, хихикали, но с третьей попытки нам это удалось. Мы не только прошлись по нашему мостику несколько раз, но и постояли на нем, обозрев весь поселок. Вид не из важных, ведь мы поднялись над землей всего лишь на половину человеческого роста, тем не менее наше убожество предстало, как на ладони. Очень много места пропадает зря под тропинками и поставленными где попало хижинами. Один из матросов, покачиваясь на каблуках и жуя веточку, долго разглядывал нашу работу, а потом самым бесцеремонным образом перевязал половину наших узлов. «Так оно лучше будет, сударыня, — сказал он. — Но долго это при большой нагрузке все равно не продержится. Тут нужен такелаж покрепче. Поглядите наверх — вон на тех ветках закрепить бы все это дело».

Я задрала голову вверх, где на головокружительной высоте начинались ветки, и сказала ему, что без крыльев нам туда не добраться. «Я знаю одного, кто мог бы, — ухмыльнулся он. — Если б решил, что оно того стоит». Потом отвесил мне неуклюжий поклон и ушел.

Нам поневоле придется принять какие-то меры: наш тряский островок уменьшается на глазах. Люди истоптали его, на тропинках проступает вода. Мне кажется, что все мои попытки безумны. Я художница, а не инженер и не строитель. Но

как быть, если никто больше даже пальцем пошевелить не хочет? Если у меня ничего не выйдет, то я буду знать, что хотя бы пыталась.

Пятый или шестой день Молитвенной луны 14-го года правления благороднейшего и блистательного сатрапа Эсклепия

Сегодня один из моих мостов упал, сбросив в болото трех мужчин. Один из них сломал ногу. Он обвинил в этом меня — вот, дескать, что получается, когда бабы лезут со своими вязальными навыками в серьезное дело. Жена поддержала его, но я не дрогнула перед ними и сказала, что не просила его ходить по моим дорожкам, — а тот, кто все-таки ходит, хотя не прикладывал рук к их сооружению, заслуживает, чтобы Са его покарал за леность и неблагодарность.

Кто-то крикнул, что это кощунство, но другой возразил ему: «Правда — это меч Са», и я почувствовала себя отомщенной. Число моих подручных так возросло, что их можно уже разбить на две партии. Во главе второй я поставлю Севет, и горе тому мужчине, кто вздумает посмеяться над моим выбором. Ее мастерство говорит само за себя.

Завтра мы надеемся поднять на деревья опоры для моего большого помоста. Как бы мне не опозориться. Бревна тяжелые, и настоящих веревок у нас нет — только те, что сплетены из корней. Тот матрос сделал для нас простейшие блоки. Он и мой Петрус — единственные, кто сумел залезть наверх по гладкому, без веток, стволу. Взбираясь, они вбивали в дерево колышки, но у меня все равно трепетало сердце, когда я видела их так высоко. Ретио, моряк, говорит, что при помощи его талей можно поднять что угодно. Поживем — увидим. Боюсь все-таки, как бы наши плетеные веревки не лопнули. Мне бы спать, а я все ломаю голову над тем, выдержат они или нет. А веревочные лестницы? Ведь рабочие лазают по ним каждый день. Как я осмелилась взяться за это? Всякий, кто упадет с такой высоты, наверняка погибнет. Но лету скоро конец, а когда придет зима со своими дождями, у нас будет сухое убежище.

Двенадцатый или тринадцатый день Молитвенной луны 14-го года правления сатрапа Эсклепия

Одна неудача за другой. У меня едва хватает воли писать об этом. Ретио, моряк, говорит, что хорошо уже то, что никто не пострадал. Когда рухнул наш первый помост, он ушел в мягкую землю целиком, не развалившись. Ретио, не теряя бодрости, сказал, что это доказывает его прочность. Этот молодой моряк изобретателен и сметлив, несмотря на отсутствие образования. Я спросила его сегодня, смирился ли он с тем, что судьба привела его в Дождевой лес. Он с усмешкой пожал плечами. До того, как уйти в море, он был лудильщиком и работал на маленькой полоске земли, поэтому сам не знает, в чем его настоящая судьба. Он принимает все, что выпало ему на долю, и старается обратить это на пользу себе. Хотела бы я обладать его присутствием духа.

Бездельники продолжают глазеть и насмехаться над нами. Их скептицизм разъедает мои силы, как меловая вода — кожу. Те, кто больше всех жалуется на наше положение, меньше всех делает, чтобы улучшить его. «Подождите, — твердят они, — придут разведчики и покажут нам хорошее место». А ситуация между тем ухудшается с каждым днем. Мы ходим в настоящих лохмотьях, хотя Севет все время работает с волокнами, которые добывает из лиан и сердцевины тростника. Нам не хватает пищи, и на зиму не сделано никаких запасов. Бездельники едят ничуть не меньше работников. Мои мальчики весь день трудятся наравне с нами, а порцию получают такую же, как те, кто лежит на боку и оплакивает нашу участь. У Петруса на шее выступила сыпь — я уверена, что это от плохого питания и постоянной сырости.

Челлия, думаю, чувствует то же, что и я. Ее дочурки исхудали так, что все косточки видны. Мальчики могут хотя бы подкрепляться, пока собирают съестное, а девочки довольствуются тем, что им дают в конце дня. Олпи стал так чудить, что даже Петруса это пугает. Они уходят вместе каждое утро, но Петрус часто возвращается задолго до своего друга. Про-

шлой ночью я проснулась и услышала, как Олпи тихо поет что-то во сне. Клянусь, что никогда не слышала ни этой мелодии, ни этого языка, однако и то, и другое мучительно мне знакомо.

Сегодня идет сильный дождь, но наши хижины неплохо от него защищают. Мне жаль тех, кто не позаботился вовремя о крыше над головой, хотя меня удивляет, как могут люди быть такими глупцами. К нам в хижину пришли две женщины с тремя малыми детьми. Мы с Марти и Челлией не хотели пускать их, но не устояли при виде дрожащих малюток. Мы уступили, но сурово сказали их матерям, что завтра они должны строить вместе с нами. Если они согласны, мы поможем им поставить свою хижину, если нет — пусть уходят. Возможно, нам удастся убедить людей делать хоть что-то ради них же самих.

Семнадцатый или восемнадцатый день Молитвенной луны 14-го года правления сатрапа Эсклепия

Мы подняли и закрепили первый большой помост. Севет с Ретио связали веревочные лестницы, которые свисают до самой земли. Я пережила мгновение великого торжества, глядя на него снизу. Густая крона почти скрывала помост из виду, а я говорила себе: это мое детище. Подъемом и креплением занимались Ретио, Крорин, Финк и Тремартин, но чертеж, расчеты, распределение веса на ветвях и выбор места — все это сделала я и очень этим гордилась.

Но продолжалось это не долго. Карабкаться по гибкой лестнице, которая раскачивается тем больше, чем выше ты поднимаешься — это не для слабой женщины. На середине подъема мои силы иссякли. Я повисла на лестнице в полуобморочном состоянии, и Ретио пришлось идти мне на выручку. Стыдно сказать: я, замужняя женщина, обхватила его за шею, словно малый ребенок. Он же, к моему ужасу, не стал спускаться, а настоял на восхождении, чтобы я могла полюбоваться видом.

Вид этот привел меня в восторг, но и разочаровал тоже. Мы вознеслись высоко над болотом, в котором наши ноги вязли так долго, однако лиственный зонт почти полностью закрывал нас от солнца. Я смотрела сверху на обманчиво прочный лесной ковер из листьев, ветвей и лиан. Другие могучие деревья загораживали обзор, но кое-что я могла видеть на все четыре стороны. Этим джунглям, кажется, нет конца. Однако знакомство с ближними кронами зародило во мне новые замыслы. Следующий помост мы поставим на трех соседних деревьях и перекинем от него мостик к первому. Челлия и Севет уже плетут оградительные сетки, которые не дадут маленьким детям упасть с высоты. Когда они закончат, я поручу им подвесные мосты, опять-таки с ограждением.

Дети постарше мигом приноровились взбираться наверх и быстро привыкли к новому древесному жилью. Мало того, они бесстрашно разгуливают по громадным ветвям, на которых стоит помост. Ретио, видя мое волнение и слыша бесконечные окрики, мягко меня пожурил. «Это их мир, — сказал он. — Им не нужно его бояться. Пусть привыкают к высоте, как бегающие по вантам матросы. Эти ветки шире, чем тротуары в некоторых городах, где мне доводилось бывать. Вам мешает свободно ходить по ним только сознание того, как далеко вам придется падать. Думайте о крепком дереве у себя под ногами, и все будет хорошо».

И я, вцепившись в его руку, решилась-таки пройти по одной из ветвей — но когда она закачалась под нами, струхнула и бежала назад на помост. Сверху едва видны хижины нашего утонувшего в грязи селеньица. Мы поднялись в иной мир. Здесь гораздо светлее, хотя свет по-прежнему рассеян, и намного ближе к цветам и плодам. Птицы с ярким оперением сердито кричат на нас, точно оспаривая наше право здесь находиться. Их гнезда болтаются на ветвях, как корзинки, и я прикидываю, нельзя ли сделать такое же уютное гнездышко для себя самой. Эту новую территорию я считаю своей по праву создателя, как если бы поселилась в одной из моих подвесных композиций. Можно ли вообразить себе город, составленный из висячих домов? Даже этот голый по-

мост, надежно уравновешенный, обладает своего рода изяществом.

Завтра я устрою совещание с Ретио-моряком и Севет-ткачихой. Мне помнятся сетки, в которых поднимали на корабль тяжелые грузы. Что, если заключить деревянную площадку в такую сеть, переплести ячейки травой, чтобы получились стенки, и подвесить все это на крепком суку? Будет настоящий домик. Но как выбираться из таких жилищ на помосты? Я улыбаюсь, когда пишу эти строки. Я не сомневаюсь, что все это можно сделать, надо только придумать как.

У Олпи и Петруса на шее и под волосами выступило нечто вроде чешуи. Мальчики постоянно чешутся. Я не знаю, как им помочь, и боюсь, что другие дети тоже страдают от этой напасти — я видела нескольких, которые чешутся не менее яростно.

Шестой или седьмой день Золотой луны 14-го года правления сатрапа Эсклепия

Произошли два события чрезвычайной важности, но я так устала и так пала духом, что едва могу заставить себя рассказать о них. Прошлой ночью, ночуя в своей подвесной птичьей клетке, я была спокойна и почти счастлива, но сегодня все это отнято у меня.

Итак, первое. Вчера ночью меня разбудил Петрус. Он забрался под циновку, служившую мне одеялом, весь дрожа, как будто снова стал маленьким. Олпи, прошептал он, пугает его своими песнями. Петрус решился все рассказать мне, хотя и обещал, что будет молчать.

Они с Олпи, рыская в поисках пищи, наткнулись в лесу на странный прямоугольный холм. Петрус не хотел к нему приближаться — он не смог мне объяснить почему, — но Олпи словно тянуло туда. День за днем он твердил, что надо вернуться к холму. В те дни, когда Петрус возвращался домой раньше, Олпи ходил туда один. После долгих попыток и раскопок он нашел вход, и мальчики побывали там уже несколь-

ко раз. Петрус говорил, что это ушедшая под землю башня, в чем я не видела никакого смысла. Он сказал, что стены растрескались и влага просачивается внутрь, но в основном здание крепкое. Там много ковров, много старой мебели, как целой, так и гнилой, — в общем, видно, что там жили люди. Петрус дрожал, рассказывая об этом, — он думает, что эти люди совсем не такие, как мы. Музыка, сказал он, идет оттуда, из-под земли.

Он спускался только на один этаж, но Олпи сказал ему, что подземный город намного глубже. Петрус боялся идти в темноту, и тогда Олпи с помощью какого-то волшебства заставил башню осветиться. Он смеялся над страхами Петруса и толковал о несметных сокровищах и разных диковинах там, в глубине. Еще он говорил, что призраки рассказывают ему свои тайны и открывают, где искать клады. В конце концов он договорился до того, что жил в этой башне давным-давно, когда был стариком.

Не дожидаясь утра, я разбудила Челлию, а она, выслушав мой рассказ, разбудила Олпи. Мальчик пришел в бешенство и стал шипеть, что никогда больше не доверится Петрусу, что башня — его секрет, что все сокровища принадлежат ему, и делиться ими он не намерен. Несмотря на то что было еще темно, он пробежал по толстой ветке, ставшей торной дорогой для наших детей, и неведомо куда скрылся.

Когда утренний свет наконец просочился сквозь листья, Петрус повел нас с Челлией к лесному кургану. Ретио и Тремартин пошли с нами, маленький Карлмин тоже наотрез отказался остаться с дочками Челлии. При виде прямоугольного возвышения над болотом мужество изменило мне. Но я не хотела, чтобы Ретио счел меня трусихой, и принудила себя идти дальше.

Вершина башни густо поросла мхом и вьющимися лозами, но ее правильная форма показывала, что это творение не природы, а чьих-то рук. С одной стороны, где мальчики расчистили поросль, в каменной стене открылось окно. Ретио засветил факел, который взял с собой, и мы, один за другим, осторожно пролезли внутрь. Корни и побеги растений про-

никли сквозь кладку. На покрытом грязью полу остались следы двух мальчиков. Подозреваю, что они лазили сюда гораздо дольше, чем признается Петрус. В одном углу комнаты стоял остов кровати, увешанный лохмотьями — ткань сильно пострадала от жучков и мышей.

Комната, несмотря на мрак и запустение, сохранила отголоски былой красоты. Я оторвала кусок ветхой занавески и протерла им стену, подняв облако пыли. От изумления я даже кашлять забыла. Моя душа художника воспарила при виде чудеснейших изразцов и тонких красок, зато материнское сердце так и замерло. Человеческие фигуры на фризе, высокие и угловатые, походили на богомолов, и мне не показалось, что это всего лишь манера художника. Некоторые из них держали в руках предметы наподобие оружия и музыкальных инструментов. Другие, на заднем плане, резали у реки тростник, будто крестьяне во время жатвы. Женщина на золотом троне наблюдала за всей картиной и казалась довольной тем, что видит. Я знала, что уже видела где-то ее лицо, строгое и доброе в то же время. Мне хотелось смотреть еще, но Челлия потребовала, чтобы мы шли искать ее сына.

С суровостью, которой на самом деле не чувствовала, я велела Петрусу показать нам, где они обычно играли. Он испугался, поняв, что я отгадала правду, и послушно повел нас дальше. Из спальни мы по лестничным ступенькам двинулись вниз. На площадке были два окна с толстыми стеклами, но когда Ретио поднес к ним факел, мы увидели позади только землю, где копошились белые черви. Не знаю, как стекла выдержали такое давление. Вскоре мы вошли в большой зал. Сопревшие ковры расползались у нас под ногами. Следуя за Петрусом, мы шли мимо закрытых дверей и арок, разинутых, как темные рты. Так мы вышли на вершину лестницы, куда более грандиозной, чем первая. Сходя по ней во тьму, я радовалась, что со мной Ретио. Его спокойствие подкрепляло мое шаткое мужество. Древний холод камня проникал сквозь изношенные подошвы и поднимался по хребту до самого сердца. Факел мало что освещал помимо наших испуганных лиц, и наш шепот будил призрачное эхо. Мы миновали одну пло-

щадку, затем другую, но Петрус, не говоря ни слова и не колеблясь, вел нас вниз. Мне мерещилось, что я вошла в пасть какого-то чудовища и теперь спускаюсь в его брюхо.

Когда лестница наконец кончилась, одинокий факел не смог рассеять окружавший нас мрак. Мы оказались в каком-то просторном помещении, пламя трепетало на сквозняке. Я и не видя знала, что оно много больше, чем бальный зал во дворце сатрапа. Я ощупью двинулась вперед, а Карлмин вдруг отпустил мою руку и скрылся там, куда свет не доставал. Я стала звать его, но в ответ услышала только быстрый топот его ножек. «Пойдемте скорее за ним!» — взмолилась я, и тут, словно духи, толпившиеся вокруг, разом зажгли свои фонари. Я вскрикнула от ужаса и тут же оцепенела.

В центре зала стоял на задних лапах огромный зеленый дракон, запустив когти в камень и вытянув хвост наискось через пол. Развернутые крылья поддерживали высокий свод потолка. На мощной шее сидела голова величиной с телегу, в какую запрягают волов. Блестящие серебряные глаза светились умом. Передними лапами, короче задних, он держал большую корзину, разукрашенную жадеитом и слоновой костью. В корзине безмятежно, но с невыразимым величием восседала женщина. Она не была красива, но власть, которой дышало все ее существо, делало красоту ненужной. Ни молодой, ни желанной она также не была. Она уже перешла рубеж средних лет, и резец скульптора не пытался это скрыть. Складки у нее на лбу говорили о мудрости, морщины в уголках глаз — о раздумьях. Драгоценности, украшавшие ее на скулах и над бровями, подражали драконьей чешуе. Я поняла, что это не изваяние Са в женском образе, что эту статую делали с настоящей живой женщины, и это глубоко поразило меня. Дракон изогнул шею, чтобы видеть ее, и даже его морда выражала уважение к той, которую он нес в своих лапах.

Никогда еще я не видела такого изображения женщины. Я слышала легенды о королевах-блудницах и прочих правительницах далеких варварских стран, распутных и злобных. Та, что была перед нами, обратила все эти россказни в ложь.

Какое-то время я видела только ее и лишь потом вспомнила о своем долге.

Карлмин, улыбаясь во весь рот и касаясь рукой колонны, стоял неподалеку от нас. Маленький и белый, как снег, в этом искусственном свете, он делал перспективу еще огромнее. Мне внезапно открылось то, что заслоняли дракон и женщина.

Свет струился от белых звезд и летящих драконов на потолке. Он вился лозами по стенам, обрамляя четыре арки, ведущие в темные коридоры. По всему огромному пространству пыльного пола располагались фонтаны, теперь сухие, и статуи. Это была внутренняя площадь, место для собраний или неспешных прогулок. Тонкие колонны поддерживали аркады из малахитовых листьев и сердоликовых цветов. Над одним из фонтанов парила скульптура взмывшей в воздух рыбы. Груды гнилого дерева там и сям говорили о прежних киосках или эстрадах. Ни пыль, ни разрушение не умаляли пронизывающей холодом красоты этого места. Масштабы и пропорции зала пробуждали во мне благоговение, смешанное с настороженностью. Народ, способный творить подобные чудеса, не мог погибнуть от каких-то пустяковых причин. Что за судьба постигла людей, чье волшебное освещение действует долгое время спустя после их ухода? Не грозит ли и нам та же участь? Что это было? Куда они все исчезли?

Исчезли? А что, если нет?

Здесь, как и в верхней комнате, я испытывала чувство, что они просто ушли куда-то, не взяв ничего с собой. Все те же следы мальчишеских ног на полу тянулись к единственной закрытой двери.

«Я не знал, что это место такое большое, — прозвучал в гулком пространстве тонкий голосок Петруса. Он обошел вокруг дамы с ее драконом, задрав голову к потолку. — Мы светили себе факелами. Как ты зажег свет, Карлмин?» Петрусу было явно не по себе от смекалки, проявленной младшим братом.

Но малыш, не отвечая, уже бежал по залу, будто в какой-то веселой игре. «Карлмин!» — вскричала я, и мой голос породил сотню звуковых призраков. Не успела я опомниться,

Карлмин скрылся в одной из арок, и там тоже зажегся тусклый, неверный свет. Я бросилась следом, остальные бежали за мной. Я совсем запыхалась, когда пересекла площадь и очутилась в пыльном коридоре.

Мой сын отыскался в комнате с мигающими огнями, во главе длинного стола. За столом сидели люди в ярких экзотических одеждах, слышались смех и музыка. Я сморгнула, и видение сменилось двумя рядами пустых стульев. На тарелках и в хрустальных кубках виднелась лишь плесень после блюд и напитков, но музыка продолжала играть — приглушенная и навязчивая, знакомая мне по моим снам.

«За мою госпожу!» — произнес Карлмин, подняв бокал, и улыбнулся, словно глядя в чьи-то невидимые глаза. Я метнулась к нему и схватила его за руку. Бокал выпал и разбился.

Он смотрел на меня, не узнавая. За последнее время он сильно подрос, но я, не обращая на это внимания, подхватила его на руки и прижала к себе. Он зажмурился и уронил голову мне на плечо. Его сотрясала дрожь. Музыка смолкла. Ретио, взяв у меня мальчика, сурово сказал: «Напрасно вы взяли его с собой. Чем скорей мы уйдем из этого приюта умирающей магии, тем будет лучше. — Он с заметной тревогой посмотрел по сторонам. — Ко мне в голову лезут чужие мысли, и я слышу голоса. Я чувствую, что уже бывал здесь, хотя и знаю, что это не так. Оставим этот город духам, которые его населяют». Он явно стыдился своего страха, но мне стало легче, когда кто-то из нас высказал это вслух.

Тогда Челлия закричала, что нельзя оставлять Олпи под властью тех самых чар, которые околдовали Карлмина. Мне, да простит меня Са, хотелось одного — взять своих собственных детей и бежать отсюда, но Ретио, неся и факел, и моего сына, уже вел нас всех за собой. Его друг Тремартин разбил стул о каменный пол и вооружился ножкой вместо дубинки. Никто не спросил его, чем может помочь дубинка против опутывающих нас тенет чуждой памяти. Петрус обогнал всех и пошел впереди. Когда я оглянулась, свет в столовом покое погас.

По еще одной лестнице мы спустились в зал много меньше верхнего. Вдоль его стен стояли статуи в нишах, перед ними

торчали запыленные огарки свечей. Многие скульптуры представляли женщин в коронах и королевском убранстве. В камне светились искорки самоцветов, головы украшал жемчуг.

Свет здесь был синим и мигал, угрожая вот-вот погаснуть. Это нагоняло на меня сон. Мне чудился шепот, и один раз, проходя мимо двери, я услышала, как поют вдалеке два женских голоса. Я содрогнулась от страха, а Ретио оглянулся, как будто тоже их слышал. Наша маленькая процессия молча шагала дальше. Некоторые комнаты и коридоры освещались, когда мы входили в них, другие оставались темными, и наш угасающий факел совсем терялся в них. Затрудняюсь сказать, что больше пугало меня.

В одной маленькой комнате мы наконец нашли Олпи. Он сидел на роскошном резном стуле перед мужским туалетным столом. Пол устилала осыпавшаяся с дерева позолота. Мальчик смотрелся в зеркало, на котором от старости проступили черные пятна. На столике лежали черепаховые гребни и ручка от щетки. Олпи держал на коленях раскрытый ларец, на шее у него висели многочисленные украшения. Голову он склонил набок, но открытые глаза смотрели прямо вперед, и он что-то тихо бормотал. Когда мы подошли, он взял со стола флакон и сделал вид, будто брызгается давно высохшими духами, поворачивая голову перед зеркалом. Он держался, как изнеженный, самовлюбленный аристократ.

«Перестань!» — ахнула в ужасе его мать. Он и бровью не повел — можно было подумать, что это мы для него призраки. Челлия потрясла его. Он очнулся, узнал ее, дико повел глазами по сторонам — и лишился чувств. «О, помогите мне вынести его отсюда», — взмолилась бедная Челлия.

Тремартин обхватил паренька за плечи и потащил. Огни гасли следом за нами, и тьма преследовала нас по пятам. Музыка заиграла громко и снова затихла. Когда мы наконец выбрались через окно на волю, болото порадовало нас ярким светом и свежестью воздуха. Я поразилась, увидев, что мы провели в подземелье почти весь день.

На воздухе Карлмин быстро опомнился. Тремартин стал трясти Олпи. Тот тоже пришел в себя, сердито освободился,

но разумных речей от него мы так и не дождались. Он то дулся, то смотрел вызывающе и отказывался объяснить, что делал в подземном городе. Своего обморока он не желал признавать, к Петрусу относился с холодным бешенством и не позволял никому притронуться к драгоценностям у себя на шее. Они сверкали яркими красками, но я скорее обмотала бы змею вокруг шеи, чем рискнула надеть их. «Они мои! — кричал Олпи. — Мне их подарила моя возлюбленная. Вы не смеете отбирать их у меня!»

Челлия приложила все свое терпение и всю материнскую хитрость, чтобы убедить сына вернуться с нами в поселок. Он подчинился, но остался все таким же угрюмым. К лагерю мы подходили уже в сумерках, осаждаемые мошкарой.

Наши помосты гудели, будто растревоженный улей. Я так измучилась, что думала только об отдыхе, но наверху нас встретили взволнованные оклики. Вернулись наши разведчики. При виде мужа, худого, обросшего, оборванного, но живого, у меня дрогнуло сердце. Карлмин смотрел на него, как на незнакомца, но Петрус бросился обнимать отца. Ретио мрачно простился со мной и отошел прочь.

Джатан тоже не сразу узнал сына, а узнав, обвел глазами толпу. Когда его взгляд дважды скользнул мимо меня, я вышла вперед, держа за руку Карлмина. Скорее по выражению глаз, чем по другим признакам, он понял, кто перед ним, и медленно подошел. «Это ты, Кариллион? Да помилует нас всех Са». Судя по этому приветствию, он нашел меня не слишком красивой. Не могу объяснить, почему это так задело меня и почему я так устыдилась, когда он обошелся без поцелуя, ограничившись рукопожатием. Маленький Карлмин смотрел на него все с тем же безразличием.

Ну, довольно себя жалеть — надо подвести итог их рассказам. Они не обнаружили ничего, кроме бесконечных болот. Дождевая река служит естественным стоком для неисчислимых ручьев и речек, пронизывающих широкую долину на пути к морю. Вода струится как по земле, так и под ней. Твердой почвы нет нигде, и разведчики ни разу не видели линии горизонта. Из двенадцати ушедших вернулось семе-

ро. Один утонул в зыбучих песках, другой исчез ночью и не вернулся, еще трое умерли от лихорадки. Эте, муж Челлии, не пришел назад.

Они не знают, насколько далеко в глубь суши им удалось пройти. Кроны деревьев мешали определиться по звездам, и разведчики, видимо, описали большой круг, поскольку снова вышли на берег реки.

На обратном пути они встретили людей, уцелевших из числа тех, кто плыл на третьем корабле. Их высадили на берег ниже того места, где выбросили нас. Их капитан отказался следовать дальше, когда мимо них проплыли обломки кораблекрушения. Однако он, оказавшись милосерднее нашего, распорядился выгрузить все их имущество и даже оставил им одну из корабельных шлюпок. Тем не менее им пришлось нелегко, и многие желали бы вернуться домой. Главная из хороших новостей состоит в том, что у них сохранились четыре почтовые птицы. Одну они отправили в день высадки, другую, с известием о своем бедственном положении — по прошествии первого месяца.

Наши разведчики положили конец всем их надеждам, и они решили оставить попытки обосноваться здесь. Семеро их молодых людей пришли вместе с нашими, чтобы и нам помочь переместиться к реке. Когда мы придем, они пошлют очередную птицу в Джамелию с просьбой прислать спасательный корабль, и мы все двинемся вниз вдоль реки, к морю.

К нашему возвращению из подземного города общее мнение сводилось к тому, что корабль за нами посылать не станут, однако все собирали пожитки, готовясь уходить. Тут появилась Челлия со своим увешанным дорогими каменьями сыном. Пока она рассказывала о случившемся толпе, где далеко не все ее слышали, в селении чуть не вспыхнул бунт. Кое-кто из мужчин рвался идти в подземную башню немедленно, несмотря на близость ночи. Другие хотели пощупать драгоценности, а поскольку юный Олпи на это позволения не давал, завязалась потасовка. Мальчик в конце концов вырвался, соскочил с помоста и, прыгая с ветки на ветку, как обезьяна, скрылся во мраке. Я молюсь за него, но опасаюсь, что и он стал жертвой безумия, как многие до него.

Наших поселенцев тоже охватило безумие, хотя и иного рода. Я сижу в нашем воздушном доме вместе с двумя сыновьями, а на помостах кричат и спорят. Женщины стоят за то, чтобы поскорее уйти, мужчины отвечают, что мы уйдем непременно, только сначала посмотрим, что за сокровища хранятся в таинственном городе. Если привязать к ножке птицы драгоценный камень, корабль придет очень быстро, со смехом уверяют они. Глаза у них горят, и голоса звучат очень громко.

Мужа нет с нами. Он, несмотря на долгую разлуку, предпочитает дебаты обществу жены и сыновей. Заметил ли он хотя бы, что я разрешилась от бремени, но на руках у меня нет ребенка? Сомневаюсь.

Не знаю, куда делась Челлия с дочерьми. Весть о том, что Эте не вернулся, сломила ее. Муж погиб, Олпи пропал, если не хуже. Я боюсь за нее и скорблю вместе с ней. Я думала, что обрадуюсь, когда вернутся разведчики, а теперь не могу разобраться в собственных чувствах. Знаю только, что это не радость и даже не облегчение.

Седьмой или восьмой день Золотой луны 14-го года правления сатрапа Эсклепия

Он пришел ко мне поздней ночью, и я, несмотря на сердечную боль и спящих рядом двух сыновей, не отказала ему в том, чего он хотел. Одна часть моей души жаждала ласки, другая насмехалась над первой — ведь он пришел, лишь когда покончил с более срочным делом. Он говорил мало и утолял свое желание впотьмах. Могу ли я его за это винить? От меня остались кожа да кости, лицо огрубело, волосы высохли, как солома. Кожная болезнь, поразившая детей, ползет вверх и по моей спине. Я боялась, как бы он не коснулся этой чешуи и не напомнил мне, что она там, но он не коснулся. На ласки он времени не тратил. Я смотрела поверх его плеча в темноту и думала не о нем, а о Ретио, простом матросе с портовым выговором.

Во что я здесь превратилась?

Середина того же дня

Итак, я снова жена Джатана Каррока, и он снова распоряжается моей жизнью. Решение принято. Поскольку Олпи исчез, а Ретио с Тремартином нигде не могут найти, Джатан заявил, что потаенный город открыт его сыном и это дает ему как отцу первоочередное право на все сокровища, которые там лежат. Петрус проводит его и других мужчин в башню, и все найденное там позволит нам вернуть милость сатрапа. Он очень горд открытием Петруса и тем, что львиная доля сокровищ должна принадлежать Каррокам. Его не волнует, что Олпи до сих пор нет и что Челлия и ее дочки места себе не находят. Он говорит только о сокровищах, которые обеспечат нам триумфальное возвращение. О несчетных лигах болот и моря, отделяющих нас от Джамелии, он как будто и не помнит.

Я сказала ему, что древний город — опасное место и что не нужно об этом забывать, поддавшись жажде наживы. Рассказала о тамошней магии, об огнях, которые загораются и гаснут сами собой, о голосах и о музыке, но он отмахнулся от этого, как от «бабьих сказок». Мне он велел оставаться в моем «обезьяньем гнезде» до его возвращения. Тогда я сказала прямо, что у Компании нет ни провизии, ни сил для похода на побережье. Без должной подготовки мы все умрем по дороге, с сокровищами или без них. Я считаю, что нам нужно как следует запастись перед выходом или же дожидаться корабля здесь. Сдаваться рано. Мы еще можем преуспеть, если бросим всех мужчин на сбор съестного и научимся собирать дождевую воду. Можем достроить древесный город, который будет не только удобным, но и красивым. В ответ он только тряс головой, точно слушал ребенка, толкующего об эльфах в цветочных чашечках. «Ты все так же помешана на своем искусстве. Даже голодная и оборванная, ты не отличаешь мечту от действительности». Еще он сказал, что восхищен работами, которыми я занималась без него, но теперь он вернулся и будет сам заботиться о своей семье.

Мне захотелось в него плюнуть.

Петрус не хочет идти в башню. Он думает, что она забрала Олпи себе и мы больше его не увидим. О подземелье он говорит со страхом. Карлмин сказал отцу, что никогда не бывал в подземном городе, а потом стал сосать большой палец, чего не делал с двух лет.

Джатан, выслушав предостережения Петруса, засмеялся. «Я уже не тот неженка, что отплыл из Джамелии. Буки, которых боится твоя глупая маменька, меня не пугают». На это я резко заметила, что и я уже не та женщина, которую он бросил одну в диком лесу. Он надменно ответил, что ему это слишком ясно и остается лишь надеяться, что возврат к цивилизации приведет меня в подобающий вид. И заставил Петруса вести их к кургану.

Я не пошла бы туда вновь ни за какие сокровища, будь там хоть весь пол усеян бриллиантами, а потолок увешан жемчугом. Опасности, таящиеся под землей, не плод моего воображения, и я ненавижу Джатана за то, что он опять тащит туда сына.

Я проведу этот день с Марти. Ее муж вернулся благополучно, но снова покидает ее ради охоты за сокровищами. Она в отличие от меня в полном восторге от его планов и думает, что он вернет им положение в обществе и богатство. Мне противно слушать всю эту чушь. «Мое дитя вырастет в благословенном городе Са», — говорит она, тонкая, как шнурок, и живот выпирает впереди, как грубо завязанный узел.

Восьмой или девятый день Золотой луны 14-го года правления сатрапа Эсклепия

Не смешно ли каждый раз писать эти даты? Здесь эта луна не сулит житниц, полных золотого зерна, да и сатрап для меня больше ничего не значит.

Вчера Петрус показал мужчинам ведущее в башню окно, а сам убежал вопреки сердитому зову отца. Он вернулся ко мне бледный, весь дрожа, и сказал, что пение в башне стало таким громким, что он не может думать самостоятельно вбли-

зи от нее. В коридоре он мельком видел чьи-то странные фигуры — они появлялись и снова пропадали, как их мигающий свет.

Я успокоила его, но он успел расстроить Марти. Весь вчерашний день я готовилась к зиме, хотя это идет вразрез с планами Джатана. Настелила еще один слой на кровли обеих наших висячих хижин, используя широкие листья, переплетенные лианами. Как жилища, так и мостики, связывающие их с большим помостом, надо будет укрепить в преддверии зимних ветров и дождей. Марти мне не помощница — из-за беременности она стала неуклюжей и вялой, а главное, крепко верит в то, что скоро мы возвратимся в Джамелию.

Поздно ночью вернулись некоторые из охотников за сокровищами. Этот город совсем не такой, как Джамелия, говорят они — все его коридоры соединяются, будто в лабиринте. Кое-какие его кварталы, возможно, всегда располагалась под землей, ибо в нижних покоях нет ни дверей, ни окон. Верхние этажи, по всему судя, служили жилищами, а внизу помещались лавки, хранилища и рынки. Часть города со стороны реки разрушена. В некоторых комнатах стены сырые и мебель сильно прогнила, но в других даже ковры и гобелены хорошо сохранились. Мужчины принесли с собой посуду, стулья, статуэтки, украшения и разные инструменты. На одном из них плащ, мерцающий, как вода, мягкий и льнущий к телу. В каком-то хранилище они нашли запечатанные амфоры с вином, золотистым и таким крепким, что все сразу же захмелели. Веселые искатели звали всех в город, чтобы выпить за богатые находки. Дикий блеск в их глазах не понравился мне.

Потом явились другие, сильно напуганные. Эти не желали рассказывать ничего и собирались уходить к реке завтра же на рассвете.

Джатан не вернулся вовсе.

Люди из первой партии совсем потеряли голову, опьяненные старым вином и безумными мечтами. Двое все в синяках — подрались из-за какой-то вазы. Куда еще заведет нас жадность? Я чувствую себя одинокой в своих невеселых предположениях.

Этот город не сдавался нам на разграбление — скорее он похож на покинутый храм какого-то неведомого бога, которого следует уважать. Все боги — лишь разные ипостаси Са, разве нет? Но эти слова пришли ко мне слишком поздно. Теперь уж меня никто не послушает. Ужасное предчувствие говорит мне, что эта грабительская оргия не пройдет нам даром.

Сегодня с утра моя древесная слободка совсем опустела — кладоискательская лихорадка охватила почти всех. В поселке остались только больные да женщины с малыми ребятами. Мне горько видеть, как гибнут мои мечты. Здесь, возможно, были бы уместны более высокие слова, которыми я когда-то щедро пользовалась в стихосложении, но я скажу лишь, что испытываю сильнейшее разочарование и поражена тем, что чувствую.

Мне трудно не опускать глаз перед причиной этого разочарования, а писать эти строки еще труднее — ведь они впоследствии обличат меня. Но искусство прежде всего должно быть честным, и я прежде всего художник, а потом уж жена, мать и даже женщина. Поэтому я напишу все как есть. Дело не в том, что я теперь предпочитаю своему мужу другого мужчину, хотя и в этом я сознаюсь. Мне все равно, что Ретио простой матрос, на семь лет моложе меня, без образования и знатных предков. Значение имеет лишь то, что он привлекает к себе мой взор и мое сердце. Я отдалась бы ему хоть сегодня, если бы это не грозило будущности моих сыновей. Я пишу это не колеблясь. Какой стыд в том, что я предпочитаю его мужу, если муж мой так явно показывает, что его положение в Компании ему дороже моей любви?

Но дело, повторяю, не в этом. Сегодня мое сердце разрывается оттого, что возвращение мужа, открытие подземного города и разговоры о Джамелии разрушили жизнь, которую я здесь построила. Мне трудно осмыслить это. Когда я успела так измениться? Жизнь здесь суровая, и красота этого края подобна красоте греющейся на солнце змеи. Она манит и в то же время грозит бедой. Мне кажется, что я могла бы подчинить ее себе, проявив к ней глубочайшее уважение. Я, не отдавая себе в этом отчета, стала гордиться своей способнос-

тью выживать, своими успехами в укрощении малой части этого дикого мира. Тому же я учила других, и мне удалось сделать немало.

Теперь, когда я снова стала женой лорда Джатана Каррока, все это потеряно для меня. Мою осторожность сочтут глупыми женскими страхами, мою мечту о прекрасном городе на деревьях — глупыми женскими фантазиями.

Возможно, он прав. Я знаю, что прав. Но мне почему-то нет больше дела до всего, что правильно и разумно. Жизнь, в которой я создавала то, чем восхищались другие, осталась позади. Теперь мое искусство — это сама повседневная жизнь, и оно служит мне опорой.

Не думаю, что смогу это пережить. Бросить по чьему-то приказу все, что я здесь начала, — это больше, чем я могу вынести. И чего ради? Чтобы вернуться в его мир, где я значу не больше, чем певчая птичка в ажурной клетке.

Мы были с Марти, когда пришла Челлия и попросила, чтобы Петрус помог ей искать Олпи. Она просила и молила, а Петрус зажимал уши. В конце концов она довела его до слез, перепугав Карлмина. Челлия кричала, как безумная, обвиняя Петруса — ему, мол, только сокровища были нужны, а до друга и дела нет. Она даже подняла руку, будто хотела ударить моего мальчика, и я оттолкнула ее. Она упала, а девочки подняли ее и увели, повторяя: «Пойдем домой, мама, пойдем домой». Марти тоже ушла куда-то во время ссоры.

Я сижу одна на ветке над моим домиком. Мальчики спят внутри. Мне стыдно, но мои сыновья — это все, что у меня есть. Разве я плохо поступаю, пытаясь их уберечь? Какой прок жертвовать своими сыновьями ради спасения чужого? В итоге мы обе можем лишиться детей.

Пятый день Города первого Дождевого года

Боюсь, что мы вытерпели многочисленные испытания лишь для того, чтобы погибнуть от собственной алчности. Прошлой ночью в городе умерли трое мужчин. Никто не знает

отчего — на телах, которые принесли назад, нет никаких следов. Одни говорят о безумии, другие о злых чарах. После этого жуткого происшествия семнадцать человек, уходящих к реке, попрощались с нами. Мы пожелали им удачи, снабдив их веревками, циновками и всем прочим, чем могли поделиться. Надеюсь, что они благополучно доберутся до другого селения и что в Джамелии когда-нибудь услышат о нашей судьбе. Марти умоляла их сказать тамошним поселенцам, чтобы те подождали пару дней перед походом к морю — скоро они с мужем, дескать, тоже придут к ним.

Я ни разу не видела Ретио после возвращения мужа. Не думаю, что и он отправился за сокровищами, однако все может быть. Я уже привыкла жить без Джатана, а на Ретио у меня и вовсе никаких прав нет, но без него я скучаю больше.

Марти очень бледна и страдает той же кожной болезнью, что и все мы. Она тяжело переносит беременность и бредит о будущих богатствах своего мужа, которыми ослепит тех, кто послал нас в изгнание. Как только наша птица долетит до Джамелии, уверяет она, сатрап снарядит быстроходный корабль и вернет нас всех домой, а ее ребенок родится в безопасности и ни в чем не будет нуждаться. Муж ее, ненадолго придя из города, принес ей ларчик с драгоценностями. Ее тусклые волосы украшены нитями жемчуга, на худых руках сверкают браслеты. Я стараюсь поменьше бывать с ней, чтобы не обозвать ее дурой. Это значило бы сказать неправду — просто она надеется там, где надежды нет. Я ненавижу эти сокровища, которые не годятся ни для еды, ни для питья — они всем застлали глаза, и люди голодают ради того, чтобы захапать побольше.

Оставшиеся разбились на фракции. Мужчины заключают союзы и делят город на участки, свои и чужие. Все началось с раздоров из-за добычи, когда каждый обвинял другого в воровстве. Поэтому теперь одни сторожат награбленное, а другие продолжают носить добро со всего города. Люди вооружаются ножами, дубинками и ставят часовых для охраны коридоров, которые объявили своими. Но в этом лабиринте много ходов, и ссоры не утихают.

Я и мои мальчики сидим вместе с хворыми, стариками, младенцами и беременными на воздушном помосте. У нас тут свои союзы — ведь, пока мужчины отнимают друг у друга добычу, поисками еды никто не занимается. Стрелки, снабжавшие нас мясом, ушли охотиться за другой дичью. Те, кто ставил ловушки на болотных кроликов, теперь расставляют силки своим соперникам. Джатан навестил нас, съел остатки наших припасов и снова ушел. Мой гнев вызвал у него только смех — я, мол, горюю о корешках и семечках, пока он собирает золото и драгоценности. Я была рада, когда он ушел — хоть бы он вовсе не вернулся из этого города! Всю найденную мной пищу я теперь сразу отдаю мальчикам или съедаю сама. Если удастся найти хороший тайник, я буду ее припрятывать.

Петрус, потеряв всякую охоту ходить в подземелье, тоже занялся собирательством, и это к лучшему. Сегодня он принес охапку тростника, такого же, как тот, который жали крестьяне на мозаичной фреске. Жители города, сказал он, не стали бы возделывать его просто так — надо только понять, для чего он употреблялся. Сейчас как раз время жатвы — он сказал, что вспомнил это, и я встревожилась. На мое замечание, что ничего такого он помнить не может, Петрус пробормотал что-то о «памяти города».

Надеюсь, что влияние на него этого странного места со временем ослабеет.

Короста Карлмина разрослась, перекинувшись на щеки и брови. Я делаю ему примочки в надежде как-то помочь этой беде. Сегодня он не сказал мне почти ни слова, и мне страшно думать о том, что у него на уме.

Вся моя жизнь — это ожидание. В любое время мой муж может вернуться и объявить, что пора пускаться в обратный путь к морю. Стоит ли что-то начинать, раз все равно придется бросить?

Олпи так и не нашли. Петрус винит в этом себя, Челлия от горя наполовину лишилась рассудка. Я слежу за ней издали, ибо она со мной больше не разговаривает. На каждого мужчину, пришедшего из города, она бросается с расспросами о своем сыне. Одни равнодушно пожимают плечами, дру-

гие сердятся. Я знаю, чего она боится, потому что сама боюсь того же. Я думаю, что Олпи убежал в город. Тамошние сокровища он считает своими, но кто из кладоискателей станет слушать его? Он низкого рода, и отца у него больше нет. Способны ли они убить мальчика? Я много бы дала, чтобы не чувствовать такой вины перед Челлией. Что я могу? Ничего. Почему же тогда совесть так меня мучит? Чего добьемся мы обе, упросив Петруса опять пойти в город? Разве одного пропавшего мальчика недостаточно?

Восьмой день Города первого Дождевого года

Джатан вернулся сегодня в полдень. С собой он принес корзину, где лежали украшения, инструменты из неизвестного мне металла и кошелек из металлических звеньев, набитый золотыми монетами странной чеканки. Избитый, весь в синяках, он заявил, что с него хватит и надо догонять остальных, ушедших к реке. Сказал, что жадность до добра не доводит и лучше уйти с тем, что у него есть, чем остаться и умереть.

Он ничего не ел с тех пор, как побывал здесь в последний раз. Я заварила ему чай из коры, дала кашицы из корней лилии и попросила рассказать о случившемся по порядку. Сначала он говорил только о своих товарищах-кладоискателях и горько обвинял их в предательстве. Подозреваю, что его прогнали оттуда, дав унести часть добычи. Дело у них дошло до кровопролития, но есть новости и похуже: город медленно рушится. Взлом закрытых дверей привел к фатальным последствиям. Некоторые из них сдерживали давление накопившейся за ними мокрой земли. Теперь она ползет оттуда, заполняя коридоры. Кое-где пройти уже почти невозможно, но люди не обращают на это внимания, торопясь спасти сокровища от окончательного погребения. Похоже, что древняя магия города слабеет под напором болотной жижи. Многие помещения погрузились во мрак. Свет вспыхивает на миг и сразу же гаснет. Музыка то гремит, то едва шепчет.

Когда я спросила, не это ли его напугало, он сердито велел мне замолчать и вспомнить об уважении к мужу. Просто ему, дескать, ясно, что скоро болото затопит весь город, и он не желает там погибать. Мне не верится, что все дело в этом, но я рада, что у него хватило ума уйти вовремя. Он сказал, чтобы я готовила детей в дорогу и собрала побольше еды.

Я, хотя и неохотно, повиновалась. Петрус с явным облегчением начал укладываться. Карлмин сидел молча, отковыривая с лица примочку. Я поспешно наложила свежую — не хочу, чтобы Джатан увидел медную чешую на лице своего сына. Раньше я пыталась снять корку, но мальчик кричит, когда я это делаю, и кожа у него кровоточит. Кажется, он весь обрастает чешуей, словно рыба. О таких же чешуйках у себя на спине я стараюсь не думать. Эту запись я делаю второпях, перед тем как спрятать тетрадь в свою корзину. Поклажа у нас невелика, так что места вполне хватит.

Мне очень не хочется уходить от всего, что я здесь построила, но облегчение, которое испытал Петрус при вести о нашем уходе, слишком заметно. Я жалею, что мы вообще посетили подземный город. Если бы не это проклятое место, мы, возможно, обосновались бы здесь навсегда. Предстоящее путешествие пугает меня, но делать нечего. Может быть, если увести отсюда Карлмина, он снова начнет говорить.

В тот же день, позже

Написав это, я возьму тетрадь с собой в город. Если мое тело найдут, то, возможно, какая-нибудь добрая душа доставит этот дневник в Джамелию, и мои родители будут знать, где закончила свои дни Кариллион Вальджин. Но вернее всего и он, и я будем погребены под болотной почвой, заливающей город.

Я уже закончила сборы, когда ко мне пришли Челлия с Тремартином. Он исхудал, его одежда покрыта засохшей грязью. Он наконец нашел Олпи, но мальчик совершенно лишился разума, загородил дверь в свою комнату и выходить не желает. Ретио и Тремартин искали его все это время. Ретио

сейчас остается у двери, защищая ее от неумолимо наползающей грязи. Тремартин не знает, долго ли он еще продержится. Ретио думает, что Петрус мог бы уговорить Олпи открыть дверь. И Тремартин, и Челлия пришли умолять нас об этой услуге.

Я не могу больше отворачиваться, видя отчаяние в глазах моей подруги, и мне стыдно, что я так долго упорствовала. Я стала убеждать Джатана, говоря, что мы пойдем прямо туда, где прячется мальчик, уговорим его выйти, а потом все вместе покинем лагерь. Я привела даже такой довод, что через джунгли лучше идти большой компанией, а не вдвоем вместе с детьми.

Он, не потрудившись отозвать меня в сторону или понизить голос, осведомился, с какой стати ему рисковать своим сыном и наследником ради отпрыска прачки, которую мы в Джамелии и в служанки не взяли бы. И упрекнул меня за то, что я позволила Петрусу подружиться с мальчишкой низкого сословия. После этого он отчеканил, что напрасно я считаю его дураком и думаю, что он ничего не знает о Ретио. Он наговорил еще много гадостей — что я осквернила брачное ложе лорда, когда легла на него с мужланом, и поддерживаю этого мужлана в его намерении возглавить Компанию.

Не хочу больше записывать его постыдных речей. Не знаю, право, отчего они все еще способны довести меня до слез. В конце концов я восстала. На его предложение идти с ним сейчас или остаться здесь навсегда я ответила: «Да, я останусь и помогу Челлии. Мне все равно, чем она занималась раньше, — здесь она мой друг».

Это решение досталось мне дорогой ценой. Джатан увел с собой Петруса. Я видела, что мальчик разрывается надвое, но желание уйти пересилило. Я его не виню. Карлмина отец оставил мне, сказав, что мое воспитание сделало из него жалкого недоумка. Карлмин снова соскреб примочку, открыв чешую у себя над бровями. Слова отца оставили его равнодушным. Я обняла Петруса на прощание и пообещала, что догоню их, как только смогу. Надеюсь, что сумею сдержать это обещание. Джатан и Петрус взяли, сколько могли унес-

ти. Нам с Карлмином, когда мы пойдем следом за ними, много не понадобится.

Сейчас я уложу тетрадь, перо и чернильницу в маленькую корзинку, которую они мне оставили, вместе с запасными факелами, трутом и огнивом. Кто знает, когда мне доведется сделать следующую запись? Если вы прочтете эти строки, батюшка и матушка, знайте, что я любила вас до последнего часа.

Девятый день Города (как мне кажется) первого Дождевого года

Какой глупой и мелодраматической выглядит моя последняя запись.

Это я пишу опять-таки второпях, пока не погас свет. Мои друзья терпеливо меня дожидаются, хотя Челлии моя затея кажется неразумной.

Менее десяти дней прошло с тех пор, как я впервые здесь побывала, а мне представляется, что пролетели годы. При входе мы увидели многочисленные следы грязных ног, и разгром, учиненный искателями сокровищ, заметен повсюду. Они, точно злые мальчишки, уничтожают все, что не могут забрать: выламывают куски мозаики, отбивают руки и ноги у статуй и пускают на дрова прекрасную старую мебель. Как бы ни пугал меня этот город, мне грустно видеть его разоренным. Он годами сопротивлялся болоту, но пал жертвой человеческой жадности всего за несколько дней.

Его магия в самом деле слабеет. Освещается только часть помещений. Драконы на потолке померкли. На изваянии дракона, несущего женщину, остались следы молотков. Корзина из жадеита и слоновой кости, где сидит сама женщина, помещена слишком высоко, чтобы достать до нее. Остальному залу посчастливилось меньше. В фонтане с рыбой была свалена чья-то добыча. Человек, стоявший на груде добра с ножом в одной руке и дубинкой в другой, крикнул, чтобы мы проходили — он, мол, убьет всякого, кто подойдет ближе. Вид у него был такой дикий, что мы поверили. Проходя мимо, я

отвела глаза от стыда за него. У каждого из горевших в зале костров лежали сокровища и сидел страж. В отдалении слышались воинственные выкрики и стук молотков. Четверо мужчин поднимались по лестнице с тяжело нагруженными мешками.

Тремартин зажег у бесхозного костра один из наших факелов, и мы вышли из зала по тому же коридору, что и в первый раз. Карлмин, с утра не сказавший ни слова, стал напевать странный мотив, от которого у меня волосы поднялись дыбом. Я вела его за руку. Дочки Челлии, тихо всхлипывая и тоже держась за руки, шли позади.

Мы прошли мимо выломанной двери. Из комнаты за ней сочилась болотная грязь. Она, проникая через широкую трещину в дальней стене, заполнила комнату до половины, однако и здесь кто-то рылся в поисках сокровищ. Со стен сорвали и бросили в грязь заплесневелые живописные полотна.

На перекрестке коридоров мы увидели медленно ползущий грязевой поток и услышали натужный скрип — похоже, это стонали от непосильной нагрузки балки перекрытия. Тем не менее и здесь стоял сторож, предупредивший нас, что весь участок у него за спиной принадлежит ему и его друзьям. Глаза у него горели, как у дикого зверя. Мы заверили его, что ищем пропавшего мальчика и больше ничего нам не нужно. Позади часового стучали молотки — видимо, это его друзья выламывали очередную дверь.

«Надо спешить, — сказал Тремартин. — Кто знает, что окажется за следующей дверью? Они не успокоятся, пока сюда не хлынет река. Ретио я оставил у двери Олпи — как бы другие не подумали, что он стережет там сокровище».

«Мне нужен мой мальчик. Потом я с радостью уйду из этого места», — сказала Челлия. Мы до сих пор надеемся исполнить ее намерение.

Не стану писать подробно о том, что еще мы видели, потому что свет сильно мигает. Люди тащили наверх сокровища, которые нипочем не пронесли бы через болото. Одна женщина с безумным взором накинулась на нас с криком: «Воры!» Я толкнула ее так, что она упала, и мы пустились дальше бегом.

Сырость сменилась водой, вода жидкой грязью. Увязая в ней, мы миновали маленькую гардеробную, где нашли Олпи в первый раз. Красивый туалетный столик успели порубить на куски. Тремартин свернул в боковой коридор, который я не нашла бы сама, и свел нас по узкой лестнице вниз. Пахло стоячей водой. Я старалась не думать о нажимающей отовсюду земле. Мы снова спустились вниз, в какой-то просторный зал. Двери здесь были металлические. На них тоже виднелись следы молотков, но они устояли против взлома.

Тут где-то раздался треск наподобие грома, и мы услышали полные ужаса крики. Световые прожилки на стенах мигнули и погасли. Мгновение спустя мимо нас, спасаясь, пробежали какие-то люди. Вслед за ними хлестала вода, которая мигом дошла нам до щиколоток. До нас донесся глубокий, угрожающий рокот. «Идем!» — приказал Тремартин, и мы пошли, хотя все, как я думаю, понимали, что мы движемся навстречу опасности, а не прочь от нее.

Мы еще дважды свернули за угол. Серые блоки, из которых прежде были сложены стены, сменились гладким черным камнем с серебристыми жилками. После еще одного марша низких ступеней коридор внезапно расширился и потолок стал выше, словно мы из помещений для слуг перешли в господские покои. В нишах вдоль стен больше не было статуй. Поскользнувшись на мокром полу, я оперлась рукой о стену и вдруг увидела, что вокруг толпятся люди в странных одеждах. Это был базарный день, свет сиял, слышались громкие разговоры, пахло горячей сдобой. В следующий миг Тремартин оторвал меня от стены и предупредил: «Не прикасайтесь к черному камню. Он уводит в мир призраков. Идите за мной». Вдали показался огонь, затмевающий неверный искусственный свет.

Это горел факел Ретио, с головы до ног покрытого грязью. Даже увидев нас, он не перестал отгребать жижу грубым деревянным ковшом. Грязь струилась по коридору, и даже дюжина человек с ней бы не справилась. Видно было, что если Олпи не откроет дверь в скором времени, грязь зальет весь коридор и он окажется в западне.

Я ступила в ямку, которую все это время очищал Ретио — и обняла его, не смущаясь грязью на нем, не смущаясь подруги и сына. Будь у меня время, я сделала бы то, в чем обвинял меня муж. Быть может, в душе я ему уже изменила. Меня это мало заботит — главное, что я сохранила верность моим друзьям.

Наше объятие за недостатком времени длилось недолго. Мы стали звать Олпи через дверь, но он молчал, пока не услышал, как плачут его сестренки. Тогда он сердито велел нам убираться прочь. Мать умоляла его выйти, говоря, что город рушится, и грязь скоро запрет его в комнате. Он ответил, что жил здесь всегда, здесь и умрет. Пока мы звали и упрашивали, Ретио угрюмо продолжал свою работу, отгоняя грязь от порога. Видя, что просьбы не помогают, он и Тремартин навалились на дверь, но крепкое дерево не уступало сапогам и кулакам, а инструментов у нас не было. Тремартин тихим шепотом, со слезами, сказал, что придется оставить мальчика здесь. Грязь прибывала быстрее, чем мужчины успевали вычерпывать, и с нами были еще трое детей.

Громкий рокот за нами заглушил протестующий крик Челлии. Что-то рухнуло, и грязь теперь потекла с обеих сторон. Тремартин поднял факел. Оба конца коридора уходили во тьму. «Открой же дверь, Олпи! — взмолилась я. — Открой, не то все мы утонем в грязи. Впусти нас, во имя Са!»

Не думаю, что мои слова возымели действие — Олпи скорее послушался Карлмина, который, внезапно повысив голос, произнес что-то властное на неведомом мне языке. Загремели засовы, и дверь открылась наружу, преодолевая вязкую грязь. Мы ввалились в комнату, и свет ослепил нас. Тремартин и Ретио захлопнули дверь, но Ретио пришлось стать на колени, чтобы расчистить ей путь.

Эта комната сохранилась лучше всех, которые я видела раньше. Нас всех ошеломила ее роскошь, и на короткое время мы почувствовали себя в безопасности. На полках из полированного дерева стояли изящные вазы, фигурки из камня и почерневшего от возраста серебра. Винтовая лесенка вела куда-то наверх, и каждая ее ступенька была ярко освещена.

Убранство комнаты могло бы купить нам всем милость сатрапа — все эти предметы отличались как красотой, так и редкостью. Олпи нагнулся и заботливо отогнул ковер, чтобы его не испачкала грязь. Это движение потревожило пыль, и проглянули яркие краски. Несколько мгновений мы все молчали. Потом Олпи выпрямился, и я ахнула. Длинное одеяние на нем переливалось всеми цветами радуги, голову украшал обруч из металлических дисков, которые, казалось, излучали собственный свет. Челлия не посмела обнять его. Мальчик заморгал, как совенок, и она нерешительно спросила, узнает ли он ее.

«Я как-то видел тебя во сне, — медленно проговорил он, обвел глазами комнату и добавил с тревогой: — А может, это я очутился во сне. Очень трудно понять».

«Он трогал черный камень, — проворчал Тремартин. — Камень, пробуждающий призраков и крадущий разум. Два дня назад один человек, я сам видел, сидел, прислонившись к такой черной стене. Он улыбался, и размахивал руками, и говорил с людьми, которых там не было».

Ретио мрачно кивнул, соглашаясь с ним. «Даже если его не трогать, он отнимает у тебя волю, и ты перестаешь чураться призраков, когда подольше побудешь здесь, в темноте. — Он помолчал и неохотно договорил: — Может быть, уже слишком поздно, чтобы вернуть нам прежнего Олпи, но попытаться можно. За своим рассудком мы все тоже должны следить. Будем все время разговаривать. И как можно скорее уведем отсюда детей».

Я хорошо понимала, о чем речь. Олпи отошел в угол, к столику, наклонил пустой серебряный штоф над серебряной чашечкой, проглотил, вытер рукой рот и сморщился, точно воображаемый напиток показался ему слишком крепким.

«Если идти, то прямо сейчас», — сказал Ретио. «Пока не поздно» ему добавлять не пришлось — мы все думали точно так же.

Однако мы уже и так опоздали. Из коридора все время просачивалась вода, и когда мужчины попытались открыть дверь, у них ничего не вышло. Даже когда все мы, взрослые,

налегли плечами на дверь, она не сдвинулась с места, а свет в комнате начал мигать.

Грязь и вода давят на дверь все сильнее, и дерево потрескивает. Пора закругляться. Винтовая лестница уходит в кромешный мрак, а факелов, которые мы соорудили, разломав кое-какую мебель, хватит ненадолго. Олпи точно одурманен, и Карлмин не лучше — он почти не отвечает, когда к нему обращаешься. Мужчины понесут их, а мы с Челлией будем вести за руки девочек. Мы постараемся найти какой-нибудь другой путь, ведущий в драконий зал.

Не знаю который день первого Дождевого года

Я озаглавливаю эту запись так, поскольку мы не знаем, сколько прошло времени. По мне, уже несколько лет. Я дрожу — то ли от холода, то ли от стараний остаться тем, кто я есть. Кем я была. В голове мутится, и я утону в этой мутной воде, стоит мне уступить. Но если мой отчет может хоть чем-то помочь другим, я должна собраться и привести мысли в порядок.

Когда мы поднимались по лестнице, свет в нижней комнате мигнул в последний раз и потух. Тремартин храбро поднял факел, но тот освещал лишь его голову и плечи. Никогда я еще не бывала в такой беспросветной тьме. Другой рукой Тремартин сжимал запястье Олпи и вел мальчика за собой. Следом шел Ретио с Карлмином на руках, следом Челлия с перепуганными девочками. Я замыкала шествие с охапкой факелов, обмотанных кусками разной материи. Ломка мебели привела Олпи в бешенство. Он накинулся на Ретио и стал его бить, пока тот не отвесил ему пощечину. Это ошеломило мальчика и ужаснуло его мать и сестер, но по крайней мере сделало Олпи послушным.

Лестница вывела нас в комнату для прислуги. Раньше аристократ в нижнем покое наверняка звонил в колокольчик, и слуги спешили на его зов. Там стояли деревянные лохани, вероятно, для стирки, и стол с принадлежностями для ши-

тья. За единственной дверью тянулся в обе стороны темный коридор.

Слышно было, как трещит горящий факел и капает вода. Тишина пугала меня — за ней чудились музыка и призрачное пение.

«Огонь горит ровно, — заметила Челлия. — Сквозняка нет».

Я об этом не подумала, но она, конечно, была права. «Значит, где-то тут есть дверь, — сказала я, сама сомневаясь в своих словах. — Надо найти ее».

«Куда идти-то? В какую сторону?» — спросил Тремартин. Я давно уже сбилась с дороги и потому промолчала, а Челлия сказала: «Вон туда. Мне кажется, мы пришли с той стороны. Может, увидим что-то знакомое, или свет снова зажжется».

Ничего лучшего я предложить не могла. У каждого из них был кто-то, за кого он держался, обороняясь от здешних призраков, я же несла только факелы. Мои друзья смутно маячили между мной и нашим слабым светильником. Если я поднимала глаза, этот свет слепил их. Опуская взгляд, я видела бесовскую пляску теней у себя под ногами. Сначала я слышала только наше неровное дыхание, шарканье наших ног по мокрому камню и треск факела. Потом мне стал мерещиться звон водяных капель, а однажды вдали что-то словно подалось или рухнуло.

И еще музыка. Разбавленная тишиной, словно чернила водой, заглушенная толстыми стенами и временем, она все-таки находила ко мне дорогу. Я, следуя совету мужчин, пыталась не обращать на нее внимания. Чтобы сохранить собственные мысли неприкосновенными, я замурлыкала старую джамелийскую колыбельную. «Кариллион!» — шикнула на меня Челлия. Лишь тогда я поняла, что напеваю мелодию, идущую из камня, и осеклась, прикусив губу.

«Дайте-ка мне другой факел, — сказал Тремартин. — Лучше зажечь новый, пока старый не догорел». Он, как оказалось, уже дважды просил меня об этом. Я подошла к нему со своей ношей. Сначала он выбрал две ножки стола, обмотанные шарфами, но эта ткань никак не желала загораться. Зато подушка, привязанная к ножке стула, загорелась сразу, дымя

и нещадно воняя. Быть разборчивыми нам не приходилось, и мы при свете двух факелов двинулись дальше. Когда старый догорел так, что стал жечь Тремартину пальцы, пришлось довольствоваться одной чадящей подушкой. Тьма подступала со всех сторон, голова болела от смрада. Я плелась, вспоминая, как цеплялся жесткий волос за мои огрубевшие пальцы, когда я набивала им подушку.

Ретио сильно потряс меня и сунул мне в руки Карлмина. «Понеси-ка сама своего сына», — сказал он, забирая у меня факелы. В его голосе не было упрека. Впереди я видела смутные очертания остальных и размытый красный огонь. Я вдруг остановилась, и не знаю, что могло бы случиться, если бы Ретио не хватился меня. Даже после его вмешательства мне казалось, что я не один человек, а два.

«Спасибо», — устыдившись, сказала я.

«Не за что. Не отставай только».

Карлмин, очень тяжелый, не давал мне отвлекаться. Вскоре я спустила его вниз и повела за руку, но для него так, думаю, было лучше. Теперь, когда призраки уже обманули меня один раз, я держалась настороже, но чьи-то сны, фантазии и голоса все равно забирались мне в голову. Голод и жажда уже давали знать о себе. Вода, струящаяся по стенам, отдавала горечью, но мы все-таки пили ее.

«Ненавижу этот город, — сказала я Карлмину. Его ручонка в моей совсем похолодела, точно камень отбирал у нас все тепло. — Он полон ловушек. Грязь ползет отовсюду, норовя утопить нас, а призраки крадут у нас ум».

Я говорила не столько с ним, сколько с самой собой и не ждала ответа, но мой мальчик медленно вымолвил: «Его строили не затем, чтобы он был темен и пуст».

«Возможно, но теперь он как раз таков. И призраки его строителей пытаются отнять у нас разум».

Не видя сына, я почувствовала, как он нахмурился.

«Нет. Они не призраки. Не воры».

«Кто же тогда?» — спросила я, больше для того, чтобы он продолжал говорить.

Некоторое время мы шли молча, слыша только свои шаги и дыхание. Потом Карлмин сказал: «Это не они делают. Это их искусство».

Искусство! Оно казалось мне чем-то далеким и бесполезным. Когда-то оно наполняло мое существование смыслом, теперь я видела в нем уловку для оправдания своей малозначительной жизни. Это слово вызывало во мне чуть ли не стыд.

«Искусство, — продолжал Карлмин совсем не так, как говорят дети его возраста. — Оно помогает нам узнать самих себя. Мы здесь решили сделать искусством повседневную жизнь горожан. Землетрясения с каждым годом усиливались, поднимая вихри золы и пыли. Мы закрылись от них, убрав наши города под землю, но знали, что со временем сама земля одолеет нас. Многие захотели уйти, и мы отпустили их. Никого не принуждали остаться. В наших городах, где когда-то кипела жизнь, осталось совсем мало душ. Земля на время затихла, и лишь редкие содрогания напоминали нам, что мы должны дорожить каждым дарованным днем и что каждый из них может стать последним. Но мы, оставшиеся, решили, что умрем здесь, где жили многие поколения наших предков. Решили, что отдельные наши жизни, какими бы долгими они ни были, завершатся — но наши города не умрут. Они будут жить и помнить о нас. Будут помнить... и вернут нас домой, когда кто-то разбудит оставленное нами эхо. Вот они мы, во всей своей сложности, со всеми нашими радостями и печалями...»

Карлмин умолк, и я, вся похолодев, промолвила: «Их магия призывает обратно призраки».

«Не магия. Искусство», — с заметным раздражением поправил Карлмин.

«Я все время слышу голоса, — признался вдруг Ретио. — Кто-то разговаривает со мной».

Я нашла в темноте его руку. «Я тоже слышу — но они, кажется, говорят по-джамелийски».

Весь наш маленький отряд, затаив дыхание, устремился на звук этих голосов. На стыке двух коридоров мы повернули направо, и голоса стали слышнее. Мы покричали, нам откликнулись. Товарищи по несчастью обрадовались дымно-

му красному свету нашего факела — свои они сожгли без остатка. Их было шестеро — четверо молодых людей и две женщины из нашей Компании. Напуганные до смерти, они, однако, не бросали узлы с добычей. Наша радость от встречи с ними очень быстро обратилась в отчаяние. Мы узнали, что путь к внешнему миру для нас отрезан. Они были в драконьем зале, когда наверху что-то грохнуло. Вслед за этим грохотом застонали балки, свет в зале начал мигать, и по парадной лестнице потекла жидкая грязь. Эти люди сразу помчались к выходу и увидели, что лестница завалена огромными глыбами камня и сверху просачивается жижа.

В драконьем зале, привлеченные грохотом обвала, собрались человек пятьдесят. Когда свет погас, все разошлись в разные стороны, ища другие ходы наверх. Даже в несчастье они подозревали друг друга в воровстве и опасались действовать заодно. Их глупость вызывала во мне отвращение, и я не преминула высказать это вслух. Они, к моему удивлению, покорно согласились со мной. Какое-то время мы все стояли во мраке, не зная, что делать дальше.

Видя, что все молчат, я спросила, стараясь говорить ровно: «Вы знаете дорогу в драконий зал?» Один человек сказал, что знает.

«Тогда пойдемте туда. Надо собрать всех, кого можно, и объединить наши знания о лабиринте. Это наша единственная надежда найти выход, пока факелы не догорели. Иначе мы будем блуждать здесь до самой смерти».

Ответом мне было угрюмое молчание — знак согласия, надо полагать. Молодой человек повел нас к площади с драконом. Проходя мимо разоренных комнат, мы собирали все, что способно гореть. Скоро нашим попутчикам пришлось бросить свое добро, чтобы нести дерево. Я подумала, что ради этого они расстанутся с нами, но они решили сложить все в одной из комнат и пометили дверь, изрыгая угрозы в адрес возможных воров. Глупцы! Я отдала бы все драгоценности этого города, чтобы снова увидеть дневной свет.

Наконец мы добрались до драконьего зала. Об этом нам сказало скорее эхо, чем то, что мы могли видеть при свете

факела. Там еще горел маленький костер, вокруг которого собралась кучка несчастных. Мы подбросили в огонь топлива, и это привлекло к нам других. Потом мы стали кричать, призывая всех, кто мог нас слышать. Вскоре наш костер осветил около тридцати измученных лиц. Испуганные, белые под грязью, они походили на маски. Многие все еще тащили узлы с добычей и смотрели на других с подозрением. Это было чуть ли не страшнее ползущей по лестнице грязи. Густая, тяжелая, она неумолимо сочилась вниз, и я знала, что место нашего сбора недолго будет служить нам убежищем.

Мы являли собой жалкое зрелище. Одни из нас были прежде лордами и леди, другие карманниками и шлюхами, но здесь мы наконец-то стали равны и поняли, что все мы — беспомощные люди, всецело друг от друга зависящие. Мы стояли под статуей дракона, и Ретио, взобравшись ему на хвост, сказал вдруг: «Тихо! Слушайте!»

Мы притихли, слушая, как трещит наш костер, как скрипит дерево и стонет камень, как падают капли в грязь. Это были страшные звуки, и я не понимала, зачем Ретио велел нам прислушаться к ним. Его голос, когда он заговорил, прозвучал отрадно, перекрыв стоны готовых обрушиться стен.

«Не время теперь думать о сокровищах и о ворах. Все, с чем мы можем надеяться выйти отсюда — это жизнь, а для этого нам надо собрать все, что мы знаем, чтобы не рыскать зря по коридорам, которые никуда не ведут. Все ли со мной согласны?»

После общего молчания какой-то мрачный бородач сказал: «Мы с компаньонами застолбили коридоры, идущие от западной арки. Уже несколько дней их обшариваем. Лестниц наверх там нет, и главный коридор заканчивается обвалом».

Эта была невеселая новость, но Ретио не стал задерживаться на ней.

«Ладно. Кто еще хочет сказать?»

Люди молча переминались с ноги на ногу, и голос Ретио посуровел.

«Кто все еще не хочет расстаться со своими секретами, может оставаться тут вместе с ними. Я хочу найти одно: выход. Известны кому-нибудь лестницы, ведущие наверх?»

«Есть две таких за восточной аркой, — неохотно подал голос кто-то из мужчин. — Да только там стена обвалилась... когда мы открыли дверь. Теперь уж к ним не пройти».

Молчание стало еще глубже, и нам показалось, что костер вот-вот догорит.

«Что ж, это упрощает дело, — невозмутимо продолжал Ретио. — Меньше придется искать. Нам нужны две большие поисковые партии. На первом перекрестке они расстанутся и на каждом другом будут делиться, помечая свой путь. Проверяйте все открытые комнаты, ищите лестницу, которая вела бы наверх — только так мы и сможем отсюда выйти. Назад вы сможете вернуться по своим пометкам. И помните, не пытайтесь открыть наглухо закрытые двери.

Мы должны заключить договор. Тот, кто найдет выход, обязуется вернуться сюда и вывести остальных. Те, кто останется здесь, в свою очередь обязуются поддерживать этот костер, чтобы неудачливые искатели могли прийти на его свет и попытаться еще раз. — Ретио оглядел обращенные к нему лица. — Для пущей уверенности каждый из нас оставит найденные им сокровища здесь. Тогда ушедшие непременно вернутся — если не ради других, попавших в беду, так ради них».

Я поняла замысел Ретио, но сама ни за что бы не рискнула подвергнуть этих людей такому испытанию. Груда оставленных сокровищ давала надежду хранителям огня и в то же время обеспечивала возвращение тех, кто уйдет на поиски. Тем, кто заявил, что возьмет сокровища с собой, Ретио ответил просто: «Берите, но подумайте над своим выбором. Те, кто здесь останется, вам ничем не будут обязаны. Если вы вернетесь и увидите, что костер погас и нас нет, не ждите, что мы за вами придем».

Трое тяжело навьюченных мужчин отошли в сторону и заспорили. Всех, кто только теперь нашел дорогу в драконий зал, наскоро уведомляли о договоре. Новоприбывшие, уже потерпевшие неудачу в поисках выхода, соглашались без промедления. Кто-то предположил, что оставшиеся наверху расчистят завал, но остальные встретили его слова молчанием. Все помнили, как глубоко под землей мы находимся и какая

толща отделяет нас от белого света. Больше мы об этом не говорили, и все в конце концов согласились с планом Ретио. После переклички выяснилось, что нас пятьдесят два человека — мужчин, женщин и детей.

Две поисковые партии ушли, забрав почти все наше топливо в качестве факелов. Перед их уходом мы все помолились, но сомневаюсь, чтобы Са слышал нас в этом подземелье, так далеко от священной Джамелии. Мы с сыном остались следить за огнем. По очереди с другими я отлучалась в ближние комнаты, чтобы раздобыть дров. Кладоискатели успели спалить почти все, но кое-что еще оставалось — от столов, которые мы могли поднять только ввосьмером, до полусгнивших стульев и занавесок.

У костра, кроме Карлмина и дочек Челлии, приютилось еще четверо детишек. Мы рассказывали им сказки и пели песни, чтобы отвлечь их от шепота призраков, все ближе подступавших к нашему огоньку, и тряслись над каждым поленцем, которое скармливали костру.

Дети, несмотря на наши усилия, замолкали один за другим и погружались в сны мертвого города. Я трясла и щипала Карлмина, но на более жестокие меры меня не хватало. Призраки осаждали и меня — их разговоры на неведомом языке становились для меня чуть ли не более понятны, чем полные отчаяния реплики других женщин. Я задремывала и просыпалась, когда угасающий огонь будил во мне сознание долга.

«Пожалуй, было бы милосерднее не выводить их из этого сна, — сказала одна из женщин, помогая мне тащить тяжелый стол. — Может быть, нам всем стоило бы пойти и прижаться к черной стене», — добавила она с горестным вздохом.

Эта мысль соблазняла больше, чем мне хотелось признать. Челлия, вернувшись после дровяной вылазки, заметила: «Мы переводим на факелы больше, чем приносим. Посижу немного с детьми. Посмотрим, может, тебе повезет больше моего».

Я взяла у нее сильно обгоревший факел и отправилась. Вернувшись с жалкой охапкой дерева, я нашла у костра часть одной из двух партий. Они быстро истощили свои возможности, сожгли свои факелы и пришли назад в надежде, что к другим удача будет добрее.

Вскоре, к моему разочарованию, подошли другие искатели, приведя с собой еще семнадцать человек, которых обнаружили в лабиринте. Эти семнадцать, «владельцы» своей части города, сказали, что верхние этажи над ними обвалились еще пару дней назад. Все известные пути вели только вниз. Дальнейшие розыски в той стороне требовали большого запаса факелов, которым мы не располагали.

Запас топлива для костра тоже таял, а голод и жажда донимали все больше. В скором времени нам грозила полная тьма. При мысли об этом у меня колотилось сердце, и я чувствовала, что близка к обмороку. Даже теперь я с трудом сопротивлялась здешнему «искусству» и знала, что во мраке быстро поддамся ему.

Не я одна сознавала это. По молчаливому уговору мы теперь поддерживали совсем маленький огонек. Грязь, стекающая по большой лестнице, пронизывала сыростью воздух. Люди жались друг к другу, ища тепла, как телесного, так и душевного. Я со страхом ждала первого прикосновения влаги к ногам. Что придет первым — тьма или медленный потоп?

Не знаю, сколько прошло времени до появления третьих искателей. Они нашли три лестницы наверх, но все оказались заваленными. В коридоре, по которому они шли, стояли мелкие лужи и сильно пахло сырой землей. Когда их факелы стали догорать, а вода поднялась до колен, они повернули назад. С ними были Ретио и Тремартин. Я испытала себялюбивую радость, увидев их снова, хотя теперь нам оставалось надеяться лишь на четвертый, последний, отряд.

Ретио хотел растолкать Карлмина, но я сказала: «Зачем? Чтобы он смотрел во тьму и отчаивался? Пусть себе грезит, Ретио. Ничего дурного он, похоже, не видит. Если я смогу снова вынести его на свет дня, я попытаюсь разбудить его и дозваться, если нет — пусть почивает с миром». Мы сидели рядом. Ретио обнимал меня, а я думала о Петрусе и своем бывшем муже Джатане. Хотя бы однажды он принял мудрое решение. Я испытывала к нему странную благодарность за то, что он забрал у меня одного сына, не дав погубить обоих. Я надеялась, что они с Петрусом благополучно доберутся до

моря и вернутся в Джамелию. Пусть хоть один из моих детей станет взрослым.

Так мы ждали, и наша надежда иссякала так же быстро, как и дрова. Мужчинам приходилось ходить за топливом все дальше и дальше. Наконец Ретио, повысив голос, сказал: «Либо они до сих пор ищут выход, либо нашли его и побоялись вернуться за нами. В любом случае здесь мы ничего уже не высидим. Пойдем по их меткам, пока у нас еще есть чем светить — а там или выйдем наверх, или вместе умрем».

Мы подобрали все оставшееся дерево до последней щепки, и самые глупые прихватили с собой сокровища. С ними не спорили и лишь горько подсмеивались над их жадностью. Ретио молча взял на руки Карлмина, и меня тронуло, что мой сын для него дороже сокровищ. Я совсем ослабела от голода и далеко бы мальчика не унесла. Тремартин тащил на плечах Олпи, обмякшего, как утопленник — да он и впрямь утонул в древней памяти этого города.

Пиэт, дочка Челлии, не поддалась сну и семенила рядом с матерью. Ликею взял молодой человек по имени Стеррен. Челлия плакала, не в силах выразить свою благодарность.

Так мы и тронулись в путь, с одним факелом в голове и другим в хвосте — чтобы никто не отстал, уступив соблазнам этого города. Я шла в середине, и мне казалось, что темнота трогает меня, ища слабое место. Мало что можно рассказать об этом походе. Мы не останавливались для отдыха, ибо наши факелы сгорали с внушающей тревогу скоростью. Было темно, сыро, и люди, изнуренные жаждой и голодом, тихо роптали во мраке. Я не видела ничего, кроме пятнышка света, за которым мы следовали. Деревяшки, которые я несла, мало-помалу передавались факелоносцам. Передавая последнюю, я заметила, что стены вокруг — из черного камня с серебряными прожилками. Их украшали силуэты людей, выполненные из какого-то блестящего металла. Из любопытства я протянула руку к одному из них, но Ретио, шедший рядом неведомо для меня, не дал мне дотронуться. «Не делай этого. Я попробовал один раз, нечаянно. Они прыгают тебе прямо в голову».

Мы шли по следам пропавшего отряда. Те ставили стрелки, отмечая крестами тупики, и мы не переставали надеяться. И вдруг, к нашему ужасу, мы догнали их.

Они сгрудились посреди коридора — факелы у них потухли, оставив их в полной тьме, и это лишило их возможности двигаться как вперед, так и назад. Одни из них к этому времени лишились чувств, другие проливали слезы при виде нашего факела и не отходили от него, точно свет был для них самой жизнью.

«Вы нашли выход?» — спрашивали они у нас, будто забыв, что сами его искали. Когда они поняли, что были нашей последней надеждой, все силы, казалось, покинули их. «Этот коридор тянется без конца, — сказали они, — но хода наверх нет нигде. В комнатах, куда мы сумели войти, нет окон. Мы думаем, что эта часть города всегда находилась под землей».

Жестокие слова. Чтобы не задумываться над ними, мы зашагали дальше. Мы миновали несколько перекрестков, каждый раз выбирая дорогу почти наугад. У нас не было больше факелов, чтобы исследовать каждый из коридоров. Выбор после недолгих споров делали идущие впереди мужчины, и мы подчинялись, спрашивая себя, не совершили ли мы роковой ошибки, не удаляемся ли от места, где могли бы выйти на свет и воздух? Мы отказались от факела в конце процессии — теперь ее замыкали люди, которые крепко держались за руки. Тем не менее наш запас сократился сначала до трех факелов, а потом до двух. Когда зажгли последний, какая-то женщина зарыдала в голос. Факел горел плохо, а может быть, нам это просто мерещилось из-за страха перед темнотой. Мы теснились, стараясь быть ближе к факелоносцу. Стены расступились, потолок ушел ввысь. Факел порой освещал проблески серебра на стенах, и они манили меня к себе. Мы так утомились, что не могли идти быстро — да и кто знал, ждет ли нас что-нибудь впереди, кроме смерти.

Призраки не давали мне покоя. Искушение перестать цепляться за свою ничтожную жизнь и отдаться манящим воспоминаниям делалось все сильнее. Обрывки музыки, разговоры, даже диковинные ароматы — все это окружало и

соблазняло меня. Не от этого ли всегда предостерегал меня Джатан — что мое искусство захлестнет меня с головой, если я не буду держаться за жизнь покрепче? Но противиться было так трудно — наваждение влекло меня, как попавшуюся на крючок рыбу. Оно знало, что я никуда не денусь, стоит лишь дождаться, когда станет темно.

Факел сгорал на каждом шагу, и каждый шаг вполне мог уводить нас в неверную сторону. Из коридора мы перешли в большой зал; я не видела больше черных блестящих стен, но чувствовала их зов. Мы прошли мимо сухого фонтана, окруженного каменными скамейками. Попытки найти средства для поддержания огня оказались тщетными. В этом месте древние строили на века — из камня, металла и обожженной глины. Я знала, что оно служит средоточием всего, чем они жили. Они верили, что будут жить всегда, управляя светом и струями фонтанов по своей воле. Я знала это столь же твердо, как собственное имя. Они, как и я, самонадеянно думали, что будут жить вечно в своем искусстве. Теперь оно было единственным, что осталось жить после них.

В тот миг я приняла решение. Оно предстало передо мной так ясно, что я усомнилась, принадлежит ли оно мне одной. Быть может, давно умершая художница потянула меня за рукав, прося выслушать и увидеть ее в последний раз перед тем, как мрак и тишина, поглотившие ее город, поглотят заодно и меня.

«Я хочу подойти к стене», — сказала я, тронув Ретио за руку. Он, к чести своей, понял меня сразу и спросил жалобно:

«Ты бросаешь меня? И маленького Карлмина тоже? Хочешь утонуть в снах и оставить меня умирать одного?»

Встав на цыпочки, я поцеловала его в заросшую щеку и коснулась губами пушистой головки сына.

«Не утону, — пообещала я. Все вдруг стало для меня очень просто. — Я умею держаться на плаву в этих водах. Я плаваю в них, как рыба, с самого рождения. Я двинусь вверх по течению, до самого истока, а вы все последуете за мной».

«Кариллион, я ничего не понимаю. Ты в своем уме?»

«В своем, но объяснить ничего не могу. Просто следуй за мной и доверься мне, как я доверилась тебе на ветке того дерева. Я буду шагать уверенно и не дам тебе упасть».

Вслед за этим я сделала самую скандальную вещь в своей жизни: задрала свои обтрепанные юбки и сорвала их с себя, оставшись в одних панталонах. Тряпки я сунула в руки потрясенного Ретио. Другие, обступив нас, шептались при виде такого представления.

«Поддерживайте факел вот этим. И ступайте за мной».

«Ты поведешь нас полуголая?» — в ужасе спросил он, как будто это могло что-то значить. Я улыбнулась помимо воли.

«Пока мои юбки горят, никто не осудит ту, что ими пожертвовала, а когда они перестанут гореть, нас покроет тьма, и призраки завладеют нами».

Сказав это, я отошла от него в окружавшую нас темноту. Ретио крикнул, приказывая факельщику остановиться; остальные говорили, что я обезумела. Я чувствовала себя так, будто вошла наконец в реку, манившую меня всю мою жизнь. Я шла к черной стене по доброй воле, открыв сердце и ум искусству древних — и когда я коснулась холодного камня, я уже двигалась в их толпе, слышала их разговоры, слышала торг и игру уличных музыкантов.

Рыночная площадь взревела и замельтешила вокруг, стоило мне приложить ладонь к камню. Я воспринимала свет, недоступный моим закрытым глазам, чувствовала, как пахнет речная рыба на чадящих жаровнях, видела шампуры с пропитанными медом фруктами на лотке торговца. На другом прилавке лежали глазированные ящерицы. Дети, играя в пятнашки, пробежали мимо меня. Одежды прохожих струились, меняя цвет на каждом шагу. И что за люди — достойные обитатели такого города! Некоторые из них вполне могли быть джамелийцами, но среди них встречались другие, высокие и тонкие, покрытые чешуей, как рыбы, или сверкающие, как бронза. Их глаза тоже сверкали — медью, серебром, золотом. Обыкновенные люди расступались перед ними — скорее радостно, чем оказывая почтение. Торговцы предлагали им лучшие свои товары, дети таращили глазенки, выглядывая из-за материнских штанин. Я была уверена, что вижу особ королевской крови.

С усилием оторвав глаза и мысли от этой картины, я напомнила себе, кто я есть и где нахожусь. Заставила себя вспом-

нить о Карлмине и Ретио и стала смотреть по сторонам уже сознательно. Небо, сказала я себе. Голубое небо. Деревья.

Ведя пальцами по стене, я стала продвигаться вперед.

Искусство — это погружение. Настоящее искусство — полное погружение. Ретио был прав: оно стремилось меня утопить. Но прав был и Карлмин: оно не содержало в себе угрозы. Я, как художник, причастный к подобной магии, не потеряла головы, даже когда течение стало сильнее.

Мне помогало все то же слово: небо. Я не знала, следуют за мной мои спутники или покинули меня, сочтя безумной. Ретио не покинул, думала я. Ретио идет за мной, неся на руках моего сына. Мгновением позже мне уже стало трудно вспомнить их имена. Таких имен и таких людей не было в городе, в котором я обитала.

В эти часы купля-продажа так и кипела вокруг. Краски, звуки и даже запахи манили меня задержаться, но Небо вело вперед.

Здесь не питали особой любви к внешнему миру. Они построили себе улей, большей частью подземный, теплый, светлый и чистый, недоступный для ветра, бурь и дождя. От природы они взяли лишь то, что им нравилось, сажали цветущие деревья и держали певчих птиц в клетках. По растущим в кадках кустам шмыгали блестящие ящерицы. Рыбы взлетали над фонтанами, но собаки не бегали по улицам, и птицы не летали над головой. Не допускалось ничего, что разводило бы грязь. Во всем соблюдался порядок, исключая поведение самих горожан, которые кричали, смеялись и свистели вовсю на своих чистеньких улицах.

Небо, говорила я им, но они меня, конечно, не слышали. Я уже начинала понимать жужжащие вокруг разговоры, но их темы не занимали меня. Что мне было за дело до политики королевы, жившей тысячу лет назад, до великосветских свадеб и заговоров, о которых все сплетничали? Небо, повторяла я, и нужные воспоминания стали понемногу поступать в мою память. Здесь жили и другие, посвятившие Небу всю жизнь. Над речными туманами высилась обсерватория, где ученые, мужчины и женщины, наблюдали звезды и их влия-

ние на судьбу смертных. Я сосредоточилась и скоро «вспомнила», где она стояла. Благодарение Са, это место находилось недалеко от рыночной площади.

Потом я остановилась. Глаза мои видели перед собой хорошо освещенную, гладкую дорогу, но руки натыкались на груду земли и камня, из-под которой сочилась вода. Мужчина, крикнув мне что-то в самое ухо, удержал меня, и моя другая жизнь смутно вспомнилась мне. Как странно было открыть глаза в темноте и почувствовать, как Ретио сжимает мои руки в своих. Другие люди вокруг плакали и бормотали, что пошли за сомнамбулой на верную смерть. Я не видела ровно ничего — тьма была полная. Сколько прошло времени, я не знала, но в горле так пересохло, что я закашлялась. Ретио не отпускал мою руку, и я поняла, что за нами, вот так же держась за руки, следуют вереницей доверившиеся мне люди.

«Не отчаивайтесь, — прохрипела я. — Я знаю дорогу. Идите за мной».

Позже Ретио сказал мне, что эти слова я произнесла на чужом языке, но сила, заключенная в них, потрясла его. Я закрыла глаза, и город вновь ожил. К обсерватории можно было пройти и по-другому. Я повернула обратно. Фонтаны дразнили меня воспоминанием о воде, от дразнящих запахов съестного сводило живот. Но моим словом было Небо; и я шла, хотя мне становилось все труднее передвигать ноги. В другом мире мой язык превратился в кусок сухой кожи, пустой желудок завязался в болезненный узел, но здесь я перемещалась вместе с городом, понимала его речь, обоняла знакомые запахи и помнила слова песен, которые пели на улицах менестрели. Искусство древнего города пронизывало меня насквозь, и я чувствовала, что это мой дом — такого глубокого чувства я никогда не испытывала в Джамелии.

Я нашла другую лестницу, ведущую к обсерватории — заднюю лестницу, предназначенную для слуг. По ней носили подушки и бокалы с вином для вельмож, желавших полюбоваться звездами. Я легко распахнула неприметную деревянную дверь. Позади сдавленно ахнули, и благодарственные возгласы заставили меня открыть глаза.

Сверху сочился слабый дневной свет. Деревянная винтовая лестница расшаталась, но я сочла, что ей можно довериться.

«Небо, — сказала я моим спутникам, ставя ногу на первую скрипучую ступеньку. Мне стоило труда вспомнить заветное слово и сказать его вслух. — Небо». И они снова пошли за мной.

По мере восхождения свет становился ярче, и мы щурились, как кроты. На верхней каменной площадке я улыбнулась, и пересохшим губам стало больно.

Толстые стеклянные окна обсерватории потрескались, и в них проникли ползучие побеги, бледные от недостатка солнца. За ними виднелся свет, неяркий, зеленоватый, но все-таки свет. По вьющимся побегам мы и выбрались на волю. Многие из нас плакали от изнеможения, взбираясь наверх, только слез ни у кого не было. Впавших в колдовской сон детей и взрослых передавали с рук на руки. Приняв в объятия спящего Карлмина, я подняла его к свету и свежему воздуху.

Нас ожидали дождевые цветы, точно посланные сюда милостью самого Са — достаточно, чтобы каждый мог промочить горло и немного прийти в себя. Ветер обдавал прохладой, и мы смеялись, поеживаясь на нем. Мы стояли на вершине бывшей обсерваторной башни, и я с любовью смотрела на землю, которую знала давным-давно. Прекрасная речная долина превратилась в болото, но она оставалась моей. Башню, некогда такую высокую, занесло землей, но замшелые остатки других зданий вокруг нее делали почву сухой и твердой. Этот клочок сухой земли занимал не более леффера, но после стольких месяцев на болоте представлялся целым поместьем. Оттуда, где мы стояли, открывался вид на медленно текущую реку. Солнечные лучи косо падали на ее меловые воды. Мой дом подвергся переменам, но не перестал быть моим.

Все, кто покинул драконий зал вместе со мной, вышли наверх целыми и невредимыми. Город поглотил нас, присвоил себе, а потом выпустил, измененных, в это благоприятное для нас место. Здесь земля тверже благодаря погребенному под ней городу. Рядом растут большие, развесистые деревья,

на которых мы сможем построить новый помост. Даже еды здесь, по меркам Дождевого леса, вполне хватает. На оплетающих деревья лианах зреют мясистые плоды — такие же я видела на лотках городских торговцев. Они обеспечат нас пропитанием. Пережить бы только эту ночь, а об остальном можно будет подумать и завтра.

Седьмой день Солнца и Воздуха первого Дождевого года

Целые шесть дней шли мы вниз по реке к нашему селению на болоте. Свет и воздух почти всех привели в чувство, хотя дети держатся более замкнуто, чем прежде. Думаю также, что не мне одной снятся живые, яркие сны о городской жизни. Теперь они меня только радуют. Здешний край сильно изменился со времен расцвета древнего народа. Тогда болота здесь не было, и река сверкала серебряной нитью. Но земля уже колебалась, отчего река временами делалась меловой и едкой. Теперь былые луга и пахотные земли заросли лесом, но я еще узнаю кое-какие приметы. Я знаю еще, какие деревья пригодны для обработки, из каких листьев получается бодрящий чай, из какого тростника вырабатываются бумага и ткань — и многое, многое другое. Выжить здесь можно. Эта жизнь не будет ни роскошной, ни легкой, но если мы используем все, что предлагает нам эта земля, то нужда нам не грозит.

В моей древесной деревне почти никого не осталось. После несчастья, приключившегося с нами в городе, многие подумали, что мы пропали навсегда, и ушли. Из сокровищ, нагроможденных на помосте, они взяли только малую часть. В числе немногих оставшихся — Марти с мужем и сыном. Она разрыдалась от радости, увидев меня.

На мой гнев по поводу того, что ее бросили здесь без помощи, она ответила, что помощь обещали вскоре прислать, чему она верила из-за оставленных здесь сокровищ.

Я тоже, неожиданно для себя, обрела здесь сокровище. Петрус в последний миг решил остаться. Джатан, каменное

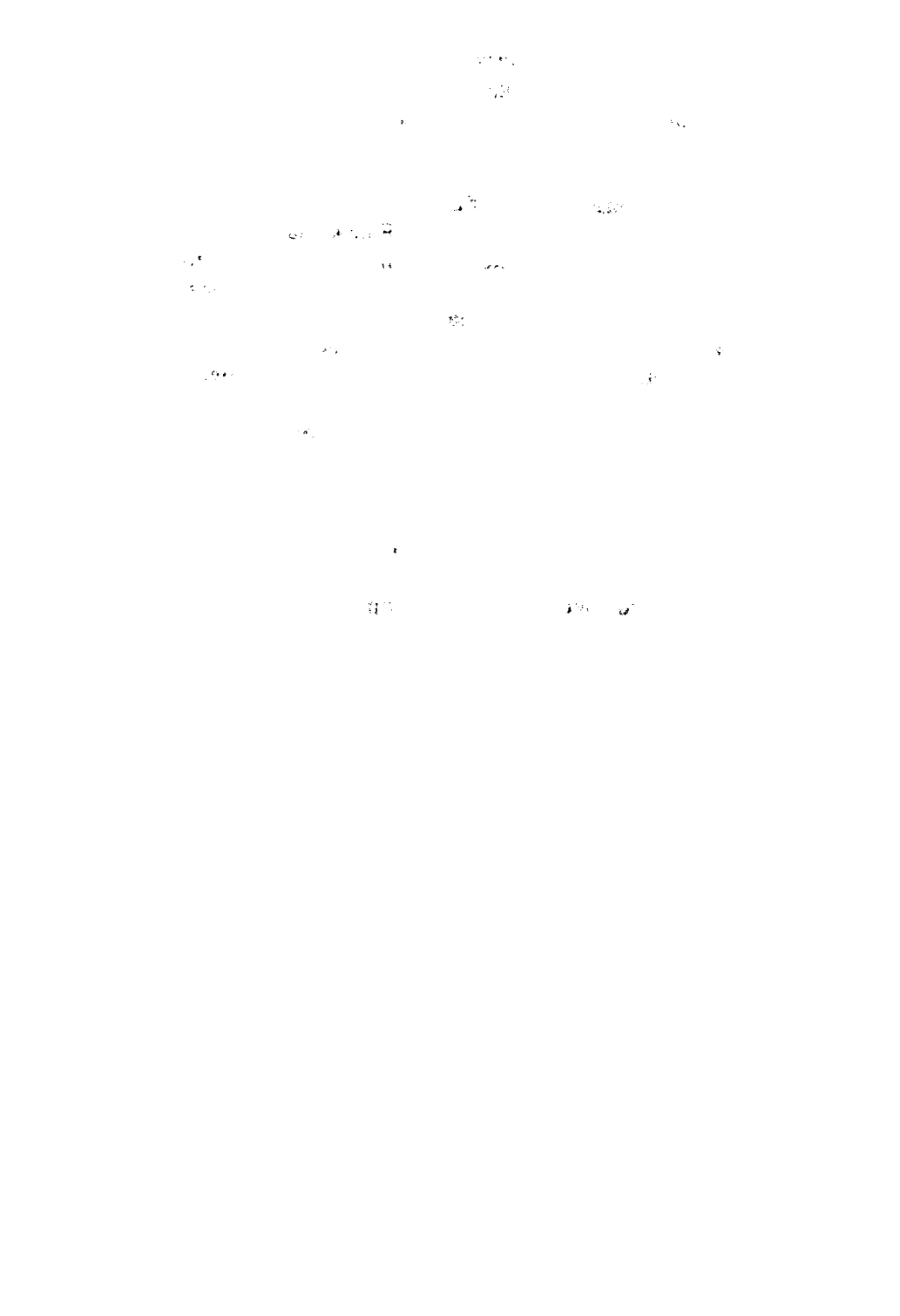
сердце, ушел без сына, когда тот заявил, что дождется своей матери. Хорошо, что мальчик ждал не напрасно.

То, что Марти с мужем тоже остались, поражало меня, пока она не положила мне на руки причину такого решения. Они сделали это ради ребенка. Здоровенький и подвижный, он весь покрыт чешуей, как змейка. В Джамелии его сочли бы уродцем, а в Дождевом лесу он у себя дома.

Как и все мы.

Перемена, произошедшая с Марти, думаю, потрясает меня не меньше, чем ее — перемена во мне. Я вижу на ее шее и запястьях, где она носила принесенные из города украшения, маленькие наросты. Ее завороженный взгляд я приписывала догадкам о том, как изменила память города мою душу, но все оказалось гораздо проще. Причина в перистой чешуе, выросшей у меня на веках и вокруг губ. Сама я за неимением зеркала не могу сказать, насколько она заметна. По словам Ретио, алые чешуйки вдоль моего хребта, отнюдь не вызывают в нем отвращения.

Наши дети тоже понемногу обрастают, и я, по правде говоря, не нахожу в этом ничего отталкивающего. Почти на всех, побывавших в городе, он оставил свой знак, будь то изменившийся взгляд, чешуя или блестящие бугорки на подбородке. Дождевой лес пометил нас и признал своими.

Джордж Р.Р. Мартин

ПЕСНЬ ЛЬДА И ОГНЯ

Игра престолов (1996)
Битва королей (1998)
Буря мечей (2000)
В настоящее время автор работает над романами
«Танец с драконами» и «Ветры зимы»

«Песнь льда и огня», задуманная как трилогия, ныне превратилась в цикл из шести книг. История, как сказал Дж. Р.Р. Толкин, разрастается по мере ее рассказывания.

Действие саги происходит на большом континенте Вестерос, в мире, и похожем, и не похожем на наш. Времена года там продолжаются несколько лет, а порой и десятилетий. Вестерос, с запада ограниченный морем, простирается от красных песков Дорна на юге до студеных просторов севера, где снег выпадает даже во время долгого лета.

Первыми известными обитателями континента были Дети Леса, маленький народец, вырезавший причудливые лики на белой коре чардрев. Затем с востока нагрянули Первые Люди, всадники с бронзовыми мечами. После войны, длившейся несколько веков, они заключили мир с коренными жителями и стали поклоняться их древним безымянным богам. Это перемирие знаменовало начало Века Героев, когда в Вестеросе то и дело возникали и рушились многочисленные мелкие королевства.

За этим последовало другое нашествие. Андалы переправились через Узкое море на кораблях, огнем и железом смели государства Первых Людей, согнали с родных земель Детей Леса, и много чардрев пало под их топорами. Они поклонялись богу в семи ликах, и символом их веры служила семиконечная звезда. Лишь на крайнем севере Первые Люди, возглавляемые Старками из Винтерфелла, сумели дать отпор захватчикам. На всех остальных землях победители-андалы создали свои государства. Дети Леса постепенно исчезли, а Первые Люди смешались с завоевателями.

© Перевод. Виленская Н.И., 2006

Несколько тысячелетий спустя явились ройнары, но не как завоеватели. Их многотысячные флотилии шли из-за моря, спасаясь от растущей мощи государства Валирия. Эта республика владела большей частью известного мира. Только ее правители, наделенные волшебной силой, умели выращивать драконов и подчинять их своей воле. Но за четыреста лет до начала действия саги на город Валирию обрушился Рок, за одну ночь превративший его в руины, и государство распалось.

Вестерос избежал последовавшего за этим распадом хаоса. Из сотен его королевств осталось всего лишь семь, но и они продержались недолго. Отпрыск погибшей Валирии по имени Эйегон Таргариен высадился в устье Черноводной с небольшим войском, двумя своими сестрами-женами и тремя драконами. Верхом на драконах Эйегон и его сестры выигрывали битву за битвой и подчинили себе шесть из семи королевств с помощью огня, меча и дипломатии. Из оплавленного оружия своих павших врагов завоеватель соорудил чудовищный Железный Трон, с которого стал править как Эйегон Первый, король андалов, ройнаров и Первых Людей, властелин Семи Королевств.

Династия, основанная Эйегоном и его сестрами, царствовала около трехсот лет. Дейерон Второй присоединил к государству последнее из королевств, Дорн, посредством брачного союза, а не войны, поскольку последний дракон уже полвека как умер. «Межевой рыцарь», опубликованный в первом сборнике «Легенд», относится к последним дням правления Дейерона Доброго, примерно за сто лет до начала «Песни льда и огня». В государстве тогда царил мир, и Таргариены находились в самом расцвете. В новелле рассказывается о приключениях оруженосца Дунка, о весьма загадочном мальчике по имени Эг и о большом Эшфордском турнире. Новелла «Присяжный рыцарь» возвращает нас к тем же героям около года спустя.

ПРИСЯЖНЫЙ РЫЦАРЬ

История Семи Королевств

В железной клетке на распутье дорог гнили под летним солнцем два мертвеца.

Эг остановился на них поглядеть.

— Как вы думаете, кто они, сир?

Его мул Мейстер, благодарный за передышку, принялся щипать сухую дьяволову траву у обочины, несмотря на то что был навьючен двумя громадными бочками с вином.

— Разбойники. — Дунк сидел верхом на Громе и потому был гораздо ближе к мертвецам. — Насильники и убийцы. — На его старом зеленом камзоле под мышками проступили темные круги. Солнце пылало на синем небе, и из Дунка с утра вышло несколько галлонов пота.

Эг снял широкополую соломенную шляпу, обнажив блестящую лысую голову, и стал отмахиваться от мух — сотни их ползали по трупам, а в безветренном воздухе висело и того больше.

— Наверное, они были большие злодеи, раз их посадили в воронью клетку.

Эг, бывавший порой мудрым как мейстер, оставался в сущности десятилетним мальчишкой.

— Лорды лордам рознь, — сказал Дунк. — Не всем нужна веская причина, чтобы предать человека смерти.

Клетка была рассчитана на одного человека, однако в нее втиснули двоих. Они стояли лицом к лицу, переплетя руки и

ноги, прижавшись спинами к горячим железным прутьям. Один из них перед смертью начал глодать плечо и шею другого. Над обоими успели потрудиться вороны. Когда Дунк и Эг появились у холма, птицы взмыли вверх черной тучей, напугав Мейстера.

— Кто бы они ни были, видно, что они голодали, — сказал Дунк, глядя на обтянутые зеленой кожей скелеты. — Может, украли хлеб или убили оленя в лесу какого-то лорда. — Засуха длилась второй год, и лорды стали весьма немилостивы к браконьерам, которых и прежде не очень-то жаловали.

— А может, они из разбойничьей шайки. — В Даске они слышали арфиста, певшего «Как вешали Черного Робина», и с тех пор благородные разбойники мерещились Эгу за каждым кустом.

Дунк встречал иногда разбойников, когда был оруженосцем у старого рыцаря, и не хотел бы встретиться с ними опять. Те, которых он знал, благородством не отличались. Один, которого помогал вешать сир Арлан, так любил перстни, что у мужчин отсекал заодно и пальцы, а у женщин откусывал. О нем, насколько знал Дунк, песен не складывали. Разбойники или браконьеры, разница небольшая, в компании мертвецов все равно невесело. Дунк медленно объехал клетку. Пустые глазницы казненных, казалось, следили за ним. У одного голова была опущена, а рот открыт, и Дунк заметил, что у него нет языка. Вороны, что ли, склевали? Дунк слышал, что воронье первым делом выклевывает глаза — может, язык идет следующим по порядку. А может, это лорд велел отрезать ему язык за дерзкие речи...

Дунк запустил пальцы в выгоревшие на солнце волосы. Мертвым уже ничем не поможешь, а вино в Оплот отвезти надо.

— Откуда мы ехали-то? — спросил он, оглядывая дорогу. — Что-то я закружился.

— Оплот вон там, сир, — показал Эг.

— Ну так поехали. К вечеру доберемся, если не будем торчать тут да мух считать. — Он тронул Грома каблуками и повернул большого коня на левую дорогу. Эг опять нахлобучил

шляпу и потянул Мейстера за повод. Мул в кои-то веки подчинился без споров. Ему тоже жарко, подумал Дунк, да и бочки весят будь здоров.

Дорога от солнца стала твердой, что твой кирпич. В колее конь мог запросто сломать ногу, и Дунк держался посередине. Он сам вывихнул себе лодыжку, когда они уезжали из Даска — ночью было прохладнее, и он шел пешком. Рыцарь должен учиться терпеть боль, говорил ему сир Арлан. «Да, парень, сломанные кости и шрамы — такая же часть рыцарства, как мечи и щиты. А вот если Гром сломает ногу, то без коня и рыцаря нет».

Эг вместе с Мейстером плелся следом, ступая одной босой ногой в колею, а другой на середину. Из-за этого он на каждом шагу то поднимался, то опускался. На бедре у него висел кинжал, за спиной — сапоги, старый бурый камзол он подобрал и завязал вокруг пояса. На измазанном лице под полями соломенной шляпы темнели большие глаза. Ему десять, и росту в нем меньше пяти футов. В последнее время Эг стал быстро расти, но Дунка он догонит еще не скоро. С виду он вылитый конюшонок — нипочем не догадаешься, кто он на самом деле.

Клетка с мертвецами уже скрылась позади, но Дунк не мог перестать думать о них. Много разбойников развелось в королевстве. Засухе конца не видно, и простые люди тысячами снимаются с мест в поисках заветных земель, где идут дожди. Лорд Красный Ворон повелел им всем вернуться назад, к своим господам, да только его мало кто послушался. Многие говорят, что они-то и накликали засуху, Красный Ворон и король Эйерис. Это кара богов, ибо тот, кто проливает родную кровь, проклят. Кто поумней, тот, понятно, вслух такого не скажет. «Сколько глаз у лорда Красного Ворона?» — спрашивается в загадке, которую слышал Дунк в Староместе. «Тысяча и еще один».

Шесть лет назад в Королевской Гавани Дунк видел его собственными глазами: тот ехал на сивом коне по Стальной улице, а следом — полусотня Вороньих Зубов. Это было еще до того, как король Эйерис взошел на Железный Трон и сделал

его десницей, но лорд и тогда притягивал взоры, весь в черном и алом, с Темной Сестрой на боку, сам бледный, волосы белые — живой мертвец, да и только. На щеке у него родимое пятно винного цвета — оно будто бы напоминает ворона, только Дунк ничего такого не разглядел, пятно и пятно. Мальчуган пялился так, что королевский чародей это почувствовал и повернулся к нему. Глаз у него один, и тот красный, второй у него отнял Жгучий Клинок на Багряном Поле, но Дунку показалось, что оба глаза целы и смотрят ему в самую душу.

Он содрогнулся от этого воспоминания, несмотря на жару, и Эг сзади спросил:

— Вам нехорошо, сир?

— Нет, ничего. Только жарко и пить охота, прямо как им. — На поле у дороги сохли рядами дыни. Козья и дьяволова трава по краям еще цеплялась за жизнь, но урожаю приходилось куда как плохо. Дунк знал, каково этим дыням. Сир Арлан говаривал, что межевой рыцарь не будет страдать от жажды, покуда при нем есть шлем, в который можно набрать дождевой воды. «Небесная влага — лучший на свете напиток, парень». Старик за всю свою жизнь ни разу не видел такого лета. Свой шлем Дунк оставил в Оплоте. В нем было бы слишком жарко и тяжело, а дождя, чтобы подставить под него этот сосуд, явно не ожидалось. Что делать межевому рыцарю, когда даже зелень на межах высохла и скукожилась?

Авось хоть в ручье можно будет искупаться. Дунк улыбнулся, воображая, как прыгнет прямо туда и растянется в мелкой воде, намочив волосы и камзол. Эгу, наверно, тоже захочется, хотя ему вроде бы и не жарко — он порядком запылился, но ничуть не вспотел. Он почти никогда не потеет и любит зной. В Дорне он бегал полуголый и загорел, как дорниец. Это все его драконова кровь. Слыханное ли дело — потный дракон? Дунк сам охотно снял бы камзол, но этого делать не подобало. Межевой рыцарь может хоть голый разъезжать, этим он никого не посрамит, кроме себя самого. Присяжный рыцарь — иное дело. «Если ты ешь мясо за столом лорда и пьешь его мед, — говаривал сир Арлан, — все твои поступки

сказываются на нем. Всегда делай больше того, что от тебя ожидают, и никогда — меньше. Никогда не увиливай от трудных задач, а в первую голову — не позорь лорда, которому служишь». «Мясо и мед» в Оплоте означали курятину и эль, но сир Юстас ел и пил то же самое.

Поэтому Дунк продолжал париться в камзоле.

Сир Беннис Бурый Щит ждал их у старого дощатого моста.

— А, вернулся все-таки. Долго тебя не было — я уж думал, ты сбежал и стариково серебро прихватил. — Беннис сидел на своем косматом коньке и жевал кислолист, отчего казалось, что рот у него полон крови.

— За вином пришлось ехать в Даск. На Малый Даск налетели кракены*, увезли все добро и женщин, а что не взяли, то пожгли.

— Дагон Грейджой так и напрашивается, чтоб его вздернули — да только кому это по зубам? Видел ты старого Пейта Щипозада?

— Говорят, убили его, когда он вступился за свою дочку.

— Семь преисподних, — сплюнул Деннис. — Видал я эту дочку — было бы за что помирать. Он мне полсеребреника остался должен. — Бурый рыцарь выглядел точно так же, как в день их отъезда, а пахло от него еще хуже. Свои бурые бриджи, мешковатый грубошерстный камзол и сапоги он не снимал и не менял никогда. Еще один бурый камзол, верхний, он надевал, когда облачался в заржавленную кольчугу. Меч у него висел на поясе из вареной кожи, покрытое рубцами лицо казалось сделанным из того же материала. Ни дать ни взять сморщенная дыня, которые они видели по дороге. Даже зубы под красными пятнами от кислолиста были бурые. Среди этого бурого однообразия выделялись глаза — светло-зеленые, косые, близко посаженные и злобные. — Всего-то две бочки, — заметил он. — Сир Никудышный просил четыре.

* Кракен — гигантский кальмар. У Мартина «кракенами» называют жителей Железных островов, промышляющих набегами с моря. — *Примеч. пер.*

— Хорошо, что хоть две-то нашлись. Засуха добралась и до Бора. Говорят, виноград там превращается в изюм прямо на корню, да еще островитяне разбойничают...

— Сир, а воды-то нет, — вмешался Эг.

Дунк, занятый разговором с Беннисом, этого не заметил. Под щелястым настилом виднелись только песок и камни. Странное дело. Вода в ручье стояла низко, когда они уезжали, однако была.

Беннис рассмеялся. Смех у него был двух видов — иногда он кудахтал, как курица, а иногда реготал громче Эгова мула. Сейчас он кудахтал.

— Высохла, пока вы ездили, не иначе. Засуха, что поделаешь.

Вот тебе и выкупался, мрачно подумал Дунк и слез с коня. Что ж с урожаем-то будет? Половина колодцев на Просторе пересохла, а реки обмелели, даже Черноводная и могучий Мандер.

— Паскудное пойло, вода, — сказал Беннис. — Я раз напился, и меня вывернуло. Вино лучше.

— Только не для овса, ячменя, морковки и лука с капустой. Даже виноградникам нужна вода. Как это ручей пересох так быстро? Нас всего шесть дней не было.

— Он и так еле-еле сочился, Дунк. Я в свое время пускал ручьи побольше этого.

— Я вам не Дунк — сколько раз повторять? Меня зовут сир Дункан Высокий. — Да что попусту слова тратить. Такого сквернослова и насмешника еще свет не видывал.

— Это кто же тебя так зовет? Твой лысый щенок? — опять закудахтал Беннис. — Ты, конечно, подрос с тех пор, как ездил с Пеннитри, но для меня ты все тот же Дунк.

Дунк почесал в затылке, глядя на пересохшее русло.

— Что ж теперь делать?

— Вези вино домой и скажи сиру Никудышному, что его ручей высох. В колодце вода еще есть, так что от жажды он не помрет.

— Не называйте его Никудышным. — Дунк любил старого рыцаря. — Вы живете под его кровом, так проявляйте к нему хоть немного уважения.

— У тебя уважения хватит на нас обоих, а я зову его, как хочу.

Серовато-белесые доски заскрипели, когда Дунк ступил на мост. Среди камней кое-где остались лужицы не больше его ладони.

— Вон дохлая рыба валяется, видишь? — Запах напомнил ему о мертвецах в клетке.

— Вижу, сир, — сказал Эг.

Дунк спрыгнул вниз, присел и перевернул один из камней. Сухой и горячий сверху, илистый и мокрый снизу.

— Вода совсем недавно ушла, это видно. — Дунк кинул камень на берег, и тот сшиб нависшую над обрывом грудку сухой земли. — На берегу земля потрескалась, а посередке мягкий ил. И рыба еще вчера жива была.

— Дунк-чурбан — так, помнится, Пеннитри тебя называл. — Беннис сплюнул на камни красным кислолистом. — Чурбанам думать не надо, их головы для этого не годятся.

У сира Арлана это прозвище звучало ласково — он оставался добрым, даже когда ругался. Сир Беннис произносил его совсем по-другому.

— Сир Арлан уже два года как умер, — сказал Дунк, — а меня зовут сир Дункан Высокий. — Ему очень хотел заехать Беннису кулаком в челюсть и выбить его красно-бурые зубы. Беннис, может, и горазд драться, но Дунк на полтора фута выше его и на четыре стоуна тяжелее. Хоть и чурбан, да большой. Он успел стукнуться головой о половину всех притолок Вестероса и о стропила каждой гостиницы от Дорна до Перешейка. Брат Эга Эйемон измерил его рост в Староместе — тогда, полгода назад, Дунку недоставало одного дюйма до семи футов, а с тех пор он еще больше подрос. Расти — это единственное, что ему хорошо удается, как говорил старый сир Арлан.

— Отвези вино в Оплот, Эг, — сказал он, снова садясь на Грома. — Я погляжу, что такое стряслось с этим ручьем.

— Ручьи то и дело пересыхают, — упорствовал Беннис.

— Я просто хочу поглядеть.

— Камни переворачивать опасно, Дунк — кто знает, что из-под них выползет? В Оплоте у нас славные соломенные

тюфяки, куры несутся исправно, и делать особенно нечего — знай себе слушай, каким крутым был сир Никудышный в молодости. Говорю тебе, оставь это. Высох ручей, и все тут.

Чего-чего, а упрямства Дунку было не занимать.

— Сир Юстас заждался вина, — сказал он Эгу. — Скажи ему, куда я поехал.

— Скажу, сир. — Мальчик потянул за собой Мейстера. Мул запрядал ушами, но понукать его опять-таки не пришлось. Хочет, чтобы с него скорее сгрузили бочки — оно и понятно.

Ручей, когда в нем была вода, тек на северо-запад, поэтому Дунк повернул Грома на юго-восток. Через каких-нибудь дюжину ярдов его догнал Беннис.

— Пригляжу, чтоб тебя не вздернули. — Он запихнул в рот новую порцию жвачки. — За теми ракитами на правом берегу начинается паучья земля.

— Я буду держаться нашего. — Дунк не хотел неприятностей с хозяйкой Холодного Рва. В Оплоте он наслушался о ней всякого. Ее прозвали Горячей Вдовой — она уже не одного мужа свела в могилу. Старый Сэм Ступс ругал ее и ведьмой, и отравительницей, и другими словами, почище этих. Два года назад она послала своих рыцарей за ручей схватить человека Осгри, который воровал у нее овец. «А когда милорд поехал требовать его назад, ему посоветовали поискать его во рву, — рассказывал Сэм. — Она зашила беднягу Дейка в мешок с камнями и утопила. После этого сир Юстас и взял на службу Бенниса, чтоб пауков отгонять».

Гром шел ровным шагом под синим небесным сводом, где не было видно ни облачка. Русло вилось между каменистыми, поросшими ивняком пригорками, через поля с пожухлыми колосьями. В часе езды от моста стоял принадлежащий дому Осгри лесок под названием Уотов лес. Издали он представлялся заманчивым, вызывая у Дунка мечты о свежей зелени и прохладной тени, вблизи оказался чахлым и подсохшим. С больших дубов падали листья, половина сосен побурела на манер сира Бенниса, и под ними лежала опавшая хвоя. Плохо дело, подумал Дунк. Одна искра — и все это заполыхает что твой костер.

Вдоль Шахматного ручья, однако, стеной росли молодые ивы, крапива и ежевика. Двое рыцарей, чтобы не продираться сквозь эту чащу, перешли через русло на сторону Холодного Рва, где лес вырубили под пастбище. Среди бурой травы с увядшими полевыми цветами бродили черноносые овцы.

— Нет глупее скотины, чем овцы, — промолвил Беннис. — Они тебе, часом, не родня? — Дунк не ответил, и он снова засмеялся, будто закудахтал.

Еще через пол-лиги они увидели плотину — небольшую, но крепкую с виду.

Ручей перегородили двумя палисадами из древесных стволов, не потрудившись снять с них кору, а в промежутке накидали камней и плотно утрамбовали землю. За плотиной ручей стекал в канаву, ведущую на поля леди Веббер. Дунк привстал на стременах, чтобы лучше видеть. На солнце сверкала целая сеть более мелких канавок — они разбегались во все стороны, как паутина. «Воду нашу воруют!» Дунк вознегодовал, особенно когда сообразил, что деревья для запруды взяты явно из Уотова леса.

— Ну что, чурбан, поглядел? — спросил Беннис. — Нет бы остаться при том, что ручей высох. Началось с воды, а кончится кровью — моей и твоей, по всему видать. — Бурый рыцарь обнажил меч. — Ну что ж, делать нечего. Вон они, землекопы проклятые. Надо их постращать. — Он пришпорил свою лошадку и поскакал по траве.

Дунку ничего не оставалось, как последовать за ним. На поясе у него висел длинный меч сира Арлана, славный клинок. Если у этих людишек есть хоть капля ума, они разбегутся, думал он. Из-под копыт Грома били фонтаны сухой земли.

Один землекоп бросил заступ, увидев скачущих рыцарей, но этим дело и ограничилось. Они стояли в ряд, десятка два человек — высокие и низенькие, молодые и старые, все загоревшие дочерна, с лопатами и кирками в руках. Беннис сдержал коня.

— Это земля Холодного Рва, — крикнул кто-то из рабочих.

— А это вода Осгри. — Беннис показал мечом в сторону ручья. — Кто поставил эту паршивую дамбу?

— Мейстер Серрик, — сказал молодой землекоп.

— Он только указывал — делайте то да делайте это, — поправил его старик, — а строили мы.

— Вы строили, вы и разбирайте.

Землекопы смотрели молча, с угрюмым вызовом. Один утер потный лоб.

— Да вы никак оглохли, — проворчал Беннис. — Может, мне пару ушей отрубить? Кому первому?

— Это земля Вебберов, — упрямо повторил старик, тощий и сгорбленный. — Нет у вас права тут находиться. А вздумаете нам уши рубить, миледи вас живо в мешок и на дно.

Беннис подъехал поближе.

— Я тут никаких леди не вижу, только наглое мужичье. — Он ткнул мечом в голую коричневую грудь старика, и на ней проступила кровь.

— Уберите меч, — вмешался Дунк, решив, что Беннис заходит слишком далеко. — Это не они придумали, им мейстер велел.

— Это для урожая, сир, — подтвердил другой крестьянин. — Пшеница у нас сохнет и груши.

— Либо груши погибнут, либо вы.

— А вы нас не пугайте, — снова подал голос старик.

— Не пугайте? — Меч Бенниса, свистнув, раскроил старику лицо. — Я сказал — либо груши, либо вы.

Напрасно он так. Дунк, видя, как хлещет из раны кровь, сдержал свою ярость — ведь они с Беннисом действовали заодно.

— Уходите, — крикнул он землекопам. — Возвращайтесь в замок своей госпожи.

— Бегом! — добавил сир Беннис.

Трое побросали свои орудия и побежали, но один кряжистый парень покрепче перехватил кирку и сказал:

— Их всего двое.

— Лопаты против мечей — глупая затея, Йорген, — произнес старик, зажимая рану. — Погоди. Дело этим не кончится.

— Еще слово, и конец придет тебе, — посулил Беннис.

— Мы никому не хотим зла, — сказал старику Дунк. — Нам нужна только вода, больше ничего. Скажи об этом своей госпоже.

— Скажем, — заверил задиристый парень с киркой. — Все как есть скажем.

Домой они ехали напрямик, через Уотов лес, радуясь скудной тени, которую еще давали деревья. И все равно они изжарились. В лесу предположительно водились олени, но единственной живностью, которая встречалась им, были мухи. Они жужжали вокруг головы Дунка, лезли Грому в глаза и раздражали коня невыносимо. Неподвижный воздух действовал удушающе. В Дорне дни тоже жаркие, зато ночи холодные — Дунк там кутался в плащ и все равно трясся. А на Просторе, даже здесь, ближе к северу, ночи ненамного прохладнее дней.

Пригибаясь под ветками, Дунк сорвал листок, и тот рассыпался у него в руке, как тысячелетний пергамент.

— Не надо было рубить того человека мечом, — сказал он Беннису.

— Подумаешь, пощекотал малость. Это научит его следить за своим языком. Я бы глотку ему перерезал, но тогда остальные разбежались бы, точно кролики, и пришлось бы за ними гоняться.

— Неужто вы их всех убили бы? Двадцать человек? — недоверчиво спросил Дунк.

— Двадцать двух. На два больше, чем пальцев у тебя на руках и ногах. Пришлось бы убить, чтоб не трепали потом языками. — Всадники объехали бурелом. — Давай скажем сиру Никудышному, что его занюханный ручеек доконала засуха.

— Вы хотите солгать сиру Юстасу?

— А почему бы и нет? Кто ему правду-то скажет — мухи? — Беннис ощерил свои мокрые красные зубы. — Никудышник не вылазит из своей башни — разве что к мальчикам в ежевику.

— Присяжный рыцарь должен говорить правду своему господину.

— Правда правде рознь, чурбан. Иногда от нее один вред. Засуху насылают боги, а против богов человек ни хрена не может. Горячая Вдова — иная статья. Если сказать Никудышнику, что воду у него отвела эта сука, он сочтет долгом чести вернуть покражу назад. Вот увидишь. Он этого так не оставит.

— Так и следует. Нашим крестьянам без воды смерть.

— Нашим? — На этот раз Беннис заржал, а не закудахтал. — Может, я по нужде отлучился, когда сир Никудышный сделал тебя своим наследником? И сколько же у тебя крестьян? С десяток, считая полоумного сынка Косой Джейны, который не знает, каким концом топор держать? Сделай их всех рыцарями, и у нас будет вполовину меньше, чем у вдовы. Это помимо ее оруженосцев, лучников и прочих. Всех твоих пальцев не хватит, чтоб их перечесть — придется кликнуть лысую башку на подмогу.

— Мне не обязательно по пальцам считать. — Дунку все опротивело: жара, мухи и общество бурого рыцаря. Беннис когда-то служил вместе с сиром Арланом, но это было давным-давно. С тех пор он стал низким человеком, лжецом и трусом. Дунк послал коня рысью и уехал вперед, подальше от Бенниса и его запаха.

Оплот назывался замком только из вежливости. Он гордо высился на скалистом холме и виден был за много лиг, но весь состоял из одной-единственной башни. Пару веков назад она частично обрушилась и была восстановлена. Серый верх с севера и запада резко отличался от старого черного низа. Тогда же на кровле, опять-таки с северной и западной сторон, поставили стрельчатые вышки. Каменные надстройки в двух других углах так пострадали от непогоды, что трудно было определить, как они выглядели первоначально. Плоская крыша из сосновой дранки покоробилась и протекала.

От подножья холма к башне вела тропка, до того узкая, что ехать приходилось гуськом. Дунк поднимался первым. Вверху на скальном выступе стоял в своей потрепанной шляпе Эг.

К башне притулилась глинобитная конюшня, вся заросшая красновато-лиловым мхом. В одном из денников, рядом с Мейстером, стоял серый мерин старого рыцаря. Бочки Эг с Сэмом Ступсом, видимо, закатили в дом. По двору бегали куры.

— Ну как, выяснили, что случилось с ручьем? — спросил Эг.

— Горячая Вдова его запрудила. — Дунк спешился и вручил поводья Эгу. — Не давай ему много пить сразу.

— Да, сир, я знаю.

— Моего коня тоже возьми, парень, — распорядился Беннис.

— Я у вас не служу, — нахально ответил Эг.

Ох, не доведет его язык до добра, подумал Дунк.

— Возьми у него коня, не то в ухо получишь.

Эг надулся, однако послушался. Как только он взялся за повод, смачный красный плевок Бенниса шмякнулся ему прямо на босую ступню.

— Вы плюнули мне на ногу, сир, — ледяным тоном заметил мальчик.

— Угу. А в другой раз в рожу плюну, — посулил Беннис, слезая с коня. — Посмей только опять надерзить мне.

Дунк видел, как зол мальчуган, и боялся, как бы дело не обернулось к худшему.

— Займись лошадьми, Эг, — сказал он. — Нам надо поговорить с сиром Юстасом.

Единственным входом в Оплот служила дубовая с железом дверь в двадцати футах над ними. Нижние ступени из гладкого черного камня до того истерлись посередине, что больше походили на чаши. Выше их сменяла крутая деревянная лесенка, которую в случае нападения поднимали, как мост. Дунк шагал через две ступеньки, распугивая кур.

Оплот был больше, чем казался с виду. Его глубокие подвалы и склепы занимали добрую часть холма, на котором торчала четырехэтажная башня. На двух ее верхних ярусах имелись балконы и окна, на нижних — только амбразуры. Внутри было прохладнее, но так темно, что глаза у Дунка не сразу

привыкли. Жена Сэма Ступса, стоя на коленях у очага, выгребала золу.

— Сир Юстас внизу или наверху? — спросил ее Дунк.

— Наверху, сир. — Старуха так горбилась, что голова у нее сидела ниже плеч. — Он только что ходил навестить мальчиков в ежевике.

«Мальчики» были сыновья Юстаса Осгри — Эдвин, Гарольд и Аддам. Эдвин и Гарольд были рыцарями, Аддам — оруженосцем. Все они пали на Багряном Поле пятнадцать лет назад, в конце мятежа Черного Пламени. «Они умерли славной смертью, сражаясь за своего короля, — сказал Дунку сир Юстас, — а я привез их домой и похоронил в ежевике». Жена старого рыцаря тоже лежала там. Вскрывая новую бочку вина, старик всякий раз спускался с холма, чтобы помянуть своих мальчиков. «За нашего короля!» — произносил он, поднимая чашу, и пил.

Спальня сира Юстаса занимала четвертый этаж башни; горница помещалась под ней. Старик обыкновенно сидел там, роясь в своих сундуках. На толстых стенах из серого камня висело заржавленное оружие, знамена поверженных врагов, трофеи времен давнишних сражений, о которых не помнил больше никто, кроме сира Юстаса. Знамена, некогда яркие, покрылись плесенью, выцвели, запылились и все как одно казались зеленовато-серыми.

Сир Юстас, счищавший грязь с разрубленного щита, просветлел при виде Дунка.

— А, мой добрый великан — и храбрый сир Беннис. Взгляните-ка — я нашел его на дне вот этого сундука. Настоящее сокровище, хотя и заброшенное.

От щита, серого и щербатого, осталось чуть больше половины. Железный обод проржавел, дерево усеивали червоточины. На нем еще остались чешуйки краски, но слишком мало, чтобы распознать герб.

— Что это за щит, милорд? — спросил Дунк. Осгри уже несколько веков перестали быть лордами, но сиру Юстасу нравилось, когда его так называли — это напоминало ему о былой славе его дома.

— Он принадлежал Маленькому Льву. — Рыцарь стер немного ржавчины с обода. — Сир Уилберт Осгри имел его при себе, когда пал в бою. Вы, конечно, знаете эту историю...

— Нет, милорд, — сказал Беннис, — не знаем. Маленький лев, вы сказали? Он что ж, карлик был?

— Разумеется, нет. — Усы старика возмущенно дрогнули. — Сир Уилберт был высокий, могучий муж и великий рыцарь. Это прозвище ему дали в детстве, как младшему из пяти братьев. В его времена семь королей еще сидели на своих престолах, и Хайгарден часто воевал со Скалой. Тогда нами правили зеленые короли, Садовники. В них текла кровь Гарта Зеленой Руки, и зеленая рука изображалась у них в гербе на белом поле. Жиль Третий повел свои знамена на восток, на войну со Штормовым Королем, и все братья Уилберта пошли вместе с ним: в те времена шахматный лев всегда развевался рядом с зеленой рукой, когда Король Простора выступал на битву.

Король Скалы, однако, усмотрел в этом удобный случай, чтобы оторвать кусок от Простора, и налетел на нас со своим войском. Осгри были хранителями Северных Марок, и встретить врага выпало Маленькому Льву. Ланнистеров вел четвертый король Лансель — а может, и пятый. Сир Уилберт заступил ему дорогу и сказал: «Ни шагу дальше. Я запрещаю вам ступать на землю Простора». Но Ланнистер послал свои знамена вперед.

Полдня они бились, золотой лев и шахматный. Ланнистер был вооружен валирийским мечом, с которым обычная сталь не сравнится: видите, как пострадал от него щит Маленького Льва. В конце концов, истекая кровью от дюжины ран, со сломанным клинком в руке, Уилберт бросился на врага очертя голову. Король Лансель разрубил его чуть ли не пополам, как поется в песнях, но Маленький Лев, умирая, успел вонзить свой кинжал королю под мышку, на стыке его доспехов. Западные воины, когда погиб их король, отступили, и Простор был спасен. — Старик погладил разбитый щит нежно, словно ребенка.

— Да, милорд, — проскрипел Беннис, — нынче бы нам такой воин в самый раз пригодился. Мы с Дунком побывали

у вашего ручья. Сух, как старый скелет, и не засуха тому причиной.

Старик отложил щит и пригласил своих рыцарей сесть.

— Рассказывайте. — Он слушал Бенниса молча, вздернув подбородок и развернув плечи, прямой, как копье.

В молодости сир Юстас Осгри был, наверное, образцом рыцаря — высокий, сильный, красивый. Время и горе сделали свое дело, но он оставался по-прежнему широким в плечах и груди, с резкими, как у орла, чертами. Коротко остриженные волосы побелели, как молоко, однако усы сохраняли пепельно-серый цвет. Чуть более светлые, полные печали глаза прятались под такими же серыми бровями.

Они стали еще печальнее, когда Беннис заговорил о плотине.

— Этот ручей зовется Шахматным уже тысячу лет, а то и больше, — сказал старый рыцарь. — Мальчишкой я в нем ловил рыбу, и мои сыновья тоже. Алисанна любила плескаться в нем в такие вот жаркие дни. — Алисанной звали дочь старика, умершую по весне. — На берегу Шахматного ручья я впервые поцеловал девушку — мою кузину, младшую дочь моего дяди, Осгри с Лиственного озера. Теперь их никого нет в живых, и ее тоже. — Усы старика дрогнули. — Мы не можем этого допустить, сиры. Эта женщина не получит мою воду — шахматную воду.

— Плотина построена на совесть, милорд, — сказал Беннис. — Мы с сиром Дунком ее и за час не разберем, даже если лысый малец поможет. Понадобятся кирки, лопаты, веревки и дюжина мужчин — только для работы, а не для боя.

Сир Юстас молчал, глядя на щит Маленького Льва. Дунк откашлялся и сказал:

— Видите ли, милорд, с землекопами у нас вышла...

— Не беспокой милорда пустяками, Дунк, — перебил его Беннис. — Будет дурню наука, только и всего.

— Наука? Что за наука? — вскинул глаза сир Юстас.

— Да я там проучил одного. Чиркнул клинком по щеке, ничего больше.

Старик пристально посмотрел на Бенниса.

— Вы поступили необдуманно, сир. У этой женщины сердце паучихи. Она погубила трех мужей, а все ее братья, пятеро или шестеро, умерли еще в пеленках. Они стояли между ней и наследством. Не сомневаюсь, что она способна спустить шкуру с любого крестьянина, вызвавшего ее недовольство, но то, что ее человека ранили вы... такого оскорбления она не потерпит. Можете быть уверены: она явится за вами, как явилась за Лемом.

— За Дейком, милорд, — поправил Беннис. — Простите великодушно, ведь вы знали его, а я нет, однако его звали Дейк.

— С разрешения милорда, я мог бы съездить в Золотую Рощу и рассказать лорду Ровану об этой плотине, — сказал Дунк. Рован был сюзереном как старого рыцаря, так и Горячей Вдовы.

— Ровану? Нет, там вы помощи не найдете. Сестра лорда Рована вышла за Вендела, кузена лорда Вимана, стало быть, он родня Горячей Вдове. К тому же он не любит меня. Отправляйтесь завтра по моим деревням, сир Дункан, и соберите всех пригодных к бою мужчин. Я стар, но пока еще не умер. Эта женщина скоро увидит, что когти у шахматного льва еще есть!

«Два когтя, — сумрачно подумал Дунк, — и один из них я».

На землях лорда Юстаса имелось три деревеньки — в каждой горсточка хижин, овечьих загонов и свинарников. В самой большой была даже крытая соломой септа с корявыми изображениями Семерых, начерченными углем на стенах. Мадж, горбатый старый свинарь, побывавший когда-то в Староместе, каждые семь дней устраивал службы. Дважды в год деревню посещал настоящий септон, отпускавший грехи именем Матери. Крестьяне с радостью принимали прощение, но визитов септона не любили, поскольку его приходилось кормить.

Дунку и Эгу они обрадовались ничуть не больше. Дунка здесь знали как нового рыцаря сира Юстаса, но предлагали разве что воды напиться. Большинство мужчин работали в

поле, и из хижин вылезли только женщины, ребятишки да дряхлые старцы. Эг вез знамя Осгри — лев на задних лапах в зеленую и золотую клетку, на белом поле.

— Мы приехали из Оплота по поручению сира Юстаса, — сказал Дунк. — Всем здоровым мужчинам от пятнадцати до пятидесяти лет приказано завтра явиться к башне.

— Война, что ли? — спросила тощая баба с грудным ребенком на руках. Еще двое детишек цеплялись за ее юбку. — Снова черный дракон пришел?

— Драконов не будет — ни красных, ни черных, — ответил Дунк. — Надо решить спор между шахматным львом и пауками. Горячая Вдова отвела вашу воду.

Эг обмахивался шляпой, и женщина посмотрела на него с жалостью.

— Парнишка-то совсем без волос. Хворый, видать?

— Я их брею, понятно? — Эг снова нахлобучил шляпу, повернул Мейстера и поехал прочь.

Экий он сегодня вскидчивый, слова ему не скажи. Дунк догнал мула и спросил своего надутого оруженосца:

— Ты злишься, что я не заступился за тебя вчера перед сиром Беннисом? Мне он не больше по душе, чем тебе, однако он все-таки рыцарь. Ты должен говорить с ним учтиво.

— Я ваш оруженосец, а не его. Он грязный и ругается скверными словами, да еще и щиплется.

«Знай он, кто ты такой, он бы раньше обмочился со страху».

— Он и меня щипал. — Дунк позабыл об этом, но когда Эг сказал, вспомнил. Сир Арлан и сир Беннис входили в число рыцарей, которых один дорнийский торговец нанял проводить его из Ланниспорта до Принцева перевала. Дунк тогда был не старше Эга, хотя и выше. «Все бока мне исщипал до синяков, — вспомнил Дунк. — Пальцы у него были как железные клещи, но я ни разу не пожаловался сиру Арлану. Один из их рыцарей пропал у Каменной Септы, и поговаривали, что сир Беннис распорол ему живот в пылу ссоры». — Если снова будет щипаться, скажи мне, и я это прекращу. А пока что поухаживай за его конем, ничего от тебя не отвалится.

— Кому-то все равно надо, — согласился Эг. — Беннис его никогда не чистит и навоз не убирает. У коня даже имени нет.

— Некоторые рыцари не дают имен своим скакунам. Чтобы не так было тяжело потерять коня в битве. Ты просто заводишь нового и не думаешь, что лишился верного друга. — Так говорил сир Арлан, но сам он всегда поступал иначе и давал имена всем своим лошадям. Как и Дунк. — Посмотрим, сколько народу явится к башне, но сколько бы их ни было, пять или пятьдесят, ты и о них должен заботиться.

— Чтобы я да прислуживал мужичью?!

— Я прошу тебя не прислуживать им, а помогать. Ведь нам надо сделать из них бойцов. — («Если Горячая Вдова даст нам время».) — По милости богов среди них окажется несколько старых солдат, но большинство будет зелено как майская травка и больше привычно к мотыгам, чем к копьям. Однако придет день, когда наша жизнь будет зависеть от них. Когда ты впервые взял в руки меч?

— Я был совсем маленький, а меч — деревянный.

— Мальчишки из простых тоже дерутся, только не на мечах, а на палках. Эти люди могут показаться тебе глупыми, Эг. Они не знают, как правильно называются части доспехов, не знают, у какого дома какой герб и который из королей отменил право первой ночи, но все равно, обращайся с ними уважительно. Ты оруженосец благородного происхождения, но пока еще мальчик, а они, почти все, будут взрослые. У мужчины есть своя гордость, как бы низко он ни стоял. У них в деревне тебя тоже дурачком бы сочли. Если сомневаешься, попробуй промотыжить полосу или овцу остричь, а не то перечисли мне названия всех растений в Уотовом лесу.

Мальчик поразмыслил над этим.

— Я могу показать им гербы великих домов и рассказать, как королева Алисанна убедила короля Джейехериса отменить право первой ночи. А они мне скажут, которые травы ядовиты и какие ягоды можно есть даже зелеными.

— Хорошо — но ты, прежде чем перейти к королю Джейехерису, научи их пользоваться копьем. И не ешь ничего, что Мейстер не ест.

* * *

На следующий день к куриному поголовью Оплота примкнула дюжина будущих воинов — один старше, чем надо, двое моложе, а тощий парнишка на поверку оказался тощей девчонкой. Их Дунк отправил домой, и осталось восемь: три Уота, три Уилла, один Лем, один Пейт и Большой Роб, полудурок. Ничего себе воинство, помимо воли подумал Дунк. Добрых молодцев, которые в песнях покоряют сердца благородных дев, среди них не видать — один другого грязнее. Лему как пить дать полсотни стукнуло, у Пейта глаза слезятся. Только эти двое и побывали в солдатах — ходили на войну с сиром Юстасом и его сыновьями. Остальные шестеро зеленым-зелены, как Дунк и предчувствовал. Все до единого вшивые, а двое Уотов — братья.

— Видать, ваша мамка больше имен не знала, — не преминул съехидничать Беннис.

Вооружение ополченцев состояло из серпа, трех мотыг, старого ножа и дубин. Заостренная палка, которую принес Лем, могла сойти за копье, а один из Уиллов сказал, что метко кидает камни.

— Вот и ладно, — одобрил Беннис, — будешь у нас требюшетом*. — После этого Уилла стали звать не иначе как Требом.

— Умеет кто-нибудь стрелять из длинного лука? — спросил Дунк.

Крестьяне некоторое время переминались с ноги на ногу, и наконец Пейт со слезящимися глазами ответил:

— Прощения просим, сир, только милорд не позволяет нам держать у себя длинные луки. Олени в лесу — они для шахматных львов, а не для нашего брата.

— А нам дадут мечи, и кольчуги, и шлемы? — осведомился младший из трех Уотов.

— Ты непременно получишь все это, — заверил Беннис, — Вот убьешь кого-нибудь из вдовьих рыцарей и снимешь с него. А если пошаришь в заднице у его коня, то и серебром разжи-

* Камнеметная машина с механизмом в виде рычага. — *Примеч. пер.*

вешься. — Он ущипнул молодого Уота так, что тот взвизгнул, и увел все войско в Уотов лес рубить древки для копий.

Вернулись они с обожженными на костре копьями самой разнообразной длины и с плетеными из лозы щитами. Сир Беннис, который и себе сделал копье, стал показывать, как надо колоть, как отражать древком удары и куда направлять острие, чтобы убить врага.

— Брюхо и глотка лучше всего. Вот тут сердце, — он стукнул себя кулаком по груди, — туда тоже можно. Но сердце прикрыто ребрами, а брюхо, оно мягкое. Это смерть медленная, но верная. Никогда не встречал человека, который выжил бы, если кишки ему выпустить. А если кто сдуру повернется спиной, колите между лопатками или в почки, вот сюда. Так он тоже не жилец будет.

Наличие в отряде сразу трех Уотов вносило путаницу, и Эг предложил Дунку:

— Давайте будем звать их по именам деревень — вот как сир Арлан, ваш старый хозяин, взял себе имя «Пеннитри». — Это пригодилось бы, будь у деревень названия, но их не было. — Тогда назовем их в честь того, что у них растет, — нашелся Эг. В одной деревне возделывали бобы, в другой большей частью ячмень, в третьей разные овощи и дыни. Кочаном или Репой называться никто не хотел, поэтому уроженцев третьей деревни нарекли Дынями. В итоге получилось четверо Ячменей, двое Дынь и двое Бобов. Братья Уоты оба получили прозвище «Ячмень», поэтому требовался еще какой-то отличительный знак. Когда младший Уот обмолвился, что как-то свалился в деревенский колодец, сир Беннис назвал его «Мокрый Уот», и это решило задачу. Мужиков восхитили их новые имена, «как у лордов», только Большой Роб никак не мог упомнить, кто он — Ячмень или Боб.

Когда имена и копья раздали всем, из башни вышел сир Юстас и обратился к ратникам с речью. Он стоял у двери Оплота, облаченный поверх кольчуги и панциря в длинный белый, пожелтевший с годами камзол. На груди и спине камзола был вышит зелеными и золотыми квадратиками шахматный лев.

— Вы все помните Дейка, ребята, — сказал старый рыцарь. — Горячая Вдова зашила его в набитый камнями мешок и утопила во рву. Она отняла у него жизнь, а теперь и нашу воду хочет отнять — Шахматный ручей, орошающий наши поля... но это ей не удастся! За Осгри! — вскричал он, подняв над головой меч. — За Оплот!

— За Осгри! — откликнулся Дунк, и остальные подхватили: — Осгри! Осгри! Оплот!

После этого сир Юстас стал наблюдать с балкона, как Дунк и Беннис обучают новобранцев в окружении кур и свиней. Сэм Ступс набил мешки грязной соломой. Крестьяне тыкали в них копьями, а Беннис давал указания:

— Воткнул, повернул и выдернул. Выдернул, говорю! Оно тебе опять понадобится. Живей поворачивайся, Треб. Кидай лучше камни, коли быстрее не можешь. Вкладывай в удар свой вес, Лем. Вот так, молодцом. Воткнул — выдернул, воткнул — выдернул. Как с бабой: туда-сюда, туда-сюда, что есть мочи!

В конце концов из растерзанных мешков вывалилась вся солома. Дунк надел кольчугу, панцирь и взял деревянный меч, желая посмотреть, как мужики управятся с более живым врагом.

Оказалось, что дело у них не очень-то ладится. Один Треб сумел ткнуть Дунка в обход щита, и получилось это у него только однажды. Дунк отражал один неуклюжий выпад за другим, отталкивал копья в стороны и наступал. Будь у него стальной меч, а не деревянный, он убил бы каждого с полдюжины раз.

— Чье копье меня не задело, тот покойник, — орал он, молотя их по рукам и ногам, чтобы наука лучше дошла. Треб, Лем и Мокрый Уот хотя бы отступать научились. Большой Роб бросил копье и побежал. Беннис догнал его и приволок, заплаканного, обратно. Под конец дня все новобранцы покрылись синяками, а на мозолистых руках от копий вздулись новые волдыри. Сам Дунк остался невредим, но чуть не утонул в поту. Эг помог ему снять панцирь.

На закате Дунк отвел всех бойцов в подвал и заставил помыться — даже и тех, кто это делал не далее как прошлой зимой. Потом жена Сэма Ступса накормила их куриной похлеб-

кой с морковкой, луком и ячменем. Мужики устали до смерти, но слушая их, можно было подумать, что каждый из них скоро превзойдет рыцарей Королевской Гвардии. Им не терпелось показать себя в деле. Сир Беннис подначивал их, рассказывая о развеселом солдатском житье, о добыче и женщинах. Двое старых ратников поддакивали ему. Лем после мятежа принес домой нож и пару хороших сапог; сапоги оказались малы, но он их повесил на стенку. А у Пейта остались самые нежные воспоминания о лагерных потаскушках.

Сэм постелил в подвале восемь соломенных тюфяков, и бойцы, наевшись, легли спать. Беннис, оставшись наедине с Дунком, закатил глаза.

— Надо было сиру Никудышному обрюхатить побольше крестьянских баб, пока еще было чем. Понаделал бы ублюдков, и выросли бы солдаты.

— Они не хуже любых других рекрутов. — Дунк навидался таких, пока был оруженосцем у сира Арлана.

— Угу. Через пару недель они могли бы выйти против такого же сброда. Но против рыцарей? — Беннис потряс головой и плюнул.

Колодец Оплота тоже помещался в подвале, защищенный со всех сторон земляными стенами с каменной облицовкой. Здесь жена Сэма стирала и колотила вальком белье, а сушила его на крыше. Большое каменное корыто использовалось заодно и для омовений. Чтобы помыться, следовало начерпать воды из колодца, нагреть ее над очагом в большом чугунном котле, вылить котел в корыто, а затем повторить все сначала. Когда согревался последний котел, вода из первого была уже еле тепленькой. Сир Беннис заявлял во всеуслышание, что не намерен так надрываться — поэтому вши на нем не переводились, а пахло от него испорченным сыром.

Дунку, когда ему неотложно, вот как сегодня, требовалась хорошая баня, хотя бы помогал Эг. Таская воду и ожидая, когда она нагреется, мальчуган угрюмо молчал.

— Эг, что стряслось? — спросил Дунк, когда над последним котлом появился пар. — Помоги мне вылить.

Вдвоем они потащили котел к корыту, стараясь не ошпариться.

— Сир, — сказал Эг, — как вы думаете, что собирается делать сир Юстас?

— Снести дамбу и сразиться с людьми вдовы, если они попытаются нам помешать. — Дунк говорил громко, словно желая перекричать плеск воды. Они опрокинули котел над ванной, и от пара Дунк покраснел.

— У них щиты плетеные, сир. Копье или стрела из арбалета их сразу пробьет.

— Мы подберем им кое-какие доспехи, когда они будут готовы. — Дунк знал, что на лучшее надеяться нечего.

— Их могут убить, сир. Мокрый Уот совсем еще мальчик, Уилл Ячмень в следующий приезд септона хочет жениться. А Большой Роб правую ногу от левой не отличает.

Дунк бросил пустой котел на утоптанный земляной пол.

— Роджер Пеннитри был моложе Мокрого Уота, когда погиб на Багряном Поле. В войске твоего отца были и молодожены, и парни, которые ни разу девушек не целовали. А уж таких, кто не отличал правую ногу от левой, сотни были, если не тысячи.

— Это другое дело. Тогда война была.

— У нас тоже война, только помельче.

— Мельче и глупее.

— Об этом не мне судить и не тебе. Их долг — идти на войну, когда сир Юстас призовет... и умереть, если понадобится.

— Тогда не надо было имена им давать. Теперь, если они умрут, будет тяжелее. — Эг сморщил нос. — Если бы мы прибегли к моему сапогу...

— Нет. — Дунк, стоя на одной ноге, стянул собственный сапог.

— Но мой отец...

— Нет. — Второй сапог отправился вслед за первым.

— Мы...

— Нет. — Дунк стащил через голову пропотевший камзол и швырнул Эгу. — Скажи жене Сэма, пусть постирает.

— Скажу, сир, только...

— Нет, говорю. Может, в ухо тебе дать, чтоб лучше слышал? — Дунк развязал бриджи, под которыми ничего не было — слишком жарко для подштанников. — Это хорошо, что ты беспокоишься за трех Уотов и остальных, но сапог — это на крайний случай. — («Сколько глаз у лорда Красного Ворона? Тысяча и еще один».) — Что сказал твой отец, когда отдал тебя мне в оруженосцы?

— Чтобы я всегда брил или красил волосы и никому не называл своего настоящего имени, — неохотно промолвил мальчик.

Эг служил у Дунка года полтора, хотя некоторые дни можно было считать за двадцать. Вместе они одолевали Принцев перевал и пересекали глубокие, красно-белые пески Дорна. Вместе спустились на плоскодонке по реке Зеленая Кровь до Дощатого города, а оттуда на галее «Белая леди» приплыли в Старомест. Вместе ночевали в гостиницах, на конюшнях, в канавах, делили трапезу с монахами, шлюхами, лицедеями и посетили не меньше сотни кукольных представлений. Эг ухаживал за конем Дунка, точил его меч и счищал ржавчину с его кольчуги. Лучшего спутника человек и желать не мог, и межевой рыцарь относился к нему чуть ли не как к младшему брату.

А между тем никакой он ему не брат. Это яичко* драконово, не куриное. Эг может служить в оруженосцах у межевого рыцаря, но Эйегон из дома Таргариенов — это четвертый и самый младший сын Мейекара, Летнего Принца, который, в свою очередь, является четвертым сыном покойного короля Дейерона Доброго, Второго этого имени — тот сидел на Железном Троне двадцать пять лет, пока его не прибрала весенняя хворь.

— Насколько всем известно, Эйегон Таргариен вернулся в Летний Замок со своим братом Дейероном после Эшфордского турнира, — напомнил мальчику Дунк. — Твой отец не желал разглашать, что ты скитаешься по Семи Королевствам

* Эг (egg) — по-английски «яйцо». — *Примеч. пер.*

с каким-то межевым рыцарем. Так что помалкивай о своем сапоге.

В ответ он получил только взгляд. Большие глаза Эга казались еще больше из-за бритой головы. В тускло освещенном подвале их можно принять за черные, но при лучшем освещении виден их истинный цвет, темно-лиловый. Валирийские глаза. В Вестеросе такие встречаются только у потомков дракона, а в волосах Таргариенов золото перемежается с серебром.

Когда они спускались на шестах по Зеленой Крови, девочки-сиротки приспособились хлопать Эга по лысой макушке, на счастье, и этим вгоняли его в краску. «Девчонки все глупые, — заявлял он. — Если еще одна меня тронет, полетит в реку». «Тогда я тебя трону, — пообещал Дунк. — Так по уху тресну, что до будущей луны колокольный звон будешь слышать». «Лучше уж колокола, чем дуры-девчонки», — пробурчал мальчуган, но в реку так ни одну и не кинул.

Дунк залез в корыто, и вода покрыла его до подбородка — сверху почти кипяток, внизу значительно холоднее. Он стиснул зубы, чтобы не заорать. Эг бы над ним посмеялся — мальчишка с удовольствием моется в кипятке.

— Не подогреть ли еще воды, сир?

— Не надо, хватит и этой. — Грязь сходила в воду дымчатыми струйками. — Принеси-ка мне мыло и скребницу с длинной ручкой. — Думая о волосах Эга, Дунк вспомнил, как грязны его собственные, задержал дыхание и окунулся с головой. Когда он вынырнул, Эг уже доставил требуемое. — У тебя остались два волоска — вот тут, пониже уха, — заметил Дунк. — Не забудь про них, когда опять будешь бриться.

— Хорошо, сир. — Мальчишку это открытие явно порадовало — думает, что у него борода начинает расти, не иначе. Дунк тоже радовался, обнаружив пушок у себя на верхней губе. Он сбривал его кинжалом и чуть нос себе не оттяпал.

— Ступай теперь спать, — сказал он Эгу. — До утра ты мне не понадобишься.

Смыв с себя грязь и пот, Дунк вытянулся и закрыл глаза. Вода совсем остыла и приятно холодила после дневной жары.

Он продолжал мокнуть, пока не сморщилась кожа на пальцах, и лишь тогда вылез.

Их с Эгом тюфяки тоже лежали в подвале, но они предпочитали спать на крыше. Воздух там был свежее, и даже ветер иногда веял. Дождя опасаться не приходилось — здесь его за все их пребывание еще не случалось ни разу.

Когда Дунк поднялся на крышу, Эг уже спал. Дунк лег, заложил руки за голову и стал смотреть в небо. Тысячи звезд горели там, напоминая ему о ночи на Эшфордском лугу, перед началом турнира. В ту ночь он увидел, как упала звезда. Падучие звезды, по общему мнению, предвещают удачу, и он попросил Тансель нарисовать эту звезду на щите, но Эшфорд не принес ему счастья. До конца турнира он чуть было не лишился руки и ступни, а трое хороших людей и вовсе расстались с жизнью. Зато он приобрел оруженосца. Эг уехал из Эшфорда вместе с ним — вот и все, в чем ему посчастливилось.

Дунк надеялся, что в эту ночь звезды падать не станут.

Вдали виднелись красные горы, встающие из белых песков. Дунк копал, втыкая лопату в сухую горячую землю, и кидал через плечо песчаный грунт. Он рыл яму. Могилу, чтобы похоронить свою надежду. Трое дорнийских рыцарей наблюдали за ним, переговариваясь тихими насмешливыми голосами. Чуть подальше ждали купцы с мулами и волокушами. Им хотелось отправиться в путь, но приходилось ждать, пока он не похоронит Каштанку. Он отказывался бросить старую подругу на съедение змеям, скорпионам и диким собакам.

Кобыла пала на долгом безводном переходе от Принцева перевала до Вейта. На ней ехал Эг. Передние ноги внезапно подломились под ней, она опустилась на колени, упала на бок и умерла. Теперь она лежала рядом с ямой, уже окоченев, — скоро и запах пойдет.

Дунк, работая, проливал слезы на потеху дорнийским рыцарям.

— Вода тут в большой цене — не тратьте ее попусту, сир, — говорил один.

— Нашел о чем плакать, — ухмылялся другой. — Добро бы лошадь была хорошая.

«Каштанка, — думал Дунк. — Ее звали Каштанкой, она долгие годы носила меня на себе, не била задом и не кусалась. Она имела жалкий вид рядом с поджарыми скакунами дорнийцев, с их точеными головами, длинными шеями и пышными гривами, но исполнила свой долг до конца».

— Плакать по вислобрюхой кляче? — старческим голосом промолвил сир Арлан. — По мне ты небось не плакал, а ведь это я посадил тебя на нее. — Старик посмеялся беззлобно и добавил: — Эх ты, Дунк-чурбан.

— Он и меня не оплакивал, — подал голос Бейелор Сломи Копье из могилы. — А ведь я был его принцем, надеждой Вестероса. Боги не предназначали мне умереть так рано.

— Отцу было всего тридцать девять, — подхватил принц Валарр. — У него были задатки великого короля, самого великого со времен Эйегона Дракона. — Принц смотрел на Дунка холодными голубыми глазами. — Отчего боги забрали его, а не тебя? — Его каштановые, как у отца, волосы пересекала серебристо-золотая прядь.

«Ты мертв! — хотелось закричать Дунку. — Вы трое все мертвецы, почему бы вам не оставить меня в покое?» Сир Арлан умер от простуды, принц Бейелор — от удара, нанесенного ему собственным братом во время Испытания Семерых, сын его Валарр — по весне. Уж в его-то смерти Дунк не виноват. Он был в Дорне и даже не знал ничего.

— Ты рехнулся, — сказал старый рыцарь. — Мы для тебя могилу копать не будем, когда ты убьешь себя этой работой. В пустыне надо беречь силы и воду.

— Прочь, сир Дункан, — сказал Валарр. — Ступайте прочь.

Эг помогал рыть — не лопатой, руками, и выброшенный песок тут же снова стекал в могилу. Все равно что рыть яму на дне моря. «Но я должен копать, — говорил себе Дунк, хотя спина и плечи у него разламывались. — Надо похоронить ее поглубже, чтобы дикие собаки не достали. Я должен...»

— ...Умереть? — спросил из могилы дурачок, Большой Роб. Он лежал там смирно, с резаной красной раной на животе, и не казался таким уж большим.

Дунк остановился и уставился на него.

— Но ты-то не умер. Ты спишь в подвале. — Он посмотрел на сира Арлана и взмолился: — Велите ему вылезти из могилы, сир.

Но рядом с ним стоял вовсе не сир Арлан, а сир Беннис Бурый Щит.

— Дунк-чурбан, — закудахтал он, — вспарывая брюхо, ты убиваешь медленно, зато верно. Никогда не видывал человека, который выжил бы, если кишки ему выпустить. — На губах у него пузырилась красная пена. Он плюнул, и белые пески впитали его плевок. Позади него Треб со стрелой в глазу лил медленные красные слезы. Там же стоял Мокрый Уот с разрубленной чуть не надвое головой, и Лем, и красноглазый Пейт, и все остальные. Сначала Дунк подумал, что они тоже жуют кислолист, но нет — изо рта у них текла кровь. Мертвые, все они мертвые.

— Вот-вот, — заржал бурый рыцарь, — так что шевелись, надо побольше могил нарыть. Восемь для них, одну для меня, одну для сира Никудышного, а последнюю для твоего лысого мальца.

Лопата выпала у Дунка из рук.

— Эг, беги! — крикнул он. — Надо бежать! — Но когда мальчик попытался выбраться из ямы, она осыпалась, и пески сомкнулись над ним. Дунк рвался к нему, а песок поднимался все выше, затягивая и его в могилу, заполняя рот, нос, глаза...

Утром сир Беннис стал учить рекрутов строить стену из щитов. Он поставил всех восьмерых в ряд так, чтобы щиты соприкасались, а копья торчали между ними, как длинные деревянные зубы. Дунк и Эг сели верхом и пошли в атаку.

Мейстер стал как вкопанный в десяти футах от копий, но Гром, старый боец, пошел напролом. Куры с воплями вспархивали из-под его ног. Их паника оказалась заразной: первым бросил копье Большой Роб, оставив брешь посреди стены. Воители, вместо того чтобы сомкнуться, ударились в бегство вслед за ним. Гром, которого Дунк не успел сдержать,

топтал плетеные щиты, и они хрустели под железными подковами. Беннис витиевато ругался, крестьяне и куры разбегались во все стороны. Эг мужественно боролся со смехом, но в конце концов проиграл битву.

— Ну, хватит. — Дунк остановил Грома и сорвал с себя шлем. — Если и в бою будет то же самое, их всех поубивают. — «Да и нас тоже, скорее всего». — Становилось жарко, и он чувствовал себя потным и грязным, точно и не мылся вчера. В голове стучало, недавний сон никак не желал забываться. На самом деле все было не так, твердил он себе. Каштанка умерла на пути в Вейт, это правда, и они с Эгом ездили на одном коне, пока брат Эга не подарил им Мейстера, но все остальное...

Дунк не плакал тогда. Ему хотелось, но он не плакал. Он хотел похоронить лошадь, но дорнийцы не стали ждать. «Собакам тоже есть надо и щенков чем-то кормить, — сказал один из них, помогая Дунку снять с Каштанки седло и уздечку. — Собаки и песок обглодают ее дочиста, не пройдет и года. Это Дорн, дружище». «А кто же обглодает Уотов?» — невольно подумал Дунк, вспомнив об этом. Разве что шахматные рыбы в ручье.

Он вернулся к башне и спешился.

— Эг, помоги сиру Беннису собрать их и привести обратно сюда. — Он бросил Эгу шлем и поднялся в полутемную горницу к сиру Юстасу.

— Не слишком удачно вышло, — сказал старый рыцарь.

— Да, милорд. От них толку не будет. — Присяжный рыцарь должен верно служить своему сюзерену, но это уже безумие.

— Им такое в новинку. Их отцы и братья были ничуть не лучше, когда начинали. Мои сыновья вложили в них много труда, прежде чем отправиться королю на подмогу. Учили их изо дня в день добрые две недели и сделали их солдатами.

— А как они держали себя в бою, милорд? — спросил Дунк. — И много ли их вернулось с вами домой?

Старый рыцарь посмотрел на него долгим взглядом.

— Лем и Пейт. И Дейк. Дейк был у нас фуражиром — лучшего фуражира я в жизни не видывал. Мы ни разу не снялись

с лагеря на пустой желудок. Трое вернулось — трое, не считая меня. — Его усы дрогнули. — В две недели мы, пожалуй, не уложимся.

— Милорд, эта женщина может нагрянуть сюда уже завтра со всеми своими людьми. — «И наши бравые ребята тут же станут мертвыми при столкновении с рыцарями Холодного Рва», — добавил про себя Дунк. — Надо найти другой способ.

— Другой... — Сир Юстас провел пальцами по щиту Маленького Льва. — Ни от лорда Рована, ни от нынешнего короля я не дождусь правосудия. — Он ухватил Дунка за руку выше запястья. — Но в старину, когда нами правили зеленые короли, за убитое животное или крестьянина можно было уплатить пеню.

— Пеню? — с сомнением повторил Дунк.

— Вот вам и способ. У меня кое-что отложено. Речь ведь идет о простой царапине, как сказал сир Беннис. Я мог бы уплатить тому человеку серебряного оленя и еще три женщине за нанесенное бесчестье. Я готов это сделать, если она снесет дамбу. Но в Холодный Ров мне ехать нельзя, — нахмурился старик. Толстая черная муха, пожужжав, села ему на руку. — Этот замок когда-то был нашим. Вы этого не знали, сир Дункан?

— Знал, милорд. — Дунку сказал об этом Сэм Ступс.

— За тысячу лет до Завоевания мы были хранителями Северных Марок, и в вассалах у нас ходили двадцать мелких лордов и сто рыцарей-землевладельцев. Мы владели четырьмя замками и сторожевыми башнями на холмах — с них следили, не идет ли враг. Холодный Ров был самым крупным из наших поместий. Лорд Первин Осгри построил его — Первин Гордый. После битвы на Огненном Поле Хайгарден перешел от королей к управителям, и род Осгри захирел. Король Мейегор, сын Эйегона, отобрал у нас Ров, когда лорд Ормонд Осгри выступил против притеснения им Звезд и Мечей — так назывались тогда отряды Бедняков и Воинских Сынов. — Голос старика звучал хрипло. — Над воротами Холодного Рва выбит шахматный лев. Отец показал мне его, когда ездил со мной к старому Рейнарду Вебберу, а я, в свой черед, показал

своему сыну, Аддаму... Он служил в Холодном Рву пажом, а затем оруженосцем. Между ним и дочерью лорда Вимана возникла... привязанность, и вот однажды зимой я облачился в лучшие свои одежды и поехал к лорду Виману просить ее руки. Он отказал — учтиво, но я, уезжая, слышал, как он смеется с сиром Лукасом Дюймелем. После этого я побывал во Рву только раз, когда эта женщина похитила одного из моих людей. Когда мне сказали, чтобы я поискал бедного Лема на дне...

— Дейка, — мягко поправил Дунк. — Беннис говорит, его звали Дейк.

— Дейк? — Муха, ползая по рукаву старика, остановилась потереть лапки. Сир Юстас согнал ее и подергал себя за ус. — Ну да, Дейк, я так и сказал. Лихой парень, я хорошо его помню. На войне он был у нас фуражиром. Нам никогда не приходилось воевать на пустой желудок. Когда сир Лукас сказал мне, что сделали с моим бедным Дейком, я поклялся, что ноги моей больше не будет в этом замке, разве лишь чтобы вступить во владение. Теперь вы понимаете, почему я не могу поехать туда, сир Дункан, ни для уплаты пени, ни по иной причине.

Дунк понимал как нельзя более ясно.

— Но я-то могу, милорд. Я ведь не давал клятвы.

— Вы славный человек, сир Дункан, и отважный рыцарь. — Старик крепко сжал его руку. — Жаль, что боги не пощадили мою Алисанну. Именно о таком муже для нее я и мечтал. Истинный рыцарь. Зерцало рыцарства.

Дунка бросило в краску.

— Я передам леди Веббер то, что вы сказали относительно пени, но...

— Этим вы спасете сира Бенниса от участи Дейка. Я знаю. В людях я разбираюсь недурно, и в вас чувствуется сталь. Один ваш вид заставит их призадуматься. Когда эта женщина увидит, что у Оплота есть такой защитник, она разрушит свою дамбу по собственной воле.

Дунк, не зная, что на это ответить, сказал:

— Я поеду завтра, милорд, и сделаю, что смогу.

— Истинно так. Завтра. — Муха снова села сиру Юстасу на левую руку. Он поднял правую и прихлопнул ее.

— Опять?! — вознегодовал Эг. — Вы ж только вчера помылись.

— А потом весь день плавал в поту под доспехами. Закрой рот и набери воды.

— Вы мылись, когда сир Юстас взял нас на службу, — вспомнил Эг. — Да вчера, да еще сегодня. Три раза получается!

— Мне предстоят переговоры с благородной дамой. Хочешь, чтобы от меня разило, как от сира Бенниса, когда я буду стоять перед ней?

— Для этого вам пришлось бы сперва в Мейстеровом навозе вываляться, — заметил Эг, наполняя котел. — Сэм Ступс говорит, что кастелян Холодного Рва с вас ростом будет. Его имя Лукас Дюймель, а прозвище — Длинный Дюйм. Как вы думаете, он правда такой большой?

— Нет. — Дунк давно уже не встречал никого с себя ростом. Он взял котел и подвесил его над огнем.

— Вы будете с ним сражаться?

— Нет. — Дунку очень хотелось бы ответить «да». Пусть он не первый боец в королевстве, но рост и сила могут восполнить много изъянов. Жаль, что к недостатку ума это нельзя применить. Со словами он управляется плоховато, а с женщинами и того хуже. Этого здоровенного Длинного Дюйма он опасался и вполовину не так сильно, как встречи с Горячей Вдовой. — Я буду говорить с вдовой, только и всего.

— А что вы ей скажете, сир?

— Что она должна снести дамбу. — «Вы должны снести дамбу, миледи, иначе...» — Вернее, я попрошу ее об этом. — «Пожалуйста, верните нам шахматную воду». — Если ей будет угодно. — «Хоть чуточку, миледи, смилуйтесь». Сиру Юстасу не понравится, если он будет унижаться — как же сказать ей об этом?

Вода в котле уже закипала, и Дунк велел Эгу:

— Помоги-ка мне. — Вместе они вылили воду в корыто. — Не умею я говорить с благородными дамами, — признался

Дунк. — В Дорне мы оба могли поплатиться жизнью за то, что я сказал леди Вейт.

— Леди Вейт была сумасшедшая, — напомнил Эг, — но немного галантности вам бы не помешало. Дамы любят галантность. Если бы вы защитили Горячую Вдову, как ту девушку-кукольницу от Эйериона...

— Эйерион сейчас в Лиссе, а вдова не нуждается в защите. — Дунку не хотелось говорить о Тансель. Ее прозвали «Тансель Длинная», но для него она была в самый раз.

— Некоторые рыцари поют своим дамам галантные романсы или играют им на лютне.

— У меня лютни нет, — насупился Дунк. — А когда я напился в Дощатом городе, ты сказал, что я пою, как завязший в грязи буйвол.

— Верно, сир. Я и позабыл.

— Как ты мог позабыть?

— Вы мне велели забыть, я и забыл, — невинным голоском ответил Эг. — Вы сказали, что дадите мне в ухо, если я об этом упомяну.

— Обойдемся без песен. — Будь даже у него голос, песню он знал только одну, «Медведь и прекрасная дева» — вряд ли ею можно покорить леди Веббер. Второй котел пускал пары, и они вылили его в ванну.

— Не ешьте и не пейте ничего в Холодном Рву, сир. Горячая Вдова всех своих мужей отравила.

— Я на ней жениться не собираюсь. Она знатная леди, а я Дунк с Блошиного конца. Сколько у нее всего мужей было, не знаешь?

— Четверо, а детей нету. Как только она родит, ночью является демон и уносит младенца. Жена Сэма говорит, что она их еще до рождения продала владыке Семи Преисподних, а он взамен обучил ее черной науке.

— Благородные леди не занимаются черной магией. Они танцуют, поют и вышивают.

— Может, она пляшет с демонами и вышивает злые заклятия, — со смаком предположил Эг. — Да и откуда вам знать, что делают благородные леди, сир? Вы знакомы с одной только леди Вейт.

Это было сказано дерзко, однако верно.

— С дамами я, может, и не знаком, зато хорошо знаю одного мальчишку, и он так и напрашивается, чтоб получить в ухо. — Дунк потер затылок, который после целого дня ношения кольчуги делался как деревянный. — Ты вот знался с принцессами и королевами — разве они пляшут с демонами и занимаются колдовством?

— Леди Шира, наложница Красного Ворона, занимается. Она купается в крови, чтобы сохранить красоту. А моя сестра Рея подлила мне приворотного зелья, чтоб я женился на ней, а не на Даэлле, другой сестре.

Эг говорил о подобном кровосмешении как о самом естественном деле. Для него это так и есть. У Таргариенов братья веками женятся на сестрах, оберегая чистоту драконовой крови. Последний дракон умер еще до рождения Дунка, но династия драконовых королей продолжается. Может быть, боги не против таких браков.

— Ну и как зелье, подействовало? — спросил Дунк.

— Подействовало бы, да я его сразу выплюнул. Мне жена ни к чему, я хочу стать рыцарем Королевской Гвардии и посвятить всю жизнь королю. Белые рыцари приносят обет безбрачия.

— Это благородно, но ты, когда подрастешь, выберешь, возможно, невесту, а не белый плащ. — Дунку вспомнилась Тансель Длинная и то, как она улыбалась ему в Эшфорде. — Сир Юстас сказал, что желал бы для своей дочери такого мужа, как я. Ее звали Алисанна.

— Так ведь она умерла, сир.

— Без тебя знаю, — раздраженно отрезал Дунк. — Он сказал «будь она жива». Тогда он выдал бы ее за меня. Или за такого, как я. Никогда еще лорд не предлагал мне свою дочь в жены.

— Умершую дочь. И если Осгри когда-то и были лордами, то сир Юстас просто рыцарь, хотя и помещик.

— Я знаю, кто он такой. В ухо захотел?

— Лучше уж в ухо, чем жениться. Особенно на мертвой. Вода закипает, сир.

Они опрокинули в ванну третий котел, и Дунк стал раздеваться.

— Завтра я надену мой дорнийский камзол. — Это была самая красивая вещь в гардеробе Дунка: песочный шелк с изображением вяза и падающей звезды.

— Если надеть его в дорогу, он весь пропотеет, сир. Наденьте этот, а тот я возьму с собой. Переоденетесь около замка.

— Поблизости от замка. Я не стану дурака из себя строить, переодеваясь на подъемном мосту. И кто тебе сказал, что ты едешь со мной?

— Рыцарь внушает больше уважения, если его сопровождает оруженосец.

И то правда. Мальчишка хорошо смыслит в таких вещах, не зря же он прослужил два года пажом в Королевской Гавани. Дунк тем не менее не хотел брать его на опасное дело. Кто знает, какой прием ему окажут в Холодном Рву. Если эта Горячая Вдова в самом деле так страшна, как о ней говорят, он может оказаться в вороньей клетке, вроде тех двоих на перекрестке дорог.

— Ты останешься и поможешь Беннису с новобранцами. И не дуйся, это не поможет. — Дунк скинул бриджи и сел в горячую воду. — Отправляйся спать и дай мне помыться. Ты не едешь, и весь разговор.

Когда Дунка разбудило солнце, Эга уже след простыл. Боги, неужели утро? Так скоро? Он сел, потянулся и сонно побрел к колодцу. Там он зажег толстую сальную свечу, поплескал холодной водой в лицо и оделся.

Оседланный Гром уже ждал его у конюшни. Эг с Мейстером тоже ждали.

В тугих белых бриджах, в дублете с зелеными и золотыми квадратами и в сапогах мальчишка в кои-то веки выглядел как настоящий оруженосец.

— Бриджи порвались сзади, но жена Сэма зашила их, — объявил он.

— Это вещи Аддама, — пояснил сир Юстас, выводя из конюшни собственного серого мерина. Поношенный шел-

ковый плащ с шахматным львом окутывал его плечи. — Дублет немного сопрел в сундуке, но еще годен. Рыцарь с оруженосцем внушает больше уважения, поэтому я решил, что Эг будет сопровождать вас в Холодный Ров.

«Нас перехитрил десятилетний мальчишка». Дунк посмотрел на Эга и произнес одними губами: «А в ухо?» Тот заухмылялся.

— У меня и для вас кое-что есть, сир Дункан. Смотрите. — Старик тряхнул чем-то в воздухе и развернул еще один плащ — из белой шерсти, расшитый квадратами зеленого атласа и парчи. Последняя вещь, которую Дунку хотелось надеть в такую жарищу, но когда сир Юстас накинул плащ ему на плечи, Дунк увидел гордость в его глазах не смог отказаться.

— Благодарю вас, милорд.

— Он вам к лицу. Жаль, что я не могу дать вам еще что-нибудь. — Усы старика дрогнули. — Я велел Сэму поискать в вещах моих сыновей, но Эдвин и Гарольд были гораздо ниже вас, у́же в груди, и ноги у них были намного короче. То, что осталось от них, вам будет не впору, увы.

— Плаща вполне довольно. Я не посрамлю его, милорд.

— Не сомневаюсь в этом. — Старик потрепал серого по шее. — Я провожу вас немного, если не возражаете.

— Помилуйте, какие могут быть возражения.

Эг поехал под гору первым, очень прямо держась в седле.

— А эта шляпа ему непременно нужна? — спросил сир Юстас. — Какой-то дурацкий вид, вам не кажется?

— Будет еще хуже, милорд, если у него голова облезет. — Солнце, едва взойдя, уже припекало. К полудню седла начнут так жечь, что волдыри вскочат. Эг, конечно, хорош в наряде умершего мальчика, но к вечеру яичко сварится вкрутую. Дунк хотя бы переодеться сможет — парадный камзол он вез в седельной сумке.

— Поедем западной дорогой, — решил сир Юстас. — Последнее время ею мало пользуются, однако это самый короткий путь до Холодного Рва. — Дорога вела в обход холма, мимо ежевичника, где покоились жена и сыновья старого рыцаря. — Они любили ходить сюда по ягоды, мои мальчи-

ки. Малышами они прибегали ко мне все перемазанные и исцарапанные, и я сразу догадывался, где они были. — Лицо старика осветила нежная улыбка. — Ваш Эг напоминает мне моего Аддама. Такой же смелый, несмотря на свои юные годы. Аддам прикрыл собой своего раненого брата Гарольда, и речной рыцарь с шестью желудями на щите отсек ему руку топором. — Грустные серые глаза сира Юстаса встретились с глазами Дунка. — Ваш старый господин, рыцарь из Пеннитри, тоже сражался во время мятежа Черного Пламени?

— Да, милорд — еще до того, как взял меня к себе. — Дунку в ту пору было года три или четыре, и он бегал, полуголый, по улицам Блошиного Конца, скорее звереныш, чем человеческое дитя.

— За красного дракона или за черного?

Вопрос оставался опасным даже спустя столько лет. Со времен Эйегона Завоевателя в гербе Таргариенов значился трехглавый дракон, красный на черном. Дейемон Претендент поменял эти цвета на своих знаменах по обычаю многих бастардов. «Сир Юстас — мой сюзерен и имеет право знать», напомнил себе Дунк.

— Он сражался под знаменем лорда Хейфорда, милорд.

— Бледно-зеленые скрещенные полосы на золотом поле? Волнистые?

— Возможно, милорд. Эг должен знать. — Мальчуган мог без запинки назвать гербы половины вестеросских рыцарей.

— Он был известный сторонник престола, лорд Хейфорд. Король Дейерон сделал его своим десницей перед самым сражением. Батервелл так плохо справлялся с этой должностью, что многие сомневались в его преданности, но лорд Хейфорд оставался несгибаемым от начала до конца.

— Сир Арлан был рядом с ним, когда он погиб. Его зарубил лорд с тремя замками на щите.

— Много славных людей погибло в тот день и с той, и с другой стороны — потому это поле и назвали Багряным. Сир Арлан рассказывал вам о сражении?

— Он не любил говорить о нем. Там погиб и его оруженосец, Роджер Пеннитри, сын его сестры. — При одном упо-

минании этого имени Дунк испытывал легкое чувство вины — ведь он занял место Роджера. Только принцы и самые знатные лорды могут позволить себе двух оруженосцев. Если бы Эйегон Недостойный вручил свой меч законному наследнику Дейерону, а не бастарду Деймону, мятежа Черного Пламени могло и не быть, и Роджер Пеннитри был бы жив. Со временем он стал бы рыцарем, лучшим рыцарем, чем Дунк — а Дунка в конце концов повесили бы или сослали на Стену, в Ночной Дозор.

— Страшное это дело — большое сражение, — сказал сир Юстас. — Но, помимо крови и резни, в нем есть и красота, красота, от которой разрывается сердце. Никогда не забуду, как садилось солнце над Багряным Полем. Десять тысяч человек полегло, воздух наполняли стоны и жалобы, но небо над нами, золотое, алое и оранжевое, было прекрасно, и я плакал оттого, что моим сыновьям не дано его видеть. — Он вздохнул. — В тот день, что бы вам ни говорили теперь, все висело на волоске. Если б не Красный Ворон...

— Я всегда думал, что битву выиграл Бейелор Сломи Копье. Он и принц Мейекар.

— Молот и наковальня? — Старик шевельнул усами. — Певцы о многом умалчивают. Деймон в тот день был воплощением самого Воина. Никто не мог выстоять против него. Он разнес вдребезги авангард лорда Аррена, убил рыцаря Девяти Звезд и Уила Уэйнвуда, а затем схватился с сиром Гвейном Корбреем из Королевской Гвардии. Чуть ли не час гарцевали они на конях и рубились, а убитые падали вокруг них. Говорят, что каждый раз, как сходились их мечи, Черное Пламя и Покинутая, звон разносился на целую лигу — то ли песнь, то ли вопль. Но наконец Покинутая дрогнула, и Черное Пламя рассекло шлем сира Гвейна, ослепив его и залив кровью. Деймон спешился, чтобы оградить поверженного врага от конских копыт, и приказал Красному Бивню унести его в тыл, к мейстерам. Сделав это, он совершил роковую ошибку. Вороньи Зубы только что заняли Гряду Слез, и Ворон увидел в трехстах ярдах королевский штандарт своего сводного брата, а под ним — Деймона и его сыновей. Пер-

вым он сразил Эйегона, старшего из близнецов — он знал, что Дейемон ни за что не оставит мальчика, пока в том теплится жизнь, даже под градом белых стрел. И Дейемон не оставил, и семь стрел пронзили его — они слетели с лука Красного Ворона, но направляло их колдовство. Юный Эйемон поднял Черное Пламя, выпавшее из руки умирающего отца, и Ворон его тоже убил. Так погиб черный дракон и его сыновья.

После этого произошло еще много всего, я знаю. Кое-что я видел сам. Мятежники обратились в бегство, но Жгучий Клинок повернул назад и предпринял свою безумную атаку... его бой с Красным Вороном уступал только поединку Дейемона с Гвейном Корбреем. Принц Бейелор, как молот, обрушился на задние ряды мятежников, дорнийцы с бешеным визгом метали копья... но это уже не имело решающего значения. Война была выиграна, когда погиб Дейемон.

От какой малости порой все зависит. Если бы Дейемон остался в седле и предоставил Гвейна его судьбе, он мог бы разбить левое крыло Мейекара еще до того, как Красный Ворон занял гряду. Тогда битву бы выиграли черные драконы, а десница короля пал, и перед мятежниками открылась бы дорога на Королевскую Гавань. Пока принц Бейелор подоспел бы со своими штормовыми лордами и дорнийцами, Дейемон уже мог бы сесть на Железный Трон.

Певцы могут сколько угодно разливаться про молот и наковальню, но исход битвы решил братоубийца своими белыми стрелами и черными чарами. И теперь нами правит он, не сомневайтесь на этот счет. Король Эйерис — его создание. Я не удивился бы, узнав, что Ворон околдовал его величество и подчинил своей воле. Не диво, что нас постигло проклятие. — Сир Юстас погрузился в мрачное молчание. Дунку хотелось знать, что из всего этого слышал Эг, но его бесполезно спрашивать, все равно не сознается. Сколько глаз у лорда Красного Ворона?

День быстро накалялся. Даже мухи в такую жару не летают, заметил Дунк. У них больше ума, чем у рыцарей. Окажут ли им с Эгом гостеприимство в Холодном Рву? Кружка ох-

лажденного темного эля пришлась бы кстати. Дунк обдумывал эту вероятность с удовольствием, но тут он вспомнил, что говорил Эг о мужьях Горячей Вдовы, и жажды как не бывало. Есть вещи похуже пересохшей глотки.

— Было время, когда дом Осгри владел всеми землями в округе, от Нанни на востоке до Мощеного Двора, — снова заговорил сир Юстас. — Холодный Ров был наш, и гряда Подковы, и пещеры Дерринга, и оба берега Лиственного озера, и села Даск, Малый Даск, Бутылочное Дно... Девицы Осгри выходили замуж за Флорентов, Сваннов, Тарбеков, даже за Хайтауэров и Блэквудов.

Вдали показался край Уотова леса. Дунк заслонил рукой глаза и один-единственный раз позавидовал соломенной шляпе Эга. Хорошо будет побыть хоть недолго в тени.

— Раньше Уотов лес тянулся до самого Холодного Рва, — сказал сир Юстас. — Кто был Уот, я не помню, но до Завоевания тут водились зубры и лоси ладоней двадцати вышиной. А уж красных оленей за всю жизнь было не перевести, ведь тут разрешалось охотиться только королю да шахматному льву. Еще при моем отце деревья росли по обе стороны ручья, но пауки вырубили лес, чтобы расчистить пастбище для своей скотины и лошадей.

Пот струился по груди Дунка, и ему очень хотелось, чтобы его сюзерен помолчал. Слишком жарко для разговоров, и для верховой езды, и для всего остального.

В лесу они наткнулись на труп большой дикой кошки, кишащий червями.

— Фуу. — Эг далеко объехал падаль. — Воняет хуже, чем от сира Бенниса.

Сир Юстас придержал коня.

— Не знал, что в этом лесу еще остались дикие кошки. Отчего же она погибла? — Не получив ответа, он сказал: — Здесь я поверну обратно. Держите на запад, и приедете прямо к Холодному Рву. Деньги у вас при себе? — Дунк кивнул. — Это хорошо. Возвращайтесь вместе с водой, сир, — сказал старый рыцарь и потрусил к дому.

— Я придумал, как вам говорить с леди Веббер, — тут же зачастил Эг. — Надо привлечь ее на нашу сторону комплиментами. — Мальчишка в своем дублете выглядел таким же свеженьким, как сир Юстас в своем плаще.

«Один я, что ли, потею» — подумал Дунк и повторил:

— Комплиментами, значит. Это еще что за штука?

— Вы знаете, сир. Скажите ей, как она прекрасна.

— Она четырех мужей пережила и стара, должно быть, как леди Вейт, — засомневался Дунк. — Если я скажу покрытой бородавками карге, что она прекрасна, она меня за лжеца примет.

— А вы скажите правду. Так мой брат Дейерон делает. Даже у старой шлюхи может быть что-то красивое — волосы там или уши, как он говорит.

— Уши? — Сомнения Дунка усиливались.

— Или глаза. Скажите, что платье делает ее прекрасные глаза еще ярче. — Мальчуган поразмыслил. — Если, конечно, у нее оба глаза целы, а не один, как у Красного Ворона.

«Миледи, это платье делает ваш прекрасный глаз еще ярче». Дунк слышал, как другие рыцари опускают дамам такого рода любезности — не столь, правда, смелые. «Миледи, ваше платье прелестно. Оно делает цвет ваших обоих прекрасных глаз еще ярче». Среди дам встречались и сморщенные старухи, и толстушки, и рябые, но платья носили все, и оба глаза у них, насколько Дунк помнил, были на месте. «Это платье, миледи, усиливает цвет ваших ярких глаз».

— Межевым рыцарям проще жить, — посетовал Дунк. — Ляпну что-нибудь не то, а она велит зашить меня в мешок с камнями и кинуть в свой ров.

— Сомневаюсь, что у нее найдется такой большой мешок, сир, но лучше бы нам прибегнуть к моему сапогу.

— Нет, — отрезал Дунк.

Выехав из Уотова леса, они очутились намного выше плотины. Вода здесь стояла так высоко, что Дунк вполне мог бы осуществить свою мечту и выкупаться. Тут и утопить человека впору, подумал он. На том берегу вдоль ведущей на запад дороги пролегала канава, а от нее ответвлялось множество

мелких, орошавших поля. Перебравшись через ручей, они окажутся во власти вдовы. «Ох и попал же я в переделку, — подумал Дунк. — Один-одинешенек, не считая десятилетнего мальчика, который прикрывает мне спину».

— Сир, почему мы остановились? — обмахиваясь, спросил Эг.

— Мы не останавливались. — Дунк послал Грома через ручей, Эг последовал его примеру. Вода доходила Грому до брюха, и на вдовий берег они выбрались мокрые. Канава уходила вдаль, прямая, как стрела, отсвечивая на солнце золотом и зеленью.

Увидев несколько часов спустя башни Холодного Рва, Дунк остановился, переоделся в нарядный камзол и поправил меч в ножнах. Недоставало еще, чтобы клинок застрял, когда понадобится вынуть его. Эг, с серьезным под полями шляпы лицом, проделал то же самое со своим кинжалом. Теперь они ехали бок о бок — Дунк на большом боевом скакуне, Эг на муле, с безжизненно повисшим на древке знаменем Осгри.

Холодный Ров после всех рассказов сира Юстаса немного разочаровал Дунка. По сравнению со Штормовым Пределом, Хайгарденом и другими поместьями, которые ему довелось повидать, этот замок выглядел весьма скромно... но все же был настоящим замком, а не укрепленной сторожевой башней. Зубчатые крепостные стены насчитывали в высоту тридцать футов, а дозорные вышки на каждом углу могли достать до середины Оплота. На всех вышках и шпилях висели черные знамена Вебберов с серебряной паутиной и пятнистым пауком на ней.

— Сир, — сказал Эг, — смотрите, куда вода бежит.

Канава под восточной стеной впадала в ров, от которого замок получил свое название. Услышав журчание воды, Дунк скрипнул зубами. Ну нет, не получит она шахматную воду.

— Едем, — сказал он Эгу.

На своде главных ворот под черными знаменами виднелась глубоко врезанная в камень эмблема. За долгие века она выветрилась, но видно было, что это стоящий на задних лапах лев, составленный из отдельных квадратов. Проезжая по

мосту в открытые ворота, Дунк оценил глубину рва — шесть футов, не меньше.

Двое стражников с копьями преградили им путь — один с большой черной бородой, другой безбородый. Бородач осведомился, зачем они здесь.

— Милорд Осгри прислал меня для переговоров с леди Веббер, — ответил Дунк. — Меня зовут сир Дункан Высокий.

— Да уж ясно, что не Беннис, — сказал безбородый. — Его бы мы издали учуяли. — Во рту у него недоставало зуба, на груди был нашит пятнистый паук.

Бородач подозрительно щурился, глядя на Дунка.

— Леди нельзя видеть без разрешения Длинного Дюйма. Ступайте за мной, а ваш конюх останется при лошадях.

— Я оруженосец, а не конюх, — заявил Эг. — Ты слепой или просто дурак?

Безбородый заржал, бородач приставил копье к горлу Эга.

— А ну, повтори еще раз.

Дунк дал Эгу в ухо.

— Закрой свой рот и займись лошадьми. — Он спешился. — Пойду повидаюсь с сиром Лукасом.

Бородач опустил копье.

— Он во дворе.

Под заостренной подъемной решеткой они прошли во внешний двор. Собаки лаяли в конурах, из семистенной септы с цветными окнами слышалось пение. Кузнец у своей мастерской подковывал боевого коня, ему помогал подмастерье. Оруженосец стрелял по мишеням из лука. Веснушчатая девушка с длинной косой занималась тем же, и у нее получалось ничуть не хуже. Тут же вращалась кинтана*, и несколько рыцарей в стеганых камзолах атаковали ее.

Сира Лукаса Дюймеля они нашли в числе зрителей, наблюдавших за кинтаной. Он разговаривал с септоном, толстым и рыхлым, как пудинг. Потел этот септон еще больше, чем Дунк — можно было подумать, он выкупался прямо в одежде. Дюймель рядом с ним мог сойти за копье — очень

* Карусель, к которой подвешивались мешки с песком для отработки атаки с копьями. — *Примеч. пер.*

длинное копье, но все-таки ниже Дунка. Шесть футов семь дюймов, прикинул Дунк, и каждый дюйм заносчивее предыдущего. Разряженный в черный шелк и серебряную парчу, Лукас тем не менее выглядел таким свежим, будто только что слез со Стены.

— Милорд, — обратился к нему часовой, — вот этот явился из курятника и желает видеть ее милость.

Септон обернулся первый, с радостным возгласом — это заставило Дунка заподозрить, что он пьян.

— Это кто же такой? Межевой рыцарь? У вас в Просторе межи длинные. — Септон осенил Дунка благословением. — Да будет Воин на твоей стороне. Я септон Сефтон. Неудачное имя, но что делать. А вас как зовут?

— Сир Дункан Высокий.

— Похвальная скромность, — заметил септон, обращаясь к сиру Лукасу. — Будь я такого же роста, я именовал бы себя сир Сефтон Огромный, сир Сефтон Башня, сир Сефтон Заоблачный. — Его круглая физиономия раскраснелась, на рясе остались винные пятна.

Сир Лукас разглядывал Дунка. На вид Дюймелю было не менее сорока, а то и все пятьдесят. Скорее жилистый, чем мускулистый, он поражал своим безобразием. Губы толстые, за ними частокол кривых желтых зубов, нос мясистый, глаза навыкате. Дунк почувствовал, что Лукас зол, еще раньше, чем тот промолвил:

— Межевые рыцари — в лучшем случае вооруженные попрошайки, в худшем разбойники. Ступай прочь. Здесь такие, как ты, не нужны.

Дунк потемнел.

— Сир Юстас Осгри из Оплота прислал меня для переговоров с хозяйкой замка.

— Осгри? — Септон взглянул на Длинного Дюйма. — Шахматный лев? Я думал, дом Осгри вымер.

— Можно и так сказать. Кроме старика, никого не осталось. Мы позволяем ему занимать полуразрушенную башню в нескольких лигах к востоку. Если сир Юстас желает говорить с ее милостью, пусть приезжает сам, — бросил Длинный Дюйм

Дунку. — Ты был с Беннисом у плотины, — его глаза сузились, — не трудись отрицать. Мне следовало бы повесить тебя.

— Да сохранят нас Семеро. — Септон вытер мокрый лоб рукавом. — Так он разбойник? Да еще такой громадный. Покайтесь, сир, и Матерь помилует вас. — Тут септон пукнул, и это свело на нет его благочестивые речи. — Ох, простите. Вот что бывает от бобов и ячменного хлеба.

— Я не разбойник, — ответил Дунк им обоим со всем достоинством, на какое был способен, но Длинного Дюйма это не тронуло.

— Не испытывайте моего терпения, сир... если вы действительно рыцарь. Бегите назад в свой курятник и скажите сиру Юстасу, чтобы он выдал нам сира Бенниса Вонючего. Если он избавит нас от хлопот изымать оного рыцаря из Оплота, миледи, возможно, проявит некоторое милосердие.

— Я сам поговорю с миледи. О сире Беннисе, о стычке у плотины и о покраже нашей воды.

— О покраже? Попробуй заикнуться об этом, и окажешься во рву еще до заката. Ты уверен, что хочешь с ней говорить?

В одном Дунк был крепко уверен: ему очень хотелось заехать кулаком в желтые зубы Длинного Дюйма.

— Я вам уже сказал.

— Да пусть себе говорит, — вмешался септон. — Какой от этого вред? Бедный сир Дункан проделал такой долгий путь под палящим солнцем — пусть скажет то, что хотел.

Лукас снова окинул Дунка взглядом.

— Прислушаемся к служителю богов. Пойдем, и сделай милость — будь краток. — Он зашагал через двор, и Дунку поневоле пришлось его догонять.

Двери септы в это время отворились, и оттуда стали выходить богомольцы — рыцари, оруженосцы, с дюжину ребятишек, несколько стариков, три септы в белых одеждах... и одна грузная благородная дама в синем шелковом платье с мирийским кружевом, таком длинном, что подол волочился по земле. Дунк дал ей лет сорок. Под серебряной сеткой лежали высоко взбитые рыжие волосы, но даже они уступали яркостью красному лицу.

— Миледи, — сказал сир Лукас, — вот этот межевой рыцарь заявляет, что приехал от сира Юстаса Осгри. Угодно вам будет его выслушать?

— Если вы того хотите, сир Лукас. — Она так воззрилась на Дунка, что ему невольно вспомнились разговоры Эга о колдовстве. Непохоже, однако, чтобы она купалась в крови ради сохранения красоты. Толстая, приземистая, и голова у нее как редька — даже прическа этого не скрывает. Нос слишком велик, рот чересчур мал. Оба глаза, к счастью, на месте — но Дунку сделалось не до комплиментов.

— Сир Юстас поручил мне поговорить с вами о недавнем происшествии у вашей плотины.

— У плотины? — заморгала она.

Вокруг них собирался народ, и Дунк чувствовал на себе недружелюбные взгляды.

— На Шахматном ручье. Ваша милость построили там плотину...

— Да нет же. Я все утро посвятила молитвам, сир.

Сир Лукас хмыкнул.

— Я не хотел сказать, что вы построили ее самолично, но... без воды у нас весь урожай погибнет, и ячмень, и дыни...

— Дыни? — заулыбалась она. — Я люблю дыни. Какого они сорта?

Дунк обвел взглядом собравшуюся толпу, и ему стало еще жарче. Что-то тут не то. «Длинный Дюйм из меня дурака делает».

— Миледи... быть может, мы поговорим с глазу на глаз?

— Ставлю оленя, он переспать с ней хочет, орясина! — гаркнул кто-то, и все покатились со смеху. Дама, испуганно попятившись, закрыла руками лицо, и одна из септ обняла ее за плечи.

— Что тут за веселье? — произнес звонкий и твердый голос. — Кто-то, кажется, изволит шутить? Зачем вы докучаете моей родственнице, сир рыцарь?

Голос принадлежал девушке, которую Дунк видел у мишеней для лучников. На бедре у нее висел колчан, в руке она держала лук с себя ростом, то есть не очень длинный. Если

Дунку недоставало дюйма до семи футов, то ей недоставало дюйма до пяти. Ее талию он мог бы обхватить ладонями. Рыжая коса опускалась почти до колен. Дунк смотрел сверху вниз на вздернутый нос, подбородок с ямочкой и легкую россыпь веснушек.

— Простите великодушно, леди Роанна, — сказал миловидный молодой лорд с кентавром Касвеллов на дублете. — Этот олух принял леди Гелисенту за вас.

— Так это вы — Горячая Вдова? — брякнул Дунк, переводя взгляд с одной на другую. — Но вы так...

— Так молода? — Девушка перебросила лук долговязому парню, с которым стреляла по мишеням. — Мне двадцать пять, говоря откровенно. Или вы хотели сказать «так малы»?

— Так прекрасны. — Дунк сам не знал, откуда это взялось, но радовался, что оно подвернулось вовремя. Ему нравился ее носик, и ее светло-рыжие волосы, и маленькие, но хорошо вылепленные груди под кожаным колетом. — Я думал, что... то есть мне говорили, что вы уже четырежды овдовели, и я...

— Мой первый муж умер, когда мне было десять, а ему двенадцать. Он был оруженосцем моего отца и пал на Багряном Поле. Боюсь, что мои мужья долго на свете не заживаются. Последний умер весной.

Так говорили обо всех, кто умер два года назад от весенней хвори: он умер весной или по весне. Поветрие унесло десятки тысяч человек, в том числе мудрого старого короля и двух молодых, подававших большие надежды принцев.

— Я... соболезную вам, миледи. — «Комплименты, чурбан, переходи к комплиментам!» — Ваше платье...

— Платье? — Она окинула взглядом свои сапоги, бриджи, просторный полотняный камзол и колет. — Но на мне нет платья.

— Я хотел сказать, ваши волосы... они такие мягкие и...

— Почем вы знаете, сир? Если бы вы трогали мои волосы, я бы это запомнила.

— То есть не мягкие, а рыж... огненные. Они просто пылают.

— Надеюсь, все же не так, как ваше лицо. — Она рассмеялась, и все собравшиеся подхватили ее смех.

Все, кроме сира Лукаса Длинного Дюйма.

— Миледи, — сказал он, — этот человек из наемников Осгри. Это он вместе с Беннисом напал на наших землекопов у дамбы, когда ранили Уолмера. Старый Осгри прислал его для переговоров.

— Точно так, миледи. Меня зовут сир Дункан Высокий.

— Скорее уж Недалекий, — вставил бородатый рыцарь с разветвленной молнией Лейгудов. Смех возобновился, и даже леди Гелисента хихикнула, оправившись от испуга.

— Неужели учтивые манеры в Холодном Рву умерли вместе с моим лордом-отцом? — холодно молвила девушка — нет, не девушка, а взрослая женщина и даже вдова. — Хотела бы я знать, как мог сир Дункан так ошибиться?

Дунк злобно глянул на сира Лукаса.

— Вина целиком моя.

— Так ли? — Вдова оглядела Дунка с головы до ног, задержав взгляд на груди. — Дерево и летящая звезда. Этот герб я вижу впервые. — Она провела двумя пальцами по ветке вяза на камзоле у Дунка. — И он не вышит, а нарисован. Я слышала, что так раскрашивают шелка в Дорне, но вы слишком велики для дорнийца.

— Не все дорнийцы маленькие, миледи. — Дунк чувствовал ее пальцы сквозь шелк. На руке у нее тоже веснушки — и по всему телу, наверное. У Дунка внезапно стало сухо во рту. — Я провел в Дорне год.

— Там все дубы такие высокие? — спросила она, не отнимая пальцев от ткани.

— Это, собственно, вяз, миледи.

— Хорошо, я запомню. — Она убрала руку. — Во дворе слишком пыльно и жарко для разговора. Проводи сира Дункана в мою приемную палату, септон.

— С удовольствием, сестрица.

— Наш гость, думаю, хочет пить — вели заодно принести вина.

— Как прикажете, — просиял септон.

— Я приду, как только переоденусь. — Она расстегнула пояс с колчаном и отдала своему спутнику. — Пусть мейстер Серрик тоже придет. Пришлите его, сир Лукас.

— Я приведу его тотчас же, миледи, — заверил Длинный Дюйм.

Она одарила своего кастеляна холодным взглядом.

— Нет нужды. Я знаю, как много у вас дел в замке. Довольно будет, если вы пришлете мейстера ко мне в комнаты.

— Миледи, — сказал Дунк ей вслед, — я оставил своего оруженосца за воротами. Можно ли ему пойти с нами?

— Оруженосца? — Улыбаясь, она из женщины двадцати пяти лет становилась пятнадцатилетней. — Разумеется, если вы так желаете.

— Не пейте вина, сир, — прошипел Эг, пока они ждали в приемной вместе с септоном. Каменный пол устилал душистый тростник, на стенах висели гобелены с турнирными и батальными сценами.

Дунк фыркнул и прошептал в ответ:

— Очень ей надо меня отравлять. Она думает, что я олух с овсянкой вместо мозгов, ручаюсь.

— Сестрица любит овсянку, — заметил на это септон, возникнув словно из-под земли с кувшином вина, кувшином воды и тремя чашами. — Да-да, я слышал. Я хоть и толст, но не глух. — Он налил себе и Дунку вина, а Эгу воды, но мальчик тут же отставил чашу. — Вино борское, — сказал септон Дунку, — а яд придает ему особо тонкий букет. — Он подмигнул Дунку. — Сам я, правда, не пробовал, но мне говорили.

Дунк осторожно отведал вина, сладкого и очень приятного — но лишь тогда, когда септон, причмокивая, наполовину опорожнил свою чашу. Эг скрестил руки на груди, упорно отказываясь пить.

— Овсянка ей в самом деле нравится — и вы тоже, сир. Уж я-то сестрицу знаю. Увидев вас во дворе, я возымел надежду, что вы — поклонник миледи и приехали из Королевской Гавани искать ее руки.

— Как вы узнали, что я родом из Королевской Гавани? — нахмурился Дунк.

— У гаванских выговор особый. — Септон поболтал вино во рту, проглотил и вздохнул от удовольствия. — Я много лет прослужил при верховном септоне в Великой Септе Бейелора. Вы не узнали бы город после минувшей весны, — сказал он со вздохом. — Одни кварталы выгорели, другие стоят пустые. Даже крыс не стало, вот странность какая. Мыслимо ли, чтобы в городе не было крыс?

Дунк уже слышал об этом.

— Вы были в городе во время поветрия?

— Был, был. Страшное время, сир, страшное. Сильные мужчины утром вставали здоровые, а к вечеру умирали. Люди мерли в таком множестве и с такой быстротой, что их не успевали хоронить и вместо этого сваливали в Драконьем Логове. Когда груда тел достигала высоты десяти футов, лорд Риверс приказывал пиромантам сжечь их. Огонь полыхал за окнами, как в те времена, когда под куполом еще жили драконы. Ночью зеленое зарево дикого огня было видно со всех концов города — я до сих пор не могу видеть зеленый цвет. Говорят, что болезнь косила народ и в Ланниспорте, и в Староместе, но в Королевской Гавани она унесла четырех из каждых десяти человек, не щадя ни молодых, ни старых, ни богатых, ни бедных, ни великих, ни малых. Скончался наш добрый верховный септон, голос богов на земле, а с ним ушла треть Праведных и почти все Молчаливые Сестры. Его величество король Дейерон, славный Матарис, Валарр, десница... скорбный перечень. К концу мора половина города молилась Неведомому. — Сефтон выпил еще и спросил: — А вы где были в ту пору, сир?

— В Дорне.

— Хвала милосердной Матери. — В Дорн весенняя хворь так и не пришла — потому, возможно, что дорнийцы закрыли свои порты и границы. Аррены в Долине сделали то же самое, и их зараза тоже не тронула. — Все эти разговоры о смерти способны отвратить человека от вина, но и радоваться в наше время тоже особенно нечему. Засуха продолжает-

ся, несмотря на все наши молитвы. В Королевском лесу бушуют пожары. Жгучий Клинок и сыновья Дейемона Черное Пламя замышляют недоброе в Тироше, кракены Дагона Грейджоя рыщут по Закатному морю, как волки. Они захватили половину богатств Светлого острова и сто женщин. Лорд Фармен укрепляет оборону — ни дать ни взять отец, который надевает на свою дочь пояс целомудрия, когда у нее живот уже на нос лезет, как у меня. Лорд Бракен медленно угасает на Трезубце, а старший его сын умер по весне. Стало быть, лордом станет сир Ото, а Блэквуды ни за что не потерпят Бестию Бракена у себя по соседству, и будет война.

Дунк знал о старинной вражде между Блэквудами и Бракенами.

— Может быть, их сюзерен вынудит их сохранить мир?

— Увы. Лорд Талли — мальчик восьми лет, окруженный женщинами. От Риверрана многого ждать не приходится, а от короля Эйериса — и подавно. Вряд ли эта распря удостоится его высочайшего внимания, если только какой-нибудь мейстер не напишет книгу о ней. Лорд Риверс к нему никого из Бракенов не подпустит. Вы же помните — наш десница наполовину Блэквуд. Если он и пошевелится, то лишь для того, чтобы помочь своей родне укротить Бестию. Небесная Матерь пометила лорда Риверса при рождении, а Жгучий Клинок на Багряном Поле добавил свою отметину.

Септон говорил о Красном Вороне. Настоящее имя десницы — Бринден Риверс*. Его мать происходила из дома Блэквудов, а отцом был король Эйегон Четвертый.

— Что до Эйериса, — продолжал, не забывая о вине, септон, — то его величество больше занят пыльными свитками и древними пророчествами, чем своими лордами и законами. Он не дает себе труда даже зачать наследника. Королева Эйелинор каждый день молится в Великой Септе, чтобы Матерь благословила ее чрево, но до сих пор остается девственницей. У Эйериса отдельные покои, и говорят, что он куда охотнее ложится в постель с книгой, нежели с женщиной. — Он сно-

* Всем незаконным детям, рожденным на берегах Трезубца и его притоков, давали родовое имя «Риверс», то есть «речной». — *Примеч. пер.*

ва наполнил свою чашу. — Будьте уверены: нами правит лорд Риверс с помощью своих чар и шпионов. Противников у него нет. Принц Мейекар сидит и дуется в Летнем Замке, лелея обиду на своего августейшего брата, принц Рейегаль расслаблен и телом, и разумом, а его дети еще малы. Все должности заняты друзьями и фаворитами лорда Риверса, лорды Малого совета лижут ему руки, новый великий мейстер увлечен чародейством не меньше, чем он. Гарнизон Красного Замка составляют Вороньи Зубы, и без позволения десницы никто не имеет доступа к королю.

Дунк беспокойно ерзал на стуле. Сколько глаз у лорда Красного Ворона? Тысяча и еще один. Остается надеяться, что ушей у десницы меньше тысячи и одного. Речи септона отдавали изменой. Дунк взглянул на Эга, любопытствуя знать, что об этом думает он. Мальчишка из последних сил сдерживался, чтобы не дать воли языку.

Септон грузно поднялся на ноги.

— Сестрица придет еще не сейчас. С дамами всегда так — первые десять платьев, что они примеряют, не вяжутся с их настроением. Еще вина? — И он, не дожидаясь ответа, подлил в обе чаши.

— Дама, которую я принял за леди Веббер, ваша сестра? — спросил Дунк, желая переменить разговор.

— Мы все дети Семерых, это так, но по крови, к счастью, мы не родственники. Леди Гелисента была сестрой сира Роланда Аффериига, четвертого мужа леди Роанны — того, что умер весной. Его предшественником был сир Симон Стаунтон, мой брат — он имел несчастье подавиться куриной костью. Холодный Ров, можно сказать, кишит призраками. Мужья умирают, но их родня остается — они, точно стая пухлой, розовой, одетой в шелка саранчи, пьют вина миледи и поедают ее сласти. — Септон вытер рот. — Однако ей придется выйти замуж опять, и скоро.

— Почему придется?

— Такова воля ее лорда-отца. Лорд Виман очень хотел внуков, которые продолжили бы его род. Когда он слег, то попытался выдать ее за Длинного Дюйма — хотел, умирая,

оставить ее под защитой сильного человека, — но Роанна не пожелала. Его милость отомстил ей, указав в завещании, что буде она до второй годовщины его смерти останется незамужней, Холодный Ров со всеми землями отойдет к его кузену Венделу. Вы, возможно, видели его во дворе — коротышка с зобом, страдающий газами. Хотя с моей стороны нехорошо так говорить, ибо я сам подвержен тому же пороку. Сир Венделл — человек алчный и глупый, но жена его приходится сестрой лорду Ровану и дьявольски плодовита, этого у нее не отнять. Она щенится не менее часто, чем он пускает ветры. Сыновья у них все в него, дочки и того хуже, и все они загибают пальцы, считая дни. Лорд Рован утвердил завещание, и миледи осталось сроку до новой луны.

— Зачем же она ждала так долго? — с недоумением спросил Дунк.

— Женихи ее, по правде сказать, не осаждают, — пожал плечами септон. — Смотреть на нее, как вы заметили, отнюдь не противно, а в придачу дается замок и обширные земли — следовало бы ожидать, что младшие сыновья и безземельные рыцари так на нее и накинутся, ан нет. Четверо усопших мужей всех отпугивают, к тому же поговаривают, что она бесплодна — у нее за спиной, конечно, кому же охота оказаться в вороньей клетке. Двух детей она доносила, мальчика и девочку, но оба и до года не дожили. А те немногие, кого не пугает молва об отравительстве и злых чарах, не хотят иметь дела с Длинным Дюймом. Лорд Виман на смертном одре поручил ему охранять дочь от недостойных искателей, а он всех женихов подводит под эту статью. Всякий, кто ищет ее руки, первым делом знакомится с его мечом. — Септон допил вино и отставил чашу. — Нельзя сказать, чтобы охотников совсем уж не находилось. Клейтон Касвелл и Симон Лейгуд — самые упорные, хотя зарятся, похоже, больше на земли, чем на саму леди. Будь я игроком, то поставил бы на Герольда Ланнистера. Сюда он еще не показывался, но говорят, что волосы у него золотые, ум быстрый, а рост больше шести футов...

— ...и что его письма пришлись по сердцу леди Веббер. — Упомянутая леди появилась в дверях, сопровождаемая моло-

дым мейстером с большим крючковатым носом. — Ты проиграл бы свою ставку, братец. Герольд нипочем не окажется от удовольствий Ланниспорта и роскоши Бобрового Утеса ради какого-то маленького именьица. В качестве брата и советника лорда Тибольта он имеет куда больше влияния, чем мог бы обрести как мой муж. Что до других, то сиру Симону пришлось бы распродать половину моих земель, чтобы расквитаться с долгами, а сир Клейтон дрожит как лист, стоит только Длинному Дюйму посмотреть в его сторону. Кроме того, он красивее меня. А у тебя, септон, самый длинный язык во всем Вестеросе.

— Язык и должен быть длинным, а рот большим, чтоб прокормить такой живот, как у меня, — не смутился септон.

— Вы в самом деле Горячая Вдова? — удивленно спросил Эг. — Я почти с вас ростом!

— С полгода назад один мальчик сделал такое же замечание, и я отправила его на дыбу, чтоб стал подлиннее. — Леди Веббер заняла высокое сиденье на помосте и перекинула косу через левое плечо. Пушистый хвостик свернулся у нее на коленях, как спящая кошка. — Сир Дункан, мне не следовало дразнить вас, когда вы так старались быть любезным там, во дворе. Но вы так мило краснели... разве в той деревне, где вы доросли до такой вышины, девушки вас не дразнили?

— Моей деревней была Королевская Гавань. — О Блошином Конце Дунк умолчал. — Там, конечно, имелись девушки, но... — Дразнилки на Блошином Конце были такого рода, что тебе могли отхватить палец на ноге.

— Должно быть, они просто побаивались это делать — вон вы какой большой. — Рука леди Роанны рассеянно гладила косу. — Прошу вас не думать худо о леди Гелисенте. Моя сестрица проста, но совершенно безобидна. При всем своем благочестии она даже одеться не смогла бы без своих септ.

— Она не виновата. Это я обознался.

— Какая благородная ложь. Я знаю, что это подстроил сир Лукас. Его шутки бывают жестокими, а вы нанесли ему оскорбление одним своим видом.

— Как так? Я ему ничего плохого не сделал...

Ее улыбка заставила Дунка пожелать, чтобы она не была такой красивой.

— Я видела вас рядом. Вы на целую ладонь выше, а сир Лукас давно не встречал человека, на которого не мог бы глядеть свысока. Сколько вам лет, сир?

— Около двадцати, миледи. — Дунку нравилось, как это звучит, «около двадцати», хотя он был на год или два моложе. Никто не знал его возраста в точности, а он и подавно. Родители у него, надо думать, были, как у всякого человека, но он сроду в глаза их не видел, даже имен их не слышал, а на Блошином Конце никому дела не было до того, когда и от кого он родился.

— Так ли вы сильны, как кажетесь с виду?

— Насколько же сильным я кажусь вашей милости?

— Достаточно сильным, чтобы вызвать раздражение сира Лукаса. Он мой кастелян, хотя назначала его не я. Он достался мне в наследство вместе с Холодным Рвом. Вас посвятили в рыцари на поле брани, сир Дункан? Простите мне эти слова, но ваша речь доказывает, что вы происходите не из благородного дома.

«Я происхожу из канавы».

— Межевой рыцарь сир Арлан из Пеннитри взял меня к себе в оруженосцы, когда я был совсем еще мал, обучил меня правилам чести и боевым навыкам.

— И он же сделал вас рыцарем?

Дунк пошаркал ногами. Шнуровка на одном сапоге распустилась.

— Больше некому было.

— Где он теперь, сир Арлан?

— Умер. — Дунк поднял глаза, решив завязать сапог после. — Я похоронил его на склоне холма.

— Он пал в бою?

— Да нет, простуду схватил. Из-за дождей.

— Старики все болеют. Мне это известно по второму мужу. Мы поженились, когда мне было тринадцать, а ему бы исполнилось пятьдесят пять, доживи он до следующих именин. Когда он уже полгода лежал в земле, я родила сына, но

Неведомый прибрал и его. Септоны сказали, что отец потребовал сына к себе. Как вы думаете, сир, это правда?

— Может, и так, миледи, — неуверенно ответил Дунк.

— Вздор. Просто мальчик родился слабеньким. Такой крошка — у него едва хватало силенок, чтобы сосать. Но его отцу боги даровали целых пятьдесят пять лет — могли бы и сыну дать чуть больше трех дней.

— Да, наверно, могли бы. — В том, что касалось богов, Дунк ничего не смыслил. Он иногда ходил в септу и молился Воину, чтобы тот дал силу его мышцам, но большей частью оставлял Семерых в покое.

— Я сожалею о смерти вашего сира Арлана, — сказала леди Роанна, — и еще больше сожалею о том, что вы служите у сира Юстаса. Не все старики одинаковы, сир Дункан. Лучше вы бы вернулись домой, в Пеннитри.

— Мой дом там, где я приношу присягу. — Дунк в глаза Пеннитри не видел и даже не знал, где оно находится — в Просторе или где-то еще.

— Так принесите ее здесь. Времена нынче неверные, и рыцари мне нужны. У вас должен быть хороший аппетит, сир Дункан — на одной курятине вам долго не протянуть. В Холодном Рву вы не будете знать недостатка в настоящем мясе и сладких пирогах. Оруженосца вашего тоже не мешало бы подкормить — у него от недоедания все волосы выпали. Жить он будет с другими мальчиками, своими сверстниками. Ему понравится. Мой мастер над оружием обучит его всем воинским искусствам.

— Я сам его обучаю, — робко возразил Дунк.

— А еще кто? Беннис? Старый Осгри? Ваши несушки?

Дунк действительно одно время заставлял Эга гоняться за курами, чтобы развить в нем быстроту — но если бы он в этом сознался, Роанна посмеялась бы над ним. Ее вздернутый носик и веснушки мешали ему сосредоточиться. Пришлось напомнить себе, для чего сир Юстас послал его сюда.

— Я присягнул милорду Осгри, миледи, и этого уже не изменишь.

— Будь по-вашему, сир. Поговорим о менее приятных вещах. — Вдова дернула себя за косу. — Мы не потерпим, что-

бы на Холодный Ров или наших людей нападали. Почему бы мне не зашить вас в мешок?

— Я приехал для переговоров, — напомнил Дунк, — и пил ваше вино. — Вкус еще держался у него во рту, и признаков яда он пока не чувствовал. Возможно, как раз вино и придало ему смелости. — Да и мешка, чтобы я в него поместился, у вас не найдется.

Придуманная Эгом шутка вызвала у Роанны улыбку, и Дунк испытал облегчение.

— Зато для Бенниса найдется вполне. Мейстер Серрик говорит, что он раскроил Уолмеру лицо до кости.

— Сир Беннис просто из себя вышел. Сир Юстас поручил мне уплатить пеню.

— Пеню? — засмеялась она. — Я знаю, что он стар, но не настолько же. Уж не думает ли он, что мы живем в Век Героев, когда жизнь человека ценилась не дороже мешка с серебром?

— Ваш человек не умер, миледи. Ничего страшного не случилось. Он получил рану, только и всего.

Роанна перебирала пальцами косу.

— И во сколько же оценил сир Юстас нанесенную Уолмеру рану?

— Один серебряный олень ему и три вам, миледи.

— Дешево же сир Юстас ценит мою честь — хотя три оленя, бесспорно, лучше, чем три курицы. Лучше бы он доставил Бенниса ко мне для наказания.

— Наказание — это мешок, о котором вы говорили?

— Быть может. — Она обмотала косу вокруг руки. — Пусть Осгри оставит при себе свое серебро. За кровь можно уплатить только кровью.

— Может, оно и так, миледи — но не лучше ли позвать сюда того землекопа и спросить, не предпочтет ли он оленя Беннису в мешке?

— Он, без сомнения, выберет серебро, если не сможет иметь и то, и другое. Но выбирать будет не он. Это дело о льве и пауке, а не о крестьянине, которому поцарапали щеку. Мне нужен Беннис, и я его получу. Никто не смеет вторгать-

ся на мои земли, чинить зло моим людям и уходить как ни в чем не бывало.

— Вы тоже вторглись на землю Оплота, миледи, и причинили большое зло одному из людей сира Юстаса, — выпалил Дунк, не успев обдумать свои слова.

— Разве? — Она снова подергала себя за косу. — Если вы об овцекраде, то мое терпение истощилось. Я дважды жаловалась на него Осгри, но тот не принял никаких мер. Просить трижды не в моих правилах, и королевский закон дает мне право заточать и казнить.

Тут в разговор вступил Эг.

— Только в своих владениях, — заявил он. — Король дает лордам право заточать и казнить на своих землях, не на чужих.

— Если ты такой ученый, — сказала Роанна, — то должен знать также, что рыцари-землевладельцы не имеют права наказывать кого бы то ни было без разрешения своего сюзерена. Сир Юстас живет под властью лорда Рована. Беннис нарушил мир в королевстве, пролив кровь, и должен ответить за это. Если сир Юстас пришлет его сюда, я сделаю ему на носу зарубку, и конец делу. Если мне придется ехать за ним самой, я не обещаю ограничиться этим.

Дунк ощутил дурноту под ложечкой.

— Я скажу ему, но он сира Бенниса не отдаст. Все это вышло из-за плотины. Если ваша милость согласится ее снести...

— Это невозможно, — подал голос молодой мейстер. — У Холодного Рва крестьян в двадцать раз больше, чем у Оплота. Пшеница, кукуруза и ячмень ее милости гибнут от засухи. В ее садах растут яблоки, абрикосы и три сорта груш. У нее много стельных коров, пятьсот голов черноносых овец и лучшие в Просторе лошади. Около дюжины кобыл вот-вот ожеребятся.

— У сира Юстаса тоже есть овцы, — сказал Дунк. — А также дыни, бобы, ячмень...

— Вы отводите воду в ров! — громко произнес Эг.

«Туда меня и отправят», — подумал Дунк.

— Ров необходим для обороны замка, — не сдавался мейстер. — Вы хотите, чтобы леди Роанна осталась без всякой защиты в столь смутные времена?

— Сухой ров все равно остается рвом, — медленно проговорил Дунк. — У миледи толстые стены и достаточно здоровых мужчин, чтобы защищать их.

— Сир Дункан, — сказала Роанна, — мне было десять лет, когда восстал черный дракон. Я просила отца поберечь себя или хотя бы оставить со мной мужа. Кто защитит меня, спрашивала я, если обоих моих мужчин не станет? Тогда отец взошел со мной на крепостную стену и показал мне сильные стороны Холодного Рва. «Вот что тебя защитит, — сказал он. — Позаботься о своей обороне, и никто не причинит тебе зла». Первое, на что он указал, был ров. — Она провела хвостом косы по щеке. — Первый мой муж погиб на Багряном Поле. Отец находил мне других, но Неведомый забирал их одного за другим. Я не верю больше в мужчин, какими бы здоровыми они ни были. Я верю в камень, сталь и воду. Верю во рвы, сир, и мой никогда не будет сухим.

— Ваш отец судил здраво, — сказал Дунк, — но это не дает вам права забирать воду Осгри.

Она дернула себя за косу.

— Сир Юстас, должно быть, сказал вам, что ручей — его собственность.

— Вот уже тысячу лет. Он даже зовется Шахматным — это же ясно.

— Да. — Ее рука теребила косу без передышки. — А река зовется Мандером, хотя Мандерли вот уже тысячу лет как прогнали с ее берегов. Хайгарден до сих пор Хайгарден, или Вышесад, хотя последний из Садовников пал на Огненном Поле. В Бобровом Утесе ни одного Бобра не сыскать — одни Ланнистеры. Мир меняется, сир. Шахматный ручей берет начало в Подкове, а она, насколько мне известно, моя. И вода тоже моя. Докажите ему, мейстер Серрик.

Мейстер сошел с помоста. Немногим старше Дунка, он в своем сером одеянии и с цепью на шее казался мудрым не по годам. В руках он держал пергамент.

— Смотрите сами, сир. — Он развернул свиток и подал Дунку.

Дунк-чурбан... Кровь снова бросилась ему в лицо. Он осторожно взял пергамент у мейстера и хмуро уставился на него,

не разбирая ни слова. Восковую печать, однако, он знал хорошо — трехглавый дракон дома Таргариенов. Королевская. У него в руках какой-то королевский указ. Дунк поводил глазами по строчкам, чтобы все думали, будто он читает.

— Тут есть одно слово, которого я не могу понять. Взгляни, Эг, у тебя глаза помоложе.

Мальчик мигом шмыгнул к нему.

— Что за слово, сир? Вот это? — Эг быстро пробежал грамоту, поднял глаза на Дунка и чуть заметно кивнул.

Ручей ее, про это и грамота писана. Дунка точно в живот двинули. И печать самого короля.

— Тут, должно быть, ошибка... Все сыновья старого рыцаря отдали жизнь за короля, по какой причине его величеству отбирать у него ручей?

— Будь король Дейерон менее склонен к прощению, ваш старик и голову бы потерял.

— Как так? — растерялся Дунк.

— Миледи хочет сказать, — вмешался мейстер, — что сир Юстас Осгри — мятежник, изменивший своему королю.

— Сир Юстас выбрал черного дракона в надежде, что Черное Пламя вернет его дому земли и замки, которых они лишились при Таргариенах, — сказала Роанна. — Особенно он хотел заграбастать Холодный Ров. Сыновья поплатились жизнью за измену отца. Когда он привез их кости домой, а дочь отдал людям короля как заложницу, жена его бросилась вниз с башни Оплота. Разве сир Юстас вам не рассказывал? — грустно улыбнулась она. — Вижу, что нет.

— Черный дракон... — «Ты присягнул изменнику, чурбан этакий. Ты ел хлеб предателя и спал под кровом мятежника». — Но ведь тому уже пятнадцать лет, миледи... и у нас засуха. Хоть сир Юстас и был когда-то мятежником, вода ему все равно нужна.

Горячая Вдова встала и оправила юбки.

— Так пусть помолится о дожде.

Дунк вспомнил то, что старик сказал ему в лесу перед тем, как расстаться.

— Если вы не хотите поделиться водой ради него самого, сделайте это ради его сына.

— Сына?

— Да. Ради Аддама. Он служил у вашего отца пажом и оруженосцем.

— Подойдите, — с каменным лицом приказала леди Роанна.

Дунк, не зная, как быть, повиновался. Помост делал ее на добрый фут выше, но Дунк все равно возвышался над ней.

— Преклоните колени.

Он опять подчинился, и Роанна закатила ему пощечину, вложив в это всю свою силу — а она была сильнее, чем казалась на вид. Щека у него запылала, и он ощутил вкус крови из разбитой губы, но настоящей боли она ему не причинила. Какой-то миг Дунку очень хотелось схватить ее за рыжую косу, перекинуть через колено и отшлепать, как нашкодившего ребенка. Так ведь кричать будет — сбегутся двадцать рыцарей и прикончат его.

— Вы посмели приплести сюда Аддама? — Ее тонкие ноздри раздулись. — Убирайтесь вон из Холодного Рва! Сейчас же.

— Но я не хотел...

— Ступайте, не то я подыщу для вас мешок, хотя бы мне пришлось самой его сшить. Скажите сиру Юстасу, чтобы завтра же доставил сюда Бенниса Бурый Щит, иначе я сама явлюсь за ним с огнем и мечом. Вы меня поняли? С огнем и мечом!

Септон Сефтон взял Дунка под руку и потащил к двери. Эг поспешал за ними.

— Неразумно, сир, очень неразумно, — шептал септон, увлекая Дунка вниз по лестнице. — Зачем вы упомянули Аддама Осгри?

— Сир Юстас сказал, что она питала к нему привязанность.

— Привязанность! Она любила этого мальчика, а он ее. Дальше пары поцелуев дело не пошло, но это Аддама она оплакивала после Багряного Поля, а не мужа, которого едва знала. В его смерти она винит сира Юстаса, и это понятно — ведь Аддаму было всего двенадцать.

Дунк знал, что такое душевная рана. Стоило кому-нибудь упомянуть Эшфордский луг, он вспоминал о трех добрых

людях, погибших, чтобы спасти его от наказания, и каждый раз терзался.

— Скажите миледи, что я не хотел причинить ей боль. Я прошу у нее прощения.

— Сделаю, что смогу, сир — но уговорите сира Юстаса привезти к ней Бенниса, да поскорее. Иначе ему придется плохо, очень плохо.

Лишь когда стены и башни Холодного Рва скрылись из вида, Дунк спросил Эга:

— Что там было написано, в той грамоте?

— Король жалует лорда Вимана Веббера за его верную службу во время последнего мятежа и отдает ему и его потомкам все права на Шахматный ручей, от Подковы до Лиственного озера. Еще там говорится, что лорд Виман и его потомки вправе охотиться на красных оленей, вепрей и зайцев в Уотовом лесу, когда им заблагорассудится, и каждый год рубить в оном лесу по двадцать деревьев. — Мальчик откашлялся. — Однако права эти временные. Буде сир Юстас умрет, не оставив наследника мужского пола, Оплот отойдет в казну, и привилегии Вебберов на этом закончатся.

Осгри тысячу лет были хранителями Северных Марок...

— Они оставили старику только башню, чтоб в ней умереть.

— И голову, — рассудительно заметил Эг. — Король помиловал его, хотя он сражался на стороне мятежников.

— А ты бы снял с него голову? — покосился на него Дунк.

Эг поразмыслил.

— Когда я жил при дворе, то иногда прислуживал на Малом совете. Там об этом все время спорили. Дядя Бейелор говорил, что с благородным врагом милосердие уместно всегда. Побежденный, веря, что будет прощен, способен сложить меч и склонить колено. В противном случае он будет драться до последнего и лишит жизни еще больше преданных нам людей. А лорд Красный Ворон возражал, что прощать мятежников значит сеять семена нового мятежа. — В голосе Эга звучало сомнение. — Зачем было сиру Юстасу восставать против короля Дейерона? Тот был добрым королем, так все го-

ворят. Он присоединил к королевству Дорн и сделал дорнийцев нашими друзьями.

— Спроси об этом сира Юстаса, Эг. — Дунку казалось, что он знает ответ, но мальчугану такой ответ не понравился бы. Он хотел вернуть замок со львом на воротах, а получил могилы в ежевичнике. Когда ты присягаешь кому-то, ты клянешься служить этому человеку, повиноваться ему и сражаться за него в случае нужды, а не лезть в его дела и не оспаривать союзы, которые он заключает... но сир Юстас выставил Дунка дураком. Сказал, что его сыновья погибли за короля и что ручей его, а не Вебберов.

Ночь застала всадников в Уотовом лесу — по вине Дунка. Надо было ехать прямо домой, той же дорогой, а он свернул на север, чтобы еще раз взглянуть на плотину. Он даже подумывал о попытке разрушить ее собственными руками, но Семеро и сир Лукас Длинный Дюйм предусмотрели такое намерение. Плотину теперь охраняли двое арбалетчиков с пауками на камзолах. Один сидел, опустив ноги в краденую воду. За одно это Дунк охотно придушил бы его, но тот вскинул арбалет, как только заслышал их, а его товарищ и стрелу зарядил. Пришлось Дунку ограничиться грозными взглядами и повернуть восвояси.

Окрестности он знал не так хорошо, как сир Беннис, но счел бы унизительным для себя заплутать в таком маленьком леске, как Уотов. Когда они перешли ручей вброд, солнце стояло низко и появлялись первые звезды вместе с тучами мошкары. Среди темных деревьев у Эга опять развязался язык.

— Этот толстый септон сказал, что мой отец сидит в Летнем Замке и дуется.

— Мало ли кто что скажет.

— Отец никогда не дуется.

— Как знать. Ты же вот дуешься.

— Нет. — Эг помолчал. — Или да?

— Бывает, хотя и редко. Иначе ты чаще получал бы в ухо.

— Сегодня вы уже дали мне в ухо. Там, у ворот.

— Так, слегка. Будь это настоящая затрещина, ты бы почувствовал.

— Зато вам Горячая Вдова залепила как следует.

— А ты и рад. — Дунк потрогал распухшую губу. «Твоему отцу, однако, в ухо никто никогда не давал — возможно, потому он и получился таким, как есть, принц Мейекар». — Когда король назначил лорда Красного Ворона своим десницей, твой лорд-отец отказался войти в королевский совет и удалился из Королевской Гавани в собственное поместье, — напомнил он Эгу. — В Летнем Замке он остается уже полтора года. Конечно, он дуется, иначе не скажешь.

— Я бы сказал, что он гневается, — надменно промолвил Эг. — Его величеству следовало бы назначить десницей его. Он брат короля и лучший в стране военачальник после смерти дяди Бейелора. А Красный Ворон даже не лорд — его просто сделали лордом. Он колдун и человек низкого происхождения.

— Не низкого, а незаконного. — Пусть Красный Ворон не настоящий лорд, но кровь в нем благородная с обеих сторон. Мать его была одной из многих любовниц короля Эйегона Недостойного. Бастарды Эйегона стали проклятием Семи Королевств с самой кончины старого короля. На смертном одре он узаконил их всех — не только Красного Ворона, Жгучего Клинка и Черное Пламя, чьи матери были благородными дамами, но и остальных, зачатых им от трактирных девок, купеческих дочек, лицедеек и всех пригожих крестьянок, какие только попадались ему на глаза. Девиз дома Таргариенов — «Пламя и кровь», но сир Арлан говаривал, что Эйегону следовало бы взять другой: «Вымыть ее и привести ко мне». — Король Эйегон очистил его от клейма побочного сына, как и всех прочих.

— Прежний верховный септон говорил моему отцу, что у короля один закон, а у богов другой, — не уступал Эг. — Отец и Матерь благословляют детей, рожденных в законном браке, но бастарды родятся от похоти и слабости человеческой. Король Эйегон сделал своих бастардов законными, но натуру их изменить не мог. Верховный септон говорил, что всем бастардам на роду написано быть изменниками — и Черному Пламени, и Жгучему Клинку, и даже Красному Ворону. Лорд

Риверс, мол, просто хитрее, чем двое других, но в конце концов он себя покажет. Верховный септон советовал отцу никогда не доверяться ни ему, ни другим бастардам, какого бы рода те ни были, знатного или простого.

«На роду написано... Рождены от похоти и слабости человеческой».

— Эг, — сказал Дунк, — а ты никогда не думал, что я тоже бастард?

— Вы, сир? — опешил мальчик. — Вы не такой.

— Все может быть. Я ведь не знаю, кто была моя мать и что с ней сталось. Может, я родился таким большим, что убил ее, но скорее всего она была шлюхой или служила в трактире. Знатные леди на Блошином Конце не живут. А если она была замужняя, то куда отец подевался? — Дунк не любил вспоминать о своей жизни до сира Арлана. — Я все ходил в одну харчевню — сбывал там крыс, кошек и голубей на жаркое, так повар всегда говорил, что отец у меня был не иначе как вором. «Бьюсь об заклад, что видел, как его вешали, — говорил он, — хотя могли и на Стену отправить». Потом я спрашивал у сира Арлана, нельзя ли нам поступить на службу в Винтерфелл или другой какой северный замок. Все думал — вот доберусь до Стены и встречу там старика, высоченного, как я. Но мы так и не добрались до нее. Сир Арлан сказал, что на Севере межей нет, одни леса, а в них волки. Короче говоря, — подытожил Дунк, — очень может статься, что ты служишь в оруженосцах у бастарда.

Эг впервые на памяти Дунка не нашелся с ответом. Сумерки вокруг них сгущались, между стволами порхали, как летучие звезды, светляки. На небе тоже высыпали звезды — столько, что ни одному человеку не сосчитать, даже если он доживет до лет короля Джейехериса. Дунк без труда находил среди них старых друзей: Жеребца, Свинку, Королевскую Корону и Фонарь Старицы, Галею, Призрака, Лунную Деву. Но голубой глаз Ледяного Дракона, тот, что смотрит на север, скрыли набежавшие облака.

Когда они добрались до дома, взошла луна и осветила на холме высокую черную башню. В верхних окнах горел блед-

ный желтый свет. Сир Юстас почти всегда отправлялся спать сразу после ужина, но сегодня он задержался. «Нас дожидается», — сказал себе Дунк.

Беннис Бурый Щит тоже ждал — он сидел на ступенях башни, жевал кислолист и точил при луне свой меч. Медленное шарканье камня по стали разносилось далеко. Как ни пренебрегал сир Беннис своей одеждой и собственной персоной, к оружию он относился заботливо.

— Никак чурбан воротился. А я уж сталь вострю, чтоб ехать к вдове вызволять тебя.

— Что-то наших людей не видно.

— Треб с Мокрым Уотом несут караул на крыше — вдруг вдова нагрянет. Остальные спать повалились, как убитые — я их здорово погонял сегодня. Пустил малость кровь большому недоумку, чтоб его разозлить. Он лучше дерется, когда злой. — Беннис ощерился в своей красно-бурой улыбке. — А тебе, я гляжу, губу расквасили. То-то — будешь знать, как камни переворачивать. Что тебе сказала женщина?

— Воду она оставит себе и вас тоже требует — за то, что поранили того землекопа.

— Так я и думал, — плюнул Беннис. — Сколько шуму из-за вшивого мужика. Он бы мне спасибо должен сказать — бабы любят мужчин со шрамами.

— Значит, вы не будете возражать, если она оставит вам на носу зарубку.

— Да пошла она... Если б мне хотелось иметь на носу отметину, я бы сам ее сделал. Сир Никудышный сидит у себя, — Беннис ткнул большим пальцем вверх, — размышляет о былом величии.

— Он сражался за черного дракона, — подал голос Эг.

Дунк уже примерился дать мальчишке в ухо, но Беннис только засмеялся...

— Ясное дело. Стоит только на него поглядеть. По-вашему, он похож на того, кто выбирает сторону победителя?

— Не больше, чем вы — иначе вас бы здесь не было. Позаботься о Громе и Мейстере, — сказал Дунк Эгу, — а потом приходи к нам наверх.

Старый рыцарь сидел у очага в ночном одеянии, но огонь в очаге не горел. В руке он держал тяжелую серебряную чашу, сделанную для кого-то из лордов Осгри еще до Завоевания. Чашу украшал шахматный лев, составленный из золотых и малахитовых чешуек — некоторые из них уже облупились. Услышав шаги Дунка, старик заморгал, словно пробужденный от сна.

— Вот и вы, сир Дункан. Ну как, напугался Лукас Длинный Дюйм, когда вас увидел?

— Не думаю, милорд. Скорее уж рассердился. — Дунк рассказал, как умел, о своем визите — только о леди Гелисенте умолчал, чтоб совсем уж дураком не показаться. Он опустил бы и затрещину, но губа у него раздулась вдвое против прежнего, чего сир Юстас не заметить никак не мог.

— Что с вашей губой?

Дунк потрогал опухоль.

— Ее милость припечатала.

— Она ударила вас? — Старик раскрыл рот и снова закрыл. — Бить моего посла, приехавшего к ней под шахматным львом! Посметь поднять на вас руку!

— Это еще не самое страшное. Кровь унялась, не успели мы выехать из замка. — Дунк сжал руку в кулак. — Вашего серебра ей не нужно. Она требует сира Бенниса и плотину сносить не намерена. Она показала мне пергамент с какой-то писаниной и королевской печатью. Там сказано, что ручей ее. И еще она сказала, — замялся Дунк, — что вы...

— Был сторонником черного дракона? — Сир Юстас поник головой. — Этого я и боялся. Если вы захотите покинуть службу, я не стану удерживать вас. — Старик опустил глаза на свою чашу, неведомо что там высматривая.

— Вы мне сказали, что ваши сыновья погибли за короля.

— Так оно и было. За истинного короля, Дейемона Черное Пламя. Короля, Опоясанного Мечом. — Усы старика дрогнули. — Люди красного дракона называли себя «верными», но те, кто выбрал черного, отличались не меньшей верностью. Теперь они — те, кто вместе со мной пытался возвести Дейемона на Железный Трон, — исчезли, как утренняя

роса. То ли они мне приснились, то ли лорд Красный Ворон со своими Зубами нагнал на них страху. Не могли же они все умереть.

Дунку нечего было возразить на это. До сих пор он не встречал еще никого, кто сражался за Претендента. Не странно ли? Ведь их были тысячи! Полстраны поддерживало красного дракона, полстраны — черного.

— Сир Арлан говорил, что и та, и другая сторона бились отважно. — Дунк подумал, что старику приятно будет это услышать.

Сир Юстас покачал чашу в ладонях.

— Если бы Дейемон растоптал Гвейна Корбрея... если бы Огненный Шар не был убит накануне битвы... если бы Хайтауэр, Тарбек, Окхарт и Батервелл поддержали нас всей своей силой, не пытаясь служить и вашим и нашим... если бы Манфред Лотстон не предал... если бы штормы не задержали прибытия лорда Бракена с мирийскими арбалетчиками... если бы Скорохвата не поймали с краденными драконьими яйцами... так много «если бы да кабы»... Если бы хоть что-то вышло не так, как на деле, все могло бы обернуться по-иному. Тогда «верными» звали бы нас, а красных драконов вспоминали как проигравших сторонников узурпатора Дейерона Ложного.

— Может, оно и верно, милорд, но вышло все так, а не иначе. Зачем себя мучить? Это все давно быльем поросло, и вас помиловали.

— Помиловали, да. Тех, кто склонил колено и предоставил ему заложников в знак грядущей верности, Дейерон простил. Я выкупил свою голову жизнью дочери. Алисанне было семь, когда ее увезли в Королевскую Гавань, а умерла она в двадцать, Молчаливой Сестрой. Я однажды ездил в город ее повидать, а она ни слова не захотела сказать родному отцу. Королевское милосердие — дар, несущий в себе отраву. Дейерон Таргариен оставил мне жизнь, но отнял гордость, мечты и честь. — Его рука дрожала, и красное вино плескало из чаши на колени, но старик не замечал этого. — Лучше бы я отправился в изгнание со Жгучим Клинком или лег рядом с моими мальчиками и славным моим королем. Такая смерть

была бы достойна шахматного льва, потомка стольких гордых лордов и могучих воинов. Милость Дейерона умалила меня.

В его сердце черный дракон еще жив, понял Дунк.

— Милорд, — сказал Эг, вошедший, когда старик говорил о смерти. Сир Юстас посмотрел на него так, словно видел впервые.

— Да, паренек? Что тебе?

— Прошу прощения... но Горячая Вдова сказала, что вы примкнули к мятежникам, чтобы отнять у нее замок. Это ведь не так, правда?

— Замок... — смутился старик. — Дейемон обещал мне Холодный Ров, да... но воевал я не ради награды.

— Ради чего же тогда? — спросил Эг.

— Ради чего... — нахмурился Осгри.

— Зачем вы стали изменником, если не ради замка?

Сир Юстас долго смотрел на Эга и наконец ответил:

— Ты еще мальчик. Тебе не понять.

— Я постараюсь.

— Измена — это всего лишь слово. Когда двое принцев дерутся за стул, на который только один из них может сесть, и лордам, и простым людям приходится выбирать между ними. А после битвы победителей провозглашают верными, побежденных же — мятежниками и предателями. Вот и меня постигла такая участь.

Эг подумал немного.

— Да, милорд... но ведь Дейерон был добрый человек. Почему вы выбрали Дейемона?

— Дейерон... — Старик выговорил это невнятно, и Дунк сообразил, что он сильно подвыпил. — Дейерон был хилый, узкоплечий, и брюшко у него подрагивало при ходьбе. Дейемон отличался гордой осанкой, и живот у него был плоский и твердый, словно дубовый щит. И драться умел на славу. Любого рыцаря мог побороть на копьях, топорах или дубинках, а уж с мечом это был сам Воин. С Черным Пламенем в руках он не имел себе равных — будь то хоть Ульрик Дейн с Мечом Зари или Рыцарь Драконов с Темной Сестрой.

Человек познается по его друзьям, Эг. Дейерон окружал себя мейстерами, септонами и певцами. Женщины вечно шептали что-то ему на ухо, и дорнийцы толклись у него при дворе. Как же иначе, если он уложил дорнийку к себе в постель и продал свою милую сестру принцу Дорнийскому, хотя любила она Дейемона? Дейерон носил то же имя, что Молодой Дракон, но сына от жены-дорнийки он назвал Бейелором в честь самого слабого из королей, когда-либо занимавших Железный Трон.

Дейемон набожен был не более, чем это прилично королю, и вокруг него собрались все великие рыцари королевства. Лорду Красному Ворону очень хотелось бы, чтобы они были забыты, и он запрещает нам петь о них, но я-то помню. Робб Рейн, Гарет Серый, сир Обри Амброз, лорд Гармон Пик, Черный Бирен Флауэрс, Красный Бивень, Огненный Шар... Жгучий Клинок, наконец! Где еще, я вас спрашиваю, собиралось столь благородное общество, где вы еще найдете столько героев?

Ты спрашиваешь, почему, мальчик? Да потому, что Дейемон был лучшим из двух. Это и старый король понимал. Недаром он отдал меч Дейемону — Черное Пламя, клинок Эйегона Завоевателя, которым со времен Завоевания владел каждый король из рода Таргариенов... он вложил этот меч в руки Дейемона в тот самый день, когда посвятил его, двенадцатилетнего, в рыцари.

— Мой отец говорит, что он сделал это, потому что Дейемон был бойцом, а Дейерон нет, — сказал Эг. — Зачем дарить лошадь человеку, который не ездит верхом? Меч — еще не королевство, сказал отец.

Рука старого рыцаря дернулась, и вино снова выплеснулось из чаши.

— Твой отец глуп.

— Нет, не глуп.

Лицо Осгри исказилось от гнева.

— Ты задал вопрос, и я на него ответил, но дерзость я терпеть не намерен. Вам следует почаще бить этого мальчика, сир Дункан. Его манеры оставляют желать много лучшего.

Если вы хотите, чтобы я сам потрудился над ним, я это сделаю...

— Нет, — перебил Дункан, — не сделаете. Теперь уже ночь, но как только рассветет, мы уедем.

— Уедете? — повторил пораженный сир Юстас.

— Да. Мы покидаем Оплот и отказываемся от службы у вас. — «Вы лгали нам, — добавил про себя Дунк. — Называйте это как хотите, с честью это несовместимо». Дунк снял с себя плащ, свернул и положил старику на колени.

— Женщина предложила взять вас к себе? — прищурился Осгри. — Вы покидаете меня, чтобы лечь в постель с этой шлюхой?

— Не знаю, кто она — шлюха, колдунья, отравительница или честная вдова. Мне нет до нее дела, чем бы она ни была. Мы едем на межи, не в Холодный Ров.

— На большую дорогу, вы хотите сказать. Подкарауливать добрых людей. — Чаша выпала из дрожащей руки старика и покатилась по полу, расплескивая вино. — Что ж, убирайтесь. Вы мне не нужны. Я жалею, что принял вас в дом. Убирайтесь!

— Как скажете, сир. — Дунк сделал знак Эгу, и они вышли.

В эту последнюю ночь Дунку хотелось быть как можно дальше от Юстаса Осгри, поэтому легли они в подвале, вместе с доблестным войском Оплота. Ночь выдалась беспокойная. Лем с красноглазым Пейтом храпели — один громко, другой непрерывно. Через люк, из еще более глубоких погребов, несло сыростью. Дунк ворочался на колючей соломе, то засыпая, то пробуждаясь. В лесу его покусала мошкара, в соломе обитали блохи, и он все время чесался. Скорее бы уйти отсюда, думал он, подальше от старика, сира Бенниса и всех остальных. Пора, пожалуй, свозить Эга в Летний Замок, к отцу. Он скажет ему об этом утром, когда башня останется позади.

Утро, однако, казалось очень далеким. В голове у Дунка кишели драконы, черные и красные, шахматные львы, старые щиты, поношенные сапоги, ручьи, рвы, плотины и непонятные для него пергаменты с королевской печатью.

Присутствовала там и она, Горячая Вдова, Роанна — ее веснушчатое лицо, тонкие руки, длинная рыжая коса. Из-за этого он чувствовал себя виноватым. Ему должна сниться Тансель, а не вдова — Тансель по прозвищу Длинная, но для него в самый раз. Она раскрасила его щит, а он спас ее от Огненного Принца, но еще до назначенного ему испытания Тансель исчезла. «Она не хотела видеть, как я умру», — твердил себе Дунк, но наверняка он этого знать не мог. Он туп, как чурбан — одно то, что ему лезут в голову мысли о Горячей Вдове, это доказывает. Тансель только улыбалась ему, он ни разу к ней не притронулся и ни разу ее не поцеловал, даже в щеку. Зато вдова к нему притронулась, да еще как — так, что губу раздуло. «Не будь дураком, чурбан, она не про таких, как ты. Она слишком маленькая для тебя, слишком умная и ох как опасна».

Наконец он заснул надолго, и ему приснилось, что он бежит через поляну в Уотовом лесу — бежит навстречу Роанне, а она стреляет в него из лука. Каждая ее стрела попадала в цель и пронзала ему грудь, но боль от них была удивительно сладостна. Ему следовало бы бежать прочь, но он бежал к ней, медленно, будто самый воздух обратился в мед, хотя во сне всегда бежишь медленно. Стрелы продолжали вонзаться в него, точно в ее колчане им счету не было. Ее с серые с зеленым глаза смотрели лукаво. «Это платье делает ваши глаза еще ярче», — хотел сказать он, только на ней не было платья, не было вообще ничего. Веснушки чуть сбрызнули ложбинку меж ее маленьких грудей, твердые красные соски походили на ягоды. Утыканный стрелами наподобие дикобраза, он свалился к ее ногам, но еще нашел в себе силы ухватить ее за косу, рывком повалил ее на себя и поцеловал.

На этом месте его разбудил чей-то крик.

Люди ругались и охали, нашаривая в темном подвале штаны и копья. Никто не знал, что стряслось. Эг ощупью зажег сальную свечку. Дунк первым вылез наверх и чуть не врезался в Сэма Ступса — тот бежал вниз, пыхтя, как кузнечные мехи, и бормоча что-то неразборчивое. Дунк придержал его за плечи, не дав упасть.

— Что там такое, Сэм?

— Небо, — бормотал старик, — небо. — Видя, что толку от него не добьешься, все поднялись на крышу, чтобы самим посмотреть. Сир Юстас уже стоял на парапете в ночной рубахе, глядя куда-то вдаль.

Солнце вставало на западе.

Дунк далеко не сразу сообразил, что это значит, а когда понял, промолвил:

— Уотов лес горит. — Снизу слышалась ругань Бенниса — такая, что Эйегону Недостойному покраснеть впору. Сэм бормотал молитвы.

Пламени на таком расстоянии не было видно, но зарево охватило половину западного небосклона, затмив звезды. Половина Королевской Короны скрылась за пеленой дыма.

«С огнем и мечом», — сказала она.

Пожар полыхал до утра, и в Оплоте никто не спал. Вскоре до них дошел запах дыма, и стали видны языки пламени, пляшущие вдали, как девушки в алых юбках. Все беспокоились, не дойдет ли огонь сюда. Дунк до рези в глазах всматривался в ночь, ожидая появления всадников.

— Беннис, — сказал он, когда бурый рыцарь поднялся к ним со своей жвачкой во рту, — ей нужен ты. Лучше бы ты уехал отсюда.

— Бежать? — заржал тот. — На моем-то одре? Все равно что попробовать улететь верхом на проклятой курице.

— Тогда сдайся. Ну, раскроят тебе нос, и всех дел.

— Мой нос меня устраивает таким, как он есть. Пусть сначала возьмет меня — поглядим, чья краса пострадает. — Беннис сел, поджав ноги, спиной к крепостному зубцу, и достал свой точильный камень. Сир Юстас стоял как раз над ним, и они стали вполголоса совещаться.

— Длинный Дюйм будет ждать нас у дамбы, — говорил старый рыцарь, — а мы вместо этого сожжем ее урожай. Огонь за огонь.

Сир Беннис счел эту мысль удачной, только добавил, что и мельницу бы неплохо поджечь.

— Она в шести лигах от замка с той стороны, Длинному Дюйму не придет в голову там караулить. Спалим мельницу и убьем мельника, это ей дорого станет.

Эг тоже их слышал. Он кашлял, и его белки сверкали во мраке.

— Сир, надо остановить их.

— Как? — спросил Дунк. «Их вдова остановит, вместе со своим Длинным Дюймом». — Это они так, языком треплют, Эг. Чтоб штаны не намочить со страху. А нам до них дела больше нет.

Пришел рассвет, затянутый серой дымкой. Воздух ел глаза. Дунк хотел выехать пораньше, но сомневался, что они далеко уедут после бессонной ночи. Они с Эгом позавтракали вареными яйцами, пока Беннис учил ополченцев. Они люди Осгри, а мы нет, говорил себе Дунк. Он съел четыре яйца, полагая, что с сира Юстаса причитается, Эг съел два. Еду они запили элем.

— Можно поехать на Светлый остров, сир, — предложил мальчик, пока они укладывались. — Если им докучают островитяне, лорду Фармену лишние мечи пригодятся.

Эг подал хорошую мысль.

— А ты там когда-нибудь был?

— Нет, сир, но там, говорят, красиво. Недаром же остров и замок лорда Фармена называются Светлыми.

— Светлый так Светлый, — засмеялся Дунк. С него словно тяжесть свалилась. — Я пойду седлать, — сказал он, когда они увязали его доспехи в узел, перехваченный пеньковой веревкой. — А ты ступай на крышу за нашими одеялами. — Этим утром еще одно столкновение с шахматным львом требовалось ему меньше всего. — Если увидишь сира Юстаса, ничего не говори.

— Хорошо, сир, не буду.

Беннис выстроил всех рекрутов в ряд с копьями и щитами и пытался научить их наступать строем. На Дунка, когда тот шел через двор, он даже не глянул. Он добьется, что их всех поубивают. Горячая Вдова вот-вот будет здесь. Эг выбежал из башни с одеялами и поскакал по деревянным ступень-

кам. Сир Юстас стоял на балконе, упершись руками в перила. Встретившись глазами с Дунком, он шевельнул усами и отвернулся. Дым густо стоял в воздухе.

Беннис тоже повесил через плечо щит, окованный железом, с бесчисленными слоями старого лака. Эмблемы на нем не было, только выпуклая накладка, напоминавшая Дунку большой зажмуренный глаз. Такой же слепой, как сам Беннис.

— Как ты намерен сражаться с ней? — спросил Дунк.

Беннис с красным от кислолиста ртом посмотрел на своих солдат.

— Холм с таким малым количеством копий не удержишь. Будем оборонять башню. Засядем внутри — вход у нее только один, втянем деревянную лестницу, и они нас не достанут.

— Они свою лестницу могут построить. Могут захватить веревки с крючьями и проникнуть к вам через кровлю. Или просто будут стрелять из арбалетов по двери, которую вы обороняете.

Дыни, Бобы и Ячмени прислушивались к их разговору. Недавнюю храбрость с мужиков как ветром сдуло, несмотря на полное безветрие. Сжимая свои заостренные палки, они смотрели то на Дунка с Беннисом, то друг на друга.

— Твое воинство тебе не поможет, — сказал Дунк. — Если ты оставишь их на открытом месте, вдовьи рыцари порубят всех на куски, а в башне от их копий никакого проку.

— Они могут бросать что-нибудь с крыши, — заметил Беннис. — Треб хорошо камни кидает.

— Пару камней он, может, и бросит, пока кто-то из арбалетчиков не снимет его.

— Сир, — возник рядом Эг, — если мы едем, то нам пора — неровен час вдова нагрянет.

Эг, конечно, был прав — из-за промедления они могли оказаться в ловушке, — но Дунк все-таки медлил.

— Распусти их, Беннис.

— Что-о? Распустить наших доблестных воинов? — заржал тот и предостерег мужиков: — Вы себе ничего такого в голову не берите. Я выпущу кишки каждому, кто вздумает убежать.

— А я выпущу кишки тебе. — Дунк вынул меч и сказал крестьянам: — Ступайте домой. Расходитесь по своим деревням и посмотрите, не пострадали ли от пожара ваши дома и посевы.

Никто не шелохнулся. Бурый рыцарь смотрел на Дунка, пережевывая кислолист.

— Ступайте, — повторил Дунк, словно кто-то из богов внушил ему это слово. Только не Воин. Может, у дураков есть свой бог? — ПРОЧЬ! — рявкнул он во весь голос. — Копья и щиты возьмите с собой, только уходите, иначе до завтра вам не дожить. Вы что ж, не хотите снова обнять ваших жен и детей? По домам! Оглохли вы все, что ли?

Нет, они не оглохли. Во дворе поднялась суматоха. Большой Робб в спешке наступил на курицу, Пейт споткнулся о собственное копье, чуть не вспоров живот Уиллу Бобу. Наконец все они разбежались — Бобы в одну сторону, Дыни в другую, Ячмени в третью. Сир Юстас кричал на них сверху, но они не обращали внимания. На этот раз их уж точно глухота одолела.

Когда старый рыцарь вышел из башни и слез по ступенькам, посреди кур остались только Беннис, Дунк и Эг.

— Вернитесь, — закричал сир Юстас вслед своему улепетывающему войску. — Я не разрешал вам уходить. Я не разрешал!

— Бесполезно, милорд, — сказал Беннис. — Они не вернутся.

Осгри повернулся к Дунку с трясущимися от ярости усами.

— Вы не имели никакого права их отпускать. Я решительно запретил им уходить, а вам — отпускать их!

— Мы не слыхали, милорд. — Эг снял шляпу, чтобы разогнать дым. — Очень уж куры раскудахтались.

Старик хлопнулся на нижнюю ступеньку Оплота.

— Что предложила вам эта женщина за меня? Сколько золота она вам дала за измену, чтобы вы разогнали моих людей и оставили меня одного?

— Вы не один, милорд. — Дунк убрал меч. — Я спал ночью под вашим кровом, а утром ел яйца, которые снесли ваши

куры. Я перед вами в долгу и не стану убегать, поджав хвост. Мой меч пока еще здесь. — Он дотронулся до рукояти.

— Один-единственный. — Старик медленно поднялся на ноги. — Что может один меч против этой женщины?

— Для начала попробуем не пустить ее на вашу землю. — Дунк очень хотел бы чувствовать себя так же уверенно, как говорил.

Усы старого рыцаря трепетали при каждом вздохе.

— Да, — сказал он. — Лучше действовать смело, чем отсиживаться за каменными стенами. Лучше умереть львом, чем кроликом. Мы были хранителями Северных Марок тысячу лет. Пойду надену доспехи.

Он заковылял наверх, а Эг сказал, глядя на Дунка:

— Не знал, что у вас есть хвост, сир.

— В ухо хочешь?

— Нет, сир. Вам тоже понадобятся доспехи?

— Да. И еще кое-что.

Они подумывали о том, чтобы взять с собой сира Беннисса, но в конце концов сир Юстас приказал ему оставаться и держать Оплот. Его меч принес бы мало пользы против численно превосходящего врага, а его вид мог разгорячить вдову еще больше.

Бенниса долго уговаривать не пришлось. Дунк помог ему выбить железные шпеньки, закреплявшие на месте верхний пролет. Беннис взобрался по ним, отвязал древние веревки и стал тянуть. Деревянная лестница со скрипом поползла вверх, оставив десятифутовый прогал между каменными ступенями и единственной дверью башни. Сэм и его жена уже были внутри, кур предоставили собственным заботам.

— Если мы не вернемся к ночи... — крикнул напоследок сир Юстас, сидя на своем сером.

— То я поеду в Хайгарден, милорд, и расскажу лорду Тиреллу, как эта женщина сожгла ваш лес и убила вас самих.

Дунк спустился с холма вслед за Эгом и Мейстером. Старый рыцарь, побрякивая доспехами, замыкал процессию. Ветер, поднявшийся впервые за много дней, трепал его плащ.

На месте Уотова леса дымилось пожарище. Огонь к этому времени догорел сам собой, но среди моря пепла и тлеющих углей еще потрескивали его островки. Одни обгоревшие стволы торчали в небо, как черные копья, другие рухнули кронами к западу с тускло-красной тлеющей сердцевиной. Кое-где стоял клубами плотный горячий дым. На сира Юстаса напал кашель, и Дунк боялся, как бы старику не пришлось повернуть назад, но приступ миновал.

Им встретилась туша красного оленя и еще один трупик, похоже, барсучий. Выжили здесь только мухи — они способны пережить что угодно.

— Вот таким, наверно, было Огненное Поле, — сказал сир Юстас. — Оттуда, двести лет назад, начались наши беды. Там пал последний из зеленых королей, а с ним и весь цвет Простора. Отец рассказывал, что от драконова огня у них мечи в руках плавились. Потом эти клинки собрали и сделали из них Железный Трон. Хайгарден перешел от королей к управителям, а Осгри захирели и из хранителей Северных Марок сделались рыцарями-землевладельцами, вассалами Рованов.

Дунку нечего было на это сказать, и некоторое время они ехали молча. Потом сир Юстас кашлянул и спросил:

— Сир Дункан, вы помните историю, которую я вам рассказал?

— Возможно, и помню, сир — которую?

— О Маленьком Льве.

— Да, помню. Он был младшим из пяти сыновей.

— Именно. Когда он убил Ланселя Ланнистера, западные повернули назад. Без короля война прекращается. Вы понимаете, к чему я говорю это?

— Да, — неохотно ответил Дунк. «Мог бы я убить женщину?» Единственный раз в жизни ему захотелось стать и правда тупым, как этот пресловутый чурбан. «Нет, так не годится. Я не должен этого допустить».

Там, где западная дорога пересекала ручей, сохранилось несколько зеленых деревьев, обгоревших только с одной стороны. Вода за ними поблескивала синевой и зеленью, но золото ушло из нее — дым застил солнце.

На берегу сир Юстас остановился.

— Я дал священный обет никогда не переходить этот ручей, пока земля за ним принадлежит ей. — Рыцарь был одет в кольчугу и панцирь под пожелтевшим камзолом, на бедре висел меч.

— А что, если она так и не придет, сир? — спросил Эг.

«С огнем и мечом», — вспомнил Дунк и сказал:

— Придет.

И она явилась, не прошло и часа. Сначала они услышали конский топот, потом позвякиванье доспехов. Стелющийся дым мешал различить, далеко ли всадники, но вскоре из-за рваной серой завесы возник ее знаменосец. Древко венчал железный паук, раскрашенный в белый и красный цвета, ниже болталось черное знамя Вебберов. Увидев их за ручьем, знаменосец остановился. С ним поравнялся сир Лукас Дюймель, в броне с головы до ног, и лишь тогда показалась леди Роанна на черной, как уголь, кобыле.

Лошадь была убрана полосками серебристого шелка, точно нитями паутины. За плечами вдовы вздувался плащ из такой же ткани, легкий, как воздух. Ее чешуйчатые доспехи, покрытые зеленой эмалью, сверкали золотой и серебряной чеканкой. Они сидели на ней, как перчатка, и казались сшитыми из летней листвы. За спиной подскакивала длинная рыжая коса. По одну ее руку ехал краснолицый септон Сефтон на большом сером коне, по другую мейстер Серрик на муле.

Позади виднелось еще полдюжины рыцарей и столько же оруженосцев. Замыкали отряд конные арбалетчики. Заметив Дунка на том берегу, они раскинулись веером по обе стороны от дороги. Всего бойцов, считая септона, мейстера и саму Роанну, было тридцать три. Дунк встретился взглядом с одним из рыцарей — приземистым, лысым, одетым в кольчугу и кожу, с сердитым лицом и безобразным зобом на шее.

Горячая Вдова подъехала к самому краю ручья.

— Сир Юстас, сир Дункан — мы видели ночью, как горит ваш лес.

— Видели, вот как? — отозвался сир Юстас. — Ясно, что видели, — после того, как сами его подожгли.

— Это злобный навет.

— И дело злое.

— Ночью я спала в своей постели, в окружении своих дам. Крики часовых разбудили меня, как и всех остальных. Старики карабкались на башню, чтобы взглянуть, грудные младенцы плакали от страха, видя красное зарево. Вот и все, что известно мне о вашем пожаре, сир.

— Это сделала ты, женщина, и мой лес погиб!

— Сир Юстас, — вмешался, прочистив горло, Сефтон, — леса горят повсюду, и Королевский, и даже Дождливый. Засуха их все превратила в сухие дрова.

— Взгляните, как высохли мои поля, Осгри, — призвала, подняв руку, Роанна. — Устраивать пожар было бы большой глупостью. Стоило ветру перемениться, пламя перескочило бы через ручей и сожгло половину моего урожая.

— Но твои поля целы, а лес мой сгорел! — прокричал сир Юстас. — И сожгла его ты. Ветер ты подчинила себе колдовскими чарами, и те же чары помогали тебе убивать своих мужей и братьев!

Лицо Роанны окаменело, как в Холодном Рву перед тем, как она закатила Дунку пощечину.

— Довольно болтать, сир. Выдайте нам Бенниса Бурый Щит, иначе мы сами его заберем.

— Не бывать этому! — прогремел, шевельнув усами, сир Юстас. — Ни шагу далее. Эта сторона ручья принадлежит мне, и я вас к себе не звал. Вы не получите здесь ни хлеба, ни соли, ни даже воды и тени. Я запрещаю вам ступать на землю Осгри.

— Сир Лукас, — только и вымолвила Роанна, перекинув косу через плечо. По знаку Длинного Дюйма лучники спешились, подкрутили воротки своих арбалетов и зарядили их. — Вы, кажется, хотели мне что-то запретить, сир? — осведомилась тогда леди Веббер.

Дунк решил, что с него довольно.

— Если вы перейдете этот ручей без позволения, то нарушите мир в королевстве.

— Король не узнает об этом, да ему и дела нет, — сказал септон, послав своего коня на шаг вперед. — Все мы дети Небесной Матери, сир, — отступитесь во имя ее.

Дунк нахмурился.

— Я мало что смыслю в божественных делах, септон, но разве мы также не дети Воина? Если вы попытаетесь перейти, я остановлю вас.

— Вот межевой рыцарь, желающий стать ежом, миледи, — засмеялся сир Лукас. — Одно ваше слово — и мы утыкаем его стрелами. На таком расстоянии они проткнут его броню, как вертелом.

— Повремените, сир, — сказала Роанна и обратилась к противникам за ручьем: — Вас двое мужчин и мальчик, а нас тридцать три человека. Как вы намерены помешать нам переправиться?

— Я скажу вам, — сказал Дунк, — но только наедине.

— Как вам будет угодно. — Роанна направила лошадь в ручей и остановилась, когда вода дошла кобыле до брюха. — Приблизьтесь, сир, — я обещаю не зашивать вас в мешок.

Сир Юстас схватил Дунка за руку.

— Ступайте к ней, но помните о Маленьком Льве.

— Да, милорд. — Дунк въехал в воду и стал рядом с Горячей Вдовой. — Миледи.

— Сир Дункан. — Она потрогала его раздувшуюся губу. — Неужели это я сделала?

— За последнее время меня больше никто не бил по лицу, миледи.

— Я поступила дурно. Нарушила законы гостеприимства. Наш добрый септон долго меня за это журил. — Она посмотрела через ручей на сира Юстаса. — Теперь я уже едва помню Аддама. Это было полжизни назад. Помню только, что любила его, а других не любила.

— Отец похоронил его в ежевичнике вместе с братьями. Аддам любил ежевику.

— Я помню. Мы собирали ее вместе и ели со сливками.

— Король простил старику Дейемона — пора и вам простить ему Аддама.

— Отдайте мне Бенниса, и я подумаю.

— Беннис не моя собственность, чтобы его отдавать.

— Мне не хотелось бы убивать вас, — вздохнула она.

— Мне не хотелось бы умирать.

— Ну так отдайте Бенниса. Мы отрежем ему нос, потом вернем назад, и делу конец.

— Нет, не конец. Остается еще плотина. И пожар. Вы согласны выдать нам поджигателей?

— Там водились светлячки. Может, это они зажгли пожар своими фонариками?

— Довольно шутить, миледи. Время шуток прошло. Снесите плотину и отдайте сиру Юстасу воду в обмен на лес. Это будет честно, не так ли?

— Было бы честно, если б лес подожгла я. Но я этого не делала — я мирно спала в Холодном Рву. Так что же нам помешает переправиться на ту сторону? Вы разбросали среди камней железные шипы? Закопали лучников в пепле? Скажите же — что, по-вашему, нас остановит?

— Я. — Дунк снял перчатку с руки. — На Блошином Конце я был сильнее и выше других мальчиков, поэтому я бил их и все у них отнимал. Мой старый рыцарь сказал мне, что так делать негоже. Это нехорошо, сказал он, а кроме того, у маленьких мальчиков бывают большие старшие братья. Взгляните. — Дунк снял с пальца перстень и подал Роанне.

Она отпустила косу, которую теребила, и взяла кольцо.

— Золото, — определила она, взвесив его на руке. — И печатка золотая, с ониксом. — Ее зеленые глаза сузились. — Откуда это у вас, сир?

— Оно лежало в носке сапога, завернутое в тряпицу.

Роанна, зажав перстень в кулаке, бросила взгляд на Эга и сира Юстаса.

— Вы пошли на большой риск, показав его мне. Но какое отношение это имеет к нам? Если я прикажу своим людям переправляться...

— В таком случае мне придется вступить с вами в бой.

— И умереть.

— Очень может быть. Тогда Эг вернется домой и расскажет, что здесь случилось.

— Не расскажет, если тоже умрет.

— Не думаю, что вы способны убить десятилетнего мальчика, — сказал Дунк, надеясь на правоту своих слов. — Во

всяком случае, этого мальчика. Вас тут тридцать три человека, как вы сами сказали. Пойдут разговоры — ваш толстяк уж верно молчать не будет. Как бы вы глубоко нас ни закопали, правда выйдет наружу. И тогда... лев, возможно, может умереть, если его укусит паук, но дракон — зверь иного рода.

— Да, с драконом лучше не ссориться. — Роанна примерила перстень, но он даже для большого пальца был слишком велик. — Но Бенниса Бурый Щит я должна получить в любом случае.

— Нет.

— В вас семь футов упрямства.

— На один дюйм меньше.

Она вернула ему кольцо.

— Я не могу вернуться в Холодный Ров с пустыми руками. Скажут, что Горячая Вдова перестала жалить, что ей не по силам вершить правосудие и своим крестьянам она не защита. Вам этого не понять, сир.

— Отчего же. — «Мне это понятнее, чем ты думаешь». — Помню, один лордик на штормовых землях взял сира Арлана на службу, в помощь против другого лордика. Я спросил старика, чего эти двое не поделили, а он ответил: «Да так, пустяки. Состязаются, кто дальше струю пустит».

Строгий взгляд, которым одарила его леди Роанна, продержался недолго и сменился усмешкой.

— В свое время я слышала множество комплиментов, но вы первый рыцарь, сказавший при мне такую вещь. В таких состязаниях, — уже серьезно продолжила она, — лорды оценивают, кто из них чего стоит, и горе тому, кто выкажет слабость. Женщине, если она хочет быть самостоятельной, приходится тужиться вдвое сильнее, а если она к тому же и ростом не вышла... Лорд Стэкхаус охотно оттяпал бы у меня Подкову, у сира Клиффорда Конклина старые притязания на Лиственное озеро, Дарвеллы живут тем, что угоняют скот у соседей... а у меня в доме распоряжается Длинный Дюйм. Просыпаясь утром, я каждый раз думаю, не решится ли он взять меня силой. — Она обмотала косу вокруг руки, как веревку, удерживающую ее над пропастью. — Он этого хочет, я

знаю. Только страх перед моим гневом останавливает его, как и Стэкхауса, и Конклина, и всех остальных. Если кто-то из них найдет, что я хоть в чем-то дала слабину...

Дунк снова надел перстень на палец и достал из ножен кинжал.

— Что вы делаете? — Ее глаза широко раскрылись. — Рехнулись вы, что ли? На вас смотрит дюжина арбалетов.

— Вы сказали, что за кровь платят кровью. — Дунк приставил острие кинжала к щеке. — Вам доложили неверно. Того землекопа ранил я, а не Беннис. — Он полоснул себя по лицу и стряхнул кровь с клинка. Несколько капель попало на лицо Роанны, смешавшись с ее веснушками. — Теперь Горячая Вдова получила свое. Одна щека в обмен на другую.

— Нет, вы в самом деле с ума сошли. — Ее глаза наполнились слезами от дыма. — Будь вы лучшего рода, я стала бы вашей женой.

— Будь у свиней крылья, чешуя и огнедышащий зев, они были бы драконами, миледи. — Дунк убрал кинжал в ножны. Щеку дергало, кровь стекала на стальной ворот. Гром, почуяв ее запах, захрапел и ударил ногой по воде. — Теперь выдайте мне тех, кто поджег лес.

— Лес загорелся сам, но если кто-то из моих его и поджег, то лишь для того, чтобы мне угодить. Как же я могу выдать их вам? — Она оглянулась на свою свиту. — Будет лучше, если сир Юстас возьмет назад свое обвинение.

— Скорей уж свиньи начнут изрыгать огонь, миледи.

— В таком случае мне придется доказать свою невиновность перед глазами богов и людей. Скажите сиру Юстасу, что я требую извинения... или испытания, на его выбор. — Она повернула лошадь и вернулась к своим.

Полем их битвы должен был стать ручей.

Септон Сефтон вошел в воду и прочел молитву, прося Всевышнего Отца воззреть на двух этих бойцов и рассудить их справедливо; Воина он просил даровать силу правому, Матерь — быть милостивой к неправому и простить ему грехи. Покончив с молитвой, он снова обратился к сиру Юстасу Осгри.

— Я еще раз прошу вас, сир, взять назад свое обвинение.

— Нет, — отрезал старик, подрагивая усами.

— Сестрица, — сказал септон Роанне, — если вы виновны, покайтесь и предложите доброму сиру Юстасу какое-то возмещение за его лес. Иначе прольется кровь.

— Мой боец докажет мою невиновность перед глазами богов и людей.

— Поединок — не единственный способ решить это дело, — настаивал септон, стоя по пояс в воде. — Я прошу вас обоих отправиться в Золотую Рощу и предоставить лорду Ровану рассудить вас.

— Ни за что, — заявил сир Юстас, а вдова потрясла головой.

Сир Лукас смотрел на Роанну, потемнев от бешенства.

— Когда эта комедия кончится, вы станете моей женой, как того желал ваш лорд-отец.

— Мой лорд-отец не знал вас так хорошо, как я.

Дунк, став на одно колено перед Эгом, вложил ему в руку перстень с двумя парами трехглавых драконов, гербом Мейекара.

— Спрячь его обратно в сапог, и если умереть суждено мне, ступай к тому из друзей твоего отца, кто живет поближе, и пусть тебя отвезут в Летний Замок. Не вздумай ехать один через весь Простор. Сделай, как я сказал, не то мой дух явится и даст тебе в ухо.

— Да, сир, но вы уж лучше не умирайте.

— Не хотелось бы в такую жару. — Дунк надел шлем, и Эг помог прикрепить его к вороту. Кровь на щеке уже подсыхала — сир Юстас заткнул рану клочком своего плаща. Садясь в седло, он увидел, что почти весь дым унесло ветром, но небо оставалось сумрачным. «Да это же тучи, которых никто не видел давным-давно. Может, это дурной знак? Для него или для меня?» Дунк плохо разбирался в приметах.

Сир Лукас за ручьем тоже сел на коня, великолепного гнедого скакуна, резвого и сильного, но не такого большого, как Гром. Этот недостаток всадник возмещал доспехами — конь имел на себе и подбрадник, и наголовник, и легкую кольчужную попону. Сам Длинный Дюйм был одет в черный эма-

левый панцирь и серебряную кольчугу. На шлеме у него грозно раскорячился ониксовый паук, но щит украшала его собственная эмблема: перевязь в черно-белую клетку, пересекающая бледно-серое поле. Сир Лукас отдал щит оруженосцу, и Дунк понял причину, когда другой оруженосец подал ему топор на длинной рукояти, с тяжелым лезвием и острой пикой на конце. Оружие было двуручным. Длинный Дюйм полагался на защиту своих доспехов, и Дунк пообещал себе, что заставит его пожалеть об этом.

Сам он надел щит на левую руку — тот самый, что раскрасила Тансель, с вязом и летящей звездой. В голове у него застрял детский стишок: «Дуб и железо, храните меня от смерти и адова огня». Он вынул меч из ножен и с удовольствием ощутил его вес.

Он послал Грома в воду, и сир Лукас на том берегу сделал то же самое. Дунк держался правой стороны, чтобы оставить Длинного Дюйма с левого, прикрытого щитом, бока. Сир Лукас, раскусив этот маневр, быстро повернул коня, и они сошлись посреди потока, в шуме воды и стали. Длинный Дюйм нанес удар топором, и Дунк, изогнувшись в седле, принял его на щит. От силы удара у него онемела рука и заныли зубы. Ответный взмах его меча задел Дюймеля ниже поднятой руки. Сталь скрежетнула о сталь. Начало бою было положено.

Дюймель описал круг, пытаясь обойти Дунка с незащищенной стороны, но Гром повернулся ему навстречу и огрызнулся на другого коня. Привставая на стременах, сир Лукас наносил один сокрушительный удар за другим. Дунк, пригибаясь под щитом, бил по ногам, рукам и боку противника, но меч каждый раз отскакивал от панциря. Они кружили, и вода бурлила у их колен. Длинный Дюйм нападал, Дунк защищался, выискивая слабое место.

В конце концов он его нашел. Дюймель вскинул топор, и под мышкой у него обнаружилась щель. В том месте не было панциря — только кольчуга, кожаный кафтан и стеганая подкладка. Дунк прикрылся щитом, рассчитывая время. Топор обрушился и снова взлетел. Вот оно! Дунк пришпорил Грома и вогнал острие меча прямо в брешь.

Но прореха сомкнулась столь же быстро, как и появилась. Меч проехался по стальному диску, и Дунк чуть не вылетел из седла. Топор задел железный обод щита, двинул Дунка сбоку по шлему и скользнул по шее Грома.

Конь завизжал и встал на дыбы, закатывая глаза. Острый медный запах крови прорезал воздух. Кованые копыта врезались в лицо и плечо Длинного Дюйма, а после тяжелый Гром рухнул на его скакуна.

Все это совершилось в мгновение ока. Оба коня упали, кусаясь, лягаясь, взбивая илистую воду. Дунк хотел соскочить, но одна его нога застряла в стремени. Он еще успел глотнуть воздуха, и вода тут же хлынула в глазную прорезь его шлема. Мощные движения Грома чуть не вывернули ему ногу из бедренного сустава. В следующий миг он освободился и пошел на дно, беспомощно молотя руками в мутной сине-зеленой среде.

Увлекаемый тяжестью доспехов, он стукнулся плечом о дно. Если это низ, то в другой стороне должен быть верх. Хватаясь руками в стальных перчатках за камни и песок, Дунк как-то ухитрился опереться на ноги и встать. Его пошатывало, ил и вода стекали из носовой щели помятого шлема, однако он стоял и мог дышать.

Щит удержался на его левой руке, но меч куда-то пропал. Внутри шлема, кроме воды, чувствовалась и кровь. Когда он попытался переменить положение, боль в лодыжке прошила всю ногу. Кони тоже поднялись на ноги. Дунк прищурил заливаемый кровью глаз и повернул голову, высматривая врага. Утонул, не иначе — или Гром проломил ему череп.

Тут сир Лукас выскочил из воды прямо перед ним, держа в руке меч. Он рубанул Дунка по шее, и только крепкий стальной ворот не дал голове слететь с плеч. Безоружный Дунк отступил. Длинный Дюйм наседал, вопя и орудуя мечом. Дунк получил парализующий удар выше локтя и болезненный — по бедру. Под ногу ему подвернулся камень, и он упал на одно колено, уйдя в воду по грудь. Он успел прикрыться щитом, но мощный удар Лукаса расколол дуб точно посередине. В ушах зазвенело, рот наполнился кровью, но Дунк все-таки услышал, как где-то далеко кричит Эг:

— Бейте его, сир, бейте, он прямо над вами!

Дунк взвился ввысь, долбанул врага на уровне пояса и сбил его с ног. Ручей снова накрыл их обоих, но на этот раз Дунк был готов. Обхватив Длинного Дюйма одной рукой, он прижал его ко дну. Тот пускал пузыри из-под вдавленного забрала, но еще боролся. Нашарив в иле камень, он стал молотить Дунка по голове и рукам. Дунк свободной рукой ощупывал пояс. Неужели кинжал тоже потерялся? Нет, вот он. Сквозь взбаламученную воду, кольчугу и вареную кожу Дунк медленно вонзил его Длинному Дюйму под мышку и повернул. Лукас дернулся и обмяк, Дунк, оттолкнувшись, всплыл. Грудь жгло огнем. Мимо промелькнула рыба — длинная, тонкая, белая. «Что это? — успел подумать он. — Что это? Что?»

Очнулся он не в том замке.

Открыв глаза, он почувствовал благословенную прохладу. Во рту стоял вкус крови, на глазах лежала примочка, пахнущая гвоздикой.

Дунк убрал ее. На высоком потолке играл свет от факела. По стропилам разгуливали во́роны, каркая и поглядывая на него черными глазками-бусинками. Он не ослеп — уже хорошо. Дунк понял, что находится в мейстерской башне. На полках стояли глиняные горшки и зеленые склянки, на длинном столе громоздились пергаменты, книги и какие-то бронзовые инструменты, густо окропленные вороньим пометом. Птицы тихо переговаривались между собой.

Дунк попробовал сесть. Это оказалось ошибкой. Голова поплыла, левую ногу пронзила острая боль. Он увидела, что лодыжка у него забинтована, и на груди тоже повязка.

— Лежите тихо. — Над ним нависло щуплое молодое лицо с темно-карими глазами и крючковатым носом. Дунк узнал его. Ниже начиналось серое одеяние, шею охватывала мейстерская цепь, составленная из многих металлов. Дунк ухватил его за руку.

— Где я?

— В Холодном Рву. Вы слишком пострадали, чтобы везти вас в Оплот, и леди Роанна приказала поместить вас сюда.

Выпейте это. — Мейстер поднес чашу к губам Дунка. Питье походило на уксус, зато смывало вкус крови.

Дунк, заставив себя выпить все до капли, согнул и разогнул пальцы обеих рук. Они были целы и подчинялись ему.

— Куда я ранен?

— Спросите лучше, куда не ранены. Лодыжка и ключица сломаны, связки колена растянуты, торс весь в синяках, правая рука и вовсе черная. Я думал, что череп у вас тоже поврежден, но оказалось, что нет. Есть еще порез на лице — боюсь, шрам останется. И вы, можно сказать, захлебнулись, когда мы вытащили вас из воды.

— Захлебнулся?

— Не думал, что в человеке может поместиться столько воды, даже в таком большом, как вы, сир. Вам посчастливилось, что я родом с Железных островов. Жрецы Утонувшего Бога умеют как топить людей, так и откачивать, а я изучал их приемы.

«Выходит, я утонул. — Дунк опять попытался сесть, но сил не было. — Утонул в ручье, который мне и до шеи-то не доставал». Он засмеялся и тут же застонал.

— Что сир Лукас?

— Мертв. Вы в этом сомневались?

Дунк сомневался во многом, но только не в этом. Он помнил, как обмяк Длинный Дюйм на дне.

— Эг, яйцо. Где он?

— Это хорошо, что вам хочется есть, но сон вам сейчас нужнее.

— Эг — мой оруженосец...

— Вот как? Храбрый паренек и сильный, хотя с виду не скажешь. Это он вытащил вас из ручья, и помог снять с вас доспехи, и доехал с вами в повозке до самого замка. Здесь он не сомкнул глаз и сидел рядом с вами с вашим мечом на коленях, опасаясь, как бы кто-нибудь вас не обидел. Даже ко мне он относился с подозрением и заставлял пробовать все лекарства, которые я вам давал. Странный мальчик, но преданный.

— Где он теперь?

— Сир Юстас попросил его прислуживать на свадебном пиру. Больше людей Осгри в замке нет, и отказать было никак нельзя.

— Свадебный пир?

— Конечно, откуда же вам знать. После вашего поединка Оплот и Холодный Ров помирились. Леди Роанна попросила у сира Юстаса разрешения навестить могилу Аддама, и он позволил. Он преклонила колени у ежевичника и расплакалась, и он был так тронут, что стал ее утешать. Они проговорили всю ночь, вспоминая Аддама и лорда Вимана — ведь отец миледи и сир Юстас были закадычными друзьями до самого мятежа. Нынче утром наш добрый септон Сефтон сочетал его милость и миледи браком. Теперь Юстас Осгри — лорд Холодного Рва, и его клетчатый лев развевается на всех стенах и башнях наряду с пауком.

Мир вокруг Дунка начал медленно вращаться. «Это из-за питья. Он меня усыпил». Он закрыл глаза, и боль покинула его тело. Он слышал перебранку воронов, собственное дыхание и еще какой-то шум — мерный, тяжелый, странно успокаивающий.

— Что это за звук? — пробормотал он сонно.

— Это? Да просто дождь.

Он увидел ее только в день отъезда.

— Это безумие, сир, — причитал септон Сефтон, пока Дунк ковылял через двор, опираясь на костыль и покачивая ногой в лубке. — Мейстер Серрик говорит, что вы еще и наполовину не поправились, а тут еще этот дождь... вы простынете, раз уж утонуть вам не суждено. Дождитесь хотя бы хорошей погоды.

— Может, он теперь годами лить будет. — Дунк был благодарен толстяку — тот навещал его почти ежедневно и молился только для порядка, посвящая прочее время разным историям и сплетням. Дунк привык к его веселому обществу и живому, образному языку, но это ничего не меняло. — Мне надо ехать.

Дождь все это время хлестал их тысячью серых плетей. Он уже насквозь промочил плащ, подаренный сиром Юста-

сом, с отделкой из золотых и зеленых шахматных клеток. На прощанье сир Юстас прямо-таки навязал его Дунку. «За ваше мужество, сир, и вашу верную службу». Плащ на плече скрепляла пряжка, тоже дареная — паук из слоновой кости, с серебряными ногами и россыпью дробленых гранатов на спине.

— Надеюсь, вам не придет в голову охотиться за Беннисом, — продолжал септон. — Вы так побиты, что вам лучше ни с кем не ссориться.

Беннис, проклятый Беннис. Пока Дунк дрался на середине ручья, он связал Сэма с женой, ограбил Оплот дочиста и сбежал с кучей свечей, одежды, оружия, с серебряной чашей Осгри и горсткой монет, которую старик прятал у себя в горнице за полуистлевшим гобеленом. Дунк надеялся, что когда-нибудь еще встретится с сиром Беннисом Бурый Щит.

— Беннис подождет.

— Куда же вы собираетесь? — Септон пыхтел, не поспевая даже за хромающим Дунком.

— На Светлый остров. В Харренхолл. На Трезубец. Межи есть повсюду. Мне, к примеру, всегда хотелось взглянуть на Стену.

— На Стену?! Вы меня ужасаете, сир Дункан! — Септон застыл под дождем посреди двора, простирая руки. — Молитесь, сир, чтобы Старица озарила ваш путь! — Дунк, не слушая, ковылял дальше.

Она ждала его на конюшне, рядом с желтыми кипами сена, в зеленом, как лето, платье. Перекинутая на грудь коса опускалась ниже бедра.

— Приятно снова видеть вас на ногах, сир Дункан.

«Как будто ты видела меня лежачим», — подумал он, а вслух спросил:

— Что привело вас сюда, миледи? Для прогулки верхом денек сыроват.

— То же самое и к вам относится.

— Это Эг вам сказал? — «Получит в ухо, паршивец».

— Хорошо, что сказал, иначе бы я послала людей вернуть вас. Жестоко убегать вот так, потихоньку, даже не попрощавшись.

Она ни разу не пришла навестить его, пока он лежал у мейстера Серрика.

— Зеленое вам к лицу, миледи. Оно делает ваши глаза еще ярче. — Он неловко переступил с ноги на ногу, опираясь на костыль. — Я пришел за своим конем.

— Вам нет нужды уезжать. Место для вас есть — можете стать капитаном моей стражи, когда поправитесь. А Эг будет жить вместе с другими оруженосцами, и никто не узнает, кто он.

— Благодарю вас, миледи, но нет. — Дунк потащился к Грому, стоявшему в дальнем деннике.

— Подумайте хорошенько, сир. Времена нынче опасные даже для драконов и их друзей. Останьтесь хотя бы до полного выздоровления. — Роанна шла рядом с ним. — И сиру Юстасу будет приятно. Он очень вас любит.

— Любит, — согласился Дунк. — Будь его дочь жива, он выдал бы ее за меня, а вы были бы моей леди-матерью. У меня ведь никогда не было матери, даже без «леди».

Какой-то миг ему казалось, что леди Роанна сейчас снова закатит ему оплеуху. Или костыль вышибет, чего доброго.

— Вы сердитесь на меня, сир, — сказала она вместо этого. — И вправе требовать возмещения.

— Вы могли бы помочь мне оседлать Грома.

— У меня на уме нечто другое. — Она взяла его за руку своей, веснушчатой, с тонкими сильными пальцами. «Бьюсь об заклад, она вся в веснушках». — Вы понимаете толк в конях?

— У меня есть один.

— Старый, пригодный только для битвы, неповоротливый и злобный. Не такой, чтобы на нем путешествовать.

— Делать нечего — для путешествий у меня либо он, либо они. — Дунк показал на ноги.

— Ноги у вас, конечно, большие, и руки тоже. Для большинства верховых лошадей вы чересчур велики — под вами они походили бы на пони. Однако вам пригодился бы скакун резвый и в то же время рослый, с добавкой дорнийской крови. Такой, например, как она.

Напротив Грома стояла гнедая кобыла с горящими глазами и длинной огненной гривой. Леди Роанна достала из рукава морковку и скормила ей, поглаживая лошадь по крупу.

— Нет, пальцы оставь в покое. Я зову ее Искоркой, но вы можете сами подобрать имя. Назовите Заменой, если хотите.

Дунк, на миг утратив дар речи, посмотрел на гнедую новыми глазами. Такого коня у сира Арлана никогда не было. Она способна мчаться как ветер — стоит только посмотреть на ее длинные точеные ноги.

— Все ее племя славится красотой и резвостью, — сказала Роанна.

— Я не могу ее взять.

— Почему?

— Слишком хороша для меня. Сами видите.

Роанна, вспыхнув, скрутила косу узлом.

— Я была вынуждена выйти замуж, вы знаете. Завещание моего отца... ну, не будьте же таким глупым.

— Каким же мне еще быть? Я туп, как чурбан, и бастард к тому же.

— Возьмите лошадь. Я не отпущу вас без какой-нибудь памятки о себе.

— Я буду вас помнить, миледи, не сомневайтесь на этот счет.

— Берите, говорят вам!

Он схватил ее за косу и притянул к себе. Это вышло у него неуклюже из-за костыля и разницы в росте. Он чуть не упал, пристраивая ее губы к своим. Она одной рукой держала его за шею, другой за спину. За один этот миг он узнал о поцелуе больше, чем знал из наблюдений. Когда они наконец оторвались друг от друга, Дунк вынул кинжал.

— Я придумал, что взять у вас на память, миледи.

Эг сидел у ворот на новой красивой лошадке, держа Мейстера в поводу. Увидев Дунка на Громе, он удивился.

— Она сказала, что подарит вам новую лошадь.

— Даже прихоти благородных дам не всегда исполняются. — Они переехали через подъемный мост. Ров так переполнился, что грозил выйти из берегов. — Я предпочел взять не лошадь, а локон. — Дунк достал из-за пазухи рыжую косу и улыбнулся.

Два мертвеца по-прежнему обнимались в клетке на перекрестке дорог. Вид у них был заброшенный — даже мухи и

вороны покинули их. На костях остались лишь лоскутья волос и кожи.

Дунк, нахмурившись, придержал коня. Лодыжка от езды разболелась, но его это не смущало. Боль — такая же часть жизни рыцаря, как мечи и щиты.

— В какой стороне юг? — спросил он Эга. Среди дождя и грязи, под серым, как гранит, небом это было трудно определить.

— Вон в той, сир.

— Летний Замок на юге.

— А Стена на севере.

Дунк посмотрел на Эга.

— До нее далеко.

— У меня новая лошадь, сир.

— Ну да, — не сдержал улыбки Дунк. — А тебе-то Стена зачем сдалась?

— Ну... Я слышал, она очень высокая.

Орсон Скотт Кард

СКАЗАНИЕ О МАСТЕРЕ ЭЛВИНЕ

Седьмой сын (1987)
Краснокожий пророк (1988)
Подмастерье Элвин (1989)
Странствия Элвина (1996)
Сердечный огонь (1998)
Хрустальный Град (2003)

В книгах о мастере Элвине Орсон Скотт Кард показывает нам, какой могла бы стать история Америки, если бы Американской революции не произошло, а чародеи существовали на самом деле.

Америка у Карда разделена на несколько провинций, а Испания и Франция сохраняют прочную позицию в Новом Свете. Научная революция в Европе побудила многих людей с магическим даром эмигрировать в Северную Америку. Элвин — седьмой сын седьмого сына, что само по себе наделяет его незаурядной силой. Элвину предназначено стать Созидателем, адептом, который рождается лишь раз в тысячу лет. Но на каждого Созидателя есть свой Разрушитель, воплощение сил зла. Он использует против Элвина его брата Кэлвина.

В своих странствиях Элвин сталкивается с проблемами рабства и постоянной вражды между поселенцами и краснокожими, удерживающими за собой западную часть континента. В заключительных книгах Элвин, видимо, должен наконец сразиться с Разрушителем, и эта битва решит судьбу всего континента, а может быть, и целого мира.

© Перевод. Виленская Н.И., 2006

«КОРОЛЕВА ЯЗУ»

Элвин смотрел, как капитан Ховард встречает очередных пассажиров — преуспевающее семейство с пятью детьми и тремя рабами.

— Эта река — американский Нил, — говорил капитан, — но даже сама Клеопатра не путешествовала в такой роскоши, какую вы найдете на борту «Королевы Язу».

Для хозяев это, возможно, и верно, думал Элвин, но только не для рабов — хотя их в качестве слуг тоже разместят намного удобнее, чем беглых. Последние — около двадцати человек, закованных в цепи, — ждали погрузки на причале под палящим солнцем.

Элвин наблюдал за ними с тех пор, как вместе с Артуром Стюартом прибыл в порт Карфаген-Сити около одиннадцати утра. Артуру Стюарту не терпелось осмотреть все вокруг, и Элвин его отпустил. Город, объявлявший себя Финикией Запада, представлял немалый интерес для мальчугана возраста Артура, хотя бы и мулата. Карфаген-Сити стоял на северном берегу Гайо, и в Артуре могли заподозрить беглого, но свободных негров здесь тоже хватало. Артур Стюарт — парень неглупый и сумеет за себя постоять.

Закон гласил, что черный раб с Юга остается рабом даже в свободном штате. Стыд и позор. Эти люди на пристани проделали долгий путь до Гайо, чтобы обрести свободу, а здесь их схватили ловчие. Теперь их снова ждут цепи, плети и прочие ужасы рабства. Озлобленные хозяева наверняка подвер-

гнут пойманных рабов примерному наказанию. Неудивительно, что многие пытаются покончить с собой.

Элвин видел, что некоторые из них ранены — впрочем, эти раны они могли нанести себе сами. Ловчие не склонны портить товар, за который им хорошо заплатят после доставки. Эти порезы на запястьях и животах скорее доказывают, что свобода для беглецов дороже жизни.

Элвин ждал, чтобы посмотреть, на этот пароход их погрузят или на другой. Чаще всего беглецов переправляли через реку и гнали домой пешком — они то и дело прыгали за борт и сразу шли на дно из-за цепей, поэтому ловчие относились к речным перевозкам настороженно.

Элвин, однако, слышал обрывки их разговора; они переговаривались редко, потому что за это полагался кнут, и не настолько громко, чтобы он мог разобрать слова, но по мелодике их речь не походила на английскую — ни на северную, ни на южную, ни на негритянскую. Ни один из африканских языков это тоже не напоминало. Британия развернула настоящую войну с работорговлей, и невольничьим судам редко удавалось перебраться через Атлантику.

Скорее всего они говорили по-испански или по-французски — стало быть, их, вероятно, собирались отправить в Нуэва-Барселону (или Новый Орлеан, как до сих пор называли этот город французы).

Это вызывало у Элвина ряд вопросов, главный из которых был таким: как попали беглые из Барселоны в штат Гайо? Пешком топать далековато, особенно если они не говорят по-английски. Жена Элвина Пегги выросла в семье аболиционистов, и ее отец, Гораций Гестер, постоянно переправлял беглецов через реку. В работе «подпольной железной дороги» Элвин разбирался неплохо. Ее ветки доставали даже до новых герцогств Миззипи и Алабама, но он никогда не слыхал, чтобы ею успешно пользовались франко- или испаноговорящие рабы.

— Мне опять есть охота, — сказал Артур Стюарт.

Элвин взглянул на мальчугана — нет, на парня. Артур сильно вырос и говорил басом. Он стоял, сунув руки в карманы, и смотрел на «Королеву Язу».

— Я вот думаю, — сказал Элвин, — не проехаться ли нам на этой посудине, чем стоять и пялиться на нее?

— Далеко? — спросил Артур.

— А тебе как бы хотелось — далеко или близко?

— Она в Барси идет, это ясно.

— Если туман на реке позволит. Может и не дойти.

— Еще бы, — скорчил рожицу Артур. — Как ему не быть, туману, раз на этом пароходе поедешь ты.

— Кто его знает. С водой у меня всегда нелады.

— Это когда ты был маленький. Теперь туман делает то, что ты хочешь.

— Скажешь тоже.

— Ты сам мне показывал.

— Я показывал, как управлять дымом от свечки — и если у меня получилось, это еще не значит, что любой дым или туман будет меня слушаться.

— Сдается мне, что будет, — ухмыльнулся Артур.

— Я просто хочу дождаться и посмотреть, повезет этот пароход невольников или нет, — сказал Элвин.

Артур посмотрел туда же, куда и Элвин, то есть на беглых.

— Почему ты попросту не освободишь их? — спросил он.

— И куда они денутся после этого? Их стерегут.

— Тоже мне стража! Только и знают, что спиртное тянуть.

— У ловчих останутся их шкатулки. Их быстро изловят снова, и тогда им придется еще хуже.

— Так ты вообще ничего не собираешься делать?

— Я не могу снимать цепи с каждого раба на Юге, Артур Стюарт.

— Я же видел: ты плавишь железо, как масло.

— Допустим, что целая куча рабов разбежится, оставив за собой лужи расплавленного железа. Что подумают власти? Что рядом случился кузнец с мехами и тонной угля, который взял да и снял с них оковы? А потом сбежал за компанию, запихав оставшийся уголь в карманы?

— Лишь бы тебе ничего не было, — с вызовом бросил Артур Стюарт.

— Еще бы! Ты же знаешь, какой я трус.

В прошлом году Артур захлопал бы глазами и извинился, но теперь, когда его голос стал низким, «извини» он выговаривал с трудом.

— Вылечить всех и каждого ты тоже не можешь, — сказал он, — но некоторых же все-таки лечишь.

— Бесполезно освобождать их, раз они не смогут сохранить свободу. И вот еще что: сколько из них, по-твоему, пустится бежать, а сколько в реке утопится?

— С чего им топиться?

— С того, что они не хуже меня знают: беглому рабу в Карфаген-Сити свободы не видать. Этот город, может, и самый большой на Гайо, но когда дело касается рабства, он скорее южный, чем северный. Говорят, здесь в подвалах даже невольничьи рынки действуют, а власти знают об этом и ничего не делают, потому что тут завязаны большие деньги.

— И ты им помочь ничем не можешь.

— Я залечил язвы от кандалов на их запястьях и лодыжках. Сделал так, чтобы они не страдали от солнцепека. Очистил воду, которую им давали, чтобы они не подцепили заразу.

Тут Артур все-таки сбавил немного тон, хотя продолжал смотреть вызывающе:

— Я никогда не сомневался, что ты человек хороший.

— Здесь и сейчас я только и могу, что быть хорошим. И я не собираюсь платить этому капитану, если рабы поплывут на юг на его пароходе. Невольничье судно моих денег не увидит.

— Он даже не заметит, что их не хватает, денег твоих.

— Еще как заметит! Капитан Ховард по запаху может определить, сколько денег у тебя в кармане.

— Ты-то даже этого не можешь.

— У него по этой части дар, так я думаю. Корабль ведет рулевой, за машиной смотрит механик, колесо, если оно зацепит левый берег, чинит плотник. Почему же тогда капитан — он? Да потому что знает, у кого денежки есть, и умеет их выманить.

— И сколько же он должен увидеть у тебя в кармане?

— Достаточно, чтобы иметь крепкого молодого раба, но недостаточно, чтобы заставить этого самого раба помалкивать.

— Я не твой раб, — насупился Артур Стюарт.

— Я говорил, что не хочу тебя брать на Юг, потому что тогда мне придется делать вид, будто ты моя собственность. Не знаю, что хуже: тебе притворяться рабом, или мне — человеком, который способен владеть рабами.

— Я еду, и точка.

— Это ты так думаешь.

— Ты не должен возражать: ведь ты можешь заставить меня остаться, ежели захочешь.

— Не говори «ежели». Пегги это бесит.

— Ее тут нет. И ты сам все время так говоришь.

— Младшее поколение должно быть лучше предыдущего.

— Значит, ты никуда не годный учитель. Я уж вон сколько лет учусь у тебя творить, а всего-то и научился, что свечки гасить да вызывать трещины на камне.

— У тебя хорошо получается и получалось бы еще лучше — надо только мозги прикладывать.

— Я и прикладываю, аж башка трещит.

— Мне, пожалуй, следовало сказать не «мозги», а «сердце». Дело не в том, чтобы создать свечку, камень или цепи, как в данном случае, — а в том, чтобы заставить их сделать то, что нужно тебе.

— Я ни разу не видел, чтоб ты велел железу погнуться или сухому дереву дать ростки, но они тебя слушаются.

— Да, может статься, ты не видел этого и не слышал, однако я это делаю. Просто вещи откликаются не на слова, а на план в моем сердце.

— По мне, это все равно что желания загадывать.

— Тебе так кажется, потому что ты пока еще сам не научился это делать.

— Я ж говорю, учитель из тебя никудышный.

— Из Пегги тоже — стоит послушать, как ты говоришь.

— Разница в том, что я могу говорить правильно, когда она рядом. А вмятину на жестянке выправить не могу, хоть есть ты рядом, хоть нет.

— Мог бы, если бы постарался.

— Я хочу сесть на этот пароход, — сказал Артур Стюарт.

— Даже если он перевозит рабов?

— Если мы останемся на берегу, он их все равно повезет.

— Да ты идеалист, парень.

— Давай, Творец, поехали. Будешь ухаживать за этими несчастными, пока их не доставят обратно в ад.

Элвин счел насмешку раздражающей, но в общем оправданной.

— Ну что ж, — сказал он. — Мелкие блага кажутся большими, когда у тебя ничего больше нет.

— Тогда иди за билетами. Скоро он отплывет, и нам в это время желательно быть на борту, правильно?

Смесь небрежности и настойчивости в тоне Артура не понравилась Элвину.

— Уж не задумал ли ты освободить этих бедолаг в пути, а? Они тут же попрыгают за борт, а плавать никто из них не умеет, готов поспорить — так что это было бы самым обыкновенным убийством.

— Ничего я такого не задумывал.

— Обещай, что не станешь освобождать их.

— Я и пальцем не шевельну, чтобы им помочь. Когда надо, я умею ожесточать свое сердце — не хуже, чем ты.

— Надеюсь, ты понимаешь, что такие вот слова не доставляют мне удовольствия. Особенно потому, что я их не заслуживаю, как ты тоже должен понимать.

— Ты хочешь сказать, что не надо ожесточать свое сердце, чтобы видеть такие вещи и ничего не делать?

— Если бы я и правда мог ожесточить свое сердце, я стал бы хуже, зато счастливее.

И Элвин направился к будке, где сидел казначей «Королевы Язу». Себе он взял дешевый билет до самой Нуэва-Барселоны, а за Артура заплатил как за слугу. Он злился, что вынужден изображать рабовладельца, но кассир ни о чем не догадался ни по его голосу, ни по лицу. Возможно, все рабовладельцы хоть немного да злы на себя, поэтому Элвин не особенно от них отличался.

Сказать по правде, путешествие по реке радовало и волновало Элвина. Он любил механику, любил все эти шесте-

ренки, рычаги и клапаны, и жаркий, как в кузнице, огонь, и рвущийся из котлов пар. Любил большое гребное колесо, напоминавшее ему отцовскую мельницу, где он вырос, — только здесь колесо толкало воду, а не наоборот. Любил работу стальных частей — вращение, компрессию, движение поршней. Он запустил в машину «жучка» и изучил ее не хуже, чем собственное тело.

Механик хорошо ухаживал за своей машиной, но были вещи, которые он знать просто не мог. Трещинки в металле, детали, работающие под избыточным напряжением или трущиеся из-за недостатка смазки. Разобравшись что к чему, Элвин стал обучать металл навыкам самолечения, показывая, как заделывать трещины и смягчать трение. Не прошло и двух часов, как пароход отчалил, а он уже довел паровую машину почти до полного совершенства и дальше ехал спокойно. Он, как и все остальные пассажиры, разгуливал по слегка подрагивающей палубе, а его «жучок» занимался машиной, вникая в каждое движение механизма.

Перестав требовать особого внимания, она отошла на задний план его разума, и Элвин занялся пассажирами.

В первом классе ехали люди денежные, и тут же поблизости размещались их слуги. У других, как у Элвина, хватало средств только на четырехместные каюты второго класса. Их слуги, если таковые имелись, спали под палубой, как и матросы, только в еще более тесном помещении — не потому, что места не хватало, просто команда обиделась бы, будь у них условия такими же, как у черных.

Наконец, были палубные пассажиры, которым даже коек не полагалось, только скамейки. Некоторые из них ехали на короткие расстояния, проводя в пути не более суток, и потому экономили, другие были обыкновенные бедняки; путь их лежал до Фив, до Коринфа и даже до самой Барси, и если они за это время отсиживали себе зады на жестких скамейках, то в их жизни это было не первое и не последнее мытарство.

Элвин, однако, счел своим долгом — тем более что усилий это почти не требовало — как-то приспособить палубные скамейки к сидящим на них задам. Переместить вшей и

клопов в каюты первого класса тоже было дело нехитрое. Он рассматривал это как образовательный проект — надо же и насекомым приобщиться к высшим сферам. Благородная кровь для них как тонкий ликер, вот пусть и отведают ее хоть раз за свою короткую жизнь.

Все это некоторое время занимало его. Не то чтобы он посвящал этому все свое внимание — ведь в мире были враги, готовые убить его, и незнакомцы, которые могли бы полюбопытствовать, что лежит у него в котомке, которую он всегда держал под рукой. Поэтому он присматривал за всеми сердечными огнями на пароходе и сразу замечал, когда кто-то интересовался его особой.

Вернее, должен был замечать. Он не почувствовал ничьего приближения, и когда ему на плечо опустилась рука, он чуть за борт не сиганул от неожиданности.

— Какого черта! Артур Стюарт, нельзя же так к людям подкрадываться.

— Трудно не подкрадываться, когда машина так грохочет. — Говоря это, Артур ухмылялся как старый Дэви Крокетт*, очень довольный собой.

— Ну почему единственный навык, которым ты потрудился овладеть, причиняет мне одни неприятности?

— По-моему, это полезно — уметь скрывать свой сердечный огонь. — Последние слова Артур произнес вполголоса — о мастерстве созидания не следовало говорить при посторонних.

Элвин безвозмездно обучал этому мастерству всех, кто принимал его всерьез, но не желал устраивать представление для любопытных — тем более что многие из них могли вспомнить о беглом кузнечном подмастерье, укравшем волшебный золотой лемех. Не имело значения, что эта история на три четверти выдумка и на девять десятых ложь. Элвина все равно могли убить или просто стукнуть по голове и ограбить — а в котомке у него действительно лежал живой лемех, которого Элвин совсем не хотел лишиться, полжизни протаскав его по всей Америке.

---

* Американский первопроходец и политический деятель, фигурирующий в произведениях О.С. Карда. — *Примеч. пер.*

— Никто на этом пароходе, кроме меня, твой сердечный огонь не видит, — сказал Элвин. — Ты научился его скрывать ради одного-единственного человека, от которого тебе скрываться не надо.

— Глупости. Раб в первую очередь должен скрываться от своего хозяина, — заявил Артур и только ухмыльнулся в ответ на сердитый взгляд Элвина.

— Приятно видеть человека, который хорошо обращается со слугами! — раздался вдруг чей-то голос.

Элвин, обернувшись, увидел коротышку с широкой улыбкой и весьма лестным, судя по лицу, мнением о себе самом.

— Тревис, — представился он. — Уильям Баррет Тревис, адвокат. Родился, вырос и прошел курс наук в Королевских Колониях, а теперь предлагаю людям честный заработок здесь, на окраинах цивилизации.

— Люди по обе стороны Гайо считают себя, в общем-то, цивилизованными, — заметил Элвин, — хотя что с них взять: в Камелоте они не бывали и короля не видели.

— Вы, кажется, называете вашего парня «Артур Стюарт»? Я верно расслышал?

— Его имя — чья-то шутка, не моя, но мне сдается, оно ему подходит. — Поддерживая разговор, Элвин все время думал: «Что может быть нужно этому человеку от загорелого, мускулистого, туповатого на вид малого вроде меня?»

Он чувствовал, что Артур Стюарт порывается что-то сказать, и знал, что ничего умного тот не скажет. Не желая возиться еще и с этим, Элвин взял его за локоть и незаметно для чужого глаза заставил временно онеметь.

— Ну и плечи у вас! — восхитился Тревис.

— Как у всех. По одному на каждую руку.

— Я подумал было, что вы кузнец, но у кузнецов одно плечо всегда развито больше другого.

— Есть кузнецы, которые левой рукой орудуют не хуже, чем правой, — чтоб не заносило при ходьбе.

— Вот все и разъяснилось, — хмыкнул Тревис. — Вы в самом деле кузнец.

— Когда у меня под рукой мехи, уголь и горн.

— Вряд ли все это помещается в вашей котомке.

— Сэр, — сказал Элвин, — я побывал в Камелоте и не помню, чтобы там было принято заговаривать о чьей-то поклаже после столь кратковременного знакомства.

— Да, конечно. Думаю, это сочли бы дурным тоном где бы то ни было. Виноват. Не хотел показаться невежливым, но я, видите ли, ищу людей, владеющих нужными нам ремеслами, однако еще не занявших твердого места в жизни. Странствующих умельцев, так сказать.

— Многие переезжают с места на место, — сказал Элвин, — и не все из них те, за кого себя выдают.

— Потому я так и накинулся на вас, дружище — вы-то себя ни за кого не выдаете. Если человек не хвастается даже здесь, на реке, это достаточно хорошая рекомендация.

— Значит, вы на реке новичок. Те, кто помалкивает, скорее всего просто не хотят, чтобы их узнали.

— По вашей речи видно, что вы получили кое-какое образование.

— Его недостаточно, чтобы превратить кузнеца в джентльмена.

— Я набираю добровольцев, — поведал Тревис. — В экспедицию.

— Предпочтительно кузнецов?

— Сильных мужчин, владеющих орудиями всякого рода.

— Но у меня уже есть работа, — сказал Элвин. — И поручение в Барси.

— И вас не манят новые земли, находящиеся ныне в руках у свирепых дикарей? Эта страна ждет прихода христиан, которые очистят ее от кровавых жертвоприношений.

Элвин ощутил приступ гнева, смешанного со страхом. Как всегда в таких случаях, он сохранил полное спокойствие, и его улыбка стала еще веселее.

— Как я понял, вы собираетесь переправиться на западный берег реки, не страшась тумана. Я слышал, что у краснокожих на той стороне есть зоркие глаза и чуткие уши, и они внимательно следят за белыми, которым приходит охота нарушить мир.

— Вы неправильно поняли, друг мой. Я говорю не о прериях, где в свое время промышляли трапперы и куда теперь краснокожие не допускают ни одного бледнолицего.

— Каких же дикарей вы тогда имели в виду?

— Южных, мой друг, южных и западных. Злобные мексиканские племена, которые вырывают сердца у живых людей на вершинах своих пирамид.

— Да, предприятие у вас действительно дальнее. И глупое. Их вся мощь Испании не смогла покорить — думаете, это удастся кучке англичан с законником во главе?

Тревис облокотился на поручни рядом с Элвином, глядя на реку.

— Мексиканцы — гнилая нация. Все прочие краснокожие их ненавидят, и они полностью зависят от Испании, которая поставляет им устаревшее оружие. Говорю вам, они созрели для завоевания. Да и какую армию они смогут выставить, поубивав за долгие века столько народу на своих алтарях?

— Только дураки ищут войны, когда никто не нападает на них.

— Еще бы! Целое сборище дураков. Дураки, которые хотят разбогатеть, как Писарро, победивший инков с горсткой людей.

— Или умереть, как Кортес.

— Они все давно уже умерли. Вы располагаете жить вечно?

Элвин разрывался между двумя желаниями: послать этого деятеля подальше и разузнать побольше о его планах. И сейчас он решил, что слишком близко знакомиться с ними не стоит:

— Боюсь, вы напрасно теряете со мной время, мистер Тревис. Другие, возможно, заинтересуются больше, потому что меня это совершенно не интересует.

Тревис заулыбался еще шире, но Элвин видел, как участился его пульс и разгорелся сердечный огонь. Этот человек не любит, когда ему отказывают, но прячет это за улыбкой.

— Ну что ж. Нового друга завести всегда приятно, — сказал он и протянул руку.

— Не примите за обиду, — сказал Элвин, — и спасибо, что сочли меня достойным вашего внимания.

— Нет-нет, никаких обид. Я больше не стану вас спрашивать, но если вдруг передумаете, охотно приму вас.

Они обменялись рукопожатием, похлопали друг друга по плечу, и Тревис ушел, не оглядываясь.

— Давай поспорим, — сказал Артур Стюарт. — Никакие они не завоеватели, а просто охотятся за мексиканским золотом.

— Да как сказать. Уж очень он откровенен для человека, который собирается нарушить запрет короля и конгресса. И в Королевских Колониях, и в Соединенных Штатах с ним расправятся быстро, если поймают.

— Ну, не знаю. Закон законом, но что, если королю Артуру понадобятся новые земли и рабы, а со Штатами он воевать не захочет?

— Знаешь, это мысль, — сказал Элвин.

— И очень здравая, на мой взгляд.

— Тебе полезно со мной путешествовать. Мысли в голове появляются.

— Я первый об этом подумал.

Вместо ответа Элвин достал из кармана письмо и показал Артуру.

— От миз Пегги. — Артур прочел и расстроился. — Не говори только, что знал, что этот парень поедет с нами на одном пароходе.

— Понятия не имел. Я думал, что мое расследование начнется только в Нуэва-Барселоне. Теперь я знаю, за кем надо последить, когда мы туда приедем.

— Она пишет о человеке по имени Остин.

— С ним должны быть и другие. Вербовщики, раз он надеется набрать целое войско.

— И надо же ему было наткнуться именно на тебя!

— Просто он услышал, как ты мне хамишь, и решил, что хозяин я плохой — а значит, охотно буду подчиняться кому-то.

Артур сложил письмо и вернул его Элвину.

— Если король готовит вторжение в Мексику, что из этого следует?

— Так или нет, он сейчас не может позволить себе войну со свободными штатами, верно ведь? — сказал Элвин.

— Значит, рабовладельческие штаты в драку тоже не полезут, — заключил Артур Стюарт.

— Но война с Мексикой когда-нибудь кончится — ежели она вообще начнется, конечно. Король либо проиграет ее — тогда он взбесится и начнет лезть на рожон, либо выиграет, набьет казну мексиканским золотом и купит себе целый флот, ежели захочет.

— Миз Пегги не понравится, что ты говоришь «ежели» на каждом шагу.

— Война — скверная штука, сколько б они ни жужжали, что тебе от нее никакого вреда.

— Но ведь человеческие жертвы — это тоже плохо. Надо же их как-то остановить?

— Думаю, краснокожие, которые молятся, чтобы их освободили от мексиканцев, как-то не представляют себе рабовладельцев в качестве новых хозяев.

— Но рабство все-таки лучше, чем смерть, разве нет?

— Твоя мать думала иначе. Давай-ка прекратим эти разговоры — мне от них грустно становится.

— Про человеческие жертвы или про рабство?

— Про то, что одно, как ты полагаешь, может быть лучше другого. — И помрачневший Элвин отправился в каюту, которую пока занимал один. Он положил золотой лемех на койку и прилег, надеясь, что сон поможет ему лучше во всем разобраться. Почему этот Тревис держится так смело? И почему Артур Стюарт так слеп? Ведь столько людей принесли многое в жертву, чтобы сохранить ему свободу.

Только в Фивах к Элвину подсел еще один пассажир. Элвин сошел на берег посмотреть город, слывший величайшим из портов Американского Нила, а когда вернулся, на его койке спал кто-то другой.

При всей его досаде это можно было понять. Койка была лучшая в каюте — нижняя на той стороне, где солнышко светило утром, а не в дневную жару. А Элвин, когда уходил, никаких вещей на ней не оставил. Котомку он захватил с собой,

а больше никакого добра на белом свете у него не было. Не считая ребенка, которого носила его жена, — и если уж речь об этом, она не расставалась со своей ношей точно так же, как Элвин с золотым лемехом.

Поэтому Элвин не стал будить нового и вышел поискать Артура Стюарта, а заодно и укромный уголок, чтобы съесть принесенный с собой ужин. Артур заявил, что останется на пароходе. Его дело, но Элвин не собирался сбиваться с ног, разыскивая его. Свисток, предупреждающий об отплытии, уже прозвучал, и Артуру полагалось встречать Элвина, а он этим пренебрег.

Не то чтобы Элвин испытывал какие-то трудности с его обнаружением. Он почти все время мог засечь его сердечный огонь и сомневался, что Артур сумеет скрыть его, если Элвин по-настоящему захочет его найти. Сейчас парень находился внизу, в помещении для рабов, где его никто не спросит, что он тут делает и куда девался его хозяин. Вопрос в том, что ему в самом деле там надо.

Едва успев достать из котомки кукурузный хлеб, сыр и сидр, Элвин увидел, как Артур поднимается по трапу на палубу — и не в первый раз задумался, так ли уж парень слаб в созидании.

По натуре Артур не лжец, но секреты, в общем, хранить, умеет — может, он просто не рассказывает Элвину обо всем, чему научился? Может, он вылез наверх именно сейчас потому, что знает: Элвин пришел из города и расположился поесть?

Элвин, само собой, и куска не успел проглотить, как Артур плюхнулся рядом с ним на скамейку. Элвин мог бы поесть в кают-компании, но там «слугу» рядом с собой не посадишь, а на палубе это никого не касается. Рабовладельцы, конечно, могли счесть его последним отребьем, но их мнение Элвина не очень-то волновало.

— Ну как? — спросил Артур Стюарт.

— Хлеб как хлеб.

— Я тебя не про хлеб спрашиваю!

— Сыр тоже ничего, хотя его делают из молока самых заморенных, костлявых, заеденных мухами, облепленных навозом коров, когда-либо стоявших в могиле двумя копытами.

— Стало быть, молочное дело у них не на высоте.

— Если они претендуют на звание столицы Американского Нила, им не мешало бы сперва осушить болото. Раз Гайо и Миззипи сливаются здесь, значит, это место низменное, а раз оно низменное, то его все время заливает. Не надо быть ученым, чтобы это вычислить.

— Никогда не слыхал об ученом, который отличал бы низменность от возвышенности.

— Не всякий ученый туп, как пробка.

— Знаю, знаю. Где-то должен быть ученый, в котором знания сочетаются со здравым смыслом, просто до Америки он пока не доехал.

— Это доказывает наличие у него здравого смысла. Что ему делать в стране, где большой город ставят прямо на болоте.

Отсмеявшись, они хорошенько набили рты.

Когда они отужинали — Артур умял больше половины и не сказать, чтобы наелся, — Элвин с деланной небрежностью спросил его:

— Что там такого интересного, в трюме?

— У рабов, ты хочешь сказать?

— Я пытаюсь говорить, как человек, способный владеть другими людьми, — очень тихо пояснил Элвин. — А ты попытайся говорить, как человек, который кому-то принадлежит — или уж не суйся на Юг.

— Я старался понять, на каком языке говорят эти беглые.

— Ну и?

— Точно не по-французски. Там есть один канадец, и он говорит, что нет. И не по-испански — так сказал парень с Кубы. Никто не знает, по-каковски они лопочут.

— По крайней мере мы знаем, на каком языке они не говорят.

— Я знаю больше.

— Слушаю тебя внимательно.

— Тот кубинец отозвал меня в сторонку и говорит: «Знаешь, парень, я уже слыхал такой говор». «Что ж это за говор», — спрашиваю? А он: «Мне сдается, никакие они не беглые».

— Почему он так думает? — Про себя Элвин отметил, что Артур в точности копирует слова того другого и его акцент.

Раньше Артур Стюарт мог скопировать что угодно, не только человеческие голоса — крики птиц и животных, детский плач, шорох ветра в деревьях и шлепанье башмаков по грязи. Был у него такой дар до того, как Элвин переменил в нем все, даже запах, чтобы ловчие не могли больше найти Артура по обрезкам его ногтей и волос. Перемены коснулись самых глубоких и потаенных уголков Артурова существа и сказались на его одаренности. Тяжело поступать так с ребенком. Благодаря этому Артур сохранил свободу, но Элвин сожалел о цене, которую пришлось за нее отдать.

— Он говорит, что слышал такую речь, когда ездил с хозяином в Мексику.

Элвин глубокомысленно кивнул, хотя понятия не имел, что это может значить.

— Я его спрашиваю, откуда черным ребятам знать мексиканский говор, а он: в Мексике когда-то много черных было.

— И то верно, — сказал Элвин. — Они прогнали испанцев всего пятьдесят лет назад. Думаю, их вдохновил на это Том Джефферсон, освободивший черрики из-под власти короля. К тому времени испанцы должны были ввезти в страну много рабов.

— Ну да. Вот я и спрашиваю: раз в Мексике приносят столько человеческих жертв, почему ж они первым делом не поубивали этих африканских рабов? А кубинец говорит: черные люди грязные, их нельзя скармливать мексиканскому богу. И давай ржать как сумасшедший.

— Пожалуй, в том, что другие считают тебя нечистым, есть некоторое преимущество.

— Многие американские проповедники говорят, что Бог всех людей считает нечистыми духовно.

— Это ложь, Артур Стюарт. Многих проповедников ты слышать никак не мог.

— Я слышал, что так они говорят. Потому-то наш Бог и не признает человеческих жертв. На кой они ему, раз все мы нечистые, как черные, так и белые.

— Однако я не верю, что Бог именно так думает о своих детях. И ты тоже не веришь.

— Мало ли во что я верю. Мы с тобой не всегда думаем одинаково.

— Я счастлив уже оттого, что ты вообще думаешь.

— Это так, хобби. Не основное мое занятие.

Элвин засмеялся, чем Артур остался очень доволен, и принялся рассуждать вслух:

— Итак, у нас есть двадцать пять рабов, происходящих из Мексики. Они следуют вниз по Миззипи на том же пароходе, что и человек, вербующий солдат для вторжения в ту же Мексику. Поразительное совпадение.

— Проводники? — предположил Артур.

— Весьма вероятно. Они, возможно, закованы в цепи по той же причине, по которой ты притворяешься рабом. Чтобы их принимали не за тех, кто они есть на самом деле.

— Или у кого-то хватает ума полагать, что закованные рабы будут хорошо показывать дорогу на неизвестных землях.

— Ты хочешь сказать, что они не такие уж и надежные.

— Может, они не прочь умереть с голоду в пустыне, чтобы прихватить с собой белых рабовладельцев.

Значит, мальчик все-таки понимает, что смерть можно предпочесть рабству. Это хорошо.

— Жаль, что я не говорю по-мексикански, — сказал Элвин. — И ты тоже.

— Да-а.

— Не вижу, как ты сможешь выучить их язык. К ним никого не подпускают.

— Да-а.

— Надеюсь, у тебя не зародился какой-нибудь дурацкий план, о котором ты умалчиваешь.

— Могу и сказать. Я уже договорился, что буду носить им еду и выносить за ними парашу. До рассвета, когда больше никто это делать не рвется.

— Их стерегут круглые сутки. Как ты вообще собираешься разговаривать с ними?

— Брось, Элвин. Ты же знаешь, что хоть один из них да говорит по-английски — как иначе они могли бы работать проводниками?

— Или по-испански, а кто-то из белых тоже владеет этим языком. Об этом ты не подумал?

— Я уже попросил кубинца выучить меня испанскому.

Это показалось Элвину явным хвастовством.

— Я отсутствовал всего шесть часов, Артур Стюарт.

— Ну, он ведь не совсем еще меня выучил.

Элвин опять задумался о том, так ли уж сильно пострадал талант, которым Артур обладал в детстве. Выучить язык за шесть часов? Нет, конечно, гарантии, что кубинский раб хорошо владеет испанским — как и английским, впрочем. Но что, если у Артура Стюарта природный дар к языкам? Что, если он был вовсе не имитатором, а мальчиком, от рождения умеющим говорить на любом языке? Элвин слышал о таких людях. Им стоит только услышать чужое наречие, чтобы заговорить на нем, как на родном.

Может быть, этот дар по-настоящему проснулся в Артуре только теперь, когда он становится мужчиной? Элвин даже позавидовал ему и тут же посмеялся над собой. Представить только, чтобы человек с его, Элвина, даром завидовал кому-то другому! Он может сделать камень жидким как вода, воду — прочной как сталь и прозрачной как стекло, может обратить железо в живое золото и при этом жалеет, что не способен овладеть чужим языком с той же легкостью, с какой кошка падает на лапы? Грех неблагодарности, один из многих, за которые его наверняка пошлют в ад.

— Чего ты смеешься? — спросил Артур Стюарт.

— Все время забываю, что ты уже больше не мальчик. Хочу только надеяться, что если тебе понадобится моя помощь — вдруг, скажем, тебя поймают на разговорах с мексиканскими рабами и начнут драть кнутом, — ты сумеешь как-нибудь дать мне знать.

— Очень даже сумею. А если убивец с ножиком, который спит на твоей койке, вдруг начнет плохо себя вести, ты тоже дай знать, что написать на твоей могильной плите.

— Убивец с ножиком?

— Так говорят под палубой. Но ты лучше спроси его сам, он тебе все и расскажет. Ты ведь так поступаешь обычно, правда?

— Угу. Если я что-то хочу знать, то так прямо и спрашиваю.

— И тебя, как правило, не убивают.

— В среднем у меня неплохие результаты, — скромно ответил Элвин.

— Но ты не всегда выясняешь то, что хочешь.

— Зато всегда выясняю что-то полезное. Например, как легко раздражаются некоторые люди.

— Я сказал бы, что у тебя дар на это дело, если б не знал, что у тебя есть другой.

— Бесить людей, да.

— Они начинают злиться, не успеешь ты поздороваться.

— А на тебя вот никто не злится.

— Потому что я симпатичный.

— Ну, не всегда. Хвастовство тоже иногда раздражает.

— Только не моих друзей, — ухмыльнулся Артур.

— Но твоих родных это с ума сводит.

Когда Элвин вернулся к себе, «убивец с ножиком» уже проснулся и вышел куда-то. Элвин подумал, не занять ли ему снова свою койку, но это значило нарываться на драку, и он решил, что дело того не стоит. В каюте четыре койки на двоих — незачем злить попутчика, борясь за одну-единственную.

Засыпая, Элвин, как всегда, отыскал сердечный огонь Пегги и удостоверился, что у нее все хорошо. Ребенок в ней рос как положено, и у него теперь тоже билось сердечко. Не то что во время первой беременности, когда ребенок родился преждевременно и выжить не смог. Теперь Элвину не придется смотреть, как его дитя синеет и задыхается у него на руках, несмотря на отчаянные попытки отца отыскать в маленьком тельце хоть какой-то шанс на жизнь. Что пользы быть седьмым сыном седьмого сына, если единственный, кого ты неспособен исцелить — это твой первенец?

В первые дни после его смерти Элвин и Пегги не отходили друг от друга, но потом она начала отдаляться, избегать его. В конце концов он понял, что она просто боится забеременеть снова. Тогда он поговорил с ней, сказал, что от беды не скроешься — многие люди теряют детей, даже тех, что уже подросли немного. Надо пытаться снова и снова, чтобы было чем утешиться при мысли о маленькой могилке.

«Я выросла, глядя на две такие могилки, — сказала она. — И знала, что родители, глядя на меня, видят двух моих сестер, носивших то же самое имя».

«Ты была светлячком и потому знала больше, чем полагается знать ребенку. Наша малышка скорее всего светлячком не станет. Все, что она будет знать, это как мы ее любим и как мы хотели, чтобы она родилась».

Элвин не знал, убедил ли он Пегги или она согласилась снова завести ребенка только ради него. Во время второй беременности она, как и в первый раз, разъезжала по всей стране и боролась за освобождение рабов, стараясь при этом, чтобы оно не привело к войне. Элвин в ее отсутствие оставался в Церкви Вигора и учил желающих началам созидания.

Оставался, пока она не давала ему какого-нибудь поручения. Вот и теперь Пегги отправила его вниз по реке в Нуэва-Барселону, хотя в глубине души ему хотелось побыть дома с ней вместе и позаботиться о ней.

Она, будучи светочем, прекрасно знала, чего он хочет, — стало быть, сама хотела как раз обратного: пожить врозь.

С этим Элвин мог примириться, что не мешало ему отыскивать ее на грани сна и засыпать, лишь когда в нем затеплятся два сердечных огня — ее и ребенка.

Элвин проснулся в темноте, поняв, что происходит что-то неладное. Рядом с ним горел чей-то сердечный огонь, и он слышал тихое дыхание крадущегося к нему человека. Запустив «жучка», он определил, что тот тянется к котомке, которую Элвин обхватил рукой.

Кража? Чертовски глупая затея на борту парохода, если у незнакомца именно это на уме. Разве только он превосходный пловец и способен добраться до берега с тяжелым золотым лемехом.

Нож злоумышленника висел на поясе, и тот пока не собирался его доставать. Элвин, учитывая это, произнес как можно тише:

— Если вы ищете что-нибудь съедобное, дверь с той стороны.

Ох, как подскочило при этом сердце у незнакомца! И первым делом он схватился за нож — это движение, как отметил Элвин, было у него хорошо отработано.

Впрочем, он почти сразу взял себя в руки. Элвин догадывался почему — ночь была темная, и незнакомец полагал, что Элвин видит в темноте не лучше его самого.

— Уж очень вы сильно храпели. Я просто хотел перевернуть вас на другой бок.

Элвин знал, что он врет. Когда Пегги давно уже пожаловалась на его храп, Элвин разобрался, отчего люди храпят, и преобразовал свою носоглотку так, чтобы не производить больше подобного шума. Он взял за правило не пользоваться даром ради собственного блага, но счел, что от храпа нужно избавиться ради других — ему-то это спать не мешало.

Однако он не подал виду и сказал:

— Спасибо. Но сплю я чутко, и если попросить меня повернуться, я тут же послушаюсь. Жена всегда так делает.

И тут незнакомец беззастенчиво признался в своих намерениях:

— Знаете, когда человек так прижимает свою котомку к себе, других так и разбирает поглядеть, что у него там такое.

— Когда я не прижимаю ее к себе, других разбирает не меньше, и так им куда сподручнее подобраться к ней в темноте и познакомиться с ней поближе.

— Больше, полагаю, вы мне ничего не скажете?

— На вежливый вопрос я всегда готов ответить.

— Но поскольку спрашивать, что лежит у вас в котомке, невежливо, вы не станете отвечать.

— Приятно познакомиться с человеком, знающим толк в хороших манерах.

— Хорошие манеры и нож, который не ломается у черенка, — вот что помогает мне жить в этом мире.

— Мне вполне достаточно хороших манер. А нож ваш мне нравился больше в ту пору, когда еще был напильником.

Незнакомец одним прыжком отскочил к двери, выхватив нож.

— Кто ты и что обо мне знаешь?

— Ровно ничего, сэр. Но я кузнец и вижу, когда нож переделывают из напильника. По мне, это скорее меч, а не нож.

— Я ни разу не доставал нож на этом пароходе.

— Рад это слышать. Но когда вы спали, а я вошел, было светло, и я хорошо рассмотрел ножны у вас на поясе. Нож не бывает таким толстым у основания, и пропорции у него в самый раз для напильника.

— С виду это невозможно определить. Вы что-то слышали. Кто-то распустил свой язык.

— Люди всегда говорят, но не обязательно про вас. Просто я хорошо знаю свое дело, а вы, полагаю, знаете свое. Меня зовут Элвин.

— Элвин Смит*, э?

— Мне повезло в жизни: я получил имя. Держу пари, что и у вас оно есть.

Незнакомец усмехнулся и спрятал нож.

— Джим Бови.

— Ваша-то фамилия как будто не от ремесла образована.

— Это шотландское слово. Означает «светловолосый».

— Но у вас волосы темные.

— Ну, первый Бови, ручаюсь, был белокурый викинг. Ему понравилась Шотландия, когда он разбойничал там, вот он и остался.

— Его дух, наверно, возродился в ком-то из потомков, и тот переплыл еще одно море.

— Я сам викинг до мозга костей. Вы правильно угадали насчет ножа. Пару лет назад я присутствовал на дуэли — дело было на окраине Натчеза, около кузницы. Оба промахнулись, и все пошло кувырком — люди, знаете, собрались поглядеть на кровь, а тут такое разочарование. Один парень прострелил мне ногу, и я вроде бы выбыл из борьбы, но тут увидел, что майор Норрис Райт связался с парнишкой наполовину меньше его и наполовину моложе. Это меня так взбесило, что я позабыл про рану, а кровь из меня хлестала, как из резаной свиньи. Но я обезумел, схватил кузнечный напильник и вонзил ему прямо в сердце.

---

* Смит (Smith) — по-английски «кузнец»; самая распространенная англоязычная фамилия. — *Примеч. пер.*

— Для этого большая сила нужна.

— А то! Я ведь не промеж ребер его вогнал, а прямо сквозь ребро. Мы, викинги, обретаем силу великанов, когда нас охватывает безумие боя.

— Ваш нож сделан из того самого напильника, верно?

— Один ножовщик в Филадельфии переделал его для меня.

— Обточил, не перековал.

— Точно.

— Этот нож вам приносит удачу.

— Ну, я не умер пока.

— Да, тут без удачи не обойтись, учитывая вашу привычку подкрадываться к спящим и осматривать их багаж.

Улыбка на лице Бови погасла.

— Что ж поделать, если я такой любопытный.

— Понимаю. У меня тот же порок.

— Теперь ваша очередь.

— Очередь? И что же я должен сделать?

— Рассказать вашу историю.

— Мою? У меня при себе только свежевальный ножик, но он сослужил мне хорошую службу в диких краях.

— Вы же знаете, я не об этом спрашиваю.

— Ну, а я рассказываю об этом.

— Я вам рассказал про свой нож, а вы расскажите про свою котомку.

— Про нож вы всем рассказываете, чтобы не так часто пускать его в ход. А я про котомку не рассказываю никому.

— Этим вы только любопытство разжигаете в людях. А кое у кого могут возникнуть и подозрения.

— Время от времени такое случается. — Элвин свесил ноги с койки и встал. Он уже прикинул на глаз габариты Бови и знал, что сам он дюйма на четыре выше, что руки у него длиннее и плечи шире — недаром же он кузнец. — Но моя милая улыбка рассеивает все подозрения.

— Да, детина ты будь здоров! — засмеялся Бови. — И никого не боишься.

— Я много кого боюсь. Особенно людей, которые вгоняют напильники сквозь ребро прямо в сердце.

— Странное дело, — задумчиво сказал Бови. — Меня в жизни многие боялись — но чем больше они боялись, тем реже признавались, что боятся. Ты первый, кто прямо сразу так и сказал. Это что же выходит — ты боишься меня больше всех? Или совсем не боишься?

— Я вам вот что скажу: держитесь подальше от моей котомки, и нам не придется это выяснять.

Бови засмеялся опять, но его мимика больше напоминала оскал дикой кошки.

— Нравишься ты мне, Элвин Смит.

— Приятно слышать.

— Я знаю человека, которому как раз такие ребята требуются.

Стало быть, этот Бови входит в компанию Тревиса, подумал Элвин.

— Если вы про мистера Тревиса, то мы с ним уже условились, что он пойдет своей дорогой, а я своей.

— Вон оно что, — сказал Бови.

— Вы к нему только в Фивах присоединились?

— Про нож я тебе рассказал, но про свои планы не стану рассказывать.

— Ну, а я из своих секрета не делаю. Я планирую снова лечь спать и попытаться досмотреть сон, который вы прервали, вознамерившись прекратить мой храп.

— Хорошая мысль, — одобрил Бови. — А поскольку я ночью совсем не спал из-за твоего храпа, то займусь тем же самым, пока солнышко не взойдет.

Элвин лег и прижал котомку к себе. К Бови он повернулся спиной, но, конечно, оставил в нем своего «жучка» и мог следить за каждым его движением. Тот долго стоял, глядя на Элвина, и Элвин по биению его сердца и бурной циркуляции крови видел, что тот неспокоен. Что им владело — гнев или страх? Трудно об этом судить, когда лица не видно, да и тогда нелегко. Но его сердечный огонь дал Элвину понять, что Бови принимает какое-то решение.

Не скоро ему удастся уснуть, коли он так взбудоражен. С этой мыслью Элвин проник в Бови и стал успокаивать его,

умеряя его сердцебиение и выравнивая дыхание. Многие думают, что тело всегда откликается на эмоции, но Элвин знал, что бывает и наоборот. Тело ведет, а эмоции подчиняются.

Через пару минут Бови начал зевать, а там и уснул вскоре — не сняв ножа и держа руку поблизости от него.

Интересные, однако, друзья у этого Тревиса.

Артура Стюарта переполняла самоуверенность. Но если ты это чувствуешь и компенсируешь нахальство повышенной осторожностью, ничего дурного с тобой произойти не должно, так ведь? Разве только когда твоя заносчивость преувеличивает в тебе сознание собственной безопасности.

У миз Пегги это называлось «рассуждать вкруговую». Такие рассуждения не приводят никуда — или приводят куда угодно. Думая о миз Пегги, Артур всегда чувствовал себя виноватым из-за того, как он говорит. Да только что пользы говорить правильно? Мулат, навострившийся говорить как джентльмен, — да на него будут смотреть, как на дрессированную обезьяну. Как на собаку, которая ходит на задних лапах. Джентльменом он от этого все равно не станет.

Потому-то он и ведет себя так нахально — вечно ему хочется что-то доказать. Но только не Элвину.

Нет, Элвину в первую очередь. Потому что тот обращается с ним как с мальчишкой, хотя Артур взрослый мужчина. Как с сыном, хотя Артур ничей.

Все эти мысли тоже ни к чему, когда тебе необходимо вынести вонючую кадку, провозившись с этим как можно дольше — надо же выяснить, кто из рабов говорит по-английски или по-испански.

— Quien me compreende? — прошептал Артур. («Кто меня понимает?»)

— Todos te compreendemos, pero calle la boca, — ответил ему третий с краю. («Мы все тебя понимаем, только рот закрой».) — Los blancos piensan que hay solo uno que hable un poco de ingles.

Надо же, как он тарахтит — и выговаривает совсем не так, как кубинец. Но Артур уже обрел чувство языка и понимал, в

общем, все. Они все говорят по-испански, но притворяются, будто только один из них немного знает английский.

— Quieren fugir de ser esclavos? («Хотите стать свободными?»)

— La unica puerta es la muerta. («Единственный способ — это смерть».)

— Al otro lado del rio hay rojos que son amigos nuestros. («На той стороне реки живут краснокожие — они наши друзья».), — сказал Артур.

— Sus amigos no son nuestros. («Ваши друзья — не наши друзья».)

Другой пленник кивнул.

— Y ya no puedo nadar. («Я все равно не умею плавать».)

— Los blancos, que van a hacer? («Что собираются делать белые?»)

— Piensan en ser conquistadores. («Конквистадорами себя считают» — эти люди, как видно, не слишком высокого мнения о своих хозяевах.) — Los Mexicos van comer sus corazones. («Мексиканцы сожрут их сердца».)

— Tu hablas como cubano, — включился в беседу еще один. («Ты говоришь как кубинец».)

— Soy americano. Soy libre. Soy... — Артур не успел еще выучить, как будет по-испански «гражданин». — Soy igual. («Я равный».) Не совсем, правда, но все-таки более равный, чем вы.

Несколько рабов усмехнулись, услышав это.

— Ya hay vista, tu dueño. — Артур понял только «dueño» — хозяин.

— Es amigo, no dueño. («Он мне друг, а не хозяин».)

Это их насмешило, но смеялись они потихоньку, поглядывая на стражника, который дремал, привалившись к стене.

— Me de promesa. («Обещайте мне».) Cuando el ferro quiebra, no se maten. No salguen sin ayuda. («Когда железо сломается, не убивайте себя», — хотел сказать Артур — но, возможно, это означало «не дайте себя убить». — И не уходите без помощи».) Пленники смотрели на него в полнейшем недоумении.

— Voy quebrar el ferro, — повторил он. («Я хочу сломать железо».)

Один из них с насмешкой протянул к нему руки, звякнув цепью. Другие с тревогой покосились на стражника.

— No con la mano, — сказал Артур. — Con la cabeza.

Пленники разочарованно переглянулись. Артур знал, о чем они думают: этот парень просто спятил — вообразил, что может ломать железо если не руками, то головой. Но лучшего объяснения он им дать не мог.

— Mañana, — сказал он, («До завтра».) Они закивали в ответ, явно не веря ему.

Вот тебе и выучил испанский! Хотя дело, возможно, в другом — они просто никогда не слыхали о созидании и не знают, что человек способен ломать железо силой своего разума.

Артур знал, что ему это под силу. Это был простейший урок Элвина, но он только недавно понял, что Элвин имел в виду, говоря о проникновении в металл. До сих пор Артуру казалось, что для этого надо сильно напрячься мысленно, а оказалось, что совсем не так. Все гораздо проще. Как с иностранным языком. Пробуешь его на вкус и начинаешь чувствовать. Ты чувствуешь, например, что хотя «mano» оканчивается на «о», впереди надо ставить артикль «la», а не «el». Просто знаешь, что так надо, и все.

В Карфаген-Сити он дал торговцу, продававшему плюшки, двадцать пять центов, а тот зажилил сдачу. Вместо того чтобы орать на него — разве мыслимо, чтобы цветной подросток орал на белого человека? — Артур просто подумал о монетке, которую все утро держал в кулаке: какая она была теплая и как хорошо было ее ощущать. Он точно проник в ее металлическую сущность, как проникал в музыку языка. И, продолжая думать о ней, представил себе, что она становится все теплее...

Он продолжал представлять себе это, а торговец вдруг завопил и начал хлопать себя по карману, куда положил четвертак.

Монета жгла его!

Продавец попытался выудить монетку, но она обожгла ему пальцы. Тогда он скинул пиджак и при всем честном народе спустил штаны вместе с подтяжками. Монета, выкатившись из кармана, зашипела, деревянный тротуар задымился.

Торговца занимало только одно — ожог у него на ляжке. Артур представил, что монетка остыла, поднял ее и сказал:

— Мне еще сдача причитается.

— Убирайся вон, черный дьявол! Проклятый колдун. Проклинать деньги, которые даешь человеку — все равно что воровать.

— Смешно такое слышать от человека, который берет с тебя четвертак за пятицентовую булочку.

В разговор вмешались прохожие.

— Четвертак у парня хотел зажать, да?

— На то закон есть, хоть парень и черный.

— Воруешь у тех, кто ответить не может.

— Подтяни штаны-то, болван!

В итоге Артур получил сдачу с четвертака и хотел вернуть жулику его пять центов, но тот его и близко не подпустил.

«Ну что ж, я пытался, — подумал Артур Стюарт. — Я не вор. Я творец, вот я кто».

Не такой, как Элвин, конечно, но монету он, черт побери, раскалил, да так, что она чуть карман тому малому не прожгла.

«Если я это могу, то и всему остальному смогу научиться», — думал Артур — это и вселяло в него такую самоуверенность. Каждый день он практиковался на любых металлических предметах, которые ему попадались. Плавить железо, конечно, ни к чему — рабы ему спасибо не скажут, если он, снимая с них цепи, сожжет им запястья и лодыжки.

Он хотел просто размягчить металл, не раскаляя его. Это куда труднее, чем просто нагреть. Он то и дело ловил себя на том, что опять напрягается, пытаясь навязать металлу мягкость. Но стоило ему расслабиться и ощутить металл в голове, как песню, он постепенно опять начинал понимать, как это нужно делать. Он размягчил пряжку собственного ремня так, что мог гнуть ее, как ему хотелось. В конце концов он снова придал ей форму пряжки, чтобы штаны не свалились.

Но пряжка была медная, а медь от природы мягче железа. И даже с ней Артур добился успеха совсем не скоро. А вот Элвин однажды у него на глазах размягчил ствол ружья в тот самый миг, когда владелец этого ружья в него выстрелил.

Артур пока делает это медленно, а рабов между тем двадцать пять человек, и у каждого по два железных браслета — на ноге и на руке, — и надо, чтобы все они дождались, пока последний из них не станет свободным. Если кто-то побежит раньше времени, схватят всех.

Он, конечно, мог попросить о помощи Элвина, но тот уже дал ему свой ответ. Пусть остаются рабами, вот как решил Элвин. Но Артур этого не допустит. Судьба этих людей в его руках. Он теперь по-своему тоже творец, и ему решать, когда ждать, а когда действовать. Он не умеет исцелять болезни, как Элвин, и подчинять себе животных, и превращать воду в стекло. Но железо он, черт возьми, размягчать умеет и непременно освободит этих людей.

Завтра ночью.

На следующее утро они из Гайо вошли в Миззипи, и Элвин впервые за многие годы увидел над рекой туман Тенскватавы.

В него входишь, как в стену. На ясном небе ни облачка, и когда смотришь вперед — ничего особенного. Так, легкая дымка. И вдруг ты уже видишь не дальше чем на сто ярдов перед собой — в том случае, если движешься вверх или вниз по реке. Если вздумаешь переправиться на правый берег, тебе покажется, что ты ослеп — ты не увидишь даже носа собственной лодки.

Это ограда, поставленная Тенскватавой для защиты краснокожих, ушедших на запад после того, как Такумсе проиграл свою войну. Все краснокожие, не желавшие жить по закону белого человека, все, кто покончил с войной, переправились на запад, и Тенскватава закрыл за ними дверь.

О западных землях Элвин слышал от трапперов, которые бывали там раньше. Они говорили, что горы там скалистые и такие высокие, что снег на вершинах не тает даже в июне. Там есть места, где горячая вода сама собой бьет из земли на пятьдесят футов вверх, а то и выше. Там пасутся стада бизонов — они могут идти мимо тебя целые сутки, и назавтра их будет не меньше, чем вчера. Там есть прерии, пустыни и со-

сновые леса, а высоко в горах, как алмазы, таятся озера — если заберешься туда, к вечным снегам, тебе нечем будет дышать.

И все это теперь — земля краснокожих, куда белых никогда больше не допустят. Для того над рекой и стоит туман.

Да только для Элвина это не преграда. Если бы он захотел, то мог бы рассеять туман и перебраться на тот берег. И никто бы его не тронул. Так повелел Тенскватава, и нет среди краснокожих ни одного, кто нарушил бы волю пророка.

Он даже подумывал высадиться на берег, подождать, когда пароход уйдет, а потом достать каноэ и найти на том берегу своего старого друга и учителя. Славно было бы потолковать с ним о том, что творится в мире. Обсудить слухи о грядущей войне между Соединенными Штатами и Королевскими Колониями — а может быть, между свободными штатами и рабовладельческими. Обсудить возможность войны с Испанией ради захвата устья Миссипи и возможность войны Королевских Колоний с Англией.

Теперь возник новый слух — о войне с Мексикой. Что сказал бы на это Тенскватава? У него, наверное, много своих забот — возможно, как раз теперь он старается объединить всех краснокожих, чтобы повести их на юг и защитить свои земли против народа, который вырывает пленным сердца на вершинах усеченных пирамид в угоду своему богу.

Элвин думал об этом, стоя у поручней правого борта — штирборта, хотя непонятно, зачем речникам такие мудреные слова вместо простых «право» и «лево». Он стоял там, смотрел в туман и видел не больше, чем любой другой человек, как вдруг его внутренний глаз засек на реке два сердечных огня.

Они крутились на самой середине реки, не различая, где вверх, а где низ, и им было страшно. Элвин понял это в одно мгновение. Двое на плоту, а плот без дифферента, с носовым креном. Неопытные, стало быть, и плот у них самодельный. Руль сломался, и они теперь не знают, как направлять плот вниз по реке. Они брошены на волю течения и не видят, что происходит в пяти футах от них.

«Королева Язу», конечно, производит достаточно шума, но туман обладает свойством глушить звуки. И даже если эти

двое услышат пароход, разве они поймут, что это? Перепуганные люди могут подумать, что по реке плывет какое-то чудовище.

Как же Элвину быть со всем этим? Как заявить, что он видел то, чего никто другой не видит? Течение здесь слишком сильное для него — он не сможет его преодолеть, чтобы подвести плот поближе.

Придется немного приврать. Элвин повернулся и крикнул:

— Слышите? Видите их? Плот потерял управление! Там люди, их крутит на одном месте, и они взывают о помощи!

Капитан и рулевой вместе перегнулись с мостика, и рулевой заявил:

— Я ничего не вижу!

— Я их видел секунду назад, — пояснил Элвин. — Недалеко отсюда.

Капитан Ховард понимал, куда ветер дует, и его это не устраивало.

— Я не поведу «Королеву Язу» еще глубже в этот туман! Нет, сэр! Прибьются к берегу чуть пониже — это их дело, не наше.

— Речной закон! — возразил ему Элвин. — Люди терпят бедствие!

Рулевой молчал. Закон действительно обязывал оказывать помощь в таких случаях.

— Я не вижу никого, кто терпел бы бедствие, — упорствовал капитан.

— Поворачивать пароход нет нужды. Дайте мне шлюпку, и я привезу их.

Это капитана тоже не устраивало, но рулевой был человек порядочный, и скоро Элвин уже сидел в спущенной на воду шлюпке.

Не успел он отчалить, в лодку свалился мешком Артур Стюарт.

— В жизни не видел, чтобы люди прыгали так неуклюже, — сказал Элвин.

— Хочешь, чтобы я пропустил самое интересное? Ну уж нет!

— Не спешите так, мистер Смит, — окликнул сверху Джим Бови. — Двое сильных мужчин в таком деле лучше одного. —

И тоже прыгнул — довольно ловко, учитывая, что он был лет на десять старше Элвина и лет на двадцать — Артура. Он легко опустился на ноги, и Элвин подумал: «Интересно, какой у него талант?» Смертоубийство для этого человека, возможно, только побочный промысел. Уж очень он легок — как пух.

Бови с Элвином сели на весла. Артур сидел на корме, таращил глаза и все время спрашивал:

— Далеко еще?

— Их могло отнести течением, — сказал Элвин, — но они где-то тут.

Видя скептическую мину Артура, он сделал такие глаза, что до парня наконец дошло.

— Кажется, я их вижу, — тут же выпалил он, подыгрывая Элвину.

— Вы ведь не собираетесь плыть до того берега, чтоб краснокожие нас прикончили? — осведомился Бови.

— Нет, — заверил его Элвин. — Я видел этих ребят, как вас вижу, и не хочу, чтоб их смерть была на моей совести.

— Так где же они, по-вашему?

Элвин, конечно, знал где, и по возможности греб прямо к ним. Трудность заключалась в том, что Бови греб немного в другом направлении. Оба гребца сидели к плоту спиной, и Элвин не мог даже притвориться, что видит его. Он лишь старался работать веслами немного сильней, чем Бови.

Артур, глядя на них, закатил глаза.

— Может, вы перестанете делать вид, что верите друг дружке, и будете грести в одну сторону?

Бови на это засмеялся, Элвин вздохнул.

— Ничего вы не видели, — сказал Бови. — Я наблюдал за вами — вы смотрели прямо в туман.

— Вот, значит, почему вы поехали с нами.

— Надо же было выяснить, на что вам лодка.

— Я хочу спасти двух парней на плоту, которых крутит течение.

— Продолжаете настаивать, что это правда?

Элвин кивнул, и Бови опять засмеялся:

— Выходит, провели вы меня.

— Тогда позвольте мне еще немного побыть ведущим. Чуть правее, пожалуйста.

— Такой у вас, значит, дар? Видеть в тумане?

— Похоже на то, разве нет?

— Не совсем. В вас есть много такого, что простым глазом не видно.

— Да неужели? — Артур с подчеркнутым удивлением оглядел плотную фигуру Элвина.

— А ты вовсе не раб. — Это Бови произнес уже без смеха, и Элвин с Артуром почуяли беду.

— Раб, — сказал Артур Стюарт.

— Ни один раб не посмеет так отвечать белому, дубина. По твоему языку сразу видно, что кнута ты не пробовал.

— Это вы хорошо придумали — сопровождать нас, — заметил Элвин.

— Можете не беспокоиться. У меня у самого есть секреты, и чужие я тоже хранить умею.

«Уметь-то умеешь, но вот сохранишь ли?»

— Не такой уж это страшный секрет, — сказал Элвин. — Я отвезу парня на север и вернусь назад другим пароходом.

— Судя по рукам и плечам, ты точно кузнец. Но ни один кузнец, глядя на зачехленный нож, не сможет сказать, что он переделан из напильника.

— Я хорошо знаю свое ремесло, — сказал Элвин.

— Элвин Смит. Пора бы тебе путешествовать под другим именем.

— Отчего так?

— Ты тот самый кузнец, что несколько лет назад убил пару ловчих.

— У моей жены эти ловчие убили мать.

— Да чего там... Ни один суд не вынесет тебе приговора, как и мне за мои дела. Мне сдается, у нас с тобой много общего.

— Меньше, чем вы думаете.

— Тот же Элвин Смит сбежал от своего хозяина, прихватив с собой одну вещь.

— Ложь. И он знает, что это ложь.

— Уверен, что знает, — но так говорят.

— Не всякому слуху верь.

— И то верно. Что-то ты уже не так налегаешь на весла, а?

— Думается, нам лучше не спешить, пока мы не закончили свой разговор.

— Я просто пытаюсь сказать тебе кое-что — заметь, по-хорошему. Я, кажется, знаю, что ты носишь в своей котомке. Ты должен быть большим умельцем, если слухи не врут.

— И что же я, по-вашему, такое умею? Летать?

— Говорят, ты умеешь железо превращать в золото.

— Здорово было бы, правда?

— Будешь отрицать?

— Железо я умею превращать только в подковы и дверные петли.

— Но один-то раз это тебе удалось?

— Нет, сэр. Говорю вам, все это выдумки.

— Я тебе не верю.

— Вы хотите сказать, что я лгу?

— Не обижайся только, ладно? Я много раз дрался на дуэли и всегда побеждал.

Элвин промолчал. Бови тяжело и пристально посмотрел на Артура Стюарта, а затем промолвил:

— Вот оно что.

— О чем вы? — спросил Артур.

— Ты меня не боишься.

— Боюсь, — возразил Артур.

— Ты боишься, что я про тебя знаю, но не боишься, что я вызову твоего мнимого хозяина на дуэль.

— Очень даже боюсь.

Бови в один миг бросил весла, выхватил нож и приставил его прямо к горлу Элвина — но от ножа к тому времени осталась одна рукоять.

Улыбка медленно сползла с лица Бови, когда он осознал, что его драгоценный нож, бывший-прежде-напильником, лишился клинка.

— Ты что наделал? — вскричал он.

— Забавный вопрос для человека, который собирался меня убить.

— Я хотел только попугать тебя. Не надо было делать такое с моим ножом.

— Чужие намерения я разгадывать не умею. Беритесь за весла.

Бови повиновался.

— Этот нож приносил мне удачу.

— Стало быть, кончилась она, ваша удача.

— Думать надо, кому грозите ножом, мистер Бови, — вставил Артур.

— Я хотел только сказать, что ты именно тот человек, который нам нужен. Незачем было ломать мой нож.

— В следующий раз, когда соберетесь привлечь человека на свою сторону, не тычьте в него ножом, — сказал Элвин.

— И не угрожайте раскрыть его секреты, — добавил Артур.

Бови, который до сих пор просто дулся, встревожился:

— Да я и не говорил, что знаю ваши секреты. Догадывался, и только.

— Итак, Артур Стюарт, мистер Бови только что сообразил, что находится на середине реки, в тумане, вместе с двумя людьми, чьи секреты он угрожал раскрыть.

— Тут призадумаешься, — сказал Артур.

— Просто так вы меня из лодки не выкинете, — предупредил Бови.

— Я не желаю вам зла, потому что я на вас не похож, — сказал Элвин. — Я убил человека только однажды, в приступе горя и ярости, и с тех пор не перестаю сожалеть об этом.

— Я тоже, — сказал Бови.

— Вы этим гордитесь. Вы сберегли орудие убийства и сделали его своим талисманом. Мы с вами совсем не похожи.

— Пожалуй.

— И если бы я захотел убить вас, мне не пришлось бы выбрасывать вас из лодки.

Бови опять бросил весла и поднес дрожащие руки к горлу.

— Дыхание перехватило? — спросил Элвин. — Но ведь вам никто не мешает. Дышите же! Вдох — выдох. Вы всю свою жизнь это делали.

Бови не то что задыхался — он просто не мог подчинить себе собственное тело.

Элвин не стал дожидаться, когда Бови посинеет, — он всего лишь дал ему почувствовать свое бессилие. Потом тот просто вспомнил, как надо дышать, и втянул в себя воздух.

— А теперь, когда мы установили, что вам нечего меня опасаться, — сказал Элвин, — давайте спасем двух ребят на самодельном плоту без дифферента.

И в белой пелене перед ними, в каких-нибудь пяти футах, возник плот. Еще один взмах веслами — и они стукнулись об него. Только в это мгновение двое на плоту их заметили.

Артур перебрался на нос с кормовым концом и перескочил на плот.

— Слава Богу! — воскликнул один из двоих терпящих бедствие.

— Вы прибыли как нельзя более вовремя, — сказал другой, выше ростом, помогая Артуру закрепить канат. — Плот ненадежный, а в таком тумане даже окрестностей не видно. Так себе поездочка, надо сказать.

— Рад видеть, что вы не пали духом, — засмеялся Элвин.

— Мы молились и пели гимны, — заверил длинный.

— Это сколько же росту в вас будет? — спросил, запрокинув голову, Артур.

— Я на голову выше собственных плеч, но подтяжек вполне хватает.

Нельзя было не почувствовать симпатии к этому человеку, и это сразу вызвало у Элвина подозрения. Если у него такой дар, то доверять ему опасно. Но в том-то и штука с такими людьми: ты не доверяешь им, и в то же время они тебе нравятся.

— Вы, часом, не адвокат? — спросил Элвин. Они уже приготовились взять плот на буксир.

Незнакомец выпрямился во весь свой рост и поклонился — такого неуклюжего поклона Элвин еще в жизни не видел. Одни колени и локти, сплошные углы, даже лицо напрочь лишено плавных линий. Этот малый настоящий урод. Надбровья выдаются, как у обезьяны, и все же... смотреть на него не противно, а улыбка у него на редкость теплая и приветливая.

— Авраам Линкольн из Спрингфилда к вашим услугам, джентльмены.

— А я Куз Джонстон из Спрингфилда, — представился другой.

— «Куз» — значит «кузен», — пояснил Линкольн. — Его все так зовут.

— Теперь стали звать, — уточнил Куз.

— Кузен? А чей? — спросил Артур.

— Только не мой, — ответил Линкольн. — Но он вылитый кузен, правда? Воплощение родственности, квинтэссенция седьмой воды на киселе. Начав звать его Кузом, я только подтвердил очевидное.

— Вообще-то я сын второй жены его отца от первого брака, — внес ясность Куз.

— Вследствие этого мы друг другу сводные никто, — сказал Авраам.

— Я особенно благодарен вам, ребята, за то, — взял слово Куз, — что мне теперь не придется выслушивать до конца самую невероятную басню, которую когда-либо плел старина Эйб.

— Никакая это не басня. Я слышал ее от человека по прозвищу Сказитель. Он поместил ее в свою книгу и не сделал бы этого, не будь она правдивой.

У «старины Эйба», который выглядел не более чем на тридцать, был острый глаз, и он сразу заметил, как переглянулись Элвин с Артуром.

— Вы его знаете? — спросил он.

— Он правдивый человек, это верно, — сказал Элвин. — Какую же историю он рассказал вам?

— О рождении одного ребенка. О трагической гибели его старшего брата — его убило несущееся по течению дерево, когда он спасал свою мать. Фургон застрял на середине реки, а у нее как раз начались роды. Однако он умер не сразу и прожил достаточно долго, чтобы новорожденный мог считаться седьмым сыном седьмого сына, у которого живы все братья.

— Возвышенная история, — сказал Элвин. — Я сам прочел ее в той книге, о которой вы говорили.

— И вы верите в нее?

— Верю.

— Я же не говорил, что это неправда, — вмешался Куз. — Просто это не та история, которую хочется слушать, когда тебя несет вниз по течению в миссипском тумане.

Эйб Линкольн пропустил это мимо ушей.

— Вот я и говорю Кузу: Миссипи еще милостиво обошлась с нами по сравнению с тем, как поступила куда более мелкая речка с героями этого рассказа. А тут и вы подоспели — выходит, река проявила великую доброту к двум никудышным плотовщикам.

— Плот сами делали? — спросил Элвин.

— У нас руль сломался, — сказал Эйб.

— А запасной?

— Я не знал, что он понадобится. Но если нам суждено попасть на берег, я его сделаю.

— Умеете работать руками?

— Не сказал бы. Но буду трудиться, пока не добьюсь своего.

— Не мешало бы и над плотом потрудиться, — рассмеялся Элвин.

— Буду признателен, если покажете, что с ним не так. Я сам ни черта не вижу — плот как плот.

— Сверху да, а вот под ним кое-чего не хватает. На корме должен быть дифферент, чтобы она оставалась кормой. А спереди плот у вас перегружен, вот он и вертится.

— Чтоб мне провалиться! — сказал Эйб. — Не гожусь я в лодочники.

— Мало кто годится, — заметил Элвин. — Исключение — наш друг мистер Бови. Ни одной лодки не пропустит, хлебом его не корми, только дай погрести.

Бови натянуто улыбнулся. Плот теперь плыл за ними, и им с Элвином хочешь не хочешь приходилось тащить его по реке.

— Вы бы стали чуть дальше назад, — деликатно предложил потерпевшим Артур Стюарт. — Тогда плот перестанет так зарываться в воду, и его будет легче тянуть.

Сконфуженные Эйб и Куз поспешили выполнить его просьбу. Густой туман делал их почти невидимыми и глушил звуки, сильно затрудняя беседу.

Пароход они догоняли долго. Хорошо еще, что рулевой, добрая душа, шел тихим ходом, несмотря на гнев капитана Ховарда из-за потерянного времени. Спасатели и спасенные услышали шум колеса, и перед ними выросла «Королева Язу».

— Чтоб меня ощипали и поджарили! — вскричал Эйб. — Какой замечательный у вас пароход.

— Увы, не у нас, — сказал Элвин.

Артур Стюарт заметил, как проворно Бови взобрался на палубу и растолкал всех собравшихся, хлопавших его по плечу, как героя. Артур его не винил, но Бови, хотя Элвин порядком напугал его на реке, все-таки представлял опасность для них обоих.

Когда шлюпку подняли, а плот закрепили у борта, пассажиры принялись задавать обычные дурацкие вопросы — например, как они нашли друг друга в знаменитом тумане над Миззипи.

— Все вышло, как я сказал, — рассказывал Элвин. — Они были совсем близко, но все-таки пришлось их поискать.

Эйб Линкольн слушал его с усмешкой и ни слова не сказал поперек, но Артур видел, что этот человек далеко не дурак. Он знал, что плот был отнюдь не близко от парохода, и заметил, что Элвин греб прямиком к «Королеве Язу», как будто видел ее.

Что бы Эйб ни думал об этом, вскоре он уже рассказывал всем желающим, какого дурака свалял, строя плот, и как они с Кузом ополоумели от бесконечного кружения в тумане.

— Меня так скрутило, что мы вдвоем полдня распутывали мне руки-ноги и выкапывали голову из подмышки. — Несмешная, в общем, история в его изложении звучала так, что все со смеху покатывались, но вряд ли у нее был шанс попасть в книгу Сказителя.

Ночью они сделали остановку в довольно большом порту. Народ все время сновал взад-вперед, поэтому Артур временно отказался от плана освободить рабов-мексиканцев.

Вместо этого они с Элвином отправились в кают-компанию послушать лекцию. Читал ее Кассиус Марселлус Клей,

известный противник рабства, не боявшийся выступать в самом сердце рабовладельческих штатов. Но делал он это, как отметил Артур Стюарт, довольно ловко. Он не обличал рабство как ужасающий грех — он говорил о том, какой вред приносит оно семьям самих рабовладельцев.

— Каково это — растить детей в убеждении, что их руки никогда не будут знать никакого труда? Что будет, когда отец состарится, а дети, не приученные к труду, начнут тратить его деньги, не думая о завтрашнем дне?

И разве эти дети, видевшие, как их ближними, какого бы цвета ни была их кожа, помыкают, ни во что не ставя их труд и свободу, — разве не сочтут они своего престарелого отца вещью, утратившей всякую ценность? Вещью, которую выбрасывают на свалку? Ибо, если к одной категории людей относятся как к товару, отчего бы детям не приучиться делить всех людей на полезных и бесполезных, которых следует выбросить вон?

Артур слышал многих аболиционистов, но этот всем утер нос. Рабовладельцы не кипели желанием вывалять его в смоле и перьях, по меньшей мере — нет, они сконфуженно переглядывались, думая, возможно, о собственных детях, ни на что не годных оболтусах.

Но в конечном счете польза от речей Клея невелика, решил Артур. Что ж им теперь прикажете делать — отпустить своих рабов и перебраться на Север? Прямо как в Библии, где Иисус сказал богатому юноше: «Раздай имение свое нищим и иди за мной». Богатство этих людей измеряется рабами. Отказаться от них — значит сделаться бедными или по крайней мере перейти в средний класс, где приходится платить наемным рабочим. Нанимать, другими словами, чью-то спину, а не владеть ей. Ни у кого из них не хватит на это мужества — так, во всяком случае, думал Артур Стюарт.

Он, однако, заметил, что Эйб Линкольн слушает оратора очень внимательно, с горящими глазами. Особенно когда Клей заговорил о сторонниках отправки черных обратно в Африку.

— Что сказали бы вы, если бы кто-то захотел отправить вас самих в Англию, Шотландию, Германию или любую дру-

гую страну, откуда приехали ваши предки? Все мы, богатые и бедные, свободные и невольники, теперь стали американцами. Нельзя отсылать в Африку рабов, чьи деды и прадеды родились на этой земле — Африка для них теперь не более родина, чем Китай или Индия.

Эйб кивал, слушая это, и у Артура сложилось впечатление, что до сих пор долговязый считал этот проект — взять и спровадить черных в Африку — наилучшим решением проблемы.

— А мулаты? Светлокожие метисы, в которых кровь европейцев и африканцев смешалась поровну? Их что же — надвое разделить, как железнодорожные пути, и каждую половину оправить на родину? Нравится вам это или нет, мы все перемешались на этой земле и приросли к ней. Порабощая темнокожего, вы порабощаете сами себя, ибо отныне вы прикованы к нему не менее крепко, чем он к вам, и его неволя формирует ваш характер точно так же, как его собственный. Сделайте темнокожего раболепным, и тот же процесс сделает вас тираном. Заставьте его дрожать от страха перед вами, и это превратит вас в чудовище. Вы думаете, ваши дети, видя вас таким, не будут бояться вас? Нельзя носить одну личину перед рабами и другую — перед своими близкими, если вы хотите, чтобы этим личинам кто-то верил.

После лекции, перед тем как разойтись спать, Элвин и Артур постояли немного у поручней, глядя на плот.

— Как можно после такой речи вернуться домой, — сказал Артур Стюарт, — и тут же не отпустить всех рабов на волю?

— Я же вот не отпускаю тебя, — заметил Элвин.

— Потому что ты только притворяешься моим хозяином, — шепотом парировал Артур.

— Тогда я мог бы притвориться, что отпускаю тебя, и это послужило бы другим хорошим примером.

— И что бы ты тогда со мной делал?

Элвин на это слегка улыбнулся, и Артур понял его.

— Я не говорю, что это легко, но если бы так поступили все...

— Все не поступят. Значит, тот, кто отпустит своих рабов, станет бедным, а кто не отпустит, останется богатым. И кто же получит власть в здешних краях? Тот, кто рабов сохранит.

— Выходит, надежды нет.

— Все должно произойти сразу, по закону, а не мало-помалу. Пока рабство хоть где-то разрешено, дурные люди будут владеть рабами и получать от этого выгоду. Надо запретить его — и дело с концом. Никак не могу добиться, чтобы это поняла Пегги. Вся ее пропаганда ни к чему не приводит: стоит кому-то перестать быть рабовладельцем, как он теряет всякое влияние среди тех, кто ими остался.

— Конгресс не может отменить рабство в Королевских Колониях, а король — в Штатах. Значит, как ни крути, где-то оно будет, а где-то нет.

— Будет война, — сказал Элвин. — Рано или поздно, когда свободным штатам опротивеет рабство, а рабовладельческие станут еще более зависимыми от него, с той или с другой стороны произойдет революция. Думаю, мы не дождемся освобождения, пока король не падет и его Колонии не войдут в состав Штатов.

— Этому никогда не бывать.

— Мне кажется, это все же произойдет, но кровопролитие будет ужасным. Люди сражаются яростнее всего, когда даже самим себе не смеют признаться, что борются за неправое дело. — Элвин плюнул в воду. — Пошли спать, Артур Стюарт.

Но Артуру было не до сна. Речь Кассиуса Клея вызвала под палубой большое волнение, и многие из рабов сердились на Клея за то, что он заставил белых почувствовать себя виноватыми.

— Попомните мои слова, — говорил парень из Кенитука. — Когда они чувствуют свою вину, то единственный для них способ облегчить душу — это внушить себе, что так нам и надо, а если мы этого заслуживаем, то людишки мы хуже некуда и надо наказывать нас почаще.

Артуру это казалось чересчур заковыристым, но ведь он был совсем крохой, когда мать вместе с ним бежала на волю, и не мог быть полноправным участником в споре о том, что такое рабство.

Даже когда все угомонились, ему не удалось заснуть, и в конце концов он вылез по трапу на палубу.

Ночь была лунная. Туман над восточным берегом стлался низко и позволял видеть звезды.

Двадцать пять мексиканских рабов спали на корме, тихо бормоча что-то сквозь сон. Спал и стражник.

«А ведь я собирался их освободить этой ночью, — подумал Артур. — Но теперь уже поздно — к утру не управлюсь».

Но тут ему пришло в голову, что он, пожалуй, сумеет сделать это быстрее, чем полагал.

Он сел в темном углу и после пары неудачных попыток вызвал в уме железное кольцо на лодыжке ближайшего раба. Он ощутил это кольцо, как прежде монету, и стал размягчать его, словно пряжку ремня.

Кольцо, однако, оказалось намного массивнее, чем монета или пряжка. Не успевал он размягчить одну его часть, другая опять застывала, и так без конца. Прямо как в истории о Сизифе, которую читала ему Пегги, — тот в подземном царстве, Гадесе, толкал камень в гору, но на каждый шаг вверх ступал два шага вниз и после целого дня работы был от вершины дальше, чем в самом начале.

Потом Артура осенило, и он чуть не выругался вслух. Надо же быть таким глупым!

Совсем не обязательно размягчать все кольцо. Снять он его, что ли, собирается, как рукав? Достаточно проделать это с ушком, где металл тоньше всего.

Он попробовал, добился полного успеха и тут кое-что обнаружил.

Ушки не были соединены — чека отсутствовала.

Он стал мысленно проверять одни кандалы за другими и везде находил то же самое. Чеки недоставало везде. Каждый раб уже был свободен.

Он подошел к ним. Они не спали и потихоньку делали ему знаки — уйди, мол, с глаз долой.

Артур вернулся в свой угол, а они, будто по сигналу, разомкнули свои кандалы и тихо сложили цепи на палубу. Без некоторого шума, конечно, не обошлось, но часовой даже не шелохнулся — как и никто другой на всем пароходе.

Чернокожие встали и начали перелезать через борт, глядящий на реку.

Они все потонут. Рабов плавать не учат и самим учиться не позволяют. Они сделали свой выбор между рабством и смертью.

Хотя Артур, если подумать, не слыхал ни единого всплеска.

Он перебежал к дальнему борту и заглянул через поручни. Все двадцать пять человек собрались на плоту и тихо перегружали имущество Эйба Линкольна в шлюпку. Небольшой груз там вполне уместился, и много времени это не заняло.

Неужели это для них так важно — не брать чужого добра? Они так и так совершают кражу, поскольку бегут от своих хозяев. Хотя это только теория, будто один человек, становясь свободным, тем самым что-то крадет у другого.

Потом они все улеглись на плот, и крайние, гребя руками, как веслами, двинулись на середину, в туман, к берегу краснокожих.

Кто-то положил руку Артуру на плечо, и он подскочил.

Это, конечно, был Элвин.

— Не надо, чтобы нас видели здесь, — сказал он тихо. — Пойдем вниз.

Артур провел его на камбуз. Элвин зажег одну лампу, низко привернув фитиль, и они стали шептаться.

— Я знал, что какой-нибудь дурацкий план в твоей башке непременно созреет, — сказал Элвин.

— А я думал, что ты не захочешь устраивать им побег. И как я не догадался...

— Я и сам так думал. Все дело, наверно, в Джиме Бови, который оказался шибко догадливым и пытался убить меня — нет, Артур Стюарт, он не остановился бы, будь у него в руке нож. Перерезал бы мне глотку за милую душу. Вот я и подумал: каково-то мне было бы предстать перед Богом, зная, что я мог бы освободить двадцать пять человек, но счел нужным оставить их в рабстве. А может, это проповедь мистера Клея так на меня подействовала. Наставила на путь истинный.

— Мистера Линкольна точно наставила, — сказал Артур Стюарт.

— Может быть. Хотя не похоже, что у него когда-нибудь было желание владеть другими людьми.

— Я знаю, почему ты это сделал.

— И почему же?

— Потому что знал: если ты этого не сделаешь, сделаю я.

— Я знал, что ты надумал попробовать, — пожал плечами Элвин.

— И довел бы дело до конца.

— Долго бы пришлось доводить.

— Все пошло быстро, когда я понял, что можно ограничиться ушками.

— Вероятно. Но сегодняшнюю ночь я выбрал в основном из-за плота. Подарок судьбы, да и только. Грех не воспользоваться.

— И что же будет, когда они доплывут до берега краснокожих?

— Тенксватава о них позаботится. Я дал им условный знак, который надо показать первому встречному краснокожему. Благодаря этому знаку их проводят прямо к Тенскватаве, где бы тот ни был. А пророк, увидев его, обеспечит беглецам свободный проход — или просто оставит их жить у себя.

— Они могут понадобиться ему для войны с мексиканцами. Если те двинутся на север.

— И это возможно.

— Что за знак ты им дал?

Элвин показал крошечный мерцающий кубик — то ли из чистейшего льда, то ли из стекла, но стекло так мерцать не может.

— Пару таких вот штук.

Артур взял кубик в руку и понял, что это.

— Там внутри вода.

— Правильно. Я решил их сделать там, на реке, когда моя кровь чуть не пролилась в воду. Это одно из условий их изготовления: ты отдаешь частицу себя воде, чтобы сделать ее твердой, как сталь. Ты знаешь закон: творец...

— Творец есть часть того, что он создает, — закончил Артур Стюарт.

— Ложись-ка спать. Незачем кому-то знать, что мы этой ночью бодрствовали. Не могу же я усыпить их навсегда.

— Можно я оставлю его себе? — спросил Артур. — Мне в нем что-то видится.

— Тебе может привидеться что угодно, если смотреть подольше, только я его тебе не отдам. Если люди считают ценностью то, что лежит у меня в котомке, что же они сделают ради кубика твердой воды, который показывает близкое и далекое, прошлое и настоящее?

Артур вернул кубик Элвину, но тот, не притронувшись к нему, улыбнулся. Вода вернулась в жидкое состояние и просочилась сквозь пальцы Артура. На столе осталась лужица, и Артур, глядя на нее, почувствовал себя растерянным и несчастным.

— Вода как вода, — сказал Элвин.

— С капелькой крови.

— Нет, кровь я забрал назад.

— Спокойной ночи. И спасибо... за то, что освободил их.

— Что мне еще оставалось, раз твое сердце так решило? Я смотрел на них и думал: кто-то любил их не меньше, чем твоя мама любила тебя. Она умерла за твою свободу, а мне этого делать не пришлось. Я всего лишь пошел на риск, да и то небольшой.

— Но ты же видел, что у меня получилось, правда? Я размягчил железо, не раскаляя его.

— Молодчина, Артур Стюарт. Теперь ты настоящий творец.

— Так себе творец.

— Из любых двух мастеров один всегда сильнее другого. Но сильному, чтобы не задаваться, полезно помнить, что всегда найдется третий, посильнее его.

— А кто сильнее тебя?

— Ты. Потому что для меня унция сострадания стоит дороже, чем фунт умения. Все, отправляйся спать.

Только теперь Артур Стюарт почувствовал, как он устал. То, что до сих пор держало его на ногах, испарилось, и он едва добрел до своего тюфяка.

Ну и переполох же поднялся утром! Подозревали всех и каждого. Некоторые думали, что это двое плотовладельцев —

с чего бы иначе беглые оставили их имущество на борту? Но потом кто-то высказал здравую мысль, что вместе с грузом все беглые на плоту просто бы не уместились.

Затем подозрение пало на проспавшего часового, но и это представлялось сомнительным — будь он замешан, он убежал бы вместе со всеми, а не остался бы дрыхнуть на палубе, пока кто-то из матросов не поднял тревогу.

Только теперь, после побега, выяснилось, кому же принадлежали эти рабы. Мистер Тревис, как предполагал Элвин, был совладельцем, но больше всех убивался капитан Ховард. Это неожиданное обстоятельство объясняло, почему мексиканская экспедиция отправилась вниз по реке именно на его пароходе.

Элвина удивляло то, что и Тревис, и Ховард поглядывают на них с Артуром так, будто догадываются об истине. Хотя чему тут, собственно, удивляться? Если Бови рассказал им, что случилось с его ножом на реке, то ясно, что человеку, имеющему такую власть над железом, проще простого вынуть чеки из кандалов.

Постепенно все разошлись, но когда Элвин и Артур собрались последовать их примеру, капитан Ховард направился прямо к ним.

— Я хочу поговорить с вами, — без намека на дружелюбие заявил он.

— О чем? — спросил Элвин.

— Этот ваш парень — я видел, как он выносил за ними ведро на утренней вахте. Видел, как он с ними разговаривал. Это вызвало у меня подозрения, поскольку никто из них не говорил по-английски.

— Pero todos hablaban español, — ввернул Артур Стюарт.

Тревис понял его и пришел в негодование.

— Они все говорили по-испански? Лживые скунсы!

Как будто рабы обязались быть честными с ним.

— Я расцениваю это как признание, — сказал капитан Ховард. — Он не отрицает, что говорит на их языке и знал о них то, чего не знал их хозяин.

Элвин положил руку на плечо Артуру, чтобы пресечь его протест.

— Мой парень только что выучился говорить по-испански, и когда ему представился случай попрактиковаться, он им воспользовался, естественно. Может быть, у вас есть доказательства, что кандалы были открыты при помощи параши? Если нет, то прошу вас оставить его в покое.

— Нет, я не думаю, что чеки вытащил он, — возразил капитан. — Я думаю, он просто сообщил черным, что кто-то другой задумал освободить их.

— Ничего я такого не говорил! — возмутился Артур.

Элвин стиснул его плечо чуть сильнее.

— Раб не должен так отвечать белому, особенно корабельному капитану.

— Все в порядке, парень, — вмешался подошедший Бови. — Скажи им, незачем больше хранить этот секрет.

У Элвина упало сердце. Потребуется нешуточная пиротехника для отвлечения, чтобы они с Артуром успели сбежать.

Но Бови сказал совсем не то, чего ожидал Элвин.

— Малец рассказал мне про то, что узнал от них. Они замышляли устроить гнусный мексиканский обряд. Завести нас в глушь и ночью вырвать у кого-нибудь сердце. Вот я и решил, что лучше нам избавиться от этих подлых предателей.

— Вы решили? — вскипел капитан. — Какое право вы имели что-то решать?

— А такое. Вы поставили меня во главе разведчиков, то есть тех самых черномазых. Чертовски глупая идея, должен сказать. Почему, вы думаете, мексиканцы оставили этим ребятам сердца? Чтобы заманить нас в ловушку. Так было задумано с самого начала, да только мы в их ловушку не попались.

— А вы знаете, сколько они стоят? — бушевал Ховард.

— Вам-то они ничего не стоили, — заметил Тревис.

Капитанский пыл несколько поубавился.

— Это вопрос принципа. Мыслимо ли — взять и отпустить их на волю!

— Я этого не делал, — сказал Бови. — Я отправил их на тот берег. Что там с ними будет, по-вашему, — если допустить, что они переберутся через туман?

Капитан для порядка поворчал еще немного, и следствие было закрыто.

Элвин дождался Бови в их общей каюте и спросил:

— Почему?

— Я же сказал, что умею хранить секреты. Я видел, как вы с парнем это провернули, — и, доложу я вам, стоило поглядеть, как вы разделались с кандалами, даже пальцем к ним не притронувшись. Мне повезло встретить человека с таким талантом. Вы мастер из мастеров.

— Поедемте тогда с нами. Бросьте ваших сообщников. Разве вы не видите, что они обречены? С мексиканцами шутки плохи. Вы все смертники, все до единого.

— Может, оно и так — но им я нужен, а вам нет.

— Мне тоже нужны. Мало кто в этом мире способен скрывать от меня свой сердечный огонь. Это и есть ваш дар, верно? Становиться невидимым для всех, когда надо. Потому я и не заметил, что вы за нами следите.

— Но в прошлую ночь вы проснулись, как только я притронулся к вашей котомке, — усмехнулся Бови.

— Притронулись? А может, вернули ее назад?

Бови уклончиво пожал плечами.

— Спасибо, что вступились за нас и взяли вину на себя, — сказал Элвин.

— Не такая уж это большая провинность. Тревису самому надоело возиться с этими черномазыми. Это Ховард уперся на том, что без них нам не обойтись, а он с нами не пойдет — высадит в Мексике, и все тут.

— Я мог бы давать вам уроки, как Артуру Стюарту.

— Да нет, вряд ли. Мы люди разные, это вы верно сказали.

— Не такие уж разные. Вы могли бы стать другим, ежели б захотели.

Бови в ответ покачал головой.

— Хорошо. Я отблагодарю вас единственным способом, который будет вам по душе.

Бови подождал и спросил:

— Ну?

— Уже. Я вернул его вам.

Бови схватился за ножны у себя на поясе и достал нож. Клинок был на месте и ни капельки не изменился.

Можно было подумать, что Бови держит на руках утраченное и найденное дитя.

— Как это вы приделали клинок обратно? Вы ко мне даже близко не подходили!

— Он был на месте все время. Небольшой обман зрения.

— Чтобы я его не видел?

— И чтобы не поранили никого.

— Но теперь-то он режет?

— Я думаю, в Мексике вас ждет гибель, мистер Бови, — но вы сможете прихватить с собой парочку человеческих жертв.

— Насчет жертв согласен, а вот сам умирать не собираюсь.

— Надеюсь, что я ошибся и все у вас будет хорошо.

— А я надеюсь, ты будешь жить вечно, Элвин Мастер, — сказал «убивец с ножиком».

В то же утро Элвин, Артур Стюарт, Эйб Линкольн и Куз сошли с парохода и вместе отправились в Нуэва-Барселону. В пути они рассказывали друг другу самые невероятные вещи, но это уже другая история.

Диана Гебелдон

ГОСТЬЯ

Гостья (1991)
Стрекоза в янтаре (1992)
Странствие (1994)
Барабаны осени (1997)
Вместе с Гостьей (документальная проза,1999)
Огненный крест (2001)
Дыхание снега и пепла (готовится к выходу)

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛОРДА ДЖОНА ГРЕЯ
Адский огонь (роман, 1998)
Частное дело лорда Джона (2003)
Лорд Джон и Братство Клинка (готовится к выходу)

В 1946 году, вскоре после войны, Клер Бошан Рэнделл отправляется в Шотландию, чтобы провести там второй медовый месяц. Во время войны ее муж Фрэнк служил в Британской армии офицером, а она медсестрой. Теперь разлука позади, и молодая пара строит планы на будущее. Но их счастье длится недолго: Клер входит в круг стоящих камней и исчезает.

Первый, кого она видит, придя в себя, — это человек в мундире английского офицера восемнадцатого века, поразительно похожий на ее мужа. В этом, впрочем, нет ничего удивительного, ведь капитан Джонатан Рэнделл — далекий предок Фрэнка. Однако в моральном отношении этот садист-бисексуал по прозвищу Черный Джек не имеет ничего общего со своим потомком. Спасаясь от него, Клер попадает в руки шотландских горцев, избегающих встречи с капитаном по своим собственным причинам.

Чтобы не достаться Черному Джеку, Клер вынуждена выйти замуж за молодого горца Джейми Фрэзера. Она соглашается на этот брак в надежде убежать, снова войти в каменный круг и вернуться к Фрэнку, но постепенно влюбляется в Джейми.

Помимо истории странного двоебрачия Клер, книги серии «Гостья» рассказывают о восстании якобитов во главе с принцем Чарли и о поражении горных кланов. После разгрома при Каллодене шотландцы бегут в Новый Свет, обещающий стать для них не менее опасным, чем Старый. Автор раскрывает различные нюансы и моральные проблемы путешествий во времени.

В сюжете задействованы сотни персонажей, как реальных, так и вымышленных. Одна из самых интересных фигур —

© Перевод. Виленская Н.И., 2006

лорд Джон Грей, с которым нас впервые знакомит роман «Стрекоза в янтаре». Будучи гомосексуалистом во времена, когда за это могли повесить, он поневоле хранит множество тайн. Лорд Джон — человек чести и способен на глубокие чувства, не всегда взаимные.

Книги из серии о лорде Джоне по времени и кругу лиц соответствуют циклу о Гостье, но центральным персонажем в них является сам лорд Джон.

ЛОРД ДЖОН И СУККУБ

Историческая справка. Между 1756 и 1763 гг. Великобритания с союзниками Пруссией и Ганновером вела войну с объединенными силами Австрии, Саксонии и своего старинного врага, Франции. Осенью 1757 г. герцог Камберленд был вынужден сдаться противнику у Клостер-Цевена, вследствие чего силы союзников оказались на время раздроблены, и армия прусского короля Фридриха Великого попала в окружение франко-австрийских войск.

Глава 1

Всадник на коне бледном

Немецкая речь Грея, улучшавшаяся большими скачками, оказалась, однако, недостаточно хороша для поставленной перед ним задачи.

В конце долгого, скучного дождливого дня, заполненного бумажной работой, он услышал в коридоре громкий спор, а затем в дверях его кабинета с извиняющимся видом возник капрал Гельвиг.

— Майор Грей? Ich habe ein kleines Englisch problem.

Сказав это, капрал юркнул обратно, как угорь в ил, а майор Джон Грей, представитель Британии в Первом Ганноверс-

ком пехотном полку, неожиданно для себя сделался судьей в трехсторонних прениях между английским рядовым, проституткой-цыганкой и пруссаком-трактирщиком.

Гельвиг назвал это «маленькой английской проблемой», но проблема, на взгляд Грея, заключалась как раз в недостатке английского.

Трактирщик изъяснялся на местном диалекте с такой скоростью, что Грей понимал едва ли одно слово из десяти. Рядовой, скорее всего знавший по-немецки только «йа», «найн» да пару фраз для переговоров с безнравственными женщинами, до того разъярился, что и родной-то язык наполовину забыл.

Что до цыганки, которой недостающий зуб не прибавлял очарования, то в грамматическом отношении ее немецкий примерно равнялся познаниям Грея, но словарь был куда богаче и красочнее.

Сдерживая обеими руками спотыкающуюся речь англичанина и красноречие пруссака, Грей целиком сосредоточился на цыганке — но, стараясь вникнуть в смысл ее повествования, он упускал факты.

— ...и эта свинья английская сует свой... (незнакомое разговорное выражение) мне в... (цыганское слово). А потом...

— Она сказала, что это будет стоить шесть пенсов, сэр! Да, сказала! А потом...

— И эти свиньи занимались своей мерзостью под столом и перевернули его и ножка сломалась и посуда побилась даже большое блюдо стоившее мне шесть талеров на ярмарке Святого Мартина и мясо упало на пол а когда я хотел его спасти собаки покусали меня а эти двое продолжали совокупляться точно грязные хорьки А ПОТОМ...

Грею наконец удалось добиться согласия, потребовав, чтобы все три стороны предъявили все деньги, которые у них в наличии. После драматического закатывания глаз, пантомим, изображавших поиски кошелька, и долгого рытья в карманах на столе появились три кучки серебра и меди. Грей перераспределил их, руководствуясь исключительно весом и стоимостью металла, поскольку в деле участвовали денежные знаки по меньшей мере шести государств.

Цыганка, помимо денег, носила также золотые серьги и грубое, но массивное золотое кольцо. Учтя это, Грей подвинул две примерно одинаковые кучки ей и рядовому, которого, как выяснилось, звали Боджером.

Трактирщику досталась несколько более объемная доля, после чего Грей свирепо нахмурился и показал большим пальцем себе за плечо — берите, мол, деньги и убирайтесь, пока я еще не потерял терпения окончательно.

Они убрались, и Грей, запомнив на будущее особо цветистое цыганское проклятие, спокойно вернулся к прерванной корреспонденции.

26 сентября 1757
Гарольду, графу Мелтону
От лорда Джона Грея
Город Гундвиц, Пруссия

Милорд!

В ответ на ваш запрос спешу уведомить, что у меня все благополучно. То, чем я занимаюсь... Грей подумал и написал весьма интересно, улыбнувшись при мысли, какое толкование придаст этому Хэл... *и я устроился очень удобно. Меня вместе с другими английскими и немецкими офицерами поместили в доме княгини фон Ловенштейн, вдовы прусского аристократа, владелицы славного поместья в окрестностях города.*

Здесь расквартированы два английских полка: 35-й сэра Питера Хикса и половина 52-го — мне сказали, что командует им полковник Рюсдейл, но я с ним еще не виделся, поскольку 52-й прибыл всего несколько дней назад. Все городские квартиры заняты пруссаками и ганноверцами, к которым я прикомандирован, поэтому люди Хикса стоят лагерем к югу от города, а люди Рюсдейла — к северу.

Французы, согласно донесениям, находятся в двадцати милях от нас, но мы не ожидаем ничего в скором времени. Снег, вероятнее всего, положит конец боевым действиям — впрочем, противник может предпринять еще одну попытку

до наступления зимы. Сэр Питер просит меня засвидетельствовать вам свое почтение.

Грей обмакнул перо и продолжил:

Покорнейше благодарю вашу добрую супругу за нижнее белье, превосходящее качеством все, что доступно здесь...

На этом месте ему пришлось переложить перо в левую руку, чтобы почесать себе ляжку, поскольку в настоящий момент на нем под бриджами было надето как раз местное изделие. Кальсоны, чистые и не зараженные паразитами, были, однако, сшиты из грубого холста, и большое количество картофельного крахмала делало их крайне неудобными в носке.

Скажите матушке, что я здоров, невредим и не страдаю от голода — даже напротив, ибо у княгини фон Ловенштейн отличный повар.

Преданный вам и почтительный брат

Дж.

Приложив к письму свою печать в виде полумесяца, Грей придвинул к себе стопку рапортов, раскрыл книгу и начал методически вносить в нее сведения о смертях и случаях дезертирства. Вспышка дизентерии унесла за последние две недели более двадцати солдат.

Мысль об эпидемии оживила в его памяти перлы цыганского красноречия. В пассаже цыганки упоминались кровь и кишки, хотя кое-какие тонкости он, кажется, упустил. Может быть, она и на него хотела наслать эту хворь?

Грей помедлил, вертя в пальцах перо. Довольно странно, что эпидемия случилась в холодное время года — такие поветрия присущи скорее жаркому лету. Канун зимы чреват обычно воспалением легких, простудой, инфлюэнцей и горячкой.

Он не верил в порчу, зато в яд вполне мог поверить. Проститутка легко может отравлять своих клиентов... но зачем?

Он проверил другую пачку рапортов. Об увеличении числа грабежей или пропажи личных вещей не сообщалось ничего, хотя товарищи умерших солдат сразу бы заметили нечто подобное. Все вещи покойников распродавались с аукциона, вырученные деньги шли на уплату долгов, а остаток — если что-то оставалось — отсылался родным.

Грей пожал плечами и выбросил это из головы. Смерть и болезни следуют за солдатом всегда, невзирая на время года и цыганскую порчу. Хотя рядового Боджера, пожалуй, стоило бы предупредить: пусть следит за тем, что он ест, особенно в обществе женщин легкого поведения.

На дворе снова пошел дождь, и стук капель в оконные стекла в сочетании с шелестом бумаги и легким поскрипыванием пера нагонял приятную дрему. Чьи-то шаги на деревянной лестнице вывели Грея из этого уютного состояния.

Капитан Стефан фон Намцен, ландграф фон Эрдберг, просунул в дверь свою красивую белокурую голову, машинально пригнувшись под притолокой. У его спутника, бывшего примерно на фут ниже ростом, таких затруднений не возникло.

— Чем могу служить, капитан фон Намцен? — встав из-за стола, спросил Грей.

— Со мной здесь герр Бломберг, — ответил по-английски Стефан, указывая на маленького кругленького нервного человечка. — Он просит вас одолжить ему вашу лошадь.

— Которую? — к собственному удивлению, осведомился Грей. В такой ситуации скорее подобало бы поинтересоваться, кто такой герр Бломберг или зачем ему лошадь.

Впрочем, первый вопрос в любом случае был бы излишним. Герр Бломберг носил на шее массивную золотую цепь с семиконечной звездой. Эмалевая миниатюра в середине этой звезды представляла некую историческую сцену. Серебряные пуговицы и пряжки на башмаках герра Бломберга свидетельствовали, что он человек состоятельный, но цепь указывала еще и на то, что он лицо должностное.

— Герр Бломберг — бургомистр этого города, — объяснил Стефан, излагавший все и всегда строго по порядку. — Ему

нужен белый жеребец, чтобы найти и уничтожить суккуба. Как ему стало известно, у вас есть такой конь, — завершил Стефан, хмурясь в адрес того, кто мог разгласить эти сведения.

— Суккуба? — повторил Грей, выделяя, как всегда, наиболее для себя важное.

Герр Бломберг, не владевший английским, это слово явно узнал. Он закивал, тряся старомодным париком, и разразился пылкой речью, сопровождая ее жестами.

С помощью Стефана Грей понял, что в городе Гундвице произошел недавно ряд таинственных и тревожных событий. Многие мужчины заявляли, что во сне к ним является демон в женском обличье. Когда это дошло до сведения герра Бломберга, один человек успел умереть.

— К несчастью, это был один из наших, — по-английски добавил Стефан, не меняя интонации, и поджал губы, показывая, как это для него неприятно.

— Из наших? — Из слов Стефана Грей понял пока лишь то, что покойный был солдатом.

— Из моих, — с еще большим неудовольствием уточнил Стефан. — Пруссак.

Под началом ландграфа фон Эрсберга состояло триста ганноверских пехотинцев, набранных в его владениях и снаряженных за его счет. Капитан фон Намцен, кроме них, командовал еще двумя эскадронами прусской кавалерии, а временно ему подчинялась также артиллерийская батарея, где все офицеры скончались от дизентерии.

Грей хотел бы узнать подробности о внезапной смерти пруссака, а главное, о посещениях демона, но его расспросы прервал герр Бломберг, становившийся все более беспокойным.

— Скоро стемнеет, — заметил он по-немецки. — Кому хочется угодить в открытую могилу при такой-то погоде?

— Это верно, — неохотно признал Стефан. — Было бы ужасно, если бы ваш великолепный скакун сломал ногу. Пойдемте лучше немедленно.

— А что такое с-суккуб, милорд? — Том Берд клацал зубами — в основном от холода. Солнце давно уже село, дождь

усилился. Офицерская шинель Грея начинала отсыревать, тонкая куртка молодого камердинера промокла насквозь и прилипла к телу, как обертка к говяжьей ноге.

— Кажется, дух женского рода, — ответил Грей, избегая более точного слова «демон» — он не желал пугать парня без надобности. Ворота кладбища зияли перед ними, как разверстые челюсти, и тьма за воротами выглядела как нельзя более зловеще.

— Лошади привидений не любят — это всем известно, милорд, — усомнился Том, обхватив себя руками и держась поближе к Каролюсу. Тот, словно в знак согласия, замотал гривой, еще больше обрызгав Грея и Берда.

— Ты ведь не веришь в привидения, Том? — Грей, стараясь говорить с шутливой бодростью, убрал с лица прядь мокрых волос и пожелал про себя, чтобы Стефан поторопился.

— Во что я верю, милорд, это дело десятое. Что, если эта призрачная леди верит в нас с вами? И чей это дух? — Фонарь в руке Берда трещал под дождем, несмотря на закрытые стенки, и выхватывал из мрака лишь смутные очертания парня и лошади. Поблескивающие время от времени глаза придавали этой картине сверхъестественный оттенок.

Грей отвернулся, высматривая Стефана с бургомистром, которые ушли собирать людей с заступами. У харчевни, чуть видной в конце улицы, наблюдалось какое-то движение. Стефан поступил мудро. Мужчины, хорошо нагрузившиеся пивом, пойдут на такое дело скорее, чем трезвые.

— Это, собственно, не совсем дух, — промолвил он. — Немцы верят, что суккуб... э-э... способен вселяться в тело недавно умершего человека.

Том посмотрел в чернильный мрак кладбища и снова на Грея.

— Да ну?

— Ну да, — ответил Грей.

Берд надвинул шляпу на лоб и поднял воротник, крепко держась за повод. Теперь на его круглом лице был виден только рот с недвусмысленно опущенными вниз углами.

Каролюс топнул ногой и потряс головой. Он, не возражая как будто ни против дождя, ни против кладбища, тем не

менее начинал беспокоиться. Грей потрепал его по шее, с удовольствием ощутив под рукой плотную холодную шкуру и твердые мышцы. Каролюс повернул голову и любовно дохнул ему в ухо.

— Скоро уже, — успокоил его Грей, запустив пальцы в мокрую гриву. — Так вот, Том. Когда придет капитан фон Намцен со своими людьми, вы с Каролюсом очень медленно пойдете вперед. Води его по всему кладбищу, идя в нескольких футах перед ним, но повод не натягивай.

Смысл этого распоряжения заключался в том, чтобы Каролюс не споткнулся о надгробие и не упал в яму — Том, идущий впереди, должен был сделать это раньше него. В идеале, как Грею дали понять, коня следовало пустить на кладбище одного и предоставить ему бродить среди могил на свое усмотрение, но ни Грей, ни Стефан не подвергли бы драгоценные ноги Каролюса такому риску.

Грей предложил подождать до утра, но герр Бломберг был непреклонен. Суккуба нужно найти без промедления, сказал он. Грей все больше любопытствовал, но ему сказали только, что рядового Кёнига обнаружили мертвым в казарме со следами на теле, не оставляющими сомнений в причине смерти. Что за следы такие, хотелось бы знать?

Благодаря классическому образованию он читал о суккубах и инкубах, но его приучили смотреть на такие вещи как на средневековые папистские суеверия вроде святых, разгуливавших с собственными головами в руках, или статуй Богоматери, чьи слезы исцеляют болящих. Отец его был рационалистом и приверженцем естествознания, твердо верившим в логику природных явлений.

Однако за два месяца на чужбине он узнал, что немцы — очень суеверный народ, суевернее простых английских солдат. Даже Стефан носил на себе фигурку какого-то языческого божества, чтобы защитить себя от удара молнии, и пруссаки, судя по поведению герра Бломберга, придерживались сходных верований.

Землекопы уже шагали по улице с факелами и громким пением. Каролюс фыркнул и насторожил уши — Грею говорили, что он обожает парады.

Стефан внезапно вырос из мрака. Его лицо под полями шляпы выражало довольство.

— Что, майор, готовы?

— Да. Ступай вперед, Том.

Землекопы, в основном рабочий люд с лопатами и кирками, переминались позади, наступая друг другу на ноги. Том, выставив вперед фонарь, как жук усики, сделал несколько шагов и остановился, натянув повод.

Каролюс стоял как вкопанный, отказываясь трогаться с места.

— Говорил я вам, милорд, — немного приободрился Том. — Лошади привидений не любят. У моего дяди была старая упряжная кляча, так она, бывало, мимо кладбища ни ногой. Объезжать приходилось за два квартала.

Стефан издал недовольный звук и сказал, задрав подбородок:

— Это не призрак. Это суккуб. Демон. Совершенно другое дело.

— Daemon? — с большим сомнением в голосе повторил один из рабочих, уловив английское слово. — Ein Teufel?

— Демон? — подхватил Том Берд и посмотрел на Грея взглядом человека, которого предали.

— Н-да, что-то в этом роде, — смущенно кашлянул Грей. — Если, конечно, такие создания вообще существуют, что сомнительно.

Упорство лошади заставило призадуматься всю честную компанию. Люди топтались, поглядывая обратно в сторону харчевни.

Стефан, не снисходя замечать признаки малодушия в своих рядах, хлопнул Каролюса по шее и сказал ему что-то ободряющее по-немецки. Конь всхрапнул, но остался на месте, хотя Том Берд продолжал потихоньку дергать его за повод. Зато он повернул свою громадную голову к Грею, отчего Том не устоял на ногах, упустил веревку, выронил фонарь и шлепнулся задом в грязь.

Землекопы при этом зрелище расхохотались и воспряну ли духом. Несколько факелов уже погасло из-за дождя, и все

порядком промокли, но во многих карманах нашлись обшитые козьей шкурой фляжки, и владельцы предложили их Тому в качестве подкрепляющего, а затем пустили по кругу.

Грей тоже глотнул крепкой сливянки, передал флягу другому и принял решение:

— Я сяду на него верхом.

Не дав Стефану возразить, он ухватился за гриву и вскочил на широкую конскую спину. Привычная тяжесть всадника, по-видимому, успокоила Каролюса: подозрительно настороженные белые уши снова встали торчком, и конь довольно охотно двинулся вперед.

Том, приободрившись, подобрал волочащуюся веревку, землекопы хрипло грянули «ура» и повалили следом за Каролюсом в зияющие кладбищенские ворота.

На кладбище оказалось гораздо темнее, чем представлялось снаружи. И гораздо тише: шутки и болтовня сменились тревожным молчанием — его нарушали только ругательства, когда кто-то спотыкался впотьмах о могильный камень. Грей слышал, как стучит дождь по его шляпе и шлепают по грязи копыта Каролюса.

Напрягая зрение, он пытался рассмотреть, что лежит за пределами бледного круга, который отбрасывал несомый Томом фонарь. Было черным-черно, и Грея, несмотря на шинель, пробирал холод. Сырость усиливалась, от земли поднимался туман — Грей видел, как белые завитки клубятся вокруг сапог Тома, пропадая на свету. Туман собирался вокруг мшистых камней на заброшенных могилах, похожих на расшатанные зубы.

Грею объяснили, что белый жеребец обладает способностью чуять нечистую силу. У могилы суккуба он остановится, после чего могилу разроют и демона уничтожат.

Грей нашел в этой идее несколько логических противоречий, главное из которых — не считая вопроса о существовании самих суккубов и о том, какое дело может быть до них порядочной лошади — заключалось в том, что Каролюс не сам выбирал дорогу. Том очень старался не натягивать веревку, но конь все равно, как всем было ясно, шел за ним.

Вряд ли Каролюс где-нибудь остановится, пока Том продолжает идти, размышлял Грей. Из-за этой затеи они всего лишь пропустят ужин, промокнут до костей и схватят простуду. С другой стороны, если придется разрывать могилу и выполнять полагающийся в таких случаях ритуал, они промокнут и простынут еще вернее...

Чья-то рука стиснула его ногу, и Грей прикусил язык — к счастью, потому что это помешало ему вскрикнуть.

— Все в порядке, майор? — спросил Стефан, высокий и темный в своем плаще. Вместо кивера с плюмажем он для защиты от дождя надел широкополую шляпу, делавшую его менее импозантным, но более свойским.

— Разумеется, — овладев собой, сказал Грей. — Скажите, это надолго?

Фон Намцен дернул плечом.

— Пока конь не остановится, либо герр Бломберг не будет удовлетворен.

— Пока герру Бломбергу не захочется поужинать, вы хотите сказать. — Голос бургомистра, увещевающий и ободряющий, слышался где-то позади.

Из-под шляпы фон Намцена поднялось белое облачко дыхания вместе с приглушенным смехом.

— Его... решимость сильнее, чем вы полагаете. Он исполняет свой долг, заботится о благе своего города. Это может затянуться, уверяю вас.

Грей прижал пострадавший язык к нёбу, воздержавшись от необдуманных замечаний.

Стефан по-прежнему держал его за ногу чуть выше голенища. Грей не ощущал тепла из-за промозглой погоды, но пожатие этой сильной руки успокаивало... и пробуждало другие чувства.

— Конь хорош, nicht wahr?

— Просто чудо, — с полной искренностью ответил Грей. — Еще раз благодарю вас.

Фон Намцен небрежно махнул свободной рукой, но при этом удовлетворенно хмыкнул. Каролюса Грею подарил он, не слушая никаких возражений, «в знак нашей дружбы и

союзничества». Сказав это, он по-братски обнял Грея и поцеловал, по обычаю, троекратно, в обе щеки и губы. Грей, во всяком случае, рассматривал это объятие как братское — до появления новых обстоятельств.

Сейчас Стефан, однако, держался за его ногу под полой шинели.

Грей посмотрел на черную глыбу церкви за кладбищем.

— Странно, что священника с нами нет. Он что же, не одобряет эту... экскурсию?

— Священник уже месяц как умер от лихорадки, die rote Ruhn. Должны прислать другого из Штраусберга, но он пока не прибыл.

Ничего удивительно, подумал Грей — французские войска, стоящие между Гундвицем и Штраусбергом, сделали бы такую поездку весьма затруднительной.

— Понятно. — Грей оглянулся через плечо. Землекопы в колеблющемся свете факелов остановились, чтобы снова подкрепиться из фляжки. — А вы-то верите в этого суккуба? — спросил он.

Фон Намцен, к его удивлению, долго молчал, а потом неуверенно повел широкими плечами.

— Мне случалось видеть... странные вещи, — ответил он наконец очень тихо. — Особенно в этих краях. И не забудьте, что солдат умер.

Пальцы напоследок стиснули ногу и отпустили.

По спине Грея прошел трепет. Он глубоко вдохнул сырой, приправленный дымом воздух и закашлялся. Пахнет могильной землей, подумал он, и пожалел, что такая мысль пришла ему в голову.

— Одного я, признаться, не понимаю, — выпрямившись, сказал он. — Суккуб — это демон, не так ли? Как же может подобное существо скрываться на кладбище, в освященной земле?

— О-о. — Фон Намцена явно удивило, что англичанин спрашивает о столь очевидных вещах. — Днем суккуб отдыхает в теле мертвеца. Если покойник при жизни был злодеем и грешником, то даже в освященной земле он демону приют обеспечит.

— Насколько же свежим должен быть этот покойник? — Возможно, для скорейшего успеха им следовало бы направиться к недавним могилам — между тем ближайшие камни, насколько мог разглядеть Грей при дрожащем фонарном свете, простояли здесь уже пару десятилетий, если не веков.

— Этого я не знаю, — признался фон Намцен. — Одни говорят, что суккуб выходит из могилы в теле усопшего, другие — что тело остается в могиле, а демон передвигается по воздуху как дух и является спящим.

Том, плохо различимый в густеющем тумане, втянул голову в плечи, чуть ли не касаясь их полями шляпы. Грей прочистил горло.

— Понимаю. А... что вы, собственно, намерены делать, если найдете подходящее тело?

На этой почве фон Намцен чувствовал себя увереннее.

— Ну, это просто. Мы вскроем гроб и пронзим сердце мертвеца железным прутом. У герра Бломберга он с собой.

Том издал нечленораздельный звук, который Грей счел за лучшее пропустить мимо ушей.

— Понимаю. — Он вытер нос рукавом. Теперь хоть голод по крайней мере перестал его донимать.

Дальше они продвигались в молчании. Бургомистр тоже умолк, но чмокающие шаги указывали на то, что землекопы, поддерживаемые сливянкой, остаются верны долгу.

— А что этот солдат, рядовой Кёниг... — заговорил наконец Грей. — Вы упоминали о следах на его теле — что это за следы?

Не успел фон Намцен ответить, как Каролюс раздул ноздри, захрапел и так мотнул головой, что чуть не задел лицо всадника. В ту же минуту Том Берд пронзительно завопил, бросил веревку и пустился бежать.

Каролюс присел на задние ноги и взвился, перескочив через мраморного ангела. Грей, не успев опомниться, увидел статую под собой в виде размытого бледного пятна с раскрытым, словно от удивления, каменным ртом.

За неимением уздечки Грею пришлось обеими руками уцепиться за гриву, стиснуть колени и прилипнуть к коню,

как репей. Позади слышались крики, но внимание наездника целиком занимали ветер в ушах и стихийная сила, несущая его на себе.

Они неслись во тьме, как пушечное ядро, то ударяясь о землю, то отскакивая. Казалось, что конь за один прыжок покрывает несколько лиг. Грей держался что было сил. Грива хлестала его по лицу, как стебли крапивы, дыхание коня — или его собственное? — заглушало все остальное.

Слезящимися глазами он разглядел вдалеке огни и понял, что они повернули обратно к городу. Грей уповал на то, что конь вовремя заметит шестифутовую кладбищенскую стену.

Каролюс действительно заметил ее и остановился, упершись ногами в грязь. Грея швырнуло ему на шею. После этого конь повернул, пробежал рысью несколько ярдов и перешел на шаг. Он тряс головой, будто желая избавиться от мешавшей ему веревки.

Грей с трясущимися ногами сполз наземь и закоченевшими пальцами нашарил повод.

— Ах ты, большущий белый ублюдок, — пробормотал он вне себя от радости, что остался жив. — Хорош, нечего сказать!

Каролюс ответил на комплимент тихим ржанием. Испуг, чем бы он ни был вызван, у него, кажется, прошел. Оставалось надеяться, что у Тома Берда дела обстоят столь же благополучно.

Грей, прислонившись к стене, подождал, когда немного уймутся сердце и дыхание. Лишь теперь он получил возможность рассмотреть, что происходит на кладбище.

Факелы на дальней стороне освещали туман красным заревом. Вся компания сгрудилась в кучку, и какая-то зловещая черная фигура в плаще приближалась к Грею сквозь белую пелену. Он вздрогнул, но это, конечно, оказался фон Намцен.

— Майор Грей! — звал капитан. — Майор Грей!

— Я здесь! — отдышавшись, крикнул майор.

Фигура изменила курс и устремилась к нему, лавируя между могилами. Чудо, что Каролюс среди стольких препятствий умудрился не сломать себе ногу или им обоим шею.

— Майор Грей! — Стефан ухватил его за руки. — Джон! Вы целы?

— Цел. — Грей ответил ему на пожатие. — Что стряслось? Как там мой слуга?

— Он в яму упал, но не есть ранен. Мы нашли тело. Труп.

У Грея дрогнуло сердце.

— Что?

— Не в могиле, — поспешил успокоить его капитан. — Он лежал на земле, прислонившись к одному из камней. Ваш денщик внезапно осветил его фонарем и испугался.

— Неудивительно. Это ваш человек?

— Нет. Ваш.

— Как так? — Грей уставился на Стефана.

Тот, с неразличимым в темноте лицом, еще раз пожал его руки и отпустил.

— Английский солдат. Хотите взглянуть?

Грей кивнул, чувствуя наполнивший грудь холодный воздух. Что ж, все возможно. Британские лагеря расположены к югу и северу от города, не дальше чем в часе езды. Люди, не занятые по службе, должны часто отлучаться в Гундвиц, где есть выпивка, азартные игры и женщины. Его, Грея, обязанности, собственно, и состоят в том, чтобы служить посредником между англичанами и немецкими союзниками.

Тело выглядело не столь ужасно, как он мог предположить. Мертвец, очень мирный на вид, сидел, опираясь спиной на колено суровой каменной матроны с книгой в руках. Ни крови, ни каких-либо признаков насилия — но Грей тем не менее был потрясен.

— Вы его знаете? — Стефан, чье лицо суровостью и четкостью черт не уступало лицам надгробных статуй, не сводил с Грея глаз.

— Да. — Грей стал на колени рядом с мертвым. — Я разговаривал с ним всего несколько часов назад.

Он приложил пальцы тыльной стороной к горлу трупа — липкому, мокрому от дождя, но еще теплому. Неприятно теплому. Грей посмотрел вниз. Бриджи рядового Боджера были расстегнуты, и наружу торчал хвостик рубашки.

— Член-то на месте, или она его откусила? — тихо спросил кто-то по-немецки. Остальные отозвались тихим, нервным смешком. Грей, сжав губы, приподнял край рубашки

и с облегчением увидел, что рядовой Боджер невредим. Более чем невредим. Землекопы у него за спиной тоже испустили дружный вздох облегчения.

Грей встал, как-то сразу ощутив голод, усталость и барабанящий по спине дождь.

— Заверните его в холст и отнесите... — Но куда? Надо будет отвезти его в полк, только не сегодня. — Отнесите в замок. Том, ты где? Покажи им дорогу — пусть садовник найдет для него сарай.

— Да, милорд. — Том, сам бледный как мертвец и весь в грязи, успел уже, однако, прийти в себя. — Коня взять, милорд, или вы сами на нем поедете?

Грей, совсем забывший про Каролюса, огляделся по сторонам. Куда оно подевалось, это животное?

Один из землекопов, видимо, понял слово «конь»: все зашептались «Das Pferd» и тоже стали оглядываться, поднимая факелы и вытягивая шеи.

— Он стоит на могиле! — вскрикнул кто-то, отыскав в темноте большое белое пятно. — Он нашел демона!

Все, охваченные волнением, подались вперед. Как бы Каролюс со страху снова не пустился вскачь, подумал Грей.

Но жеребец стоял смирно и объедал промокшие венки, сваленные под внушительного вида надгробием. Камень служил общим памятником для нескольких семейных могил, одна из которых, судя по венкам и взрыхленной земле, была совсем свежая. Грей при свете факелов без труда прочел высеченную на камне надпись.

БЛОМБЕРГ, гласила она.

Глава 2

Что это, собственно, такое — суккуб?

В замке Ловенштейн, несмотря на поздний час, ярко горели свечи и топились камины. Время ужина давно прошло, но Грею и фон Намцену оставили на буфете полным-полно

еды. Их трапезу то и дело прерывали расспросы других обитателей замка, сгорающих от любопытства.

— Матушка герра Бломберга?! — Княгиня фон Ловенштейн прижала руку ко рту в приступе веселого ужаса. — Агата? Не могу в это поверить!

— Герр Бломберг тоже не может, — заверил ее фон Намцен, отламывая жареную фазанью ножку. — Он просто... вне себя? — Стефан, вопросительно подняв брови, взглянул на Грея и повторил уже уверенно: — Вне себя.

Так оно и было. Грей сказал бы даже «на грани удара», но полагал, что никто из немцев не поймет этого выражения, а как перевести его, он не знал. За столом все говорили по-английски из уважения к британским офицерам, коих здесь представляли кавалерийский капитан Биллмен, полковник сэр Питер Хикс и лейтенант Дандис, топограф.

— Она была святая, эта старушка, — укоризненно заметила старая княгиня, осенив себя крестным знамением. — В это невозможно поверить.

Молодая княгиня, бросив взгляд на свою свекровь, встретилась взглядом с Греем. Ее голубые глаза, и без того яркие, искрились от огня свечей, ликера и лукавства.

Княгиня вдовела около года. Ее супруг, судя по большому портрету над камином, был старше своей жены лет на тридцать. Она стойко переносила свою потерю.

— Боже, как будто нам мало французов, — с тревогой и в то же время кокетливо сказала она. — Теперь мы должны бояться еще и ночных демонов!

— Уверяю вас, сударыня, вы в полной безопасности, — галантно вставил сэр Питер. — С таким количеством бравых военных в доме...

Старая княгиня, взглянув на Грея, сказала что-то по поводу бравых военных — Грей не понял этого выражения, но ее невестка вспыхнула, как пион, а фон Намцен едва не поперхнулся вином. Капитан Биллмен дружески стукнул его по спине.

— Кстати, есть ли новости о французах? — спросил Грей, надеясь перед сном обратить разговор к более земным предметам.

— Их замечали в окрестностях по нескольку человек, — ответил Биллмен. При этом он скосил глаза в сторону дам, давая понять, что «несколько человек» — всего лишь эвфемизм. — Предполагаю, что через пару дней они двинутся на запад.

Иначе говоря, на Штраусберг, на соединение с расположенным там полком. Грей ответил Биллмену не менее многозначительным взглядом. Гундвиц стоял в речной долине, как раз на полпути между Штраусбергом и позициями французов.

— Стало быть, суккуб ускользнул от вас? — спросил Биллмен, вновь меняя разговор с тяжеловесной шутливостью.

— Я бы так не сказал, — откашлявшись, возразил фон Намцен. — Герр Бломберг, разумеется, запретить трогать могилу, но я поставил к ней часовых.

— Не сладко же им приходится, — промолвил сэр Питер, повернув голову к окну.

Даже плотные шторы, шелковые занавески и крепкие ставни не могли заглушить шума дождя и редких раскатов грома.

— Хорошая мысль, — одобрил один из немецких офицеров, говоря по-английски с сильным акцентом, но очень правильно. — Нам не нужны слухи о суккубе, бесчинствующем в расположении военных частей.

— Но что это, собственно, такое — суккуб? — осведомилась княгиня, переводя взгляд с одного на другого.

Все дружно закашляли и взялись за кубки с вином. Старая княгиня фыркнула, выражая презрение к мужской трусости, и без обиняков пояснила:

— Это демон женского пола. Она приходит к мужчинам во сне и забирает у них семя.

Молодая княгиня широко раскрыла глаза, и Грей понял, что она действительно слышит об этом впервые.

— Но зачем оно ей? Ведь демоны не приносят потомства?

Грей, перебарывая смех, поспешно глотнул вина.

— Не приносят, — подтвердил фон Намцен, немного красный, но не утративший самообладания. — Суккуб, добыв нужное... э-э... вещество, — Стефан слегка поклонился старой

княгине, — вступает затем в плотский союз с инкубом, демоном мужеского пола.

Пожилая дама положила руку на образок, приколотый к ее платью.

Фон Намцен, видя, что общее внимание приковано к нему, перевел дух и остановил взор на портрете покойного князя.

— Инкуб же затем является ночью к смертной женщине, соединяется с нею, оплодотворяет ее похищенным семенем и таким образом производит свое дьявольское отродье.

Лейтенант Дандис, очень молодой и скорее всего принадлежавший к пресвитерианской церкви, выглядел так, точно его душил собственный галстук. Другие мужчины, с более или менее красными лицами, делали вид, что обсуждаемый предмет хорошо им знаком и они не находят тут ничего удивительного. Старая княгиня, задумчиво посмотрев на невестку, перевела взгляд на портрет сына, как бы безмолвно беседуя с ним.

— О-о! — Молодая княгиня прикрылась веером, который имела при себе, несмотря на домашний характер вечера. Голубые глаза, глядящие поверх веера, очаровательно моргнули, обратившись на Грея. — Вы в самом деле думаете, лорд Джон, — грудь княгини взволнованно колыхнулась, — что подобное существо бродит где-то поблизости?

Грей, не поколебленный ни глазами, ни грудью и хорошо понимающий, что этот вопрос продиктован скорее любопытством, нежели страхом, тем не менее ответил с улыбкой здравомыслящего англичанина:

— Нет, не думаю.

Ветер, словно в ответ на это еретическое замечание, налетел на замок, затряс ставнями и завыл в трубе. Вслед за этим на кровлю обрушился град, сделав разговоры на какое-то время невозможными.

Все застыли на своих местах, прислушиваясь к реву стихии. Стефан, глядя на Грея, приподнял подбородок и улыбнулся интимно, как будто ему одному. Грей улыбнулся в ответ и отвел глаза — как раз вовремя, чтобы увидеть, как в камин из дымовой трубы с визгом свалилось что-то черное.

Женщины тут же подхватили визг — и лейтенант Дандис, кажется, тоже, хотя в этом Грей поклясться не мог.

Упавшее существо билось в пламени, наполняя комнату запахом паленой кожи. Грей инстинктивно схватил кочергу и выгреб его из огня на каменный под очага, где оно продолжало корчиться, издавая пронзительные вопли.

Подоспевший Стефан наступил на него сапогом, положив конец жуткому зрелищу.

— Летучая мышь, — произнес он спокойно. — Уберите ее.

Лакей, к которому относилось это распоряжение, подхватил обугленное тельце салфеткой, положил на поднос и вынес. Грей невольно представил себе, как эту дичь подадут утром на завтрак с гарниром из слив.

Воцарившееся молчание прервал бой часов, от которого все подскочили и разразились нервным смехом.

Дамы удалились. Мужчины проводили их, поднявшись с мест, и провели еще некоторое время за вином и ликерами. Грей не особенно удивился, увидев рядом с собой сэра Питера.

— На два слова, майор.

— Разумеется, сэр.

К этому времени все беседовали в основном по двое или по трое, поэтому они тоже отошли в сторону, делая вид, что рассматривают статуэтку Эроса на одном из столов.

— Утром вы, полагаю, повезете тело в Пятьдесят второй полк? — Все британские офицеры, взглянув на рядового Боджера, заявили, что он не из числа их людей — стало быть, он служил под началом полковника Рюйсдейла, ставшего лагерем по ту сторону Гундвица. — Французы что-то замышляют, это ясно, — продолжал сэр Питер, не дожидаясь кивка Грея и рассеянно трогая статуэтку. — Нынче я получил рапорт от разведчика — у них наблюдается большое движение. Они готовятся выступать, но мы не знаем пока, ни куда, ни в какое время. Я чувствовал бы себя намного лучше, если бы Рюсдейл отрядил чуть больше солдат для обороны Ашенвальдского моста — так, на всякий случай.

— Понимаю. Вы хотите, чтобы я доставил полковнику Рюсдейлу пакет соответствующего содержания.

Сэр Питер состроил гримасу.

— Пакет я уже отправил, но было бы неплохо, если б вы упомянули, что фон Намцен желает того же.

Грей неопределенно промычал что-то в ответ. Все знали, что сэр Питер и Рюсдейл недолюбливают друг друга — возможно, к предложению немецкого союзника полковник отнесется более благосклонно.

— Я скажу об этом капитану фон Намцену — он, думаю, возражать не станет. — Грей хотел отойти, но сэр Питер медлил, давая понять, что это еще не все. — Сэр?

Сэр Питер еще больше понизил голос.

— Возможно, княгиню следовало бы предупредить... осторожно, не вызывая излишней тревоги... что французы все-таки могу двинуться через долину. — Опустив руку на голову Эроса, он окинул взглядом комнату, полную других дорогостоящих редкостей. — Быть может, она захочет увезти свою семью в безопасное место. И припрятать кое-что из вещей. Кому нужно, чтобы вот это украшало стол французского генерала, верно?

«Это» было черепом громадного медведя — ископаемого пещерного зверя, как объяснила своим постояльцам княгиня, — стоявшим на покрытом скатертью столике. Череп покрывала золотая чеканка, вдоль морды и вокруг глазниц были вставлены полудрагоценные камни. Настоящая диковинка.

— Да, но... Вы хотите, чтобы с княгиней поговорил я?

Сэр Питер, видя, что Грей его понял, снова повеселел.

— Похоже, вы пришлись ей по сердцу, Грей. Ей будет легче услышать это от вас. Кроме того, вы представитель Британии, так или нет?

— Да, конечно. — Грей был отнюдь не в восторге от поручения, но понимал, что это приказ. — Я сделаю это при первой возможности, сэр. — Он оставил всех остальных в гостиной и стал подниматься наверх.

Княгиня в самом деле отличала его — неудивительно, что сэр Питер заметил ее улыбки и томные взоры. К счастью, она и фон Намцену оказывала не меньше внимания — даже приказывала готовить для него ганноверские блюда.

На верхней площадке Грей задержался. От нее отходили три коридора, и ему каждый раз приходилось припоминать, в котором из них находится его комната. Какое-то движение слева привлекло его взгляд, и он успел заметить, как что-то шмыгнуло за высокий шкаф у стены.

— Wo ist das?* — спросил он резко и услышал в ответ сдавленный вздох.

Грей осторожно подошел, заглянул за шкаф и увидел маленького темноволосого мальчика. Тот зажимал обеими руками рот, и глаза у него были круглые, как блюдца. В ночной рубашке и колпачке, он явно удрал из постели. Грей узнал ребенка, хотя видел его всего пару раз. Это сынишка княгини, но как же его зовут? Генрих? Рейнхардт?

— Не бойся, — сказал Грей мальчику по-немецки, медленно и ласково. — Я друг твоей матушки. Где твоя комната?

Мальчик, не отвечая, водил глазами туда-сюда. Грей, не видя нигде открытой двери, протянул ему руку.

— Уже очень поздно. Давай поищем твою детскую.

Мальчик замотал головой так, что кисточка на его ночном колпаке задела стену.

— Не хочу. Там плохая женщина. Eine Hexe.

— Ведьма? — повторил Грей, и ему показалось, будто чей-то холодный палец прикоснулся к его затылку. — Какая же она, эта ведьма?

— Как все ведьмы, — с недоумением ответил ребенок.

— А-а. — Грей, не зная, как быть дальше, поманил мальчика к себе. — Пойдем, покажи мне ее. Я солдат и ведьм не боюсь.

— Ты убьешь ее, и вырвешь ей сердце, и поджаришь его на огне? — Мальчик вылез из своего укрытия и потрогал рукоятку кинжала у Грея за поясом.

— Возможно. Для начала надо на нее поглядеть. — Грей подхватил ребенка под мышки и взял на руки. Мальчик сразу прильнул к нему и обхватил ногами за пояс.

Темный коридор освещался только настенным подсвечником в дальнем конце. От камней шел холод, и Грей с мальчи-

* Кто там? (*нем.*)

ком согревали друг друга. Дождь лил не переставая. Сквозь ставни просочилась струйка воды, мигающий фитиль освещал лужицу на полу.

Вдали прокатился гром, и ребенок крепко обвил ручонками шею Грея.

— Все хорошо. — Грей потрепал его по спинке, хотя у него самого душа ушла в пятки от неожиданности. Мальчика, конечно же, разбудила гроза. — Где твоя комната?

— Наверху. — Мальчик показал в конец коридора, где, должно быть, проходила задняя лестница. Замок был огромен, и Грей знал пока лишь маршрут, ведущий к его собственной двери. Он надеялся, что мальчику дом известен лучше, и им не придется блуждать до утра по сырым коридорам.

В конце коридора молния сверкнула снова, озарив белым светом окно, и Грей ясно увидел, что окно открыто и ставни распахнуты. Оттуда дунул ветер, сопровождаемый громом. Ставня хлопнула, окатив их обоих дождем.

— О-ой! — Мальчик уцепился за Грея, чуть не задушив его.

— Все хорошо. — Грей сказал это как можно спокойнее и перенес ребенка на одну руку, освободив другую.

Он высунулся наружу, чтобы поймать ставню, стараясь в то же время заслонить ребенка от дождя. Вспышка молнии снова сделала мир черно-белым. Ослепленный Грей заморгал, и яркие картины замелькали перед его взором. Новый раскат так походил на грохот колесницы, что он невольно поднял глаза к небу, наполовину ожидая увидеть, как среди туч мчится древний германский бог.

Молния, однако, запечатлела в его глазах не картину ночного неба, а нечто иное. Грей, проморгавшись, посмотрел вниз. Так и есть. К окну была приставлена лестница. Ну-ну! Пожалуй, мальчик и в самом деле видел что-то из ряда вон.

— Постой тут немножко, я закрою ставни, — сказал Грей, ставя ребенка на пол.

Он оттолкнул лестницу, дав ей упасть в темноту, запер ставни и снова взял дрожащего мальчика на руки. Ветер задул светильник, и до поворота пришлось добираться ощупью.

— Тут темно, — с дрожью в голосе сказал мальчик.

— Солдаты темноты не боятся, — успокоил его Грей, вспомнив кладбище.

— А я и не боюсь, — заявил мальчик, прижимаясь щечкой к его лицу.

— Конечно, не боишься. Как тебя зовут, молодой господин?

— Зиги.

— Зиги. — Грей шел, придерживаясь рукой за стену. — А я Джон, по-вашему Иоганн.

— Я знаю, — удивив его, сказал мальчик. — Служанки говорят, ты красивый. Не такой большой, как ландграф Стефан, зато красивее. Ты богатый? Ландграф очень богат.

— Голодать не приходится. — Скоро ли он кончится, этот треклятый коридор? Недоставало еще впотьмах скатиться с лестницы.

Мальчик теперь уже меньше боялся. От головенки, которую он пристроил Грею ниже подбородка, пахло совсем не противно, теплым зверенышем — так пахнет выводок щенят, которым не больше месяца.

— А где твоя нянька? — Грей подумал об этом только сейчас, хотя такой маленький ребенок, конечно, не мог спать в комнате один.

— Не знаю. Может быть, ее ведьма съела.

При этом веселом предположении вдалеке замерцал свет и послышались голоса. Идя на них, Грей наконец-то обнаружил лестницу, а также обезумевшую женщину в ночной рубашке, чепчике и шали, со свечкой в руке.

— Зигфрид! — вскричала она. — Господин Зиги, где же вы были? Ох! — Она разглядела Грея и отшатнулась, словно ее ударили в грудь.

— Guten Abend, Madam, — вежливо сказал Грей. — Это твоя няня, Зиги?

— Нет, — ответил малыш, не скрывая презрения к невежеству взрослого. — Это Гетти, мамина горничная.

— Зиги? Зигфрид, ты здесь? Ах, мой мальчик! — Княгиня, сбежав с лестницы, выхватила сына у Грея и стала так бурно его целовать, что с головы Зиги слетел колпачок.

Следом, менее стремительно, спускались другие слуги — два лакея и женщина, одетые наспех, но снабженные свечка-

ми или коптилками. Грею посчастливилось набрести на поисковую партию.

Все заговорили разом. Объяснения Грея прерывались довольно бессвязным рассказом самого Зиги, а также возгласами княгини и Гетти, выражавшими ужас и изумление.

— Ведьма? — с тревогой повторяла княгиня. — Тебе приснился страшный сон, дитя мое?

— Нет. Я проснулся, а у меня в комнате ведьма. Можно мне марципанку?

— Хорошо бы обыскать дом, — вставил Грей. — Возможно, что... ведьма все еще здесь.

Кожа княгини, такая белая при свечах, сейчас приобрела нездоровый оттенок гриба поганки. Повинуясь многозначительному взгляду Грея, она отдала ребенка Гетти и велела отнести его в детскую.

— Что происходит? — требовательно спросила она, сжав его руку. Он изложил все, что видел, и в свою очередь задал княгине вопрос:

— Куда подевалась няня вашего сына?

— Мы не знаем. Я зашла в детскую поцеловать Зигфрида на ночь... — Тут княгиня подняла трепетную руку к груди, вспомнив, что ее ночной наряд вряд ли можно счесть соблазнительным: шерстяная рубаха с накинутой поверх шалью, чепчик и толстые вязаные чулки. — Зашла, а там ни его, ни няни. Якоб, Томас, ищите! — с внезапной властностью приказала она слугам. — Сначала в доме, потом снаружи.

Глухой раскат грома напомнил им, что на дворе все еще льет, однако лакеи повиновались незамедлительно.

В наступившей тишине Грею померещилось, что толстые каменные стены придвинулись к ним чуть ближе. На ступеньках одиноко горела оставленная кем-то свеча.

— Кто же мог это сделать? — тонким испуганным голоском вымолвила княгиня. — Неужели Зигфрида хотели похитить? Но для чего?

Грей предполагал именно это — ничего другого ему в голову не приходило; но княгиня, снова схватив его за руку, прошептала:

— Вы думаете... это была она? Суккуб?

— О нет. — Грей ободряюще сжал ее руки, холодные, как лед — чему же удивляться, если в замке так холодно. — Суккубу лестница не понадобилась бы, верно? — Он воздержался от замечания, что мальчик в возрасте Зиги вряд ли имеет в достаточном количестве то, что, насколько он понял, потребно суккубу.

Княгиня признала, видимо, что его рассуждения не лишены логики. Ее щеки слегка порозовели, губы дрогнули в намеке на улыбку, но в глазах еще оставался страх.

— Да, вы правы.

— Не повредит, возможно, поставить охрану у комнаты вашего сына... хотя злодеи, должно быть, уже скрылись.

Княгиня вздрогнула — то ли от холода, то ли от мысли о таящихся где-то злоумышленниках. Но возможность предпринять какие-то действия явно подбодрила ее, и Грей, пользуясь этим, передал ей предостережение сэра Питера. Быть может, материальный враг наподобие французов окажется предпочтительней фантомов и неведомых похитителей.

— Ха, лягушатники! — Нотка презрения в ее голосе оправдала надежды Грея. — Они уже пытались, но замок не взяли и теперь не возьмут. Его выстроил далекий предок моего мужа. — Княгиня для подкрепления своих слов обвела рукой толстые стены вокруг. — Здесь внутри есть колодец, конюшня, большой запас провизии. Замок рассчитан на то, чтобы выдержать любую осаду.

— Уверен в этом, — улыбнулся Грей. — Но почему бы не принять некоторые предосторожности? — Он отпустил ее руки, желая поскорее завершить это рандеву. Успокоившись, он в полной мере ощутил, каким долгим был этот день и как ему холодно.

— Непременно приму. — Княгиня помедлила, думая, видимо, что сказать ему на прощание, затем привстала на цыпочки, положила руки на плечи Грею и поцеловала его в губы. — Спокойной ночи, лорд Джон, — тихо сказала она по-английски. — Danke*. — И, подобрав подол, побежала наверх.

* Спасибо (*нем.*).

Грей посмотрел ей вслед. Его грудь еще хранила отпечаток ее не затянутого в корсет бюста. Постояв так, он тряхнул головой и нагнулся взять свечу, которую она оставила для него на лестнице.

Вся усталость минувшего дня навалилась на него, как груз крупной картечи. Скорее бы отыскать свою комнату в этом каменном лабиринте, подумал он, зевнув во весь рот. Надо было, пожалуй, попросить княгиню, чтобы показала ему дорогу.

Он двинулся обратно по коридору. Огонек свечи казался маленьким и жалким среди непроглядной тьмы замка Ловенштейн. Лишь увидев при слабом свете лужицу на полу, Грей подумал: а ведь кто-то должен был открыть ставни изнутри.

Дойдя до верха главной лестницы, он увидел, что по ней поднимается Стефан фон Намцен. Капитан слегка раскраснелся от крепких напитков, но способности трезво мыслить не утратил и выслушал отчет Грея о недавних событиях со вниманием.

— Dreckskerle! — выругался он, плюнув на пол. — Вы сказали, что слуги пошли искать — но думаете, что они ничего не найдут?

— Возможно, они найдут няньку. Но злодей должен был иметь сообщника в доме. Злодей или злодейка. Мальчик говорит, что он видел ведьму.

— Да, понимаю. — Фон Намцен сжал руку в кулак и снова разжал. — Поговорю, пожалуй, с княгиней. И поставлю своих людей охранять дом. Если преступник внутри, он от нас не уйдет.

— Уверен, что княгиня будет вам благодарна. Утром я должен отвезти покойного Боджера в его полк. Да, кстати... — Он поделился с фон Намценом соображениями сэра Питера, и немец, небрежно махнув рукой, дал согласие.

— Не хотите ли передать что-нибудь своим людям у моста? — спросил Грей. — Я все равно еду в ту сторону. — Полк Боджера стоял на севере, между городом и рекой, а мост в нескольких милях от британского лагеря обороняла артиллерийская батарея, которой командовал Стефан.

Фон Намцен задумчиво нахмурился и кивнул.

— Да. Будет лучше, если об этом они узнают по служебной линии. — Стефан отвел глаза в сторону, и Грей понял, что он имеет в виду суккуба.

— Это верно. Слухов по возможности следует избегать, — сказал он, чтобы избавить Стефана от смущения. — Раз уж речь об этом... вы думаете, герр Бломберг позволит выкопать гроб своей матери?

Широкое лицо Стефана расплылось в улыбке.

— Э, нет. Скорее он даст проткнуть собственное сердце этим железным прутом. Но хорошо бы поскорее найти того, кто вытворяет эти штуки, — он вновь посерьезнел, — и положить им конец.

Грей видел, что Стефан тоже устал. Они постояли еще немного, слушая стук дождя и чувствуя холод кладбища, пронизавший их до костей.

— Будьте осторожны, Джон, — сказал Стефан, внезапно стиснув Грея за плечо. Не успел англичанин опомниться, Стефан прижал его к себе, поцеловал в губы, добавил «Gute Nacht*» и пошел к себе.

Грей закрыл дверь за собой и прислонился к ней, словно за ним гнались. Том Берд, спавший на коврике у камина, сел и захлопал глазами.

— Милорд?

— А ты кого ждал? — Волнения этого вечера настроили Грея на шутливый лад. — Суккуба?

Сон мигом слетел с Тома, и он бросил опасливый взгляд на окно с накрепко запертыми ставнями.

— Не надо этим шутить, милорд, — сказал он с укором. — На этот раз англичанин умер.

— Ты прав, Том. Прошу рядового Боджера меня извинить. — Упрек, а общем, был справедлив, но Грей, учитывая обстоятельства, не обиделся. — Однако причины его смерти мы не знаем — и уж конечно, нет никаких доказательств того, что к ней причастны потусторонние силы. Ты поел?

* Спокойной ночи (*нем.*).

— Да, милорд. Кухарка легла было, но встала и приготовила нам хлеба с салом. Пива тоже дала. Ей хотелось знать, что я нашел там, на кладбище.

Грей улыбнулся про себя: это «я» говорило о том, что его слуга заступился за рядового Боджера скорее из чувства собственности, чем из чувства приличия.

Том снял с хозяина сапоги и до сих пор не высохшие чулки. Спальня Грея, хоть и маленькая, была теплой и светлой. Тени, отбрасываемые жарким огнем, плясали на полосатых шпалерах. После сырого кладбища и промозглых замковых коридоров Грей радовался теплу и кувшину с горячей водой.

— Мне утром с вами ехать, милорд? — Том развязал косичку Грея и сал расчесывать ему волосы, обмакивая гребень в настой из лавра и ромашки, предохраняющий от насекомых.

— Думаю, нет. Я сначала заеду к полковнику Рюсдейлу, а кто-нибудь из здешних слуг отправится вслед за мной и повезет покойника. — Грея клонило в сон, но возбуждение еще вспыхивало искрами в низу живота. — А тебя я попрошу поговорить со слугами — послушать, что они говорят насчет всего этого. — Видит Бог, им было о чем поговорить.

Чистый, расчесанный, согревшийся, облаченный в сорочку, ночной колпак и халат, Грей отпустил Тома.

Когда лакей вышел с охапкой грязного обмундирования, Грей закрыл за ним дверь и задумчиво уставился на полированное дерево, словно надеясь увидеть кого-то, стоящего по ту сторону. Но дверь отражала только его расплывчатое лицо, и снаружи слышались лишь шаги удаляющегося Тома.

Грей, коснувшись пальцем губ, вздохнул и запер дверь на засов.

Раньше Стефан тоже его целовал — и не только его, такой уж у ганноверца был обычай. Но этот поцелуй был не из тех, какими один солдат по-братски награждает другого. И тот случай на кладбище, когда Стефан сжал его ногу ниже колена... Или это усталость обманывает его, заставляя воображать больше, чем произошло на самом деле?

А если это правда, что тогда?

Грей покачал головой, вынул из постели грелку и забрался под одеяло, думая, что хотя бы ему из всех мужчин Гундвица не грозит этой ночью нашествие блуждающего суккуба.

Глава 3

Средство от бессонницы

Штаб Пятьдесят второго полка располагался в Бонце, деревушке милях в десяти от Гундвица. Грей нашел полковника Рюсдейла в зале деревенской гостиницы — тот совещался с другими офицерами и не желал заниматься смертью простого солдата.

— Грей? Да-да. Знаком с вашим братом. Где, вы говорите, его обнаружили? Хорошо. Старший сержант... как его... Сеп. Он знает, что делать. — И полковник махнул рукой, как бы незамедлительно отсылая Грея к указанному сержанту.

— Да, сэр. — Грей зарылся каблуками в опилки на полу комнаты. — Я тотчас же этим займусь. Но у вас, насколько я понял, произошли некоторые события, о которых мне следовало бы уведомить наших союзников?

Рюсдейл вперил в него холодный взгляд, выпятив нижнюю губу.

— Кто вам это сказал, сэр?

Грей не нуждался ни в чьих словах. Полк строился за деревней, барабаны выбивали «к оружию», капралы отдавали команды на улицах, и солдаты выскакивали из домов, как муравьи из разворошенного муравейника.

— Я офицер по связи, сэр, прикомандированный к ганноверской пехоте капитана фон Намцена, — ответил Грей. — В настоящее время они расквартированы в Гундвице. Требуется ли вам их поддержка?

Рюсдейл воспринял вопрос как личное оскорбление, но капитан с артиллерийской кокардой, деликатно кашлянув, предложил:

— Разрешите мне ввести майора Грея в курс дела, полковник? Поскольку вы заняты... — Он обвел рукой собравшихся офицеров. Те сидели с серьезным видом, хотя не похоже было, что они готовятся вступить в бой прямо сейчас.

Полковник снова махнул рукой — то ли отпуская Грея, то ли отгоняя его, как надоедливое насекомое.

— Всегда к вашим услугам, сэр, — с поклоном пробормотал Грей.

Вчерашние тучи уносились прочь, гонимые свежим, холодным ветром. Артиллерийский капитан приложил руку к шляпе и кивнул в сторону харчевни на той же улице.

— Не желаете ли погреться, майор?

Поняв, что деревне не грозит немедленное вторжение неприятеля, Грей согласился и вошел вслед за новым знакомым в комнату, где пахло свиными ножками и кислой капустой.

— Бенджамен Хилтерн. — Капитан скинул плащ и показал хозяину два пальца. — Вы ведь не откажетесь выпить, майор?

— Джон Грей. Благодарю вас. Полагаю, сейчас самое время выпить, пока враг еще не одолел нас?

Хилтерн со смехом уселся напротив Грея, потирая покрасневший от холода нос.

— Наш добрый хозяин, — капитан показал на старичка, наполнявшего кувшин пивом, — успел бы подстрелить кабана, зажарить его и подать нам с яблоком во рту, будь на то ваше желание.

— Благодарствую, капитан. — Грей разглядел, что у трактирщика только одна нога — другую заменяла видавшая виды деревяшка. — К сожалению, я недавно позавтракал.

— Жаль — а вот я нет. Bratkartoffeln mit Rübrei, — сказал Хилтерн, и трактирщик, кивнув, исчез в еще более убогом помещении за стойкой. — Картофель, поджаренный с яйцами и ветчиной, — перевел он, заправляя носовой платок за ворот мундира. — Прелесть что такое.

— Согласен. Надо надеяться, ваших солдат накормят не хуже после сбора, который я наблюдал.

— Да-да. — Херувимское личико Хилтерна слегка омрачилось, но не слишком. — Бедняги. Хорошо хоть дождь перестал. — Грей вопросительно поднял брови, и он стал объяснять: — Это им в наказание. Вчера наши ребята играли в кегли с людьми полковника Бэмптон-Ховарда. Рюсдейл заключил с Бэмптон-Ховардом пари на большую сумму...

— И ваши проиграли. Понятно. Поэтому их и...

— Десятимильный марш до реки и обратно. Бегом, с полной выкладкой. Ничего, им это только на пользу. — Хилтерн прикрыл глаза, принюхиваясь к запаху поджариваемой картошки.

— Ну да. Французы готовятся выступить, не так ли? Согласно данным последней разведки, их видели всего в паре миль севернее реки.

— Дня два они заставили нас поволноваться — мы ожидали их здесь. Но они, похоже, двинулись в обход, на запад.

— Почему, как вы думаете? — Грея кольнуло беспокойство. Самым вероятным местом для переправы был Ашенвальдский мост, но севернее, у Грюнберга, имелся другой. Ашенвальд обороняла прусская артиллерийская команда, другой мост — гренадеры полковника Бэмптон-Ховарда.

— За рекой французов полно. Мы полагаем, что эти идут на соединение с ними.

Эти интересные сведения следовало бы сообщить союзникам официальным путем, а не через офицера по связи, узнавшего о них чисто случайно. Сэр Питер Хикс всегда делился с немецким командованием всем, что ему докладывали, но Рюсдейл, видимо, не видел в этом необходимости.

— Я уверен, мы дали бы вам знать, — сказал Хилтерн, угадав мысли Грея, — просто у нас тут свои небольшие трудности. Срочности никакой нет — просто разведка доносит, что французы начищают амуницию, проверяют боеприпасы и все такое. Кроме того, надо же им куда-то деваться, пока еще снег не выпал.

Он смотрел на Грея с извиняющимся видом, и Грей, поколебавшись не дольше мгновения, его извинил. Если Рюсдейл неаккуратен с депешами, то в его, Грея, воле самому

выяснить, что происходит — и Хилтерн, очевидно, вполне подходит для этой цели.

Они поболтали о том о сем, пока трактирщик не подал Хилтерну завтрак, но больше ничего интересного Грей не узнал — кроме разве того, что Хилтерну нет никакого дела до кончины рядового Боджера. Насчет «трудностей» он тоже высказывался туманно: «да так, в интендантской роте неразбериха какая-то».

В это время на улице застучали копыта, заскрипели колеса, и голос с ганноверским акцентом спросил дорогу «zum Englanderlager»*.

— Это еще что такое? — удивился Хилтерн.

— Вероятно, рядовой Боджер прибыл, — сказал Грей и встал. — Весьма вам обязан, сэр. Вы не знаете, старший сержант Сеп сейчас в лагере?

— Н-нет, — промычал Хилтерн с полным ртом. — Он совершает бросок к реке.

Грея это не устраивало: он не хотел весь день дожидаться Сепа, чтобы передать ему тело. Но тут ему пришла в голову другая мысль.

— А полковой лекарь?

— Умер от дизентерии. — Хилтерн зачерпнул ложкой новую порцию. — Спросите Кигена — это его помощник.

Лагерь опустел, и Грей нашел лазарет не сразу. Он приказал сгрузить покойника на скамью у палатки и отправил повозку обратно в замок, не желая больше нести никакой ответственности за рядового Боджера.

Киген оказался тщедушным валлийцем в очках без оправы и с копной курчавых рыжих волос. Моргая за стеклами очков, он склонился над трупом и потыкал его испачканным пальцем.

— Крови нет.

— Нет, — согласился Грей.

— Горячка?

— Вряд ли. Я видел его за несколько часов до смерти, и мне показалось, что он здоров.

* в лагерь англичан (*нем.*).

— Хмм. — Киген пристально рассматривал ноздри Боджера, словно подозревал, что причина его смерти таится именно там.

Грей хмурился при виде грязных рук и окровавленных манжет лекаря. Для хирурга, возможно, это в порядке вещей, но нечистоплотность всегда противна.

Киген попытался приподнять веко покойника, но оно не поддавалось. Боджер за ночь окоченел. Теперь его руки снова помягчели, но лицо, туловище и ноги оставались твердыми, как дерево. Киген вздохнул и начал стаскивать с трупа заляпанные грязью чулки. Левый порвался, и большой палец ноги Боджера выглядывал из дырки, как любопытный червяк.

Киген вытер руку о сюртук, добавив к застарелым пятнам новые, и провел ею под носом, которым громко шмыгнул. Грей подавил желание отшатнуться и вдруг поймал себя на том, что опять думает об Этой Женщине, жене Фрэзера. Фрэзер говорил о ней очень редко, но эта сдержанность лишь усиливала значение того, что он говорил.

Однажды на квартире начальника Ардсмуирской тюрьмы они поздно засиделись за шахматами. Затянувшаяся партия доставила Грею больше удовольствия, чем легкая победа над менее достойным противником. Обычно они пили шерри, но в тот раз Грей принес кларет, полученный в подарок от матери, и настоял, чтобы Фрэзер помог ему допить бутылку, поскольку откупоренное вино нельзя хранить долго.

Вино было крепкое, и даже Фрэзер, разгоряченный им и игрой, утратил толику своего поразительного самообладания.

Уже за полночь сонный денщик Грея, убиравший со стола, споткнулся на пороге и растянулся во весь рост, сильно поранившись битым стеклом. Фрэзер метнулся к парню, посадил его на стул и зажал рану подолом его же рубашки. Грей хотел послать за лекарем, но Фрэзер остановил его, сказав: посылайте, если хотите угробить парня, а если нет, то я сам о нем позабочусь.

И он стал действовать, очень умело и очень бережно. Прежде всего он вымыл руки, затем промыл рану вином и спросил

иголку с шелковой ниткой, которую, к изумлению Грея, тоже окунул в вино, а после провел иглу сквозь пламя свечи.

«Моя жена сделала бы то же самое, — сосредоточенно хмурясь, объяснил он. — Существуют, видите ли, крошечные создания, именуемые бактериями, и если они... — Он, прикусив губу, сделал первый стежок и продолжил: — Если они попадут в рану, она загноится, поэтому ее первым делом следует хорошенько промыть, а инструменты прокалить или протереть спиртом — это убивает бактерий. — Фрэзер улыбнулся белому как мел денщику. — Никогда не подпускай к себе лекаря с грязными руками, говорит она. Лучше уж быстро истечь кровью, чем умирать в муках от гноящихся ран».

К бактериям Грей относился не менее скептически, чем к суккубам, но после этого случая всегда невольно присматривался к рукам всякого медика — и ему действительно казалось, что у наиболее чистоплотных пациенты умирают реже, хотя он и не изучал специально этот предмет.

Рядовому Боджеру, однако, мистер Киган уже не мог повредить, и Грей, несмотря на испытываемое им отвращение, не препятствовал лекарю раздевать мертвого.

Грей уже знал, что солдат умер в состоянии полового возбуждения. Это состояние не прошло и теперь, когда прочие члены тела уже начали обмякать.

— Та-та-та, — удивленно промолвил Киген, наткнувшись на это явление. — По крайней мере он умер счастливым. Бог ты мой.

— Как по-вашему, это нормально? — спросил Грей. Он полагал, что после смерти упомянутое состояние пройдет, но оно сохранилось и при дневном свете особенно поражало — возможно, из-за багрового цвета, резко выделявшегося среди мертвенной бледности остального тела.

— Что твоя деревяшка, — заметил Киген, потрогав явление пальцем. — Нормально ли? Как сказать. Ребята, с которыми я имею дело, умирают большей частью от горячки или дизентерии, а больному, знаете ли, не до... хммм. — Он задумался, потом встрепенулся и спросил: — А женщина что говорит?

— Та, с которой он был? Она исчезла, и вряд ли ее можно упрекнуть за это. — «Если женщина, конечно, была», — добавил Грей про себя. Хотя, если вспомнить, что произошло у Боджера с цыганкой, то можно предположить...

— Можете вы сказать, что послужило причиной смерти? — спросил Грей. Киген теперь приступил к общему осмотру, хотя его взгляд то и дело возвращался к достопримечательности, притягивающей внимание не только цветом.

Киген, возясь с рубашкой, тряхнул рыжими кудрями.

— Ран на нем я не вижу. Возможно, удар по голове? — Помощник лекаря нагнулся, чтобы получше рассмотреть череп.

К лазарету трусцой приближалась группа солдат, с громкой руганью поправляющих на себе ранцы и мушкеты. Грей снял шляпу и прикрыл самую заметную часть трупа, не желая делать ее достоянием гласности — однако на очередное мертвое тело никто даже и не взглянул.

Солдаты удалились, ворча и побрякивая амуницией. Почти весь полк собрался уже на плацу и ожидал команды старшего сержанта, чтобы построиться.

— Полковника Рюсдейла я знаю только понаслышке, — сказал Грей. — Обычно о нем отзываются «Господи сохрани и помилуй», но я не знал, что он вдобавок осел.

— Ну, я бы так не сказал, — улыбнулся Киген, продолжая осмотр.

Грей молчал, и лекарь не замедлил продолжить:

— Он хочет измотать их как следует. Чтобы после ужина повалились спать как убитые.

— Вот как?

— Ну да. Они ведь всю ночь спать не ложились. Боялись, как бы эта сукаба к ним не пришла. Для кабатчиков это, конечно, хорошо, а вот для дисциплины не очень. Кому нужно, чтобы солдаты клевали носом на посту или во время учений? — Киген поднял глаза и поинтересовался, указывая на темные круги под глазами Грея: — Вы, я вижу, тоже неважно спали, майор?

— Да, я поздно лег вчера — стараниями рядового Боджера.

— Хмм. Ну что ж — тут, видать, без сукабы не обошлось, — сказал Киген и выпрямился.

— Значит, слухи о суккубе дошли и до вас? — спросил Грей, не пожелав поддержать шутку.

— Ясное дело, — удивился Киген. — Все знают. Я же вам говорю.

Киген не знал, кто принес в лагерь этот слух, но распространился он подобно лесному пожару. Те, кто сперва только фыркал, начинали прислушиваться, а там и верить, слушая красочные рассказы о ночной гостье — а после известия о смерти прусского солдата в лагере поднялась настоящая паника.

— Его тела вы, вероятно, не видели? — спросил Грей.

Киген покачал головой.

— Говорят, что из бедняги всю кровь высосали — но кто знает, правда ли это. Возможно, это апоплексия — мне приходилось наблюдать такое: мозг освобождается от давления, и из носа хлещет кровь. Довольно жуткое зрелище.

— Рационально мыслите, сэр, — одобрительно сказал Грей.

Киген в ответ издал сдавленный смешок и снова вытер ладони о полы сюртука.

— Поживите с мое среди солдат, еще и не такого наслушаетесь, скажу я вам. Особенно в лагерях, когда нечем заняться — страшные истории растекаются, как масло по горячему хлебу. А уж когда дело касается снов... — Киген развел руками.

Грей кивнул, признавая его правоту. Солдаты придают большое значение снам.

— Итак, вы ничего не можете мне сказать относительно смерти рядового Боджера?

Киген снова потряс головой, почесывая блошиные укусы на шее.

— К сожалению, ничего, сэр. Кроме... э-э... очевидного, — добавил он скромно, указав на среднюю часть трупа, — а это обычно к смерти не приводит. Поспрошайте его друзей — так, на всякий случай.

Грей, услышав этот загадочный совет, посмотрел на лекаря вопросительно.

— Я уже говорил вам, что люди боятся спать, — кашлянув, сказал тот. — Боятся, как бы сукаба к ним не пришла. А

некоторые заходят несколько дальше и берут дело, так сказать, в собственные руки.

Кое-кто, по словам Кигена, рассудил так: раз суккуб охотится за мужским семенем, не лучше ли сделать так, чтобы она его не нашла? Подобные предосторожности, конечно, все старались предпринимать наедине, но при такой скученности это не так-то просто. Сегодняшний приказ полковника Рюсдейла был, по сути, вызван многочисленными жалобами местных жителей на непристойное поведение его солдат.

— Подумайте сами, сэр: я вряд ли счел бы темное кладбище подходящим местом для романтического свидания, если б мне представился такой случай. Но что, если солдаты решили, скажем так, поквитаться с сукабой в ее собственных владениях? И если этот... Боджер, не так ли? — вдруг окочурился за таким занятием, то его дружки скорее всего улепетнули, не дожидаясь расспросов.

— Вы интересно рассуждаете, мистер Киген. Весьма рационально, весьма. Уж не вы ли предложили им это... средство?

— Я? — Киген попытался — неудачно — прикинуться возмущенным. — Что за мысль, майор!

— Виноват, — сказал Грей и откланялся.

Полк, построившись должным порядком, двинулся с плаца бегом. Мушкеты и фляжки бренчали, капралы и сержанты выкрикивали команды. Грей понаблюдал за этим немного, наслаждаясь теплом осеннего солнца.

День после ночной бури обещал быть ясным, но грязь брызгала из-под ног и пачкала солдатам штаны. После марша им придется еще и чиститься, хотя в замыслы Рюсдейла это скорее всего не входило.

Грей, как артиллерист, прикинул, могут ли здесь проехать зарядные ящики, и решил, что не могут. Земля размякла, как сыр, — даже орудия и те увязнут.

Он бросил взгляд на далекие холмы, где якобы находились французы. Если у них есть артиллерия, то сейчас они, всего вероятнее, вынуждены сидеть на месте.

Ситуация по-прежнему вызывала у него смутное беспокойство, хотя ему очень не хотелось этого признавать. Фран-

цузы, по всей видимости, действительно двинутся на север. Нет никакой причины думать, что они пойдут через речную долину. Гундвиц не имеет стратегического значения и слишком мал для того, чтобы его стоило грабить. К тому же между французами и городом стоит Рюсдейл. И все же Грей, глядя на покинутый плац и исчезающее вдали войско, ощущал странную щекотку между лопатками, точно позади стоял кто-то с заряженным пистолетом.

«Я чувствовал бы себя намного лучше, если бы Рюсдейл отрядил чуть больше солдат для обороны Ашенвальдского моста», — всплыли в его памяти слова сэра Питера Хикса. Сэр Питер, видимо, тоже ощущал этот зуд. Возможно, что Рюсдейл в самом деле осел.

Глава 4

Батарея у моста

Когда он приехал к реке, было уже за полдень. Издали пейзаж под высоким бледным солнцем казался спокойным. Реку окаймляли деревья в осенней листве. Их золотистые и красные тона казались особенно яркими рядом с тусклыми полосками вспаханных под пар полей и невыкошенных лугов.

Вблизи река, однако, разрушала эту пасторальную картинку. Быстрая и широкая, она еще больше раздулась от недавних дождей. Грей видел, как неслись по течению вырванные с корнем кусты и деревья, а порой и трупы мелких животных.

Прусская батарея разместилась на пригорке, скрытая маленькой рощей. Вся она, как с тревогой отметил Грей, состояла из десятифунтового орудия и небольшой мортиры. Впрочем, ядер и пороха было вдоволь, и боеприпасы с прусской аккуратностью укрыли от дождя холстинами.

Грея встретили сердечно. Его приезд послужил приятным разнообразием, нарушающим скуку военных будней. Следо-

вало учесть и то, что он перед отъездом из лагеря запасся двумя мехами с пивом.

— Откушать просим с нами, майор, — пригласил ганноверский лейтенант, указав Грею удобный валун вместо стула.

После завтрака прошло уже много времени, и Грей принял приглашение охотно. Он сел на валун, подостлав шинель, засучил рукава и воздал должное сухарям, сыру и пиву. К трапезе прилагалось несколько ломтиков вкусной, сдобренной специями колбасы.

Лейтенант Дитрих, офицер средних лет с пышной бородой и бровями под стать ей, читал привезенную Греем почту, а Грей тем временем упражнялся в немецком с батарейным расчетом. При этом он краем глаза следил за лейтенантом, любопытствуя, как тот отнесется к письму фон Намцена.

Брови лейтенанта позволяли судить об этом с большой степенью достоверности. Сначала они образовали прямую линию, затем поднялись вверх и долго оставались в таком положении, а под конец, беспокойно подрагивая, заняли прежнюю позицию. Лейтенант решал, что из всего этого следует сообщить своим подчиненным.

Сложив письмо, он бросил острый взгляд на Грея. Тот слегка кивнул, подтверждая, что знает, о чем говорится в послании.

Лейтенант обвел взором своих людей и оглянулся через плечо назад, как бы прикидывая расстояние до британского лагеря и до города. После этого он снова перевел взгляд на Грея, задумчиво прикусив ус, и едва заметно покачал головой, давая понять, что о суккубе ничего говорить не станет.

Грей, в целом посчитавший такое решение разумным, на дюйм склонил голову, соглашаясь с ним. Команда батареи насчитывала всего десять человек; если бы слух дошел хотя бы до одного, он бы уже поделился с другими. Следовало также помнить, что все они были пруссаки, а не земляки лейтенанта — командир не мог быть уверен, как они воспримут подобные известия.

Спрятав бумаги, лейтенант присоединился к беседе. Грей, однако, видел, что содержание письма не выходит у офицера

из головы: разговор, как будто никем сознательно не направляемый, тем не менее обратился к сверхъестественным предметам.

В этот прекрасный день, когда повсюду кружили золотые листья и рядом журчала река, рассказы о привидениях, окровавленных монахинях и призрачных сражениях в небе служили только развлечением. Ночью все будет иначе, но рассказы все равно не прекратятся. Скука для солдата не менее страшный враг, чем ядро, штык или повальная болезнь.

Один артиллерист поведал, что в его родном городе был некий дом, где по ночам слышался плач ребенка. Хозяева, напуганные этим явлением, отбили штукатурку со стены, откуда шли эти звуки, и обнаружили замурованную кирпичом дымовую трубу, а в ней — останки маленького мальчика. Рядом нашли кинжал, которым ребенку перерезали горло.

Несколько солдат сделали пальцами рожки, отгоняя нечистую силу, но двое, как Грей заметил, разволновались не на шутку, переглянулись и тут же отвели глаза.

— Вы, наверно, уже слышали такую историю? — с улыбкой, как бы между прочим, спросил Грей, обращаясь к более молодому из этих двоих.

Мальчик — ему было не больше пятнадцати — замялся, но не устоял под прицелом всеобщего внимания.

— Дело не в истории. Прошлой ночью, в бурю, мы с Самсоном... — он кивнул на своего товарища, — тоже слышали у реки детский плач. Мы взяли фонарь и пошли поглядеть — ничего, а дитя все плачет и плачет. Мы там все облазили, искали и звали, да все без толку. Только замерзли и промокли насквозь.

— Вот, значит, что вы там делали? — с ухмылкой сказал молодой парень. — А мы было подумали, что вы с Самсоном занимаетесь под мостом кое-чем другим.

Мальчишка, побагровев, кинулся на обидчика, повалил его, и оба покатились по опавшей листве, орудуя кулаками и локтями.

Грей вскочил, раскидал их пинками, схватил младшего за шиворот и поставил на ноги. Лейтенант кричал на драчу-

нов по-немецки, употребляя непонятные Грею выражения. Встряхнув мальчишку, чтобы привести его в чувство, Грей очень тихо сказал ему:

— Смейся. Он пошутил.

Тощие плечи подрагивали под его пальцами, карие глаза, в которые пристально, передавая мальчику свою волю, смотрел Грей, остекленели от стыда и отчаяния.

Грей встряхнул его еще раз и, делая вид, что счищает сухие листья с его мундира, прошептал на ухо:

— Если будешь вести себя так, все узнают. Смейся, во имя всего святого!

Самсон, уже привыкший к таким ситуациям, это самое и делал, подталкивая локтями других и отвечая на грубые шутки еще более грубыми. Мальчик, взглянув на него, похоже, опомнился. Грей отпустил его и снова вступил в разговор, сказав громко:

— Если б я захотел с кем-нибудь согрешить, то выбрал бы погоду получше. Надо уж совсем до края дойти, чтоб любиться в этакую грозу.

— Так ведь и дошли, майор, — со смехом сказал один из солдат. — Нам теперь и овца бы сгодилась.

— Ха-ха. Ступай поблуди сам с собой, Вульфи. Тебя даже овца не захочет. — Мальчик, все еще красный и с влажными глазами, уже пришел в себя и залихватски сплюнул под общий смех.

— А что, Вульфи, запросто — если хрен у тебя правда такой длинный, как ты говоришь, — ввернул Самсон.

Вульф в ответ высунул на удивление длинный язык и вызывающе повертел им.

— Могу доказать, если кому охота.

Перепалку прервали еще два солдата — они взобрались на пригорок, мокрые до пояса, и притащили свиную тушу, которую выловили из реки. Эту добавку к ужину встретили одобрительными криками, и половина команды тут же принялась разделывать тушу.

Разговор сделался вялым, и Грей уже собирался уехать, когда один солдат со смехом отпустил что-то насчет цыганок.

— Что вы говорите? Was habt Ihr das gesacht? — встрепенулся Грей. — Цыгане? Вы их недавно видели, да?

— Да, герр майор, — охотно ответил солдат. — Нынче утром. Они проехали через мост, шесть повозок с мулами. Они все время ездят туда-сюда. Мы их и раньше видели.

— Вот как? — Грей, стараясь не выдавать своего волнения, спросил лейтенанта: — А не связаны ли они с французами?

— Само собой, — с легким удивлением ответил тот и усмехнулся. — Да что они такого могут сказать французам? Что мы здесь? Я думаю, противник и без них это знает.

В промежутке между деревьями, примерно в миле от батареи Грей видел английских солдат из полка Рюсдейла — разгоряченные после пробега, они скидывали ранцы и входили в реку, чтобы напиться.

Что ж, верно. Присутствие здесь английских и ганноверских частей для неприятеля не новость. Тот, кто засядет на утесе с подзорной трубой, сможет пересчитать даже пятна на собаке полковника Рюсдейла. Что до передвижений, то ни Рюсдейл, ни Хикс не имеют понятия, когда и куда командование пошлет их в следующий раз, — а значит, и враг едва ли об этом узнает.

Грей попрощался с лейтенантом, решив, однако, переговорить на этот предмет со Стефаном фон Намценом. Возможно, от цыган действительно нет никакого вреда, но в этом не мешало бы разобраться. Они, например, способны сказать всякому, кто не поленится их спросить, как мало солдат охраняет мост. Грею, хотя он и передал Рюсдейлу пожелание сэра Питера, почему-то казалось, что полковник не станет посылать к мосту своих людей.

Он помахал артиллеристам, но это мало кто заметил — солдаты, в крови по локоть, потрошили свинью. Мальчик, в стороне от других, обтесывал кол, чтобы поджарить добычу.

У моста Грей остановил Каролюса и посмотрел на тот берег. Ровная местность за рекой переходила в холмы, а те — в крутой скальный массив. Наверху, возможно, до сих пор находились французы. Грей достал из кармана складную трубу и медленно обозрел верхушки утесов. Там не наблюдалось никакого движения — ни людей, ни коней, ни знамен, — однако стояла серая пелена, точно облако на совершенно чис-

том небе, дым от многочисленных лагерных костров. Да, французы все еще там.

Он осмотрел также и холмы — но цыган не было видно, и ни один дымок не выдавал их присутствия.

Надо бы найти их табор и допросить цыган самолично — но становилось поздно, и Грей был не в настроении заниматься этим. Он повернул коня к городу, не глядя больше на рощицу, где стояла батарея.

Тому мальчишке надо побыстрее научиться скрывать, кто он есть, иначе ему житья не будет от всякого, кому вздумается его использовать. А охотников найдется много. Вульф сказал правду: солдатам после многих месяцев в поле не до разборчивости, а этот мальчуган со своими пухлыми красными губками и нежной кожей куда привлекательнее овцы.

Каролюс мотнул головой, и Грей заметил, что его дрожащие руки слишком сильно сжимают поводья. Он ослабил хватку, унял дрожь и вновь послал коня вскачь, успокоив его ласковыми словами.

На него самого однажды напали вот так. Было это в лагере, в Шотландии, через несколько дней после Каллодена. Кто-то прыгнул на него в темноте сзади и захватил его горло согнутой в локте рукой. Грей подумал, что пришла его смерть, но у злоумышленника на уме было другое. Он действовал молча, грубо и через пару минут бросил Грея в грязи за фурой, онемевшего от боли и потрясения.

Грей так и не узнал никогда, кто это был — офицер, солдат или вообще не военный. Не узнал, выбрал его тот человек из-за каких-то особенностей внешности и поведения или просто воспользовался тем, кто ему подвернулся.

Он знал, однако, что рассказывать об этом не следует. Придя в себя, он помылся, держался прямо, шагал твердо, говорил как обычно и смотрел всем прямо в глаза. Никто не подозревал, что он скрывает под одеждой изодранную плоть, а в груди — смятение. Если насильник ел с ним за одним столом, Грей не знал этого. С того дня он всегда носил при себе кинжал, и никто ни разу не тронул его против воли.

Позади садилось солнце, и летящие тени коня и всадника протянулись далеко вперед.

Глава 5

Темные сны

Он снова опоздал к ужину. На этот раз ему принесли поднос в гостиную, и он ел под шедшие вокруг разговоры.

Княгиня немного посидела с ним, оказывая ему самое лестное внимание, но Грей измучился после целого дня в седле и отвечал кратко. Вскоре она отошла, оставив его наедине с холодной олениной и грибным пирогом.

Грей уже заканчивал с ужином, когда ему на плечо легла большая, теплая рука.

— Ну что, побывали у моста? Все ли там в порядке? — спросил фон Намцен.

— В полном. — Грей не считал пока нужным рассказывать фон Намцену про молодого солдата. — Я обещал им, что Рюсдейл пришлет подкрепление — надеюсь, что не напрасно.

— Мост? — Старая княгиня, уловив это слово, повернулась к ним и нахмурилась. — Вам не о чем беспокоиться, ландграф. Мосту ничего не грозит.

— Уверен, что нет, сударыня. — Стефан, щелкнув каблуками, поклонился старой даме. — Не волнуйтесь: мы с майором Греем вас защитим.

Княгиня немного опешила, услышав это, и повторила воинственно, приложив ладонь к образку, который носила на платье:

— Мосту ничего не грозит. Враг еще ни разу за триста лет не проходил через Ашенвальдский мост и никогда не пройдет.

Стефан, взглянув на Грея, слегка кашлянул. Грей ответил тем же и похвалил ужин.

Старушка отошла, и Стефан, обменявшись с Греем улыбками, спросил:

— Вам известна история этого моста?

— Нет — а она чем-то примечательна?

— Это всего лишь легенда. — Стефан снисходительно пожал плечами. — Говорят, будто мост охраняет дух некоего древнего короля.

— Вот как. — Грею вспомнились истории, которые он слышал на батарее. Быть может, среди солдат есть местные жители, знающие это предание?

— Mein Gott, — Стефан потряс массивной головой так, точно отгонял комаров, — как могут здравомыслящие люди верить во все эти сказки!

— Вы имеете в виду не только мост? Суккуба тоже?

— Не говорите мне о суккубе, — мрачно ответил Стефан. — Мои люди едва держатся на ногах и шарахаются от птичьей тени. Они не ложатся спать из страха, что ночью к ним явится демон.

— Не только ваши. — Сэр Питер, подойдя к ним, отпил из стакана и передернулся.

Биллмен угрюмо кивнул, подтверждая его слова.

— Чертовы лунатики, все до единого.

— Г-мм, — задумчиво отозвался Грей. — Могу предложить одно средство — но учтите, что его изобрел не я, а полковой лекарь Рюсдейла.

Он изложил им способ Кигена, не повышая голоса, но его собеседники оказались не столь скромны.

— Стало быть, парни Рюсдейла дружно боксируют с иезуитами и плодят тараканов? — Сэр Питер буквально давился от смеха. «Хорошо, что лейтенанта Дандиса с нами нет», — подумал Грей.

— Может быть, и не все, — сказал он, — но в достаточном количестве. Насколько я понимаю, среди ваших солдат такого пока еще не наблюдалось?

Биллмен вместо ответа прыснул.

— Иезуиты? Тараканы? — Стефан удивленно поднял белесые брови. — Скажите, пожалуйста, что это означает?

— Э-э... — Грей, не зная соответствующего немецкого выражения, оглянулся через плечо, чтобы удостовериться, что дамы не смотрят, и дал объяснение на языке жестов.

— О! — Ошарашенный Стефан широко ухмыльнулся. — Теперь я понял. — Он подтолкнул Грея локтем и спросил вполголоса: — Такие предосторожности и нам бы не помешали, как вы думаете?

Дамы и немецкие офицеры, занятые игрой в карты, поглядывали на англичан с недоумением. Один из немцев окликнул фон Намцена, и это избавило Грея от необходимости отвечать.

Но тут ему в голову пришла одна мысль, и он удержал Стефана, собравшегося сесть за карточный стол.

— Одну минуту, Стефан. Скажите, вы видели тело вашего умершего солдата — Кёнига? Видели лично?

Фон Намцен, все еще улыбавшийся, помрачнел и покачал головой.

— Нет, не видел. Говорят, однако, что у него разорвано горло. Можно подумать, что на него напал дикий зверь, между тем нашли Кёнига не на улице, а у него на квартире. — Он снова покачал головой и отошел к игрокам.

Грей, беседуя с сэром Питером и Биллменом, продолжал украдкой наблюдать за ним. Этим вечером Стефан облачился в парадный мундир. Менее представительного мужчину это могло бы сделать смешным — пышность немецкой военной символики, на взгляд англичанина, слишком уж бросалась в глаза, — но ландграф фон Эрдберг, со своей мощной фигурой и львиной гривой белокурых волос, стал лишь... притягательнее.

Сейчас он притягивал взоры не только княгини Луизы, но и трех ее молодых приятельниц. Они окружали его, как луны, попавшие в его орбиту. Стефан извлек из-за лацкана какую-то вещицу, и дамы придвинулись к нему еще ближе.

Грей, ответив на какой-то вопрос Биллмена, снова повернул голову, стараясь, чтобы это выглядело не слишком заметно.

Тщетно он пытался подавить чувство, которое вызвал в нем Стефан, — чувства, как правило, неподвластны рассудку. Они неудержимы, как пушечные ядра или как пробивающиеся из-под снега побеги крокусов.

Влюблен ли он в Стефана? Это не было для Грея вопросом. Он испытывал к Стефану симпатию и уважение, но не сходил по нему с ума, не изнемогал от тоски. Хочет ли он Стефана? Огонек, тихо тлеющий в его чреслах, говорил «да».

Череп пещерного медведя по-прежнему стоял на почетном месте, под портретом покойного князя. Грей принялся его рассматривать, следя краем глаза за Стефаном.

— Не думаю, что вы сыты, Джон. — Маленькая ручка легла ему на локоть, и он повернулся к княгине, глядящей на него с милым кокетством. — Такой сильный мужчина после целого дня на воздухе... позвольте, я прикажу подать вам еще что-нибудь.

— Право же, ваша светлость... — Но она, не желая слушать, игриво шлепнула его веером и убежала, чтобы распорядиться о десерте.

Чувствуя себя тельцом, предназначенным на заклание, Грей попытался спастись в мужском обществе и подошел к фон Намцену. Тот как раз собирался спрятать то, что показывал дамам — они в это время заглядывали в карты игрокам и заключали пари.

— Что это у вас? — спросил Грей.

— Это? — Стефан на миг смутился, но тут же протянул Грею маленький кожаный футляр с золотым замочком. — Мои дети.

В фуляре помещалась превосходно выполненная миниатюра — две белокурые детские головки, мальчик и девочка. Мальчику, старшему из двух, было года три-четыре.

На Грея это подействовало, как удар под вздох. Рот у него раскрылся, но он не мог издать ни единого звука. Так ему по крайней мере казалось — и он удивился, услышав собственный голос, спокойный и выражающий подобающее случаю восхищение.

— Прелестные крошки. Уверен, они служат утешением вашей супруге, пока вас нет.

Фон Намцен слегка покривился.

— Их матери нет в живых. Она умерла, когда родилась Элиза. — Громадный указательный палец Стефана нежно потрогал крошечное личико девочки. — За ними присматривает бабушка, моя мать.

Грей выразил соболезнование, не слыша собственных слов из-за смятения мыслей.

Он так задумался, что, когда прибыл особый десерт княгини — сооружение из засахаренной малины, бисквитов и сливок, политое коньяком, — съел все подчистую, хотя малина вызывала у него крапивницу.

Его задумчивость не прошла и после ухода дам. Сев за карты, он стал играть наобум — и все-таки выигрывал, благодаря всегдашним капризам фортуны.

Быть может, он заблуждался и в знаках внимания, которые оказывал ему Стефан, не было ничего необычного — однако...

Однако такие, как он, мужчины не так уж редко женятся и заводят детей. Понятно, что фон Намцен, обладатель родового титула и поместий, желал иметь наследника, к которому все это перешло бы. Эта мысль успокоила Грея. Он, почесывая временами грудь или шею, стал обращать больше внимания на игру — и начал проигрывать.

Час спустя игра закончилась. Грей задержался немного, надеясь, что Стефан к нему подойдет, но тот был увлечен спором с одним из офицеров, и Грей, все еще почесываясь, отправился наверх.

Коридоры в этот вечер были ярко освещены, и он без труда нашел свой. Хорошо бы Том еще не лег — он раздобыл бы хозяину какое-нибудь снадобье от чесотки. Думая об этом, Грей услышал позади шорох ткани, обернулся и увидел княгиню.

Она снова была в ночном уборе, но теперь уже не в шерстяном, а в батистовом. Тончайшая материя довольно откровенно обрисовывала ее грудь. Грей подумал, что ей, должно быть, очень холодно, несмотря на вышитый пеньюар.

Чепчика на ней не было, и распущенные волосы спадали на плечи золотистыми волнами. Грею тоже стало холодновато, несмотря на коньяк.

— Милорд, — начала она и с улыбкой поправилась: — Джон. Я хотела вам кое-что подарить. — В руке она держала маленькую коробочку.

— Ваша светлость... — Он подавил желание попятиться. От нее сильно пахло туберозами — этот запах он особенно не любил.

— Меня зовут Луиза. — Она сделала еще один шаг к нему. — Почему бы вам не звать меня по имени — здесь, когда мы наедине?

— Да, разумеется. Как вам угодно, Луиза. — Боже, что она забрала себе в голову? С Греем, мужчиной видным, состоятельным, из знатной семьи, уже случалось подобное — но аристократки такого ранга привыкли получать то, что им хочется.

Он взял ее протянутую к нему руку будто бы для того, чтобы поцеловать — на деле он просто хотел удержать княгиню на расстоянии. Чего она, собственно, хочет? И зачем ей это нужно?

— Я даю вам это в знак моей благодарности, — сказала она, когда он поднял голову от ее унизанных кольцами пальцев, и вложила ему в руку свою коробочку. — И для защиты.

— Уверяю вас, сударыня, я не сделал ничего такого, чтобы заслужить вашу благодарность. — Неужели она убедила себя, что должна из благодарности переспать с ним, — убедила потому, что ей действительно этого хочется? А ей хотелось — об этом говорили Грею ее чуть расширенные голубые глаза, пылающие щеки, быстрое биение жилки на горле. Он нежно сжал ее пальцы и попытался вернуть подарок назад.

— Право, Луиза, я не могу этого принять — наверняка это одно из ваших фамильных сокровищ. — Коробочка в самом деле выглядела ценной. Ее вес предполагал, что она сделана либо из позолоченного свинца, либо из чистого золота, а вставленные в нее грубо обработанные кабошоны были, как опасался Грей, драгоценными камнями.

— Верно, — подтвердила княгиня. — Эта реликвия хранится в семье моего мужа несколько веков.

— Вот видите, я...

— Вы должны оставить ее у себя, — пылко возразила она. — Она защитит вас от злых чар.

— Вы хотите сказать, от...

— Der Nachtmahr. — Княгиня понизила голос и оглянулась через плечо, словно боясь увидеть в воздухе нечто страшное.

Nachtmahr. Ночной кошмар. По плечам Грея пробежала невольная дрожь. Несмотря на хорошее освещение, огоньки

свечей мигали от сквозняка, и тени, словно вода, струились по стенам.

На крышке ларчика виднелась надпись на латыни — такой древней, что смысл ускользал от Грея.

— Это мощи Святого Оргвальда. — Княгиня придвинулась еще ближе — будто бы для того, чтобы помочь ему разобрать.

— Э-э... вот как? Очень интересно. — Из всех папистских традиций этот их обычай разделывать своих святых на куски и рассылать части тела по всему свету был, пожалуй, наиболее предосудителен. Но откуда у княгини подобная вещь? Фон Ловенштейны — лютеране. Правда, эта вещица такая древняя, что служит скорее всего простым талисманом.

Княгиня была так близко, что запах ее духов бил Грею в нос. Как бы отделаться от этой женщины? Грей, видя всего в паре футов от себя дверь своей комнаты, испытывал сильное искушение шмыгнуть туда и запереть ее за собой.

— Вы защищаете меня и моего сына. — Она доверчиво смотрела на него сквозь золотые ресницы. — А я хочу защитить вас, дорогой Джон.

Она обвила его шею руками и снова прильнула к его губам в страстном поцелуе. Грей ответил из чистой вежливости, продолжая лихорадочно искать в уме какой-нибудь выход. Куда, к дьяволу, подевались слуги? Почему им никто не помешает?

Тут поблизости кто-то кашлянул, и Грей с облегчением разомкнул объятия. Облегчение, однако, длилось недолго — он увидел ландграфа фон Эрдберга, сумрачно глядящего на них из-под тяжелых бровей.

— Прошу прощения, ваша светлость, — ледяным тоном промолвил Стефан. — Я хотел поговорить с майором Греем и не знал, что он не один.

Княгиня вспыхнула, но не утратила самообладания. Запахнув пеньюар, она приняла гордую позу, благодаря которой ее обворожительная грудь предстала во всей красе.

— Ах, это вы, Эрдберг, — проронила она. — Не беспокойтесь, я ухожу. Отдаю майора в полное ваше распоряже-

ние. — С лукавой полуулыбкой, ничуть не таясь, она провела рукой по пылающей щеке Грея и величественно — черт бы побрал эту женщину! — удалилась по коридору, волоча за собой расшитый шлейф.

— Вы хотели поговорить со мной, капитан? — нарушил тягостное молчание Грей.

Фон Намцен смерил его взглядом, как бы решая, продолжать ли.

— Нет, — сказал он наконец. — Дело терпит. — И, повернувшись на каблуках, ушел, производя значительно больше шума, чем княгиня.

Грей взялся за лоб, убедился, что голова у него пока не лопнула, и нырнул в свою дверь, не дожидаясь новых приключений.

Том сидел у огня на табурете и чинил бриджи, разорвавшиеся по швам, когда Грей показывал сабельные удары одному из немецких офицеров. Если он и слышал что-то из происходившего в коридоре, то виду не показал.

— Что это у вас, милорд? — спросил он, увидев ларчик в руке Грея.

— Где? А, это. — Грей со смутным чувством отвращения поставил коробочку на стол. — Реликвия. Мощи Святого Оргвальда, кем бы он ни был.

— А, я его знаю!

— В самом деле? — Грей поднял бровь.

— Да, милорд. Тут в саду есть часовенка его имени. Ильзе — она на кухне служит — мне показывала. Он в этих краях славится.

— Вот как. — Грей скинул мундир и стал расстегивать жилет. — Чем же он так знаменит?

— Он запретил убивать детей. Помочь вам, милорд?

— Что? — Грей уставился на слугу. — Нет, не надо. Продолжай. Каких детей?

Волосы у Тома стояли дыбом — он имел привычку ерошить их, говоря о чем-нибудь для себя интересном.

— Был тут у них такой обычай, милорд: как, бывало, строят что-нибудь, так непременно купят ребенка у цыган — или

просто так заберут — да и замуруют в фундамент. Особенно если мост закладывали. Чтобы никакое зло по нему не прошло, понимаете?

Грей ощутил холод в затылке, и его пальцы, перебиравшие пуговицы, стали двигаться медленнее.

— Ребенок, с которым это проделывали, должно быть, кричал и плакал?

— Да, милорд, — удивился Том. — А как вы догадались?

— Не важно. Стало быть, Святой Оргвальд положил этому конец. Честь ему и хвала. — Теперь Грей уже добрее взглянул на золотой ларчик. — Ты говоришь, здесь есть часовня — и что же, в ней еще молятся?

— Нет, милорд. Хранят всякий хлам. То есть служб там нет, но люди все равно туда ходят. — Парень заметно покраснел и склонился над своей работой. Грей заключил, что Ильзе нашла еще одно применение заброшенной часовне, но не стал останавливаться на этом.

— Ясно. Что еще интересного тебе Ильзе рассказывала?

— Смотря что считать интересным, милорд. — Том по-прежнему не поднимал глаз, но Грей по прикушенной верхней губе видел, что у парня в запасе есть кое-что любопытное.

— В эту минуту меня больше всего интересует постель, — Грей освободился наконец от жилета, — но все равно расскажи.

— Вы, наверно, знаете, что няньку так и не нашли?

— Да, слышал.

— А известно вам, что она прозывалась Кёниг и была женой того гунна, которого суккуб уморил?

Грей упорно отучал Тома называть немцев «гуннами», по крайней мере в их присутствии, но сейчас пропустил это мимо ушей.

— Нет, я не знал. — Грей медленно развязал шейный платок. — А слуги, выходит, знали? — Грея больше занимало, знал ли об этом Стефан фон Намцен.

— Знали, милорд. — Том положил иглу и поднял глаза. — Солдат-то ведь тоже раньше работал тут, в замке.

— Когда работал? Он, значит, был здешний? — Солдаты часто промышляли тем, что работали на местных жителей в

свои вольные часы, но люди Стефана не пробыли здесь и месяца. И если нянька была замужем за тем человеком...

— Да, милорд. Они оба здешние. Он несколько лет назад записался в местный полк, а сюда приходил работать...

— Какую же работу он делал? — Грей не был уверен, имеет ли это отношение к кончине рядового Кёнига, но хотел добыть побольше сведений.

— Плотничал, милорд, — без запинки ответил Том. — Тут наверху дерево жучок источил, вот и надо было заменить кое-что.

— А ты хорошо осведомлен, я вижу. Немало, должно быть, времени провел в часовне с красоткой Ильзе.

Невинный взгляд, которым ответил ему Том, обличал грешника куда больше, чем откровенная ухмылка.

— Милорд?

— Нет, ничего. Продолжай. Когда его убили, он тоже работал здесь?

— Нет, милорд. Его два года не было — ушел со своим полком, а сюда он, говорят, заходил на той неделе просто так, повидаться с друзьями.

Грей со вздохом облегчения снял кальсоны.

— Господи Боже, что это за страна, в которой крахмалят подштанники! Поговорил бы ты с прачкой, Том.

— Виноват, милорд. — Том подобрал сброшенное Греем белье. — Я не знаю, как будет крахмал по-ихнему. Думал, что знаю, а они посмеялись.

— Ты, главное, Ильзе очень-то не смеши. Наградить служанку ребенком значило бы преступить законы гостеприимства.

— Нет, милорд, — с полной серьезностью заверил его Том. — У нас слишком много времени уходит на разговоры, ну и...

— Понятно, понятно. Что она еще говорила?

— Да так... — Том подал хозяину ночную сорочку, которую грел у огня. Теплая, мягкая фланель нежила кожу. — Сплетни всякие.

— Ммм?

— Один лакей, он давно уж тут служит... Кёниг, значит, зашел сюда в гости, а этот лакей и говорит после другому, Ильзе сама слышала: маленький Зигфрид, мол, стал вылитый Кёниг. А как увидел, что Ильзе их слышит, так сразу молчок.

Грей, собравшийся накинуть халат, замер на месте.

— Ну и ну.

Том скромно кивнул, довольный эффектом, который произвели его открытия.

— Это ведь княгинин муж там висит, над камином в гостиной? Ильзе мне показывала картину. Настоящий старый бобер, правда?

— Допустим, — слегка улыбнулся Грей. — И что же?

— У него ведь не было других детей, кроме Зигфрида, хотя он уже дважды был женат. А мастер Зигфрид родился полгода спустя после смерти старика. В таких случаях люди всегда судачат, верно ведь?

— Пожалуй. — Грей сунул ноги в домашние туфли. — Спасибо, Том. Ты молодчина.

Круглая физиономия Тома просияла вопреки скромно потупленному взору.

— Принести вам чаю, милорд? Или взбитых сливок с вином?

— Нет, не надо. Отправляйся спать. Ты заслужил отдых.

— Слушаюсь. — Том поклонился — его манеры стали значительно лучше под влиянием немецких слуг. Взяв снятую Греем одежду, он склонился над ларчиком на столе. — Красивая вещица, милорд. Мощи, вы говорите? Это значит, частица тела?

— Да. — Грей хотел было сказать Тому, чтобы он забрал шкатулку, но передумал. Это вещь, безусловно, ценная — пусть лучше останется здесь. — Палец руки или ноги, судя по величине.

Том наклонился еще ниже, разглядывая поблекшую надпись.

— А что тут написано, милорд? Вы можете это прочесть?

— Попробую. — Грей поднес шкатулку к свече. Буквы ожили, а с ними и рисунок, который до сих пор представлялся ему обыкновенным орнаментом. Надпись подтверждала нарисованное.

— Так ведь это ж... — поперхнулся Том.

— Да. — Грей поставил коробочку, и оба какое-то время молча глядели друг на друга.

— А... откуда у вас это, милорд? — наконец спросил Том.

— Княгиня подарила. Для защиты от суккуба.

— А-а-а... — Том, помявшись, искоса посмотрел на хозяина. — И вы думаете... это поможет?

— Гмм... Уж если фаллос Святого Оргвальда не поможет, тогда и вовсе надеяться не на что.

Оставшись один, Грей опустился в кресло у огня, закрыл глаза и попытался собраться с мыслями. Разговор с Томом помог ему немного отвлечься от княгини и Стефана. Теперь ему следовало бы поразмыслить о них, но из этого ничего не выходило.

Его поташнивало. Он налил себе из графина сливянки, и она успокоила его желудок, а заодно и разум.

Попивая наливку, Грей постарался сосредоточиться на менее интимных сторонах своего положения.

Открытия Тома представили вещи в новом и весьма интересном свете. Если Грей когда-либо верил в суккуба — а у него хватало честности припомнить некоторые моменты на кладбище и в коридорах замка, — то теперь он разуверился полностью.

Попытка похитить ребенка была, несомненно, делом рук человеческих, а обнаружившая связь между двумя Кёнигами — пропавшей нянькой и ее покойным мужем — ясно указывала на непосредственное отношение смерти рядового Кёнига к этому делу, как бы хитро ни была эта смерть обставлена.

Грей лишился отца в двенадцатилетнем возрасте, но тот успел передать сыновьям свою приверженность к философии здравого смысла. Помимо концепции бритвы Оккама* отец исповедовал также доктрину Cui bono — кому это выгодно?

Ответ напрашивался сам собой: княгине Луизе. Если предположить, что слухи верны и Кёниг действительно был от-

* Принцип английского философа Оккама (1285—1349) — «Не следует умножать сущности без необходимости», согласно которому все явления объясняются прежде всего естественными причинами. — *Примеч. пер.*

цом маленького Зигфрида, то возвращение Кёнига и толки, вызванные его сходством с мальчиком, для княгини были крайне нежелательны.

Грей не знал германских законов относительно отцовства. В Англии ребенок, рожденный в законном браке, считался отпрыском мужа, даже если каждая собака знала, что жена ему изменяет. Таким образом обзавелись детьми несколько знакомых Грею джентльменов, ни разу, как Грей доподлинно знал, не деливших ложе со своими супругами. Может быть, и Стефан тоже?..

Грей поймал эту мысль за шиворот и отшвырнул прочь. Мальчик, если миниатюра не лжет, — копия Стефана. Хотя живописец мог, конечно, придать желаемое сходство, чтобы угодить заказчику...

От выпитого залпом стакана у Грея захватило дух и зазвенело в ушах.

— Кёниг, — твердо сказал он вслух. Вне зависимости от достоверности слухов (Грей, поцеловавшись с княгиней, склонялся к мысли, что они достоверны; эта дама не из стыдливых фиалок) и от того, могло ли появление Кёнига лишить Зиги его законных прав, присутствие Кёнига здесь определенно не устраивало княгиню.

Настолько ли не устраивало, чтобы лишить его жизни?

Кёниг и так здесь бы не задержался. Через неделю или через месяц его полк покинул бы город. Быть может, случилось что-то, из-за чего Кёнига понадобилось убрать незамедлительно? Возможно, Кёниг сам не знал, чей сын Зигфрид, — но затем, побывав в замке и увидев, как мальчик похож на него, стал вымогать у княгини деньги или услуги?

И наконец, чтобы замкнуть круг — не была ли вся история с суккубом выдумана для того, чтобы прикрыть убийство Кёнига? Если да, то откуда она пошла? Эта басня завладела воображением и военных, и горожан, а после смерти Кёнига посеяла в городе настоящую панику — но что послужило ее источником?

Грей временно отставил этот вопрос, поскольку найти рациональный ответ на него не представлялось возможным. Что же до смерти солдата...

Он мог без особого труда допустить, что к ней причастна княгиня Луиза: он уже замечал, что женщины не ведают милосердия, когда что-то грозит их детям. Но не могла же княгиня явиться к Кёнигу на квартиру и умертвить его собственными лилейными ручками!

Кто же в таком случае это сделал? Скорее всего человек, глубоко преданный княгине. И не обязательно из замка, если подумать как следует. Гундвиц не столь велик и порочен, как Лондон, но и здесь могут быть свои темные личности, способные в крайнем случае и на убийство — если это действительно было убийство, напомнил себе Грей. Нельзя терять из виду и другую гипотезу.

И еще. Если убийцу к Кёнигу послала княгиня и она же пустила слух о суккубе, что за ведьма в таком случае побывала в комнате Зиги? В самом ли деле кто-то пытался похитить ребенка? Рядовой Кёниг к этому времени был уже мертв — стало быть, он вне подозрений.

Грей запустил руку в волосы и потер голову, чтобы лучше думалось.

Что за человек мог быть предан княгине до такой степени? Ее дворецкий? Стефан?

Грей сморщился, однако додумал эту мысль до конца. Нет. Стефан ни при каких обстоятельствах не пошел бы на убийство одного из своих людей. Грей мог сомневаться во многом относительно ландграфа фон Эрдберга, но только не в его чести.

Это вернуло Грея к тому, как княгиня вела себя с ним самим. Только ли увлечение руководило ею? Грей при всей своей скромности не мог не признать, что он не лишен обаяния и нравится женщинам — но если княгиня действительно приложила руку к убийству, она, возможно, обольщала его для отвода глаз. Могла быть также и другая причина...

Одно из следствий Оккамова принципа, выведенное самим Греем, гласило, что зачастую результат какого-либо действия является также и целью этого действия.

Результатом встречи в коридоре явилось то, что Стефан фон Намцен застал его в объятиях княгини и был значительно раздражен этим открытием.

Быть может, Луиза попросту хотела заставить Стефана ее ревновать?

И если Стефан в самом деле приревновал, то кого?

В комнате сделалось невыносимо душно, и Грей подошел к окну, чтобы отпереть ставни. Полная желтая луна стояла низко над темными полями, освещая грифельные крыши Гундвица и палатки британского лагеря.

Крепко ли спят в эту ночь солдаты Рюсдейла, измотанные трудным маршем? Грею, пожалуй, самому не помешало бы пробежаться с полной выкладкой. Он толкнул раму, представив себе, как бежит в ночи, нагой и тихий, словно волк, зарываясь ногами в мягкую землю.

Холодный воздух охватил его и поднял дыбом все волоски на теле, но внутреннего жара не остудил. Огонь и наливка сделали свое дело. Фланель, чье тепло еще недавно казалось Грею таким приятным, липла к нему.

Он сорвал с себя рубашку и стал у окна, подставив холоду обнаженное тело.

Рядом, в плюще, зашуршало, и какая-то фигура — несколько фигур — в полном безмолвии промелькнули так близко от его лица, что он не успел даже отшатнуться. Сердце подступило к горлу, задушив невольный крик.

Это были летучие мыши. Они исчезли мгновенно, задолго до того, как потрясенный ум вспомнил их название.

Грей высунулся наружу, но ничего не увидел — ночные охотники растворились во тьме. Неудивительно, что в местах, где водятся летучие мыши, верят в сказки о суккубах. В этих созданиях и правда есть нечто потустороннее.

Уютная комната показалась вдруг Грею невыносимо тесной. Он вообразил себя летучим демоном, который вторгается в сны человека и мчится, оседлав тело спящего. Хватило бы ему ночи, чтобы долететь до Англии?

Ветер качал деревья в саду, и сама ночь казалась по-осеннему неспокойной — что-то бродило в ней, менялось, перемещалось.

Бурлящая кровь Грея достигла точки кипения, которому не было выхода. Он не знал, кем вызван гнев Стефана — им самим или Луизой. В любом случае открыто проявлять свои

чувства к фон Намцену стало теперь опасно. Неизвестно, как в Германии относятся к содомитам — но вряд ли более терпимо, чем в Англии. Ни строгая протестантская мораль, ни ярый католический мистицизм — Грей бросил быстрый взгляд на шкатулку с реликвией — не проявляют сочувствия к подобным склонностям.

Размышления обо всем этом, однако, помогли Грею разобраться в собственных чувствах.

Стефан фон Намцен привлекал и возбуждал его не столько благодаря своим бесспорным физическим достоинствам, сколько из-за своего сходства с Джеймсом Фрэзером.

Оба они примерно того же роста, широкоплечие, длинноногие, одним лишь присутствием подчиняющие себе всех вокруг. Стефан при этом тяжелее, более грубого сложения и менее грациозен, чем шотландец. Немец, будоража кровь Грея, не зажигал сердца — в этом Грей себя не обманывал.

В конце концов Грей улегся в постель и задул свечу. Глядя на отблески камина, он видел не игру огня на стенах, а солнце на рыжих волосах и бронзовое, блестящее от пота тело...

Хорошая доза средства мистера Кигена вычерпала его, хотя и не успокоила. Во всяком случае, он снова обрел способность мыслить и лежал, следя, как движутся тени по резному деревянному потолку.

Постепенно он пришел к единственно верному выводу: надо срочно поговорить с кем-нибудь, кто видел тело мертвого Кёнига.

Глава 6

Фокус-покус

Найти последнее место жительства рядового Кёнига труда не составило. Пруссаки, привычные к солдатским постоям, благоразумно отводили в своих домах отдельные помещения для этой цели. Постой среди местных жителей счи-

тался скорее удачей, нежели бедствием: солдаты не только платили за стол и кров, но и часто помогали по дому, носили воду, дрова, а от воров защищали лучше сторожевой собаки, которую к тому же и кормить надо.

Записи Стефана отличались безупречной точностью — любого из своих солдат он мог отыскать мгновенно. С Греем он держал себя крайне холодно, но просьбу его выполнил, не задавая вопросов, и назвал ему дом в западной части города.

Фон Намцен, правда, поколебался немного, явно думая о том, не следует ли и ему пойти вместе с Греем, но тут явился капрал Гельвиг с очередным затруднением — за день их набиралось около трех, — и Грей оказался предоставлен самому себе.

Дом, где квартировал Кёниг, ничем особенным не выделялся, насколько мог судить Грей, — зато его хозяин сразу бросался в глаза, поскольку был карликом.

— Бедняга, бедняга! В жизни столько крови не видел!

Ростом герр Гукель доходил до пояса Грею, для которого было внове так возвышаться над взрослым собеседником. При этом он был умен и говорил связно, что Грею тоже встречалось не часто: свидетели преступления обычно теряют последний разум и либо не помнят подробностей, либо невесть что выдумывают.

Хозяин охотно проводил Грея в комнату, где все произошло, и рассказал о том, что видел собственными глазами.

— Час был поздний, и мы с женой уже улеглись. Солдат дома не было — то есть это мы так полагали. — Солдаты как раз получили жалованье и спешили потратить его в тавернах или борделях. В комнате у них было тихо, поэтому Гукели решили, что все четверо их постояльцев ушли веселиться.

Под утро почтенную чету, однако, разбудили ужасные вопли из комнаты солдат. Испускал эти звуки не Кёниг, а один из его товарищей, который явился навеселе и ступил прямо в лужу крови.

— Вот так он лежал. — Герр Гукель показал руками положение тела. Теперь здесь не осталось почти никаких следов, кроме темных пятен на половицах.

— Даже щелок их не берет, — пожаловалась фрау Гукель, вошедшая вслед за ними. — А постель пришлось сжечь.

Она, к удивлению Грея, была не только нормального роста, но и очень миловидная. Из-под чепчика выбивались мягкие золотистые волосы.

— Солдаты не хотят больше у нас жить, — сказала она сердито, точно в этом был виноват Грей. — Боятся, что Nachtmahr и их заберет!

— Сожалею, сударыня, — сказал Грей с поклоном, признавая свою вину. — Скажите, вы видели тело?

— Нет, зато ведьму видела.

— В самом деле? И... как же она выглядела? — Грей опасался, что она ответит «как все ведьмы», по примеру маленького Зиги.

— Полно тебе, Маргарита. — Гукель взял жену за локоть. — Может быть, это еще и не...

— А я говорю, что видела! — Она снова нахмурилась, но мужниной руки не стряхнула, а накрыла ее своей. — Это была старуха, мой господин, с заплетенными в косы белыми волосами. Шаль у нее с головы сдуло ветром, и я увидела. У нас тут поблизости живут две старушки, но одна из них ходит с палочкой, а другая вовсе не ходит. Та была хоть и сгорбленная, да на ногу легкая.

Гукель, которому делалось все больше не по себе, открыл было рот, но ему и слова не дали вставить.

— Я уверена: это была старая Агата! — драматическим шепотом поведала фрау Гукель, и муж ее в отчаянии зажмурился.

— Агата? — повторил Грей. — Вы имеете в виду фрау Бломберг — покойную мать бургомистра?

Фрау Гукель кивнула с торжественно-серьезным лицом.

— С этим нужно что-то делать. По ночам все боятся — и выходить на улицу, и дома сидеть. Мужчины, которых жены не хотят сторожить во сне, засыпают за работой и за едой...

Грей умолчал стыдливо о средстве мистера Кигена и попросил Гукеля описать ему во всех подробностях мертвое тело.

— Мне сказали, что на горле у него остались следы, как будто от звериных зубов. — Герр Гукель при этих словах побледнел и сделал хранящий знак, однако кивнул. — Оно было растерзано так, словно на него напал волк, или...

Гукель затряс головой:

— Нет-нет. Всего две отметины, две дырочки, точно от укуса змеи. — Для наглядности он приставил два пальца к собственной шее. — Но крови-то, крови! — Он содрогнулся и отвел взгляд от темных пятен на полу.

Грей в юности видел, как человека укусила змея, но там, насколько он помнил, крови не было. Тот человек, правда, получил укус в ногу.

— И большие были дырки? — спросил он. Ему не хотелось возвращать Гукеля к неприятным воспоминаниям, однако он твердо решил разузнать как можно больше.

С некоторым трудом он установил, что отверстия были порядочные, около четверти дюйма диаметром, и располагались на середине горла Кёнига. Узнал он также, что на теле, когда его обряжали для похорон, других ран не нашли.

Сквозь свежую побелку на стенах в одном месте (у пола тоже) проглядывало пятно — там, вероятно, Кёниг бился в предсмертных судорогах.

Грей надеялся, что описание тела поможет ему как-то связать две смерти — но пока что Кёнига и Боджера объединяло лишь то, что оба они умерли при необъяснимых обстоятельствах.

Он поблагодарил Гукелей и собрался уйти, но тут сообразил, что фрау Гукель говорит что-то весьма интересное.

— ...колдунью, чтобы бросила руны.

— Виноват, сударыня, не расслышал?

Она тяжко вздохнула, однако повторила все с самого начала.

— Герр Бломберг позовет колдунью, чтобы бросила руны, и тогда мы узнаем всю правду.

— Что-что? — недоверчиво прищурился сэр Питер. — Какие еще колдуньи?

— Колдунья, насколько я понял, будет только одна, сэр. — События в Гундвице, если верить фрау Гукель, развивались бурно. Слух о том, что покойная матушка герра Бломберга приютила в своем теле суккуба, гулял по всему городу, и маленький бургомистр из последних сил сопротивлялся общественному мнению.

Он, однако, был человек упорный и чтил память своей матери, а потому решительно отказывался выкопать гроб и отдать ее тело на поругание.

В отчаянии он принял решение во что бы то ни стало изобличить подлинного суккуба и узнать, где тот прячется. Для этого и приглашалась колдунья.

— А руны — это что? — спрашивал сэр Питер.

— Право, не знаю, сэр. Думаю, принадлежности для гадания.

— В самом деле? — Сэр Питер задумчиво потер свой длинный и тонкий нос. — Не слишком надежный способ, а? Колдунья ведь может сказать, что ей вздумается?

— Думаю, герр Бломберг надеется, что, если он заплатит за... за церемонию, то она скажет нечто благоприятное для него, — предположил Грей.

— Гмм... Все равно мне это не нравится. Совсем не нравится. Это чревато неприятностями... вы ведь понимаете, Грей.

— Не думаю, что вы сможете остановить его, сэр.

— Да, пожалуй. — Брови сэра Питера от усиленных размышлений взлетели под самый парик. — Вот что, Грей — ступайте и скажите герру Бломбергу: пусть, так и быть, устраивает свой фокус-покус, но только здесь, в замке. Так мы хотя бы избежим ненужных волнений.

— Да, сэр. — Грей мужественно подавил вздох и отправился выполнять поручение.

Раздеваясь перед сном у себя в комнате, Грей чувствовал себя грязным, раздраженным и совершенно выбитым из колеи. Чуть ли не полдня он разыскивал герра Бломберга, а затем убеждал его, что гадание (Боже правый!) должно непременно состояться в замке. После этого его угораздило на-

ткнуться на надоеду Гельвига, и тот втянул Грея в длиннейшее разбирательство с погонщиками мулов, которым будто бы не заплатили вовремя.

Это повлекло за собой визиты в оба военных лагеря, осмотр тридцати четырех мулов и встречи с казначеями как сэра Питера, так и фон Намцена. Завершилось все холодной беседой с самим Стефаном, который вел себя так, словно бы Грей лично отвечал за это недоразумение, и повернулся к нему спиной на полуслове, будто видеть его не мог.

Грей сбросил мундир, послал Тома за горячей водой и сдернул галстук, испытывая сильное желание прибить кого-нибудь.

Стук в дверь заставил его замереть. Что делать? Если это Луиза в своем прозрачном батисте или в чем-то еще более опасном, лучше притвориться, что его нет. Но вдруг это Стефан, пришедший просить прощения или требовать от него объяснений?

Стук раздался снова — громкий и настойчивый. Вряд ли женщина, особенно преследующая фривольные цели, стала бы так стучать. Она скорее поскреблась бы чуть слышно.

Грей, набрав воздуха и стараясь унять расходившееся сердце, распахнул дверь.

— Я хочу поговорить с вами, — сказала старая княгиня и вошла, не дожидаясь приглашения.

— О-о. — Все немецкие слова вылетели у Грея из головы. Он закрыл дверь, машинально застегивая рубашку.

Старая дама, не обращая внимания на предложенный стул, встала у камина и устремила на Грея стальной взгляд. Грей с облегчением отметил, что она по крайней мере одета полностью. Вида почтенной вдовицы в дезабилье он бы не вынес.

— Я пришла спросить, — начала она без предисловий, — намерены ли вы жениться на Луизе.

— Нет. — Знание немецкого вернулось к Грею с чудодейственной быстротой. — Nein.

Седая бровь вопросительно поднялась.

— Вот как? Она думает иначе.

Грей провел рукой по лицу, подыскивая дипломатический ответ — и нашел его, уколовшись о собственную щетину.

— Княгиня Луиза бесконечно восхищает меня. Мало найдется женщин, равных ей... — «И слава Богу», — добавил он про себя, — ...но боюсь, что я не свободен. Мое сердце осталось в Англии. — Если бы он попытался открыть свое сердце Джеймсу Фрэзеру, тот немедленно свернул бы ему шею, но сердце Грея тем не менее оставалось с ним — что верно, то верно.

Взгляд старой дамы пронизывал его так, что ему невольно захотелось отойти подальше. Однако он устоял, и его собственный взгляд выражал полную искренность.

— Хммф! — фыркнула наконец она. — Ну что ж, хорошо.

Произнеся это, она направилась к двери, но Грей удержал ее за руку.

Она повернула к нему голову, удивленная и разгневанная, но он смотрел лишь на то, что внезапно бросилось ему в глаза у нее на платье.

— Простите, ваша светлость. — Образок, который она носила как брошь, он видел раз сто и предполагал, что на нем изображен какой-то святой. Изображение там действительно имелось, но не совсем традиционное. — Святой Оргвальд, не так ли? — Он мог бы легко принять это изображение за что-то другое, если бы не видел более крупную его версию на крышке шкатулки.

— Разумеется. — Старая дама сверкнула глазами, тряхнула головой и вышла, захлопнув за собой дверь.

Грей впервые подумал о том, что Оргвальд святым явно не родился. С этой мыслью он улегся в постель, рассеянно почесываясь, — после общения с мулами он набрался блох.

Глава 7

Неравный бой

Следующий день выдался холодный и ветреный. Грей проезжая мимо, видел, как жмутся в кустах у дороги фазаны На жнивье сидели, нахохлившись, вороны, на грифельны

крышах — голуби. Все эти птицы, хотя и слыли безмозглыми, вели себя более разумно, чем он.

У птиц нет обязанностей — впрочем, и Грей этим холодным утром отправился в путь не из одного чувства долга. Отчасти им руководило любопытство, отчасти подозрение. Он хотел отыскать цыган — в частности, ту цыганку, которая поссорилась с рядовым Боджером незадолго до смерти последнего.

Будь Грей честен до конца — а наедине с собой он мог себе это позволить, — у него нашлась бы еще одна причина. Будет только естественно, если он остановится у моста, перемолвится парой слов с артиллеристами — и, возможно, посмотрит, как там поживает мальчик с пухлыми губками.

Все эти причины, однако, перевешивала одна, самая главная: Грей попросту хотел уехать из замка. Он не чувствовал себя в безопасности под одним кровом с княгиней Луизой, не говоря уж о ее свекрови. В свою городскую канцелярию он тоже не решался пойти, боясь встретить там Стефана.

Ситуация как нельзя больше напоминала фарс, и все же он никак не мог избавиться от мыслей о Стефане.

Не обманывался ли он относительно влечения, которое Стефан будто бы питал к нему? Тщеславие свойственно человеку, но он мог бы поклясться... мысль Грея описывала один и тот же утомительный круг, и каждый раз, возвращаясь к исходной точке, он вспоминал, как тепло и властно поцеловал его Стефан. Нет, это ему не пригрезилось. И все же...

Скованный этим неотвязным кольцом, Грей доехал до моста — и узнал, что молодого солдата нет в лагере.

— Франц? На фуражировку ушел, должно быть, — пожал плечами ганноверский лейтенант. — Или соскучился по дому да и сбежал. У молодых это дело обычное.

— Напугался он, — вмешался в разговор один из солдат.

— Напугался чего? — резко спросил Грей. Уж не дошел ли до моста, вопреки всему, слух о суккубе?

— Он своей тени, и той боялся, — скорчил гримасу солдат (Грей вспомнил, что его зовут Самсоном). — Что ни ночь, так чудится ему детский плач.

— Ты его, помнится, тоже слышал, — не слишком дружелюбно заметил лейтенант. — В ту ночь, когда была буря.

— Я? Ничего я не слышал, кроме Францева писка. — Самсон хохотнул, и от этого смеха сердце Грея ушло в сапоги. Слишком поздно, подумал он. — Да еще грома, — дерзко добавил Самсон, перехватив его взгляд.

— Парень убежал домой, это ясно, — заключил лейтенант. — Пусть его — нам здесь трусы не нужны.

За его уверенным тоном Грей расслышал легкое беспокойство, но тут уж ничего поделать было нельзя. Эти люди не подчинялись ему, и он не мог послать их на поиски.

Проезжая через мост, он, однако, невольно посматривал вниз. Вода сошла совсем ненамного, и поток по-прежнему несся, кружа опавшие листья и какие-то полузатопленные предметы. Грей не хотел останавливаться, поскольку это могли заметить, и все же смотрел, наполовину ожидая увидеть хрупкое тело, разбившееся о камни, или слепые глаза утопленника из-под воды.

Но не увидел ничего, кроме обычного речного мусора, и с легким чувством облегчения поехал дальше, к холмам.

Он знал только то, что цыганские кибитки в последний раз проехали куда-то в ту сторону. Найти их представлялось делом сомнительным, но он искал упорно, порой оглядывая местность в подзорную трубу — не покажется ли где дым?

Дымы попадались, но все они, как оказывалось потом, исходили из хижин крестьян или угольщиков. Крестьяне при виде его красного мундира либо прятались, либо осеняли себя крестом. Цыган они, судя по их словам, видом не видывали и даже не слыхали о них.

Солнце уже спускалось с небосклона, и Грей понял, что надо поворачивать назад, иначе ночь застанет его под открытым небом. В седельной сумке у него лежали бутылка с пивом, трут и огниво, но съестного не было ничего, и бивак на этой пустоши вовсе его не прельщал, особенно при мысли, что французы стоят всего в нескольких милях к западу. У лягушатников, как и у англичан, есть разведчики, а у него с собой только пара пистолетов, порядком зазубренная кавалерийская сабля и кинжал.

Не желая рисковать ногами Каролюса на зыбкой почве, он на этот раз взял другого коня, гнедого — тот звался попросту Боровком, но был хорошо вышколен и тверд на ногу. Полагаясь на него, Грей напоследок, усталым от постоянного напряжения взглядом, посмотрел вокруг. Деревья на холмах качались от ветра, и ему мерещились среди них люди, животные, крытые повозки — показывались и опять пропадали.

Непрестанный вой ветра прибавлял к зрительным миражам слуховые. Грей потер онемевшее от холода лицо — ему тоже почудился призрачный плач Францева ребенка. Он потряс головой, отгоняя наваждение, но оно не прошло.

Он остановил Боровка и стал прислушиваться. Он был уверен, что слышал — но что? Звук не поддавался определению и шел непонятно откуда. Конь тоже услышал его и запрядал ушами.

— Ну, где это? — тихо спросил Грей, опустив поводья гнедому на шею. — Можешь найти?

Боровку, похоже, хотелось не искать, а убраться подальше. Он пятился, взрывая ногами песчаный грунт и раскидывая мокрые желтые листья. Грей осадил его, слез и привязал коня к голому деревцу.

Теперь он разглядел то, чего не заметил раньше: барсучью нору под корнями большого вяза. Загадочный звук шел оттуда, и Грей в жизни не слышал, чтобы барсук так верещал!

Достав пистолет и не сводя глаз с ближних деревьев, он двинулся к норе.

Там внутри определенно кто-то плакал, но не ребенок: глухие рыдания перемежались судорожными вздохами, которые часто издают раненые.

— Wer ist da? — Грей наставил пистолет на темное устье норы. — Вы ранены?

В норе удивленно ахнули и зашебуршились.

— Майор Грей? Это вы?

— Франц? — с неменьшим изумлением воскликнул Грей.

— Ja, майор! Пожалуйста, помогите мне!

Грей, сунув пистолет за пояс, стал на колени и заглянул в яму. Барсучьи норы обычно уходят футов на шесть вниз, а

потом ход поворачивает к логову, где зверь и живет. Эта не была исключением: перемазанное слезами и грязью лицо солдатика виднелось на добрый фут ниже устья.

Мальчик, провалившись туда, сломал ногу, и выудить его наверх было не так-то легко. Грей для этой цели связал вместе две рубашки, свою и Франца, и прикрепил их к седлу Боровка.

В конце концов он уложил парня на землю, укрыл своим мундиром и напоил пивом из бутылки.

Франц кашлял и сплевывал, пытаясь приподняться на локте.

— Тише. Не надо ничего говорить. — Грей потрепал мальчика по плечу, думая, как бы доставить его назад к мосту. — Все будет...

— Красные мундиры, герр майор! Die Englander!

— Что? О чем это ты?

— Мертвые англичане. Ребенок плакал, и я стал копать, а там... — Франц вел свой бессвязный рассказ на прусском диалекте, и Грей долго добивался, чтобы тот говорил помедленнее.

Францу, как он понял, все время чудился плач у моста, но другие либо ничего не слышали, либо притворялись, что не слышат, и безжалостно высмеивали его. Франц наконец решил сам доискаться, откуда идет этот звук — может, просто ветер воет в какой-нибудь щели, как думал его приятель Самсон.

— Но это был не ветер. — На лице Франца, все еще до прозрачности бледном, проступили пятна лихорадочного румянца. Осматривая основание моста, он нашел трещину в одной из опор на том берегу. Предполагая, что плач слышится как раз оттуда, он просунул в трещину штык и отковырнул камень. В кладке обнаружилась полость, а в ней — маленький, очень белый череп.

— Там и другие кости были, да я не стал смотреть. — Франц в панике пустился бежать. Наконец, когда дыхание и ноги отказали ему, он сел и стал думать, что делать дальше.

— За побег меня больше одного раза все равно не побили бы, — с тенью улыбки сказал он, — и я решил, что погожу возвращаться.

Орешник, росший поблизости, подкрепил это решение, и Франц двинулся дальше в холмы, собирая орехи и ежевику — Грей заметил, что губы у парня до сих пор синие.

От этого мирного занятия его оторвали ружейные залпы. Франц распластался на земле и прополз немного вперед, до маленького скального выступа. В ложбине под ним английские солдаты вели жестокий бой с австрияками.

— Австрияки? Ты в этом уверен? — удивился Грей.

— Я знаю, какие из себя австрияки, — с легкой обидой заверил Франц. Зная также, на что они способны, он отполз назад и во всю прыть припустил в обратную сторону, но на беду угодил в барсучью нору.

— Тебе еще повезло, что барсука дома не оказалось. — Грей лязгал зубами — обрывки рубашки плохо защищали от холода. — Но ты сказал «мертвые англичане».

— Их, наверно, всех перебили. Я не видал.

Но Грей должен был посмотреть. Забросав мальчика сверху опавшими листьями, он сел на коня и поехал в указанную Францем сторону.

Ехал он осторожно, опасаясь австрияков, и до той ложбины добрался уже на закате.

По мундирам он сразу узнал Дандиса и его топографическую команду. Выругавшись вполголоса, Грей соскочил с коня и стал перебегать от одного тела к другому, вопреки надежде прикладывая пальцы к холодеющим лбам и шеям.

Двое, Дандис и капрал, были еще живы. Капрал, тяжело раненный, лежал без сознания. Дандиса ударили прикладом по голове и пронзили ему штыком грудь, но рана, к счастью, запеклась и не кровоточила. Лейтенант сильно страдал, однако смерть ему пока не грозила.

— Несколько сотен... этих ублюдков, — прохрипел он, сжав руку Грея. — Целый батальон... с ружьями. Они шли... к французам. Фэншо... он крался за ними. Шпионил. Подслушивал. Проклятый сук... сук... — Он закашлялся и сплюнул кровью, но говорить ему стало легче. — Все это нарочно придумано. Шлюхи работали на них. Давали парням опи-

ум. Отсюда сны. Паника. — Лейтенант приподнялся, стараясь выговаривать четче, чтобы Грей понял.

Тот понял его как нельзя лучше. Однажды доктор дал Грею опиум, он хорошо помнил дикие эротические сновидения, посетившие его после этого. Если подсунуть это снадобье людям, которые даже не слышали никогда про опиум, и одновременно пустить слух о демоне, терзающем мужчин во сне... Особенно когда у демона есть сообщница из плоти и крови, оставляющая следы, способные убедить мужчину, что ночью к нему приходил суккуб.

Трудно придумать план умнее, чтобы деморализовать противника перед атакой. Лишь это и давало Грею некоторую надежду. Он укрыл лейтенанта мундирами, снятыми с убитых, подтащил к нему капрала, чтобы они согревали друг друга, и напоил его водой из фляги, найденной в чьем-то ранце.

Если бы сводные силы французов и австрияков были значительны, они не прибегали бы к такого рода уловкам, а просто смяли бы англичан и их германских союзников. А вот если силы примерно равны и к тому же вам предстоит переправиться через узкий мост, тогда желательно, чтобы вражеские солдаты не спали несколько ночей, а у офицеров, занятых только ими, поубавилось бдительности.

Все ясно как день. Рюсдейл следит за французами, а те сидят себе на утесах и шевелятся разве для того, чтобы отвлечь врага от идущих на соединение австрияков. Затем австрияки, скорее всего ночью, захватывают мост, а французы движутся следом за ними.

Дандис дрожал, зажмурившись и прикусив от боли губу.

— Кристофер, вы меня слышите? Кристофер! Где Фэншо? — Грей не знал по именам людей Дандиса. Если Фэншо взяли в плен, то... — Но Дандис показал на один из трупов, лежащий с раздробленной головой.

— Ступайте. — Лицо Дандиса стало серым — не только из-за меркнущего света. — Предупредите сэра Питера. — Он положил дрожащую руку на бесчувственное тело капрала. — Мы подождем.

Глава 8

Колдунья

Грей далеко не сразу понял, что смотрит на своего слугу — и до сих пор не понимал, зачем он это делает.

— Что-что? — сказал он.

— Я говорю — выпейте это, милорд, не то вы с ног свалитесь, а это нам ни к чему, ведь верно?

— Ни к чему? Да. Конечно. — Грей взял чашку и с запозданием добавил: — Спасибо, Том. Что это?

— Я вам уже два раза сказал и больше язык не стану ломать. Ильзе говорит, это придаст вам сил, вот и все. — Том нагнулся и с показным удовольствием понюхал жидкость, коричневую и пенистую — должно быть, в нее добавили яйца.

Грей по примеру Тома тоже понюхал и весь передернулся от пронизывающе-резкого запаха. Нашатырь, что ли? Спиртного, во всяком случае, там тоже хватает, а он и в самом деле едва держится на ногах. Грей напряг брюшные мускулы и залпом проглотил снадобье.

Он не спал почти двое суток, и окружающий мир то расплывался, то вновь обретал четкость, как в подзорной трубе. Время от времени он также переставал слышать, что ему говорят — а это, как верно заметил Том, никуда не годилось.

В предыдущую ночь он водрузил Франца на коня — шуму, надо сказать, было много, поскольку тот прежде ни разу не ездил верхом — и отвез его к Дандису. Вручив парню кинжал, он наказал ему охранять Дандиса и капрала, который то приходил в себя, то снова терял сознание.

Вернув себе свой мундир, Грей во весь опор при свете ущербной луны поскакал назад. Дважды Боровок спотыкался, и Грей вылетал из седла. Падения тяжело сказывались на его костях и почках, но в целом он отделался счастливо.

Подняв тревогу на батарее, он помчался к Рюсдейлу, поднял весь лагерь на ноги, пробился к полковнику, несмотря на все попытки ему помешать, сколотил спасательную партию и поехал за ранеными. Когда они прибыли на место, уже по-

чти рассвело. Капрал к этому времени скончался, а Дандис был еле жив и лежал головой на коленях Франца.

Капитан Хилтерн, разумеется, отправил гонца к сэру Питеру в замок, но Грей, вернувшись туда в полдень, счел необходимым лично доложить обо всем ему и фон Намцену. После этого солдаты и офицеры роем повалили из города. Военная машина, скрипучая и неповоротливая, как всегда, на этот раз заработала с поразительной быстротой.

К закату следующего дня Грей остался в замке один, разбитый телом и духом. Надобность в офицере связи отпала — курьеры сновали между полками, передавая приказы. Долг исполнен. Некем больше командовать, некому повиноваться.

Утром он собирался выехать вместе с личной свитой сэра Питера, но сейчас он никому не был нужен. Все занимались своим делом, забыв о Грее.

Он чувствовал себя странно — не то чтобы плохо, просто окружавшие его люди и вещи казались не совсем реальными, не совсем твердыми на ощупь. Он понимал, что ему надо поспать, но не мог: этому мешали разжиженный мир и какое-то нетерпение, вызывавшее у него кожный зуд, но не проникавшее в глубину сознания.

Том что-то говорил ему. Грей сделал над собой усилие и вслушался.

— Колдунья, — повторил он с новым усилием — осознания сказанного. — Ты хочешь сказать, что герр Бломберг по-прежнему намерен провести этот свой... обряд?

— Да, милорд. — Том, хмурясь, отчищал с хозяйского мундира смолу смоченной в уксусе тряпицей. — Ильзе говорит, он не успокоится, пока не обелит имя своей матери, и никакие австрияки его не остановят.

Пелена усталости лопнула, точно мыльный пузырь, и мысли Грея обрели ясность.

— Боже, ведь он ничего не знает!

— О чем, милорд?

— О суккубе. Я должен сказать ему... объяснить. — Сказав это, Грей понял, что его рассказ вряд ли поможет делу. Открытая им правда хороша для сэра Питера и полковника

Рюсдейла, но горожанам крепко не понравится, что их так провели, да еще кто — австрияки!

Грей отдавал себе отчет в том, что сплетен и страшных сказок никакими объяснениями одолеть нельзя, особенно если эти объяснения даны через герра Бломберга, явно заинтересованное лицо.

Даже Том смотрел на Грея с сомнением, пока тот излагал суть дела. «Суеверие и сенсация всегда привлекательнее правды и здравого смысла». Эти слова до сих пор звучали у Грея в ушах с той самой юмористически-грустной интонацией, с которой их произнес когда-то отец.

Он энергично потер лицо, чувствуя, что возвращается к жизни. Пожалуй, у него, как у представителя британских войск, осталась еще одна задача.

— Эта женщина, Том, та, которая будет бросать эти самые руны, — не знаешь ли ты, где ее найти?

— Она тут, милорд, в замке. — Том в приливе интереса отложил свою тряпку. — Заперта в кладовой.

— В кладовой? Зачем?

— Там в двери хороший замок, милорд, и слуги не могут... а, вы спрашиваете, зачем ее заперли? Ильзе говорит, она не хотела идти, упиралась. Но герр Бломберг настоял на своем. Ее притащили сюда силой и заперли до самого вечера. Ильзе говорит, он хочет собрать здесь весь городской совет, или магистрат, или как там это у них называется.

— Проводи-ка меня к ней.

Том раскрыл рот, закрыл его снова и окинул Грея придирчивым взглядом.

— Только не в таком виде. Вы даже не побрились еще.

— Именно в таком. — Грей заправил рубашку в бриджи. — Веди.

Кладовая для дичи действительно была заперта, но Ильзе, как Грей и предполагал, знала, где хранится ключ, и не могла устоять против чар Тома. Кладовая помещалась за кухней, и они без труда прошли туда незамеченными.

— Дальше не ходи, Том, — вполголоса сказал Грей. — Дай мне ключ. Если кто-то меня там застанет, я скажу, что сам его взял.

Том, вооружившийся вилкой для поджаривания хлеба, зажал ключ в другой руке и упрямо потряс головой.

Дверь на кожаных петлях отворилась бесшумно. Пленнице оставили свечу. Туши лебедей, фазанов, гусей и уток бросали на стены фантастические тени.

Питье взбодрило Грея как телесно, так и духовно, но одолевавшее его чувство нереальности не совсем прошло. Поэтому он без особого удивления узнал в повернувшейся к нему женщине цыганку, которая повздорила с рядовым Боджером незадолго до его смерти.

Она, видимо, тоже узнала Грея, хотя ничего не сказала на этот счет. Смерив его презрительным взглядом, она отвернулась и вступила в безмолвное общение с кабаньей головой на фарфоровом блюде.

— Сударыня, — произнес Грей тихо, словно боясь вспугнуть битую птицу, — мне нужно поговорить с вами.

Она промолчала, с подчеркнутым упрямством сложив руки на груди. В ушах и на пальцах у нее поблескивало золото. Грей распознал на одном из колец эмблему святого Оргвальда.

Внезапно им овладело предчувствие, хотя он ни во что такое не верил. Вещи, непонятные и не зависящие от него, двигались вокруг и устанавливались в нужном порядке, как небесные тела в отцовском планетарии. Он протестовал, не соглашаясь с таким положением дел, но ничего поделать не мог.

— Милорд... — Драматический шепот Тома вывел Грея из транса, и он вопросительно посмотрел на слугу. Цыганка стояла все так же, отвернувшись, но они видели ее лицо в профиль. — Знаете, на кого она похожа? На Ханну, няньку Зиги. На ту, что пропала.

Услышав имя Ханны, женщина резко обернулась и гневно уставилась на них обоих.

Грей почувствовал себя так, будто его взяли сзади за шею, собираясь переставить на нужное место наряду с другими предметами.

— У меня к вам предложение, сударыня. — Он выдвинул из-под полки бочонок с соленой рыбой, сел на него и затворил дверь.

— Я не желаю тебя слушать, Schweinebund, — отрезала она. — А что до тебя, свиненок... — В ее глазах, устремленных на Тома, вспыхнул недобрый огонь.

— Вы потерпели поражение, — продолжал Грей, не обращая внимания на ее слова. — И находитесь под угрозой. План австрияков перестал быть тайной — вы ведь слышали, как солдаты уходят сражаться? — Барабанный бой, крики и топот марширующих ног в самом деле были слышны даже здесь, за каменными стенами замка.

Приятно улыбаясь, Грей потрогал серебряный обруч у себя на шее, который надел, покидая свою комнату. Обруч, хорошо видный в незастегнутом вороте, показывал, что Грей — офицер и находится при исполнении служебных обязанностей.

— Я предлагаю вам жизнь и свободу, а взамен... — Он помолчал. Цыганка, тоже молча, медленно подняла черную бровь. — Взамен мне хотелось бы знать, как умер рядовой Боджер. — Видя ее недоумение, Грей сообразил, что это имя она, вероятно, слышит впервые. — Тот английский солдат, который обвинял вас в обмане.

Она презрительно фыркнула, но нечто похожее на угрюмое веселье тронуло уголки ее губ.

— А, этот. Его Бог убил — или дьявол, выбирай кого хочешь. Хотя нет... — Морщинки у ее губ стали глубже, и она сунула в лицо Грею перстень у себя на руке. — Я думаю, его убил мой святой. Ты в святых веришь, рыло свинячье?

— Нет, — спокойно ответил Грей. — Так что же произошло?

— Он увидел, как я выхожу из харчевни, и потащился за мной, а я и не знала. Он меня сцапал в переулке, но я вырвалась и убежала на кладбище. Думала, он за мной туда не сунется, однако ошиблась.

Боджер, злой и возбужденный одновременно, требовал от нее недополученного ранее удовольствия. Цыганка билась и лягалась, но он был сильнее.

— А потом — пуф! Он вдруг остановился и издал такой звук...

— Что за звук?

— Мало ли какие звуки издают мужчины! Пердят, стонут, рыгают... тьфу. — Цыганка досадливо щелкнула пальцами, разом покончив со всеми на свете мужчинами.

Боджер, как бы там ни было, тяжело повалился на колени, а там и на бок, все еще держась за ее платье. Цыганка высвободилась и убежала, вознося хвалы святому Оргвальду.

Гм, подумал Грей. Сердечный приступ? Апоплексия? Киген говорил, что такое возможно, а сомневаться в словах цыганки у Грея не было оснований.

— Стало быть, он умер не так, как рядовой Кёниг, — сказал Грей, пристально наблюдая за женщиной.

Она дернула головой и уставилась на него, плотно сжав губы.

— Милорд, — тихо вставил Том позади, — фамилия Ханны — Кёниг.

— Вот уж нет! — свирепо воскликнула женщина. — Она Муленгро, как и я.

— Давайте-ка по порядку, сударыня. — Грей подавил желание встать под ее пылающим взглядом. — Где Ханна теперь и кто она вам? Сестра, дочь, кузина?

— Сестра, — бросила цыганка и умолкла. Грей снова потрогал свой обруч.

— Жизнь. И свобода. — Он не сводил с цыганки глаз. Нерешительность играла у нее на лице, как тени на стенах. Она не могла знать, что Грей не властен задержать ее или отпустить — да и никто другой, подхваченный мощным течением войны, в этом не властен.

В конце концов, как он и думал, она сдалась. Он слушал ее — не в трансе и не как зачарованный, но спокойно наблюдая, как кусочки головоломки укладываются на свои места.

Ее, в числе других женщин, австрияки завербовали, чтобы сеять слухи о суккубе — и она делала это с удовольствием, судя по тому, как ее язык прохаживался по губам во время рассказа. Сестра ее Ханна была замужем за солдатом Кёни-

гом, но бросила его — он ведь такой же кобель, как всякий мужчина.

Грей задумчиво кивнул, памятуя сплетни о происхождении Зигфрида, и сделал ей знак продолжать.

Кёниг ушел с войском, но недавно вернулся и имел наглость явиться в замок, желая восстановить свой брак. Цыганка опасалась, как бы сестра снова не поддалась на его посулы.

— Она слабая, Ханна, и верит мужчинам. — Поэтому собеседница Грея пришла к Кёнигу ночью, чтобы угостить его, как других, вином, в которое подмешала опиум.

— Но на этот раз доза оказалась смертельной. — Грей упер ся локтем в колено и положил подбородок на руку. Усталость снова подбиралась к нему, но ум пока оставался ясным.

— Я того и хотела, — коротко рассмеялась цыганка. — Но он знал, каков опиум на вкус. Он швырнул в меня кубком и схватил за горло.

Выхватив кинжал, который всегда носила за поясом, цыганка ударила его прямо в раскрытый рот — снизу вверх, поразив мозг.

— В жизни не видела столько крови, — сказала она, неведомо для себя повторив герра Гукеля.

Грей потрогал собственный пояс, но его кинжал остался у Франца.

— Продолжайте, пожалуйста. Чем вы оставили следы, словно от зубов зверя?

— Ногтем, — пожала плечами она.

— Так это Кёниг пытался украсть маленького Зиги? — Выпалив это, молчавший до сих пор Том закашлялся и вжался поглубже в стену, но Грей нашел, что этот вопрос и для него небезынтересен.

— Вы так и не сказали мне, где ваша сестра теперь, — но это вас, должно быть, мальчик видел у себя в детской? (Грей тогда спросил, какая она была, а мальчик ответил «как все ведьмы». Грей представлял себе ведьм иначе, однако «ведьма» в общепринятом смысле — всего лишь продукт ограниченного людского воображения.)

Цыганка для женщины высока ростом, смугла, и чувственность на ее лице сочетается с суровостью — многие мужчины находят такую смесь привлекательной. Вряд ли Зиги поразило именно это, но у детской фантазии свои законы.

Цыганка кивнула, крутя кольцо на пальце и, видимо, прикидывая, солгать Грею или нет.

— Я видел образок старой княгини, — сказал он. — Она австриячка родом, не так ли? Как и вы с сестрой?

Цыганка произнесла что-то на своем родном языке, явно для него нелестное.

— Думаешь, я и впрямь ведьма? — словно прочтя его мысли, спросила она.

— Нет, но другие думают, потому мы с вами и здесь. Прошу вас, сударыня, к делу. Я полагаю, скоро за вами придут. — В замке теперь ужинали; Том принес Грею еду наверх, но тот слишком устал, чтобы есть. Гадание, безусловно, состоится после ужина, и Грей хотел к этому времени покончить со своим делом.

— Как скажешь. — Почтение, вызванное было в цыганке проницательностью Грея, сменилось привычным презрением. — Это все ты виноват.

— Я?

— Гертруда — старая княгиня, как ты ее называешь, — видела, как эта потаскушка Луиза, — цыганка плюнула на пол, — строит тебе глазки, и боялась, что она за тебя замуж наладилась. Боялась, что она уедет с тобой в Англию, где жизнь богатая и войны нет. И сына с собой заберет.

— Она не желала, чтобы ее разлучили с внуком, — медленно произнес Грей. Старуха любила мальчика, и ей не было дела до сплетен.

— Верно — вот и придумала, чтобы мы с сестрой забрали ребенка. У нас ему было бы хорошо, а когда австрияки перебили бы вас или прогнали, мы б его привезли назад.

Ханна спустилась по лестнице первая, чтобы успокоить мальчика, если он проснется под дождем и заплачет. Но Зиги проснулся раньше и убежал, разрушив их планы. Ханне не оставалось ничего иного, как скрыться. Лестницу Грей сбро-

сил вниз. Сестра Ханны спряталась в замке и выбралась из него только утром, с помощью княгини Гертруды.

— Теперь Ханна у нас, — завершила рассказ цыганка. — В безопасности.

— А кольцо? — Грей кивнул на перстень у нее на руке. — Означает ли оно, что вы служите княгине Гертруде?

Цыганка, начав признаваться, вошла во вкус, отодвинула в сторону блюдо с битыми голубями и уселась, свесив ноги, на полку.

— Ромы никому не служат, — гордо заявила она. — Но Траухтенбергов, семью княгини, мы знаем много поколений, и у нас с ними свои традиции. Это предок Гертруды купил ребенка, стерегущего мост, а был этот ребенок младшим братом моего прапрапрадеда. Тогда ему, моему предку, и подарили этот перстень, чтобы скрепить сделку.

Том недоуменно бормотал что-то, но Грея слова женщины поразили, как удар, и он не сразу опомнился. Перед глазами стояло видение, вызванное рассказом Франца, — маленький круглый белый череп в трещине мостовой опоры.

Но тут в буфетной загремели посудой, и он вспомнил, что время его на исходе.

— Хорошо, — сказал он отрывисто. — Осталось исправить еще одну несправедливость, и будем считать, что ваша часть договора выполнена. Агата Бломберг.

— Агата? — Цыганка расхохоталась, и Грей увидел, что она, несмотря на недостающий зуб, может быть очень мила. — Смех, право! Как им только в голову пришло, что такая треска сушеная может быть демоном сладострастия? Старой ведьмой она была, спору нет, но с чертом не зналась.

Грей тряхнул ее за плечо, чтобы остановить смех.

— Тише. Еще придет кто-нибудь.

— Ну и чего же ты хочешь? — все еще вздрагивая от сдерживаемого хохота, спросила она.

— А вот чего. Когда будете проделывать свой фокус-покус, в чем бы он ни заключался, я требую, чтобы вы полностью обелили Агату Бломберг. Мне все равно, что вы скажете

и что сделаете, — думаю, вам в таких вещах опыта не занимать.

Она посмотрела на него долгим взглядом и стряхнула его руку со своего плеча.

— Теперь все? — осведомилась она саркастически.

— Теперь все. После гадания вы свободны.

— Неужели? Как это любезно. — Она встала и улыбнулась ему, но он не нашел доброты в этой улыбке. Как ни странно, она не потребовала от него никаких заверений, ограничившись одним словом джентльмена, которое вряд ли могла ценить.

Ей все равно, с легкой оторопью понял он. Она рассказала ему все это не для того, чтобы спасти себя — она ничего не боится. Быть может, она полагала, что старая княгиня не даст ее в обиду — либо из-за старинных уз, существующих между их семьями, либо из-за неудавшегося похищения, в котором они обе были замешаны.

А быть может, она полагалась на что-то еще — Грей предпочитал не думать, на что именно. Он встал и задвинул бочонок на место.

— Агата Бломберг тоже была женщиной, — заметил он.

Цыганка смотрела на него задумчиво, потирая свое кольцо.

— Да, верно. Хорошо, будь по-твоему. Негоже, чтоб мужики выкапывали ее гроб и таскали ее старые кости по улицам.

Грей чувствовал, что Тому не терпится уйти, да и посудой звенели все громче.

— Ну, а ты... — Он вздрогнул, уловив перемену в ее тоне. Ее голос звучал не насмешливо и не злобно — в нем не слышалось ни одного знакомого Грею чувства. Большие глаза цыганки, блестящие при свече, из-за черноты казались пустыми, лицо оставалось бесстрастным. — Никогда ты не сможешь удовлетворить женщину. Всякая, кто ляжет с тобой в постель, уйдет после первой же ночи, проклиная тебя.

— Весьма вероятно, сударыня. — Грей потер заросший подбородок. — Спокойной вам ночи.

Эпилог

При звуке трубы

Место битвы было определено. Неяркое осеннее солнце взошло, и войска готовились выступить к Ашенвальдскому мосту.

Грей на конюшне проверял сбрую Каролюса. Он подтягивал подпругу и поправлял узду, считая секунды до выступления, словно каждая секунда отнимала у него драгоценную и невозвратную частицу жизни.

Люди бегали по двору туда и сюда — собирали пожитки, разыскивали детей, скликали жен и родителей, теряли в суматохе только что собранные вещи. Сердце Грея билось часто, дрожь пробегала по ногам и сводила пах.

Барабаны в отдалении били сбор. Их дробь отдавалась в его крови и в костях. Скоро, скоро, скоро. Грудь стеснило так, что ему было трудно дышать.

Он не услышал ступающих по соломе шагов, но в своем натянутом состоянии уловил колыхание воздуха рядом, испытал чувство чужого присутствия, не раз спасавшее ему жизнь, — и обернулся с рукой на кинжале.

Это был Стефан фон Намцен во всем блеске своего мундира, с пернатым шлемом под мышкой, но его сумрачное лицо противоречило пышности наряда.

— Время на исходе, — сказал он. — Я пришел поговорить с вами, если вы согласитесь меня выслушать.

Грей медленно убрал руку и вздохнул полной грудью, чего ему давно уже хотелось.

— Вы знаете, что я охотно вас выслушаю.

Фон Намцен наклонил голову, но заговорил не сразу, как будто ему не хватало слов — хотя говорили они по-немецки.

— Я женюсь на Луизе, — объявил наконец он. — В Рождество, если буду жив. Мои дети... — Он помедлил, приложив руку к груди. — Им нужна мать. И...

— Не нужно оправдываться, — прервал его Грей и улыбнулся ему с нежностью, отбросив не нужную более предосторожность. — Если таково ваше желание, я желаю вам счастья.

Фон Намцен, просветлев немного, нагнул голову еще ниже и перевел дух.

— Danke. Я сказал, что женюсь, если буду жив. Если же нет... — Он по-прежнему прижимал руку к груди, где лежал под мундиром портрет его детей.

— Если я буду жив, а вы нет, я поеду к вам домой и расскажу вашему сыну, каким я вас знал — и как воина, и как человека. Вы этого хотите, не так ли?

Лицо фон Намцена не изменило своего торжественного выражения, но в серых глазах затеплился огонек.

— Да. Ведь вы, возможно, знали меня лучше кого бы то ни было.

Он стоял, глядя на Грея, и время вдруг остановило свой тревожный бег. Снаружи по-прежнему кипела суета, и барабаны выбивали дробь, но здесь, на конюшне, царил покой.

Стефан отнял руку от груди и протянул Грею. Тот взял ее и на краткий миг растаял душой и телом от струящейся между ними любви.

Миг — и они расстались, и каждый встретил грустной улыбкой отчаяние, увиденное им на лице другого.

Стефан хотел уже уйти, и тут Грей вспомнил.

— Подожди. — Он порылся в седельной сумке и вложил что-то в руку фон Намцена.

— Что это? — Стефан недоуменно смотрел на маленький, но тяжелый ларчик.

— Святыня. Благословение — мое и святого Оргвальда. Да убережет он тебя от всякого зла.

— Но... — Стефан, помрачнев, попытался вернуть шкатулку Грею, однако тот не принял ее.

— Поверь мне, — сказал Грей по-английски, — тебе эта реликвия принесет больше пользы, чем мне.

Стефан, пристально посмотрев на него, кивнул, спрятал ларчик в карман и ушел. Грей вернулся к Каролюсу, который начинал беспокоиться, мотал головой и всхрапывал.

Конь топнул ногой, и содрогание прошло по берцовым костям Грея.

— «Ты ли дал коню силу и облек шею его гривою? — тихо процитировал он, поглаживая заплетенную гриву, вьющуюся змеей по крутой конской шее. — Роет ногою землю и восхищается силою; идет на встречу оружию. Он смеется над опасностью, и не робеет, и не отворачивается от меча». — Грей прижался лбом к плечу Каролюса. Под шкурой нетерпеливо ходили мышцы, и чистый мускусный запах взволнованного коня наполнял ноздри. Грей выпрямился и похлопал тугой, подрагивающий бок. — «При звуке трубы он издает голос: «гу! гу!» И издалека чует битву, громкие голоса вождей и крик»*.

Барабаны продолжали бить, и у Грея взмокли ладони.

Историческая справка. В октябре 1757 г. Фридрих Великий со своими союзниками совершил быстрый марш и нанес поражение франко-австрийским силам близ Россбаха в Саксонии. Город Гундвиц остался нетронутым, и враг не перешел через Ашенвальдский мост.

---

* Книга Иова, 39: 19; 22; 25. — *Примеч. пер.*

Роберт Силверберг

МАДЖИПУР

Замок лорда Валентина (1980)
Хроники Маджипура (1981)
Валентин Понтифекс (1983)
Горы Маджипура (1995)

ПРЕСТИМИОН
Чародеи Маджипура (1997)
Лорд Престимион (1999)
Король Снов (2001)

Гигантская планета Маджипур, диаметр которой раз в десять больше, чем у нашей Земли, в далеком прошлом была заселена колонистами-землянами. Коренными жителями планеты были пьюривары, разумные существа, которых пришельцы прозвали перевертышами, или метаморфами, за их способность менять свой физический облик. Маджипур — необычайно красивая планета, с благоприятным климатом, изобилующая зоологическими, ботаническими и географическими чудесами. Все здесь грандиозно, фантастично, волшебно.

В период, занявший несколько тысячелетий, трения между людьми и пьюриварами привели к затяжной войне и поражению туземцев, которых победители загнали в огромные резервации в отдаленных местах планеты. За эти годы на Маджипуре поселились и другие разумные виды — маленькие гномоподобные врооны, косматые четверорукие великаны-скандары, двухголовые су-сухерисы и некоторые другие. Врооны и су-сухерисы были наделены экстрасенсорными способностями, что давало им возможность заниматься различными видами магии. Доминирующим видом, однако, всегда оставались люди. Они процветали, множились и в конце концов стали исчисляться миллиардами, проживая большей частью в огромных городах с десяти-двадцатимиллионным населением.

Система правления планетой, выработавшаяся в ходе истории, представляет собой разновидность ненаследственной двойной монархии. Старший правитель, понтифекс, вступая

© Перевод. Виленская Н.И., 2006

в свои права, избирает себе младшего правителя, коронала. Коронал считается приемным сыном понтифекса и по смерти последнего занимает его трон, избирая себе нового коронала. Оба правителя проживают на Альханроэле, самом крупном и самом населенном из трех континентов Маджипура. Имперская резиденция понтифекса помещается на самом нижнем уровне колоссального подземного города, именуемого Лабиринтом, откуда правитель выходит лишь в редких случаях. Коронал, в противоположность ему, живет в огромном замке на вершине Замковой горы, тридцатимильного пика, где с помощью сложной техники поддерживается вечная весна. Время от времени коронал спускается со своих высот и совершает Большой Выход — событие, долженствующее напомнить Маджипуру о могуществе его правителей. Это путешествие, которое при маджипурских расстояниях занимает несколько лет, неизменно приводит коронала на Зимроэль, второй континент, где гигантские города перемежаются широкими реками и обширными девственными лесами. Иногда коронал посещает и третий континент, знойный Субраэль, почти весь занятый пустынями, подобными Сахаре.

Со временем в маджипурское правительство вошли еще два лица. Всемирная сеть телепатической связи позволяет передавать по ночам на любые расстояние различные предсказания и врачебные советы. За нее отвечает мать правящего коронала, носящая титул Владычицы Сна. Ее резиденция находится на большом острове, размером с материк, между Альханроэлем и Зимроэлем. Чуть позже появился еще один правитель-телепат — Король Снов. Он занимается выявлением и наказанием преступников и прочих граждан, чье поведение не соответствует маджипурским нормам. Этот сан переходит по наследству к представителям субраэльской семьи Барджазидов.

Первый из маджипурских романов, «Замок лорда Валентина», повествует о заговоре, вследствие которого законный коронал Валентин был свергнут и заменен другим. Валентина, лишенного памяти, доставляют на Зимроэль, где он ведет

жизнь бродячего жонглера, но со временем вспоминает, кто он такой, и после успешной кампании возвращает себе трон. В следующем романе, «Валентин Понтифекс», герой, уже зрелый муж и пацифист в душе, вынужден подавлять восстание метаморфов, вознамерившихся изгнать наконец ненавистных захватчиков из своего мира. Валентин одерживает победу и восстанавливает мир с помощью гигантских существ, известных как морские драконы, о чьих интеллектуальных возможностях прежде не знали на Маджипуре.

Сборник рассказов «Хроники Маджипура» знакомит нас с различными эпохами и социальными кругами маджипурской жизни, освещая детали, не вошедшие в романы. Повесть «Горы Маджипура», чье действие происходит через пятьсот лет после правления Валентина, переносит читателя в ледяные полярные земли, где давно уже существует отдельная варварская цивилизация. Трилогия о Престимионе рассказывает об эпохе за тысячу лет до Валентина, когда Маджипуром правила магия. Коронал Престимион, смещенный с престола сыном прежнего коронала при помощи магов и чародеев, приводит своих сторонников к победе, сам прибегнув к некромантии.

Представленная здесь новелла относится к времени более раннему, чем любое из маджипурских повествований — за четыре тысячи лет до Валентина и за три до Престимиона. Со времен первых человеческих поселений прошло, однако, уже десять тысячелетий, и древняя история планеты успела стать легендой.

КНИГА ПЕРЕМЕН

Стоя около узкого окна спальни на второй день своего плена и глядя на кроваво-красное Барбирикское море далеко внизу, Айтин Фурвен услышал, как отодвигают засов, запиравший дверь его апартаментов снаружи. Он оглянулся. В комнату по-кошачьи проскользнул вожак разбойников Касинибон, и Фурвен снова отвернулся к окну.

— Я говорил вам вечером, что отсюда прекрасный вид, — сказал Касинибон. — На всем Маджипуре нет ничего, что могло бы сравниться с этим алым озером.

— Красиво, да, — хладнокровно подтвердил Фурвен.

Касинибон продолжал все так же весело и приветливо, обращаясь к его спине:

— Надеюсь, что спали вы хорошо и нашли ваше жилище в целом удобным, принц Айтин.

Хорошее воспитание, обязывающее быть вежливым даже с бандитом, побудило Фурвена повернуться к атаману лицом.

— Я, как правило, не пользуюсь своим титулом, — холодно произнес он.

— Разумеется. Я тоже не пользуюсь, хотя происхожу из старой восточной аристократии. Род у нас, возможно, не столь уж знатный, но все же. Титулы — это так архаично! — Касинибон усмехнулся. В его улыбке, хитрой, почти заговорщицкой, насмешка смешивалась с обаянием, и Фурвен почувствовал невольную симпатию к этому человеку. — Однако вы не ответили на мой вопрос. Достаточно ли удобно вам здесь?

— О да, вполне. Более комфортабельной тюрьмы и представить себе невозможно.

— Хотелось бы подчеркнуть, что это не тюрьма, а просто частная резиденция.

— Возможно, но ведь я здесь пленник, не так ли?

— Тут я вам уступаю. В настоящее время вы действительно пленник. Мой пленник.

— Благодарю за прямоту. — Фурвен вернул свое внимание Барбирикскому морю. Длинное и узкое, как копье, оно протянулось миль на пятьдесят по долине, над которой на сером утесе стояла крепость Касинибона. На его берегах виднелись полумесяцы остроконечных дюн, казавшихся издали легкими, как облака, — тоже красные. Даже воздух мерцал красным отраженным светом, и само солнце приобрело багряный оттенок. Вчера Касинибон, хотя Фурвен не проявлял особого интереса, объяснил, что в озере обитают миллиарды крошечных ракообразных — именно их ярко окрашенные панцири, копившиеся на протяжении тысячелетий, придают этот кровавый цвет и воде, и песку. «Интересно, побывал ли здесь отец с его страстной любовью к всевозможным цветовым эффектам? — подумал Фурвен. — Наверняка побывал».

— Я вам принес перья и бумагу, — сообщил Касинибон, аккуратно раскладывая вышеупомянутые предметы на столике рядом с кроватью Фурвена. — Этот вид непременно вдохновит вас на стихи, уж я-то знаю.

— Несомненно, — тем же ровным бесстрастным тоном ответил Фурвен.

— Не хотите ли сегодня поближе взглянуть на озеро? Вместе со мной?

— Значит, вы не собираетесь держать меня в четырех стенах — вернее, в трех комнатах?

— Ну разумеется, нет. К чему такая жестокость?

— Что ж, буду рад совершить экскурсию, — с тем же безразличием промолвил Фурвен. — Авось здешние красоты в самом деле вдохновят меня на пару стишков.

Касинибон любовно похлопал по стопке бумаги.

— Она пригодится вам еще и для просьбы о выкупе.

— Этим я займусь завтра, пожалуй. Или послезавтра.

— Как вам будет угодно, ведь спешить некуда. Можете гостить у меня, сколько пожелаете.

— Сидеть у вас — так будет вернее.

— Ну да, хотя я надеюсь, что вы будете воспринимать себя скорее как гостя, чем как узника. А теперь прошу извинить, у меня масса скучных хозяйственных дел. Увидимся позже. — Касинибон усмехнулся снова и с поклоном вышел.

Фурвен был пятым сыном бывшего коронала лорда Сангамора, чьим главным достижением считалось строительство знаменитых туннелей на Замковой горе, названных его именем. Лорд Сангамор, человек с ярко выраженной творческой жилкой, велел отделать их стены искусственным камнем, который светился изнутри, вызывая восхищение знатоков. Фурвен унаследовал отцовское эстетическое чувство, но не силу его характера: на Горе у него создалась репутация бездельника, бонвивана, даже повесы. Друзья — а их у него было много — и те затруднялись назвать его положительные черты. Он, конечно, с необычайной легкостью кропал стишки, был незаменимым спутником в путешествии или в таверне, мастером по части острот и парадоксов, но в остальном...

Сын коронала, согласно давней традиции, не имеет никакого определенного будущего в администрации Маджипура. Никаких должностей для него не приберегается. Трон для него закрыт, поскольку власть по наследству никогда не передается. Старшему сыну обычно достается прекрасное поместье где-нибудь на Горе, где он и живет в свое удовольствие, будто герцог. Второй и даже третий сыновья могут остаться в Замке и стать советниками, если у них есть склонность к политике, пятый же, рожденный в поздние годы отцовского правления и вытесненный из ближнего круга теми, кто пришел раньше, обрекается обычно на вольготное и совершенно безответственное существование. В общественной жизни он никакой роли не играет. Он сын своего отца, но сам по себе ничего не значит. Никто не считает его пригодным для

чего-то серьезного — никому даже в голову не придет, что он может интересоваться важными делами. Таким принцам от рождения выделяются постоянные апартаменты в Замке, назначается щедрая пожизненная пенсия, и все как будто только того и ждут, что они будут предаваться праздным развлечениям до конца своих дней.

Фурвен в отличие от принцев с более беспокойным нравом вписался в эту перспективу как нельзя лучше. Поскольку ничего особенного от него не ожидалось, сам от себя он тоже требовал очень мало. Природа для него не поскупилась: он вырос высоким, стройным, грациозным, с золотыми волнами волос и красивыми чертами лица. Он превосходно танцевал, пел вполне приличным слабеньким тенором, отличался во всех видах спорта, не требующих грубой физической силы, хорошо фехтовал и правил гоночной колесницей. Главным же его даром было стихосложение. Поэзия лилась из него, как дождь с неба. В любой момент дня или ночи, разбуженный после пирушки или в разгар этой самой пирушки, он хватал перо и сочинял балладу, сонет, песенку, веселую эпиграмму, какую-нибудь ритмичную пустяковину, а то и длинную цепь героических куплетов — на любую тему. Глубины во всей этой стряпне, конечно, не наблюдалось. Не в его натуре было исследовать людские души, тем более облекать эти исследования в поэтическую форму, но все знали, что в легком, игривом жанре Айтину Фурвену равных нет. Это были стихи на случай, славящие радости постели или бутылки, порой насмешливые, но никогда не переходящие в злую сатиру — стихи, демонстрирующие игру ритма и созвучий, не претендуя на какой-либо смысл.

— Сочини нам стишок, Айтин, — восклицал кто-то из приятелей, когда они сидели за вином в одной из кирпичных таверн Замка, и другие подхватывали: — Стишок, стишок!

— Тогда скажите мне слово, — отвечал Фурвен, и кто-нибудь, его нынешняя любовница, к примеру, говорила:

— Колбаса.

— Отлично, а ты назови другое. Первое, что придет в голову.

— Понтифекс, — говорил спрошенный.

— Еще одно. Вот ты скажи.

— Ститмой, — откликался третий.

И Фурвен, посмотрев в чашу с вином, точно стихотворение уже выглядывало оттуда, начинал читать юмористический эпос, составленный безупречным гекзаметром, с изысканными анапестическими рифмами — о том, как некий понтифекс возжелал колбасы из мяса ститмоя и послал самого ленивого и трусливого из своих придворных на заснеженный северный Зимроэль охотиться на этого свирепого, мохнатого белого зверя. Он декламировал без передышки минут десять, причем поэма имела начало, кульминацию и смешной до коликов конец, встречаемый бурными аплодисментами и новыми бутылками.

Сочинения Айтина Фурвена, если бы он позаботился собрать их, заполнили бы много томов, но у него вошло в привычку выбрасывать свои стихи, как только он их запишет — когда он вообще их записывал; лишь благодаря предусмотрительности его друзей некоторые из них уцелели, были переписаны и передавались из рук в руки. Фурвена их судьба не волновала. Он сочинял стихи столь же легко, как дышал, и не понимал, зачем нужно копить и хранить свои экспромты. Он никогда не задумывал их как долговечные произведения искусства, какими, например, были туннели, построенные его отцом.

Коронал лорд Сангамор состоял младшим правителем под эгидой понтифекса Пелтиная тридцать лет, и его долгое правление в целом было успешным. В конце концов Божество призвало почтенного Пелтиная к Истоку, и понтифексом стал Сангамор. Это обязывало его покинуть Замок и поселиться в подземном Лабиринте, официальной резиденции старшего правителя. Весь остаток жизни ему предстояло провести в почти полной изоляции от внешнего мира. Айтин Фурвен навестил отца в Лабиринте после его возведения на престол, что полагалось делать время от времени всем сыновьям, но сомневался, что предпримет это путешествие еще раз. Мрачный Лабиринт не пришелся ему по душе. Старому Сангамо-

ру там тоже едва ли могло нравиться, но он, как все короналы, по крайней мере знал заранее, что закончит свои дни в Лабиринте. Фурвена, однако, ничто не обязывало жить и даже бывать там. Он не особенно хорошо знал своего отца и не видел причин встречаться с ним в дальнейшем.

От Замка к тому времени он тоже отмежевался. Еще во время пребывания там лорда Сангамора Фурвен поселился в Дундлимире, одном из Горных Городов, что стоял намного ближе к подножию гигантского бивня Замковой горы. Его соученик и близкий друг Танижель принял наследственный титул герцога Дундлимирского и предложил Фурвену сравнительно скромное именьице в своих владениях, близ вулканической долины, известной как Огненная. При этом предполагалось, что Фурвен займет при дворе Танижеля, в сущности, должность шута, постоянного собутыльника и сочинителя комических виршей. Сыну коронала не приличествовало принимать такие дары от обыкновенного герцога, но Танижель хорошо знал, что пятый сын редко обладает крупным состоянием. Знал он также, что Фурвен устал от праздной жизни в Замке и был бы не прочь предаться праздности где-нибудь в другом месте. Фурвен, никогда не страдавший повышенным чувством собственного достоинства, охотно принял его предложение и стал проводить большую часть своего времени в поместье Танижеля среди развеселых друзей герцога. Замок он посещал лишь в особо торжественных случаях, например, в дни рождения своего отца — когда же отец, став понтифексом, переехал в Лабиринт, почти совсем прекратил эти посещения.

Веселая жизнь в Дундлимире, однако, со временем тоже ему прискучила. Фурвен достиг средних лет и начинал чувствовать нечто, раньше ему незнакомое — какую-то смутную неудовлетворенность. Жаловаться ему при всем при том было не на что. Жил он в окружении славных друзей, которые восхищались его талантом, здоровье у него оставалось отменным, средств на повседневные нужды вполне хватало, а чрезмерными запросами он не грешил. Ни в компании, ни в любовницах недостатка он не испытывал, но эта новая, необъяс-

нимая душевная боль все-таки донимала его время от времени. Это беспокоило его и сбивало с толку.

Он стал думать, что наилучшим выходом из этой ситуации явится путешествие. Он, гражданин самой большой и красивой планеты во всей вселенной, очень мало что на ней повидал: только Замковую гору и не более дюжины из пятидесяти ее городов — да еще приятную, но не слишком примечательную долину Глейга, когда ездил к отцу в Лабиринт. Сколько еще осталось непознанным! Взять хоть легендарные южные города: Сиппульгар, золотую Арвианду, увенчанный шпилями Кетерон. И деревни на сваях вокруг серебряного озера Рогоиз, и сотни, тысячи других поселений, разбросанных, как алмазы, по одному только громадному континенту Альханроэль. А есть ведь еще и сказочный Зимроэль, о котором он, Фурвен, практически ничего не знает — нескольких жизней не хватит, чтобы осмотреть его целиком.

В конце концов он, впрочем, отправился совсем в другую сторону. Герцог Танижель, любитель путешествий, начал поговаривать о поездке на восток, в пустынную и почти неизвестную область между Замковой горой и неисследованным Великим морем. Десять тысячелетий минуло с тех пор, как первые поселенцы высадились на Маджипуре — достаточно для того, чтобы полностью освоить любую планету нормальных размеров; но Маджипур так велик, что даже ста веков постоянного прироста населения не хватило, чтобы заполнить все его отдаленные территории. Процесс колонизации из центра Альханроэля неизменно распространялся на запад, а затем через Внутреннее море перекинулся на Зимроэль. Лишь самые неугомонные путешественники предпринимали вылазки на восток. В туманной долине, почти, можно сказать, в тени Замковой горы, стоял торговый городок Врамбикат, а дальше никаких поселений, по-видимому, не было — по крайней мере в понтифексовом налоговом реестре таковые не значились. Возможно, там существовали какие-то крохотные поселки, а возможно, и нет. А между тем эта малонаселенная местность, судя по запискам отважных исследователей, просто изобиловала чудесами природы. Алое Барбирикское море; группа озер под

названием Тысяча Глаз; гигантская извилистая пропасть Змеиный След длиной три тысячи миль, а глубиной неизвестно сколько; Стена Пламени, Паутина Самоцветов, Винный Фонтан, Пляшущие Холмы — многое из этого, вероятно, было всего лишь мифом, плодом воображения путешественников. Герцог Танижель предлагал устроить экспедицию в этот загадочный край. «Мы отправимся туда всем двором и дойдем до самого Великого моря! — восклицал он. — Кто знает, что мы там встретим? А ты, Фурвен, все это опишешь в бессмертном эпосе, который сохранится в веках!»

Герцог любил замышлять грандиозные проекты и обдумывать их до мельчайших деталей, но с претворением этих проектов в жизнь дело обстояло намного хуже. Многие месяцы Танижель и его придворные корпели над картами, изучали отчеты первопроходцев столетней, а то и тысячелетней давности и намечали собственные маршруты через дикую, не имеющую дорог местность. Фурвена увлекла эта затея, и во сне он часто видел себя парящим, как птица, над необычайно странным и красивым ландшафтом. Он не мог дождаться дня отъезда. Путешествие на восток отвечало некой его внутренней потребности, о которой он раньше не подозревал. Герцог продолжал строить планы, но точной даты не назначал, и Фурвену в конце концов стало ясно, что задуманная экспедиция никогда не состоится, поскольку герцогу и планов вполне достаточно. В итоге Фурвен, который никогда не ездил в одиночку на большие расстояния и не находил в таких путешествиях ничего соблазнительного, решил отправиться на восток один.

Тем не менее он нуждался в последнем толчке — и получил его, откуда не ждал.

В этот тягостный период сомнений и неуверенности он совершил визит в Замок под предлогом знакомства со старинными картами, будто бы хранившимися в библиотеке коронала. В Замке, однако, он потерял желание копаться в необозримых библиотечных хранилищах и вместо этого посетил отцовские туннели на западном склоне, внутри стройной ска-

лы, выступавшей на несколько сотен футов над громадой Горы.

Туннели лорда Сангамора восходили спиралью на самый верх этого каменного шпиля. Мастера в самых глубоких и тайных подземельях Замка создали светящийся синтетический камень и сплавили его в огромные сияющие глыбы. Затем эти глыбы под личным руководством самого коронала обтесали до прямоугольных блоков единого размера, которыми выложили стены и кровли туннелей согласно тщательно выверенной градации цветов. Посетителям бил в глаза пульсирующий свет — сернисто-желтый в одном гроте, шафрановый — в другом, топазовый в третьем, изумрудный, багровый. За нежданно яркой красной вспышкой шли более спокойные тона — розовато-лиловый, аквамарин, зеленовато-желтый. Симфония красок лилась из камня в любое время суток. Фурвен в полном восхищении бродил там два часа и вдруг почувствовал, что с него хватит. Что-то словно порвалось в нем, вызвав тошноту и головокружение. Мозг оцепенел от мощи и великолепия этого зрелища, Фурвена охватила дрожь, сердце бурно заколотилось. Поняв, что пора уходить, он ринулся к выходу. Еще полуминуты — и он рухнул бы на колени.

Снаружи он, весь мокрый, привалился к парапету и долго приходил в себя. Сила собственной реакции его озадачила. Физическое недомогание прошло, но осталось какое-то трудноопределимое беспокойство, которое он, впрочем, быстро раскусил. Во время осмотра туннелей восторг, граничащий с преклонением, трансформировался в его душе и перешел в сокрушительное ощущение собственной несостоятельности.

Творение своего старика он всегда рассматривал как любопытную безделицу. Но сегодня, в повышенно-впечатлительном, почти неврастеническом состоянии, с недавних пор ставшем для него характерным, величие отцовского труда ошеломило его. Фурвена захлестнуло чувство, в котором он не мог не опознать уничижения, хотя ранее близкого знакомства с ним не водил. И это чувство было вполне понятно. Его отец создал здесь нечто поистине чудесное, найдя в себе для

этого силы и вдохновение вопреки изнурительным заботам своего сана.

В то время как сам Фурвен... в то время как он...

Даже к вечеру он не опомнился после встречи с туннелями. В библиотеку он так и не пошел, а пригласил свою былую возлюбленную леди Долиту пообедать с ним в открытом ресторане над Большим Меликандским двором. Долита, хрупкая и очень красивая, обладала темными волосами, оливковой кожей и острым умом. Их бурный роман десятилетней давности длился полгода. Постепенно ее не знающая оков резкость, ее привычка говорить правду, которую все обычно замалчивают, и сарказм ее высказываний охладили желание Фурвена. Но он всегда ценил общество умных женщин, и та самая беспощадная правдивость, из-за которой он сбежал от Долиты, делала ее привлекательной в качестве друга. Поэтому он приложил все усилия для сохранения этой дружбы, даже когда близость иного рода между ними угасла. Теперь она стала ему близка, как сестра.

Он рассказал ей о своем посещении туннелей.

— Кто бы мог ожидать, что коронал окажется еще и великим художником!

В глазах леди Долиты сверкнула свойственная ей веселая ирония.

— По-твоему, одно непременно исключает другое? Творческий дар — это врожденное качество. Позже человек может выбрать для себя путь, ведущий к трону, но дар остается при нем.

— Пожалуй.

— Твой отец искал власти, а это способно поглотить всю энергию без остатка, но он и о таланте своем не забыл.

— То, что его хватило на то и другое, свидетельствует о его величии.

— Или об уверенности в себе. Далеко не все поступают так, как он, но это еще не значит, что они поступают правильно.

Фурвен заставил себя смотреть ей прямо в глаза, что далось ему не без труда.

— Что ты хочешь этим сказать, Долита? Что я поступил плохо, не избрав политическое поприще?

Она приложила руку к губам, не до конца скрыв лукавую улыбку.

— Полно тебе, Айтин.

— Тогда что? Ну же, выкладывай! Не такой уж это секрет, даже и для меня. Я потерпел крах, так? Зарыл свой талант в землю? Я пил, играл и потешал публику веселенькими стишками, вместо того чтобы затвориться и создать глубокий философский труд, нечто неудобоваримое, из тех, что все хвалят и никто не читает?

— Ох, Айтин, Айтин...

— Разве я не прав?

— Что я могу сказать о твоих сочинениях? Мне довольно видеть тебя несчастным. Я давно уже это вижу. С тобой что-то творится — даже ты сам признал это, верно? — и я догадываюсь, что это «что-то» относится к твоему творчеству, ведь больше для тебя ничего такого значения не имеет.

Фурвен уставился на Долиту. Как это похоже на нее — говорить такие вот вещи.

— Продолжай.

— Мне, собственно, мало что осталось сказать.

— Но что-то ведь все-таки осталось? Скажи.

— Все это я уже говорила раньше.

— Так скажи еще раз. Я могу быть очень тупым, Долита.

Видя, как дрогнули ее ноздри и шевельнулся язык за сомкнутыми губами, он понял, что теперь пощады ждать нечего. Но он позвал ее не для того, чтобы она его щадила.

— Для себя ты выбрал неверный путь, — тихо сказала она. — Не знаю, какой путь был бы верным, но вижу, что ты стоишь не на нем. Тебе нужно как-то изменить свою жизнь, Айтин. Извлечь из нее что-то новое, свежее. Ты шел этой своей дорогой, пока мог, а теперь тебе нужна перемена. Я еще десять лет назад предвидела, что с тобой случится нечто подобное, вот оно и случилось. Даже тебе самому это ясно.

— Да, пожалуй.

— Пора тебе перестать прятаться.

— Прятаться?

— От себя самого. От своей судьбы, какой бы она ни была. От своего настоящего «я». От всего этого спрятаться можно, но от Божества не уйдешь. От него ничто не укроется. Перемени свою жизнь, Айтин — не знаю как, но перемени.

Ошеломленный Фурвен помолчал.

— Да, конечно. Ты не можешь знать как. Начну с того, что поеду путешествовать — один. В дальние края, где, кроме меня, никого не будет и где я наконец-то встречусь лицом к лицу с собой. А тогда посмотрим.

Утром, не помышляя больше о корональской библиотеке и о картах, которые то ли хранились там, то ли нет (время планов прошло, пришло время действий), он вернулся в Дундлимир. Неделю он приводил в порядок свой дом и запасался всем необходимым для путешествия — а затем выехал, не сказав никому о том, куда едет. Он не имел понятия, что встретит в пути, но не сомневался, что все предстоящее пойдет ему только на пользу. Он пустился в поход, на поиски истинного, давно запропавшего Айтина Фурвена. «Перемени свою жизнь», — сказала Долита. Очень хорошо, это самое он и сделает. Никогда еще он не предпринимал ничего столь серьезного. Фурвен испытывал прилив необычайного оптимизма, чуткого ко всем колебаниям его души. Какую-нибудь неделю спустя после его отъезда из пыльного городка Врамбиката его захватили разбойники и доставили в горную крепость Касинибона.

Он как-то не думал, что в восточных областях может царить такая анархия, однако не особенно удивился. Маджипур в целом — мирная планета, где подданные уже тысячи лет подчиняются власти правителей по собственной воле; но расстояния здесь так велики, а законы понтифекса и коронала порой столь условны, что в некоторых районах верховная власть существует чисто номинально. Если до Зимроэля или Субраэля даже новости идут месяцами, можно ли сказать, что правящая десница достает туда по-настоящему? Кто на вершине Замковой горы или в глубинах Лабиринта может знать,

что на самом деле происходит в этих дальних провинциях? Законы в основном соблюдаются везде, ибо альтернатива им — хаос, но весьма вероятно, что граждане на местах поступают так, как удобно им, утверждая при этом, что подчиняются центральному правительству.

А уж на востоке, где населения почти нет и правительство даже не пытается заявить о себе, незачем и притворяться, будто оно существует.

После Врамбиката Фурвен какое-то время ехал спокойно. Гигантская Замковая гора еще высилась на западе, понемногу уменьшаясь, а впереди вставала гряда темных холмов. Фурвену казалось, будто он видит на миллион миль во все стороны. Никогда он еще не встречал таких просторов без каких-либо признаков присутствия человека. Воздух был чист, как стекло, небо безоблачно, погода стояла по-весеннему мягкая. На лугах росла золотистая, сочная, плотная, как ковер, трава. На ней кое-где паслись незнакомые Фурвену животные, не обращая на него никакого внимания. Шел девятый день его путешествия, и одиночество действовало освежающе, очищая душу. Чем дальше он углублялся в этот тихий край, тем больше крепло в нем это чувство очищения, духовного выздоровления.

В полдень он сделал привал у мелких каменистых холмов, чтобы дать своему верховику попастись. Это красивое, полное сил животное предназначалось, собственно, для скачки, а не для долгих утомительных переходов, и всаднику приходилось часто останавливаться и давать ему отдых.

Фурвен не имел ничего против. Он ехал без определенной цели, и спешить ему не было нужды.

Оглядывая пустынную местность, он предвкушал ожидающие его чудеса. Змеиный След, например: какой-то она будет, эта колоссальная трещина в коре планеты? Ее сверкающие золотистые стены так круты, что нечего и думать спуститься на дно, где бежит к морю зеленая река, змея, не имеющая ни головы, ни хвоста. Есть еще Великий Серп из белого мрамора, скульптура, изваянная самим Божеством. Он возвышается на сотни футов над плоской равниной и звенит, как

арфа, под напором сильного ветра; в повествовании четырехтысячелетней давности, времен лорда Стиамота, сказано, что на ночном небе, при свете одной или двух лун, этот монумент столь прекрасен, что способен вызвать слезы у погонщика-скандара. Есть Эмболенские Фонтаны, гейзеры, из которых каждые пятьдесят минут, днем и ночью, бьет душистая розовая вода — а если ехать год, или два, или три, путник увидит могучие утесы из черного камня, пронизанные жилами белого кварца; они охраняют берега Великого моря, неподвластного мореплавателям, покрывающего почти половину громадной планеты...

— Ни с места, — произнес внезапно чей-то грубый голос. — Вы вторглись в чужие владения. Назовите себя.

Фурвен так долго был здесь один, что этот голос прорезал его сознание, как пылающий метеор — темное небо. Обернувшись, он увидел двух здоровенных, просто одетых мужчин, стоявших на каменной осыпи чуть позади него. У них было оружие. Еще двое стерегли вереницу верховиков, связанных вместе прочной веревкой.

— В чужие? — сохраняя спокойствие, повторил Фурвен. — Но эти места никому не принадлежат, друг мой, — или принадлежат всем.

— Они принадлежат господину Касинибону, — ответил ему один из двоих, более плечистый и коренастый, с бровями, образующими сплошную черную линию. Говорил он довольно косноязычно, с акцентом, приглушающим все согласные. — Чтобы проехать, требуется его разрешение. Как вас зовут?

— Айтин Фурвен из Дундлимира, — миролюбиво ответил Фурвен. — Прошу передать вашему хозяину, чье имя мне незнакомо, что у меня нет никакого дурного умысла относительно его земель или имущества — я одинокий странник и намерен всего лишь...

— Дундлимир? — проворчал чернобровый. — Это ведь город на Горе, правильно? Что делает человек с Замковой горы в здешних местах? Тут таким не место. Может, ты сын коронала? — хохотнув, предположил он.

— Ну, раз уж вы спрашиваете, — улыбнулся Фурвен, — то я и в самом деле сын коронала. Вернее, был им до кончины понтифекса Пелтиная. Моего отца зовут...

В следующее мгновение он растянулся на земле, изумленно хлопая глазами. Чернобровый дал ему совсем легкую затрещину, и он не устоял на ногах скорее от полной неожиданности. Он не помнил, чтобы кто-то за всю жизнь ударил его, даже в детстве.

— ...Сангамор, — машинально, раз уже начал, договорил он. — Он был короналом при Пелтинае, а теперь сам сделался понтифексом...

— Тебе что, зубов не жалко? Кончай насмехаться!

— Это чистая правда, дружище, — настаивал Фурвен. — Я Айтин Дундлимирский, сын Сангамора. У меня и бумаги есть. — Он начинал соображать, что докладывать этим людям о своем происхождении — не самый умный ход; он просто не думал, что есть на свете места, где это может быть опасно. Так или нет, было уже поздно идти на попятный. В его документах черным по белому значилось, кто он такой. Самое лучшее — положиться на то, что люди даже здесь не осмелятся препятствовать сыну понтифекса, хотя бы и пятому сыну.

— Я прощаю тебе это удар, — сказал он обидчику, — ты ведь не знал, с кем имеешь дело. Я позабочусь, чтобы ты не пострадал из-за этого — а теперь, при всем моем уважении к господину Касинибону, мне пора ехать.

— Сейчас ты поедешь к господину Касинибону, — ответил тот, — и лично выразишь ему свое уважение.

Фурвена бесцеремонно подняли на ноги и усадили верхом. Двое других, видимо, конюхи, привязали его верховика к остальным. Фурвен только теперь разглядел низкое строение в самой высокой точке холмистой возвышенности — к нему они и направились. Узкая, протоптанная копытами тропка в траве порой становилась совсем неразличимой. Фурвен видел теперь, что это здание — настоящая крепость, сложенная из такого же глянцевого серого камня, что и сам холм. Невысокая, всего в два этажа, она занимала удивительно боль-

шую площадь. Тропа повернула, и Фурвен заметил еще несколько ярусов на восточном склоне холма, выходящем в долину. В небе над этой долиной стоял красный отсвет. Маленький караван поднялся на вершину, и Фурвену открылась узкая полоса невероятного красного озера, которое могло быть только прославленным Барбирикским морем. Его окаймляли ряды таких же ярко-красных дюн. Господин Касинибон, кем бы он ни был, занял под свой разбойничий притон одно из живописнейших мест Маджипура, отмеченное почти потусторонней красотой. Его дерзость заслуживала восхищения. Пусть этот человек — разбойник, даже бандит, он должен также быть хоть немного художником.

Здание, когда они перевалили наконец через холм и подъехали к нему с фасада, оказалось массивным и приземистым, рассчитанным на прочность, а не на красоту, но по-своему внушительным. Два длинных крыла, отходящих от центрального корпуса, спускались вниз, к Барбирикской долине. Архитектор, как видно, заботился в первую очередь о неприступности. С западного склона, откуда только что приехал Фурвен, к твердыне нельзя было подобраться, поскольку она стояла на совершенно отвесной голой скале и не имела с той стороны ни одного окна. Тропа, поднявшись до этой скалы, сворачивала вправо и вела через вершину холма к фасаду, где всякий путник представал как на ладони перед сторожевыми башнями, частоколом и солидной крепостной стеной с подъемной решеткой. Вход был только один, и тот неширокий, окна представляли собой узкие щели, неуязвимые в случае атаки, но весьма полезные для защитников.

Фурвена ввели внутрь. Его не толкали, вообще не трогали, но чувствовалось, что люди Касинибона готовы применить силу в любой момент. Его сопроводили по длинному коридору левого крыла и вверх по короткому лестничному пролету в своего рода апартаменты: гостиная, спальня, каморка с ванной и умывальником. Стены, из такого же серого камня, как и снаружи, не имели никаких украшений. Окна всех трех комнат — такие же бойницы, как и во всем здании, — выходи-

ли на озеро. Обстановка состояла из пары голых столов, нескольких стульев, простой узкой кровати, шкафа, пустых настенных полок и кирпичного очага. Сопровождающие внесли багаж и оставили Фурвена одного, заперев дверь снаружи, как он сразу же убедился. Эти комнаты, по всей видимости, предназначались для незваных гостей, и он, без сомнения, был не первым из их числа.

Встречи с хозяином дома он удостоился не скоро. Сначала он ходил из комнаты в комнату, осматривая свое новое жилище, но на это много времени не потребовалось. Потом полюбовался немного озером, но красота пейзажа при всей своей необычайности вскоре приелась ему. Он сочинил три эпиграммы на свое приключение, но во всех трех случаях както не сумел подобрать завершающую строку и выкинул неудавшиеся стихи из памяти.

То, что он оказался пленником, не особенно его раздражало — это представлялось ему скорее чем-то новеньким, интересным эпизодом, которым можно будет позабавить друзей по возвращении. Тревожиться не было оснований. Этот господин Касинибон, наверное, какой-нибудь мелкий лорд с Горы; ему наскучила размеренная жизнь где-нибудь в Банглкоде, Стее или Бибируне, вот он и решил устроить собственное удельное княжество на диких восточных землях. Может быть, он совершил небольшое правонарушение или нанес обиду знатному родичу и потому счел за благо удалиться от света. В любом случае Фурвен не видел причины, по которой Касинибон мог бы причинить ему зло. Тот наверняка просто хотел показать, что хозяин здесь он, и немного напугать Фурвена, осмелившегося перейти границы самозваного князя без его разрешения. Пленника, конечно, скоро освободят.

Солнце между тем клонилось к Зимроэлю, и тени над красным озером становились длиннее. Видя, что день на исходе, Фурвен стал ощущать некоторое беспокойство. Слуга, пухлолицый хьорт с лягушачьими глазами, принес ему еды и вышел, ни сказав ни слова. Ужин состоял из графинчика розового вина, куска бледного мягкого мяса и чего-то, похожего на нераскрытые цветочные бутоны. Незатейливая деревен-

ская пища, подумал Фурвен, но вино оказалось хорошим, мясо нежным, соус ароматным, а «бутоны» имели приятно сладкий и в то же время пряный вкус.

Как только Фурвен поел, дверь отворилась, и вошел маленький, похожий на эльфа человечек лет пятидесяти, сероглазый, тонкогубый, одетый в зеленую кожаную куртку и тугие желтые штаны. Его походка и манера держаться давали понять, что он здесь важное лицо. Он носил подстриженные усы и острую бородку; длинные черные волосы, густо прошитые сединой, были связаны сзади. Игривость и лукавство, которые чувствовались в нем, пришлись Фурвену по вкусу.

— Касинибон, — представился человек тихо и без нажима, но с оттенком властности. — Извините за упущения, которые имели место в нашем гостеприимстве.

— Я пока не заметил ни одного, — сказал Фурвен.

— Но вы, конечно, привыкли к большему комфорту, чем могу обеспечить я. Мои люди говорят, что вы сын лорда Сангамора. — Касинибон сверкнул холодной улыбкой без всякого намека на уважение, не говоря уже о готовности повиноваться. — Возможно, они что-то не так поняли?

— Нет, все так. Я действительно младший из сыновей Сангамора, и зовут меня Айтин Фурвен. Если вы хотите видеть мои бумаги...

— Нет необходимости. По одному вашему поведению видно, кто вы.

— Могу ли я спросить... — начал Фурвен, но Касинибон тут же перебил его, да так ловко, что это почти не показалось невежливым:

— Значит, вы занимаете видный пост в правительстве его величества?

— Совсем никакого не занимаю. Вы же знаете, что высокие посты у нас даются не по наследству. Сыновьям коронала карьера не гарантирована — им предоставляют заботиться о себе самим. Когда я вырос, то обнаружил, что почти все благоприятные возможности уже использованы моими братьями. Я живу на пенсию — весьма скромную. — Последнее Фурвен добавил, подозревая, что у Касинибона на уме выкуп.

— Вы хотите сказать, что не состоите ни на какой официальной должности, так?

— Совершенно верно.

— Чем же вы тогда занимаетесь? Ничем?

— Ничем, что можно было бы расценить как работу. Я составляю компанию моему другу, герцогу Дундлимирскому, развлекаю герцога и его двор. У меня есть небольшой поэтический дар.

— Так вы поэт? — воскликнул Касинибон. — Замечательно! — В глазах у него вспыхнул огонь, и лицо его как-то сразу перестало быть хитрым, сделавшись юным и даже беззащитным. — Поэзия — моя страсть, — почти доверительно поведал он. — Единственная моя радость и утешение здесь, на краю света, вдали от цивилизации. Туминок Ласкиль! Ворнифон! Даммиюнде! Известно ли вам, сколько их произведений я знаю наизусть? — Он стал в позу, как школьник, и стал декламировать что-то из Даммиюнде — одно из самых высокопарных мест, романтическую белиберду о звездных влюбленных, над которой Фурвен потешался еще мальчишкой. Сейчас, однако, он сумел сохранить вдумчивое выражение лица, даже когда дело дошло до гонки по болотам Кайит-Кабулона. Но Касинибон, видимо, почувствовал, что его гость не питает особого уважения к поэзии Даммиюнде. Он смутился, покраснел и резко прервал свою декламацию.

— Немножко старомодно, пожалуй, но я люблю эти строки с детства.

— Не могу того же сказать о себе, — признался Фурвен. — А вот Туминок Ласкиль...

— О, Ласкиль! — И Касинибон тут же попотчевал Фурвена слезливейшей лирикой нимойянского поэта, одной из ранних его работ — но, видя нескрываемое презрение Фурвена, снова покраснел, осекся и переключился на более поздние стихи, на третий из темных «Сонетов примирения», который и прочел с удивительным артистизмом и глубиной. Фурвен, хорошо знавший и любивший этот сонет, мысленно следовал за декламатором и был странно тронут — не только самими стихами, но также восхищением и мастерским чтением Касинибона.

— Это мне гораздо больше нравится, чем первые два, — сказал он, чтобы прервать неловкое молчание, наставшее, когда отзвучало стихотворение.

Касинибон, видимо, остался доволен.

— Понимаю. Вы предпочитаете более глубокие, серьезные вещи, правда? Тогда, вероятно, две первые попытки навели вас на ложные мысли. Позвольте вас уверить: я, как и вы, предпочитаю позднего Ласкиля. К многому из того, что попроще, я тоже сердечно привязан, но поверьте, пожалуйста: я обращаюсь к поэзии за мудростью, за утешением, за наставлениями гораздо чаще, чем просто желая развлечься. Вы сам тоже творите в серьезном жанре, не так ли? Человека большого ума видно сразу — очень хотелось бы почитать. Как странно, что я нигде не встречал вашего имени.

— Я уже сказал, что мой дар скромен, и стихи мои тоже на многое не претендуют. Развлекать — вот и все, на что я способен. Свои опыты я никогда не публиковал. Мои друзья думают, что напрасно, но мои безделки не стоят такого труда.

— Не прочтете ли мне что-нибудь?

Ну, не абсурдно ли — говорить о поэзии с вожаком бандитов, чьи подручные так грубо схватили его и заперли в этой пограничной крепости, причем надолго, как начинал догадываться Фурвен. В голову не шло ничего, кроме явных глупостей, пошлейших творений пошляка-придворного. Фурвен просто не мог разоблачить себя перед этим странным разбойником как пустой, бессодержательный стихоплет, каковым, по своему внутреннему убеждению, он и являлся. Он отговорился тем, что слишком устал и переволновался, чтобы исполнить что-то надлежащим образом.

— Тогда я надеюсь на завтрашний день, — сказал Касинибон. — Буду очень рад, если вы не только познакомите меня со своим творчеством, но и создадите нечто новое за время пребывания под моим кровом.

Фурвен внимательно посмотрел на него.

— И сколько же, по вашим расчетам, я здесь пробуду?

— Это будет зависеть, — в глазах Касинибона снова зажглось лукавство, уже не столь безобидное, — от щедрости ва-

шей семьи и друзей. Об этом мы тоже поговорим завтра, принц Айтин. — Он показал за окно. Лунный свет проложил по алому озеру длинную рубиновую дорожку, ведущую на восток. — Этот вид, принц, просто обязан вдохновить человека вашего склада. — Фурвен молчал, и Касинибон, не смущаясь, заговорил о происхождении озера, о множестве мелких организмах, придавших окружающей среде такой цвет — как обыкновенный хозяин дома, гордящийся местной достопримечательностью. Но Фурвен в данный момент не проявлял интереса ни к озеру, ни к его обитателям. Касинибон это понял и сказал напоследок: — Желаю вам доброй ночи и спокойного сна.

Итак, он действительно пленник, и держат его здесь ради выкупа. Что за прелестный комический поворот! И надо же себе вообразить — в самый раз для человека, который до седых волос не излечился от любви к идиотской романтике Даммиюнде, — что за Фурвена можно потребовать выкуп!

Тем не менее Фурвен, впервые с тех пор, как здесь оказался, начинал ощущать тревогу. Это дело нешуточное. Касинибон, может быть, и романтик, но не дурак — его неприступная твердыня служит тому свидетельством. Он умудрился стать независимым правителем обширной области в каких-нибудь двух неделях пути от Замковой горы и пользуется скорее всего абсолютной властью, не считаясь ни с какими законами, кроме своих. Его люди явно не знали, что путник, попавшийся им на лугу с золотой травой, — сын коронала, но не побоялись притащить его к Касинибону, когда он уже назвал себя, а сам Касинибон, очевидно, не видит особого риска в том, чтобы держать у себя младшего сына Сангамора.

Выкуп! Подумать только!

Любопытно знать, кто этот выкуп заплатит? У самого Фурвена нет сколько-нибудь значительных средств. У герцога Танижеля они, разумеется, есть, но он, вероятно, сочтет письмо с просьбой о выкупе одной из милых шуточек Фурвена и выбросит его, посмеявшись. Повторное, более настоятельное послание вполне может постигнуть та же участь, особенно если Касинибон запросит за освобождение пленника несу-

разно высокую сумму. Герцог — человек состоятельный, но готов ли он отдать, скажем, десять тысяч реалов, чтобы вернуть Фурвена ко двору? Многовато для никчемного стихоплета.

К кому же тогда обратиться? К братьям? Едва ли. Они, все четверо, люди расчетливые и держатся за каждый грош. Он в их глазах бездельник, полное ничтожество. Они скорей оставят его здесь навсегда, чем истратят на него хоть полкроны. Ну, а понтифекс, его отец? Деньги для него ничего не значат, но Фурвен легко мог представить, как отец пожимает плечами и говорит: «Айтину это пойдет на пользу. Слишком легко ему жилось до сих пор — пусть узнает, что такое лишения».

С другой стороны, понтифекс вряд ли захочет терпеть бесчинства Касинибона. Хватать беззащитных путников и требовать за них выкуп? Это наносит удар той самой политике взаимных соглашений, благодаря которой и существует маджипурская цивилизация. Но посланные разведчики доложат, что цитадель неприступна, и командование решит, что ее взятие не стоит человеческих жизней. Последует суровый вердикт, предписывающий Касинибону отпустить пленника и никогда больше не брать других, — этим все и ограничится. «Сидеть мне тут до конца дней своих, — угрюмо заключил Фурвен, расхаживая взад-вперед по своим покоям. — Господин Касинибон назначит меня придворным поэтом, и мы будем читать друг другу Туминока Ласкиля, пока я вконец не свихнусь».

Мрачная перспектива — но голову над ней ломать незачем, по крайней мере на ночь глядя. Фурвен, насколько мог, отогнал от себя невеселые мысли и приготовился ко сну.

Жесткая постель во многом уступала той, на которой он спал в Дундлимире, но была все-таки предпочтительней десяти последних его ночевок под звездным небом. Засыпая, он, как с ним бывало не раз, почувствовал, что какой-то стих стучится в двери его сознания. Фурвен видел лишь смутные очертания пришельца, но ощущал, что это нечто необычайное, по крайней мере для него. Не просто необычайное — уникальное, беспрецедентное, куда более обширное и глубо-

кое, чем он сочинял до сих пор, хотя тема пока оставалась неясной. Неведомый гость тем временем стучался к нему все настойчивее. Да, это явно могучий замысел — из тех, что затрагивают и душу, и сердце, и ум и преображают каждого, к кому приближаются. Фурвена даже слегка пугал подобный масштаб. Он не знал, что ему делать с такой идеей. В ней чувствовались и сила, и музыка, мрачная и ликующая одновременно. Это, конечно, были еще не стихи, а только намек на них. Сами стихи не желали показываться, а когда Фурвен пытался поймать их, ускользали, как юркий билантун, в темноту подсознания. Он долго лежал без сна и ждал их, но они так и не вышли.

Наконец он бросил бесплодные попытки и попробовал снова уснуть. Он знал, что стихи насильно не словишь — они приходят, лишь когда сами хотят, и приманивать их тоже бесполезно. А вот тема не давала ему покоя. Даже в момент засыпания он не уловил, о чем они, эти стихи. Ничего осязаемого — ясно только, что это мощная вещь, даже величественная, исполненная глубокого смысла. Фурвен был более или менее уверен в одном: это и есть то самое капитальное произведение, на которое все, кроме него самого, считали его способным. Оно наконец-то явилось и вот дразнит его, искушает. Оно показало ему лишь свою ауру, просияло и скрылось, как бы высмеивая автора за всю праздность минувших лет. Пропавшая поэма Айтина Фурвина, трагедия с оттенком иронии. Мир никогда не узнает о ней, и лишь творец будет вечно оплакивать свою утрату.

«Да какая там утрата, — тут же сказал он себе. — Не будь дураком. Сонный ум сыграл с тобой шутку, вот и все. Тень поэмы — еще не поэма. Думать, что ты лишился шедевра — чистейшее идиотство. Откуда тебе знать, какими предстали бы эти стихи при полной ясности? Как можно судить о качестве произведения, отказавшегося явиться на свет? Ты просто льстишь себе, полагая, что это было нечто. Божество не наделило тебя снаряжением, потребным для ковки поэм. Кропай себе свои легкие пустячки, а на шедевры не замахивайся. Твоя гостья — всего лишь призрак, порождение усталого мозга,

фантастический отзвук странной беседы с Касинибоном». Фурвен погрузился в дремоту, и сон быстро завладел им.

Проснувшись со смутным воспоминанием об ускользнувших стихах, Фурвен не мог понять, где он. Голые стены, узкая жесткая кровать, оконная щель, в которую лилось беспощадное утреннее солнце... Вспомнив, что заключен в крепости Касинибона, он сперва рассердился. Путешествие, предпринятое им ради очищения смятенной души, закончилось шайкой обыкновенных бандитов. Потом новизна подобного опыта снова его позабавила, а грубое вмешательство в его жизнь вновь вызвало гнев. Он знал, впрочем, что гневаться бесполезно. Надо сохранять спокойствие и рассматривать все это как приключение, как материал для стихов и анекдотов, которыми он повеселит друзей, вернувшись наконец в Дундлимир.

Он принял ванну, оделся и некоторое время изучал игру утреннего света на тихой поверхности озера, которое в этот ранний час казалось скорее багровым, чем алым. Затем его снова охватило раздражение, и он мерил шагами комнаты, когда хьорт принес ему завтрак. Поздним утром к нему зашел Касинибон, всего на пару минут, и время тянулось бесконечно до появления хьорта со вторым завтраком. Фурвен попытался обнаружить хоть какие-то следы утерянной поэмы, но не преуспел, а лишь испытал острое сожаление непонятно о чем. После этого ему больше ничего не осталось, как смотреть на озеро, и хотя красота этого водоема менялась ежечасно в зависимости от солнечного освещения, скоро и она перестала находить отклик в его душе.

Он взял с собой в дорогу несколько книг, но сейчас ему не хотелось читать. Слова на странице казались сочетаниями бессмысленных знаков. К сочинительству душа тоже не лежала, точно пропажа мнимого ночного шедевра лишила его способности писать даже привычные легкие стишки. Фонтан поэзии, бивший из него столько лет, загадочным образом иссяк, и Фурвен стал пуст, как окружавшие его стены. Ему нечем было утешиться в своем одиночестве, хотя раньше такая задача перед ним никогда не стояла. Он не так уж

часто оставался один, а если оставался, то всегда умел развлечь себя какими-то словесными играми — теперь ему почему-то и это не удавалось. Начав свое путешествие, он обнаружил, что одиночество — не тяжкое бремя, а скорее поучительное и освежающее новое переживание; но там, на воле, он ежедневно видел новые пейзажи, незнакомую флору и фауну, там его захватывала сама идея путешествия, там ему приходилось самому готовить себе еду, подыскивать место для ночлега, водные источники и так далее. Здесь, запертый в голых комнатах, он снова оказался предоставлен сам себе — но единственным его ресурсом было неиссякаемое поэтическое воображение, к которому ему по неизвестной причине вдруг перекрыли доступ.

Вскоре после второго завтрака пришел Касинибон.

— Ну так что, к озеру?

— К озеру.

Атаман повел его через всю крепость, спускаясь все ниже. Самый нижний коридор вывел их на посыпанную гравием тропу, плавными извивами сходившую к красному озеру. Их, к удивлению Фурвена, никто не сопровождал. Касинибон шагал впереди, явно не опасаясь нападения с его стороны.

«Я мог бы достать свой нож, — думал Фурвен, — приставить ему к горлу и заставить его поклясться меня отпустить. Или просто сбить его с ног, стукнуть пару раз головой о камень и убежать. Или...»

Нет, все это пустые мечты. Касинибон хотя и мал ростом, но с виду силен и ловок. Если Фурвен вздумает на него напасть, то наверняка пожалеет об этом. А в кустах, возможно, спрятаны телохранители главаря. И если Фурвен даже исхитрится совладать с противником и удрать, то что толку? Люди Касинибона его выследят и через час доставят обратно.

«Я его гость, — сказал себе Фурвен, пусть все пока так и остается».

У озера их ждали два верховика. Один — тот самый горячий скакун густо-бордовой масти с огненными глазами, на котором Фурвен приехал из Дундлимира, другой коротконогий и желтый, напоминающий ездовую крестьянскую клячу

Касинибон сел на него и жестом предложил Фурвену следовать за ним.

— Барбирикское море, — заговорил атаман механическим голосом гида, — насчитывает около трехсот миль в длину, но в самом широком поперечном месте составляет не более двух тысяч футов. На обоих концах его замыкают практически непреодолимые утесы. Мы так и не сумели найти питающие его источники, но во время дождей оно наполняется целиком.

Вблизи озеро больше, чем когда-либо, походило на гигантскую лужу крови. Густой красный цвет делал воду совершенно непрозрачной. В ней не было видно никакой жизни, лишь пылало огненным диском отраженное солнце.

— Живет ли в нем кто-нибудь? — спросил Фурвен. — Кроме ракообразных, придающих ему этот цвет?

— Да, конечно. Ведь это вода, хоть и красная. Мы каждый день ловим в нем рыбу, и улов очень неплох.

Тропа, на которой едва умещались двое животных, отделяла озеро от высоких красных дюн. Следуя вдоль берега на восток, Касинибон продолжал исполнять роль гида. Он показал Фурвену растение с мясистыми лиловатыми пальчиковыми листьями, прекрасно себя чувствующее в этих песках и сплошняком покрывающее склоны дюн. Показал желтошеюю хищную птицу, паривщую в небе — она то и дело срывалась вниз и выхватывала что-то из воды, — а также круглых мохнатых крабов, которые, как мыши, копошились на берегу, ища себе пропитание в красном иле. Касинибон приводил их научные названия, но они тут же выветрились у Фурвена из головы. Фурвен никогда не старался расширить свой кругозор в области естествознания, хотя обитатели дикой природы по-своему занимали его. Зато Касинибон, явно влюбленный в этот край, знал тут каждую козявку и былинку. Фурвен, вежливо слушавший его, находил все эти мелочи скучными и ненужными.

Багряный цвет Барбирикского моря оказывал на него сильное действие. Красота такого рода ошеломляла. Весь мир точно окрасился в алый цвет: за вершинами дюн ничего не было видно — только красное озеро и пески слева, барьер из крас-

ных дюн справа да купол неба над головой, отражающий все это в чуть более бледном оттенке. Красное, красное, красное — оно обволакивало Фурвена, запекало в себе, и он полностью отдался этому ощущению.

Касинибон заметил, что он молчит.

— Чистейшая поэзия, верно? — гордо произнес атаман, обводя рукой оба берега, небо и темную громаду своей крепости позади. Проехав по долине около полулиги, они сделали остановку. Все здесь казалось таким же, как в начале пути — одно только красное со всех сторон. — Для меня это постоянный источник вдохновения, и с вами, уверен, будет то же самое. Вы создадите здесь свой шедевр. Поверьте мне, я знаю.

В искренности Касинибона можно было не сомневаться, но Фурвена возмутило то, что атаман вторгся в его сокровенные мысли, а слово «шедевр» заставило его поморщиться. Он не хотел даже слышать о шедеврах после своего ночного полусна, в котором собственный мозг посмеялся над его амбициями, приведя его к самому порогу чего-то возвышенного, но недоступного ему.

— Боюсь, что муза на какое-то время меня покинула, — ответил он вслух.

— Она вернется. Из того, что вы мне сказали, я заключил, что склонность к поэзии у вас врожденная. Случалось ли вам не сочинять ничего в течение долгого срока — ну, скажем, неделю?

— Пожалуй, что нет. Не помню. Стихи приходят, повинуясь собственному ритму. Я этого даже не сознаю.

— Через неделю, через две, но они придут. Я знаю. — В голосе Касинибона слышалось странное волнение. — Великая поэма Айтина Фурвена, созданная им, пока он гостил у Касинибона Барбирикского! Я даже смею надеяться на посвящение — или это уж слишком?

Это становилось невыносимым. Почему весь мир будто сговорился вылущить из него, Фурвена, нечто великое?

— Позвольте поправить вас снова. Я ваш пленник, Касинибон, а не гость.

— Хорошо уже то, что вы говорите это без гнева.

— Что пользы злиться? Но когда человека держат у себя ради выкупа...

— Выкуп — некрасивое слово. Я предпочитаю, чтобы ваша семья заплатила за право вашего проезда по моей территории, раз уж вы сам не в состоянии это сделать. Можете называть это выкупом, если хотите, только для меня это обидно.

— В таком случае я беру свои слова назад. — Фурвен по-прежнему скрывал раздражение за деланной беззаботностью тона. — Не в моих правилах обижать хозяина дома, у которого я гощу.

Вечером они пообедали вместе, только вдвоем, в большом, гулком, освещенном свечами зале. Слуги-хьорты в ярких ливреях сновали туда-сюда с нелепой важностью, которую любят напускать на себя представители этой малопривлекательной расы. Сначала подали компот из неизвестных Фурвену фруктов, затем нежнейшую рыбу в темном, похожем на медовый, соусе, затем несколько сортов зажаренного на решетке мяса с гарниром из овощей. Каждое блюдо сопровождалось безупречным подбором вин. Фурвен порой замечал в коридоре за дверью фигуры других разбойников, но в комнату они не входили.

Касинибон, раскрасневшись от вина, стал откровенно говорить о себе. Трогательно было смотреть, как ему хочется заслужить дружбу своего пленника. Он тоже был младшим, третьим сыном графа Кеккиноркского. Фурвен не знал места под названием Кеккинорк, и Касинибон пояснил:

— Это в двух часах хода от побережья Великого моря. Мои предки добывали там красивый голубой камень, известный как морской шпат. Коронал лорд Пинитор в старину использовал его для отделки стен города Бомбифаля. Когда работы завершились, некоторые из горняков решили не возвращаться на Замковую гору и зажили в Кеккинорке, на краю Великого моря — зажили как вольные люди, вне досягаемости понтифекса и коронала. Граф, мой отец, был шестнадцатым обладателем этого титула по прямой линии.

— Титул пожаловал вам лорд Пинитор?

— Его пожаловал сам себе первый из графов. Мы, Фурвен, происходим от простых горняков и каменотесов. Но если копнуть поглубже, то окажется, что и в лордах Замковой горы течет кровь простолюдинов.

— Вы правы. — Эта сторона дела мало занимала Фурвена — главным было то, что вот этот человечек, сидящий бок о бок с ним, видел своими глазами Великое море и вырос в той части Маджипура, которая общественному мнению представлялась почти мифической. С трудом верилось, что там, в восточных пределах Альханроэля, существует настоящий, хотя и маленький, город, о котором географы и сборщики налогов понятия не имеют. Особенно изумляло то, что там есть собственная аристократия, насчитывающая шестнадцать поколений — графы, маркизы и так далее.

Касинибон подлил вина в чаши. Фурвен, старавшийся пить умеренно, к концу вечера тоже разрумянился благодаря беспощадному гостеприимству Касинибона, и в голове слегка зашумело. Сам хозяин, судя по остекленевшему взору, был сильно пьян.

Обиняками, трудными для понимания, он стал рассказывать о какой-то семейной ссоре. Он, кажется, поспорил с одним из братьев из-за женщины, любви всей своей жизни, а отец принял сторону брата. Фурвену это было знакомо: и брат-захватчик, и отстраненно-безразличный благородный отец, и младший сын, к которому относятся со снисходительным пренебрежением. Но Фурвен — возможно, потому, что никогда не страдал избытком честолюбия, — не позволял разочарованиям юности омрачать свой разум. Он всегда чувствовал себя почти незаметным для своего динамичного отца и агрессивных братьев. Он не ожидал от них ничего, кроме безразличия, и не удивлялся, когда именно его и получал; это не мешало ему строить жизнь по своему вкусу. Чем меньше ждешь, гласил его принцип, тем меньше у тебя оснований для неудовлетворенности.

Касинибон, однако, был человек иного рода, горячий и решительный. Ожесточенная ссора с братом привела наконец к насильственным действиям (Фурвен так и не понял,

против отца или против брата), после чего Касинибон счел за лучшее бежать из Кеккинорка, а возможно, был изгнан; он долго скитался по восточному краю, пока не воздвиг здесь, на Барбирике, свой оплот, отгородившись от любых посягательств на свою независимость.

— Здесь я и живу по сей день, — завершил он. — Не имея никаких дел ни со своей семьей, ни с понтифексом и короналом. Я сам себе хозяин и властелин своего маленького королевства, а тот, кто забредет на мою землю, должен платить за это. Еще вина, Фурвен?

— Благодарю, нет.

Касинибон стал наливать, будто не слыша. Фурвен хотел было отвести его руку, но не стал.

— Знаете, Фурвен, вы мне нравитесь. Мы едва знакомы, но я разбираюсь в людях лучше кого бы то ни было, и вижу в вас глубину. Величие.

«А я вижу, что ты не дурак выпить», — подумал Фурвен, но промолчал.

— Если за вас заплатят, мне, наверное, придется вас отпустить. Ведь я человек чести. А жаль. Мне здесь нечасто доводится встречать умных людей. Я, конечно, сам выбрал такую жизнь, но все же...

— Вам, должно быть, очень одиноко.

Фурвену пришло в голову, что он не видел в крепости ни одной женщины, даже следов женского присутствия: одни хьорты да головорезы Касинибона. Быть может, атаман представляет собой редкое явление, именуемое однолюбом? И та женщина из Кеккинорка, которую отнял у него брат, как раз и была той единственной любовью? Невесело же ему тогда жить в своем уединенном замке. Неудивительно, что он ищет утешения в поэзии и все еще способен восхищаться, в его-то годы, пустыми иллюзиями Даммиюнде и Туминока Ласкиля.

— Одиноко, не отрицаю. — Касинибон повернул к Фурвену налитые кровью глаза, красные, как воды Барбирикского моря. — Но к одиночеству привыкаешь. В жизни нам всегда приходится делать выбор — пусть не слишком удачный, зато наш, верно? В конечном счете мы выбираем то, что выбираем, потому что... потому что...

Фурвен думал, что Касинибон сейчас уронит голову на стол и уснет, но нет: глаза атамана оставались открытыми, и он медленно шевелил губами, подыскивая слова, чтобы как можно лучше выразить свою мысль.

Фурвен ждал, пока не стало ясно, что Касинибон этих слов не найдет. Тогда он тронул сотрапезника за плечо и сказал:

— Извините, но час уже поздний.

Касинибон кивнул, и хьорт в ливрее проводил Фурвена в его покои.

Ночью ему приснился такой стройный и ясный сон, что Фурвен, даже не просыпаясь подумал, что он послан ему Владычицей Острова, каждую ночь дающей поддержку и утешение миллионам спящих маджипурцев. Если это действительно было посланием, с ним такое случилось впервые: Владычица не часто посещает умы принцев, живущих в Замке, а к Фурвену ей и вовсе не полагалось захаживать. По древнему обычаю Владычицей Острова выбирают мать правящего коронала, поэтому снами почти всю жизнь Фурвена руководила его родная бабушка, которая явилась бы внуку лишь в случае крайней нужды. Теперь, когда лорд Сангамор стал понтифексом, в Замке появился новый коронал, а на Острове — новая владычица, но все-таки... посылать сон ему? В этом месте? Зачем?

Досмотрев сон и снова уплывая в дремоту, Фурвен решил, что это никакое не послание, а просто продукт его собственного разума, перевозбужденного после вечера с Касинибоном. Эти образы слишком личные, слишком интимные, чтобы их могла внушить ему незнакомая женщина, ставшая теперь госпожой снов. При этом он сознавал, что сон ему привиделся необычный, из тех, что способны определить всю последующую жизнь.

Во сне его дух выбрался из мрачного приюта Касинибона и полетел над ночными равнинами на восток, где за голубыми утесами Кеккинорка начиналось Великое море, заполняющее неизмеримое пространство от Альханроэля до Зимроэля. Здесь, на крайней восточной оконечности суши, далеко

от всех знакомых ему мест, он увидел, как рождается день из глубин океана. Море, розовое у песчаного берега, дальше становилось светло-зеленым, а зелень, постепенно густея, переходила в лазурь неведомых глубин.

Высоко над океаном парил Божественный Дух, непознаваемый, бесконечный, всевидящий. Не видя ни формы, ни облика, Фурвен все же узнал его, а Дух узнал Фурвена, и коснулся его ума, и соединил его, на один ошеломляющий миг, со своей непостижимой огромностью. И в этот бесконечно долгий миг в Фурвена влилось каскадом величайшее из всех поэтических произведений, поэма, которую мог создать только бог, открывающая смысл жизни и смерти, судьбу всех миров и всех живущих в них существ. Так по крайней мере представлялось Фурвену, когда он уже проснулся и лежал, весь дрожа, размышляя о явленном ему видении.

Теперь от этого видения не осталось ничего, ни единой детали, по которой он мог бы восстановить целое. Оно лопнуло, как мыльный пузырь, и растворилось во тьме. Фурвену снова показали поэму глубочайшей красы и снова ее отняли.

Этот сон, однако, в корне отличался от первого. Первый был жестокой шуткой, грубой насмешкой. Фурвену дали понять, что где-то в нем таится великое произведение, которое навсегда останется для него недоступным. На этот раз он пережил всю поэму во всей ее громадности, строфа за строфой, песнь за песнью. Он утратил ее, проснувшись, но верил, что сможет обрести вновь. Первый сон сказал ему: ты пустышка и способен только на пошлости. Второй сказал: ты способен творить, подобно богу, и должен попытаться воплотить свое творение в жизнь.

Содержание своего труда Фурвен забыл начисто, но форма, канва поэмы, ее ритмический узор отпечаталась в мозгу намертво: он видел, как стихи складываются в строфы, а строфы в песни. Всего лишь пустой сосуд, это верно — но если у него остался хотя бы сосуд, то есть надежда отыскать содержимое.

Образец был так четок, что Фурвен вряд ли мог его забыть — но он, не желая рисковать, схватил перо и записал его

на листе бумаги. Не пытаясь вспомнить ушедшие из памяти строки, он использовал бессмысленные слоги, так называемую «рыбу», чтобы сохранить ритм и размер. Покончив с этим, он стал бормотать вслух, подвергая записанное сознательному анализу. Конструкция стиха при всем своем великолепии была почти до смешного замысловата. Разобравшись в ней, Фурвен спросил себя, изобретал ли когда-нибудь поэтический ум нечто подобное и взялся бы хоть один поэт за всю историю вселенной осуществить столь экстравагантный замысел.

Строение стиха заставляло отказаться от традиционных метрических размеров, всех этих ямбов, хореев, дактилей, спондеев и анапестов, которые Фурвен знал так хорошо и из которых с такой легкостью стряпал свои опусы. Они настолько въелись в него, что другим казалось, будто он сочиняет не задумываясь и что стихи даются ему как дыхание, без всяких сознательных усилий. Но эта строфа — Фурвен повторял ее снова и снова, пытаясь раскусить ее тайну — выходила за рамки всего, что он знал о ремесле стихосложения.

Сначала он не находил в этом ритмическом рисунке никакого порядка и не понимал, чем объяснить его странную притягательную силу. Потом ему пришло в голову, что метрика приснившейся ему поэмы должна быть количественной, основанной не на ударениях, а на длине слогов — эта система сперва поразила его своей зыбкостью и ненадежностью, но поэта, достаточно искусного, чтобы ею овладеть, она могла наградить поистине глубокими строками. Такая строфа, умело выстроенная, обладала силой заклятия и над читателем имела бы великую власть. Система рифм по сложности не уступала размеру. Строфа, состоящая из семнадцати строк, допускала только три разные рифмы: пять ее внутренних двустиший разделялись триолетом и уравновешивались четырьмя, на первый взгляд, нерифмованными строчками, которые на самом деле соединялись со смежными строфами.

Можно ли написать поэму, подчиняясь такой структуре? Да, конечно — но у кого из поэтов хватило бы на это терпения? Это под силу лишь Божеству. Божество, по определе-

нию, способно на все — для силы, создавшей миры и звезды, эта игра слогов и рифм — всего лишь занятная головоломка. Для смертного вступать в состязание с подобной мощью было бы не просто кощунством, а достойной презрения глупостью. Фурвен мог бы, если очень постараться, составить три-четыре строфы по такой схеме — ну, скажем, десять, это еще могло быть оправдано в поэтическом смысле. Но целую песнь? Или целую последовательность песней, составляющих грандиозный эпос? Нет, нет и нет. Это свело бы его с ума. Можно не сомневаться: браться за труд такого масштаба — значит обречь себя на безумие.

И все же такие сны зря не снятся. Прошлый оставил его со вкусом пепла во рту. Этот показал, что он — не Божество, а именно он, поскольку Фурвен не отличался особой набожностью и был уверен, что его спящий мозг обошелся без сверхъестественного вмешательства, — способен изобрести строфу почти немыслимой сложности. Должно быть, эта идея всегда жила в нем и медленно зрела, заявляя о себе только во время сна. А переживания, связанные с пленом, поспособствовали ее рождению на свет. Фурвен больше не веселился, как в первый день своего заточения, и ему становилось все труднее смотреть на свою ситуацию с юмором. Растущие гнев, досада и беспокойство, должно быть, изменили химию его мозга, направили мысли в новое русло и выявили новые грани его поэтического мастерства.

Не то чтобы он понимал, как применить на практике то, что подсказала ему прошедшая ночь, но сознавать, что ты способен на нечто незаурядное, было приятно само по себе. Возможно, теперь он сможет вернуться к обычному легкому жанру. Фурвен знал, что никогда не одарит мир бессмертным творением, которого так жаждет Касинибон, но надеялся вернуть хотя бы тот маленький талант, который сопровождал его всю жизнь до недавнего времени.

Но дни шли за днями, а Фурвен оставался бесплодным. Не помогали ни просьбы Касинибона, ни собственные старания. Дар легкой импровизации отошел так далеко в про-

шлое, что Фурвен начинал сомневаться, существовал ли тот когда-нибудь вообще.

Плен становился для него все тяжелее. Он привык к праздной жизни, но никогда еще не сталкивался с необходимостью вынужденного безделья, и ему не терпелось продолжить свой путь. Касинибон по мере сил изображал радушного хозяина — ежедневно устраивал прогулки верхом в красную долину, отыскивал лучшие вина в своих на удивление богатых подвалах, предлагал гостю любые книги на его выбор (у него и библиотека была на зависть) и не упускал случая завести серьезный разговор о литературе.

Но факт оставался фактом: Фурвен жил в этом унылом месте на положении узника, пусть и привилегированного, переживая при этом собственный внутренний кризис. Касинибон теперь разрешал ему свободно ходить по замку и прилегающей территории — куда, в конце концов, он мог убежать? — но гулкие залы и большей частью пустые комнаты плохо отвлекали от тягостных мыслей. Общество Касинибона, как Фурвен ни притворялся, тоже не слишком радовало, а больше водить компанию было не с кем. Атаман, оказавшийся здесь из-за ненависти к собственной семье, исковерканный долгими годами изоляции, был в крепости таким же узником, как и Фурвен. За его наружным дружелюбием, граничившим порой с игривостью, таилась темная ярость, то и дело прорывавшаяся наружу. Фурвен чувствовал эту ярость и страшился ее.

Он так до сих пор и не составил письмо о выкупе. Эта затея казалась ему пустой и к тому же смущала: что, если он попросит, а на его просьбу никто не откликнется? Но растущая вероятность остаться здесь навсегда погружала его в глубокое отчаяние.

Особенно тяжко было выносить влюбленность Касинибона в поэзию. Ни о чем другом тот говорить не желал — а Фурвен, напротив, никогда особенно не любил разговоров о поэзии. Он оставлял это академикам, которые сами лишены творческой жилки и находят подобие удовлетворения в бесконечных рассуждениях о том, что им не дано — и еще ин-

теллигентам, которые считают своим долгом расхаживать повсюду с томиком стихов и даже порой раскрывать его, чтобы привести цитату из модного ныне поэта. Фурвен, производивший стихи без всяких усилий и не придававший важности своим успехам, таких разговоров не поощрял. Поэзия для него была делом, а не предметом обсуждения. И вот теперь он — о ужас! — попал в плен к самому разговорчивому из ценителей искусства, да к тому же еще невежественному!

Касинибон, как большинство самоучек, не понимал в стихах ничего — он поглощал все без разбору и восхищался всем в равной степени. Банальные образы, свинцовые рифмы, затасканные метафоры, смехотворные сравнения — все это он пропускал как ни в чем не бывало, а может быть, и не замечал. От стихов он требовал одного — эмоционального подъема, и если находил его, то прощал все остальное.

Первые несколько недель Фурвен каждый вечер слушал, как Касинибон читает свои любимые стихи. В его обширной библиотеке, где многие книги были порядком зачитаны и порой даже разваливались, имелись труды каждого известного Фурвену поэта, а также тех, о ком он и слыхом не слыхал. Одна только многочисленность этой коллекции говорила о неразборчивости читателя. Страстную любовь Касинибона к поэзии Фурвен расценивал как недостаток вкуса. «Позвольте прочесть вам вот это!» — с горящими глазами восклицал Касинибон и начинал выдавать нечто длинное и неудобоваримое из Гансислада или Эмменгильда. «А знаете, о чем это мне напомнило?» — спрашивал он, когда не успевали еще отзвучать патетические заключительные строки, хватал свой излюбленный томик Вортрайлина и с тем же энтузиазмом декламировал самую сентиментальную чушь, какую только Фурвену доводилось слышать. Разницы он явно не чувствовал.

Часто он просил Фурвена самого почитать стихи, желая послушать, как это делает профессионал. Вкусы Фурвена всегда склонялись к легкому жанру, в котором творил он сам, но он, как всякий культурный человек, мог ценить и серьезные вещи; при таких оказиях он злорадно выбирал самые заковыристые сверхсовременные изыски, какие только мог най-

ти на полках библиотеки, — он их сам понимал с трудом, что уж там говорить о Касинибоне, но атаману и они нравились. «Превосходно, — шептал он с восторгом. — Какая музыка!»

«С ума сойти», — думал Фурвен.

В процессе этих ночных поэтических бдений Касинибон стал настаивать, чтобы Фурвен прочел что-то свое. Отговариваться усталостью, как в первый день, не было больше возможности. Не слишком правдоподобными казались и ссылки на то, что он ничего своего не помнит. Поэтому в конце концов Фурвен сдался и прочел кое-что. Касинибон аплодировал ему от души и, кажется, с полной искренностью, а потом стал хвалить автора не только за изящество, но и за глубокое проникновение в человеческую натуру. Фурвена это крайне смущало; сам он находил неприятными как тривиальность тем, так и гладкость исполнения. Ему понадобилось все его аристократическое воспитание, чтобы не заорать вслух: «Да неужели вы не видите, какая это глупость и дрянь!» Это было бы жестоко, а кроме того, и невежливо. Оба они теперь притворялись, что дружат, хотя Касинибон, возможно, и не притворялся. Нельзя называть друга в лицо дураком и ждать, что он после этого останется твоим другом.

А больше всего мучений доставляло пленнику искреннее желание Касинибона, чтобы Фурвен создал под его кровом нечто новое и значительное. В этом стремлении добиться шедевра, который навеки связал бы их имена в анналах поэзии, игривостью и не пахло. За робкой надеждой, с которой Касинибон это высказывал, чувствовалась жгучая нужда. Фурвен подозревал, что пожелания вскоре могут смениться прямым давлением и что Касинибон не угомонится, пока не выжмет из него этот самый шедевр. На вопросы Касинибона относительно новой работы он отвечал уклончиво, говоря довольно правдиво, что вдохновение еще не снизошло на него, но вопросы делались все настойчивее.

Пора было также заняться вплотную вопросом выкупа, который Фурвен все еще отодвигал от себя. Он понимал, что не пробудет здесь долго без того или иного душевного взрыва, но единственным способом выбраться отсюда оставались

чужие деньги. Найдется ли кто-нибудь в этом мире, согласный пожертвовать ради него своими деньгами? Он полагал, что знает ответ, и в то же время боялся подтверждения своих страхов. Но если он даже попросить не решится, то так и будет до конца своих дней слушать в исполнении Касинибона образцы наихудшей поэзии, созданной человечеством, и отбиваться от требований того же Касинибона создать то, что лежит за пределами его возможностей.

— Сколько, на ваш взгляд, следует мне запросить за мою свободу? — спросил он однажды, когда они ехали рядом по берегу озера.

Касинибон назвал сумму — очень внушительную, почти вдвое превышавшую самые смелые догадки Фурвена. Но он спросил, Касинибон ответил, и торговаться было уже неприлично.

Фурвен решил, что первым делом обратится к герцогу Танижелю. Братьям его судьба, в сущности, безразлична. Отец, вероятно, настроен добрее, но он далеко, в Лабиринте, да и рискованно в таком деле прибегать к помощи понтифекса: если правительственная армия двинется на Барбирик освобождать пленного принца, Касинибон может отозваться на это весьма неприятным и даже фатальным образом. Такой же риск заложен в обращении к новому короналу, лорду Ханзимару. Бандитские шайки на окраинах населенных земель — это, строго говоря, его ведомство, но Фурвен именно того и боялся, что коронал захочет преподать Касинибону урок. Как бы это урок не вышел пленнику боком. А еще вероятнее, что Ханзимар, никогда не питавший особой привязанности к сыновьям своего предшественника, вообще ничего не предпримет. Да, Танижель — единственная его надежда, хотя и слабая.

Фурвен имел кое-какое понятие о герцогском богатстве: даже его несусветный выкуп не превысил бы недельного бюджета дундлимирского дворца со всеми пирами и празднествами. Может быть, Танижель и соизволит помочь, хотя бы в память их былых веселых деньков. Фурвен просидел полдня над письмом к герцогу, марая и вычеркивая. Легкое, почти

шутливое послание должно было также дать понять, что герцогу придется-таки раскошелиться, если он хочет снова увидеть своего друга Фурвена. Письмо он вручил Касинибону, и тот послал в Дундлимир своего человека.

— А нынешний вечер я хотел бы посвятить балладам Гартена Хагавона, — сказал атаман.

В начале четвертой недели своего плена Фурвен вновь совершил во сне путешествие к берегам Великого моря и вновь получил откровение Божества, явившегося ему в образе высокого, плечистого, жизнерадостного человека с золотистыми волосами, с серебряным обручем коронала на голове. В миг пробуждения у него в голове сохранилась, насколько он мог судить, примерно треть одной из песней поэмы, стих за стихом, строфа за строфой — но все это почти сразу же начало меркнуть. Из страха потерять стихи снова Фурвен стал записывать их на бумаге и увидел, что они в точности следуют тому самому образцу метра и рифм, которое Божество внушило ему в прошлый раз.

Да, записанные им стихи были частью той самой поэмы — вернее, не частью, а всего лишь отрывком. Они начинались на середине одной строфы и обрывались несколько страниц спустя на середине другой. Повествовали они о войне, которую несколько тысячелетий назад вел прославленный лорд Стиамот с мятежными аборигенами Маджипура, меняющими облик метаморфами. В отрывке, который Фурвену удалось записать, говорилось о знаменитом переходе Стиамота через предгорья Зигнора на севере Альханроэля, послужившем кульминацией долгой и тяжкой борьбы. Стиамот поджег тогда всю округу, иссохшую после жаркого лета, и выкурил последних партизан-метаморфов из их укрытий. Рассказ прерывался на столкновении Стиамота с непокорным помещиком, представителем старой северной аристократии — тот пренебрег словами полководца, предупредившего его о своем намерении, и не пожелал уходить со своей земли.

Перечитав написанное, Фурвен испытал изумление и даже испуг. Стиль, общий подход, размер и рифмовка — все это,

отдельно взятое, несомненно, принадлежало ему. Он узнавал знакомые обороты речи, свои излюбленные сравнения, подбор рифм, свойственных одному лишь Айтину Фурвену. Но как могло нечто столь сложное и глубокое зародиться в его мелком умишке без прямого вмешательства Божества? Стих был могуч, другого слова не подберешь. Фурвен перечитал все еще раз, вслух, упиваясь звучностью, ассонансами, жилистой силой строки, чеканностью каждой строфы. Никогда он еще не писал чего-то хоть отдаленно похожего. Потребной для этого техникой он, возможно, и обладал, но даже представить не мог, что эта техника найдет себе столь поразительное применение.

А некоторых вещей, относящихся к кампании Стиамота, он как будто и знать не мог. Учителя в свое время, конечно, рассказывали ему о подвигах этого великого исторического деятеля, но с тех пор прошли уже добрые десятки лет. Где он взял все эти географические названия — Милиморн, Хемифью, Бизферн, Каттикаун? Слышал он их когда-то или выдумал сам?

Выдумал... Ну что ж, слова выдумать всякий может. А военные действия, все эти походные колонны, обозы и прочее? Все это словно писал за него кто-то другой, куда более сведущий. Как же он в таком случае может объявлять эту поэму своей — и откуда она взялась тем не менее, если не из его головы? Или он действительно только средство, через которое Божество решило осуществить свой замысел? Шаткие религиозные устои Фурвена едва ли допускали такую мысль, и все же... все же...

Касинибон сразу заметил, что стряслось нечто из ряда вон.

— Вы начали работать, не так ли?

— Да. Начал поэму, — смущенно признался Фурвен.

— Превосходно! Когда я смогу увидеть ее?

В глазах атамана загорелся такой огонь, что Фурвен отступил немного назад.

— Во всяком случае, не сейчас. Слишком рано показывать ее кому бы то ни было. Одно неосторожное постороннее слово может сбить меня с верного пути.

— Клянусь, что буду молчать. Я просто хотел бы...

— Нет. Я прошу вас. — Сталь, прозвучавшая в собственном голосе, удивила Фурвена. — Я еще не совсем понимаю, что написал — мне нужно все взвесить, нужно подумать. Это я должен сделать один. Говорю вам, я боюсь потерять все, если открою хоть часть. Пожалуйста, не теребите меня.

И Касинибон, кажется, понял.

— Да, конечно, — сказал он почти подобострастно. — Было бы настоящей трагедией, если б моя навязчивость преградила поток вашего творчества. Беру свою просьбу обратно, но обещайте, что позволите мне взглянуть, как только сочтете, что время пришло...

— Непременно. Как только сочту, что оно пришло.

Фурвен ушел к себе и не без трепета душевного принялся за работу. Столь официальное усаживание за работу было для него чем-то новым. Все прежние стихи находили его сами и шли по прямой линии из головы к пальцам. Ему никогда не приходилось отправляться на их поиски. Теперь, однако, он целенаправленно сел за свой маленький голый стол, положив рядом пару перьев, выровнял стопку чистой бумаги, закрыл глаза и стал ждать вдохновения.

Вскоре, однако, он обнаружил, что вдохновение не приходит так просто, особенно когда берешься за такого рода задачу. Старые его методы здесь не годились. Сначала требовалось собрать материал, усвоить его назубок и подчинить своей воле. Он, по всей видимости, пишет поэму о лорде Стиамоте — значит, нужно сосредоточиться всем своим существом на этом стародавнем монархе, завязать с ним через века нечто вроде общения, проникнуть в его душу и пойти его путем.

Сказать легко, выполнить гораздо труднее. Несовершенство собственных знаний в области истории беспокоило Фурвена. Он забыл даже и то, что знал о Стиамоте со школьных лет, — как же он может рассказывать об эпохальном конфликте, в итоге которого аборигены раз и навсегда перестали угрожать человеческим колониям на Маджипуре?

Стыдясь собственного невежества, он прокрался в библиотеку Касинибона, надеясь найти там какие-нибудь исто-

рические труды — но хозяин, как видно, историей мало интересовался. Фурвен откопал только краткую историю планеты, предназначенную скорее для детей. Надпись на обороте обложки говорила о том, что это действительно реликвия времен Касинибонова детства. Там в сильно упрощенном виде рассказывалось, как лорд Стиамот пытался договориться с метаморфами о мире, потерпел неудачу и решил прекратить их покушения на колонистов, объявив им войну, изгнав их с занятых человеком территорий и навсегда приговорив к жизни в дождевых лесах южного Зимроэля. Начавшаяся в итоге война продолжалась целое поколение, но затем увенчалась победой и привела к бурному развитию человеческой цивилизации на Маджипуре. Стиамот поистине был одной из ключевых фигур маджипурской истории, но эта тоненькая книжка повествовала только о битвах и ни слова не говорила о нем как о человеке, о его мыслях и чувствах, о его внешности, наконец.

Однако Фурвен уже понял, что знать все это ему совершенно не обязательно. Он пишет поэму, а не исторический трактат и не биографию, и волен придумывать все, что ему угодно, при условии, что будет придерживаться основных фактов. Каким был настоящий Стиамот — высоким или низеньким, толстым или тощим, весельчаком или страдающим от несварения угрюмцем, — не имеет серьезного значения для поэта, задавшегося целью воссоздать легенду о Стиамоте. Лорд Стиамот давно превратился в мифическую фигуру, а Фурвен знал, что миф сильнее истории. История столь же преходяща, как и поэзия, — что она такое, как не отбор из великого множества фактов и расположение избранного в должном порядке, который еще не есть истина? Отбор, по определению, предполагает и отбрасывание каких-то фактов, зачастую неудобных для той картины, которую хочет создать историк. Истина, таким образом, становится абстрактным понятием: три разных историка, работая с теми же данными, могут запросто вывести три разные «истины». Миф же уводит глубоко в фундаментальную реальность духа, в бездонный кладезь общерасового сознания, достигая тех уровней,

где истина из вопроса выбора превращается в неоспоримую основу всего остального. В этом смысле миф может быть правдивее, чем история, и поэт, вникая в суть истории Стиамота, может с помощью воображения раскрыть то, что никогда не удастся историку. Фурвен решил, что будет писать о мифическом Стиамоте, а не о реальном историческом лице. Будет выдумывать все, что захочет, лишь бы его выдумка не расходилась с внутренней правдой истории.

После этого все пошло легче, хотя оставалось очень и очень непростым. Фурвен разработал технику медитации, удерживающую его на грани сна и яви, откуда он легко соскальзывал в подобие транса. Там, с каждым днем все быстрее, являлся к нему золотоволосый проводник в серебряной диадеме коронала и вел его сквозь сцены и события предстоящего рабочего дня.

Проводника, как скоро открыл Фурвен, звали Валентином. Обаятельный, терпеливый, любезный, с ровным характером и приветливой улыбкой, он был лучшим из гидов. Фурвен не помнил ни одного коронала по имени Валентин, и в исторической книжке Касинибона таковой тоже не упоминался. Видимо, он никогда не существовал, но Фурвена это не тяготило. Не все ли равно, жил этот лорд Валентин на самом деле или был лишь плодом его воображения? Фурвену нужно было одно — чтобы кто-то взял его за руку и провел через мрак прошлого, а Валентин именно это и делал. Казалось, в этом приятном облике воплотилась воля самого Божества, сделавшая Фурвена своим орудием. «Голосом воображаемого лорда Валентина созидающий дух космоса пишет поэму в моей душе», — говорил себе Фурвен.

Спящий разум Фурвена, ведомый Валентином, изучал деяния лорда Стиамота — с тех пор, как тот впервые осознал, что затянувшейся борьбе с метаморфами пора положить конец. Он шел сквозь череду кровавых битв к поджогу северных земель, к капитуляции последних мятежников и учреждению зимроэльской провинции Пьюрифейн как постоянного места заключения перевертышей Маджипура. Выходя из транса, Фурвен до мельчайших деталей помнил все, что

узнал. Картины прошлого, чувство меры и трагический ритм, которого требует большая поэзия, оставались при нем неотступно. Он видел не только события, но и те жестокие неизбежные конфликты, из которых они проистекали — конфликты, которые даже такого человека доброй воли, как Стиамот, привели к тяжкой необходимости начать войну. Сюжет истории развивался своим чередом — Фурвену оставалось только перенести его на бумагу, и здесь ему верно, как в былые дни, служил врожденный талант; строфа со сложным размером и рифмами, полученная Фурвеном при первом свидании с Божеством, сделалась для него второй натурой, и поэма росла день ото дня.

Порой этот процесс был слишком уж легким. Овладев причудливой строфой, Фурвен заполнял страницу за страницей с такой быстротой, что иногда увлекался и терял основную нить своего произведения. В таких случаях он останавливался, рвал написанное и начинал заново с того места, где начал отклоняться в сторону. Раньше у него не было привычки перечитывать то, что он сочинил, и такая система поначалу казалась ему расточительством — ведь бракованные страницы были не менее красноречивыми и звучными, чем те, которые он сохранял. Потом он стал понимать, что красноречие и звучность — лишь атрибуты его главной задачи, состоявшей в том, чтобы рассказать историю, наилучшим образом раскрыв ее внутренний смысл.

Завершив наконец историю лорда Стиамота, Фурвен с изумлением понял, что это еще не все, чего хочет от него Божество. Не задумываясь над тем, что делает, он подвел черту под последней строфой о Стиамоте и начал прямо с середины следующей, с триолета. В ней речь шла о куда более ранних событиях — о проекте лорда Меликанда заселить пространства Маджипура, помимо человека, другими видами разумных существ, привезенными с разных планет.

Этому проекту он посвятил еще несколько дней — а затем, еще не закончив песнь о Меликанде, вдруг начал совсем другой рассказ, о великом собрании у водопада Стэнгард на реке Глейг, где первым понтифексом Маджипура был выб-

ран Дворн. В этот миг Фурвен понял, что пишет не просто историю Стиамота, а ни больше ни меньше как эпос, охватывающий всю историю планеты Маджипур.

Эта мысль испугала его. Ему не верилось, что он пригоден для такого труда. Слишком грандиозно для человека, сознающего свою ограниченность. Ему смутно виделись очертания поэмы — от первых людских поселений до настоящего времени, — и величавость этого сооружения потрясала его. Не одна, пусть великолепная, арка, а целый ряд плавных взлетов и стремительных падений, повесть о переменах и преображениях, о постоянном слиянии противоположностей. Первых поселенцев-идеалистов вызволяет из хаоса анархии Дворн Законодатель, первый понтифекс. При лорде Меликанде начинается их центробежное расселение по всему миру, они строят большие города на Замковой горе, осваивают континенты Зимроэль и Субраэль, вступают в неизбежный трагический конфликт с меняющими форму аборигенами, ведут с ними ужасную, хотя и необходимую войну под началом лорда Стиамота — миротворца, поневоле ставшего воином, — побеждают врага, изгоняют его, и с тех пор их многомиллиардное сообщество живет мирно в самом прекрасном из всех миров.

Вселенная еще не знала истории столь блистательной — но ему ли, Айтину Фурвену, человеку мелкому и отнюдь не совершенному, дерзать изложить ее? Он не питал иллюзий относительно себя самого и видел в себе субъекта ленивого, беспутного, слабого, избегающего всякой ответственности, всю жизнь выбиравшего путь наименьшего сопротивления. С какой стати именно он, наделенный разве что некоторой долей ума и техническим мастерством, возымел надежду вместить такую глыбу в рамки одной поэмы? Он берет на себя непосильное дело. Никогда ему с этим не совладать. Он сомневался, что хоть кто-то из смертных мог бы это осилить — а уж Айтин Фурвен и подавно.

Однако поэму он писал по-прежнему. Или это она писала его? Так или иначе, она обретала жизнь ежедневно, строка за строкой. Как ни назвать это — божественным вдохнове-

нием или излиянием того, что он без собственного ведома держал в себе столько лет, — он уже полностью завершил одну песнь и набросал вчерне еще две. При этом он не мог не сознавать, что творит нечто великое. Он перечитывал поэму снова и снова и качал головой, изумляясь силе собственного труда, мощной музыке стиха, захватывающей фабуле. Он терялся и чувствовал собственное ничтожество перед этим великолепием. Не зная, каким образом ему удалось это сделать, он дрожал от страха при мысли, что чудодейственный источник вдохновения может иссякнуть с той же внезапностью еще до завершения его великого труда.

Рукопись, хотя и незаконченная, приобрела для него великую ценность. В ней он видел теперь свою заявку на бессмертие. Его беспокоило, что она существует в единственном экземпляре, да и тот хранится в комнате, которая запирается только снаружи. Мало ли что может с ней случиться? Чернильница опрокинется и зальет листы, или ее украдет кто-то из разбойников, позавидовав предпочтению, которое оказывает Фурвену Касинибон, или неграмотный слуга попросту пустит ее на растопку. Боясь всего этого, Фурвен переписал поэму в нескольких экземплярах и тщательно припрятал каждый у себя в комнатах. Первоначальную рукопись он убирал на ночь в нижний ящик платяного шкафа, а потом завел привычку укладывать звездообразно три своих пера поверх исписанных листов — чтобы видеть, рылся кто-нибудь в ящике без него или нет.

Три дня спустя он заметил, что перья лежат немного не так. Он расположил их заново, тщательно выровняв среднее по отношению к двум другим. К вечеру этот угол опять слегка сбился, как будто кто-то понял его уловку и поправил перья, но не настолько точно, как это сделал Фурвен. Ночью он уложил свои метки по-новому, а днем увидел, что их опять потревожили. То же самое повторилось и в последующие два дня.

«Это сам Касинибон, — решил Фурвен, — больше некому. Никто из его разбойников и тем более слуг не стал бы так возиться с этими перьями. Он прокрадывается сюда, когда меня нет, и потихоньку читает мою поэму».

В бешенстве он отыскал Касинибона и обвинил его в нарушении неприкосновенности своего жилища.

Касинибон, к его удивлению, даже не пытался оправдываться.

— А, так вы знаете? Это правда. Я не смог устоять. — Его глаза блестели, выдавая волнение. — Это чудесно, Фурвен. Великолепно. Не могу вам передать, как я тронут. Эта сцена между Стиамотом и жрицей метаморфов, когда она со слезами молит его за свой народ и он тоже плачет...

— Вы не имели права рыться в моем шкафу, — ледяным тоном отрезал Фурвен.

— Почему это? Я здесь хозяин и делаю что хочу. Вы сказали, что не желаете обсуждать неоконченную вещь, и я пошел вам навстречу, разве нет? Разве я хоть словом обмолвился? Уже много дней, чуть ли не с самого начала, я читаю то, что вы написали, слежу за тем, как вы продвигаетесь — по сути, я сам участвую в создании великой поэмы и проливаю слезы над ее красотой, а между тем ни словечка...

— И вы лазили ко мне все это время? — процедил Фурвен, вне себя от ярости.

— Каждый день. Задолго до того, как вы придумали эту штуку с перьями. Поймите, Фурвен: человек, живущий на моих хлебах, создает под моим кровом бессмертный шедевр — неужели же я откажу себе в удовольствии наблюдать, как растет и ширится этот труд?

— Я сожгу ее, лишь бы избавиться от вашего соглядатайства.

— Не говорите чепухи и пишите дальше. Я к ней больше не прикоснусь, только не останавливайтесь. Это было бы преступлением против поэзии. Заканчивайте сцену с Меликандом, продолжайте историю Дворна. Да вы все равно не сможете бросить, — злорадно засмеялся Касинибон. — Эта поэма околдовала вас. Вы одержимы ею.

— Почем вы знаете? — прорычал Фурвен.

— Я не так глуп, как вам кажется.

Потом Касинибон, однако, смягчился, попросил прощения и снова пообещал обуздать свое любопытство. Казалось,

он искренне раскаивался и даже боялся, что, нарушив таким образом уединение Фурвена, может помешать завершению поэмы. Он будет вечно винить себя, сказал атаман, если Фурвен воспользуется этим предлогом и бросит свой труд, но и Фурвену этого не простит.

— Вы ее допишете, — еще раз, с силой, повторил он. — Деваться вам некуда. Вы просто не сможете остановиться.

Гнев Фурвена начинал угасать перед столь проницательной оценкой его характера. Касинибон, несомненно, раскусил врожденную лень Фурвена, его всегдашнее нежелание браться за что-либо, требующее хоть малых усилий — но отгадал также, что поэма крепко зажала ленивца в клещи и заставляет каждый день усаживаться за стол, хочет он того или нет. Этот приказ шел изнутри, из какого-то неизвестного Фурвену места, но страстное желание Касинибона увидеть поэму законченной, безусловно, подкрепляло его. Фурвен не мог противиться воле атамана, которой его собственная, движущая им воля пользовалась как кнутом, и знал, что писать в самом деле не бросит.

— Я продолжу, — неохотно проворчал он. — Можете быть уверены. Только не лезьте ко мне.

— Даю слово.

Касинибон хотел уйти, но Фурвен окликнул его:

— Слышно что-нибудь из Дундлимира насчет моего выкупа?

— Ничего, — ответил Касинибон и быстро вышел.

Ничего. Так он и думал. Танижель либо порвал письмо, либо пустил по рукам на потеху всему двору. «Вы слышали? Дурачок Фурвен попал в плен к разбойникам!»

Фурвен чувствовал уверенность, что герцог не даст Касинибону никакого ответа. Придется, значит, сочинять новые письма — одно отцу в Лабиринт, другое лорду Ханзимару в Замок и так далее, если он вспомнит еще хоть кого-то, кто захочет ему помочь.

Думая об этом, он не прекращал своей каждодневной работы. Фурвен все легче входил в состояние транса; таинственный лорд Валентин являлся к нему по первому зову и вел его

все дальше во тьму времен. Рукопись росла, к перьям никто больше не прикасался, и Фурвен перестал класть их поверх написанного.

Теперь он уже ясно видел общий костяк поэмы.

Девять больших частей он представлял себе аркой, венцом которой служила повесть о Стиамоте. Первая песнь посвящалась высадке на Маджипуре первых людей, оставивших позади горести Старой Земли и полных надежды обрести рай на этой чудесной планете. Он опишет их первые исследовательские вылазки, их восторг перед красотой и размерами Маджипура, закладку первых крошечных форпостов. Во второй песне эти поселки разрастутся в большие и малые города, которые начнут друг с другом соперничать, и это приведет к гибели всякого порядка, к волнениям и всеобщему нигилизму.

Третья, песнь о Дворне, расскажет, как провинциал из западного городка Кесмакурана прошел по всему Альханроэлю, призывая людей учредить стабильное всепланетное правительство. Как сила его личности наряду с силой оружия осуществила эту идею, установив на Маджипуре ненаследственную монархию. Старший правитель, которому Дворн дал древний титул понтифекса, «строителя мостов», избирал себе помощника, лорда-коронала, главу исполнительной власти и своего будущего преемника. Фурвен поведает, как Дворн и его коронал, лорд Бархольд, заручились поддержкой всего Маджипура и навсегда утвердили систему правления, под которой и ныне процветает планета.

Далее последует четвертая песнь, переходная — о том, как на заложенной Дворном основе стало развиваться нечто похожее на современный Маджипур. Как атмосферные машины дали возможность воздвигнуть гору тридцатимильной вышины, позднее получившей название Замковой, и о строительстве первых городов на ее нижних склонах. О провидческой идее лорда Меликанда, что одному человечеству не заселить этот гигантский мир, и о доставке на Маджипур инопланетных рас — скандаров, вроонов, хьортов и прочих. О том, как колонисты вследствие быстрого роста начали вытеснять с их исконных территорий сравнительно немногочисленных ту-

земцев, и о резком обострении конфликтов между людьми и метаморфами. О начале войны.

Песнь о лорде Стиамоте, уже завершенная, станет пятой и послужит замковым камнем огромной арки. Фурвену, впрочем, пришлось нехотя согласиться с тем, что Стиамоту потребуется побольше места. Песнь придется расширить и разбить на две, а то и на три, чтобы как следует раскрыть тему. Необходимо изобразить душевные терзания Стиамота, показать жестокую иронию, вынудившую этого мирного правителя развязать во благо своего народа чудовищную войну против коренных жителей планеты, виновных лишь в стремлении удержать за собой свой родной мир. Замок коронала, поставленный Стиамотом на вершине Горы в ознаменование его эпохальной победы, станет кульминационной точкой средней части поэмы. За этим последуют три заключительные песни. Одна о постепенном возврате к миру и спокойствию, другая — о достижении маджипурским обществом полной зрелости, а девятая, еще не совсем сложившаяся в уме Фурвена, подскажет, возможно, как залечить до сих пор не зажившую рану, нанесенную Маджипуру войной с метаморфами.

У поэмы уже появилось название. Он назовет ее «Книгой перемен», ибо в ней как раз и говорится о переменах, о вечных весенних паводках, о приливах и отливах истории — а под всем этим, наперекор всему, прочерчивается неколебимая линия судьбы Маджипура. Монархи вступают в свои права, властвуют и умирают, общественные движения возникают и пропадают, но благополучие народа струится, как великая река, по предначертанному Божеством руслу, и все перемены суть лишь повороты этого русла. Каждый поворот — это решение трудного вопроса, примирение противоборствующих сил: необходимое торжество Дворна над анархией, необходимое торжество Стиамота над метаморфами, а когда-нибудь, впоследствии — необходимое торжество победителей над их же победой. Вот это и есть предмет его поэмы: рисунок, становящийся ясным с течением времени и доказывающий, что все, даже великий грех подавления метаморфов, есть часть великого плана, часть неизбежного торжества порядка над хаосом.

В свободные от работы промежутки Фурвен ужасался объему этой задачи и собственной некомпетентности. По тысяче раз на день он боролся с желанием бросить поэму, но знал, что это уже невозможно. «Перемени свою жизнь», — сказала ему леди Долита на Замковой горе — несколько веков назад, как казалось теперь. Ее суровые слова имели силу приказа, и он действительно переменил свою жизнь, а жизнь переменила его. Он знал, что должен продолжать свое дело, чтобы подарить миру эту поэму как возмещение за пропавшие даром годы. К той же цели беспощадно гнал его и Касинибон. Атаман больше не читал его рукопись, даже не спрашивал, как подвигается работа, но неустанно следил за ним, судил о его успехах по изнуренному лицу и красноте век, ждал и молчаливо допытывался. Фурвену нечем было защититься от этого безмолвного натиска.

Он совсем затворился в своих комнатах, выходил только к столу, трудился каждый день до полного изнеможения и после краткого отдыха снова погружался в транс. Это напоминало путешествие через области собственного ума, подобные аду. Не зная дороги, он блуждал и кружил впотьмах. Несколько часов подряд он пребывал в убеждении, что навсегда потерял своего вожатого, чувствовал полное смятение и обливался потом перед лицом всевозможных ужасов. Но после его озарял чудотворный свет. Он вступал на прекраснейшие луга, полные священной музыки и божественных видений, и слова начинали литься наружу, минуя его сознания.

Так проходили месяцы. Его работе пошел уже второй год, и груда исписанной бумаги росла. Он не соблюдал последовательности и обращался каждый раз к той части поэмы, которая настоятельнее всего требовала внимания. Единственной песнью, которую он считал завершенной, была центральная, пятая — ключевая глава о Стиамоте, но он почти закончил также песни о Меликанде и о Дворне и написал несколько больших кусков из вступительной части. Другие, менее драматические, существовали пока лишь в отрывках, а к девятой он еще и вовсе не приступал. Ранние и поздние стадии истории Стиамота тоже оставались нерассказанными. Фурвен понимал, что метод работы у него хаотический, но по-

иному он не умел и чувствовал уверенность, что в свое время напишет все.

Снова и снова он спрашивал Касинибона, получил ли тот какой-нибудь ответ насчет выкупа, и атаман неизменно отвечал: «Нет, ничего». Но это не имело значения. Ничто не имело значения, кроме работы.

Начав девятую, последнюю, песнь и сочинив три строфы, Фурвен вдруг почувствовал, что стоит перед непреодолимым барьером — или, может быть, перед темной бездной. Иными словами, он дошел до точки, дальше которой пути уже не было. Он и раньше часто испытывал то же самое, но это было другое. В прошлые разы ему не хотелось продолжать, и он довольно быстро побеждал это чувство, говоря себе, что стыдно отступать перед трудностями. Теперь он по-настоящему не мог двинуться дальше, потому что видел впереди только мрак.

«Помоги мне, — молился он, сам не зная кому. — Направь меня».

Но ни помощь, ни напутствие не приходили. Он был один и понятия не имел, как ему распорядиться материалом для девятой главы. Примирение с метаморфами, искупление великого греха, совершенного против них человечеством, даже возмещение ущерба — как все это возможно? Маджипур ушел вперед на десять тысячелетий от Дворна и почти на четыре от Стиамота, однако ни о каком примирении нет и речи. Где оно, искупление, где покаяние? Метаморфы так и живут в своих резервациях в джунглях Зимроэля, их передвижения по этому континенту строго ограничены, а доступ на Альханроэль для них закрыт наглухо. Сейчас человек не ближе к решению проблемы аборигенов, чем в день первой своей высадки на планете. Решение лорда Стиамота — победить их, загнать на южный Зимроэль, а весь остальной мир забрать себе — вовсе не решение, а грубая необходимость, как признавал и сам Стиамот. Он знал, что процесс заселения планеты вспять уже не повернешь и историю ее колонизации не перепишешь, поэтому миллионам туземцев пришлось пожертвовать своей свободой ради миллиардов людей.

«Если уж Стиамот не нашел ответа на этот вопрос, — думал Фурвен, — то кто такой я, чтобы его предлагать?»

Выходит, девятую песнь ему написать не дано. Хуже того — он начинал думать, что и другие незавершенные песни закончить не сможет. Когда он утратил надежду завершить свой труд так, как задумал, вдохновение покинуло его безвозвратно. Он чувствовал, что, попытавшись продолжать через силу, он только загубит уже то, что уже написал, осквернит силу и красоту созданного. «Теперь, даже придумав какой-никакой конец, я ни за что не решусь открыть эту поэму миру — в отчаянии думал Фурвен. — Никто не поверит, что ее написал я. Все усмотрят в этом кражу, мошенничество и потребуют назвать подлинного автора, а в случае отказа я стану презренным обманщиком. Лучше уж вовсе не обнародовать поэму, чем терпеть такой позор на склоне своих лет».

Путь от этой мысли до решения уничтожить рукопись прямо сейчас оказался очень коротким.

Фурвен выгреб из всех своих тайников черновики и переписанные набело экземпляры, взгромоздив все это на стол. Куча получилась внушительная. В дни, когда он чувствовал себя слишком усталым и отупевшим, чтобы сочинять, Фурвен переписывал уже сделанное, уменьшая риск несчастного случая. Он сохранял даже забракованные и переделанные заново страницы. Требовалось добрых несколько часов, чтобы сжечь все это.

Фурвен взял с самого верха пачку толщиной с дюйм, положил в свой очаг, чиркнул спичкой, сохраняя полнейшее спокойствие, и поднес ее к бумаге.

— Что вы делаете?! — Касинибон, вбежав в комнату, наступил сапогом на горящую спичку и загасил ее о камень. Бумага не успела воспламениться.

— Сжигаю свою поэму, — с тем же спокойствием ответил. — Вернее, пытаюсь сжечь.

— Что такое?

— Я хочу ее сжечь, — повторил Фурвен.

— Вы с ума сошли! Усиленная работа повредила ваш рассудок.

— Не сказал бы, — возразил Фурвен. — Просто я понял, что зашел в тупик — а если я не могу закончить работу, то лучше ее уничтожить. — И он, не проявляя эмоций, рассказал Касинибону обо всем, что передумал за последние полчаса.

Тот выслушал его, не прерывая, и долго молчал, а после глядя через плечо Фурвена в окно, заговорил напряженно и очень тихо:

— Я должен кое в чем вам признаться, Фурвен. Ваш выкуп пришел неделю назад. От вашего друга герцога. Я боялся вам говорить — хотел, чтобы вы сначала закончили поэму. Я ведь знал, что вы не станете ее дописывать, если я отпущу вас обратно в Дундлимир. Но теперь я вижу, что ошибался. Я не имел права задерживать вас здесь дольше, чем было необходимо. Можете поступать, как вам будет угодно. Уезжайте, если хотите, но умоляю вас об одном: пощадите свой труд. Позвольте мне сохранить хотя бы один экземпляр.

— Я хочу уничтожить все, — не уступал Фурвен.

Касинибон посмотрел ему в глаза. Голос, настоящий голос вожака разбойников, стал резок и хлестал, словно бич.

— Я запрещаю вам. Отдайте рукопись добром, не то я просто конфискую ее.

— Выходит, я все еще пленник, — улыбнулся Фурвен. — Вы действительно получили выкуп?

— Клянусь вам.

Снова настало молчание. Фурвен, повернувшись к Касинибону спиной, смотрел на кроваво-красные воды озера.

Так ли уж это, собственно, невозможно — закончить поэму?

У него закружилась голова, и какая-то новая сила неожиданно шевельнулась внутри. Конфузливое признание Касинибона все изменило. Фурвену больше не казалось, что перед ним непреодолимый барьер. Путь открылся, и девятая песнь покорилась ему.

С чего он взял, что она должна решить проблему метаморфов? Короналы и понтифексы бьются над этим вопросом сорок веков, и нечего ждать, что его разрешит какой-то поэт. Он не отвечает за государственные дела, а вот за стихи свои отвечает. Его «Книга перемен» — это зеркало, в котором Маджипур может увидеть свое прошлое. Будущее — не

его забота. Он ведь не ясновидец. Будущее раскроется само по себе, когда придет время.

«Предположим, — думал он — только предположим, — что я закончу поэму пророчеством, трагической фигурой грядущего монарха. Миролюбивый, как Стиамот, он тоже вынужден воевать, и это причиняет ему невыразимые страдания». В уме у Фурвена мелькали обрывки фраз: «Златовласый король... корона во прахе... священное объятие заклятых врагов». Он не имел понятия, что они означают, но ему и не требовалось этого знать — требовалось просто записать их. Его дело — высказать надежду, что когда-нибудь, в далеком будущем, некий монарх вместит в себя силы войны и мира, достигнув равновесия между победой и страданием, чего не сумел Стиамот. И это положит конец неустойчивости человеческого благополучия, неизбежно вытекающей из первородного греха, который совершил человек, отняв у коренных жителей их родную планету. Его дело — закончить поэму мыслью, что примирение возможно. Не объяснять, как это произойдет — просто сказать, что такое возможно.

В этот момент ему стало ясно, что он не только способен довести свой труд до конца — он понял, что это его долг и что сделать это он может только здесь, под бдительным оком своего опекуна и тюремщика. В Дундлимире, где его тут же закружит неизбежный суетный водоворот, ему это не удастся.

Он отыскал на столе наиболее полный вариант рукописи и подвинул его к Касинибону.

— Вот. Это вам. Можете почитать, если хотите. Только мне ничего не говорите без моего разрешения.

Касинибон молча обхватил руками груду бумажных листов и прижал ее к груди.

— А выкуп отошлите Танижелю обратно, — продолжал Фурвен. — Скажите ему, что он слишком поторопился. Я побуду здесь еще какое-то время. И передайте ему вот это. — Фурвен откопал в куче бумаги переписанную набело песнь о Стиамоте. — Пусть посмотрит, чем занимается на востоке его ленивый приятель Фурвен. А теперь, Касинибон, я хотел бы вернуться к работе...

Тэд Уильямс

ИНОЗЕМЬЕ

ИНОЗЕМЬЕ
Город золотых теней (1997)
Река голубого пламени (1998)
Гора из черного стекла (1999)
Море серебряного света (2001)

Действие тетралогии «Иноземье» Тэда Уильямса происходит в близком будущем. Ее герои открывают Вселенную, которая существует бок о бок с нашим миром — фантастическую, искусственно созданную вереницу миров, спрятанную внутри всемирной информационной сети.

Эта Вселенная — Сеть «Иноземье», творение аморального сообщества, известного как Братство Грааля. Иноземье включает в себя сотни виртуальных миров — самые лучшие, которые можно создать с помощью денег и высоких технологий. Многие из них — это весьма близкое к совершенству воссоздание различных исторических эпох, другие сделаны по мотивам знаменитых текстов, например таких, как «Страна Оз» Баума или «Властелин Колец» Толкина, а некоторые, подобные бесконечному «Дому» или мультяшной «Кухне», явление вообще уникальное. Всемогущие магнаты из Братства Грааля намереваются не только посещать эти дорогие места развлечений, но и в самом деле жить там — избавиться от своих дряхлых тел и жить вечно в онлайновом режиме, как бессмертные боги этой «карманной» вселенной.

Случайно в миры Иноземья проникает группа подростков, однако сообщить об этом они никому не могут, так как в реальном мире их тела впадают в кому, а Братство Грааля готово на что угодно, включая убийство, чтобы скрыть информацию о Сети. Поэтому несколько обычных людей собираются вокруг загадочной фигуры, известной под именем «мистер Селларс», желая попасть в Сеть и выяснить, что же происходит с этими подростками. Но будучи внутри Сети доброволь-

© Перевод. Абовская С.Н., 2006

цы делают ужасное открытие: что-то или кто-то не позволяет им вернуться в «офлайн» — и более того, их настоящие тела (пребывающие сейчас в коме, подобно телам тех детей, которых они пытаются спасти) также стали уязвимыми для опасностей виртуального мира. И если они будут убиты внутри Иноземья, то умрут по-настоящему. Итак, они обнаруживают, что застряли в псевдореальных мирах, полных монстров и безумия.

Но реально существующие тайны системы оборачиваются даже большей загадкой, чем механизм, который удерживает в ней захваченных пользователей. По мере того как эти персонажи все глубже и глубже проникают в сетевые миры — то спасая свои жизни от одного из Бармаглотов Льюиса Кэрролла, то оказавшись окруженными в стенах Трои, то гонимые через пустыню безжалостным египетским богом, — они начинают осознавать, что не только Сеть является более сложной системой, чем им казалось поначалу, но и в самом сердце ее также есть что-то живое — что-то, что имеет виды на них самих. Таким образом эти люди, находясь в центре самых невероятных событий, сражаются не только против преступного Братства Грааля, наемного убийцы Джона Дреда и причудливых опасностей виртуального мира, но также и против своих собственных страхов и слабостей.

Тинэйджер Орландо Гардинер, неизлечимо больной инвалид, который чувствует себя здоровым, только когда он странствует по Сети, погибает, пытаясь защитить свою подругу Сэм Фредерикс и других, пойманных в западню Иноземья. В немалой степени благодаря ему эти люди одерживают неожиданную победу. Конечно, она достигается величайшей ценой. За нее отдает жизнь Орландо, и не только он.

Но в Иноземье даже смерть — еще не конец жизни.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ МЕРТВЫЙ МАЛЬЧИК

Смотритель Тарагорн, только что вернувшийся из долгого странствия по мирам, был погружен в беседу с Элрондом Полуэльфом. В полутенях Каминного зала они обсуждали текущие дела, не последним из которых было внезапное появление гоблинских отрядов вблизи Мглистых Гор, и эльфу-посланнику, излишне деликатному, как и все эльфы, пришлось несколько томительных минут переминаться у дверей.

— Гость желает поговорить с Тарагорном, — произнес эльф, когда Элронд наконец-то обратил на него внимание. — Кажется, это хафлинг.

— Да, это я и есть. — Голос был громче и, надо сказать, немного грубее, чем голоса обычно раздававшиеся под сводами Последнего Приюта. Фигура в дверном проеме была вполовину меньше ростом, чем все присутствующие, ее ноги были покрыты шерстью настолько густой и спутанной, что казалось существо по щиколотку утопает в телах двух небольших горных козлов. — Бонго Флаффенаттер*, к вашим услугам, — сказал он, боднув воздух в поклоне. — Хорошее у тебя тут местечко, Элронд. Люблю искусство старых мастеров. Тарагорн, уделишь секундочку?

---

* В переводе с английского что-то вроде «пушистый псих». — *Примеч. пер.*

— Бога ради, Бизли, — сказал Смотритель вполголоса. — Прошу прощения, — обратился он к хозяину дома. — С вашего позволения я отвлекусь на минуту?

— Конечно. — Элронд выглядел слегка озадаченным, хотя компьютерные симуляции весьма искусны в восприятии или игнорировании всяческих отклонений от нормы. — Это действительно хафлинг? Полагаю, мы не видели подобных существ, с тех пор как Гэндальф привел к нам своего друга Бильбо Бэггинса из Шира несколько лет назад.

— Ну да... это другой вид хоббитов, — Тарагорн понизил голос. — Менее удачная ветвь рода... ну, вы понимаете.

— О да!

Элронд и эльф-посланник удалились, оставив Тарагорна (также известного под именем Орландо Гардинер) под высокими сводами зала наедине с маленьким посетителем, одетым в лохмотья.

— Бизли, какого черта?!

— Не наезжай на меня, босс, ты же сам говорил, что я не могу показываться здесь не в образе. — Он поднял ногу и с восхищением оглядел ее. — Ка-а-к думаешь? Отличная шерстка, а?

— Бонго Флаффенаттер?!

— А что, разве имечко не как у всех? Господи, да у меня бездна возможностей разобраться с этими толкиновскими пустяками!

Орландо с интересом смотрел на стоящий перед ним кошмар ростом с пинту. Что было лучше: порыв Бизли как-то преобразиться или его появление здесь в обычном виде мультяшной многоножки — это вопрос спорный, но не было сомнений, что он выглядит как самый наиуродливейший хоббит. Орландо начинал подозревать, что слабое чувство юмора компьютерного агента завело его немного дальше, чем было предназначено природой. Может быть, все эти годы он предоставлял Бизли больше свободы, чем необходимо для самопрограммирования?

— Вы только поглядите, — сказал Бизли, — кто бы говорил, а, босс? Тарагорн? *Т-арагорн?* Ты что, ожидаешь здесь возвращение Т-короля? Или как?

— Ха-ха. Тоже мне, умник. Вообще-то я выбрал его, потому что оно созвучно Таргору. — Это было имя онлайнового воплощения Орландо в детстве — мускулистого варвара, искусного бойца на мечах, который завоевал много игровых миров в те старые добрые времена, когда Орландо еще существовал в реальном мире, возвращаясь туда после каждого приключения. Теперь прежняя аватара его немного смущала. — Понимаешь, я хотел придумать что-нибудь легкое для запоминания. Ты ведь знаешь, как много имен у меня в сети? — Он сознавал, что оправдывается, оправдывается перед механизмом, который был подарен ему на день рождения, причем это был даже не самый дорогой подарок, полученный им в том году. — Ну так чего тебе надо?

— Просто делать свою работу, босс, — в голосе Бизли звучала обида. — Я всего лишь твой мохноногой специалист по связям с общественностью. Мы уже потолковали об обеде с твоими родителями, поэтому я знаю, что ты помнишь о нем. И ты помнишь, что Фредерикс первая в расписании, так?

— Да. Мы встречаемся здесь.

— Здорово. Уверен, что вы оба повеселитесь. Могу я рекомендовать Зал Бесконечного Ностальгического Пения? Или Серебристый Хихикающий Бар?

— Твой сарказм замечен, успокойся.

Нельзя сказать, что у Орландо не было непочтительных мыслей относительно реалий, созданных Толкином, но все же этот мир он более всего склонен был считать своим домом в сравнении со всеми остальными мирами. Когда-то, начиная постоянную жизнь в сети, Орландо был сильно подавлен тем, что с ним произошло. В тот момент Средиземье — и Ривендейл, в частности, — стало для него благословенным приютом, привычным, любимым местом, где он мог расслабиться, залечить раны, примириться со своими проблемами и даже с мыслью о бессмертии, ибо оно окружало его со всех сторон в древней резиденции Элронда.

— Кстати, сегодня вечер первой пятницы месяца в мире Вудхауса, — продолжал Бизли. — Об этом ты тоже помнишь?

— О нет, *фенфен*, я забыл. Сколько у меня времени?

— Собрание примерно через три часа.

— Спасибо. Я там буду. — Но Бизли продолжал стоять в выжидательной позе, заставляя Орландо спросить: — Ну что еще?

— Поскольку я должен остаться в образе до тех пор, пока не выйду из этого заросшего травой мотеля и не проделаю весь путь через мост, а потом я покину эту симуляцию, быть может, навсегда, то ты по крайней мере, мог бы сказать: «Прощай, Бонго Флаффенаттер, старый друг»...

Орландо кинул на него сердитый взгляд.

— Развлекаешься?

— Исключительно из вежливости.

— *Фенфен*. — Но Бизли всем своим видом демонстрировал, что просто так он не уйдет. — Ну ладно. Прощай, Бонго Флаффенаттер, старый друг.

— Не забудь: «И пусть шерсть на твоих пальцах будет — гуще некуда!»

— Все, вали отсюда!

— Прощай и ты, Тарагорн, друг эльфов.

Сэм Фредерикс опоздала почти на час, но это было в порядке вещей: в Ривендейле гости могли получить еду и питье в любом количестве и в любое время суток, если они ничего не имели против ограниченного меню. Люди, которые запрограммировали этот сим-мир много лет назад (команда из Нидерландов, как выяснил Орландо) отнеслись к оригиналу весьма бережно. В книгах не упоминалась, что в Имладрисе — эльфийское название великолепного дома Элронда — к столу подавалось мясо, поэтому предложения местной кухни были очень ограничены и сводились к хлебу, меду, фруктам, овощам и молочным продуктам. Орландо, который в течение ранних дней своего существования в сети провел много времени в сим-мире Толкина, помнил, как несколько раз ему страшно хотелось пробраться в Мордор за мясной пиццей.

Когда Сэм появилась, то выглядела она точь-в-точь как во время прошлого визита: одежда а-ля эльф-мужчина, светящаяся кожа цвета кофе со сливками, беспорядочное вели-

колепие кудрей едва держалось с помощью повязки из ткани, которая придавала ей слегка пиратский вид. Они обнялись. Сэм разомкнула руки первой.

— Что-нибудь съешь?

— Да нет, я не голодна, — сказала она. — А ты давай, если хочешь.

— Сэм, здешней пищей не наешься. И вообще я не нуждаюсь в еде. Это так, для общения. — Он провел ее на один из крытых балконов. Отсюда им слышно было журчание реки внизу, в долине, хотя огни Ривендейла освещали только верхушки деревьев.

Сэм плавно опустилась на скамью. Орландо сел рядом с ней и вытянул длинные ноги. Проведя долгие годы прикованным к постели, он поклялся себе, что любой ценой постарается избежать существования в нездоровом или ущербном теле.

— Как ты? — спросил он. — У тебя все в порядке?

— Все отлично. А ты?

— Да так. Осматриваюсь, разбираюсь, что к чему. В целом, работа во многом отличается от того, что я ожидал. Сначала, когда я согласился выполнять работу Смотрителя, я думал: я буду, ну я не знаю... останавливать войны, что ли.

Сэм улыбнулась:

— Как супермен?

— О господи, ну да. Я и не ограничиваю свои амбиции. — Он сделал паузу; смех Сэм слегка запоздал. — Но с тех пор как Селларс и Кунохара убедили всех остальных разрешить свободное передвижение в пространстве, я являюсь кем-то вроде антрополога.

Именно Патрик Селларс возглавил в свое время борьбу с Братством Грааля, группой людей столь же неприятных, сколь богатых и могущественных. Кунохара, бывший когда-то младшим членом Братства, позже выступил против него и объединился с Селларсом ради спасения сети и, в сущности, сохранения жизни всех сложных сетевых симов, таких как сам Орландо, который был скопирован в сеть перед своей физической смертью и теперь существовал только виртуально в

виде информации. Селларс также вскоре после этого покинул свое умирающее тело для того, чтобы начать существование в Сети Иноземья, но в отличие от Орландо его поступок был добровольным.

— Антрополога? — Сэм ждала продолжения.

— Ну да. За исключением исправления очевидных ошибок кодирования, которых не слишком много, я в основном составляю кучу отчетов и отслеживаю все интересное и необычное. Но с тех пор как Селларса уже нет и Кунохара по уши погряз в своих делах, я уж и не знаю, для кого теперь пишу отчеты.

— Для остальных, наверное. И всех других людей, которые когда-нибудь смогут их изучить, — пожала плечами Сэм. — Ты скучаешь по нему? По Селларсу?

— Да. Не могу сказать, что мы с ним были близкими друзьями, вроде нас с тобой... — Орландо надеялся увидеть ее улыбку, но она только кивнула. — Он был слишком... не знаю, как это сформулировать. Старым. Мудрым. Но мне он очень нравился, особенно после того как я узнал его ближе. И он был единственным, кто был здесь со мной, Сэм. Я знал, что он рядом не навсегда — что он устал, что он хочет уйти в великое Нечто. Но я думал, что он пробудет с нами еще несколько лет.

Он преуменьшал, конечно, но это ради Сэм. Он был потрясен даже больше, чем ожидал: когда Селларс оставил его, Орландо почувствовал себя брошенным на произвол судьбы, лишенным всего. Как-никак искалеченный экс-пилот был единственным человеком во вселенной, который понимал странность ощущения себя живым только в сети, когда твое физическое тело обратилось в пепел, когда большинство людей, которые знали тебя, думают, что ты мертв, и они более-менее правы...

К тому же Селларс был добрым человеком и — благодаря или вопреки собственным страданиям — хорошим слушателем. Он был единственным, кто видел, как Орландо Гардинер плачет. Конечно, это было давно, в начале существования Орландо в сети. Больше он не плакал никогда. У него не было времени на подобные глупости.

Сэм и Орландо просидели на балкончике в Ривендэйле еще полчаса, болтая обо всем на свете, даже обменялись несколькими анекдотами, но все же в поведении Сэм ему померещилась некая неловкость. Его души коснулось какое-то чувство, которое он совсем не ожидал испытать рядом с Сэм Фредерикс; ему понадобились долгие секунды, чтобы распознать, что это страх: его ужаснула мысль, что ей могло быть неинтересно здесь рядом с ним и их дружба стала для нее в конце концов не более чем принятым на себя обязательством.

Их разговор опять вернулся к проблемам Сети Иноземья. К его удивлению, она, кажется, считала, что он из тех людей, которых надо утешать и подбадривать.

— Все-таки у тебя поразительная работа — смотритель целой вселенной. Ты в ответе за все эти миры.

— Триста девяносто штук на настоящий момент и несколько временно схлопнутых, но скоро они начнут новый цикл. Это четверть от того, что было, но Селларс прикрыл многие миры, потому что они были слишком жестоки, слишком омерзительны, порочны или криминальны.

— Я знаю, Орландо. Я тоже была на той встрече.

— С тобой все в порядке, Сэм? Ты выглядишь... печальной что ли, — он оглядел ее с головы до ног. — И, кстати, почему ты не поменяешь свой сим?

— Что? Гардинер, неужели ты из тех, кто хочет, чтобы все наряжались как здешние эльфы?

— Я не имею в виду одежду. — Он чуть было не рассказал ей о той версии средиземского шика, которую недавно придумал Бизли, но сейчас его беспокоило совсем другое. — Сэм, что происходит? Почему ты не хочешь менять свой сим? У тебя наверняка есть что-то более современное, что ты используешь для внешних и дружеских контактов, и для домашних тоже.

Она пожала плечами — она часто так делала, — но упорно избегала его взгляда.

— Да, ну и что с того? Я думала, ты мой друг, Орландо. Тебе на самом деле важно видеть, увеличилась ли моя грудь с того момента, как мы встречались в последний раз?

Он поморщился.

— Ты думаешь, поэтому я хочу видеть тебя настоящую?

— Я не знаю. *Тебя самого* что волнует?

Он сдержал раздражение, но не страх. Бывали времена, когда дружба с Саломеей Фредерикс была тем единственным, что поддерживало его связь с миром, который он вынужден был покинуть. Его родители — это совсем другое дело (это были и всегда будут его родители), но Сэм...

— Черт возьми, Фредерикс неужели ты не понимаешь? Ты... ты часть меня.

— Премного благодарна. — Несмотря на насмешливый тон, она выглядела скорее несчастной, чем рассерженной. — Всю жизнь мечтала представлять собой что-нибудь значительное, но быть частью особы Орландо Гардинера? Так далеко мои мечты не заходили...

— Я не то имел в виду, и ты это знаешь. *Фенфен*, я хочу сказать, что ты... хорошо, ты — в моем сердце... даже несмотря на то, что это звучит по-идиотски. Благодаря тебе я все еще чувствую себя живым человеком, хотя мы оба знаем, что это не так.

Теперь поморщилась она. Между ними по-прежнему была какая-то преграда.

— Какое это все имеет отношение к моему симу? Когда ты познакомился со мной, ты думал, что я парень!

— Но это другое, Сэм. — Он помедлил, потом взял ее за руку. Благодаря чрезвычайно мощной системе, создающей сим-миры, ощущения были такие как надо: складки бархатного рукава, теплая кожа на ее запястье, под которой чувствовались мускулы, сухожилия, кость. — Я знаю, я никогда не вырасту по-настоящему. У меня никогда не будет больше настоящего тела, но это не значит, что я позволю всем и каждому всю жизнь играть со мной в Питера Пэна. Посмотри на меня, Сэм. — Он видел в ее глазах боль, но не остановился. — Если ты скрываешь что-то от меня, особенно какие-то бытовые мелочи, потому что думаешь, что я не смогу примириться с ними, — это наихудшее из того, что ты могла придумать. Всю жизнь я был калекой. Страдая прогерией, трудно не знать, что

умрешь молодым и что всякий обычный человек при первой встрече с тобой быстро отведет взгляд, будто ты жертва ужасной автомобильной катастрофы. Даже самые добрые люди, которые относились ко мне как никто другой... не знаю, как это выразить... очевидно было, что они делают над собой усилие. Я не хочу, чтобы меня опять жалели, Сэм.

Она выглядела несчастной и пристыженной.

— Все же я не знаю, Орландо. Что не так с моим симом?

— Ты не хочешь показать мне, как ты выглядишь сейчас, но это не потому, что ты, скажем, заразилась проказой и стесняешься своего вида. Это оттого, что ты знаешь, что изменилась: ты растешь, взрослеешь и так далее. Скажи мне, что я не прав! Господи, Фредерикс, я живу в сети уже три года; думаешь, я надеюсь, что ничего не меняется? Да меня это ничуть не задевает. Но если ты не хочешь показаться мне в своем теперешнем виде... это выглядит так будто ты считаешь нашу дружбу ненастоящей. Словно мы только детки, товарищи по играм, как бывало когда-то в Срединной стране.

Она глядела на него, и что-то такое от прежней Сэм было в выражении ее лица. Ее что-то забавляло, хотя она и сердилась.

— Все-то ты всегда знаешь, старина Гардинер, — она глубоко вздохнула. — О'кей, ты хочешь видеть, как я выгляжу? Отлично.

На мгновение ее ривендэйлское воплощение застыло. Потом вдруг, подобному тому как проявляется отпечатанная фотография, облик Сэм изменился.

— Удовлетворен?

— Ты не слишком изменилась, — сказал он, но это была неправда.

Она стала выше на дюйм или на два, а также округлившейся и женственной. Прежняя Сэм была сложена как борзая, а сейчас бедра раздались, что только подчеркивали ее эльфийские штаны. Лицо немного удлинилось Она была прекрасна и не потому, что это была Сэм, которую он любил. Он понял, что на самом деле увидеть ее семнадцатилетней было больно. Чертовски больно.

— Спасибо.

— Орландо, мне очень жаль. Я все никак не могу сказать тебе... Дело не в этом, то есть не совсем в этом. — Сэм плюхнулась на скамейку, сгорбилась, уперев локти в колени. Она опять прятала глаза. — Ну... я встречаюсь с одним человеком.

Он не сразу понял, что это значит, подумав, что она все еще говорит о симах — компьютерных симуляциях личностей.

— О! Это... серьезно?

— Не знаю. Наверное, да. Мы вместе уже пару месяцев.

Орландо вздохнул.

— Ну, я надеюсь, из этого что-то выйдет. *Фенфен*, Фредерико, это то, что беспокоит тебя весь день? Мы же прошли стадию ревности давным-давно.

Отчасти ему следовало признать, что Сэм прояснила этот момент с самого начала их дружбы, после того как он узнал, что она девочка, а она — о его болезни, и что, хотя она любит его также, как и он ее, у них никогда не будет романтических отношений. Что ж, пусть будет так, решил он, ведь они хотели быть друзьями на всю жизнь и это не следовало портить сексом.

Он часто думал, утешают ли себя настоящие, живые парни таким патетическим враньем?

— Не знаю, это... страшит меня. Иногда я чувствую, — Сэм тряхнула головой, — что я не слишком хороший друг для тебя. Тебе, — тут же исправилась она. — Я вижусь с тобой не так часто, как следовало бы. Ты должен думать, что я ужасная эгоистка.

Он удивился и засмеялся.

— Это никогда не приходило мне в голову. Понимаешь, Сэм, не обижайся, но когда тебя здесь нет, это не значит, что я только и делаю, что сижу и жду твоего визита. Например, два дня назад я уворачивался от стрел в Эдо, когда кучка вояк пыталась уничтожить сегунат Токугавы. До этого я провел неделю с капитаном Немо, исследуя подводные развалины.

— Так... ты в порядке? Точно? Не скучаешь... и не страдаешь от одиночества?

Он еще раз сжал ее руку, потом отпустил. Эльфы в Каминном зале снова что-то пели высокими голосами, свет от Двух

Деревьев манил и завораживал. Голоса, казалось, принадлежали самой долине, ночи, лесу, и реке, поющим в унисон.

— Скучаю? Нет, особенно когда я думаю об альтернативе. Не волнуйся обо мне, Фредерико, — у меня всегда есть куда пойти, чем заняться и кого повидать. Я самый счастливый мертвый мальчик во всей вселенной.

На самом деле его волновало не то, что Сэм с кем-то встречается, его волновало другое, он подумал, что даже готов из-за этого срочно связаться с родителями. Или она пока держит это втайне от всех? На самом деле, неясно даже, кто герой ее романа — мужчина или женщина. Сэм всегда вышучивала такие разговоры и злилась из-за подобных вопросов, словно бы Орландо стал относиться к ней иначе, если б она пролила свет на свои сексуальные наклонности. Не так важно, что она встречается с кем-то или что она изменилась. Он любил ее, действительно любил и хотел, чтобы она была счастлива, не важно как именно. Его вдруг отчаянно взволновало, что он не станет взрослым, хотя он всегда допускал, что так может случиться, в его-то пиковой ситуации. Думая об этом, он ощутил что-то вроде озноба. Конечно, здесь годы для него проходят так же, как и в реальном мире, но можно ли назвать приобретение жизненного опыта взрослением?

«Может быть, чтобы по-настоящему взрослеть, следует быть живым. Может быть, надо делать что-нибудь из реальной жизни: валять дурака на вечеринках, путешествовать, разбить в кровь коленки, влюбиться или просто... просто позавтракать. Может быть я никогда по-настоящему не изменюсь. Я всегда буду только лишь симом четырнадцатилетнего подростка. Всегда».

Он отогнал от себя эту отвратительную мысль. Пора было отправляться к родителям, отвертеться от семейного ужина не удалось бы даже в лучшие времена.

На самом деле, это несправедливо: быть мертвым и все же обязанным тащиться домой с визитом. Не то чтобы он не любил Конрада и Вивьен. На самом деле он так сильно любил их, что иногда это было трудно вынести.

Он сделал глубокий вдох, что отчасти являлось метафорой, — во всяком случае, он чувствовал, что делает глубокий вдох, — и тогда вспомнил, что мама и отец, по-видимому, собрались удивить его сегодня вечером. Они попросили его связаться с ними по обычному каналу связи, а не использовать настенный экран.

— У Конрада есть для тебя сюрприз, — объяснила мама. Она улыбнулась, но выглядела не слишком радостно, словно чего-то опасалась.

Орландо и раньше видел у нее такое выражение лица: в день его одиннадцатилетия, когда Конрад подарил ему велосипед. Никто, даже сам Орландо, не сумел сказать отцу, что его кости слишком хрупкие, а мускулы слишком слабы, чтобы даже думать о катании на велосипеде. Конрад Гардинер настаивал, что его сыну следует использовать любой шанс быть нормальным человеком.

Когда в последний год он оказался постоянно прикованным к постели, они в конечном итоге избавились от этого велика, чтобы освободить место в гараже для медицинского оборудования, воздушных фильтров и кислородных подушек. Конечно, он никогда не ездил на этом велосипеде. Прогерия, смертельная болезнь, которая разрушала и со временем сожрала его предыдущую жизнь, превращала детей в трясущихся стариков и затем убивала их, обычно до того, как они достигали подросткового возраста.

Когда связь была установлена, Орландо поинтересовался, почему он не может общаться с ними обычным способом, через стенной экран. Ему это нравилось, потому что так не чувствовалось особого отличия от стандартного вызова типа «сын — родители», как если бы он находился в школе, в другом штате, а не существовал в виртуальной вселенной.

«Может быть, Конрад поменял свой старый экран на одну из этих штучек с пространственным обзором? Не так давно он говорил о намерении приобрести такое устройство на твердых кристаллах».

Соединение произошло, и он видел своих родителей, которые повернулись к нему. Как всегда, в первые минуты встре-

чи, глаза его матери наполнились слезами. Его отец широко улыбался с выражением на лице, похожим на гордость. Было что-то необычное в том, как они оба выглядели; некоторое время он пытался понять, в чем дело.

«Я смотрю через другое устройство, — решил он. — Я угадал, у них новый экран». Но если его родители действительно купили новый модуль, вдруг подумал он, они установили его в столовой, а не в гостиной, как раньше; он мог видеть старый дубовый буфет за их головами и плакат с французскими танцовщицами, отплясывающими канкан, который долгие годы украшал стену в гостиной.

— Привет. Что это — новый экран?

Не раздумывая, он поднял руку и послал маме воздушный поцелуй, как он всегда делал — выглядело по-дурацки, конечно, но если ты физически не можешь дотронуться до чего-либо, следует что-то придумать — и какая-то тень устремилась вслед за его рукой. После нескольких лет существования без тела он не смог не вздрогнуть. ЭТО замерло, и его взгляд сместился туда, где должна была находиться виртуальная рука.

Это и была рука, но заканчивалась она не обычной симуляцией. Вместо этого она, казалось простиралась дальше и виднелась там, перед экраном, и таким образом действительно висела перед его глазами: зловещего вида, гладкая, красно-коричневая, сделанная из чего-то похожего на блестящий пластил. Наполовину забыв о своем бестелесном состоянии, он потянулся потрогать ее. Рука тоже вытянулась, уходя из поля его зрения, как если бы это была собственная ладонь, подвластная Орландо. Заинтригованный и встревоженный, уже догадываясь, что происходит, он попытался заставить пальцы руки согнуться, как сделал бы с одной из своих виртуальных ладоней. Пальцы сжались. Но это были не пальцы одного из его симов, более того они находились не в сети, а в столовой Конрада и Вивьен в реальном мире!

— Черт возьми, что это?!

— Тебе нравится? — Его отец одобрительно кивал головой, так он обычно делал, когда кто-нибудь пробовал его до-

машнее пиво в-те давние времена, когда у них еще бывали гости.

«Что ж, — подумал Орландо, — теперь, когда меня нет, они по крайней мере могут принимать гостей».

— Нравится? Что это? Механическая рука, приделанная к новому экрану?..

— Это не новый экран, это целое тело. Понимаешь, ты можешь быть *здесь*. Внутри дома, с нами. Когда захочешь.

Орландо обнаружил другую руку. Он согнул ее, свел две ладони вместе, взгляд сместился, явив ему цилиндрический, свекольного цвета торс и пристыкованные к нему ноги.

— Тело?

— Мне следовало подумать об этом раньше, — сказал отец. — Не знаю, почему я этого не сделал; твой компьютерный агент, бывало, появлялся в таком маленьком теле с механическими конечностями, чтобы свободно перемещаться по дому, помнишь? Я долго размышлял, прежде чем нашел устройство, которое может делать такую работу. Это дистанционно управляемое тело, его использовали для каких-то поисковых операций — думаю, первоначально оно было сделано для Антарктики, может быть, военными или бог знает кем. Я нашел коллекционера подобных штучек и купил тело. Мне следовало лишь снабдить его конечностями — вроде ладоней с пальцами, внизу на ногах. — Было видно, что он слегка нервничал. Когда он волновался, он всегда начинал говорить лишнее. — С ними лучше карабкаться, двигаться по льду и так далее. Удивляюсь, что они не снабжены лыжами или гусеницами или может быть...

— Конрад, — сказала Вивьен, — прекрати. Я не хочу слышать о ладонях на ногах. Это... меня пугает.

Она бросила быстрый взгляд на Орландо, который был ошеломлен и порядком озадачен.

— Как... как я выгляжу?

— Лицо, — быстро сказал отец. — Так и должно быть, но нам следует изменить сигнал оттуда, с твоей стороны. Я не хотел портить сюрприз, поэтому сейчас на лицевом экране находится весь маленький Орландо целиком.

— Я еще не до конца врубился... Думаете, я способен... передвигаться в этом?

— Да, давай! — Конрад просиял. — Двигай! Ты можешь ходить по всему дому!

— Если он не хочет, тогда не надо, — сказала мама.

Орландо напряг мышцы — то есть послал мысленный приказ напрячь мускулы, как принято в реальном мире (и лучших виртуальных мирах). Мультяшные пальцы вытянулись и крепко ухватили столешницу. Он подтянул под себя ноги и встал, меняя ракурс зрения, но это вышло не совсем синхронно. Теперь он слышал характерный звук — постоянный слабый всхлип фибромоторов, сжимающих и расслабляющих мускулатуру.

— Тебе помочь?

— Нет, Конрад. Все в порядке.

Он встал и сделал несколько качающихся шагов, затем перевел взгляд вниз, на ноги — огромные, овальные ступни, как ботинки Микки Мауса. Иметь такое уродливое тело было очень странно и непривычно: тела Орландо в сети обладали нормальной реакцией, так словно были его собственным телом, и делали его быстрым, сильным и гораздо более ловким, чем он когда-либо был в реальной жизни.

Он не был в ванной комнате со времен своей смерти. Интересно, пожалуй даже удивительно было передвигаться по всему старому дому, вновь вернуться к нему, но Орландо не был уверен в своих чувствах. Он посмотрел на свое отражение в зеркале — страшная тощая и нелепая фигура. Лицевой экран показывал тело Орландового сима целиком, поэтому он выглядел как один из гигантских японских роботов-монстров с человеческим чипом, размещенным в голове. Он сжал изображение так, чтобы видно было только лицо, и вдруг (хотя это было отнюдь не его настоящее лицо — никто, включая самого Орландо, не видел его истинного лица с тех пор как тело его было кремировано) все происходящее сделалось еще более реальным и пугающим.

«Вот этого он хотел для меня? Эту... штуку?» Он знал, что Конрад хотел как лучше, что его родители только старались

сделать его присутствие в их жизни более реальным, физическим, но он не имел представления, долго ли сможет находиться внутри этого трубообразного пластикового пугала.

Он посмотрел на лицо, которое использовал, общаясь с родителями, — лицо тинэйджера, соответствующее его возрасту, сделанное при помощи материалов судебных отчетов, смоделированное на основе снимков собственного черепа и соединяющее (заключающее) в себе некоторые черты отца и матери. «Лицо подростка, каким оно и должно быть, — подумал он. — Торчит на этой штуке как леденец на палочке».

Орландо вел себя как нельзя лучше. Он просидел весь ужин, честно стараясь сосредоточиться на том, что рассказывали родители о друзьях и родственниках, об их занятиях и мелких проблемах; но он чувствовал себе еще более одиноким, чем всегда.

Сервомускулы были неповоротливы, а манипуляторы менее подвижны, чем он ожидал: он дважды уронил стакан и почти своротил стол, когда вставал после обеда.

— Мне нужно будет уйти ближе к ночи, — сказал он.

— У тебя все в порядке? — спросила мама. — Ты, кажется, чем-то подавлен?

— Все хорошо. У меня собрание в Дроунз-клубе.

— Это то место в Англии в двадцатых годах прошлого века, о котором ты нам рассказывал? — спросил Конрад. — Это интересно. Не ты ли говорил, что там была война?

— Что-то вроде.

Было бы весьма затруднительно рассказывать родителям про Джона Дреда и про те ужасные разрушения, которые он произвел в многочисленных мирах Сети Иноземья в те недолгие дни, когда правил системой подобно злому божеству.

— Сим-мир восстанавливается, но мы предоставляем им самим возможность разобраться со своими проблемами, вместо того чтобы стереть с лица земли все, что там происходит, и начать цикл заново, поэтому наблюдения там продолжаются. Адаптации — как после лесного пожара, изменившего экосистему. Очень прикольно. — Он заметил их озадаченные лица. — Прикольно? Это значит забавно. Нетрадиционный способ позабавиться.

— Ты так много обо всем этом знаешь, — сказала мама. — Эта всеобщая сеть. Ты так хорошо ее изучил. И ты упорно трудишься, чтобы достичь чего-то... — Вивьен Феннис хотела было сказать что-то вроде «в твоем ужасном положении», но, конечно же, она была слишком давним другом Орландо, весьма сообразительна и очень добра, чтобы разрушить образ «мамы, гордящейся сыном», в котором сейчас находилась, — ...достичь в твоей жизни в новом мире. Новая вселенная. В это так трудно поверить и почти невозможно постичь.

— У тебя теперь первоклассное научное образование, — подхватил Конрад. — Пускай оно не подтверждено дипломом. Жизненный опыт дорогого стоит, не так ли? Может быть, когда-то...

— Все это должно остаться в тайне: я, Сеть Иноземья, все. Если хоть что-нибудь станет известно, начнутся суды и тяжбы по поводу того, кому принадлежит Сеть. Это будет стоить триллионы — повлечет за собой происки военных с целью создания сверхнового оружия, по крайней мере вероятность этого велика. Вы это знаете. — Орландо постарался на корню задушить отцовские фантазии, придушить их надо было обязательно: Конрада с регулярностью раз в несколько месяцев обуревали безнадежные дурацкие планы и один из них, видимо, воплотился в тело красно-коричневого робота. — Знаешь, скорее всего мне не придется больше жить в настоящем мире. Мне очень жаль. Я желал бы прожить здесь взрослую жизнь и осуществить все то, что вы хотели для меня.

Он перевел дух и обнаружил, что сердится, хотя не хотел этого. Ну почему все продолжают строить в отношении него смехотворные планы? Он более или менее ожидал этого от родителей, но то, что Сэм не до конца его понимает, все еще сильно задевало Орландо.

— Не беспокойтесь обо мне. Вы правильно сказали, Сеть — это новая вселенная и я один из тех, кто ее исследует. Я счастлив.

Счастлив или нет, он почувствовал, что не может дышать. Он вел себя как следует, был весел, когда прощался, даже позволил отцу и матери обнять тело робота, хотя это было

странное и непривычное ощущение, вероятно даже для Конрада. Орландо было все труднее преодолевать скверное настроение. Кресло, в котором сидела его механическая оболочка, едва не опрокинулось после того, как он перестал оживлять робота. Вырваться из этого ужаса, из этой скрипящей тюрьмы на свободу сети было подобно разрешению наконец снять с себя колючий, вызывающий чесотку свитер, подаренный к Рождеству, после того как тетушка, облагодетельствовавшая тебя этим даром, убирается, наконец, восвояси.

Ему надо было убить полчаса до встречи в Обществе Путешественников. Орландо задумчиво брел по улицам Лондона в мире П.Г. Вудхауса*.

До появления Дреда этот сим-мир представлял собой маленький сияющий мир неповзрослевшего веселья. Лондон, где беднота содержалась надлежащим образом, а беззаботные богачи были заняты весьма важными вещами, например, поедали вкусные завтраки и прятались от драконоподобных тетушек (которые могли появиться неизвестно откуда и испортить вышеупомянутый завтрак), не говоря уже о других невинных способах времяпрепровождения и развлечениях. Нынешний Лондон стал совсем другим местом. Являясь приверженцем какой-то социалистической чуши, которую едва ли мог вообразить самый параноидальный тори, Джон Дред сперва взбаламутил, а потом вооружил городской рабочий класс — слой в мире Вудхауса не слишком многочисленный, но и не вполне отсутствующий. Орда, состоящая в основном из садовников, дворецких, парикмахеров, посыльных, горничных и кэбменов взяла штурмом убежища верхушки общества, осаждая и атакуя богачей в их особняках, кенсингтонских квартирах и клубах. По слухам, распускаемым безумными анархистами, огню были преданы целые кварталы. Но слухи оказались не вполне слухами, и несколько факелов попало в руки знатоков своего дела, так что поджоги все-таки были. Произошли массо-

* Пелем Гренвилл Вудхаус (1881—1975) — англо-американский писатель. Условность персонажей Вудхауса служила комическому освещению жизни. — *Примеч. ред.*

вые убийства и публичное истребление классовых врагов — классовая принадлежность жертв зависела от того, на чьей стороне в данный момент находилась власть, — но благодаря беззаботно-доброжелательной природе Вудхаусовского мира даже злобное влияние Дреда быстро ослабело сразу после того, как закончилось его прямое присутствие. Все же, когда Селларс и Кунохара несколько недель спустя появились в этом мире, чтобы ликвидировать последствия интервенции Дреда, город был ввергнут в странное сумеречное состояние, этакую комбинацию разрушенного после бомбежек Лондона с неуправляемым беззаконием раннего елизаветинского возрождения и ощущал прикосновения странных теней, которые цеплялись за город в XIX веке во времена Джека Потрошителя.

Керзон-стрит в эти дни была заполнена лошадьми и фургонами, так как всего несколько машин уцелело во время Неприятности — имелось в виду уже упомянутое царство террора, — и Орландо приходилось смотреть под ноги, пока он двигался по направлению к Гайд-парку. Лагеря сквоттеров, которые появились здесь в первые несколько недель после переворота, стали более-менее постоянными поселениями и с наступлением прохладного вечера везде горели костры. Специально идти гулять в парк не стоило — голодные и замерзшие люди давно истребили местных белок и водоплавающих птиц из Серпентина и срубили на растопку большинство прекрасных старых деревьев. Благополучное население, кое полагало, что теперь, когда Неприятность закончилась, можно возобновить прогулки верхом по Роутен Роу, обнаружило, что, хотя лошадиное мясо могло прийти в парк на собственных копытах, покинуть его оно могло только находясь внутри чьего-нибудь желудка.

Однако, если кто-то и мог не обращать внимания на собственную безопасность, прогуливаясь в эти дни в Гайд-парке, то это был Орландо Гардинер — скромный системный полубог.

«И чего я так дергаюсь? Конрад и Вивьен хотят как лучше. Почему им так тяжело угодить? В конце концов я для них только ребенок, у которого ничего не сбудется обычным нор-

мальным образом, как они надеялись, — ни выпускного вечера, ни девушки, ни женитьбы, ни внуков...» Но сколько бы он ни думал об этом, он не чувствовал ничего кроме ужаса и негодования из-за того, что ему придется таскать то дурацкое управляемое тело. Вместо того чтобы заставить Орландо ощутить себя более естественно и непринужденно, оно, напротив, увеличило дистанцию между его старой и новой жизнью, как будто реальный мир стал какой-то чужой планетой, ядовитой окружающей средой, куда он мог вступить лишь одетый в лязгающее тело робота. Тот факт, что реальный мир был для него именно таким, причем уже в течение трех лет, не имел значения, пока он только звонил своим родителям по телефону; он мог наполовину притворяться, что проводит год в Африке благодаря одному из благотворительных фондов, но теперь страсть Конрада к определенности собиралась нанести серьезный удар по самообладанию Орландо, с таким трудом восстановленному.

Да и разговор с Сэм на самом деле его сильно задел. Он не хотел быть *тем, кто никогда не вырастет*, никогда не изменится, что бы ему ни пришлось пережить. Это было хуже, чем тело робота, это — как по-настоящему умереть. Он будет чем-то вроде призрака.

«Призрак в мертвом мире. Ничто не меняется: ни я, ни мир».

Он свернул через парк к Доувер-стрит и клубу. Шайки юных бандитов толпились у костров, сжигающих мусор, распевая издевательские серенады своим противникам. Таким образом они настраивались на драку, которая на местном бандитском слэнге именовалось почему-то «читай-пиши».

«Они имеют право выбора, — напомнил он себе. — Это не мое дело. Все равно я не могу торчать здесь все время и разнимать их всех».

Он посмотрел на гогочущих парней в шарфах и перчатках без пальцев, в помятых шляпах. Шустрые, как мальчишки у Диккенса. Некоторые открыто носили заточенные ножи и бритвы. В соответствии с моралью этого сим-мира их нынешние шалости ничуть не хуже, чем закидывание снежка-

ми викариев или толстых дядюшек, но даже это очевидное доказательство определенной гибкости нравов, дозволенных системой, не меняли чувств Орландо. Они могли приспособиться к высокому уровню местного хаоса, но эти хулиганы, в сущности, являлись теми же примитивными персонажами, какими они были в мирах ранних версий. Становилось очевидным, что, в полном соответствии с туманными предсказаниями Селларса и Кунохары, со смертью старой оперативной системы из Сети Иноземья исчезла определенная глубина реальности, этакий флер непредсказуемости. То, что было оставлено, было все еще невероятным, но в конечном итоге — безжизненным.

«Неудивительно, что все постоянно спрашивают, что со мной. Дело даже не во мне, проблема в Сети. На самом деле ничего не происходит, а если и происходит, то это как дикорастущий плющ в саду — на новом витке все повторяется вновь и вновь. Это не эволюционирующая вселенная, а гигантская сломанная игрушка, и даже если она представляет собой самое совершенное творение из того, что когда-либо было создано искусственно, она никогда не будет развиваться как живой реальный мир».

Его не так уж сильно угнетало отсутствие других людей, он знал, что симы, населяющие различные миры, изумительно разнообразны и самодостаточны, их интерактивные программы настолько гибкие, а их базовые легенды настолько исчерпывающи, что в большинстве случаев невозможно узнать о них что-нибудь такое, что позволило бы разглядеть нестыковки в их почти совершенном соответствии данному миру. Но Орландо *знал,* что они не настоящие и это было большей частью проблемы. Он был самой могущественной личностью в этой карманной вселенной теперь, когда Селларса нет, а Хидеки Кунохара слишком часто отсутствует, что также нарушало равновесие между ним и обитателями миров.

«Да, вот кто я, — осознал он. — Я не Арагорн или одинокий бродяга, я на самом деле супермен, как сказала Сэм. Я один такой в этих мирах, и я потрачу свою жизнь, работая для людей, чье существование кратковременно, и они никогда

не будут для меня настоящими людьми. И все это будет длиться очень долго, потому что я способен жить вечно».

Впервые с тех пор как он возродился в системе Орландо ощущал свое возможное бессмертие скорее как бремя, чем как дар судьбы.

Собрание уже началось, но несколько опоздавших все еще бродили по Мемориальному салону Бертрама В. Вустера — музею, посвященному, как полагал Орландо, бывшему члену Дроунс-клуба, который был затоптан толпой взбесившихся вокзальных носильщиков во время Неприятности. Орландо взял кока-колу и уселся у дальней стены комнаты. Поначалу его заказы по части напитков ставили в тупик барменов, но потом вмешался владелец клуба, и теперь бутылочка сиропа и сифон с содовой ожидали его, когда бы он ни зашел.

Он бывал здесь только на ночных собраниях, потому что мир Вудхауса не являлся одним из любимых миров Орландо и он никогда бы не заинтересовался вступлением в клуб, будь он жив, но Общество Путешественников — это совсем другое.

— Прежде чем мы пригласим сюда сегодняшнего оратора, — говорил председатель, — у нас есть несколько дел. Мы должны рассмотреть сообщения, присланные членами Общества, которые не смогли присутствовать сегодня вечером, но которые тем не менее хотят поделиться важной информацией.

Председатель, сэр Реджинальд де Лимо, в свои тридцать с небольшим был красивым мужчиной, поджарым, с ястребиным носом и загорелой кожей, что в этом мире характеризовало его либо как рабочего, либо как искателя приключений. Рабочим он, ясное дело, не был.

— Проход между Христианской Византией и Страной Игрушек более не безопасен. В Стране Игрушек беспорядки, какие-то вооруженные люди захватили магазин, где находилось управление порталом, и превратили его в свою штаб-квартиру. Меня уведомили, что это деревянные солдаты, поэтому, если вы не являетесь термитами, предполагается, что теперь вам следует избегать этого пути. — Несколько членов клуба вежливо рассмеялись. — Направляющиеся туда могут вос-

пользоваться лесными воротами, которые охраняют группы, симпатизирующие свободным путешественникам. Еще на тему проходов: у нас есть сообщение о новом проходе, открытом в Бенине, в оазисе как раз внутри города...

Пока де Лимо продолжал делать объявления, Орландо потягивал колу и изучал его поведение. Орландо было интересно, какая часть индивидуальности председателя была сохранена в данном персонаже. Де Лимо был одной из теней Жонглера, базирующейся на копиях, которые были сделаны с Феликса Жонглера, создателя Сети Иноземья в те времена, когда старый миллионер планировал жить вечно в пределах вереницы миров Сети, как бог, правящий этими мирами. Жонглер действительно достиг бессмертия, также как и многие другие, всесильные и полностью аморальные члены Братства Грааля, но не таким образом, как все они надеялись.

Вместо того чтобы выполнять задачи, для которых они были предназначены, — а именно служить информационной базой для обеспечения бессмертия и возрождения членов Братства, эти копии размножились и просочились в систему. Никто не знал, сколько их было и что с ними произошло дальше; с той поры не существовало надежного способа отслеживать индивидуальные симы в громадной сети. Одна из причин, по которой Орландо Гардинер в соответствии со своей ролью хранителя Сети вступил в Общество Путешественников, то что он не мог иначе следить за различными клонами членов Братства Грааля, многие из которых, казалось, вовлечены в клуб принудительно, что могло быть сделано по подсознательным мотивам.

Орландо сначала удивляло, что Кунохара и Селларс, два человека, которые лучше всех разбирались в системе Иноземья, не сделали ни единой попытки уничтожить эти остатки сетевой деятельности первых создателей, но они указали ему на то, что даже если все эти тени-копии смогут быть найдены и идентифицированы, то сами по себе они виновны в происходящем не более чем дети вора в наследственной нечестности, и что даже наименее симпатичные из оригиналов (членов Братства Грааля) ничуть не хуже отвратительных сим-

личностей, являющихся первоначальными обитателями некоторых миров. Хозяева Братства Грааля были опасны лишь потому, что обладали богатством и силой, а также способностью контролировать Сеть, находясь вне ее (что делало их особенно опасными). Внутри сети эти клоны и имитации начали свое существование с определенными отклонениями, внезапно обнаружившимися в большинстве инкарнаций, однако некоторые обладали поразительным стремлением стать порядочными гражданами. Наблюдая за работой председателя Общества, Орландо думал, что эта версия Жонглера, сэр Реджинальд де Лимо, кажется, находится где-то посередине между этими типами: вспыльчивый и явно амбициозный, но, несомненно, не негодяй.

Еще одно наследство, дарованное теням Грааля и некоторым подобным им сущностям, созданным прежней операционной системой, — некоторые из них базируются на реальных личностях, друзьях и знакомых Орландо, как, например, англичанин Пол Джонас, — заключается в том, что только они одни из всех сим-душ в сети могли относительно свободно путешествовать по сетевым мирам или хотя бы знали о существовании других миров за пределами сим-мира, в котором они жили. В отличие от Орландо эти путешественники не понимали, кто они такие или в какой вселенной они живут, но они обладали свободой мысли, что отличало их от остальных симов. Именно они были наиболее близки Орландо в эти дни. Сидеть у стойки бара в Дроунс-клубе после собрания Путешественников, слушать смешные истории и невероятные байки членов Общества было почти что счастьем, он понял это когда-то в таверне Срединной страны среди искателей приключений.

И конечно же, эти бродяги-по-мирам приносили крупицы информации, очень ценной для Орландо. Он мог быть смотрителем вселенной, по могуществу равным богу, но он не мог потушить каждый придорожный костер в четырех сотнях разных миров.

Когда председатель закончил свои сообщения, объявленный докладчик взобрался на трибуну и начал описывать на-

ходки, сделанные им в недавней экспедиции. Этот джентльмен, как оказалось, провел много времени в Трое и Ксанаду, двух сим-мирах, которые Орландо хорошо знал, поэтому он позволил себе отвлечься. Он так прогрузился в мысли о том, как снова связаться с Сэм, что какое-то время не замечал, что некто несколько раз многозначительно покашливал у него за спиной, а теперь похлопывает его по плечу.

— Мистер Роланд? С вами настоятельно хотят побеседовать. — Стучавший по плечу оказался владельцем Дроунс-клуба. Высокий малый, с бесстрастным лицом по имени Дживс, по слухам был до Неприятности кем-то вроде дворецкого, но теперь поднялся очень высоко и, по нынешним нестабильным временам, очень быстро. — Вы слышали меня, мистер Роланд?

Орландо понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить, под каким именем он здесь известен.

— Да-да, простите. Кто-то хочет видеть меня?

Может быть, это снова Бизли, вырядившейся во что-то экстраординарное — например, в шлем игрока в крикет или в облике крестного отца? Но агенту не разрешалось связываться с ним напрямую, только когда Орландо был в Ривендейле, служившем ему убежищем от всего остального мира. Трудно было расслабиться и наслаждаться игрой теней и света и мирным пением эльфов, когда ты получаешь по четырепять вызовов в час от агента со скрежещущим голоском и манерами бывалого бруклинского таксиста.

— Посетитель, сэр, — сказал Дживс, слегка поклонившись. — Юная леди. Весьма привлекательная, смею заметить, но, кажется, она... немного смущается. Я взял на себя смелость проводить ее в одну из комнат для отдыха. Знаете ли, некоторые старые члены клуба даже теперь питают предубеждение против появления здесь женщин. Прошу прощения, что прервал ваши размышления. Она сказала, что дело конфиденциальное и, как ей кажется, не терпит отлагательств...

Орландо посмотрел на поджатые губы мужчины, его высокий интеллигентный лоб. Дживсу не полагалось знать, кем на самом деле являются Путешественники — внешне они

представляли собой обычную, ничем не примечательную группу искателей приключений и авантюристов, которые раз в месяц собирались в Дроунс-клубе, — и уж, естественно, некому было намекнуть ему об истинном происхождении Орландо Гардинера, но владелец клуба всегда относился к Орландо с большим почтением и неким блеском в глазах, будто подозревал, что Орландо был вовсе не тем, кем казался. Орландо, в свою очередь, часто задумывался, не был ли новый хозяин клуба и сам из Путешественников, из нераскрытых. Если так, то он отыскал отличное местечко, чтобы спрятаться, — прямо под носом у Общества.

Он сделал в уме пометку: провести расследование по поводу миляги Дживса, когда у него будет немного свободного времени, и сосредоточил внимание на происходящем в комнате. Члены Общества затеяли вежливую и нудную дискуссию о целях новой экспедиции. Орландо знал, что они будут мусолить эту тему по крайней мере полчаса и, вероятно, не завершат обсуждение в этом месяце. Экспедиции требовали серьезного вложения средств, а те Путешественники, кто имел независимые доходы в одном сим-мире, редко мог перемещать ценности или материальные ресурсы из одного мира в другой. Фактически, единственным по-настоящему ценным и полностью перемещаемым капиталом были знания, и это одна из причин, по которой члены Общества ценили свое пребывание в нем превыше всего, за исключением собственных жизней. Он поднялся, решив, что сегодня вечером уже не произойдет ничего такого, о чем он не сможет узнать позже, в баре.

Дживс проводил его до двери комнаты отдыха и скользнул прочь по коридору, бесшумный, как кот-ворюга. Орландо вошел в уютную комнату и едва не столкнулся с молодой женщиной, одетой в блеклое платье, которая грелась у огня камина. Только когда он протянул руку, чтобы поздороваться, он понял, что стакан с колой все еще у него в руках.

— Простите, — сказал он, пристраивая стакан на узкую каминную полку. — Меня зовут Роланд. Мне сказали, что вы меня искали.

Она была хорошенькая, как и говорил Дживс, слегка болезненного вида, с широко распахнутыми глазами, темные

вьющиеся волосы и стыдливый румянец на щеках только подчеркивали полупрозрачную бледность кожи. Она испуганно встретила его пристальный взгляд, как если бы в следующую секунду он мог ударить ее или, хуже того, посмеяться над ней.

— Возможно, я ошибаюсь. Мне сказали... я так поняла, что человек, которого я разыскиваю, может быть здесь. Мне назвали имя Роланд. Я ищу Орландо Гардинера. — Она вглядывалась в его лицо, будто была близорукой или искала знакомые черты в недавно встреченном дальнем родственнике; потом ее лицо вытянулось. — Но вы — не он. Я никогда не видела вас раньше.

Он был изумлен, услышав свое настоящее имя, произнесенное вслух, и почти в равной степени — высказанным утверждением, что он вовсе не он, но звук ее голоса укрепил его предположение, когда он видел ее раньше. Эта молодая женщина была еще одной тенью Эвиаль Жонглер: либо одной из подлинных копий мертвой дочери Феликса Жонглера, либо вариантом личности, сфабрикованным по этим копиям в последние дни существования оперативной системы. Подлинная Эвиаль была мучительно влюблена в англичанина Пола Джонаса и, конечно же, большинство копий, которые были сделаны с живой Эвиаль после ее встречи с Джонасом, сохраняли эту страстную влюбленность. В бесчисленном количестве обликов они внезапно возникали во время метаний Джонаса по Сети Иноземья, иногда ободряли его, иногда активно преследовали, в иные моменты — судорожно вымаливали любовь и понимание.

Но никто из них никогда ничего не хотел от Орландо, и он понятия не имел, почему одна из них теперь его разыскивает, особенно под его настоящим именем.

— Вы говорите, что не видели меня прежде. — Он жестом предложил ей сесть; она, казалось, была готова удрать при малейшем шуме, как кролик, и его это забавляло. — Мне следует с этим согласиться, я также не узнаю вас. Однако мне известен некто по имени Орландо Гардинер, и я могу передать для него сообщение. Можете ли вы рассказать мне о вашем деле?

Орландо понял, что происходящее начинает «доставать» его. Он начинает разглагольствовать как один из персонажей этого сим-мира.

— О, вы... вы знаете его? — Она воспрянула духом, но лишь слегка, словно ей объявили, что вместо пытки ей будет дарована легкая милосердная смерть. — Где я могу найти его?

— Вы можете передать сообщение. Я обещаю, что он его получит.

Девушка в нерешительности поднесла ладонь ко рту. Она была очень бледна, слегка дрожала, но теперь Орландо видел, что в ее оленьих глазах была какая-то решимость и это противоречило ее внешнему виду. «Она, видимо, рисковала, придя сюда, — подумал он. — Она, должно быть, очень сильно хочет передать это сообщение».

— Очень хорошо, — сказала она наконец. — Мой позор не может стать больше. Мне остается уповать на вашу порядочность, мистер Роланд. Буду надеяться, что вы поступите как джентльмен. Пожалуйста, передайте мистеру Гардинеру, что мне необходимо его видеть как можно скорее. Я нахожусь в ужасно затруднительном положении. Ужасно. Если он не приедет ко мне, я не знаю, что я буду делать, — сдержанность внезапно покинула ее, из глаз хлынули слезы. — Я в отчаянии, мистер Роланд.

— Но почему? — Орландо тщетно пытался найти носовой платок, но она уже извлекла из рукава свой собственный и приложила его к лицу. — Мне очень жаль, мисс... миссис... боюсь, что я не знаю вашего имени. Послушайте, мне не хотелось бы усугублять положение, но мне на самом деле необходимо знать, зачем он вам нужен, до того как я сумею с ним связаться.

Она смотрела на него все еще влажными глазами и, казалось, приняла решение. Ее нижняя губа перестала дрожать. Девушка заговорила с ироническим достоинством.

— Это не такая уж необычная история в нашем безнравственном мире, мистер Роланд. Меня зовут Ливия Бард. Я незамужняя женщина и у меня будет ребенок. Ребенок мистера Гардинера.

Затем, как будто действие достигло кульминации в каком-нибудь первоклассном магическом шоу, она просто-напросто растворилась в воздухе.

«Найти одну-единственную женщину приблизительно в четырех сотнях различных сим-миров, каждый мир — с географией реального мира, с несколькими миллионами жителей и без централизованной системы слежения? О, нет проблем. Просто конфетка!»

Все это было даже не смешно.

— Бизли? Как обозначается то место на Амазонке, в Затерянном Мире с динозаврами? Как оно называется?

— Белая Кленовая Страна, босс. Мы получили достоверные сведения. Да, там есть одна тень Эвиаль Жонглер, но она выглядит по-другому и пользуется другим именем, Валда Джексон, кажется. Также, если наша информация верна, она постарше. И к тому же ведет себя не так, как наша беременная леди. Она руководит экспедициями во внутренние миры и пьет, как лошадь.

— *Фенфен*. — Он окинул просторную комнату хмурым взглядом. Снаружи громко журчала река, воздух благоухал ароматом трав, но все это не успокаивало как обычно. Он стал находить Ривендейл менее уютным, чем раньше, и теперь даже позволял Бизли контактировать с ним, не заставляя агента принимать соответствующий внешний вид; Ривендейл все меньше и меньше казался Орландо наилучшим местом для работы. После всего, что произошло, он уже не хотел возвращаться в Последний Приют, неизменный идеал его детства. Может быть, ему необходимо подумать об изменении стратегии действий. — Уже прошло три месяца, а единственное, что мы можем сказать об этой женщине: прячется она намного успешнее, чем мы ее разыскиваем. Где же она?

— Операция по розыску покажет. Ты же знаешь, босс, у нас нет единого регистрационного центра. Это займет некоторое время. Но мне кажется, что время такая штука, которой ты обладаешь в избытке.

— Бизли, если я захочу пофилософствовать, я куплю дополнительный модуль. Свяжись с Сэм и спроси, можем ли мы где-нибудь встретиться. Все равно когда. Выбор за ней.

— Твое желание — закон для меня, мастер Орландо.

— Это потрясающе, не правда ли? Мне всегда нравились японские чайные домики и все такое.

Орландо наморщил нос.

— Кажется, я первый раз слышу, что ты употребляешь словечко «потрясающе» без издевки типа «это потрясающе глупая идея, Гардинер...»

Сэм Фредерикс слегка нахмурилась, но ее самурайский сим трансформировал это в сердитый взгляд, которым могла удостоить маска театра Ноо.

— И что, по-твоему, это означает? Что я совсем превратилась в пай-девочку?

— Нет-нет. — Сегодня Орландо был совсем подавлен. Он лишь пару раз встречался с Сэм, с тех пор как началась вся эта история с Ливией Бард, и он соскучился по ней, но они, казалось, все еще не могли общаться как прежде. — Я просто не ожидал, что ты выберешь такое место для встречи.

— Ты всегда говорил, как тебе здесь нравится. — Она выглянула из чайного домика. За открытыми панелями стены, крошечным садом камней и песком, и маленькими деревцами, во все стороны простирались деревянные крыши города. На противоположной стороне Нихон-Баши, за деревянным мостом через Сумида, гордо сияли огни замка Эдо.

— Ну, мне нравится военное устройство этого мира, хотя для этого цикла оно уже в основном завершено — сегун сделал много полезного. Доспехи — *хо дзанг*!

— Хо дзанг! Давненько я не слышала этих слов. — Она заметила выражение его лица и торопливо продолжила. — Отличные доспехи, особенно шлемы с этими торчащими штуками — твои эльфы умрут от зависти. Хотя я не фанатка этой музыки. Мне всегда казалось, что она похожа на кошачьи вопли.

Орландо хлопнул в ладоши и отослал гейшу, которая тихо наигрывала на сямисэне. Теперь единственным звуком было

хриплое бормотание продавца воды, бредущего по улице внизу. — Так лучше?

— Думаю, да. — Она осторожно взглянула на него. — Как твой квэст?

— Квэст? Это слово возвращает меня во времена игр в Срединной стране. — Он поборол мгновение паники. Неужели она думает, что он совсем не изменился. — Ты имеешь в виду беременную женщину?

— Да. — Она заставила себя улыбнуться. — Это благородный квэст, Орландо, а ты парень, схлопотавший этот благородный квэст.

— Ну, если не принимать во внимание, что я, по всей видимости, сделал ребенка бедной девушке и сбежал. Честно говоря, такой поступок обычно не называют благородным.

Сэм нахмурилась, на этот раз потому, что ее раздражало легкомыслие Орландо.

— Но ты же не делал этого. Может быть, какие-то твои дурацкие клоны постарались...

— Может быть, но не думаю. Никогда не было признаков существования моих клонов или даже намека на это. Поверь мне, у меня есть Бизли, прошерстивший для меня все имеющиеся записи со времен повторного запуска сети.

— Я подумала, а нет какого-нибудь общего архива или чего-то такого?

— Нет, но есть частный архив, начатый Кунохарой, когда он и Селларс вновь запустили систему, и большинство отдельных миров имеют собственные записи, являющиеся собственностью сим-миров. Например, Вудхаус, где я встретил эту женщину, очень похож на настоящий Лондон начала XX века, так вот там есть записи о рождении и смерти, телефонные справочники и прочее. Данные иногда маразматические, потому что это, в общем-то, комедийный мир, но в них нет ни одного упоминания о Ливии Бард.

— Итак, ты думаешь, что она, должно быть, откуда-то пришла. Она — одна из тех путешественниц, которые могут перемещаться из мира в мир. Я не припомню — все ли тени дочери Жонглера были способны на это?

Орландо потряс головой, чувствуя, как волосы на голове становятся дыбом.

— Не знаю. Они всегда были самыми странными из теней, потому что операционная система с ними здорово «нахимичила». — Он сел, рассеянно вертя в руках свою чашку с чаем. Легко было поверить, что эта загадочная женщина могла думать, что она беременна — многие тени Эвиаль думали, что они беременны, потому что подлинная личность действительно *была,* по крайней мере на короткое время. Орландо вдоль и поперек изучил историю Селларса и большую часть записей Кунохары, стараясь докопаться до сути, хотя он слышал несколько историй из уст самого Пола Джонаса — это были обрывки сведений, причудливые и малопонятные.

— Орландо?

— Извини, Сэм. Я задумался.

— Я только хотела спросить... ты абсолютно уверен, что... что ты не делал этого?

— Не делал что?.. *Фенфен*, Федерикс, ты думаешь, я сделал ей ребенка? — Он почувствовал, что его щеки совершенно не самурайским образом покраснели.

Сэм забеспокоилась:

— Я не хотела смутить тебя.

Орландо покачал головой, давая понять, что все в порядке, хотя определенно был смущен. Когда он умер, он был четырнадцатилетним инвалидом — мальчиком, лишенным нормального детства и подростковой жизни. Дарованная ему жизнь-после-смерти вместе с силой и здоровьем, превосходящими весь его прежний опыт, плюс полное отсутствие присмотра взрослых, — конечно, он кое-что попробовал. Сначала сознание того, что его партнерши были некоторым образом не более реальны, чем во взятых напрокат интерактивных порнухах, не беспокоило его, по крайне мере не более, чем примитивность глянцевых красоток из девчоночьих журналов волновала предыдущее поколение, но новизна ощущений быстро приелась, оставив его одиноким и испытывающим отвращение ко всему этому. Также, поскольку оригинальные личности были ему неприятны, он завел для себя

твердое правило никогда не общаться с членами Общества Путешественников женского пола, так как для него было неприемлемо назначать свидание кому-то, кто не обладает подлинной свободой воли.

Как бы то ни было, любовь и секс — темы, которые неудобно обсуждать с Сэм Фредерикс.

— Давай прекратим этот разговор, — сказал он наконец. — Если бы была ситуация, в которой это могло произойти, я бы помнил. Но, Сэм, это не имеет значения. Она не настоящая, и ее беременность тоже не настоящая — все сконструировано.

— Все-таки, разве не все эти, как-их-там, девушки Жонглер были беременны? Они все думали, что были, или некоторые были на самом деле, или как?

— Эвиаль Жонглер. Да, были, и, как я уже сказал, не понастоящему. Но дело не в этом. Вопрос в том, откуда одна из них знает мое имя и почему она думает, что это мой ребенок.

Сэм задумчиво кивнула.

— Да от этой ситуации сильно попахивает. И что ты собираешься делать?

— Хотел бы я знать. Я ищу ее уже несколько месяцев, но она словно в воздухе растворилась. Бизли предлагает мне создать кучу мини-Бизлей, тогда мы сможем обыскивать систему более эффективно — нам это необходимо в принципе, не только для розыска одной женщины. На самом деле, мысль неплохая, но я не уверен, что хочу быть Наполеоном армии багов*.

Сэм Фредерикс села, рассеянно вертя в руках чашку.

— Послушай... Ты меня беспокоишь. Мне кажется, наша последняя встреча была не многим веселее.

Орландо отмахнулся.

— Я все время занят. Я думал, ты чем-то подавлена.

— Ты — сама проницательность. Я, вероятно, была загадкой для тебя по некоторым причинам.

Орландо улыбнулся:

— Вероятно.

Сэм взволнованно сказала:

---

* Bugs (*англ.*) — жучки. — *Примеч. пер.*

— У меня для тебя кое-что есть. Можешь ли ты переместить это в сеть? На верхнем уровне моей системы, называется «Орландо».

— Ты что-то принесла для меня?

— Не думаешь же ты, что я забыла о твоем дне рождения?

Он сам наполовину забыл.

— Действительно, день рождения. Завтра.

Странно, как мало теперь значил для него день рождения.

— Я знаю, но я ведь не увижу тебя завтра?

— Семнадцать лет. Я уже старый, правда?

— Старый — ха! Ты моложе меня и кончай этот базар. — Маленький пакет в подарочной упаковке появился на низком столике. — Ага, ты нашел его. Открывай.

Он снял крышку и посмотрел на вещицу, лежащую на виртуальной ткани в виртуальной коробочке.

— И вправду красиво, Сэм.

— С днем рожденья, Гардино. Не пялься так на него, этот браслет — дружеский подарок тебе, дураку. Ну, прочти, что на нем написано.

Он повертел в руках простой серебряный браслет. На нем была надпись: «О. от С. Друзья навеки». На мгновение голос ему изменил.

— Спасибо.

— Я знаю, что там, где ты находишься, ты не сможешь носить его, но я много думала: похоже, во всем мире нет ничего такого, что ты не смог бы заполучить, если захочешь, — будь то реактивный самолет или живые динозавры в качестве домашних любимцев. Но я дарю тебе то, что ты не можешь получить ни от кого в мире, только от меня. Мы друзья, Гардинер, помни об этом. Несмотря ни на что. Пока мы живы.

Орландо был очень рад, что этот сим был слишком самурайским, чтобы заплакать, — того, что он покраснел было вполне достаточно.

— Да, — сказал он. — Несмотря ни на что.

Орландо глубоко вздохнул:

— Эй, а хочешь пойдем погуляем, до того как ты уйдешь? Я немного покажу тебе Токайдо — это что-то вроде главной

улицы. Лучшее место для осмотра достопримечательностей. Если нам повезет, мы увидим даймё, входящих в город. Они благородного происхождения и приходят с тысячным окружением, с воинами, лошадями, флагами, наложницами, и все это издает шум, как на большом параде. Этакий самурайский Диснейлэнд.

— Ты действительно знаешь это место!

— Стараюсь.

— Ты свободен сегодня вечером, не так ли? — спросил Бизли, когда Орландо оживил свой ривендейлский сим. — Родители на тебя рассчитывают.

— О боже, ужин по поводу моего дня рожденья! Они наверняка хотят, чтобы я влез в тело этого ужасного робота. Конрад, вероятно, пристроил к нему воздушный шланг, чтобы я мог задуть свечки на торте. — Он так не любил быть внутри этой штуки, что стал избегать встреч со своими родителями. Во время трех последних визитов он сломал ножку стола, разбил несколько ваз и случайно сорвал с петель дверь. У этой штуки были очень ловкие ручные манипуляторы, но все остальное предназначалось, видимо, для тяжелой работы в угольных шахтах или в трюмах затонувших кораблей, а сама эта фигня двигалась с грацией слона, взгромоздившегося на ролики. Орландо не хотелось задеть родительские чувства, к тому же Конрад так гордился своей идеей, — но его от этой штуки просто тошнило.

«Если повернуть все так, как будто я не сумел с ними связаться...» Как раз в этот момент два члена Общества застряли в эпицентре вооруженного восстания в мире Дома и не могли оттуда выбраться; в мире Бронте произошел программный сбой или что-то похожее на направленные мутации у местной растительности, так что «Дом священника Бронте» оказался осажден плотоядными кактусами; у него все еще не было никаких соображений по поводу того, где может быть эта чертова Ливия Бард, не говоря уж о каком-нибудь объяснении ее странного поведения. «Ну, да, я *очень* занят».

— Так ты позволишь мне завести суб-агентов и раздавать им пинки, чтобы они пошевеливались, босс?

— Я еще не решил.

— Ладно, не бери в голову. Ты готов к встрече с родителями? Только сперва для тебя есть срочное сообщение от того парня, Элронда. Он ждет тебя внизу прямо сейчас.

— О господи, это никогда не кончится. Установи связь с этим тормозным игрушечным идиотом у моих родителей, ладно? После того, как я закончу дела внизу, я утоплюсь в клозете и отправлюсь прямо туда.

— Не хотелось бы такого развития сюжета. — В словах Бизли прослеживался сарказм. — Не переживай, босс. Бу сделано. Иди, общайся с Элрондом.

Он был на полпути вниз, на хрупкой деревянной лестнице, между небольшим домиком, где он жил, и центральными зданиями, когда в голову ему пришла мысль: «Каким образом, черт возьми, Бизли мог получить сообщение Элронда? В Ривендейле не пользуются электронной связью».

Все вопросы отпали, когда он вошел в главный зал и обнаружил там свою мать, отца и толпу эльфов, гномов и других обитателей Средиземья.

— Сюрприз! — завопили они. — С днем рождения!

Орландо замер в дверях в немом изумлении. Зал был задрапирован расшитыми золотом тканями, везде горели свечи. Огромные столы-подмостки были уставлены едой и питьем. Мама подошла к нему, положила руки на плечи, обняла и поцеловала. Когда она выпрямилась, то посмотрела на него с беспокойством, слегка зарумянившись от волнения.

— Все в порядке? Ты говорил, что твоя сеть может впускать в себя посторонних. Ничего плохого не случится, не так ли?

— Все отлично, Вивьен. Я просто... меня застали врасплох.

На ней был эльфийский костюм, длинное платье в желтоватых тонах, от сливочно-желтого до светло-бежевого, а волосы, собранные в узел на макушке, скреплялись бриллиантовыми заколками.

— Я выгляжу смешно? — спросила Вивьен. — Вон та милая девушка Арвен дала мне эти штучки для волос. Я думаю, это ее имя, — я не помню ее по книгам, я так давно их читала.

— «Милая девушка Арвен?» — Орландо не смог сдержать улыбку. — Ты выглядишь великолепно.

Подошел Конрад с кубком в руке:

— Эти гномы — любители выпить, не так ли? Что скажешь? Мы удивили тебя?

Орландо смог только кивнуть в ответ, ошеломленный и растроганный. Вечеринка катилась на всех парах. Кто-то сунул ему в руку кубок с элем. Подошел Элронд и поклонился родителям.

— Искренние поздравления в этот праздничный день, Тарагорн, — сказал эльф. — Вы всегда являетесь украшением нашего дома.

К ужасу Орландо Вивьен начала кокетничать с Элрондом, но хозяин дома воспринял это с добрым юмором. Удачно было и то, что Конрад оставил их с целью поближе познакомиться с устройством балочного потолка — он увлекался работой по дереву, — поэтому Орландо по крайней мере не пришлось беспокоиться о том, что его отец устроит сцену ревности эльфийскому лорду.

Арвен Андомиэль, дочь Элронда, которую его мать назвала «милой девушкой», стояла рядом со своим возлюбленным Арагорном, одетым в потрепанный плащ и, казалось, готовым прямо сейчас отправиться бродяжничать по лесам и дорогам. Человек, чье имя Орландо в какой-то мере позаимствовал для существования в этом мире, на мгновение покинул свою невесту, подошел и пожал ему руку.

— Мои поздравления, брат. Мы много долгих лет не встречались. Я не знаю за пределами земли хафлингов никого, кто бы так праздновал свой день рождения.

— В этом надо винить моих родителей.

— Это не вина. У тебя прекрасные родители.

Арагорн обнял его, затем вернулся к стоящей невдалеке Арвен. Рядом с ней находились ее братья Элладан и Элрохир, тоже в потрепанной одежде путешественников, будто они долго ехали верхом, прежде чем добраться сюда. Эльфийская принцесса подняла кубок и жестом поприветствовала Орландо. Он был бы польщен, если бы не знал, что всем этим воплощенным фантазиям он обязан программе.

— Я даже не поинтересовался, как вы все это устроили, Вивьен, — сказал он матери.

— Бизли помог, — она указала на маленькую, не слишком внушительную, но очень мохноногую фигуру в дальнем конце зала, занятую распиванием спиртных напитков с тремя гномами из Дэйла. — Он почти человек, да?

— А кто тут не человек? — Он обнял мать. — Спасибо. Я действительно не ожидал.

Вивьен спрашивала Элронда о чем-то домашнем — кажется, он услышал характерное для нее выражение «оказать помощь на кухне», — когда внимание Орландо вдруг привлекла бледная фигура, движущаяся сквозь толпу в центре зала. Мгновение он пристально разглядывал ее, размышляя, что это за персонаж Толкиновского мира и почему она выглядит такой знакомой.

— О господи! Это она!

Он пересек зал прежде, чем Вивьен закончила фразу «куда это он собрался», и настиг женщину в белом, когда она входила в Каминный зал. В неверном свете пламени она казалась призраком, но это была не сама Ливия Бард — та, что стояла перед ним, была ее точной копией.

Она смотрела, как Орландо приближается, застигнутая врасплох и немного испуганная.

— Что вам нужно?

Он сообразил, что выражение его лица может испугать любого. После месяцев поиска просто увидеть ее проходящей мимо!..

— Мисс Бард. Ливия. Я искал вас.

Она повернулась к нему лицом, и он испытал шок вторично. Просторное белое платье не скрывало весьма заметную беременность.

— Кто вы? — Она присмотрелась, потом моргнула. — Может ли быть? Вы правда — он?..

И затем она снова исчезла.

— Бизли! — взревел он. — Это было она! Прямо здесь, а потом исчезла! Куда она делась?

— Не могу сказать, босс. Погоди, счас стряхну с себя Снори и буду в твоем распоряжении.

К тому времени как его родители и верный компьютерный агент добрались до него, Орландо стоял на коленях на

полу в Каминном зале и в отчаянии молотил кулаком по доскам. Конрад и Вивьен предложили ему отменить праздник, но он знал, что праздник в равной степени устроен для них, как и для него, поэтому он поднялся и позволил отвести себя на вечеринку. Несмотря на все праздничные развлечения и отвлечения, предложенные волшебством Ривендейла, Орландо едва замечал, что происходит вокруг него. Так скоро, как позволяли правила приличия, он принес извинения и отправился в постель, задержавшись на минутку по дороге в свои покои, чтобы перекинуться словом с Бизли.

— О'кей, у тебя есть мое разрешение — я иссяк. Собирай свою армию суб-агентов. Но окажи мне услугу: не делай их жуками, ладно? Я собираюсь навестить Кунохару, того, что я там насмотрюсь, мне надолго хватит*.

— Будет сделано, босс.

Бизли остался допоздна, продолжив пьянку с гномами из Дэйла. Но когда он исторг из себя несколько сонетов собственного сочинения в честь Светлой Королевы Берутиэль, они поняли, что эта та стадия, в которой даже гномам следует перестать пить.

Эльфы не жалуются, но беспорядок, с которым племени Элронда пришлось столкнуться на следующее утро, был просто ужасен.

— Мистер Гардинер, я всегда рад видеть вас, но, надеюсь, вы проявите понимание. — Кунохара жестом предложил ему сесть в одно из кресел, с которых хорошо просматривалась высокая, как лес, трава, угрожающе теснившаяся под балконом, подобно застывшей волне прилива. Это был невысокий элегантный мужчина средних лет (по крайней мере таким всегда выглядел его сим) в современного покроя кимоно; черные волосы и бороду слегка посеребрила седина. — В эти дни мое время крайне ограничено. Мой племянник — по молодости лет, видимо, — ведет против меня враждебную кампа-

* Кунохаре принадлежит описанная в тетралогии «Иноземье» симуляция мира насекомых. В этом мире размеры жуков, муравьев, стрекоз и т.д. во много раз превышают размеры людей. — *Примеч. ред.*

нию. Объявлено, что слишком много денег семейной корпорации растрачено на «забавы председателя» (как они это называют). Председатель — это я, и этот сим-мир представляет собой одну из «забав», о существовании которой они даже не подозревают. — Кунохара злился. — Корпорация создана на основе моих изобретений, а они хотят отобрать ее у меня. Я их, конечно, раздавлю, но все это не только прискорбно для семьи и вызывает у меня раздражение, но и сильно истощает мои силы.

— Я высоко ценю то, что вы смогли уделить мне время.

Орландо никогда не питал теплых чувств к Хидеки Кунохара и не слишком хорошо его понимал; часто от Кунохары нельзя было узнать ничего существенного, даже когда он сидел вот так прямо напротив, ведя беседу с показным дружелюбием. Орландо не мог разобраться, что этот человек на самом деле думает, и поэтому он никогда полностью не доверял ему, но теперь, с уходом Селларса, Кунохара разбирался в базовой логике системы лучше, чем кто-либо.

«Если здесь вообще подразумевается хоть какая-то логика», — угрюмо подумал юноша.

— Я просмотрел ваши сообщения, — внезапно сказал Кунохара, одновременно следя за полетом попавшейся ему на глаза черно-оранжевой бабочки размером с маленький самолет, которая то почти касалась земли, то опять взмывала ввысь, крылья ее сверкали в солнечном свете. — Гелеконид, — объявил он. — Приятно видеть их так близко от станции.

Дом Хидеки Кунохара представлял собой здание весьма больших размеров, так что подходил скорее для проживания целого королевского двора, чем одного человека, или по крайней мере так было бы в реальном мире, где люди ограничены всякими мелкими неприятностями типа законов физики, но в Сети размеры особой роли не играли. Дом формально являлся научной станцией, которую Кунохара сдавал внаем правительству и биологическим отделениям университетов, потому что гости, посещавшие этот мир, обнаруживали, что они меньше по размерам, чем большинство насекомых и других беспозвоночных местной фауны. Это было бы очарова-

тельно, если б не случилось ужасное событие: в результате перебоев в Сети исследовательская станция была уничтожена ордой воинственных муравьев и все человеческие симы убиты.

Собственный дом Кунохары был тоже разрушен. Балкон, на котором сейчас сидели Орландо и Кунохара, первоначально принадлежал одной из высотных наблюдательных станций, которая располагалась на южном фасаде комплекса основных зданий; пока они разговаривали, Орландо мог наблюдать на расположенном под ними склоне все виды чудовищных животных, поедающих и поедаемых, включая птиц размером с пассажирский реактивный самолет, вытягивающих из по-утреннему сырой земли червей длиной с поезд подземки.

— Как бы то ни было, я прочел ваши сообщения и мне на самом деле почти нечего сказать, мистер Гардинер. Вы уверены, что она не является в Сеть откуда-то извне? Реальная личность, которая где-то обнаружила ваше имя или даже кто-то, кто вас знает и пытается сыграть с вами шутку?

— Это было бы еще хуже, чем та загадочная история, которую мы имеем на сегодняшний день, — сказал Орландо. — Потому что если это не кто-то из моих друзей (а я не могу представить себе, кто же из них так забавляется), это будет означать, что наша безопасность под угрозой. Существование Сети следует держать в секрете.

— Ну, за пределами Сети есть несколько человек, которые помогают нам и выполняют представительские функции.

— Но даже эти люди ничего не знают обо мне.

Кунохара кивнул.

— Я тоже считаю, что вероятность существования некоего внешнего агента достаточно мала.

— Остается предположить, что у Орландо Гардинера также могут существовать тени, хотя раньше я никогда их не видел и даже не слышал намеков на это.

— Это также сомнительно, мистер Гардинер. Не исключено, что ваша копия может существовать, и возможно, что в течение трех лет ей удалось остаться незамеченной — в конце концов, Сеть велика. Возможно даже, что эта копия ис-

пользует ваше настоящее имя, не привлекая нашего внимания. Но все равно остается один вопрос, на который следует ответить до того, как мы примем эту гипотезу в качестве обоснованной теории.

— Понимаю, — Орландо скосил глаза, чтобы посмотреть, как мухи гоняются друг за другом поверх высокой, словно деревья, травы. Радужные существа размером с автомобиль исполняли па-де-де высоко в воздухе, и их прозрачные крылья искрились. Орландо не любил насекомых, и в первую очередь жуков, особенно таких огромных, но, видя подобную картину, он почти понимал если не самого Кунохару, то созданный им мир. — Загвоздка состоит в том, как эта девушка узнала, что *я* связан с Орландо Гардинером, когда отыскала меня в мире Вудхауса, и каким образом она нашла меня снова в мире Толкина. Как она может следить за мной?

— Копии, происходящие от дочери Феликса Жонглера, как известно, весьма примечательны, — сказал Кунохара. — Некоторые из теней Эвиаль способны по желанию перемещаться из одного сим-мира в другой. Другие могут путешествовать между мирами только используя принцип «аркады», что делают и ваши Путешественники, пользуясь проходами. Некоторые же из Эвиаль вообще не кажутся способными выходить за пределы родных миров, хотя там эти копии обычно владеют каким-то мощным или редким знанием.

— Да, подобно той, которую мы встретили в морозильной камере в мультяшной Кухне. Думаю, что подлинная, то есть реальная Эвиаль была чрезвычайно важна для старой операционной системы, может быть поэтому все ее тени все еще имеют особое значение для сети. — Что-то забрезжило у него в голове, какая-то не вполне оформившаяся мысль. — Разве это возможно? Я думал, что теперь мы имеем дело с абсолютно другой оперативной системой.

— В какой-то степени, но на самом деле новая система гораздо более запутана, чем прежняя, — Кунохара прищелкнул языком. — Неизвестно, все ли останки старой оперативной системы, подобно тому бедному замученному созданию, известному как Иной, были удалены из сети. Может быть,

именно в них была причина того, что в некоторых случаях новый вид жизни мог распространяться по всей Сети, как это происходило с образцами из коллекции Селларса, и изменять порядок вещей до неузнаваемости. Псевдожизнь, развившаяся до реального существования.

— Но ничто не возвращается на круги своя, как вы всегда говорите.

— Ну да, никаких новых свидетельств мы не имеем. Других информационных объектов, подобных тем, что ранее выросли, а теперь умерли, мы не нашли. Также не было ни единого признака начала эволюционного процесса *заново* и *по-другому* — ни одного! В этом вопросе вы можете доверять мне, мистер Гардинер. Мутации и псевдожизнь — это моя страсть, и я долго и упорно разыскивал любые свидетельства их существования в Сети. Это фантастически сложное творение, и необходимо признать, что любая другая сеть по сравнению с ней — нежизнеспособный артефакт. Я боюсь, что со смертью Иного и бегством его информ-созданий, Сеть теперь действительно мертва.

Орландо более или менее знал это — в конце концов, скука, отсутствие перемен беспокоили его уже многие месяцы — но высказанное Кунохарой в такой категоричной манере утверждение было подобно гвоздю, засевшему в желудке.

— Но ведь симы воспроизводят себя в своих мирах. У них есть дети. У животных тоже есть потомство. Посмотрите на ваших жуков — они откладывают яйца, не так ли? Производят маленьких жучат-громадин?

— Да, но только в соответствии с исходной матрицей. Способность к воспроизводству может быть частью программы симов, но это похоже на настоящую жизнь не более чем кукла похожа на человека. Новая жизнь в этой системе программируется. Посмотрите на ваши Эвиаль-тени — вы говорите, что некоторые из них постоянно беременны. Это не настоящая беременность, это особенность программы, как цвет волос сима или скорость бега животного.

— Но в последний раз, когда я видел ее, она выглядела по-настоящему беременной. Никто из Эвиаль-теней не дос-

тигал стадии столь заметной беременности. Я читал это в ваших собственных записях.

Кунохара покачал головой.

— Мистер Гардинер — вы сообразительный молодой человек и вы отличный хранитель сетевых миров, и я уверен, что, где бы ни находился сейчас Патрик Селларс, он гордится тем, что он выбрал вас, но вы — не ученый, увы, нет. Знаете ли вы *наверняка,* является ли ее живот результатом обычной трех-четырехмесячной беременности или ваше утверждение целиком основывается на том, что вы видели с расстояния нескольких метров в течение нескольких секунд? Сим-люди физиологически могут быть устроены почти так же сложно, как и настоящие. Возможно, она сама ощущает, что у нее есть ребенок, но живот ее не растет — он никогда не будет расти, но она это не знает, поэтому она подкладывает подушку или похожий предмет, из страстного желания, возможно. Но мистер Гардинер, друг мой, когда мы с вами сможем ее обследовать и увидим, что она на самом деле имеет развивающуюся беременность, только тогда мы можем начать рассуждать о том, чем она отличается от других теней Эвиаль Жонглер. До тех пор я настоятельно советую вам не делать поспешных выводов.

Орландо не слишком любил выслушивать нотации.

— Итак, вы говорите, что это все роковое недоразумение, еще одна истеричная копия Эвиаль как-то случайно узнала мое имя — и ничего более.

— Я ничего не говорю о том, что именно происходит, мистер Гардинер, потому что у меня недостаточно информации. — Кунохара сцепил пальцы и медленно покачал головой. — Я делюсь с вами тем, что я предполагаю и в чем сильно сомневаюсь. Люди вкладывают в эту сеть триллионные кредиты, чтобы сделать внешний вид вещей и предметов реальными настолько, насколько возможно, но, пожалуйста, не путайте внешний вид с настоящей природой вещей. А прежде всего не впадайте в заблуждение, принимая видимость воспроизводства и других симптомов жизни, скорее всего сфальсифицированных, за реальное воспроизводство и действительную жизнь. Жизнь — это упрямый феномен, который

использует самые разные стратегии для поддержания своего существования. Сеть приспосабливает эти процессы для выгоды своих пользователей, создает реальную окружающую среду, но разрыв между симулированным объектом и действительным процессом, который он имитирует, огромен. Теперь простите меня, но мои адвокаты ждут меня уже в течение получаса.

Орландо поблагодарил его, но Кунохара уже вызывал кого-то на связь и только кивнул. Орландо оставил его беседующим с самим собой, или по крайней мере так это выглядело, когда он обозревал подконтрольный ему домен. Цветы, высокие как мамонтовые деревья — секвойи — скрипели и качались на крепчающем ветру.

Бизли ожидал возвращения Орландо в его спальне в Ривендейле. Вдали от глаз эльфийской общественности и учитывая нынешние послабления в правилах, агент даже не позаботился вырядиться хоббитом, а наоборот был в своей обычной форме, чем-то напоминавшей швабру с глазками, мультяшного паука или даже хаотичное пятно из психических тестов Роршаха. Сегодня природная красота Бизли усугублялась мятой, лишенной верха шляпой. Он радостно оскалился при виде входящего Орландо и исполнил волосатыми ногами несколько замысловатых па.

— Ты в хорошем настроении.

— А ты, кажется, не очень, босс. Неудачный разговор с Кунохарой?

— Ничего проясняющего ситуацию. Я полагаю, он думает, что я слишком нервно на все реагирую.

— Ладно, я знаю, что тебя развеселит. Можешь познакомиться с моей бандой.

— С чем? А, с суб-агентами. Слушай, Бизли, не думаю, что я сейчас гожусь для общения с тучей жуков, ползающих вокруг.

— Это не жуки, ты же меня предупредил, — агент снял с головы шляпу и оттуда стали выпрыгивать маленькие существа. В течение нескольких секунд на полу вокруг него выс-

троилась целая орда. — Я позаимствовал эту идею из мира Доктора Сьюса*. Встречайте! Маленькие Кошки от A1 до A99, B1 — B99, C1 — C99...

— Хватит, я все понял, — Орландо уже по лодыжки погрузился в озерцо из крошечных кошек. — Я не желаю знакомиться со всеми 26 сотнями. Полагаю мне следует поблагодарить бога, что ты не украл свою идею из «Hop on Pop», — он украдкой взглянул на малюсеньких кошек, которые теперь карабкались по простыне и перепрыгивали через подушку. — Как, черт побери, эти штуковины будут тайно собирать информацию, которая нам необходима? Они явно не смогут остаться незамеченными, так?

— Босс, босс... — Если бы у Бизли была шея, то он бы тряс головой. Вместо этого он демонстрировал нечто вроде гавайского танца для паучков. — Это же мои суб-агенты. Не думаешь ли ты, что я отправлюсь добывать информацию в таком виде, а? Я — профи, хороший профи. Я только связываюсь с этой мелюзгой напрямую, на машинном уровне, и они все сделают, как надо. Я просто подумал, что так сообщения будут выглядеть забавнее, вот и все.

— Отлично. — За этот час Бизли был вторым человеком (вторым существом, точнее сказать), который говорил ему, что он совершает ошибку, оценивая вещи по их внешнему виду. Сеть Иноземья была весьма привлекательным местом — так много денег тратилось на создание миров, являющихся подобием настоящих. Вспомнив, он посмотрел на свое виртуальное запястье (с тех пор как он находился в Ривендейле, это было запястье Тарагорна) и на виртуальный браслет, дар дружбы. Теперь Орландо всегда носил его. Браслет выглядел как настоящий, хотя таковым не был, но значение имел большее, чем любой реальный кусок гнутого металла, потому что являлся доказательством подлинной дружбы.

Какая-то мысль вертелась у него в голове, что-то, что необходимо было обдумать, но его внимание было отвлечено

* Псевдоним, под которым публиковал свои произведения американский детский писатель и сценарист мультфильмов Theodor Seuss Geisel, автор книги «Кошка в шляпе», а также упоминаемой ниже книги в стихах «Hop on Pop». — *Примеч. ред.*

живым кошачьим ковром, который внезапно закружился в водовороте, превратившись в спиралевидное облако из миниатюрных кошкообразных и затем с громким хлопком исчез в шляпе Бизли.

— Эй, босс, я забыл тебе сказать. Тебе надо вернуться в мир Вудхауса — кто-то оставил сообщение в твоем ящике в клубе.

— Но до следующего собрания еще несколько недель.

— Комиссия по регламенту созывается ввиду непредвиденных обстоятельств, тебя ждут.

— У меня нет времени. Пошли извинения от моего имени.

— Думаю, ты захочешь прийти. Они пытаются снять с должности председателя этого... как его там... де Лимо.

— За что?

— Кажется, пара дамочек, членов клуба, собирается обзавестись младенцами, и они утверждают, что он — их папочка.

— Я ничего им не делал, — сэр Реджинальд был почти белым от ярости. — Ни одной! Я едва знаком с миссис Хэйс. И я презираю Мэйси Макапан. Все это знают.

Сам Орландо едва вспомнил обладательницу первого имени: это была тихая бесцветная женщина, которая своим существованием, казалось, была обязана проверочным тестам, проводимым одной из женщин-инженеров проекта Грааль. Вторая была тенью Имоны Дедобланко, единственной женщины из тесного круга членов Братства Грааля. Подлинная личность могла быть справедливо названа настоящим монстром, но ее тень соединяла в себе ее наименее убийственные, хотя все же раздражающие недостатки, например, самовлюбленность, доходящую до мании величия. Подобно образцу, по которому ее создали, она была напичкана амбициями, вот почему она и тень Жонглера, сэр Реджинальд, часто действовали наперекор друг другу.

— Почему здесь нет этих двух женщин? — спросил Орландо. — Не следует ли предоставить де Лимо возможность взглянуть в лицо своим обвинителям?

— Роланд, вы благородный человек, — сказал сэр Реджинальд. — Да, где они? Почему эта инквизиция, эта «Звездная Палата» полагается на явно смехотворные обвинения? Все знают, что я счастливый семьянин, мое семейство проживает в Третьей Парижской Республике.

— Счастливый семьянин тоже может сбиться с пути истинного, — высказался усатый путешественник по имени Рензи, бывший, как предполагал Орландо, тенью кого-то из ранних сетевых инженеров или, возможно, сильно деградировавшей версией его друга Пола Джонаса.

— Но только не с этой Макапан! — Де Лимо, казалось, был оскорблен этим предположением больше, чем самим обвинением. — Я скорее войду в клетку к голодной львице!

— Обе эти женщины не в себе, — объяснил Рензи Орландо. — И их рассказы, что должно быть принято к сведению, весьма туманны. Но они обе клянутся, что их обвинения истинны. Хотя миссис Макапан, как известно, питает к сэру Реджинальду болезненную неприязнь, миссис Хэйс не похожа на человека, способного выдумать такое.

— Наверное, эта сука Макапан подкупила ее, — прорычал де Лимо. — Ей необходимо было что-то сделать, чтобы сместить меня с поста председателя.

— Если она может подкупить одну женщину, то может подкупить и двоих, — сказал Орландо. — Если она просто пытается уничтожить ваше доброе имя, сэр Реджинальд, кажется странным, что она сделала себя одной из жертв, в то время как все знают, что она имеет против вас «зуб» или даже два.

— Вы что, намекаете на то, что верите в эту пустую болтовню, мистер Роланд?

— Я не говорю, что я верю или не верю во что-то, сэр Реджинальд. У меня недостаточно информации. Я просто думаю вслух.

После этого он оставил их продолжать беседу, в то время как у него в голове начала формироваться некая мысль. Даже на очень ранней стадии формирования это была очень странная мысль.

* * *

Он просмотрел записи членов Общества Путешественников, оформленные в виде твердых копий — книги, написанные от руки чернилами в кожаном переплете, бережно хранящиеся в этом сим-мире, — ими был завален весь деревянный стол, служивший его рабочим местом в Ривендейле. Годом раньше сам Орландо тайно поддержал и помог провести в жизнь особое правило, что все полноправные члены Общества должны вести дневники путешествий и затем передавать их в библиотеку Общества в Дроунс-клубе, и теперь он радовался, что сделал это.

Орландо обратил внимание на нечто весьма интересное, касающееся де Лимо и двух его обвинительниц, и постарался разобраться в схеме перемещений этой троицы по мирам. Он как раз нашел подтверждение своим подозрениям и в некотором изумлении разглядывал собранный материал, когда в ухе прозвучал голос его агента.

— Босс?

— Дай мне угадать, Бизли. У тебя есть новости для меня. Еще одна беременность в Обществе Путешественников и еще один отказ от ответственности.

После мгновенной паузы агент сказал:

— О, это потрясающе, босс! Как ты догадался?

— Ну, до меня начало кое-что доходить.

— Ты хочешь знать, кто замешан на этот раз?

— Если то, что пришло мне в голову, правильно, это не имеет значения. Дай мне продолжить работу, Бизли. Я сообщу, когда ты мне понадобишься и, вероятно, это будет скоро.

— Босс?

— Бизли, я пытаюсь сосредоточиться. Благодарю за доставленную информацию, а теперь исчезни, ладно?

— Это важно, босс.

Орландо вздохнул:

— Ну, что еще?

— Это по поводу кошачьих малюток Н-42 и Н-45 — двух суб-агентов, помнишь? Полагаю, что тебе следует сделать для них что-то приятное. Годовой паек рыбьих голов например.

— Рыбьих голов?.. Бизли, ты сводишь меня с ума. Что ты несешь, черт возьми?

— Только в качестве награды, босс. Потому что они нашли твою подружку.

— Они... — Он мгновенно заинтересовался. — Точно?

— Эвиаль-тень, темненькая, с кудрявыми волосами, беременная. И весьма заметно.

— Рыбьи головы — каждой. Нет, по целой рыбине. Где?

— Снимает квартиру в Старом Чикаго, ну и выбор. Не думаю, что она пробудет там долго. Я послал тебе адрес, это легко найти. Это над клубом на Тридцать седьмой улице в Джайлсе.

— Я туда.

И он отправился, беззвучная команда доставила его в сердце сим-мира быстрее и точнее, чем ковер-самолет. Иногда здорово быть всемогущим.

Тридцать седьмая улица была шумной и оживленной. Гангстеры типа Аль-Капоне, с которыми у Орландо ассоциировался Старый Чикаго, в поле зрения не попадались, но тротуары были забиты до отказа толпами простых людей нескольких цветов кожи. Казалось, все были наряжены для какого-то торжества, все мужчины — в галстуках, женщины в платьях. Квартира находилась над клубом под названием «Свой парень», над дверью широко улыбался мерцающий неоновый рот. Полдюжины черных мужчин в красивых костюмах с большими накладными плечами стояли под козырьком, куря, болтая и поглядывая в пасмурное небо и при этом перегораживая лестницу рядом с входом в клуб, ведущую в жилые помещения. Орландо подумал, что эти люди могут быть гангстерами. Он не был уверен, существовали ли в это время гангстеры-афроамериканцы, но сейчас ему не хотелось терять время на выяснение отношений. К несчастью, он носил свой единственный годный для Чикагского мира сим — мужчину кавказского типа, довольно высокого и сильного. Ему сейчас лучше бы быть незаметным, чтобы они оставили его в покое, чем своей внешностью отпугивать этих людей. Но мужчины перед дверью, казалось, были всецело заняты сигаретами, которые они

делили; они едва посмотрели на Орландо, когда он протиснулся мимо и стал подниматься по узкой лестнице.

— Похоже, Мисси заполучила в клиенты джентльмена, — сказал один из них в спину удаляющемуся Орландо.

— Он не первый у этой крошки, — добавил другой и оба тихо засмеялись.

В коридоре слабо пахло плесенью, и ковры в холле с годами так потемнели от грязи, что он не мог разглядеть узор на них, хотя таковой безусловно имелся. Орландо постучал в дверь с номером, который дал ему Бизли.

Она открыла дверь, запертую лишь на цепочку, и смотрела на него широко распахнутыми глазам. Девушка впустила его, но была явно смущена и напугана. Ее домашняя одежда представляла собой нечто бледно-голубое, стеганное как ватное одеяло, волосы были распущены и волнами спадали на плечи.

— Кто вы? — спросила она.

Если она была смущена, то он был сконфужен еще больше.

— А кто *вы?* — Но он знал, кто она, она — тень Эвиаль Жонглер, темные кудрявые волосы, большие глаза и особенно голос рассеивали все сомнения. И, как высказался Бизли, весьма заметная беременность. Проблема заключалась в том, что это *не та тень* Эвиаль, и различия были видны сразу. Кроме волос и глаз — все другое, это была совершенно другая женщина.

— Я... меня зовут Виолетта Жергенс. — Она, кажется, едва сдерживала слезы. — Что вам надо? У вас знакомая внешность.

Ему ничего не приходило в голову, поэтому он брякнул:

— Я Орландо Гардинер.

На мгновение ее лицо засветилось — детское изумление и радость наутро в Рождество — потом улыбка погасла и сменилась недоумением и даже тревогой.

— Я мечтала о том дне, когда Орландо ко мне вернется, когда у нас будет семья. Но вас я никогда прежде не видела. — Она отступила, заламывая руки. — Пожалуйста, кто бы вы ни были, не обижайте меня.

Орландо потряс головой. Он хотел проверить мысль, казавшуюся ему многообещающей, но теперь снова запутался.

— Простите. Я не причиню вам вреда. — Возможно, его первоначальная идея все же имела смысл. Он решил задать ей тот же вопрос, который хотел задать Ливии Бард. — Скажите мне только одно: как выглядит Орландо Гардинер?

Вопрос, кажется, рассердил ее, но после минутного раздумья выражение лица девушки изменилось.

— Я... Мне было так тяжело в последнее время... Все это... Я...

— Вы не помните, не так ли?

Она заплакала.

— Мне так плохо...

Он увидел возможность раздобыть еще капельку информации.

— Вам придется довериться мне. Можно... можно мне дотронуться до вашего живота?

— Что?!

— Я клянусь, я не причиню вреда вам или ребенку, мисс Жергенс. Пожалуйста, я обещаю, что буду осторожен.

Она не выразила согласия, но и не отступила, когда он подошел поближе. Он медленно вытянул руку и положил на округлость ее живота, туда, где ее домашнее платье вздымалось, как наполненный ветром парус. Животик был твердый и, насколько он мог судить, живой и теплый.

На этот раз Орландо совсем не удивился, когда Виолетта Жергенс внезапно исчезла из собственной квартиры, растворившись в воздухе как мыльный пузырь. Он не собирался искать ее ни на 37-й улице, ни где-нибудь еще. Искать ее не было необходимости; он начал чувствовать под ногами твердую почву, потому что был реальный шанс, что он вновь увидится с ней и другими такими, как она.

«Кунохара, — подумал он, — вы должны принести мне извинения».

— Ничего не понимаю, — сказала Сэм. — Итак, теперь еще одна из этих Эвиаль Жонглер думает, что ты отец ее ребенка?

Она разговаривала с ним по фону, потому что сдавала выпускные экзамены и не могла надолго прервать учебу. В

какой-то степени это хорошо, решил Орландо, просто разговаривать лицом к лицу, но находясь в разных местах. Это было почти как прежде, в настоящем мире, за исключением того, что Сэм Фредерикс была в Западной Вирджинии, а он — в Атлантиде. Вернее, в настоящий момент он парил над ее водной могилой и ему необходимо было установить высоту приливной волны, прежде чем город поднимется из океана и цикл начнется опять.

— И что дальше?

— Мы с Кунохарой думаем, что окончательно все выяснили. — Он не удержался и добавил: — В основном, я выяснил все сам, но он согласился со мной и обратил мое внимание на ряд деталей, которые я упустил из виду. Что касается беременностей членов Общества Путешественников (кстати, теперь их уже с полдюжины), то я еще не уяснил, как можно справиться с этой неразберихой. Они там пытаются все это целиком изучить: обвинения, отказы, очные ставки и угрозы затеять судебный процесс. И штука в том, что как в случае со мной и Эвиаль-тенями, — все это правда.

— Подожди, — Сэм отложила книгу. — Я тут целый день веду борьбу не на жизнь, а на смерть со связующими свойствами веществ поскольку на носу экзамен по химии, но то, что ты говоришь, гораздо хуже. Что значит: «Все это правда»? Ты же сказал, что никогда не видел ее прежде, не говоря уж о том, чтобы перепихнуться с ней.

Орландо покачал головой.

— В связях, порочащих меня, замечен не был. Ни с той, ни с другой, и вообще ни с кем. И председатель Общества де Лимо не воспылал неожиданно нежной страстью к Мэйси Макапан и не дарил ей счастье материнства, — просто так получилось.

— Ты несешь чепуху, Гардинер. Полный маразм! Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь.

— Кунохара с самого начала заставил меня задуматься об этом. Он указал мне на ошибочность попытки принимать видимое за реальное и в своей обычной, раздражающей манере выражаться сказал что-то вроде: «Нельзя недооценивать

того, сколь разнообразные формы может принимать жизнь, чтобы существовать вечно, мистер Гардинер». Это меня разозлило. Но заставило задуматься, почему строение Сети всегда было таким сложным и запутанным. Иной, первоначальная операционная система, на самом деле размножал жизнь в Сети наподобие вирусов и антивирусов. И это привело к появлению детей на основе детей реальных. Они были не то чтобы настоящие дети, но и не вполне симы.

— Но *он* — это другое дело. Иной был человеком, Орландо, несмотря на те ужасы, которые сотворило с ним Братство Грааля. Теперь он умер.

— Да, но система была создана его интеллектом, поэтому его первоначальные импульсы оказывают воздействие на все, находящееся в Сети. И особенно — отсюда начала развиваться моя идея — особенно сильно его влияние сказывается на людях-тенях, на всех тех копиях, которые он создал и поместил в систему.

— На таких, как люди из твоего Общества, которые могут перемещаться из мира в мир через проходы? И на Эвиаль-тенях?

— Которым не нужны проходы, хотя они могут их использовать. Действительно, Эвиаль-тени — единственные симы, которые могут, как и я, свободно передвигаться по Сети. Это дает им громадное преимущество, даже если часть из них — немного чокнутые. Эвиаль-тени и я обладаем решающими преимуществами для существования в Сети. Мы — наиболее продвинутые. Ну как, картинка начинает вырисовываться?

Сэм сдвинула брови.

— Не строй из себя профессора. Я почти все прошлую ночь не спала, штудируя «Основы химии», и голова у меня просто раскалывается.

— Ну а я провел несколько ночей подряд, изучая основы биологии, так что не наезжай, ладно?

— Ладно, давай дальше.

— Что, если я скажу, что кроме обладания «решающими преимуществами» я и Эвиаль-тени наиболее пригодны для жизни в Сети. Как самые приспособленные для выживания.

— Ты имеешь в виду что-то вроде эволюции?

— Да, в известном смысле, это выглядит именно так. Каким-то образом, даже без первоначальной операционной системы, эта сеть все же сохраняет тенденцию к... ну, если не к настоящему существованию, то к жизнеподобному поведению. Действительно, теперь, когда подлинный интеллект системы умер, она может быть более подобна настоящему организму. Она пытается воспроизводить некие сущности. Если эти сущности станут самостоятельны, это и будет развитие. Подумай, в некотором роде люди в Сети, по крайней мере такие как я и члены Общества Путешественников, в той или иной степени живые, мы — действительно люди. Мы думаем, чувствуем, строим планы. Но по отношению к Сети мы как обособленные ячейки в едином организме, или может быть, отдельные особи в улье. Сеть — это улей, и мы — трутни, рабочие пчелы и так далее. Этот пример использовал Кунохара. Кстати, он совершенно потрясен всем этим, ведь это значит, что он был не прав, считая, что Сеть мертва.

— Ему наверняка понравится, если в ней существуют ульи. Но я все еще не понимаю, Орландо. Ты говоришь, система хочет, чтобы ты и Эвиаль-тени были воспроизведены вместе? Но вы никогда прежде не видели друг друга, а она уже беременна. Это не имеет смысла.

— Имеет, если ты вспомнишь, как сказал Кунохара, что нам не следует путать видимость и реальность и что у жизни есть множество путей. То, что мы только похожи на людей и женщины не могут забеременеть обычным человеческим способом, на самом деле не означает невозможность такого процесса вообще. Посмотри на цветы. Они тоже размножаются, но генетическая информация поступает от двух растений, расположенных иногда за мили друг от друга — они определенно никогда не видели друг друга. Но когда люди или их симы думают, что они беременны, естественно предполагать, что это произошло всем известным старомодным способом. — Он нахмурился. — Должен сказать, что в отличие от обычного человеческого способа воспроизводства, сетевая модель грешит недостатком мотивировки типа — «мы-делаем-это-потому-что-это-приятно».

— Помедленнее, Шерлок Холмс. Итак, система просто... смешивает генетический материал от тебя и других людей с целью изготовления новых граждан? Но у тебя *нет* никакого генетического материала! — Она опомнилась. — Извини, Орландо. Я не подумала...

— Не переживай. Я целыми днями об этом думаю. Это игра, игра особенная и странная, и даже мертвец вроде меня может сыграть в нее. Понимаешь, это не генетический материал в обычном смысле слова, это то, что Кунохара называет сетевой кодировкой личности — создание копий и теней, некоторым образом связанное с генами, которыми мы обладаем. Система просто нашла способ перемешивать их. — Она все еще беспокоилась, поэтому Орландо улыбнулся. — Это комбинирование материала более-менее хаотично, но не совсем беспорядочно. Вот почему мой материал был замечен первым и спарен с Эвиаль-тенями — наиболее пригодные для выживания, помнишь? — вот почему несколько Эвиаль-теней беременны от меня. Мы обладаем наибольшей подвижностью и, в случае со мной, наибольшей мощью, — я не уверен, что Сеть действительно учитывает это, хотя мой материал... я собираюсь придумать новое слово, «материал» — это не звучит... моя информация наиболее привлекательна. Итак, избраны я один и несколько Эвиаль-теней — им предназначена моя информация, если они сумеют получить ее.

— Как? Сеть просто... оплодотворяет их?

— Нет. Это еще одна загадка. Я начал получать наводки от членов Общества Путешественников. Забеременели две женщины из Общества, а де Лимо утверждал, то он тут ни при чем. Исходя из собственного опыта, я начал подозревать, что его обвиняют несправедливо. Поэтому я просмотрел три дневника путешествий и выяснил, что эти люди практически не были в одних и тех же мирах одновременно, не говоря уж о том, чтобы сожительствовать. Фактически, они находились рядом друг с другом только на собраниях Общества Путешественников в версии Лондона по Вудхаусу, и тень Жонглера сразу после этого возвращалась в свой родной мир. Это означает, что у них не было возможности для обычного старомод-

ного способа зачатия и беременности. Но все они, путешествуя, прошли через множество одних и тех же проходов, сначала де Лимо — мужчина — и потом женщины.

— Проходы? Думаешь, это произошло в проходах?

— Да, мы так думаем. Это как у пчел, собирающих пыльцу и переносящих ее на другой цветок, или как у некоторых рыб или насекомых, которые двигаются к определенному месту и оставляют сперму или яйца, но делают это не *одновременно*. Система получает мужские гаметы, например от меня и де Лимо, — в известном смысле, активно репродуцируемые, и затем женщины-реципиенты подхватывают их, когда пользуются проходами. На самом деле, нам с Кунохарой придется как-то понизить процент успешности контактов, не то женщины Общества будут все время беременны.

Сэм переплела руки, как она делала всегда, когда была чем-то озадачена.

— Ты готов, чтоб это и дальше происходило? Но... что за *дети* родятся у этих женщин? Это очень неосмотрительно, Орландо! Если эти беременности происходят как у рыб или насекомых, может быть это будет... ик!.. *рой младенцев*. — Она была снова напугана, второй раз за несколько минут. — Будут ли они хотя бы похоже на человеческих детей?

— Мы думаем, что да. Даже если способ воспроизводства больше подходит для ульев или чего такого, вспомни, в Сети уже используется множество моделей человеческого типа — для создания сим-личностей. Они вроде бы развиваются нормальным образом и с нормальной скоростью, и доктора в Вудхаусе, которые обследовали матерей, слышали сердцебиение только одного ребенка в утробе матери.

Также есть еще пара соображений, позволяющих предположить, что они будут человеческими детьми, — или настолько близкими к ним, как это сможет сделать система, учитывая, что родители — не люди, а только копии, причем некоторые весьма несовершенные. Одно это показывает, как много хлопот с использованием человеческих симов в системе как информационных доноров-родителей, если вы впоследствии собираетесь изменить всю информационную кар-

тину. Легче просто использовать человеческие модели родителей и детей, которые уже существуют, понимаешь? Другая причина — ответ на один из вопросов, который беспокоил меня даже после того, как я во всем разобрался. Я не мог понять, но вот Кунохара смог.

— Давай дальше. Я пытаюсь все это переварить, — Сэм действительно выглядела так, как будто ее треснули по башке. — Десятки женщин по всей Сети выстроились в очередь, чтоб иметь от тебя детей, Гардинер. Ты, должно быть, просто Дон Жуан или Казанова...

— Было бы намного более лестно, если бы это происходило старым добрым способом... Так или иначе, когда мы с ним все это выяснили, я сказал Кунохаре, что два вопроса не дают мне покоя. Первый: откуда Эвиаль-тени знали мое имя, если мы никогда не встречались? Кунохара рассматривает этот факт как еще одно доказательство того, что дети будут гуманоидного типа. Высшие млекопитающие, особенно гуманоидные, имеют долгое детство и сильно нуждаются в родительской заботе. В интересах стратегии воспроизводства Сети — дать обоим донорам возможность объединиться для того, чтобы совместно воспитать детей. Поэтому женщинам не просто имплантируется мужская генетическая информация, но также дается знание, кто отец ребенка и способность определять его местонахождение, даже если они на самом деле не знают, как, собственно, они забеременели. Вот откуда женщины Общества знали, что папочкой является де Лимо, и откуда Эвиаль-тени знают, что вынашивают *моих детей*, — думаю, что мне следует называть их именно так, даже если я на самом деле ничего не делал, чтобы их заиметь.

— Но в этом же нет никакого смысла, Орландо. Думаю, в известном смысле, ты что-то делал, но если Сеть и вправду хочет, чтобы ты был связан с этими детьми как отец, почему матери каждый раз исчезают, когда ты их отлавливаешь?

— Ага! Даже после многочасового истощения твоих бедных больных мозгов во славу химии, Фредерико, ты все же более сообразительна, чем сама о себе думаешь. Это и был мой второй вопрос. Кунохара его тоже сформулировал. На самом деле это определенного рода смущение.

— Ха-ха. Валяй дальше.

— Ну, среди высших млекопитающих обычно развита стратегия ухаживания, которая помогает привязать отца к матери и в результате появляется отпрыск. Так как ничего похожего на ухаживание в сетевой стратегии воспроизводства не предшествовало беременности... что ж, система нашла замену. Что-то вроде ухаживания *после* беременности. Как танец спаривания у птиц или... как там Кунохара называет то, что делают пчелы? Брачный полет.

— Ну-ну!

— Это единственная гипотеза, которая работает по отношению к копиям Эвиаль, ведь они могут перемещаться мгновенно — просто растворяются в воздухе, — но и некоторые женщины Общества также могут появляться и исчезать, хотя и в более привычной манере. Эта дама, Мейси Макапан, таким образом, например, отправилась в Римскую Империю. Все эти убегания и исчезновения нужны для того, чтобы привлечь внимание отца. Он будет преследовать женщину, понимаешь? — Он потряс головой. — Да что там говорить, ты же видела, как это на меня подействовало.

Это был тяжелый хомут на шею, и Орландо отлично понимал, во что он ввязался. Он думал о том, что Сэм сказала перед расставанием.

«Думаю, это хорошо, — сказала она, — потому что ты выглядишь весьма взволнованным и заинтересованным. По правде говоря, я начинала беспокоиться о тебе, ты казался совсем подавленным. Но что же теперь будет? Как ты собираешься справляться с ролью отца всех этих младенцев, если все так и обернется? Что ты будешь делать, Орландо?»

Что правда, то правда — он растерялся. Были сотни вопросов, которые требовали ответа. Случайно ли система достигла этой стадии развития? Было ли все это спланировано в некой эволюционной лаборатории, спрятанной на просторах Сети? Было ли это сознательным воздействием существовавшей когда-то старой операционной системы или просто случайно сработали прежние настройки, оставшиеся после

распада первоначальной системы? Или это действительно развитие нового типа сознания — будут ли тогда Орландо и другие симы в конечном итоге ячейками огромного живого организма?

Некоторые вопросы откровенно пугали. Бурная радость от решения загадки еще не совсем поблекла, но он знал, что реальность и близко не будет такой простой, как ее толкование. И объясниться ему будет совсем не легко — особенно по поводу того, зачем он взваливает на себя эту обузу.

«Если все эти десятки младенцев — от меня, то очевидно, что я не смогу быть полноценным отцом. Мы можем прервать процесс после появления первой группы, по крайней мере по моей информации, — иначе, что, если Сеть планирует продолжать все это поколение за поколением? Похоже, я — пчелиная королева, то есть король... Я что, собираюсь быть папочкой тысячи детишек?»

У него было некоторое время, чтобы подумать об этом, по крайней мере посоветоваться с Кунохарой, пока существует ограниченное количество потенциальных мамаш и срок беременности, кажется, такой же, как в реальном мире. Энтомолог был в экстазе по поводу новых возможностей развития событий и торопился разобраться со своими судебными делами, чтобы как можно скорее погрузиться в исследование новой парадигмы.

«Ему легко — его генная информация не скопирована в систему. Ему не грозит быть отцом десятков малышей, со всей вытекающей отсюда ответственностью. — Но если и существует кто-то обязанный защищать этих детей, то это Орландо Гардинер, хранитель Сети. — В конце концов, как обычно высказывались шерифы на Диком Западе, я есть закон по эту сторону мира. Господи, я не знаю! Я как-нибудь разберусь со всем этим. У меня есть друзья. Все это, конечно, выглядит дико... но что может быть более странным, чем то, что я мертв и в то же время собираюсь в гости к родителям? Это будет еще одно приключение».

Я буду отцом! Я! — он не мог свыкнуться с этой мыслью. Это волновало и пугало. Какими будут эти дети? Что произой-

дет в Сети, когда это первое поколение вырастет и затем воспроизведет себя, создавая еще более сложные схемы наследования? Никто в истории человечества не производил подобные эксперименты.

«Неведомый мир. Впереди полная неизвестность».

— Я иду, Бизли, — объявил он. — И я не желаю, чтобы меня отрывали, пусть вся вселенная летит в тартарары, о'кей? Шли сообщения.

— Без проблем, босс. Я буду околачиваться здесь, в виртуальном пространстве, и играть с кошечками.

Орландо установил связь с домом родителей. На этот раз он даже добровольно согласится влезть в это ужасное пластиловое чучело. В конце концов, это благодаря родителям состоялся тот безумный и трогательный день рождения в Ривендейле, он чувствовал себя немного обязанным Конраду и Вивьен. И, что даже более важно, Орландо хотел, чтобы они были в добром расположении духа, когда он скажет им, что вопреки всякой логике, у них, вероятно, будут внуки.

Сорок или пятьдесят сразу.

Энн Маккефри

ПЕРН

Перинитский цикл
1. ТРИЛОГИЯ «ДРАКОНЫ ПЕРНА»
Полет Дракона (1969)
Странствия дракона (1971)
Белый дракон (1978)

2. ТРИЛОГИЯ «АРФИСТКА МЕНОЛЛИ»
Песни Перна (1976)
Певица Перна (1977)
Барабаны Перна (1978)

ПРОЧИЕ РОМАНЫ ЦИКЛА:
Морита — повелительница драконов (1983)
История Нерилки (1986)
Заря драконов (1988)
Отщепенцы Перна (1989)
Все вейры Перна (1991)
Хроники Перна (1992)
Дельфины Перна (1994)
Глаз дракона (1994)
Мастер-Арфист (1998)
Небеса Перна (1999)
Подарок драконов (2002)
Родня драконов (в соавторстве с Тоддом Маккефри. Декабрь 2003).

Разочарованные жизнью на технологически развитой Земле, сотни колонистов устремились через пространство к звезде Ракбет в созвездии Стрельца, около которой вращались шесть планет. Пять планет — по стабильной орбите, а одна — блуждающая, вращающаяся по очень вытянутой и неустойчивой эллиптической орбите. Третий мир оказался пригодным для жизни, и переселенцы обосновались там, назвав планету Перном. Они разобрали свои космические корабли на строительные материалы и начали обживать новый мир.

Перн оказался идеальным для заселения, за исключением одного момента. Через неравномерные интервалы шестая планета системы Ракбета приближалась к Перну, и с нее на поверхность падали смертоносные микозоидные споры, уничтожая на своем пути все живое — деревья и травы, посевы и сады, животных и людей.

Колонисты сразу же стали искать способ борьбы с Нитями, как назвали они эти споры. В поисках способов защиты колонисты обратили внимание на летающих огненных ящерок — файров, приученных еще первопоселенцами. Способность файров изрыгать пламя очень помогла людям во время первого Прохождения. Методом генетической модификации и тщательной селекции на протяжении поколений колонистам удалось создать расу огромных драконов.

Драконы и их Всадники успешно и эффективно боролись с Нитями, и перинты смогли полностью стать хозяевами своей планеты. Они создали псевдо-феодальное аграрное общество. В холдах жили правители и фермеры, ремесленники объединились в Цеха, а всадники и драконы обитали в вейрах.

© Перевод. Косова О.Г., 2006

Политика холдов и вейров в период между Прохождениями детально описана во многих романах. Цикл романов охватывает период длиной более двух с половиной тысяч лет, с момента высадки колонистов на Перн до обнаружения много веков спустя их потомками главного судового компьютера. В «Полете дракона», первом романе цикла «Драконы Перна», события разворачиваются через две с половиной тысячи лет после высадки. Нити не падали на Перн уже четыреста лет, и люди стали весьма скептически относиться к древним легендам. Трое всадников — Лесса, Ф'лар и Ф'нор, — уверенные, что Нити скоро начнут падать снова, пытаются организовать защиту планеты. Лесса, понимая, что для борьбы с Нитями осталось слишком мало драконов, совершает прыжок через Промежуток на четыреста лет назад, во временну́ю точку сразу после последнего Прохождения, когда всадники того времени начинают маяться от безделья. Лессе удается убедить большинство из них отправиться с ней в ее время для борьбы с Нитями. Они приходят и вступают в сражение с Нитями.

«Странствия дракона», второй роман цикла, охватывает семилетний период после событий, описанных в первой книге. Отношения между Древними, как стали называть прибывших из прошлого всадников, и нынешним поколением всадников постепенно портятся. После драки с одним из Древних Ф'нора отправляют залечивать раны на Южный материк. И там он обнаруживает червей, пожирающих попавшие в почву Нити. Поняв, что это — мощное новое оружие против Нитей, Ф'нор намеревается распространить червей и на Северном материке.

А тем временем неожиданное Падение провоцирует дуэль между Ф'ларом, предводителем Вейра Бенден, и Т'роном, предводителем Древних. Ф'лар выходит победителем и изгоняет всех не признающих его лидерство всадников. Изгнанники отправляются на Южный континент. Книга заканчивается на том, что привезенных Ф'нором червячков начинают разводить, чтобы распределить по всему Перну.

В третьем романе цикла, «Белом драконе», описаны приключения юного Джексома, всадника единственного на всем

Перне белого дракончика, эдакой генетической аномалии. Джексон сталкивается с пренебрежением и насмешками других всадников из-за того, что его дракончик заметно меньше остальных. Он также признан лордом одного из древнейших холдов Перна, и кое-кто сомневается в его способностях правителя. Джексом и Рут, его дракончик, справляются со всеми испытаниями и доказывают, что большой не всегда значит лучший. Джексом успешно управляет своим холдом, женится на любимой девушке, и все становится на свои места.

Трилогия «Арфистка Менолли» («Песни Перна», «Певица Перна», «Барабаны Перна») рассчитана на юных читателей. В ней рассказывается о девушке Менолли и пути, который она прошла от нелюбимой дочери рыбака до запечатлевшей нескольких файров арфистки, Мастера Цеха арфистов.

В прочих романах, как и в нижеследующей небольшой повести, Маккефри описывает прочие различные аспекты жизни на Перне с самых первых дней его колонизации людьми.

По ту сторону Промежутка

Пролог

Когда люди впервые обосновались на третьей планете системы Ракбет в созвездии Стрельца, получившей название Перн, они не обратили особого внимания на странную планету, вращавшуюся вокруг светила по вытянутой и неустойчивой эллиптической орбите и названную ими Алой Звездой. В конце концов, ведь за звездной системой велось наблюдение, и она была признана безопасной, поэтому земляне-колонисты, все ветераны войны, отказавшись от многих технологических достижений, куда больше были озабочены созданием мирного аграрного общества для себя и своих потомков. Так что они оказались совершенно не готовы к обрушившейся на них восемь лет спустя катастрофе: на Перн с небес посыпались организмы в виде серебристых нитей, уничтожавшие на своем пути все живое. Колонисты назвали их Нитями, и, хотя их можно было уничтожить огнем или водой, и они не могли проникнуть сквозь камень или металл, Нити падали так обильно, что, казалось, остановить их невозможно.

Однако потом решение было найдено: используя свойственную землянам изобретательность, при помощи генной инженерии колонисты усовершенствовали один из уникальных биологических видов планеты, походивший на сказочных драконов. Получившиеся в результате огромные «драконы» стали самым эффективным оружием против Нитей. Заглатывая местный минерал, содержащий фосфор, они приоб-

ретали способность изрыгать пламя, буквально сжигая Нити еще в воздухе, до того, как они упадут на землю. Способные не только летать, но и телепортироваться, драконы могли быстро маневрировать, избегая ранений во время сражения с Нитями. А благодаря телепатической связи с всадниками — связи, устанавливающейся в момент Запечатления — они составляли со своими всадниками практически совершенный боевой тандем.

Всадники стали героями Перна, и многие детишки мечтали сделаться всадниками и установить совершенно необыкновенную ментальную и эмоциональную связь с одним из великих драконов. Но у этих уз имелась и оборотная сторона: смерть одного влекла за собой смерть другого. Если всадник умирал, то дракон кончал жизнь самоубийством, навсегда уходя в Промежуток. Если же умирал дракон, то тогда всадник тоже либо стремился покончить с собой, либо в лучшем случае был обречен влачить в дальнейшем полуживое существование.

Когда закончилось первое Прохождение, длившееся пятьдесят долгих лет, на Перне образовались три различные социальные группы: Холды, где упорные и решительные мужчины и женщины заботились о сборе и хранении запасов продовольствия и где люди прятались во время Падений; Цеха, объединявшие ремесленников, и Вейры, где жили драконы и их всадники.

Во время шестого Прохождения, в 1543 году, на третий день третьего месяца сложилась странная ситуация, прецедентов которой не нашлось ни в тщательно хранящихся записях Цеха арфистов, ни в архивах Вейров. На материке свирепствовал мор, и целители создали вакцину, которую нужно было как можно быстрей доставить на драконах в каждый холд и каждый Цех от моря до моря. Старясь побыстрей осуществить эту необычную доставку, драконы и всадники использовали плохо изученную и непонятную способность драконов телепортироваться не только в любое известное всадникам место, но и перемещаться во времени. Осуществлять пространственно-временную телепортацию было опасно, и

даже самые опытные и умелые драконы и всадники от усталости могли ошибиться.

Когда скакуны забеспокоились, Таниэль сперва не обратил на это внимания. Как частенько случалось, он глубоко задумался о своей любимой жене, скончавшейся вот уже много Оборотов назад, но по которой он по-прежнему сильно тосковал. Они с ней были как две половинки, составившие идеальное целое. Таниэль вытащил из кармана мятый носовой платок и нежно погладил пальцами зеленые и синие цветочки, вышитые аккуратными стежками, с тщательностью, столь типичной для всего, что делала его жена. Он тяжело вздохнул. Смерть — такая несправедливая штука и кажется такой пугающе окончательной.

— Ну почему деревья и растения всегда возрождаются после зимнего сезона, а нам отведен лишь небольшой промежуток времени? — простонал он, когда мысли о смерти стали невыносимы.

Таниэль был мужчиной средних лет, сухощавым и жилистым из-за многолетней работы со скакунами. Три Оборота назад он повредил колено и навсегда остался хромым. Сделавшись недостаточно ловким, чтобы справляться со скакунами, он был вынужден предоставить животных своим детям, а на себя взял обязанности по хозяйству, которыми прежде занималась его жена: уборку и готовку на всю семью. Младшим из детей был Билл, чье рождение стоило жизни его матери. Мейнар — самый старший и опытный в объездке и тренировке скакунов. Джерра, основательная молодая женщина, должно быть — как надеялся Таниэль — вскоре выйдет замуж за одного из сыновей соседа. Брайли, младшая из двух дочерей — большая умница и, как только с мором будет покончено, отправится учиться в Цех ткачей. Дестри, самый мечтательный из детей, хочет выучиться на скотовода.

Режущие слух вопли старого Расти, любимого скакуна, отвлекли Таниэля от его мыслей, и он, тряхнув головой, вернулся в настоящее. Интересно, что взволновало старую скотинку? Ничто так не пугает Расти, как драконы, но появле-

ние нынче здесь дракона весьма маловероятно. И тут Таниэль вспомнил: в его холд должны доставить вакцину от мора, ураганом распространявшегося по всему материку. Он знал, что кто-то привезет сюда вакцину и инструкции по ее применению. Неужто всадник?

Держа в руке только что налитую кружку горячего кла, Таниэль вышел с кухни и направился к входным дверям холда. Внимательно оглядев окрестности, он не увидел ничего особенного, лишь травянистую равнину с рощицами деревьев, способных пережить зимние метели, частенько выстужавшие открытые степи. Рядом с холдом стояла скромная конюшня. Не «настоящая» каменная, вроде тех, что можно запросто построить в Кроме или Наболе из камней, которые тамошние холдеры частенько называют единственными произрастающими там злаками, но вполне пригодная для содержания животных. Позади нее небольшая изгородь отделяла ближайший загон: деревянные столбцы, на вбивание которых в твердую почву у сильного здорового мужчины уходит полный день. За воротами шел водопровод, некогда сделанный каким-то изобретательным предком для постоянного снабжения водой из Озера, находившегося примерно в дюжине длин дракона отсюда. Совершенно определенно сюда через водную гладь приближался какой-то дракон. Старина Расти еще ни разу не ошибался, подумал Таниэль, мысленно посмеиваясь над сверхъестественной способностью скакуна чуять драконов.

Таниэль, стараясь на пролить себе на руку горячий кла, поспешил навстречу прибывшему. И первое, что бросилось ему в глаза: золотая королева выглядела какой-то выцветшей, а ее голова поникла. Это означало, что дракон очень устал. Когда королева приземлилась, то едва не ткнулась носом в землю, однако все же сумела выправиться и восстановила равновесие, облегченно вздохнув. Золотые королевы были самыми крупными и сильными из драконов Перна, и Таниэль сроду не видел ни одной из них такой усталой и выцветшей даже после самого длительного Падения.

— Таниэль, — заговорил всадник, и Таниэль окончательно растерялся, узнав Мориту, старшую госпожу Форт Вейра.

Ему доводилось видеть ее на Встречах, куда на праздник отовсюду стекалось много народа. Но холд Таниэля относился к Вейру Иста, и обычно всадники Исты оберегали владения Таниэля от Нитей.

Морита сунула руку в прикрепленную к шее дракона сумку, вытащила оттуда два пакета и протянула Таниэлю. Он поспешил забрать их, предложив ей в обмен кружку с кла.

— Я его только что налил, а вам, по-моему, он нужен больше, чем мне, — сказал он.

— Ты даже не представляешь, как я тебе признательна, — благодарно улыбнулась Морита, отхлебнув горячий напиток. После первого глотка она повела плечами, словно стряхивая усталость. Поглядев на клонившееся к западу солнце, она снова удовлетворенно вздохнула, на сей раз не соизволив объяснить Таниэлю причину. Правда, всадницы королев, а уж тем более старшие госпожи Вейров не должны были объяснять свои мысли и чувства какому-то мелкому холдеру вроде него.

— Это вакцина для твоих скакунов, тебя самого и твоих домашних, Таниэль. Если не хочешь сделать уколы сам, то сюда приедет целитель.

От слова «уколы» Таниэля передернуло, но он, поблагодарив, взял пакет.

— Это необходимо сделать сегодня, крайний срок — завтра, — сказала она и растолковала, как вколоть используемую вместо иглы колючку в мышцы плеча или бедра. Затем Морита оглядела большой двор, словно ожидала увидеть тут больше народа. Таниэль понял ее взгляд.

— Их нет, уехали проверять годовичков, — объяснил он, разглядывая аккуратно упакованные в меньшем из двух пакетов сосуды с жидкостью, которая должна защитить его семью от мора. — Тут в точности на весь мой холд.

Он с благодарностью поглядел на всадницу и вдруг осознал, что она совершенно измотана. Он помнил ее как очень красивую женщину с короткими светлыми волосами и яркими глазами. Теперь от усталости под ее глазами виднелись черные круги, тело обмякло, а кожа приобрела сероватый оттенок, делавший ее старше своих лет. Старой госпожой

Форт Вейра была Лери, а не Морита. А может, так казалось из-за вечернего освещения. Но вот дракон точно очень устал. Шкура королевы провисла складками, в фасеточных глазах едва теплилась жизнь.

— Почему вы выполняете работу зеленых драконов, госпожа? — спросил Таниэль с критической ноткой в голосе. Уж наверняка кто-нибудь другой, не такой важный, как золотая королева, мог бы доставить вакцину в такой крошечный холд.

— Я выросла в Керуне. Мне и прежде доводилось бывать в холде Озерном. Никто из всадников Исты не знает эти места так хорошо, как я. Только проведи вакцинацию сразу, как вернешься в холд, Таниэль. — Когда Морита протянула ему пустую кружку, он заметил, что другой рукой она крепко держится за упряжь, словно боится свалиться с дракона. — Это как раз то, чего мне не хватало, Таниэль. Спасибо.

— И вам спасибо, госпожа. — Он отошел в сторонку, видя, что королева слегка пошатывается, хотя сама всадница, возможно, этого и не замечала.

— Это наша последняя остановка, холдер Таниэль, — улыбнулась она, поглаживая шею старой королевы. — Мы доставили всю положенную на этот заход вакцину. — И снова поглядела на заходящее солнце.

— Безопасного вам полета, госпожа. Уже быстро темнеет.

— Ну что ж, один последний прыжок, Холта, и все, — успокаивающе сказала Морита и развернула королеву вправо.

Таниэль услышал в ее голосе облегчение, и это вроде как придало сил золотой королеве, поскольку та расправила крылья, взлетела и исчезла. Низковато над землей, отметил Таниэль, но кто он такой, чтобы судить? Взяв кружку и пакеты с вакциной, он вернулся в холд и осторожно водрузил лекарство на обеденный стол.

Налив себе кла, он подсластил его, испытав вспышку гордости, что угостил госпожу Вейра напитком собственного изготовления. Он варит отличный кла. Все это говорят, и вот теперь госпожа Вейра тоже это оценила. Он уселся, сжимая в узловатых пальцах кружку, согревая ноющие суставы.

— Холта? — вдруг изумленно проговорил он вслух, осознав услышанное. Как странно! Не то, чтобы нынешний де-

нек выдался обычным — сама золотая королева доставила вакцину, — но, если ему не изменяет память, королеву Мориты зовут Орлита, а не Холта.

Впрочем, Орлита недавно отложила кладку, и это наверняка единственная причина, почему Морита прилетела не на своей королеве. Золотые королевы, как правило, очень большие собственницы, когда дело касается отложенных ими яиц. А по полученным сведениям в этой кладке двадцать пять яиц, и одно из них — королевское.

Холта — королева старой Лери. В этом Таниэль был уверен, ведь Лери была старшей госпожой Форт Вейра еще с тех времен, когда он сам унаследовал холд. Он слышал, что у нее очень болят суставы и физическое состояние уже не позволяет ей вылетать на борьбу с Нитями. Значит, если Морита прилетела на Холте, быть может, именно поэтому дракон выглядел таким выцветшим и усталым. Из-за разлуки со своей всадницей, которая ни за что — в этом он не сомневался — не позволила бы старой королеве так вымотаться.

И тут табун, вроде бы успокоившийся, снова перепугался и ринулся в восточный конец загона. Старина Расти опять завизжал, будто его укусила змея. Как ни странно, огромные змеи совершенно не пугали Расти. Ему даже вроде как нравилось затаптывать их огромными копытами. Но на сей раз Таниэль аж вздрогнул. Старый скакун визжал так, будто случилось нечто ужасное и совершенно ему непонятное.

Таниэль не заметил нигде облачка пыли, означавшего, что дети возвращаются, да и в небе не наблюдалось ничего такого, что могло бы так перепугать Расти. Он оглядел широкую спокойную гладь озера, которому и был обязан своим названием его холд. Озеро никогда не высыхало — в его середине булькали пузырьки бившего на дне родника, — и поэтому Таниэль мог обеспечить водой любого желающего. Конечно, есть еще река Керун, но Озеро куда ближе для некоторых западных соседей. К тому же все говорят, что вода в нем слаще.

Встряхнувшись, он отбросил неприятное ощущение, возникшее из-за визга Расти, и помешал жаркое в горшке. Горшок приятно согревал. Налив себе еще кла, он принялся размышлять над событиями дня.

Таниэль беспокойно побарабанил пальцами по кружке. А почему Морита вообще выполняет обязанности курьера? И почему на чужом драконе? Она совершенно определенно назвала королеву Холтой, он не мог ошибиться.

А, ладно! Не его это дело — судить всадниц королев. Может, когда прибудет целитель, он объяснит происходящее. Таниэль помешал жаркое, с удовольствием вдыхая мясной аромат и с нетерпением ожидая возвращения детей, чтобы рассказать им о том, что произошло.

Мейнар, Джерра, Брайли, Дестри и Билл вернулись сразу после наступления сумерек. У них была куча новостей о хорошо откормленных здоровеньких годовичках, к тому же они отлично разметили ландшафт, чтобы можно было легко отыскать даже самый маленький табун. Таниэль поведал им, как Морита лично доставила сюда вакцину. Всеобщее изумление вызвал сам факт, что всадница королевы занялась доставкой в их крошечный холд, но после короткой оживленной дискуссии Таниэлю удалось привлечь их внимание к вакцине на столе. Он сообщил, что как только приедет целитель и сделает все необходимое, они будут защищены от мора.

— Ерунда, папа, — заявила Джерра. — Я сделаю прививки. Незачем нам ждать. — И добавила: — Мор может прилететь со следующим порывом ветра, и тогда мы окажемся круглыми дураками, имеющими на столе необходимый, но бесполезный для нас препарат.

«Мы будем не дураками. Мы будем покойниками», — подумал Таниэль.

— Для начала поедим, а потом я сделаю нам всем прививку, — решительно отрезала Джерра. — Я видела, как это делают целители. Нужно просто вогнать иглу в мышцы на руке.

Может, Джерра иногда и бывает чересчур властной — в отличие от своей матери, — но она всегда хочет для семьи только хорошего, напомнил себе Таниэль. Поэтому он согласно кивнул, и все семейство уселось ужинать, то и дело поглядывая на маленький пакетик.

Заслышав вопль Расти, Таниэль чуть не свалился со стула.

— Да что происходит?! — воскликнул он. — Бедная скотина верещит целый день!

Мейнар, сидевший ближе всех к окну, сорвался с места и выглянул наружу. Таниэль присоединился к нему.

— Гости? А у нас еды не осталось даже на маленькую мисочку, — расстроилась Джерра.

— Снова драконы, — сказал Таниэль.

Сняв с крючка лампу, он открыл дверь и вышел поприветствовать должным образом гостей. И с изумлением увидел, как с трех драконов спрыгивают всадники и пассажиры.

— Это холд Озерный? — крикнул какой-то мужчина.

— Ну да. А вы кто такие будете?

— Я — главный мастер-арфист Тайрон. Здесь также Камиана, всадница золотой Пелианты, и Дездра из цеха Целителей... С нами еще А'дан, всадник зеленой Тиграты, и Д'сай, всадник бронзового Критита. Мы хотим узнать, не прилетала ли сюда во второй половине дня Морита?

— Прилетала. Аккурат на закате, и оставила нам вакцину, — ответил Таниэль. Его голос гулко разносился в темноте. — Заходите в холд. Мы угостим вас вином и кла.

Жестом пригласив их, Таниэль думал лишь о том, что один из прибывших — целитель, и, быть может, сделает всем прививку, избавив от неопытных рук Джерры. К счастью, как раз сварилась новая порция кла, а дети извлекли драгоценные фамильные хрустальные бокалы, чтобы подать в них вино. Вполне приличное красное, произведенное в Кроме.

— Вы очень любезны, Таниэль, Джерра. Но у нас нет времени, хотя мы и признательны вам за гостеприимство, — произнес Тайрон, как только вошел в холд вместе с остальными. — Расскажи нам все, что тебе известно о Морите с Холтой.

Глаза мастера-арфиста, как и его компаньонов, были полны горя.

И тут Таниэль перепугался до полусмерти, поскольку Морита с Холтой уже давным-давно должны были вернуться в Форт Вейр. Много часов назад!

Так он и сказал прибывшим.

— Я угостил ее на дорогу кружкой кла, — добавил он, надеясь, что поступил правильно.

— И что она сказала? — уточнила Камиана.

— Поблагодарила.

— Она ничего не говорила перед тем, как они с Холтой улетели?

— Ну... Э-ээ... Мне было жалко бедную королеву. Она совсем выцвела от усталости и выглядела такой старой, знаете ли. — Таниэля беспокоило, не является ли его замечание лишним. — Если память мне не изменяет, госпожа сказала: «Ну что ж, один последний прыжок, Холта, и все». Мне это показалось странным, поскольку я точно знаю, что королеву Мориты зовут Орлита.

Ему никто не возразил.

— Она точно собиралась именно в Форт Вейр? — пробормотала Дездра в повисшем молчании.

Гости нервно переглянулись.

— Но они наверняка были уже совершенно вымотаны, когда прилетели сюда, — сказала Камиана. — Морита все утро летала на Орлите. А облететь все холды в Керуне для такой старой королевы, как Холта, совсем не просто.

Тем временем Дездра, целительница-подмастерье, придвинула к себе пакет с вакциной и заглянула внутрь.

— Не возражаете, если я сделаю вам прививки?

— Нет-нет, — поспешно сказал Таниэль. — Неизвестно, когда наш целитель сюда заедет — мы тут в стороне от большинства дорог, — хотя моя дочка утверждает, что видела, как это делается.

Если Джерра и огорчилась, что ей пришлось отказаться от удовольствия сделать прививки своему семейству, она и виду не подала, быстро расстегивая и закатывая рукав.

— Таниэль, Холта взлетела ровно? — обеспокоенно спросила Камиана.

— О-о-о, ну, я бы сказал, довольно ровно, но они обе были очень усталыми, как я уже говорил.

Камиана вздохнула:

— Очень усталыми. Может, слишком усталыми, чтобы еще раз сделать то самое, что должен всегда делать каждый всадник для своего дракона, особенно незнакомого.

— Морита отлично знала Холту, — возразил мастер-арфист Тайрон.

— Как друг, — отмахнулась Камиана, — поскольку Морита частенько бывала в вейре Лери, но не как всадница. Думаю, разница тут куда более существенная, чем мы полагали.

— Да еще все эти прыжки во времени, что им пришлось совершить. От этого у кого угодно мозги бы пошли набекрень, — добавила Дездра, плотно прижимая клочок ватки к руке Джерры после умело сделанного укола. От ее слов гости погрузились в тревожное молчание.

Однако Таниэль с семейством этого практически не заметили. Их внимание было целиком и полностью сосредоточено на иглах-колючках и вакцине. Таниэль, закатав рукав рубашки, сменил Джерру на стуле возле целительницы. Дездра оттянула ему кожу на руке и сделала укол. Он чуть поморщился, когда иголка проколола кожу, а потом вздохнул, когда вакцина потекла в его руку. Как же им повезло, что вместе с остальными прилетела и целительница-подмастерье!

Как только всем были сделаны прививки, гости поднялись, извиняясь за спешку, и поблагодарили обитателей холда за гостеприимство.

— Думаю, они погибли в Промежутке, — услышал Таниэль срывающийся голос Камианы, когда провожал гостей обратно к драконам. — Драконы почтили их.

— Какая утрата! — произнес мастер Тайрон. — Вы просто обязаны позаботиться, чтобы подобная участь больше не постигла никого из ваших, Камиана.

— Не беспокойся. Вейры немедленно примут необходимые меры. Просто не могу понять, как Морита, опытная всадница, не смогла точно представить место назначения. Или почему Холта автоматически не направилась к Лери. Ведь их миссия была уже выполнена.

— И куда мы теперь? — тихо спросил Тайрон, устраиваясь за спиной зеленого всадника.

— Назад, в Форт Холд, поскольку вы тоже наверняка очень устали, мастер Тайрон, подмастерье Дездра, — ответила Камиана. — Я позабочусь, чтобы вас доставили в целости и сохранности в ваши Цеха.

Едва всадники обозначили место назначения, драконы взлетели. И в мгновение ока исчезли в Промежутке, оставив Таниэля наедине с восходящей луной и воплями скакунов.

На следующий вечер после исчезновения Мориты Таниэль в одиночестве сидел в Холде Озерном. Дети уехали вакцинировать скакунов, и должны были вернуться поздно вечером. Вдруг Расти заверещал громче обычного. Недоумевая, какая напасть приключилась со старым скакуном, Таниэль с любопытством отодвинул занавеску и выглянул в окно. Из всех животных только Расти и волновался. Остальные скакуны держались спокойно, хотя их явно заинтересовало поведение Расти. Уж не становится ли Расти попросту слишком старым, подумал Таниэль, может, у зверя просто-напросто с головой не в порядке. Придется, видать, старого скакуна усыплять.

И тут Таниэля пронзила странная дрожь. Охваченный ужасом, он задвинул занавеску. Тяжело дыша, подошел к двери, приоткрыл и выглянул в щелку наружу. Сердце бешено колотилось. Он не увидел ничего, кроме насмерть перепуганного Расти. Распахнув дверь, Таниэль шагнул в ночь.

— Кто здесь? Кто тут бродит? — крикнул он, направляясь к загону.

Расти снова завизжал, и Таниэль повернулся к нему:

— Глупая скотина! Нет тут никого!

Он махнул рукой, указывая на пустынные окрестности.

Расти продолжал визжать, сверкая белками глаз и раздувая ноздри. Он в ужасе метался по загону.

— Да заткнись ты! — рявкнул на скакуна Таниэль. — Всадники, разыскивающие Мориту, уже давно вернулись в свои вейры. В небе нет и признаков драконов!

Внезапно Таниэлю показалось, будто кто-то схватил его за руку ледяными пальцами. Он прижал руку к туловищу, тихо пробормотав:

— Да чего это меня трясет так, словно сейчас середина зимы и я подхватил простуду? — Тут ему пришла в голову жуткая мысль, и он куда громче добавил: — Или до меня добралась таки чума?

Вернувшиеся некоторое время спустя Джерра, Мейнар и другие обнаружили отца в некотором смятении. Он сидел у огня на краешке стула, крепко зажав ладони между колен.

— Что стряслось, пап? — спросила Джерра. Лицо ее стало озабоченным.

— Ничего. Ерунда.

— Ты что-то увидел? — поинтересовался Мейнар.

— Ничего я не видел, — отрезал Таниэль, пристально глядя в огонь.

На следующий день Холд Озерный посетили двое всадников с целью удостовериться, что все обитатели холда и животные привиты и ни у кого после прививки нет никаких осложнений. Об их прибытии, естественно, возвестил испуганный визг Расти. Заверив гостей, что всем обитателям его холда прививки сделаны самой целительницей-подмастерьем Дездрой, Таниэль собрался было добавить, что единственное осложнение после прививки — это каждодневные вопли его старого скакуна при появлении драконов. Но вовремя прикусил язык, сообразив, что всадники еще пребывают в скорби. Он никак не мог отделаться от мысли, что был последним, кто видел Мориту с Холтой. Она все время вертелась у него в голове, и это начинало его тревожить.

Его состояние не осталось незамеченным для детей, так что в эту ночь и на следующий день либо один из сыновей, либо кто-то из дочерей все время оставались с ним в холде, пока остальные занимались обычной работой. Но затем, как раз перед заходом солнца, на своем маленьком скакуне примчался гордый поручением Билл с известием, что одно из животных застряло в узкой лощине и никак не может выбраться самостоятельно. Требовались все имеющиеся рабочие руки, поэтому Джерре, помогавшей отцу по дому, придется поехать с братом. Таниэль с Биллом собрали веревки, ремни и лампы

и аккуратно привязали их к маленькому скакуну. Джерре с мальчиком явно не хотелось оставлять отца в одиночестве, но Таниэль заверил, что с ним все будет в порядке, а животное надо так или иначе спасать.

Не успела осесть пыль, поднятая копытами скакунов Джерры и Билла, как у Таниэля вдруг возникло жуткое ощущение, будто он тонет, и в тот же миг раздался испуганный визг Расти. У Таниэля душа ушла в пятки. Он направился к выходу, сжимая в руке толстую дубинку с руку длиной. Открыв дверь, Таниэль оглядел горизонт в поисках драконов. Единственное, что он увидел, — вставшего на дыбы Расти, отбивавшегося передними копытами от какой-то незримой угрозы. Через несколько мгновений скакун начал успокаиваться, но лишь для того, чтобы завизжать снова. Животное было так напугано, что со всех ног помчалось прочь от ограды. Затем остановилось, упершись копытами в землю, и напряженно уставилось перед собой. В пустоту. Потом в перепуге принялось бить копытом землю. Беспокойство за скакуна пересилило страх, и Таниэль, выскочив из дома, направился к загону, ласково подзывая Расти к себе. Скакун не обратил на него ни малейшего внимания, настороженно прядая ушами и не сводя глаз с чего-то, видимого только ему.

— Ну, что случилось, старина? Что тебя беспокоит? — спросил Таниэль, глядя, как у Расти по кожей вздрагивают мышцы.

Расти снова забил копытом. Таниэль провел ладонью по глазам и вновь вгляделся в пустое пространство, так гипнотизировавшее скакуна. Внезапно Расти резко отшатнулся, едва не сев на круп, а потом, взбрыкнув задними ногами, понесся по загону как необъезженный однолеток, истошно крича и повизгивая, словно его пожирала Нить или какой-то еще немыслимый ужас.

У Таниэля отвисла челюсть.

— Он так ведет себя, только когда рядом дракон, — пробормотал холдер. — Может, Расти просто спятил, и самое лучшее, что можно для него сделать, — это усыпить старика. Нельзя же, чтобы он так верещал каждую ночь!

Качая головой, Таниэль отвернулся от скакуна и направился обратно в холд.

Расти продолжал бесноваться ночь за ночью, пока не насупил пятый вечер после исчезновения Мориты в Промежутке. В ту ночь Таниэль вел наблюдение в нужное время. И к превеликому изумлению увидел в свете полной луны эфемерные очертания дракона и всадника.

Завопив громче Расти, Таниэль выронил дубинку, развернулся и понесся в холд. Влетев внутрь, он быстро захлопнул за собой дверь.

Пятью днями раньше...

Благодаря кла, которым угостил ее старый холдер, Морита почувствовала себя лучше. Она не помнила, когда в последний раз что-нибудь ела, хотя наверняка что-то ела, поскольку желудок не так уж и подвело. Но она страшно устала... Даже самое долгое Падение никогда не казалось столь бесконечным и изматывающим. Еще один последний прыжок в Промежуток, и Холта тоже сможет отдохнуть. Старая королева больше чем заслужила отдых. Поднявшись в воздух для последнего за этот длинный день перелета, Морита затянула привычный напев, помогающий ей побороть страх перед Промежутком.

— Там мрак, ледяная тьма...

Никогда еще она так не мерзла в Промежутке, хотя после кла по ее телу растекалось тепло. Обхватив себя за плечи, чтобы согреться, Морита закрыла глаза, дабы не видеть бесконечную тьму Промежутка. А когда открыла, краем глаза заметила нечто необычное. Совершенно неожиданное.

Неужто свет? Она повернулась, тряся головой, ожидая, что ее снова окутает привычная тьма. Но вместо этого перед ней простиралась сумеречная зона, неуловимо отличавшаяся от тьмы Промежутка. Почему-то Морита вдруг перестала мерзнуть. Ее охватило всепоглощающее стремление убраться подальше от этой серости, и тут она вдруг поняла, что Холта не движется. Уже наверняка прошло куда больше обычных вось-

ми секунд. Она почти целиком прочитала свой напев, а они по-прежнему висят — неподвижно — в Промежутке...

«Холта! — вскричала она. — Что стряслось? Мы не в Форт Вейре!»

«Мы в Промежутке. Я не «вижу», куда нам следует направиться», — сварливо ответила Холта, явно огорченная.

Морита запаниковала. Она пыталась вспомнить, что именно сказала Холте, когда усталая старая королева оторвалась от земли. И покачала головой.

«Мне наверняка представился Форт Вейр, Холта! — возразила Морита, вынуждая свои усталые мозги в точности вспомнить то, что она сказала. — Я всадница слишком давно, чтобы допустить такую детскую ошибку».

«Мы обе устали, — равнодушно ответила Холта. — Мы ушли в Промежуток, как ты и сказала. Вот и все».

«Почему ты не спросила меня, куда нам надо?» — резко спросила Морита, недоумевая, как такой опытный дракон мог допустить столь грубую ошибку.

«Ты мне весь день говорила, куда нам надо, и в какое время там надо быть. Ты всегда указывала мне место назначения. Особые точки, согласно расположению солнца. На сей раз ты мне сказала лишь уйти в Промежуток». — В телепатической речи королевы сквозило отчаяние.

Изо всех сил стараясь подавить панику, Морита вспомнила, что действительно велела уставшей старой Холте только уйти в Промежуток, предположив, что королева услышала и ее слова о том, что это последний прыжок. Имея в виду, конечно, прыжок обратно домой, в Форт Вейр, где они обе смогут отдохнуть после тяжелого дня. Домой к Лери и Орлите с ее кладкой. Морита крепко обхватила себя за плечи, с тоской обернувшись назад, словно оглядываясь в прошлое. Прошлое, которое она не может изменить. «Шевелись, Холта! Может, нам удастся найти дорогу назад».

Холта, издав недоверчивый звук, не шевельнула ни лапой, ни крылом.

«Я не могу никуда уйти». Слово «уйти» она чуть акцентировала.

— Что значит ты не можешь «уйти»? — громко вскричала Морита.

«Пока нет. И не с тобой», — последовал краткий ответ.

«Мы должны вернуться домой. Нас все ждут. Лери будет беспокоиться за тебя, а Орлита вообще с ума сойдет».

«Знаю, — ответила золотая королева. — Я не могу дотянуться до них», — добавила она после небольшой паузы.

Перепуганная Морита мысленно устремилась к успокаивающему ментальному прикосновению Орлиты, всегда присутствующему где-то у нее в мозгу, и зачастую даже более ощутимому на расстоянии. И впервые с момента Запечатления его не оказалось. Морита ахнула. «Этого быть не может!» — подумала она, и по щекам заструились слезы. Всеобъемлющее горе поглотило ее.

— ОРЛИТА! — закричала она.

И тут Морита заметила какое-то движение, серое на сером, но по форме похожее на дракона с всадником в полной летной амуниции.

— Привет! — раздался мужской голос. И всадник помахал Морите рукой. Морита на мгновение застыла, а затем с силой растерла мокрое лицо. И так творится какой-то кошмар невообразимый, а теперь она еще что-то слышит и видит в Промежутке!

— Подождите меня! — крикнул всадник.

Ошарашенная Морита тупо ждала, пока необычно маленький коричневый дракон остановится буквально перед самой мордой Холты. Старая королева коснулась носом вновь прибывшего в традиционном приветствии. А затем Холта отодвинулась с куда большей живостью, чем демонстрировала прежде.

«Дулит?» — удивленно произнесла золотая королева.

— Что происходит? Кто вы? Почему я тебя вижу и слышу? — вскричала Морита. Ее снова охватила паника. Старая королева попятилась еще немного.

— Я Марко Галлиани, — ровным успокаивающим тоном ответил молодой всадник. Точнее, Морита подумала, что он молод. Наверняка новичок, поскольку она не слышала о коричневом драконе по имени Дулит.

— Не волнуйтесь, я вам помогу. Вам не холодно? Вы обе дрожите.

— Не от холода, — ответила Морита, пытаясь скрыть охватившую ее панику. Впрочем, что еще можно ощущать, застряв в Промежутке?

— Слушайте, я понимаю, что вам все это в новинку, здесь, в тумане. Мы с Дулитом тут ежедневно патрулируем, выискивая заблудившихся.

— Патрулируете? Выискивая заблудившихся? — изумленно повторила Морита. Ей показалось, будто серая мгла смыкается вокруг, и она вцепилась в упряжь, испугавшись, что теряет сознание. Если она сейчас свалится с Холты, то будет падать и падать в Промежутке. У нее невольно вырвался всхлип.

— Давайте, я отведу вас туда, где тепло.

Его дракон развернулся.

— Погоди! Куда ты направляешься? — закричала Морита.

«Просто следуйте за мной. Это легко», — сказал дракон.

— Не знаю, почему так выходит, — небрежно проговорил Марко, — но я всегда могу вернуться к Райской реке.

Дулит взял хороший старт и помчался так резво, что Морита велела Холте скоренько следовать за ним. Холта быстро набрала скорость, словно, как и Морита, хотела побыстрей оказаться где угодно, только не здесь. Взор Мориты снова затуманился, в ней опять поднялась волна паники. Она ничего не понимала.

Судя по ощущениям, они довольно долго летели прямо, а потом Марко с Дулитом внезапно резко нырнули и провалились сквозь черный низ Промежутка. Их словно поглотила дыра, и Морита с Холтой поспешно последовали за ними.

Они оказались над синей гладью моря. Впереди простиралась песчаная коса, а за ней вдоль берега росли высокие деревья. До слуха Мориты донесся шелест набегавших на белый песок волн. Дулит приземлился на берегу. Последовавшая его примеру Холта глубоко вздохнула, инстинктивно не сворачивая крылья, чтобы насладиться теплом, столь любимым всеми драконами, и зарыла лапы в горячий песок. Жгучее солнце ударило Морите в лицо, и она облегченно ахнула.

«Мы спасены! Теперь мы сможем вернуться домой, Холта!» — радостно вскричала она. Холта промолчала. Морита попыталась приосаниться, но жара в сочетании с усталостью взяли над ней верх. Она начала сползать со спины Холты и почти что свалилась, приземлившись на четвереньки.

— Слушай, вы обе жутко устали. Твой дракон правильно делает. Пошли. — Марко с легкостью поднял ее на ноги.

Морита хотела было поправить его, сообщив, что Холта — не ее дракон, но не смогла вымолвить ни слова. Молодой всадник ласково взял ее под локоть и подтолкнул в тенек. Жара действовала на нервы, и Морита машинально расстегнула теплую лётную куртку. Не в силах сказать ни слова от потрясения и усталости, она пошла за Марко, оглянувшись, чтобы убедиться, что Холта удобно устроилась на песочке. Старая королева фыркнула, повела плечами, уронила хвост на песок и шумно вздохнула.

— Вот, посиди немножко. Тебе станет лучше, когда малость отдохнешь.

Марко отбросил несколько сухих веток с росшей в тени деревьев густой травы.

Его рука сменила положение, и он чуть ли не силком вынудил Мориту опуститься на землю. У нее совсем не осталось сил. Марко, взяв из безвольных рук Мориты куртку, свернул ее и положил на траву вместо подушки. Морита покорно улеглась. Закрывая глаза, она надеялась, что, когда откроет их снова, то очутится в своем родном вейре, а все это окажется просто кошмарным сном.

Странный молодой всадник ласково бормотал что-то успокаивающее, но она уже не слышала его, поскольку почти сразу же провалилась в глубокий сон.

Когда Морита проснулась, разбуженная шумом — это Холта заворочалась на песочке, — Марко по-прежнему сидел рядом. Положив руку ей на плечо, он заговорил спокойным уверенным тоном, более приличествующим мужчине раз в пять его старше. Странным образом паника, в которой Морита пребывала перед тем, как заснуть, куда-то исчезла. Теперь ею овладело полнейшее спокойствие.

— Это не сон, как бы тебе ни хотелось обратного. Это реальность. Вы ушли в Промежуток и не вышли оттуда. Но я вас нашел, — утешил он.

Марко жестом предложил ей сесть и прислониться спиной к дереву. И тут Морита впервые заметила, какая на нем странная летная экипировка. Но тревога за Холту заставила ее перевести взгляд на ворочавшуюся на песочке старую королеву.

— С ней все в порядке, — сказал Марко. — Думаю, ей не помешает погреть и другой бок. Она впервые пошевелилась с того момента, как улеглась, если не считать храпа. А храпит она довольно громко, как тебе наверняка известно.

Марко был симпатичным юношей — хотя далеко не таким красивым, как Алессан, отметила Морита. Но тут же отбросила прочь мысли о своем любовнике. Пугающую ситуацию, в которой она оказалась, и так довольно трудно осознать. Не хватало еще мучиться мыслями о том, что теперь Алессан для нее потерян.

— Где мы, Марко? — жалобно спросила Морита. — И если мы не вышли из Промежутка, то что это? — Она указала на пляж и тихо набегавший прибой.

— Холта говорит, тебя зовут Морита, и ты — старшая госпожа Форт Вейра, — спокойно проговорил он, с уважением глядя на нее. — На Дулита это произвело большое впечатление.

— Из какого, ты сказал, вы Вейра?

— Я этого не говорил, потому что мы с Дулитом никогда не были ни в каком Вейре. Разве тебе не известна история всадников? — Он казался разочарованным.

Морита, захваченная врасплох подобным обвинением, сердито посмотрела на него.

— Конечно, известна!

— Ну, тогда как звали первых всадников? — спокойно поинтересовался Марко.

И тут Морита почувствовала, что у нее буквально отвисает челюсть. Она вытаращилась на него. Она прекрасно знала, как звали первых всадников и... Она попыталась переварить новость.

— Вы с Дулитом... — начала она, вспоминая историю, — были первыми, кто ушел в Промежуток, чтобы избежать столкновения в воздухе со скутером над лагерем Райской реки... — Она замолчала, оглядываясь вокруг.

— Конечно, механизм безопасного прохождения через Промежуток был открыт позже, — продолжил Марко. — Мы с Дулитом действовали чисто инстинктивно.

— И с тех самых пор вы находитесь в Промежутке? — В желудке Мориты образовался здоровенный ком.

— Более или менее. Мне потребовалось некоторое время, чтобы обнаружить, что я могу возвращаться на Райскую реку, когда хочу. Естественно, когда я это сообразил и вернулся сюда, вся армада Джима Тиллека уже ушла. Я устремился на восток, поскольку знал, что они направились туда, но налетел сильнейший ураган, чуть не сбивший меня с Дулита, и я развернулся назад. Дулит повредил правое крыло, но, к счастью, у меня оставалось достаточно холодилки, чтобы обработать рану. К тому времени, когда мы смогли снова отправиться вслед за остальными, мы обнаружили, что их тоже сильно потрепал шторм. На берег даже выбросило кое-какие обломки кораблей. Но тел не было. Мы искали. Так что мы вернулись обратно на Райскую реку. Тут есть несколько домов. Сперва я собирал выброшенные на берег вещи на случай, если кто-то вдруг вернется за ними. Но никто так и не пришел. Ну, а потом я в некотором роде нашел других, попавших в ловушку таким же образом.

— Других? А где же они?

— Охотятся, наверное. Драконы, видишь ли, по-прежнему любят охоту. Это инстинкт. Но они только убивают дичь, кровь пить даже не удосуживаются. Тут осталось полным-полно отличного скота, выпущенного на волю перед Вторым Переселением. На кораблях, отплывавших на новое поселение, хватало места лишь для ценной племенной скотины. Животные размножились, а кошки...

— Кошки? — встревожилась Морита.

— Ну да, кошки. Здоровенные котяры, выведенные Тэдом Туберманом и выпущенные им на свободу.

— Ой! Но как раз кошки-то и занесли нам мор! Не подпускай их близко!

Марко рассмеялся, и комок в желудке Мориты как-то сам собой рассосался.

— Вот уж вряд ли, Морита! Во-первых, они, как правило, боятся драконов. А во-вторых, у нас нет оружия, — Марко развел руками, — так что мы держимся на расстоянии. Как они могут быть переносчиками инфекции?

— Еще как могут, уж поверь мне, — ответила Морита. — Не знаю, сколько народу уже умерло. Но целителям удалось создать вакцину.

— Да как они вообще попали на северный материк? — недоуменно спросил Марко.

Морита прищелкнула языком.

— Какие-то моряки, потерпевшие крушение у Южного материка, обнаружили кошек и привезли домой, надеясь выручить марку-другую, показывая их на Встречах. И прежде чем мы смогли выявить источник инфекции, уже очень многие заразились.

— Вы что, никогда не слышали о таком понятии, как карантин? — изумился Марко.

— Конечно, слышали, но зараза распространилась слишком быстро. Поначалу никто не знал, откуда она взялась. У нас периодически бывают вспышки инфекционных заболеваний, но они, как правило, сезонные, и заболевших довольно мало. А эта зараза зацепила практически всех.

— Всадники и драконы тоже умирали?

— Да, — грустно ответила она. — Откуда ты знаешь?

— Да видел я их, — поморщился Марко. — Куда больше, чем бывает после самого сильного Падения.

— Но, раз ты видел их в Промежутке, значит, заметил, куда они ушли! — У Мориты затеплился огонек надежды.

Марко медленно покачал головой:

— Я не знаю, куда они ушли. Я там еще не был. — На его лице появилось странное выражение. Дулит нежно чирикнул своему всаднику.

Морита уставилась на него, сообразив наконец, что ему, как и всем первым всадникам, было Оборотов девятнадцать—

двадцать, когда они прошли Запечатление. Ой, да ему же сейчас больше полутора тысяч лет! Если, конечно, он вообще существует! Ей захотелось прикоснуться к нему.

— Я все же по-прежнему не понимаю... — Голос ее сорвался, на глаза навернулись слезы.

— Как я могу находиться и здесь, и в Промежутке? — Он покачал головой. — Я тоже этого не понимаю, но я совершенно очевидно существую. Cogito, ergo sum.

— Прошу прощения?

— Это на очень древнем языке Земли, латыни. В переводе значит: «Я мыслю, следовательно, я существую».

— Ой!

— Дважды «ой», Морита. Какой сейчас год? То есть, Оборот?

Морита некоторое время таращилась на него.

— Тысяча пятьсот сорок третий. Уже почти закончилось Шестое Прохождение.

Марко кивнул, глядя куда-то вдаль. С его губ сорвался едва слышный вздох.

— Но как тебе удалось выжить?

— Точно не скажу, но, по-моему, в Промежутке время течет как-то иначе. И это подтверждает мое предположение, что Промежуток — какое-то другое измерение, или уровень, или что-то в этом роде.

— А тебе... — Морита на мгновение замолчала, не желая причинять этому милому юноше боль своей бестактностью. — Тебе не одиноко?

— Со мной Дулит. — Марко бросил взгляд на дракона, растянувшегося на песке рядом с Холтой.

Когда он установил мысленный контакт со своим пожизненным партнером, Морита увидела, как в его глазах вспыхнул огонек, так хорошо знакомый всем всадникам. И от этого она еще сильней затосковала по Орлите.

Дулит довольно заурчал, отвечая своему всаднику, а Холта слегка потянулась на теплом песке.

— Что приключилось с тобой и Холтой?

— Не повезло. Плохо представила место назначения. Честно говоря, ошибка вызвана сильнейшей усталостью и частыми прыжками во времени.

— Прыжками во времени?

Морита глубоко вздохнула, собираясь с мыслями, и начала рассказывать. По мере того, как она говорила, спокойствие все улетучивалось. А когда рассказ подошел к концу, эмоции и вовсе захлестнули ее.

— И я сказала ей только: «Ну что ж, один последний прыжок, Холта, и все». А потом мы зависли, пока ты нас не нашел. — Морита разрыдалась, сраженная мыслью, что не смогла как следует представить место, куда им с Холтой нужно было попасть.

— Я так и не попрощалась с Орлитой! — всхлипывала она.

— Тут я могу помочь, — ласково сказал Марко, чуть придвинувшись и обнимая Мориту за плечи. Он тихонько укачивал ее, пока она снова не начала успокаиваться. — Вы доставили вакцину в сорок разных мест за вторую половину дня? — Он явно никак не мог этому поверить. — Но на взлет и посадку уходит уйма времени!

— Ну, мы растянули каждый час на два, а может, и на три. Видишь ли, драконы умеют перемещаться во времени.

— Перемещаться во времени? — Изумлению Марко не было предела.

— Ну, как видишь, это довольно опасно, и сильно дезориентирует всадника. Мне и прежде доводилось так делать, и даже отправляться в будущее. Но сейчас пришлось прибегнуть к этому только ради того, чтобы справиться с поветрием, иного выхода не было. Понимаешь, нам не хватает всадников. Поскольку я лучше всех знаю холды и равнины Керуна, то и предложила свою кандидатуру. Ориентировалась я по положению солнца, но, чтобы доставить всем вакцину именно сегодня, как и обещала, мне пришлось постоянно прыгать во времени назад. И когда мы с Холтой привезли последний пакет, то обе уже совершенно вымотались.

Марко коснулся ее плеча, глядя с таким пониманием, что Морита удивленно моргнула.

— Марко, а почему вы здесь так долго находитесь?

— Нам больше некуда идти, и возвращаться некуда, — пожал он плечами.

— Но разве ты не пытался следовать за другими драконами и всадниками, виденными тобой в Промежутке?

— Пытался. Но там нет ничего, кроме бесконечной серой мглы. Мы летели часами, да что там! Сутками! Но все время было одно и то же. Сперва мне казалось, что я вроде как вижу конец этой серой мглы, и я пытался добраться до него, но так и не смог. Выход отодвигался с такой же скоростью, с какой мы с Дулитом приближались. — Он коротко вздохнул, и торопливо добавил: — Однако иногда... Я вижу драконов, как правило, с всадниками, просто летящих вперед... а порой вверх... — Он неопределенно взмахнул рукой, обозначая некое абстрактное направление. — Они не направляются в Промежуток, поскольку уже находятся там. Они летят к какой-то цели... по ту сторону Промежутка.

— По ту сторону Промежутка? — По спине Мориты пробежал холодок. — Но по ту сторону Промежутка ничего нет.

Повисло тяжелое молчание, и прошло довольно много времени, прежде чем Марко снова заговорил.

— А ты уверена? — спокойно спросил он.

— Тебе лучше знать. Ты прилетел сюда на космическом корабле, так что наверняка видел все что можно на Перне.

— Это верно. — В его голосе прозвучали ностальгические нотки. — На всех экранах показывали, как приближается Перн. Большинство из нас бодрствовали, готовясь к высадке, и сомневаюсь, что кто-нибудь спал или ел. Мы смотрели и не могли насмотреться. — Его глаза засияли. — Перн куда красивее Земли! Прекрасные голубые моря, зеленые континенты и немного пустыни. Он великолепный — и наш!

— А Промежуток вы видели?

Он очень задумчиво поглядел на нее, а потом медленно покачал головой.

— Промежуток для нас открыли драконы. Это нечто, что умеют только они. Мы — нет. Это их личное особое место.

— Драконы уходят в Промежуток умирать, — бесстрастно проговорила Морита.

— Они проходят сквозь Промежуток, — возразил Марко, — но не остаются в нем. В нем нет никаких тел. Я всегда проверяю, когда вижу дракона в серой мгле.

— Ты уверен?

— Уверен.

Морита уже ни в чем не была уверена, однако промолчала. Она знала, что драконы всегда уходят в Промежуток, когда их всадник умирает. И знала, что иногда дракон с всадником вместе уходят в Промежуток, если для одного из них жизнь стала невыносимой. Морита резко вскинула голову.

— Я должна быть с Орлитой и каким-то образом вернуть Холту Лери.

— Понимаю.

— Разве ты не сказал, что я могу вернуться туда, откуда пришла? В холд Озерный? — Она вскочила, стряхивая с одежды песок.

Марко бесстрастно поглядел на нее.

— Да, ты можешь вернуться в холд Озерный, но вряд ли тебе это поможет.

— Если я могу вернуться в холд Озерный, то, возможно, могу вернуться и в Форт Вейр!

Марко слегка отвернулся, лицо его омрачилось.

— А вот это может оказаться проблематичным. Видишь ли, ты умерла.

Она уставилась на него со смесью ужаса и недоверия:

— Клянусь Скорлупой! Тогда почему я здесь с тобой? — Склонив голову набок, она пристально поглядела ему в глаза и протянула руку, чтобы помочь встать. Марко поглядел на протянутую руку, а потом, заиграв желваками, твердо встретил ее взгляд. Морита затаила дыхание, но глаз не отвела.

— Ты не с тем драконом. Тебе следовало уйти в Промежуток с Орлитой, а не с Холтой! — Марко одним плавным движением схватил ее за руку и встал.

— А нет ли способа передать Лери послание?

Марко одарил ее странной улыбкой.

— Сомневаюсь, что они тебя увидят, — ровным тоном ответил он. — И сомневаюсь, что написать послание тоже получится.

— А почему?

Марко вздохнул:

— Проблема в том, как сделать его видимым.

Морита в отчаянии поглядела на солнце, стоявшее уже довольно низко над горизонтом.

— Мне надо идти. — Она поспешно натянула летную куртку.

Морита собралась уже окликнуть Холту, когда тяжелая рука Марко легла ей на плечо.

— Мне следовало сразу вернуться туда и подождать, — сказала она, выворачиваясь из его хватки.

— Нет! — громко и решительно возразил он. Холта подняла голову, а Дулит со своего нагретого местечка поглядел на него спокойными зелеными фасеточными глазами. — Это бы тебе не помогло. Я точно знаю.

Морита уступила, больше от растерянности, чем из-за того, что коричневый всадник ее удерживал. «Он знает что-то такое, о чем мне не говорит», — подумала она. Марко сурово посмотрел на нее.

— У меня было предостаточно времени поразмыслить, Морита. Куда больше, чем следовало бы иметь человеку. И я пришел к выводу, что драконы могут быть бессмертны. Думаю, именно поэтому я по-прежнему нахожусь здесь с Дулитом.

— Бессмертны?

— Я имею в виду, они не старятся, как мы, их плоть не увядает. Они могут жить сотни Оборотов.

— Но они болеют, их ранят Нити! — возразила Морита, цепляясь за единственный понятный ей факт.

— Конечно, но их внутренние органы изменяются, так что чисто технически они могут жить столько, сколько хотят. Как правило, они живут столько, сколько их всадники. Из-за того, что телепатические узы очень сильны, они не хотят жить, когда их всадник умирает. — Марко помолчал и, глубоко вздохнув, продолжил, тщательно подбирая слова: — У всадников, и, думается мне, у остального населения Перна есть свои законы и верования. Там, откуда я сюда прибыл, имелось несколько разновидностей верований. Иные были довольно

полезными, иными злоупотребляли. Я не стану сейчас во все это вдаваться. Однако, помимо всего прочего, существует одна мысль, которую люди в моем мире лелеяли и холили: в нас есть нечто куда большее, чем просто плоть и кровь.

Морита покачала головой, уже окончательно ничего не понимая. Тогда он продолжил.

— Тебе не кажется, что в каждом из нас есть нечто особенное? — спросил Марко. — Некая суть, делающая тебя отличной от других?

— Я ничем не отличаюсь от всех, кого я знаю, — чуть ли не агрессивно возразила она.

— Ну, ты всадница королевы, твоя суть — сила, если угодно, — и суть твоего дракона навеки связаны между собой. Вы никогда не сможете разделиться.

Красивые черты Мориты исказила мучительная гримаса. Слова Марко выбивали ее из колеи. От этих его рассуждений о плоти, крови и вере у нее голова шла кругом. Ей необходимо что-то предпринять! Немедленно! Морита боялась, что теряет время.

— В данный момент я разделена с моим драконом, — заявила она и направилась к Холте. — Если я могу вернуться в холд Озерный, то мне пора.

Марко последовал за ней, глянув на Дулита, тут же поднявшегося со своего уютного песчаного лежбища. Холта резко проснулась. Глаза ее загорелись тревожным оранжевым огнем.

«Что случилось?»

— Нет-нет, дорогая, все в порядке, — поспешно успокоила ее Морита. — Мы возвращаемся в холд Озерный. Я должна попытаться вернуться к Орлите. Я каким-нибудь образом сообщу Лери, чтобы она присоединилась к нам.

«Лери», — жалобно повторила Холта.

— Ты уверен, что я могу туда вернуться? — повернулась Морита к Марко.

Тот медленно кивнул.

— Каждый из нас может вернуться в последнюю точку, откуда ушел в Промежуток. Но больше никуда, кроме, конечно, Райской реки, потому что сюда могу привести я.

Вздохнув, он с сочувствием тронул ее за руку.

— Теперь ты не можешь прыгнуть туда, куда собиралась прыгнуть тогда. — Марко поежился под потертой летной курткой. — Мы полетим с вами, чтобы провести вас через Промежуток.

Холта перемещалась очень медленно, пока Дулит, придвинувшись, не коснулся ее морды. Это придало старой королеве сил. Морита, забравшись на спину Холты, погладила ей шею, бормоча ласковые успокаивающие слова.

— Так, теперь тебе нужно как можно лучше представить себе холд Озерный перед самым закатом, — сказал Марко, застегивая шлем и поправляя его на голове. — Мы с Дулитом подождем вас в Промежутке, чтобы потом сопроводить обратно сюда.

Морита со всей тщательностью мысленно представила нужный пейзаж: точное расположение загонов и слева холд, на серой крыше которого отражаются лучи заходящего солнца.

— Двинули! — Марко показал большими пальцами вверх.

— Летим в холд Озерный, Холта, — сказала Морита, и старая королева, слегка поскользнувшись на песке, поднялась куда энергичней, чем два последних раза.

— Там мрак, ледяная тьма, — по привычке забормотала Морита, когда дракон начал набирать высоту.

— Вам пора вываливаться, Морита, — крикнул Марко, и прежде, чем она успела вдохнуть, они с Холтой выскочили из серой мглы и оказались на прохладном ветерке. Над ними сиял только начавший восходить Тимор, меньшая из двух лун. Истошно завизжал скакун, крапчатый жеребец с серой мордой, его необычные пятна сверкали в лунном свете. Другие скакуны в ужасе метались вокруг. Лишившись компании Марко с Дулитом, Морита испугалась.

Холта грациозно парила к загону. В холде горели огни. Вдруг Морита услышала испуганный крик. Огни холда погасли, хлопнула дверь, плотно закрытая кем-то выглянувшим посмотреть, почему заверещали скакуны. Морита уже собралась попросить Холту подойти поближе, чтобы поглядеть, что их так перепугало, когда дверь снова чуть-чуть приоткрылась, и в проеме возник чей-то силуэт.

— Кто здесь? Кто тут бродит?

Морита узнала голос Таниэля.

— Морита, конечно, Таниэль! — отозвалась она, но он как будто ее не видел. Расти снова заверещал и Таниэль повернулся на визг. — Глупая скотина! Нет тут никого! — Он широко взмахнул рукой, словно не видел ничего, кроме пустого пространства. Но ведь Морита точно знала, что она здесь, перед ним!

— Таниэль! Я здесь! Ты что, меня не видишь? — закричала она изо всех сил, понуждая Холту шагнуть вперед.

Расти, визжа пуще прежнего, заметался по загону, в ужасе вытаращив глаза.

— Да заткнись ты! — рявкнул Таниэль на скакуна. — Ищущие Мориту всадники уже давно вернулись в свои вейры. В небе нет и признаков драконов!

Мориту как громом поразило. Ей следовало вернуться раньше! Раз уж он слышит эту чертову скотину, то наверняка ведь должен был услышать и крик Мориты? Она быстро слезла со спины Холты, подбежала к Таниэлю и встала прямо перед ним. Вообще-то, когда он повернул голову в ее сторону, ей даже пришлось отступить на шаг, чтобы не столкнуться с ним носами. Она схватила его за руку, и Таниэль содрогнулся всем телом.

Пробормотав что-то неразборчивое, он обхватил себя руками.

— Или до меня добралась таки чума? — громко воскликнул он.

— Да нет же, старый ты дурак! Я пытаюсь заставить тебя меня увидеть! — ответила Морита. Но он вроде как не слышал ее, хотя Расти продолжал визжать и метаться по загону, распугивая остальных скакунов. Таниэль, дрожа, резко повернулся и помчался в холд, с силой захлопнув за собой дверь.

— Марко прав. Ну как с ним общаться, если он меня не видит и не слышит? — бормотала Морита, шагая обратно к Холте и запрыгивая к ней на спину.

В освещенном окне холда Морита видела, что Таниэль стоит, все еще скрестив руки на груди. Вполне узнаваемая защитная поза.

«Они нас не видят, Морита, — печально сказала Холта. — Мы ушли в Промежуток, но так никуда и не прибыли».

«Ну, так представь как следует Форт Вейр, Холта, и отвези нас туда. Представь горный кряж за Вейром. Представь себе отрог, на котором ты так долго лежала, защищая Лери. Представь себе дом, Холта. Отвези нас туда».

Последняя фраза была одновременно приказом и желанием. Холта, собрав последние силы, оторвалась от земли, могучие крылья понесли ее вверх, и они ушли в Промежуток. Там было холодно и... серо, но не так холодно до мозга костей, как в прошлый раз. И обычный напев никак не помог Морите убедить себя, что они вынырнут в лучах заходящего солнца над Форт Вейром, над знакомой горной грядой, родным кратером и отрогами, на которых нежатся на солнышке драконы.

Мориту охватила сильная дрожь. Она прижалась к шее Холты, руками ощущая тепло дракона сквозь перчатки и прижатой к гребню щекой. Они висели в Промежутке, и вокруг них смыкалась серая мгла, граничащая вдалеке с чернотой.

— Не повезло, а? — Перед ними возник Марко на Дулите.

— Таниэль разговаривал сам с собой, а может, и со своим перепуганным скакуном. Он сказал, что прилетали всадники, искали меня, — проговорила Морита, пытаясь не выдать голосом панику. — Но меня он не видел. — И снова вздрогнула.

— Тогда давай вернемся на Райскую реку, там теплее. И подумаем, что можно сделать, — с оптимизмом предложил Марко. — Ты говоришь, Таниэль разговаривал сам с собой или со своим скакуном. И животное было перепугано?

Морита кивнула.

— Таниэль тебя и не видел, — продолжил Марко, — но его зверь, возможно, да. Если ты будешь постоянно возвращаться в холд Озерный, пугая бедную скотинку, быть может, Таниэль начнет задаваться вопросом, почему скакун так себя ведет.

Марко говорил так, будто сдерживает смех.

— Постоянно возвращаться в холд Озерный? — повторила Морита. — Для чего?

— Позволь мне объяснить. На Земле некоторые люди верили, что видят «суть», если угодно, умершего человека. Не-

которые даже утверждали, что эта «суть», или «призрак» возвращается снова и снова в любимое место. — Он немного помолчал, а Морита с недоумением взирала на него. — Они утверждали, что призраки появляются для того, чтобы вынудить живых выполнить их волю.

— Я знать ничего не знаю ни о каких призраках. Но точно знаю, что не желаю шляться по окрестностям и пугать людей! — безапелляционно заявила она.

— Адские колокола, женщина! Да ты уже проделала половину работы! Вполне возможно, и удастся найти способ сообщить ему то, что нужно. Это единственный способ воссоединить тебя с твоим драконом, больше я ничего придумать не могу.

— Мне следует вернуться в холд Озерный прямо сейчас?

— Хм-м-м... Нет, не думаю. Тебе надо возвращаться туда в одно и то же время каждый день, лучше всего — вечером. Иначе Таниэль подумает, что его скакун просто сбрендил. Возвращайся туда завтра в это же время. А теперь вам с Холтой следует отправиться на пляж.

Морита представления не имела, каким образом план Марко может сработать, но все же последовала за ним. Марко вынудил дракона развернуться, затем с уверенностью опытного командира крыла указал вниз и исчез под дымчатым дном Промежутка.

— Да, должно быть, она очень устала, — сказала Лери, и Камиана призадумалась, сколько же еще раз старая госпожа вейра будет снова и снова переживать трагические события, лишившие ее обожаемого дракона. Эта трагедия чудовищно состарила Лери. — Болезнь была такой заразной, а нам не хватало драконов и всадников. Орлита квохтала над своей кладкой, а я еле на ногах держалась от боли в суставах. Они обе вызвались осуществить доставки, и я это одобрила. Но, — в ее глазах теперь сверкали не только слезы, но и гнев, — уж куда-куда, назад в Форт обе вполне были способны добраться!

Лери, застонав, потянулась за кружкой, постоянно стоявшей подле ее скрюченной правой руки. Вздохнув, она сде-

лала глоток — большой и медленный, и подождала, пока боль немного затихнет.

— Как же я хочу, чтобы все это поскорее закончилось, — устало проговорила Лери. — Мне так надоело это старое тело! Орлита говорит, если я проскриплю до того дня, как яйца в ее кладке созреют, она заберет меня с собой в Промежуток.

Камиана склонила голову. Ей нечего было сказать. Она молча сидела, ласково положив ладонь на руку Лери.

В каменном проходе возле жилища Лери раздались шаги, и Камиана услышала, как кто-то откашлялся. Спокойно поднявшись со стула возле кровати Лери, она направилась к двери.

— Мы пришли проведать Лери, — сказал Ш'гал, указывая на Дездру, Лидору, Леваллу и главного мастера — арфиста Тайрона, тихо стоящих позади Ш'гала. На их лицах явственно читались тревога и сочувствие.

— Заходите, пожалуйста, — жестом пригласила Камиана. — Она ослабела от боли и устала от жизни, но, мне кажется, ваш визит пойдет на пользу. Поможет ей занять время...

Она впустила пришедших внутрь. Старая госпожа вейра приветственно помахала им рукой.

— Я себя постоянно корю, — сказала Лери собравшимся вокруг нее гостям. — Не надо было мне поощрять Мориту с Холтой в этой затее доставки вакцины. Тиллек и малые холды на равнинах Телгара должны были облететь всадники Телгар Вейра. Но М'тани отказался, и нам пришлось поделить оставшийся груз между остальными. В вейре туда-сюда постоянно летали золотые королевы, Орлита из-за этого тряслась над своей кладкой и не желала их оставлять без присмотра... — Лери замолчала. Невыносимая боль утраты мешала ей говорить.

— Холта вызвалась добровольно, — продолжила Камиана, уважительно склонив голову.

— По моему настоянию, — резко бросила Лери, и Камиана почтительно кивнула. — Холта заявила, что может это сделать. Она знала, что у меня все болит после утренних полетов, и хотела помочь Морите закончить доставку. Она настаивала! — Лери нахмурилась, вспоминая. — А я желала ей доб-

ра! — Из глаз ее хлынули слезы, стекая по морщинистым щекам. Камиана протянула ей носовой платок. — Может, Холта и была старой, но надежной и уравновешенной.

Камиана переглянулась с Тайроном и Дездрой. Никто никогда в точности не узнает, что же произошло с Моритой и Холтой. Но, какой бы ни была причина, обе они ушли навсегда.

Лери расправила согнутые плечи, не желая, чтобы присутствующие сочли ее последние слова укором.

— Да и Морита была одной из лучших всадниц нашего Вейра. Помните, как она спасла В'рена, когда его дракону обожгло крыло? Они с Орлитой подлетели так близко к этой паре, что В'рену осталось лишь перескочить на спину Орлиты со своего дракона. И Кордета они тоже смогли привести на посадку. На такое способен только всадник высочайшего класса!

Присутствующие согласились: это спасение в воздухе было истинным триумфом. И всадник, и его синий дракон по-прежнему служили Вейру.

Лери потеребила простыни, на глаза ее снова навернулись слезы.

— Я уже навсегда потеряна для Холты, а Орлита — для Мориты?

Никто не смог выдержать вопрошающего взгляда старой госпожи. Мужчины переминались с ноги на ногу, женщины торопливо опустили глаза. Камиана была не единственной, кто отчаянно пытался удержать слезы.

— Я частенько об этом размышлял, — мягко проговорил Ш'гал. — Когда наша жизнь заканчивается, отправляемся ли мы с нашими драконами куда-то еще, или эта жизнь — все, что у нас есть?

— Мне нравится думать, что где-то там есть для нас что-то еще, — задумчиво произнесла Лери, не скрывая слез. — Другая часть этой жизни. Но я всего лишь глупая старуха, надеющаяся отыскать в Промежутке свою любимую золотую королеву.

— Об этом нам известно лишь одно. — Мастер Тайрон, откашлявшись, покачался на каблуках, принимая позу лек-

тора. — Есть какое-то «ничто», отделяющее «здесь» от «там». Но в этом, — он выдержал театральную паузу, — имеется и нечто большее, чего мы никогда не узнаем. Другое измерение, быть может, куда способны путешествовать только драконы.

— Другое измерение? — изумилась Лидора.

— В точности, как высота, ширина и глубина являются измерениями, Промежуток тоже может оказаться неким измерением.

— Но нам ведь это неизвестно, верно? — озадаченно сказала Левалла, госпожа Вейра Бенден.

— Да, неизвестно, и я не слишком хорошо понимаю, какое все это имеет отношение к нашей... ситуации, — ответил Ш'гал.

— Орлита слышит Мориту? — с надеждой поинтересовался Тайрон, оглянувшись в сторону Площадки Рождений.

— Говорит, нет, — ответила Лери. — Я сразу же ее спросила, — добавила она тоном, означавшим, что Тайрону не следовало даже думать, будто Орлиту могли не спросить. — Она просто в отчаянии. — Лери глубоко вздохнула. — Мы с Орлитой уйдем в Промежуток, как только яйца созреют.

Все присутствующие принялись яростно ей возражать.

— А чего ради мне оставаться? — вопросила Лери, когда Ш'гал жестом заставил всех замолчать. — Я собиралась уйти так или иначе. Без моего дракона у меня нет ни малейшей причины оставаться, и множество причин, чтобы уйти.

— Лери, дорогая, если боли усилились, я могу увеличить дозу настойки, — предложила Дездра, но Лери твердо поглядела ей в глаза.

— У вас нет таких настоек, которые могли бы уменьшить мою боль от потери Холты, — едва ли не гневно проговорила она. — Сейчас не время для траура, — добавила Лери, глянув на откровенно плакавшую Лидору. — У нас скоро созреют королевское яйцо и двадцать четыре других. В них — наше будущее, и они требуют всей нашей заботы и внимания. Вашей заботы и внимания. — Она решительно поглядела на Камиану, чьи глаза застилали слезы, которые золотая всадница даже не пыталась скрыть. Молодая госпожа Вейра ла-

ково обняла старую женщину, стараясь не сжимать ее хрупкое тело.

— У тебя куда больше мужества, чем у всех нас, милая Лери.

На следующую ночь, прибыв с Холтой в холд Озерный, Морита попробовала новую тактику. Спешившись, она направилась прямиком к загону, где Расти стоял, широко расставив передние ноги и, как всегда, громко возвещая о близости дракона.

— Бу-у! — рявкнула Морита, перегнувшись через ограждение к скакуну.

Издав пронзительный визг, от которого Морита судорожно вцепилась в перекладину, Расти поспешно рванул от нее. Из-под копыт во все стороны полетели комья грязи.

В дверях холда, услышав шум, возник Таниэль. Расти, встав на дыбы, отбивался передними ногами от одной лишь ему видимой угрозы.

Теперь, когда появилась аудитория, Морита отошла немного назад и замерла, выжидая, пока скакун немного успокоится. А затем, понимая, что Таниэль в любой момент может вернуться в дом, быстро побежала вперед, остановившись перед самым носом Расти.

— Бу-у! — снова воскликнула она. Взвизгнув, скакун отпрянул со всей возможной скоростью.

Морита шагнула назад, тем самым так озадачив старого скакуна, что он лишь пристально таращился на нее, явно с опаской ожидая, что она выкинет в следующий раз.

Он забил копытом, словно вызывая ее приблизиться. Но приблизилась не она, а Таниэль, подзывая животное к себе.

— Давай же, Расти! Делай свое дело! — громко крикнула Морита. — Ты что, Холты не видишь? Ты ведь всегда визжишь, когда поблизости дракон! Давай же, изобрази это для старушки Холты!

Холта, охотно подыграв, двинулась с того, места, где стояла. Это сработало. Расти чуть не плюхнулся на круп в попытке оказаться как можно дальше от того, что, как подсказывал ему инстинкт, было его погибелью. Он выписывал

замысловатые кренделя, громко протестуя против присутствия дракона.

Морита увидела, как на лице Таниэля появляется недоуменное выражение.

Но этим все и закончилось. Он повернулся и ушел обратно в холд.

Морита поняла, что Расти действительно чувствует ее присутствие, и смотрит именно на нее, а не сквозь нее. Значит, все же есть какой-то способ заставить и Таниэля понять, что ей нужно.

На сей раз Марко их в Промежутке не поджидал. Морита несколько раз глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, но все же к начавшему ее пронизывать холоду примешивался и страх.

«Холта, ты чувствуешь Дулита где-нибудь поблизости?»

Тревога Холты еще больше усилила опасения Мориты. Что с ними будет, если они застрянут в Промежутке? Где же Марко?

«Холта, можешь отвести нас обратно на Райскую реку?» — спросила Морита, заранее зная ответ.

«Нет, — последовала унылая реплика. — Если бы я могла проходить Промежуток без проблем, как прежде, то прямиком полетела бы туда, но это далеко от холда Озерный».

Морита начала дрожать от холода, больше всего на свете ей хотелось оказаться в тепле, на Райской реке. Что им с Холтой делать, если Марко не придет?

Внезапно она почувствовала справа движение воздуха, и перед ними завис темный силуэт.

— Виноват. Ты справилась быстрей, чем я думал, — сказал Марко.

— Где тебя носило?! — закричала Морита. И нехотя добавила: — Я испугалась.

— Ай, да ладно тебе, Морита! Ты же знаешь, что я вас не брошу. Я летал кое-что проверить. — Марко обвел широким жестом окружающую их мглу. — Мне почудилось, будто что-то движется. — Он указал себе за спину, туда, откуда пришел. — Ничего. — Он пожал плечами. — Извини, что перепугал вас с Холтой.

Морита кивком приняла его извинения.

— Ну, и как нынче прошло явление твоего призрака народу? — поинтересовался Марко, когда они вернулись на Райскую реку.

— Явление призрака?

— Ну, так называли в моем родном мире то, что ты пытаешься сделать.

— А, поняла, — кивнула Морита, и рассказала ему, как происходило дело.

Марко посмеялся над тем, как она кричала «бу-у!» Расти, и пожурил ее за скверное обращение с несчастным старым скакуном.

— Пока что я счастлива, что хоть кто-то меня видит. — Она потерла лицо. — Если бы я только могла передать послание Таниэлю!

Некоторое время они наблюдали, как их драконы нежатся на горячем песочке. Потом Марко жестом предложил ей сесть на камни вокруг кострища, где, как он ей сказал, он каждую ночь разводит костер, потому что это успокаивает.

— Если бы мне хотя бы разок удалось заставить его меня увидеть, Марко, то, быть может, он поймет, что само мое появление — это своего рода послание, — проговорила Морита, бесцельно водя по песку сломанной веточкой.

— Хотелось бы мне знать, что может сработать.

— Но что-то же должно! Не могу ж я вечно работать призраком! Таниэль вроде как должен быть умнее Расти.

Марко, перегнувшись через кострище, забрал у нее веточку и изобразил на песке большую букву «М».

— Я никогда еще с таким не сталкивался. За все время ни один всадник не застревал в Промежутке на чужом драконе. — Он потер глаза. — Я и вправду не знаю, выйдет ли из этого что-нибудь, но ты можешь попробовать написать Таниэлю послание на земле. Что ты хочешь ему сказать?

— «Приведи Лери. Морита».

— Вежливо, коротко и ясно. Будем надеяться, он это увидит, хмыкнул Марко.

* * *

Итак, Морита возвращалась в холд Озерный снова и снова, каждый вечер в одно и то же время, и это стало таким привычным делом, что Таниэль заранее выходил из холда и стоял возле загона Расти, будто поджидая ее. И каждый вечер Морита пугала Расти, а потом писала свое послание на земле. В том, что скакун ее видит, не было никаких сомнений. Он глядел прямо на нее, когда она выцарапывала буквы на земле. Но Таниэль по-прежнему смотрел сквозь нее, и не видел сделанной ею надписи.

На пятый вечер она уже не знала, что и делать, когда из-за облаков вдруг появилась полная луна, и осветила Мориту ровно настолько, чтобы Таниэль увидел ее, выцарапывающей надпись на земле.

— Морита! — ахнул старик и бросился домой с таким воплем, что перекрыл даже визг Расти. Влетев в холд, он резко захлопнул за собой дверь.

— Вот теперь, по-моему, я его достала, — удовлетворенно проговорила она, забираясь на спину Холты.

«И сколько нам еще этим заниматься, Морита?» — жалобно спросила Холта.

«Уже недолго, Холта. — Морита ласково погладила шею старой королевы. — Полетели обратно к Марко в Промежуток».

Когда Марко привел их назад на Райскую реку, она рассказала о достигнутом прогрессе.

— Ты наверняка перепугала его так, что он думает, будто спятил, как и его скакун, — ухмыльнулся Марко. — Думаю, ты почти у цели.

Послание для Лери от Таниэля из холда Озерного было немедленно доставлено в Форт Вейр самолично Главным Смотрителем станции скороходов. Его прочли все:

«Она возвращается каждый вечер в одно и то же время, сразу после захода солнца, когда начинает темнеть. Она зовет Лери. Что мне делать?»

— Ха! Ну не дураки ли мы?! — ядовито воскликнула Лери. — Орлита! Твоя кладка еще не достаточно затвердела?

С Площадки Рождений донеслось ворчание Орлиты, по-прежнему возившейся с аккуратной горкой песка для королевского яйца, чтобы оно возвышалось над остальными. Она действовала так медленно и осторожно, что со стороны казалось, будто она укладывает каждую песчинку по отдельности. И почему-то это выглядело так печально трогательно, что просто невозможно смотреть.

— Она так убивает время, — пожала плечами Лери, когда ей на это указали.

А теперь старая госпожа поблагодарила Главного Смотрителя за то, что он доставил послание лично, и вручила ему за труды целую марку Цеха арфистов.

— Не за что, госпожа. Могу ли я доставить от вас ответное сообщение?

— Было бы очень любезно с вашей стороны, — с достоинством произнесла Лери, и Смотритель Станции поспешно извлек бумагу и перо.

— Поблагодарите его от моего имени и скажите, что мы скоро будем. Он ничего не может поделать, как и мы. Только ждать, пока Орлита сочтет, что ее кладка созрела. Благодарю вас за труды.

Смотритель, откланявшись, покинул Вейр.

Однажды утром, несколько дней спустя, перед самым рассветом Орлита сообщила Лери, что ее детки вылупятся сегодня. Она нежно закатила кончиком крыла королевское яйцо на предназначенную специально для него песчаную горку. Лери, облачившись в самую теплую одежду, терпеливо ждала ее в вейре.

— Не то, чтобы от этих теплых вещей было в Промежутке много проку, — заметила она со свойственным ей ехидством, и заковыляла из вейра, даже не оглянувшись. Выйдя наружу, Лери поглядела на небо. Скоро начнется великолепный рассвет.

— Отличный денек для последнего полета, — заметила она.

«Надеюсь, этот день не будет омрачен излишней грустью, Орлита. День, когда происходит Рождение, предназначен для того, чтобы смотреть в будущее, а не сожалеть о прошлом».

* * *

В тот день Таниэль пек хлеб. Ему необходимо было чем-то себя занять. От всей этой истории он и так уже поседел, но тем не менее, когда Смотритель Станции скороходов привез ответ от Лери, он понял, что его страдания скоро завершатся. Таниэль был решительно настроен дождаться Лери, игнорируя просьбы детей отправиться с ними объезжать табуны. По предложению отца Мейнар оседлал Расти и умчался на нем со своими братьями и сестрами.

Расти уехал, и Таниэля некому было известить о том, что на озере приземлились дракон с всадником. Но когда он оторвался от своей работы, то увидел величественную золотую королеву и укутанную в меха Лери, восседавшую на ее спине. Таниэль поспешно отрезал ломоть свежего горячего хлеба, налил в кружку кла и отнес старой госпоже Вейра. Лери, поблагодарив, с удовольствием поела. Таниэлю было жалко смотреть на изуродованные скрюченные пальцы женщины и на то, с каким трудом она передвигалась.

— Если вам вдруг еще что-то понадобится, госпожа, позовите, и я тотчас же приду, — сказал Таниэль.

— Мне и так неплохо, — проворчала Лери, возвращая холдеру пустую тарелку.

Таниэль вернулся к работе. Замешивая очередную порцию теста, он постоянно поглядывал на парочку за окном. Он уже заканчивал сметать мусор с пола, когда заметил, что солнце заходит. Тогда он налил себе кружечку кла, размышляя, не принести ли еще кла старой всаднице, и лишь тут сообразил, что уже налил две кружки. Он отнес одну Лери. Та поблагодарила за заботу, но пила так медленно, что Таниэль, у которого после возни на кухне ныла искалеченная нога, вернулся в дом, чтобы немного отдохнуть в ожидании того, что еще преподнесет ему этот необычный денек.

Второй дракон появился примерно через час. Таниэль глубоко вздохнул, услышав радостные крики женщин и громкий рев драконов.

Стоя в дверях, он наблюдал за воссоединением. На глаза его навернулись слезы. Морита, спрыгнув со спины Холты,

понеслась к Орлите. Она гладила голову своей королевы, нежно касаясь золотой шеи и с обожанием заглядывая в фасеточные глаза, горящие счастливым голубым огнем. Лери выронила кружку и как могла быстро захромала к Холте. Подойдя, она судорожно обхватила шею своего дракона, словно только что прошедший Запечатление новичок. Позже Таниэль рассказывал, что у него чуть сердце не разорвалось при виде того, как радуется старая госпожа.

— Я уже и не мечтала тебя снова увидеть, любовь моя, — сквозь слезы счастливо бормотала Лери, дрожащими пальцами поглаживая чешуйчатую кожу Холты.

Всадницы тихо о чем-то переговорили между собой в первых лучах восходящей луны. Таниэль так никогда и не узнал, что еще друг другу сказали, но, увидев, как Лери с трудом устраивается на спине своего дракона, поспешил к ним.

— Благодарим тебя, холдер Таниэль, за то, что ты смог понять, что нам нужно. Все Вейры будут вечно признательны тебе и твоей семье, как и мы с Орлитой. — Голос Мориты, хоть и едва различимый, был полон тепла. Она пристально посмотрела на него, а потом повернулась к Лери. — Ну, вот теперь все правильно, — с большим удовольствием проговорила она.

В этот момент Орлита резко подняла голову, поглядела в сторону Форт Вейра и торжественно затрубила. Холта ей вторила.

— Королевское яйцо треснуло. Ее зовут Ханната, а всадницу — Оклина! Ой, как я рада! Хорошие новости всегда облегчают долгий путь.

— Младшая сестра Алессана прошла Запечатление? Говорила же я тебе, что в холде Руат течет кровь всадников! — воскликнула Лери.

— Я рада, — повторила Морита. Она расправила плечи, отбрасывая все прочие мысли. Она не могла позволить себе сейчас думать об Алессане. — Теперь мы можем лететь все вместе, — обратилась она к Лери. — Ты и я, Орлита и Холта. — Морита тронула дракона. — Ну что ж, один последний прыжок, Орлита, и все, — сказала она. — И я не шучу!

Королева кивнула, отошла от Холты, разбежалась и взлетела. Холта последовала за ней, наступив на оброненную Лери кружку и раздавив ее. Усталая старая королева сумела оторваться от земли и взлететь, поощряемая всадницей. Вскоре оба дракона оказались достаточно высоко, чтобы полностью развернуть могучие крылья и заработать ими во всю силу. Обе всадницы на золотых королевах, прекрасно видимые на фоне полной луны, победно вскинули над головой сжатые кулаки. Таниэль затаил дыхание, когда драконы внезапно исчезли в Промежутке.

Он пожелал им всего самого хорошего и сморгнул слезы. Наклонился, подобрал глиняную ручку — все, что осталось от кружки. И впервые за долгие годы ему стало спокойно. Может, когда придет его срок, он отправится куда-то в иное место. Место, покуда ему неизвестное. Туда, где он снова увидит любимую жену.

Таниэль положил отломанную ручку в карман и ласково погладил. Пусть хранится в память о Морите.

Раймонд Фейст

ИМПЕРСКИЕ ВОЙНЫ

САГА О ВОЙНЕ ВРАТ
Мастер-чародей (1982)
Ночные ястребы (1985)
Долина тьмы (1986)

ИМПЕРСКАЯ ТРИЛОГИЯ (в соавторстве с Джанни Уортс):
Дочь империи (1989)
Слуга империи (1990)
Владычица империи (1992)

ОТДЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ, СВЯЗАННЫЕ С «САГОЙ О ВОЙНЕ ВРАТ»
Принц крови (1989)
Королевский пират (1992)

САГА О ВОЙНЕ СО ЗМЕЯМИ
Королева мрака (1994)
Восход короля торговцев (1995)
Гнев короля демонов (1997)
Обломки короны (1998)

НАСЛЕДИЕ ВОЙНЫ ВРАТ
Предательство в Кронодоре (1998)
Орден убийц (1999)
Слезы богов (2000)

КОНКЛАВ ТЕНЕЙ
Рассказы о Серебряном Ястребе (2003)
Лисий король (готовится к выходу)
Сын чародея (готовится к выходу)

Многосерийные саги Р. Фейста начинаются с приключений двух мальчиков, Пуга и Томаса. Они родились в бедности и стремятся возвыситься. Пуг мечтает стать чародеем, а Томас — великим воином. Их мечты сбываются. У Пуга обнаруживаются врожденные способности, его похищают, он проходит обучение и становится магом. Умирающий дракон, на которого случайно набрел Томас, дарит мальчику волшебные доспехи, которые делают его могучим воином.

Пока Пуг и Томас осваиваются со своими новыми возможностями, повествование знакомит читателя с двумя мирами, участвующими в так называемой Войне Врат — Мидкемией и Келеваном. Мидкемия — мир молодой, кипучий и раздираемый конфликтами, Келеван — древний и связанный традициями, но тоже не свободен от противоречий. Воинственные цурани, обитатели Келевана, вторгаются в мидкемийское Королевство Островов, чтобы расширить свои владения и захватить металлы, добываемые в Мидкемии, но редкие в их родном мире. Два враждующих мира соединяют магические пространственно-временные Врата. Томас постепенно осознает, что обладает силой легендарного мистического существа, валхеру. Повелители Драконов были некогда подобны богам и даже воевали с ними. В третьей, кульминационной книге трилогии «Долина тьмы» война завершается, Томас овладевает древней магией, стремящейся взять над ним верх, а Пуг возвращается на родину.

«Имперская трилогия» рассказывает о родном мире цурани. Первые две ее книги показывают Войну Врат «с другой

© Перевод. Виленская Н.И., 2006

стороны». Леди Мара, которой в начале трилогии всего семнадцать лет, оказывается втянута в опасную политическую игру, но благодаря своим талантам и способности импровизировать успешно отражает атаки многочисленных противников. Пользуясь поддержкой преданных сторонников, в число которых входит Кевин, мидкемийский раб, завоевывающий сердце Мары, она становится во главе Цураннийской империи и побеждает Великих — магов, не повинующихся никаким законам.

«Сага о войне со змеями» — это история Эрика, незаконного сына вельможи, и его друга, уличного мальчишки Ру. Королевству Островов снова грозят захватчики, на этот раз из-за моря. Приключения двух юношей проходят на фоне лихорадочной подготовки к войне против огромной армии Изумрудной Королевы, представительницы темных сил. Космическая битва между добром и злом разыгрывается снова, и на сцене опять появляются Пуг и Томас.

«Наследие Войны Врат» знакомит нас с событиями, происходящими вскоре после войны с цурани. В ней читатель вновь встречается с Джимми Локлиром, принцем Арутой и другими персонажами «Войны Врат».

Фейст рассматривает Мидкемию как виртуальный, объективно существующий мир, хотя и вымышленный. Романы о ней он выстраивает как исторические. Новелла «Гонец» относится к тому времени, когда Война Врат приобретает затяжной, позиционный характер.

ГОНЕЦ

Ветер гнул деревья.

Их ветви протестующе раскачивались и скрипели, теряя последнюю бурую листву, а шорох сосен и елей, казалось, предвещал долгие зимние ночи и морозные дни.

Часовые у штабных палаток жались поближе к кострам. Снег, быть может, выпадет еще не скоро, но местные уроженцы предсказывали, что зима будет ранняя. Холод и теперь, как ножом, протыкал теплые стеганые куртки. Солдаты надевали вниз все имеющееся белье и по нескольку пар носков, так что в сапоги влезали с трудом, однако ноги все равно стыли, стоило хоть чуть-чуть промочить их. Местные говорили, что зима обещает быть суровой, и многие обращали глаза к небу, ожидая, что оттуда вот-вот повалит снег. Зима будет холодная, настанет скоро и затянется надолго.

Подножия гор Серые Башни в холода не сулили ничего доброго, и снаряжение королевской армии не было рассчитано на такие погодные условия. Зимой она отходила в города Вабонской провинции, размещалась по казармам и частным домам и грелась у огня, пока метель наметала сугробы за окнами. Но опытные ветераны знали, что, если погода в скором времени не смягчится, то отходить на Ламут, Илит и Вабон придется по колено в снегу — и раненые, которые при

других условиях добрались бы до дому благополучно, могут не вынести такого марша.

Весь лагерь жил ожиданием. Командующие армией герцоги, конечно же, должны принять во внимание ранние холода и остановить военные действия. Главный интендант со своими помощниками, квартирмейстер, обозные мальчики, проверяющие последние запасы оружия и обмундирования, то и дело поглядывали на небо, спрашивая себя: «А не пора ли домой?» Кузнец-оружейник, прикидывающий, как лучше починить помятый панцирь, и его подмастерье, раздувающий угли, полагали, что этот панцирь вряд ли кому-то понадобится — ведь скоро начнется отступление. Раненые в госпитальных палатках, кавалеристы — в своих, наемники, ночующие где придется, — всех их занимал один и тот же вопрос: когда же домой?

Вандрос дер Ламут у себя в палатке прочел только что прибывший приказ, кивнул и сказал своему старшему офицеру Петиру Лейману:

— Уходим домой зимовать. Приказ от герцогов Брукала и Боуррика.

— Самое время. — Плечистый капитан подышал на руки, мерзнущие даже в теплых перчатках. — Я позабочусь, чтобы в замке заготовили побольше дров, — усмехнулся он. — Зима, похоже, грядет жестокая.

Граф Ламут, сидя у жаровни, дававшей относительное тепло, посмотрел через открытый вход наружу.

— До ставки главнокомандующего в Вабоне мне придется пробираться по снегу. — Он вздохнул — почти неслышно, но все же вздохнул. — Если я вообще туда попаду. Зима, кажется, действительно намечается скверная. Мне нужен гонец для отправки на передовую, — добавил он, встав с места, и подошел к карте, расстеленной на походном столе. — Здесь у нас три позиции: Грюдер, Монкриф и Соммервиль, — показал он. — Надо, чтобы они отступали в установленном порядке. Цурани теперь, наверное, тоже отойдут на зимние квартиры.

— «Наверное» — опасное слово, граф.

— Согласен, но они никогда еще не выступали после того, как снег выпадет. Им там холодно не меньше, чем нам, и воюют они здесь достаточно долго, чтобы догадываться: снег не заставит себя ждать. Они отступят, я уверен.

— Они могли бы оказать нам услугу и остаться на своих позициях до весны.

Граф кивнул.

— Сообщите Ардженту, что мы начинаем отступление. Я отправлюсь с арьергардом через пару дней. И пусть тот, кого вы пошлете туда, будет настороже. Мне докладывали о патруле Минванаби, который, видимо, сбился с пути и оказался к востоку от Королевского тракта, севернее Ламута. Никто не знает их точного местонахождения, но занесло их туда в самое неподходящее время.

— Так точно.

— Гонца, который поедет на передовую, пришлите ко мне, — сказал граф вслед уходящему капитану.

В ожидании гонца Вандрос задумался. Он начинал военную карьеру при дворе своего отца — был капитаном легкой кавалерии, самой бесшабашной из всех вабонских частей. Суровая школа, которую они прошли в боях с цурани, вспоминалась ему как нечто очень давнее, не соответствующее его возрасту. Эта кровавая война рассеяла все его иллюзии относительно воинской славы.

Цурани, выходцы из другого мира — хотя прошло немало времени, прежде чем вельможи Королевства осознали, что это действительно так, — пришли в Королевство Островов через магические врата. Судьба распорядилась так, что при этом они оказались в высокогорной долине Серых Башен. Это имело как хорошую сторону — быстрого удара они оттуда нанести не могли, — так и плохую: армия Королевства тоже не могла выбить врага с занятых им высот.

Цурани, крепкие неуступчивые бойцы, носили яркие доспехи из какого-то неизвестного материала — кости или кожи, обработанной почти до металлической прочности. В ту первую весну, семь лет назад, они атаковали без предупреждения — хлынули с гор и захватили значительную территорию Королевства и Вольных городов.

После той первой кампании война застряла на мертвой точке. Вандрос качал головой, припоминая нескончаемые военные годы. Пять из них он был графом, а дело между тем становилось все хуже и хуже. Тремя годами ранее цурани выступили на Крайди, на запад, чтобы отрезать от Королевства весь Дальний берег, двигаясь от этой северной крепости, но не сумели взять город. С тех пор — никаких решительных действий.

Королевство удерживало свои позиции, но дорогой ценой: налоги росли с каждым годом, а новобранцев поступало все меньше. Дошло до того, что в прошлом году Вандрос, представляя свои отряды герцогу Вабонскому, вынужден был подкрепить их наемниками. Большинство из них годились только на то, чтобы отгораживаться ими от цурани.

Погода тоже брала свое. Граф прожил в этих краях всю жизнь и знал, что зима их ждет поистине свирепая. Метели здесь не были редкостью, а сегодня казалось, что снег вот-вот обрушится им на головы. Герцог, по мнению Вандроса, отдал приказ отступать как нельзя более вовремя.

— Милорд? — произнес возникший у входа гонец.

— Входи, Терренс.

Молодой человек стал навытяжку перед графом. Он носил традиционную форму ламутского Вестового Корпуса. Круглая меховая шапка с кокардой сидела на голове под точно выверенным залихватским углом. Приталенный ярко-зеленый мундир украшал на плечах и обшлагах витой золотой шнур, впереди сверкали шесть пар золотых пуговиц. Узкие серые, с кожаными вставками рейтузы заправлялись в низкие черные сапоги. Вооружение гонца состояло из кавалерийской сабли и кинжала. В пути он надевал тяжелый плащ, а помимо этого брал только порцию овса для лошади да мех с водой. Скорость — отличительная черта Вестового Корпуса.

Вид этого — именно этого — гонца вызывал у Вандроса легкое раздражение. Терренс приходился ему дальним родственником и использовал родство, чтобы пролезть в армию вопреки слишком юному возрасту и возражениям своей матери. Парень чересчур зелен — однако он здесь. Вандрос ничего не мог изменить, не нанеся бесчестия своему семей-

ству. Терренсу едва исполнилось шестнадцать — он родился незадолго до дня середины лета, когда всем новорожденным справляют их первый год. У него и усы-то еще не росли.

Впрочем, в армии служат ребята и помоложе, напомнил себе Вандрос, а Вестовой Корпус все-таки не то, что легкая кавалерия или уланы. Мальчика вполне могли бы назначить в боевую часть, ведь он хорошо рубится как на коне, так и пеший. Вестовым он стал благодаря своему мастерству наездника — только лучшие всадники Вабона попадают в Корпус.

— Выходит, теперь твоя очередь?

— Да, милорд. Капитан Лейман вызвал двоих. Вильямсон Деник едет в Ламут, а я следующий.

Очередь соблюдалась строго, и ни один командир не мог нарушить порядок, не вызвав неудовольствия вестовых. У каждого армейского подразделения свои традиции, и в этой определенно есть смысл: иначе старым гонцам доставались бы самые легкие поездки, а новеньким — самые опасные.

Вандрос помолчал. Жаль, он не знал, что близится очередь его кузена — он попросил бы Петира прислать к нему Вильямсона, а Терренс отправился бы в Ламут, что сравнительно менее опасно.

Граф отогнал от себя эти мысли и подошел к карте. Терренс знал ее не хуже, чем он, — она показывала весь район боевых действий и прилегающие местности.

Причины вторжения цурани в Мидкемию не знал никто. Враг упорно отказывался от переговоров, и об этом оставалось только гадать. Командование придерживалось версии, что цурани нуждаются в металлах. Немногие захваченные в плен цуранийские рабы — их солдаты не сдавались живыми, а раненых они добивали — показывали, что металлы в их родном мире большая редкость. Вандрос, однако, испытывал сомнения на этот счет. Слишком много вражеских бойцов гибло без всякого стратегического смысла, чтобы объяснить это такой простой вещью, как металлы. Должна быть другая причина, просто она пока остается неизвестной.

Терренс смотрел на карту, которую и без того знал наизусть. Показанный на ней участок ограничивался на западе

Серыми Башнями. За ними лежало герцогство Крайди и берега Безбрежного моря, но там командовал уже не граф Вандрос, а принц Арута с баронами Карсом и Туланом. Граф руководил войсками на местности, расположенной между герцогством Вабон, прежней границей с Вольными городами и Серыми Башнями.

Указательный палец Вандроса ткнул в три точки — одна на юго-западе, другая строго на юге, третья слегка юго-восточнее второй. Три эти позиции вместе с лагерем самого Вандроса составляли оборонительную линию Королевства на их участке. Любая наступательная попытка цурани встречала быстрый отклик в одном из четырех лагерей.

Но невозможность наладить снабжение в зимних условиях каждый год вынуждала войска отступать.

— Известить баронов Грюдера, Монкрифа и Саммервиля об отступлении. — Граф отдал распоряжения о порядке, в котором следует выступать, и о предполагаемых сроках прибытия частей в назначенные им для расквартирования города.

Терренс наметил по карте маршрут и сказал:

— Да, милорд. Я запомнил.

Вандрос не стал требовать, чтобы тот повторил, — он знал, что услышит в точности то же самое, что сказал сам. Вестовой, помимо умения мастерски ездить верхом, должен иметь отменную память. Ему иногда поручаются и бумаги, но военные приказы всегда передаются устно, чтобы сведения в случае его гибели не попали в руки врага.

— Отходить в установленном порядке и вступать только в оборонительные бои, — сказал граф. Это означало, что командиры, отступая на восток, должны всемерно избегать стычек с цурани. Предполагалось, что противник не станет в это время года захватывать новые территории — ему ведь тоже пора позаботиться о зимних квартирах.

— Отходить в установленном порядке и вступать только в оборонительные бои, — повторил гонец.

— Что-то ты гнусавишь, — заметил граф. — Ты в состоянии ехать?

— Всего лишь легкая простуда, милорд. Не о чем говорить.

— Хорошо, ступай. И вот что, Терри...

— Да, милорд? — отозвался гонец у самого выхода.

— Будь жив. Я не желаю держать ответ перед твоей матерью.

— Я постараюсь, граф, — с мальчишеской ухмылкой ответил гонец и вышел.

Тяжело посылать такого юнца туда, где опасно, — но мало ли юнцов и мальчишек Вандрос посылал в опасные места за пять лет своего командования? Он, конечно, гораздо охотнее отправил бы Терренса в Ламут, но вряд ли возможность наткнуться на вражеский разъезд так уж велика в эту пору. Цурани наверняка стараются держаться в тепле не меньше королевских солдат. Граф выбросил из головы мысли о Терренсе и стал думать о порядке отхода людей, подчиненных непосредственно ему.

Сидя за столом, он слышал снаружи их разговоры и смех.

Идя через лагерь, Терренс терпеливо сносил привычные подковырки.

— Ну, разве не красавчик? — потешался седой ветеран. — Надо взять его к себе заместо собачки.

Другие у костра засмеялись, но Терренс подавил желание ответить им в том же духе. Когда он весной вступил в корпус, старослужащие гонцы сразу предупредили его, что такие шуточки здесь в порядке вещей. Считается, что у вестовых не жизнь, а малина — они ведь зачастую просиживают у своих палаток целыми днями, ожидая приказаний. Во время боя они, конечно, разъезжают беспрерывно, без сна и почти без еды, доставляя сообщения и приказы полевым командирам — но другим солдатам в бою не до того, чтобы обращать внимание на гонцов.

Белокурый и голубоглазый Терренс, рослый для своего возраста — чуть выше шести футов, — только еще начинал раздаваться в плечах. Светлый пушок у него на щеках никак не желал превращаться в бороду, к большой его досаде — гонцам полагалось носить усы и маленькую козлиную бородку. Все попытки Терренса отрастить такую выглядели смехотворными, и месяц назад он опять начал бриться, так сказать, на-

голо. Другие гонцы непрестанно дразнили его, только некоторые говорили, что борода еще отрастет и беспокоиться не о чем. Бритье, мол, только ускорит ее рост.

Он научился помалкивать и держаться невозмутимо, что шло ему только на пользу — не хватало еще, чтобы кто-то заметил, как неуверенно он себя чувствует временами. После первого же месяца службы он понял, что переоценил свои возможности, но за те семь месяцев, что он провел в Корпусе, ему так и не довелось побывать в по-настоящему опасных переделках. Тем не менее он постоянно боялся оплошать, не сдюжить и тем опозорить свою семью, возражавшую против его преждевременного поступления в армию — всех, в том числе и графа. В свое время он не подумал о том, какую ответственность на себя взваливает, и теперь жалел о поспешном решении.

Возможно, после успешной кампании, проведя зиму в их поместье под Ламутом, он обретет недостающую уверенность. По крайней мере мать перестанет докучать ему своими письмами, требуя вернуться немедленно.

Терренс делил палатку с Чарльзом Макэвоем из Тайр-Сога. Чарльз лежал на своем спальнике и читал письмо.

— От Клариссы? — спросил, войдя, Терренс.

— Да, — ответил Чарльз, на четыре года старше его. — Ты получил задание?

— Ну да, теперь моя очередь.

— И куда же, Терри?

Терренс с веселой усмешкой нагнулся к нему:

— На передовые позиции. Сказать баронам, чтобы собирались домой. Через пару недель будешь с Клариссой — получен приказ о зимнем отступлении.

Чарльз сел.

— Как раз вовремя. Холод такой, что мужское достоинство того и гляди отмерзнет. Какой ей тогда от меня прок?

Терренс засмеялся. Чарльз женился в прошлую зиму и с самой весенней оттепели жил в разлуке с женой.

— А сейчас ей какой от тебя прок, спрашивается?

— Пошел вон! — шутливо замахнулся на него Чарльз.

— Сию минуту, только плащ возьму.

— Счастливо, Терри, — произнес традиционное напутствие Чарльз.

— И тебе счастливо, Чарли.

Терренс зашагал к загону, где стояла его лошадь, девятилетняя гнедая кобыла, надежная и послушная. Она была не самой резвой лошадкой в Корпусе, но Терренс любил ее за ровный нрав и выносливость. Кобыла могла безропотно бежать весь день, пока не упадет. Он звал ее Беллой.

Другие лошади тоже вскинули головы, когда он подошел, но Белла знала, что это идет ее хозяин и что сегодня ее очередь. Он потрепал ее по шее.

— Поехали, девочка.

Он взял свое седло из-под навеса, где хранилась сбруя, быстро оседлал лошадь, удостоверился, что мех для воды полон и в торбу насыпан овес. Поездка была рассчитана всего на два дня. День до первой позиции, где он переночует и перекусит, потом обратно через два оставшихся лагеря — сначала на юго-запад, потом на юго-восток. Он посмотрел на небо. Всего два часа, как солнце взошло — поручение обещает быть легким, если не встретится никаких препятствий. Завтра на закате он должен вернуться.

Он отвязал лошадь и поехал на запад. Когда Белла разогрелась, он пустил ее размашистой рысью и предоставил самой себе.

Ветер пронизывал плащ насквозь, лицо онемело. Из носа текло, и Терренс вскоре перестал утирать его рукавом. Дышать приходилось ртом, что начинало сказываться на легких, и он чувствовал в груди стеснение, которого раньше не было. Он знал, что мог бы сказаться больным, — но отказываться от своей очереди из-за какой-то простуды? Однако Терренса мучили сомнения. Так, пожалуй, и следовало поступить — просто сказать капитану, что он нездоров, и остаться в палатке.

Во второй половине дня он дважды останавливался, чтобы дать отдохнуть Белле, и сам, ежась, отдыхал за березами, кое-как прикрывавшими от ветра. Делать передышки слиш-

ком долгими не стоило, поскольку Белла остывала и могла охрометь.

Но она была славная, разумная лошадка, в самый раз для гонца. Она хорошо слушалась и быстро отвечала на все команды. А уж спокойная! Как-то летом они встретили на дороге змею. Многие лошади в панику бы ударились, а Белла как ни в чем не бывало раздавила змею копытом, и все тут.

Глядя на небо, он понимал, что немного отстает, и боролся с искушением пустить кобылу галопом. До первого лагеря он доберется на несколько часов позже, чем намечал, но это ничего — приказ он доставит вовремя, успеет поесть горячего и устроится на ночь в тепле. К завтрашнему дню ветер уж точно не уляжется, и ему придется еще труднее — другие два лагеря расположены чуть выше в предгорьях и ближе к вражеским позициям.

В его задачу входило избежать тех немногих цуранийских патрулей, что еще курсируют вдоль линии фронта в зимнее время, и сберечь свою лошадь. Пешим он ночью замерзнет до смерти, потому что раньше следующего полудня ему до первого лагеря не дойти.

После двух часов ровной скачки он снова дал Белле отдых, хотя она недовольно фыркала — ей не нравилось шагать в поводу, ведь она хорошо знала, что в конце пути ее ждут овес, сено и теплая ночевка в компании других лошадей.

Выдержав получасовое отшагивание, Терренс опять сел в седло. Белла шла рысью, а он смотрел по сторонам. Ровная езда убаюкивала, и взгляд норовил вериться в одну точку. Гонец — самая легкая добыча во всей армии, исключая разве что обозных мальчишек. Довольно засады из двух-трех человек, чтобы бароны так и не получили графского приказа.

За три часа до заката он заметил, что на севере что-то движется. Цветное пятно между деревьями, ничего больше, но Терренсу и этого хватило. Патруль цурани, это ясно. Ярко-оранжевая оторочка на черных доспехах захватчиков, именующих себя Минванаби, не имела естественных аналогов в здешнем лесу, так же, как желтые и алые цвета тех, которые звались Анасари. Он пустил Беллу быстрее и долго всматривался в лес, но никаких следов врага больше не обнаружил.

Весь остаток дня он держался настороже и позволил себе расслабиться лишь в нескольких минутах от цели.

Ветер, дувший прямо в лицо, донес до него дым лагерных костров. Терренс порадовался этому едкому запаху, сулившему скорый отдых.

— Всадник! — прокричал часовой.

Будь Терренс пешим, его окликнули бы уже раз пять с тех пор, как он выбрался из ничейного леса и ступил на территорию Королевства, но у цурани лошадей не было, и конных никогда не окликали. Почему цурани за столько лет не попытались использовать трофейных коней? Ни с одним из них побеседовать пока никому не довелось, так что это оставалось загадкой.

Терренс, зная, где находится командная палатка, поехал прямо к ней. Здесь, на пограничье, стояли вабонские солдаты, подкрепленные рекрутами, набранными далеко на юге. Командовал ими барон Грюдер, один из людей герцога Сазерленда, отданных под начало графа. Терренс бывал у него уже три раза и знал, что барон человек прямой и светских условностей не признает.

Один часовой пропустил гонца в палатку, другой отвел Беллу в лошадиный загон. В лагере размещались ламутские уланы, рота легкой кавалерии из Занна и тяжелая пехота из Илита и Тайр-Сога. Весь этот долгий и трудный год они сдерживали цурани с их союзниками чо-йа, которых королевские солдаты прозвали букашками.

Терренс вытянулся перед бароном.

— Приказ от графа, милорд.

— Отступать, что ли? — спросил крепко сложенный Грюдер, явно ожидавший такого приказа.

— Да, милорд. Вам следует отходить в установленном порядке на зимние квартиры, назначенные вам герцогом.

Мелкие западные дворяне ревниво относились к своим прерогативам, и Грюдер постоянно сетовал на необходимость подчиняться «чужому» графу, поэтому гонцы по возможности старались ссылаться на герцогов Брукала и Боуррика. Терренс промерз до костей, умирал с голоду и совсем не желал

выслушивать очередную обличительную речь о Вандросе, который будто бы не дает Грюдеру солдат, провизии, оружия, золота и всего остального, без чего воевать немыслимо.

— Боев, помимо оборонительных, следует избегать.

— Еще что-нибудь?

— Часа три назад я видел движение в лесу, севернее восточной дороги. Цвета цурани.

— Которые из них, распознал?

— Минванаби и Анасати, милорд.

Грюдер поразмыслил немного.

— По донесениям нашей разведки, эти два дома не очень-то друг друга жалуют. Раз они объединились, то что-то задумали скорее всего. Надо держать ухо востро.

— Так точно, — как можно безразличнее произнес Терренс. Ему было интересно, откуда разведка хоть что-то знает о цурани, предпочитающих смерть плену, но он сдерживал свое любопытство. Дело гонца — передавать сообщения, а не пытаться вникнуть в их смысл.

Барон, казалось, позабыл, что гонец все еще здесь.

— Хорошо. Поешь, отдохни и отправляйся дальше. На рассвете мы снимаемся с лагеря.

Выходя, Терренс услышал, как барон зовет ординарца — наверняка для того, чтобы передать приказ офицерам по всей линии. Дневной свет быстро угасал. С запада шли тучи, и вокруг смеркалось, хотя солнце еще не зашло.

Судя по тяжести этих туч и по холоду, ночью обещал пойти не дождь, а снег. Терренсу хотелось есть и спать, но сначала надо было навестить Беллу, а потом уж позаботиться о себе.

Что-то влажное коснулось его щеки, и он снова посмотрел вверх. В воздухе кружились снежинки. Мимо него пробегали солдаты — весть о подготовке к отступлению уже разошлась по лагерю.

Люди барона приободрились, предчувствуя скорое возвращение домой, Терренса же снедало беспокойство. Если ночью снега выпадет много, ему предстоит нелегкий день. Придется, возможно, заночевать в третьем лагере перед тем, как вернуться к графу. Хоть бы Килиан, богиня природы,

задержала снег еще на денек. А еще лучше — на недельку, поправился он, глядя на обрадованные лица солдат.

Потом он выбросил посторонние мысли из головы и пошел взглянуть на лошадь.

Конюх хорошо позаботился о Белле — она приветливо фыркнула, подняв морду от кучи сена. Терренс тем не менее осмотрел ей копыта, убедился, что ее вытерли как следует, и порадовался, что кобылу поставили в сравнительно теплое место, а не у коновязи, без всякого укрытия.

Потом он заметил, что лошадей в загоне меньше, чем полагалось бы, и спросил конюха:

— На вылазку ушли, да?

— Нет, — ответил старый солдат, — просто мы в этом году много ребят потеряли. — Он мотнул подбородком в дальний конец загородки. — И лошадей тоже.

Терренс, поглаживая Беллу, кивнул.

— Спасибо, что поухаживал за ней.

— Это моя работа, — сказал конюх и отошел.

Терренс, улыбнувшись, поспешил в походную столовую и стал в очередь за молодым кавалерийским офицером. Кухонный мальчик, видя по мундиру Терренса, кто он такой, дал гонцу деревянную тарелку и жестяную миску — у большинства местных посуда своя.

Еда была незатейливая, зато горячая и сытная, чай несладкий, но тоже горячий. Терренс ел один, сидя на земле с подветренной стороны палатки. Солдаты, к чему он привык, не обращали на него внимания. Доев, он вернул посуду и пошел искать место для ночлега.

В этом деле гонец полагался на себя самого и часто спал прямо на земле с седлом вместо подушки и собственным плащом вместо одеяла. Но в такую холодную ночь это не представлялось возможным.

Дойдя до ряда кавалерийских палаток, Терренс закашлялся и остановиться уже не смог. Ухватившись за ствол дерева, он согнулся пополам, заставляя себя глубоко дышать, и выплюнул сгусток зеленой мокроты. Она оставила после себя серный вкус и сильную боль в горле.

— Проклятие, — тихо промолвил Терренс. Он расхворался сильнее, чем думал, а впереди еще день езды — может, и больше, если погода ухудшится. Не скоро еще он доберется до своего лагеря и до лазарета, но ничего не поделаешь, придется терпеть.

— У вас места не найдется? — стал спрашивать он, обходя палатки. В первых шести отвечали «нет», но в седьмой одинокий кавалерист посмотрел на него и кивнул.

Терренс вошел и увидел пустую постель по другую сторону от опорного шеста.

— Располагайся, — сказал кавалерист, пожав плечами. — Ему больше не понадобится.

Терренс не спросил, кто такой «он» — речь явно шла о погибшем товарище. Он сел. Кавалерист был старше его лет на десять, а казалось, что на все двадцать. Запавшие глаза покраснели, словно он не спал уже много ночей, и темные круги под ними говорили о смертельной усталости.

— Только что вернулись? — спросил Терренс.

— Вчера. Застукали целый отряд цурани на открытом месте... — Он повалился на собственный спальник. — Капитану невдомек было, что это только авангард — сцепились мы с ними, а тут из леса высыпали остальные. Еле ноги унесли.

— Сводный отряд? От пары домов?

— Угу. Нас было тридцать, а их больше сотни. Скверное дело. Ты не обессудь, уж очень спать хочется. Завтра мы опять выступаем.

Терренс подавил желание сказать солдату, что утром он получит новый приказ. Не его это дело.

— Спокойной ночи, — сказал он только, но кавалерист уже и без того дышал ровно и глубоко.

Терренс, отвязав шнурок, опустил входное полотнище, завернулся в толстое одеяло и лег на тощий матрац. Одеяло пропахло другим человеком, земля внизу была холодная и неровная, но Терренсу приходилось ночевать и в худших условиях, притом он был молод и очень устал. Два раза его одолевал кашель, но сосед по палатке не просыпался — он, как всякий солдат, умел спать, невзирая на шум.

Терренс закрыл глаза и тоже попытался уснуть. Пот струился у него по шее и по спине, несмотря на холод. Он поплотнее закутался в одеяло. В уме замелькали образы прошлого — домашние картины, лица родных, а потом пришел сон.

Утром Терренс вышел из палатки в круговерть снежных хлопьев. В лагере царила суета. Солдаты, ожидавшие назавтра нового боя, от облегчения с трудом сдерживали улыбки, а то и слезы — теперь-то они наверняка доживут до будущей весны.

Терренс чувствовал ломоту во всем теле, будто и не спал вовсе. Но ему предстояло ехать дальше, и он основательно позавтракал горячим, только из печи, хлебом с маслом и медом, сухими фруктами и сваренной накануне говядиной. Повар не скупился: чем больше солдаты съедят этим утром, тем меньше провизии ему придется укладывать и везти обратно в Ламут.

После завтрака к Терренсу подошел покрытый шрамами сержант с нашлепкой на левом глазу, и сказал отрывисто:

— Барон тебя вызывает.

Терренс зашагал за ним, и его пропустили в палатку барона. Грюдер протянул ему пакет.

— Это для графа. Бароны Монкриф и Саммервиль тоже наверняка вручат тебе свои донесения.

— Так точно.

— Оборонительные бои — надо же! — проворчал себе под нос Грюдер. — О чем только Вандрос думает? — И он, явно желая высказаться, добавил уже погромче: — Я получил сообщение, что другой наш аванпост тоже атаковали — и не далее четырех дней назад! Противник посылает не просто патрули, а крупные отряды. Налицо какой-то план. Если мы собираемся выиграть эту войну, мы должны наносить удары первыми. — Барон уставился на карту, словно желал прочитать по ней будущее. — Позавчера наши ребята напоролись на цурани, — сказал он, подняв глаза, — и это не тот отряд, который ты видел, так что будь начеку. Мне сдается, наши соседи с той стороны хотят продвинуться вслед за нами, ког-

да мы начнем отступать. Потом они окопаются, поставят укрепления, и по весне окажется, что захваченная ими территория увеличилась. Передай это, будь любезен, другим баронам, и скажи, что я буду отступать постепенно, готовый повернуться и дать бой в случае необходимости. Обороняться — как бы не так! Позаботься, чтобы граф Вандрос получил мой рапорт, парень.

Терренс в точности запомнил все сказанное бароном и подождал, не будет ли продолжения, но Грюдер махнул рукой, отпуская его.

Терренс отдал честь, вышел и направился прямо к конюшне. Не прошло и четверти часа, как он уже ехал на Белле через толкотню сворачивающих лагерь солдат. Он продвигался целенаправленно, но медленно, давая застывшей лошади время разогреться.

Земля не успела промерзнуть, и ночной снег под ногами быстро превращался в слякоть. Придется время от времени останавливаться и осматривать Белле копыта, но это еще не та глубокая грязь, что весной стаскивает с лошадей подковы, а с всадников сапоги.

Радуясь, что хоть в чем-то ему повезло, Терренс повернул на юго-запад и пустил кобылу легкой рысью. Лошадь вздрогнула, когда он закашлялся, но Терренс, справившись с приступом, погладил ее, и она успокоилась. Они перешли на походную рысь и начали отмахивать милю за милей.

Терренс натянул поводья. Было тихо, словно погода затаила дыхание перед новым потрясением. Снег перестал через час после его отъезда, но Терренс знал, что скоро он повалит опять. Солнце едва проступало на небе, дразня неверным теплом. Подмораживало, под копытами Беллы все чаще хрустел ледок. Терренс ежился в своем плаще, лошадь выдыхала облака пара, а с запада опять надвигались тучи.

После выезда из лагеря Терренс не заметил ничего необычного, но все время держался настороже. Пробиравшая его лихорадка мешала сосредоточиться, но пока еще он справлялся с болезнью, от которой теперь ломило все кости.

Он дал Белле немного передохнуть, пока оглядывал местность. Тропа пролегала вдоль края леса, тянувшегося на юг. Севернее, где земля шла под уклон, расстилался широкий луг. Терренс искал глазами приметы — карт он с собой не брал из опасения попасть в плен. Как все гонцы, он запоминал карты наизусть и в пути полагался на природные ориентиры.

На дальней стороне луга появилась какая-то группа, медленно движущаяся к нему. Сначала Терренс принял идущих за цурани, но быстро отказался от этой мысли. Эти люди, около двух десятков, шли без строя и какой-либо определенной цели — видно было только, что они стремятся уйти как можно дальше на юг, — и яркие цвета в их одежде отсутствовали.

Терренс ждал их, стоя на месте. Ничего, если он потеряет немного времени — может быть, путники смогут дать ему какие-то сведения о передвижениях цурани на севере или западе. Он уже видел по их платью, что это крестьяне или дровосеки — мужчины, женщины и несколько детей, все нагруженные узлами.

Один из мужчин заметил Терренса, и все идущие принялись махать руками и что-то кричать. Терренс двинулся им навстречу. На середине луга они сошлись. У людей был усталый вид, дети цеплялись за взрослых.

— Здорово! Ты солдат? — Мужчина говорил на диалекте Вольных городов, который Терренс, как уроженец Вабона, понимал неплохо, хотя в их краях пользовались в основном королевским наречием.

— Да — а вы кто будете?

— Мы из деревни Ралинда, в семи милях к югу.

Терренс кивнул — он знал, где это.

— Я думал, ее цурани заняли.

— Заняли, да вчера ушли, все до единого, — сказала одна из женщин. — В прошлом-то году они оставили солдат, чтобы надзирали, как мы работаем, а в этом нет — мы и сбежали.

Терренс указал наверх:

— Как подниметесь, идите на северо-восток, вдоль холмов, а потом по тропе через лес. Она приведет вас в лагерь барона Грюдера. Они как раз возвращаются в Ламут — сту-

пайте с ними, и найдете себе убежище на зиму. Куда они ушли, цурани? — спросил он мужчину.

— На юго-запад.

Терренс произвел в уме быстрый расчет.

— Спасибо. Удачи вам. — Сказав это, он погнал Беллу вверх по склону — дело, он чувствовал, было спешное. Если стоявший в деревне гарнизон ушел не к месту расположения основных войск, на северо-запад от Серых Башен, то он движется на соединение с другими отрядами, а цель в том направлении может быть только одна — лагерь барона Монкрифа. Терренс подумал, не вернуться ли сказать крестьянам, чтобы передали это барону Грюдеру — но даже если они дойдут до Грюдера засветло, какой бы то ни было бой у лагеря Монкрифа к тому времени уже завершится.

Кроме того, это всего лишь его догадки — он ведь может и ошибаться.

Нутром, однако, он чуял, что ошибки нет.

Он скакал крупной рысью, надеясь поспеть к Монкрифу раньше цурани.

Белла перешла на галоп, и Терренс сохранял аллюр, стараясь при этом не загнать лошадь. Долгие периоды галопа он чередовал с рысью, но с тех пор, как услышал, что цурани ушли из Ралинды, ни разу не дал Белле передышки. Как ни дорожил он своей лошадью, долг обязывал пожертвовать ею, чтобы вовремя предупредить Монкрифа.

Ее тяжелое, хриплое дыхание говорило ему, что она вот-вот рухнет. При этом он знал, что стойкая Белла будет скакать до последнего. Какой страшный выбор! Если Белла падет хотя бы за две мили до лагеря, ему все равно не поспеть к барону вовремя.

Он придержал кобылку, дав перейти на шаг, и через пять минут ее дыхание выровнялась. Терренс вытер лоб рукой в перчатке, чувствуя, как холодные струйки стекают по шее. Со странным безразличием он отметил, что весь взмок под мундиром, несмотря на мороз. В горле пересохло, хотя он то и дело пил воду, легкие сжались, мешая дышать глубоко. Ка-

шель уже три раза заставлял его замедлять бег лошади, перегибаться с седла и сплевывать. Ребра болели.

Перебарывая недомогание, он сверился с приметами и определил, что въезжает в постепенно сужающуюся долину длиной в три-четыре мили — на юго-западе она клином врезается в перевал, за которым должен быть лагерь Монкрифа.

Заметив движение в лесу на северной стороне, Терренс опять придержал Беллу и привстал на стременах. Сразу же за опушкой мелькало что-то голубое, зеленое и красное.

Цурани! Сводный отряд, судя по разнообразию красок. Грюдер был прав. Цурани намерены захватить как можно больше земли, тесня отступающие силы Королевства.

После первого года войны они отказались от таких поползновений и вот уже шесть лет держали устойчивый фронт. Единственным исключением были попытки захватить Крайди, Порт-Наталь и Горькое море.

Но это еще не значило, что они не станут пытаться сейчас.

Терренс послал вперед усталую лошадь.

Он знал не хуже других, что Мидкемия еще не видывала таких пехотинцев, как цурани. Они способны пройти пятьдесят миль за одни сутки и в конце пути сразу же вступить в бой. Двадцать миль для них — легкая прогулка.

Прикидывая расстояние от леса до перевала, он понимал, что должен поторопиться, если хочет обогнать их авангард. Он ударил каблуками по бокам Беллы, и послушное животное опять помчалось галопом.

Лошадь скакала, как после полноценного отдыха, но Терренс чувствовал, что силы ее убывают с каждой минутой. На середине пути к перевалу она уже едва тащилась рысью, а вскоре перешла на спотыкающийся шаг.

Терренс соскочил и скинул плащ, чтобы тот не мешал ему бежать. Холод сразу проник под легкий мундир, а внизу кожу леденил пот. Поправив на плече сумку с пакетом барона Грюдера, Терренс без слов простился с Беллой. Потом повернул ее мордой назад, мысленно помолился Рутии, богине удачи, и хлопнул лошадь по крупу. Она отошла немного, остановилась, тяжело водя боками, и оглянулась на него.

— Домой, Белла! Домой! — крикнул он.

Она, как показалось ему, кивнула и поплелась по дороге в обратную сторону.

Терренс, не сводя глаз с ущелья милях в двух перед собой, трусцой побежал к нему. Земля уже порядком обледенела, и быстрый бег мог привести к катастрофе. Повредив ногу, он уже не доберется до назначенной цели. Стоит упасть — и цурани возьмут его в плен или убьют.

Пару раз он поскальзывался, но в общем приближался к перевалу довольно быстро. Добежав до перелеска, он услышал позади крики, понял, что цурани его увидели, и, не глядя на гололед, припустил во всю прыть.

Полдюжины цурани, одетые в черные и оранжевые цвета дома Минванаби, пытались обойти его справа. Терренс прикинул угол погони и решил, что успеет нырнуть в лес, не дав им догнать себя. Он надеялся, что преследователи знают округу не так хорошо, как он, — там была пара мест, где он мог бы выиграть время.

Если же местность им знакома, то его скорее всего убьют.

Пригнув голову, он мчался изо всех сил.

Ярдах в ста от первых деревьев стало слышно, как хрустит лед под сандалиями бегущих наперехват цурани, в пятидесяти — их хриплое дыхание. В двадцати пяти мимо его головы просвистела стрела. Другая вонзилась в ствол дерева совсем рядом, когда он уже вбежал в лес.

Терренс свернул влево, на узкую тропку. Легкие горели, ноги плохо слушались, но голова исправно работала над тем, как уйти от цурани. Он чувствовал такой страх, что слезы наворачивались на глаза. Звериная тропа вела к маленькому пруду, до которого было ярдов двести. Через пятьдесят ярдов Терренс снова вильнул вправо, немного в гору. Если цурани потеряют его, то скорее всего побегут дальше до пруда, и он выиграет бесценные минуты.

Но если он даже собьет со следа полдюжины преследователей, основной отряд цурани движется в том же направлении, что и он. Надо опередить их хотя бы на пять минут, иначе кто-то из их лучников может легко снять его: перевал от леса отделяет поляна, не дающая никакого укрытия.

Впервые после своего поступления на службу Терренс проклял высокие каблуки кавалерийских сапог. Лодыжки вихляли и все время норовили подвернуться. Вот бы срезать передки на щиколотках, пробить дырки и зашнуровать сапоги туго-натуго. Хотя гораздо разумнее просто не бегать в такой обуви.

Он вылетел на поляну, решив бежать как можно быстрее, не виляя из стороны в сторону, — авось он скроется в скалах, прежде чем вражеский лучник успеет прицелиться и пустить стрелу.

Но что-то — звук отпускаемой тетивы или топот ног позади — все-таки заставило его в последний миг вильнуть влево. Черная стрела пролетела мимо в каких-нибудь шести дюймах. Терренс метнулся вправо и юркнул в проход между камнями.

Здесь могли бы проехать разом только два всадника, и Терренс понимал, что это место служит естественным оборонительным пунктом для защитников перевала. На той стороне непременно должен стоять хотя бы взвод королевских солдат — осталось преодолеть по камням около мили, и он в безопасности.

Он молился, чтобы цурани, войдя в ущелье, замедлили ход — ведь должны же они опасаться засады? Но тут до него донеслось эхо бегущих ног. Ничего они не боятся, эти цурани — ведь перед ними один-единственный беглец, у которого из оружия только сабля.

Ноги отнимались, легкие отказывались качать воздух. Терренс принуждал себя дышать как можно глубже, делая резкий выдох. Благодаря этому ему удалось даже остановить приступ кашля. Но он совсем обессилел и очень боялся, что упадет, так и не добежав до своих. Он боролся с паникой, понимая, что паника способна погубить его еще вернее, чем враг. Измученный и больной, он не терял головы и выжимал из себя все, что мог, чувствуя смерть в пятидесяти ярдах за спиной.

Ущелье сделало поворот — и это помешало цурани обстрелять его снова. Терренс знал, что за полтораста ярдов от юго-западного конца перевал выпрямится и станет шире.

Если бы только королевские лучники вовремя разглядели его мундир и поняли, что его преследуют!

В следующий миг он уже выскочил на эту последнюю прямую и помчался к тому, что могло быть только редутом королевской армии. Когда он в последний раз проезжал здесь, этого заграждения высотой по грудь еще не было. Крики с той стороны сказали Терренсу, что его заметили, и он замахал в ответ правой рукой.

Он, конечно, не похож на цурани, но хорошо бы королевские лучники придерживались того же мнения. Подбегая к редуту, он увидел, как они наставили луки и выстрелили.

Стрелы прошли над головой Терренса. Он услышал, как позади вскрикнули от боли — значит, цурани тоже показались в поле зрения. Оглянуться он не рискнул, боясь, что враги, вопреки заградительному огню, продолжают гнаться за ним.

Он подпрыгнул и повалился на четырехфутовый вал, а солдаты ухватили его за ворот и перетащили к себе.

Седой сержант рывком поставил Терренса на ноги. Жуткий, кое-как зашитый шрам у него на лице был, очевидно, получен не позднее чем на прошлой неделе.

— Что, парень, еле ноги унес?

— Выбора... не было, — кашляя и задыхаясь, выговорил Терренс. — Лошадь выдохлась... а мне надо доставить приказ... барону Монкрифу.

— Это ты их, что ли, привел? — спросил другой солдат, пригнувшись под бруствером. Цурани обменивались выстрелами с защитниками редута.

— Нет, не я. — Кашель вырвался наружу, сотрясая ребра. После мучительных судорог Терренс сплюнул.

— Жив? — спросил сержант.

— Жив. Просто грудь застудил — не о чем говорить. — Он передохнул, упершись руками в колени, и выпрямился. — Сержант, мне лошадь нужна.

— Возьми у коновязи. Мы за последнюю неделю потеряли нескольких ребят. Много их там, твоих цурани?

— Думаю, порядочно. Я скажу барону. Похоже, это их последний натиск перед началом зимы.

— Просто замечательно. Готовься! — крикнул сержант, вынимая меч, а Терренс зашагал прочь от редута.

Там стояло с дюжину палаток, и солдаты, отдыхавшие в них, теперь спешили к валу — сержант, видимо, послал за ними, увидев, как Терренс бежит по ущелью. Терренс прикинул на глаз их количество. Перевал защищало около ста человек. Вместе с лучниками они смогут сдерживать цурани час, а то и два. Надо успеть сказать барону, чтобы прислал подкрепление.

Быстро оглядев лошадей, Терренс выбрал серого мерина, крепконогого и широкого в груди. Конь выглядел сильным и выносливым, а эти качества устраивали Терренса больше, чем резвость.

Для пущей уверенности Терренс наскоро осмотрел копыта серого и убедился, что за конем хорошо ухаживали и никаких изъянов у него нет. Из седел он выбрал самое легкое, почти такое же, каким пользовался сам. Дважды он останавливался из-за кашля, но после отхаркивания мокроты дышать становилось немного легче. Может, простуда пройдет сама собой — клин клином вышибают. Седло, вероятно, принадлежало разведчику — остальные были куда тяжелее и предназначались для конных сражений. Здесь стояли конные пехотинцы, которые порой использовались также как вспомогательная кавалерия.

Терренс взнуздал и оседлал мерина, стараясь не вспоминать о недавнем страхе. Полное осознание всего пережитого угрожало сломать его. Если не выбросить страх из головы, это помешает ему выполнить задание, и его ждет позор.

Быстрой рысью он двинулся по тропе, прочь от боя, и вскоре пустил коня галопом.

До лагеря не было и четырех миль — Терренс покрыл их за несколько минут, бросил поводья часовому у палатки барона и сказал:

— Приказ от графа!

Второй часовой сунул голову в палатку и после краткого доклада придержал полог для Терренса.

— Сообщения от графа и барона Грюдера, милорд, — войдя, отрапортовал гонец.

Монкрифа, которому шел седьмой десяток, война состарила еще больше. Седые волосы падали ему на плечи, обведенные темными кругами глаза глубоко запали.

— Продолжай, — тихо сказал он.

— Граф приказывает отступать на зимние квартиры. В установленном порядке, вступая только в оборонительные бои. Барон Грюдер ожидает наступательных действий цурани с целью захвата новых территорий до прихода зимы. Докладываю также, что застава на северном перевале подверглась нападению врага числом около роты. Враг представлен силами по меньшей мере двух домов, Анасати и Минванаби.

— Что такое? — заморгал барон.

— Ваша северная застава в настоящее время ведет бой, и сержант просит о подкреплении.

— Что ж ты сразу-то не сказал? — вскричал барон и тут же принялся отдавать приказы о выступлении к перевалу.

Терренс ждал, поскольку Монкриф не отпускал его.

— Еще что-нибудь? — спросил, закончив распоряжаться, барон.

— По дороге к вам я потерял лошадь, милорд, и взял коня у редута. Могу я оставить его себе, чтобы выполнить задание до конца?

— Да, — коротко ответил барон.

— Не будет ли у вас каких-либо посланий, милорд?

— В более спокойных обстоятельствах я написал бы графу рапорт, но сейчас я занят. — Ординарец и еще двое солдат вошли в палатку, неся доспехи барона. Старик, по-видимому, сам намеревался возглавить идущий к редуту отряд. — Я обо всем доложу графу лично, когда вернусь в Ламут. Скажи только барону Саммервилю, что у нас здесь творится — пусть последит за своими флангами во время отступления.

— Есть, — ответил Терренс, а барон бросил:

— Свободен.

Терренс взял у часового коня. Его шатало, и страшно хотелось есть, а пить — еще больше. Солдаты строились в ряды, готовясь идти на север — даже резерв, которому полагалось всегда оставаться в лагере. В обозе тоже суетились, готовя еду

для тех, кто отправлялся на фронт. Терренс поймал за рукав мальчишку, тащившего корзину с горячим хлебом.

— Дай мне мех для воды.

Тот вывернулся.

— Нету. Спроси у каптенармуса.

Терренс прихватил из корзины хлебец, пропустив мимо ушей протесты мальчика, а у двух других взял из бочонка яблоко. Оно уже немного побурело, но Терренс, не глядя на это, вонзил в него зубы.

Каптенармус наблюдал за погрузкой провизии.

— Я гонец от графа, — сказал ему Терренс. — Мне нужен мех с водой и плащ, если найдется.

Каптенармус окинул его взглядом.

— Свой-то потерял, что ли?

— Вместе с лошадью.

— Что ж ты так разбрасываешься?

— Так есть у вас плащ или нет? — оборвал его Терренс.

Каптенармус кивнул на кучу одежды неподалеку.

— Поищи вон там, если не имеешь ничего против крови, — сказал он и извлек мех из-под груды холщовых мешков. — А вон бочки с водой. — Уходящие к перевалу солдаты тоже наполняли там свои бурдюки. — На твоем месте я бы поторопился.

Терренс и сам видел, что обоз вот-вот отправится вслед за бойцами — мальчишки уже запрягали лошадей.

Поскорей прожевав то, что было во рту, он подвел коня к одежде, снятой с убитых — интендантская команда не успела еще рассортировать ее, чтобы выстирать пригодную, а безнадежно испорченную сжечь.

Теперь двое мальчишек лихорадочно запихивали все подряд в повозку.

— Постойте! — крикнул им Терренс.

Они остановились.

— Чего тебе?

— Плащ. Мой забрали цурани.

— Скорей только, — сказал низенький, но плечистый подросток — на будущий год ему, пожалуй, пора было в строй. — Нам велено везти все это в Ламут, а уж там разобрать.

Терренс, не обращая внимания на вонь от засохшей крови, пота, мочи и нечистот, перерыл с дюжину плащей и наткнулся на сукно знакомого серого цвета.

Плащ вестового, не считая дырки от стрелы, вошедшей всаднику между лопатками, остался цел, и Терренс перекинул его через руку.

— Я возьму этот.

Подростки молча вернулись к своему занятию.

Терренс, оставив позади жалкие лохмотья павших в бою, набрал в мех воды из бочки, которую сразу вслед за этим перевернули. В здешних краях много ручьев, и нет нужды везти в Ламут полную бочку.

Ступив еще два шага, Терренс скрючился в припадке кашля. Это продолжалось долго, и на миг ему стало дурно.

Потом его отпустило, и он стал потихоньку дышать, уже не чувствуя потребности кашлять. Он доел хлеб с яблоком и надел плащ. Терренс знал, что скоро перестанет замечать скверный запах, но невольно думал о том, чей же это плащ. За полгода у них погибли трое гонцов. Может быть, плащ сняли с Джека Маклина — его убили где-то в этих краях.

Вероятно, это так и останется неизвестным. Терренс сел на коня и поехал к барону Саммервилю. Он потерял целых полдня. Придется еще одну ночь проспать на земле до возвращения в графский лагерь.

Он привычным движением потрогал сумку с пакетом барона Грюдера у себя на бедре и пустил коня вскачь, не желая, чтобы ночь застала его в дороге.

Серый, не обладая всеми достоинствами Беллы, был, однако, послушным и опытным. Терренс, легко управляя им, стал надеяться, что этот нескончаемый день когда-нибудь все же кончится. Прошло всего восемь часов, как он покинул лагерь Грюдера, а казалось, будто несколько дней. Он так и не оправился толком после своего бегства от цурани.

День тянулся медленно, и порой Терренса бросало в жар, от которого пот выступал на лбу, застывая на холодном ветру. Он заставлял себе думать о задании, а не о болезни. На закате вдали показался лагерь Саммервиля. Солдаты на по-

сту пропустили его, не окликая, и он уже затемно подъехал к палатке барона.

Часовой доложил о гонце и взял у него коня.

Саммервиля, единственного из трех баронов, Терренс знал хорошо. Тот тоже приходился ему родней и занимал пост придворного в Кондоре.

— Терри? — обрадовался барон при виде своего родича. — Что нового слышно?

— Герцог приказывает нам отправляться домой на зиму.

— Превосходно. — Барон жестом предложил Терренсу сесть, разглядел его как следует и воскликнул: — Что за вид у тебя, парень. Ты болен?

— Грудь застудил, милорд. Не о чем говорить.

— Вина?

— Немного, милорд. — Терренс надеялся, что вино смягчит боль в горле.

По знаку барона его личный слуга налил вино в кружки. Терренс с удовольствием выпил и сказал:

— Граф предписывает отступать в установленном порядке, вступая только в оборонительные бои. Барон Грюдер полагает, что цурани, следуя за нами, попытаются захватить и удержать до весны новые территории. Барон Монкриф извещает, что цурани атаковали его позиции с севера.

Саммервиль подошел к карте и через некоторое время сказал:

— Думаю, Грюдер прав. Эти ублюдки хотят оттеснить Монкрифа на юго-восток. Таким образом они отрежут его от нас, и у него останется только один выбор — спешно отходить на Ламут. — Он потеребил белокурую бородку, за которой тщательно ухаживал даже в полевых условиях. — Нас здесь никто не беспокоит, и наши разведчики цурани в глаза не видели. Мне думается, я мог бы оказать поддержку Монкрифу, не нарушая при этом указаний графа. Отступая совместно — в установленном порядке, разумеется, — мы сумеем отбросить цурани за их исходные позиции, а затем повернем на восток, к Грюдеру, и уйдем вместе с ним. Да, именно так. Им понадобится несколько недель на перегруппировку — они

ведь не знают, оставим мы здесь гарнизоны или нет, — а тогда станет так холодно, что они не решатся предпринять новое наступление. Так я и сделаю. Боюсь, мне придется попросить тебя сделать крюк на обратном пути, Терри.

— Милорд?

— Я хочу, чтобы на рассвете ты выехал к Монкрифу и сказал ему, что я буду «отступать» в его направлении. Завтра к полудню я подойду туда с основной частью моих людей. Остальные сформируют арьергард на случай, если цурани вздумают нас окружить.

— Слушаюсь.

— Как там твои поживают, Терри? — с улыбкой спросил барон.

— Неплохо, милорд. Месяц назад я получил письмо от матушки. Дома, хвала богам, все спокойно. Отец по-прежнему находится в армии герцога Брукала, в северном Вабоне, но пишет ей, что у него все благополучно. Мой брат Джеральд все так же командует эскадроном кавалерии из Тайр-Сога под командованием отца.

— Всегда надо надеяться на лучшее, пока не получишь дурных вестей. Иначе тебе кусок в горло не пойдет — понимаешь, о чем я?

— Так точно, милорд.

— Кстати, я пригласил бы тебя пообедать, родич, но поскольку рано утром мы выступаем, дел у меня будет по горло. Найди каптенармуса, и пусть он о тебе позаботится. Ко мне перед отъездом можешь больше не заходить. Как только рассветет, отправляйся в путь, хорошо?

— Да, милорд. — Терренс поклонился и пошел к выходу.

— И вот что, Терри, — окликнул его барон, — будь умницей и не дай себя убить.

Терренс с улыбкой поклонился еще раз и вышел.

Ведя за собой коня, он направился к палатке каптенармуса. Вокруг него снова начиналась знакомая суета — по лагерю расходилась весть, что завтра спозаранку они выступают на помощь Монкрифу, а потом домой!

Найдя походную кухню, он взял себе еды и сел у стенки как можно ближе к костру, на котором стряпали. Тепло про-

никало через холст палатки и грело Терренсу спину, пока он уминал свою порцию. Повар дал ему даже вина, которое осталось в бутылке после вчерашнего баронского ужина. На середине трапезы Терренса снова атаковал кашель. Оправившись, юноша почувствовал себя так, будто первый герцогский борец намял ему ребра. Он едва дышал, хотя не испытывал боли, и усталость наполняла свинцом все тело. Он закрыл глаза, чтобы дать им отдых.

Проснулся он от того, что кто-то легонько толкал его сапогом.

— Эй, парень. Ты замерзнешь, если останешься тут.

Терренс увидел стоящего над ним повара и понял, что заснул прямо с миской на коленях и деревянной ложкой в руке.

— У тебя есть где ночевать?

— Не искал еще, — ответил Терренс.

— Можешь и не найти. У нас, как пришло пополнение, боев почти не было, а стало быть, и места мало. — Повар поскреб в затылке. — Каптенармус не будет возражать, если ты поспишь у костров, вот только встать надо будет до света, когда мы начнем готовить завтрак перед уходом.

— Согласен. Мне все равно уезжать надо.

— Тогда пошли.

Снаружи мальчишки, орудуя лопатами, присыпали кухонные костры золой до утра. Терренс раньше не замечал, что в качестве топлива используются и дрова, и уголь — он вообще мало что замечал по хозяйственной части.

У одной палатки громоздились глиняные горшки всевозможных размеров, у другой — стопки тарелок и мисок в человеческий рост.

Тут же стояли в ряд кирпичные печки, и мальчишки деревянными лопатами вынимали из них дымящиеся ковриги горячего хлеба. От аромата у Терренса потекли слюнки, хотя он только что поел.

— Печки вы тоже повезете в Ламут? — спросил он у повара.

— Да можно бы. Поднять рычагами и затащить на талях, каждую в свою фуру. Только зачем? Пускай остаются и дожидаются нас до весны. От снега им ничего не сделается.

Расшугаем зверюшек и птиц, которые вздумают свить там гнезда, почистим — и готово. А если лагерь передвинется, мы за пару дней переправим их на новое место. Ступай вон туда, — продолжал повар, указывая на два десятка обозных фур. — Залезай под низ и бери себе одеяло. Мальцы придут, как закончат печь хлеб на завтра. Они все вшивые поголовно, но беспокойства от них не будет. Еще и согреют тебя, как залягут вокруг. За час до рассвета тебя разбудят.

Терренс поблагодарил его и забрался под первую же повозку. Там, в путанице колес, валялись чьи-то пожитки, узлы с грязной одеждой и спали несколько мальчишек — как видно, больных. Он нашел себе местечко на запачканном одеяле и накрылся другим таким же.

Он думал о судьбе этих мальчиков, служащих в обозе и на кухне. Солдаты почти все уже спят, а они все еще работают — одни пакуют провизию, оружие и все остальное, другие пекут хлеб, варят мясо, чтобы накормить утром выходящих в поход бойцов. Хорошо, если они урвут пять часов сна перед тем, как снова начать работу. Может, им и удается соснуть днем, но жизнь у них все равно не сахар.

Терренс вспотел, и его бил озноб, несмотря на одеяло и близость костра, а кашель долго не давал уснуть.

«Учись засыпать при каждом удобном случае, парень, — сказал ему один солдат в первую неделю его службы. — Кто знает, когда тебе другой представится».

Оценив мудрость этого совета, Терренс понемногу стал погружаться в сон.

Он не сразу понял, где находится. Не прошедшая за ночь усталость и вопли мальчишек, которых подняли слишком рано, мешали соображать. Он сел и стукнулся головой о днище фургона.

— Эй, осторожней, — сказал ему возившийся рядом паренек. — Голову расшибешь.

— Спасибо, буду иметь в виду, — ответил Терренс, потирая макушку.

Мальчишки вылезали из-под фургонов и брались за работу. Терренс переждал их и вылез сам. Тело после ночевки

на земле ломило больше обычного. Он чувствовал себя несчастным и нисколько не отдохнувшим. Кашель не заставил себя ждать и колотил Терренса, пока ребра не заболели и из глаз не потекли слезы.

На мгновение ему захотелось просто сесть наземь и заплакать. Еще никогда в жизни он не испытывал такого упадка, как телесного, так и духовного. Собственное тело восставало против него заодно со стихиями, и мысль о предстоящей езде верхом ужасала.

Аптекарь в графском лагере делал отвары, помогающие от кашля, грудной мокроты и еще худших вещей. Терренс предполагал вернуться туда нынче же к полудню, но судьба распорядилась так, что он вынужден возвращаться по своему следу, а между лагерями Монкрифа и Грюдера наверняка уже собралось целое войско цурани, так что еще сутки ему придется провести в дороге.

К графу он скорее всего доберется с воспалением легких. Терренс совсем было приуныл, но вскоре понял, что выбора у него все равно нет. Надо думать о той задаче, которая стоит перед ним сейчас, и не задерживаться на том, как долго еще придется мучиться.

Он прошел через толкотню кухарей, стряпавших последний в этом лагере завтрак, и ездовых, торопливо грузивших оставшуюся провизию, чтобы не задерживать обоз. В этой кажущейся суматохе просматривался порядок, и Терренс восхищался тем, как хорошо каждый мальчик знает свое дело. Пихались они, конечно, вовсю, но это не отвлекало их от работы.

Да, им приходится тяжело, но такая жизнь, пожалуй, все-таки лучше, чем существование на городских улицах. Здесь их хотя бы кормят и дают место, где они могут спокойно спать. В других войсках их, возможно, обижают пьяные солдаты, но в армии Королевства за побои и насилие над малолетними вещали еще до рождения Терренса.

Одни из них, когда вырастут, пойдут в солдаты, другие станут поварами, возницами, старшими обозниками. Сейчас двое таких старших, всего на пару лет моложе самого Тер-

ренса, как раз шныряли в толпе, раздавая указания и подзатыльники.

Кухня тоже укладывалась. Кирпичные печи оставляли зимовать здесь, но железные разбирали и готовили к погрузке.

Еду уже ставили на столы, и надо было поторопиться, пока не затрубили сбор. Солдаты, сменившиеся с караула, становились в очередь. Терренс встал позади крепкого пехотинца в плаще квесторского полка. Когда он дошел до стола, грянули трубы, и из ближних палаток послышалась ругань.

Терренс торопливо ухватил свежий хлебец, не слишком помятую грушу и кусок твердого сыра. Грушу он сунул в карман, чтобы съесть по дороге. О мехе для воды нечего было и думать — оставалось надеяться, что старый так и висит у него на седле.

Терренс не стал есть с солдатами и жевал на ходу, по пути к конюшне. Кавалеристы осматривали своих коней еще до еды, зная, что жизнь всадника зависит от здоровья его скакуна. Конюхи сбились с ног, и Терренс, спрятав остатки хлеба и сыра за пазуху, сам пошел искать своего серого. Конь был в неважном состоянии. Терренс осмотрел его копыта, отыскал седло. Мех, как он и опасался, куда-то исчез.

Зато ему посчастливилось найти в опустевшем мешке немного овса. Терренс высыпал его в торбу и повесил серому на шею. Пока он будет разыскивать мех, конь успеет поесть.

Четверть часа спустя, когда он нашел-таки бурдюк и наполнил его водой, Терренс увидел, что здоровенный конюх снимает торбу с его мерина.

— Эй, ты что делаешь? — закричал гонец.

Конюх с носом, расплющенным в множестве драк, ответил:

— Овес забираю, вот что. Мне этого конягу никто кормить не велел, а ряд этот мой.

— Это мой конь, и мне надо, чтобы он поел.

— Тем, кто в бой идет, тоже надо поесть, а ты, тугие штанцы, можешь и подождать.

Терренс видел, что этот малый привык все решать кулаком и, не задумываясь, заехал ему ногой в пах. Конюх выта-

ращил глаза и упал на колени, пища и держась за ушибленное место.

Следовало, однако, отдать ему справедливость — очухался он в отличие от многих мужчин очень быстро, но Терренс тем временем уже вытащил саблю и приставил острие к его горлу.

— Оставь моего коня в покое, шут гороховый. Возьми лучше вон то легкое седло, уздечку и собери его. Не думай, что сейчас тебе так уж плохо — будет куда хуже, когда барон узнает, что ты нарушил его приказ. Я должен выехать немедленно! Ну, так как?

— Сей минут оседлаю... ваша милость.

Терренс убрал саблю. Конюх встал и поковылял за седлом.

Высокий кавалерист, наблюдавший за ними, спросил:

— А без сабли что бы ты делал?

— Бегал бы в поисках офицера, который привел бы его в чувство. Меня ведь он не боится.

Кавалерист посмотрел на него еще немного и улыбнулся.

— Мне нравится, когда человек знает свои пределы.

Терренс закашлялся, и кавалерист спросил:

— Ты болен?

— Пустяки, не о чем говорить, — отдышавшись немного, ответил Терренс.

— Ну, счастливо тебе, — сказал кавалерист, закончил осматривать своего коня и ушел завтракать.

Конюх оседлал серого под бдительным надзором Терренса, который не допустил бы плохо затянутой подпруги или мундштука, причиняющего неудобство лошади. Терренс доел, повесил мех на седло и отправился в путь.

Стеснение в груди росло поминутно, а ехать следовало скоро, чтобы вовремя доставить послание Саммервиля барону Монкрифу. Даже от того небольшого усилия, которое он сделал для вразумления конюха, Терренс весь облился потом.

В это время пошел снег.

— Боги, — пробормотал Терренс, — ну и утречко выдалось. — Он даже подумал, не вернуться ли в палатку барона. Скажется больным, отдохнет пару дней в лазарете и поедет в

обозе следом за войском. Он, бесспорно, болен, а Саммервилль ему родственник, хотя и дальний. Барон сообщит семье, что Терренс сделал все от него зависящее. «Но так ли это? — подумал тут Терренс. — Все ли я сделал?»

Он постоял еще немного и пустил коня рысью.

Лагерь Монкрифа показался ближе к полудню. Охранять палатки, снаряжение и лошадей остался один-единственный взвод.

— Барон на редуте, командует обороной, — крикнул Терренсу один из часовых.

— Как там дела?

— Неважно.

Терренс пожалел, что время не позволяет дать отдых лошади. Он успел привязаться к крепкому мерину, хотя в чем-то тот и уступал Белле.

Сам он страдал невыносимо. Каждый шаг коня отзывался болью во всем теле, и лихорадка его трепала. Под плащом он был весь мокрый, его бросало то в жар, то в озноб. Он набрал воды в похудевший мех, чувствуя, что единственное спасение — побольше пить.

Четыре мили до заставы были отмечены знаками боя: убитые лошадь с всадником у обочины, раненые, рука об руку бредущие в лагерь. За милю Терренс услышал шум битвы.

Толчея сотен людей у заграждения казалась лишенной всякого смысла, и только вблизи в этом движении стал виден порядок. Резервные роты стояли наготове, саперы торопливо загружали камнеметные машины и обстреливали врага. Грохот камней оглушительным гулом отражался в ущелье, и расслышать друг друга можно было только на расстоянии пары ярдов.

Войско занимало широкую оборону, чтобы помешать цурани пробраться поверху и зайти с флангов. Всюду, куда ни глянь, Терренс видел тяжелораненых и мертвых.

По одну сторону дороги лежало в ряд около сорока тел, по другую обозные и лазаретные мальчики оттаскивали убитых в тыл.

Подъехав к редуту, Терренс крикнул сержанту на бруствере:

— Где барон? — Легкие ответили на это усилие приступом кашля.

— Убит, — ответил сержант. — Что нового?

Терренс сглотнул и принудил себя дышать как можно глубже.

— Барон Саммервиль спешит к вам на помощь. — Ему казалось, что он не говорит, а пищит, но сержант услышал его.

— Скоро ли он придет?

— Через час, самое большее — через два.

— Ладно, авось продержимся, — крикнул в ответ сержант.

— Передать ему что-нибудь от вас?

— Разве только, чтобы поторопился.

— Нет нужды. Он придет, как только обстоятельства позволят.

— Тогда поезжай, гонец, и скажи графу, что барон Монкриф пал смертью храбрых, отражая захватчиков у бреши. Он отдал жизнь за короля и свою страну.

— Скажу, сержант. Да помогут вам боги.

— Да помогут боги нам всем, — ответил сержант и снова стал выкрикивать команды.

Терренс повернул коня и поехал обратно, вызывая в уме карту местности. Ему предстояло проехать довольно далеко на восток до горной тропы, пролегавшей примерно в тысяче футов над этой дорогой, чтобы обойти врага и вернуться к графу.

Снег продолжал падать, и Терренс надеялся, что горный перевал завалит не до конца.

— Отдыхать нам с тобой, боюсь, не придется до самого графского лагеря, — сказал он коню. Мысль о еще нескольких часах в седле расстроила его до слез, но он смахнул их.

Он кутался в плащ, трясясь от холода и лихорадки. В голове стучало, горло болело — так он не хворал даже в детстве. Носом дышать он не мог, и холодный воздух обдирал горло. Но раз спасения все равно нет, можно хотя бы попытаться завершить задание с честью.

* * *

Конь взбирался на перевал, скользя по обледеневшим камням. Терренс старался мыслить здраво, но из-за лихорадки это становилось все труднее. Любое несчастье с конем означало для него смерть — он не выживет, оставшись пешим на ледяных высотах. Но это обстоятельство, еще утром нагнавшее бы на него страху, теперь порождало только странное безразличие. Другого выбора все равно нет — надо ехать дальше.

Тот перевал, где солдаты Монкрифа и Саммервиля вели бой с цурани, располагался на высоте примерно трех тысяч футов, а этот насчитывал около пяти тысяч, и снег шел здесь уже несколько дней. Заносов, однако, еще не было, и Терренс надеялся благополучно достигнуть вершины, если не случится худшее.

Ветер, внизу резавший лицо ножами, здесь скорее вооружился бритвами. Терренс не впервые жалел, что не надел еще пару теплых штанов, не взял шерстяной шарф и рукавицы потеплее. Коню, правда, лишний груз ни к чему, но всадник сейчас променял бы два лишних часа дороги на подбитые мехом перчатки.

На высшей точке он испытал недолгое облегчение, хотя ветер здесь рвал, точно когтями. Направляя коня шагом по неверной тропе, Терренс говорил себе, что каждый миг теперь приближает его к спасению.

Час спустя он нашел сравнительно защищенную от ветра расселину и в ней остановился на отдых. Спешившись, он встал между скалой и конем, прикрываясь от холода его телом. Найденную в кармане грушу скормил серому. Лакомство, похоже, помогло мерину взбодриться, и Терренс тоже немного воспрял духом.

Через полчаса он рассудил, что от холода конь страдает больше, чем от усталости, и возобновил спуск.

Когда они добрались до подножия и до лесной тропы, выводящей на дорогу к лагерю графа, стало темнеть. Перед Терренсом встал выбор — продолжать путь либо заночевать и развести костер.

Выбирать было трудно. В темноте конь рисковал повредить себе ногу, костер же мог привлечь рыщущие в горах отряды цурани.

Терренс решил ехать и остановиться только в том случае, если найдет по-настоящему безопасное место для стоянки. Следуя через перелески, он заметил еще одну тропку, отходящую от той, по которой ехал. Ее скорее всего протоптали звери, но мог проложить и лесник. Терренс счел, что не мешает это проверить, и направил коня по тропинке.

Через полмили впереди показалось что-то темное — затянутые тучами луны, большая и средняя, почти не давали света, но их присутствие на небе все-таки помогало.

В темной груде Терренс распознал низкую хижину, прилепившуюся к небольшому холму, — приют лесника или угольщика.

Он спешился и заглянул внутрь. Хижина была покинута, но в ней имелся каменный очаг, где Терренс тут же принялся разводить огонь. Если цурани забредут так далеко от большой дороги, это будет означать, что сами боги обрекли его на смерть, а с богами спорить не годится.

В сумке на поясе у него лежало огниво, у очага нашлись сухие дрова. Набранные в лесу сырые ветки Терренс подкладывал в огонь понемногу. Нещадно дымя, они потихоньку загорались.

Убедившись, что теперь огонь не погаснет, Терренс вышел и занялся конем. Растер его пучком завалявшейся на полу соломы, напоил набранной в пригоршни водой. Утром он поищет какой-нибудь корм, но скорее всего им обоим придется поститься до самого лагеря.

Обиходив серого, Терренс вернулся в хижину и повалился прямо на камни перед огнем. Чудесное тепло овевало ему лицо. Найденное в углу драное одеяло он приспособил вместо подушки и укрылся своим плащом.

Дышать глубоко без кашля он не мог и чувствовал ломоту от макушки до пят, но усталость быстро погрузила его в лихорадочный сон.

* * *

Проснувшись, он с трудом смог пошевелиться. Огонь прогорел до углей и едва согревал один его бок, другой же, повернутый к двери, совсем заледенел. Терренс, кряхтя, подставил замерзший бок теплу.

Когда он начал вставать, голова закружилась, а ноги затряслись. Терренс еле сдержал позыв к рвоте, ухватился с закрытыми глазами за дверной косяк и кое-как обрел равновесие. Сделав медленный и глубокий вздох, он открыл глаза.

В дверную щель он видел, что утро настало уже довольно давно. Он сознавал, что опасно болен и единственная его надежда — добраться до лагеря, пока он еще способен ехать верхом.

Серый терпеливо ждал там, где Терренс привязал его, с подветренной стороны хижины. Седлая его, Терренс покрылся потом.

В мехе, по его прикидке, осталось достаточно воды, чтобы не идти на ее поиски. Если по дороге попадется ручей, он пополнит запас.

Садясь на коня, он чуть не лишился сознания и около минуты неподвижно сидел в седле. Он без всякого лекаря знал, что у него сильный жар, и в легких что-то клокотало при каждом вдохе. Это воспаление, не иначе — еще один день без врачебной помощи ему не прожить.

Он направил коня к дороге.

Все утро перед ним мелькали какие-то образы, и он понимал, что бредит. Ему как будто становилось легче, но потом он чуть не падал с седла и понимал, что это ему только приснилось. Зато страх, как ни удивительно, совершенно прошел. Он знал, что либо умрет в дороге, либо доедет до места. Об опасности он больше не думал.

Конь еле плелся, приходилось его подгонять. Но как только Терренс впадал в дремоту, серый снова переходил на шаг.

Не раз Терренс обнаруживал, что мерин сошел с тропы, чтобы пощипать оставшуюся на деревьях листву. К полудню всадник едва держался в седле.

Остановиться значило умереть. Если он упадет с коня, то потеряет сознание и замерзнет. Он снял ремень почтовой сумки с плеча, пропустил его через два седельных кольца и таким образом привязал себя к мерину. Сумка хлопала по спине при каждом шаге.

Голова раскалывалась, горло распухло, легкие сопротивлялись, не хотели дышать, и он не чуял больше ни рук, ни ног.

Еще дважды за день он приходил в себя и понимал, что он сбился с дороги. Рассудка едва хватало, чтобы вернуться назад, на тропу.

Где-то посреди этих бесконечных часов он заметил, что выехал на дорогу, ведущую к графскому лагерю. Это встряхнуло его, и около часа он довольно хорошо сознавал окружающее.

Потом дремота вновь одолела его, но конь вдруг застыл на месте, захрапел, и сознание опасности заставило Терренса очнуться полностью.

Видя, что они опять отклонились ярдов на сто от дороги, он привстал на стременах вопреки лихорадке. Ремень, прикреплявший его к седлу, натянулся, но он продолжал осматриваться, ища причину тревоги коня.

Очень скоро он заметил чуть южнее идущих шеренгой людей — пригибаясь, они быстро приближались к нему. Яркая зелень их одежд сказала ему, что это цурани.

Он не знал, что это — отряд, посланный обойти далеко слева позицию Монкрифа, или просто разведка, спешащая вернуться в собственный лагерь до прихода зимы.

Не задумываясь, он ударил коня каблуками. Дважды повторять не потребовалось — серый и сам чуял, что эти люди опасны. Он прянул вперед, выскочил на дорогу и помчался вперед.

Терренс низко пригнулся к его шее, приподняв зад, как на скачках, и едва касаясь стремян носками сапог. Борясь с лихорадкой и ожившим страхом, он правил конем и молился, чтобы впереди его не ждал еще один цуранийский отряд.

Оставшиеся позади подняли крик, вдоль дороги он видел других, но перехватить его у них возможности не было. Тот,

что был ближе, пустил стрелу — скорее с досады, чем в надежде сбить скачущего всадника.

Конь, напрягая последние силы, пронесся три мили, но усталость взяла свое, и Терренс позволил ему замедлить бег.

Побуждая его идти валкой рысью, он сообразил, где находится. Когда через полмили он преодолеет легкий подъем, впереди должен показаться первый сторожевой пост.

Ему вдруг вспомнилось состязание бегунов у него дома, в праздник середины лета. Среди бегущих мальчиков он был из самых младших — хорошо бы до финиша добраться, что уж там говорить о победе. В конце долгой, почти пятимильной дистанции он наконец увидел впереди финишную черту. В нескольких ярдах перед ним бежал другой мальчик, и Терренс поклялся себе, что не будет последним. Собрав всю свою волю, он пересек черту, на шаг обогнав соперника, а потом упал, и в отцовский дом его несли на руках.

Сейчас он нашел в себе ту же решимость и усилием воли заставил коня бежать рысью. На дороге показалась застава, часовые пропустили его.

Он проехал еще с четверть мили. Между деревьями забелели первые палатки, и он вдруг оказался на поляне, занятой графом под лагерь.

Он придержал коня, и тот остановился у самого загона. Конюх взглянул на Терренса и закричал:

— Сюда! На помощь!

Прибежали двое солдат. Терренс валился набок — только почтовая сумка удерживала его в седле. Чьи-то руки подхватили его, другие отстегнули ремень.

Его несли куда-то, и он смутно удивлялся, отчего ему больше не холодно.

Потом навалилась тьма.

Ему казалось, что с него сдирают кожу, заворачивая ее от макушки до пяток.

Терренс сел и завопил.

Сильные руки удержали его на койке. Он ослаб и дал себя уложить.

— Ничего, все в порядке будет.

Голова кружилась, он весь плавал в пахнущем лекарствами поту. Кожа горела так, будто его вместо пота выкупали в кислоте — он, наверное, весь в волдырях. Потом ощущения вдруг вернулись к нему, а боль прошла. Он, конечно, был слаб, но чувствовал себя хорошо. Он поморгал, провел рукой по лбу, увидел встревоженные лица над собой и сказал:

— Ничего.

Потом медленно сел и спустил ноги на земляной пол. Он находился в полевом лазарете. Рядом стояли двое санитаров, аптекарь и лекарь-священник.

— А ведь на волоске был, парень, — сказал аптекарь. — Еще час-другой, и пришлось бы класть тебя на погребальный костер.

Терренс сделал глубокий вдох. Так хорошо ему не было уже много дней.

— Что со мной приключилось?

— Ты прискакал на закате, свалился с коня, и тебя притащили сюда. Мы всю ночь над тобой трудились. Я дал тебе вот это, — аптекарь показал фляжку, — а отец Уильям прочел молитву, ну и помогло. Лихорадка отпустила, и ты пошел на поправку.

— Я бы поел, — сказал Терренс и встал. Он ждал головокружения, но оно не пришло. — И помыться бы не мешало, — вдохнув собственный запах, добавил он.

— Это из тебя яды выходят, сынок, — сказал священник. — Я своими молитвами удержал твой дух в теле, а зелье аптекаря очистило твою плоть от болезни.

— Тебе и правда надо поесть. Мое лекарство не питает, только лечит.

— Спасибо, — сказал Терренс.

— Что было делать, — вздохнул аптекарь. — Граф смотрел бы на меня косо, если б я позволил его кузену умереть.

— Я только дальний родственник.

— Какая разница? Я, парень, для любого сделал бы то же самое. — Он обвел взглядом палатку, где лежали умирающие, которые уже не увидят родного дома. — Но этого не всегда бывает достаточно.

Терренс кивнул и велел лазаретному мальчику принести ему таз с водой. В палатке было холодно, он покрылся мурашками, но все-таки вымылся, оделся и сказал аптекарю:

— Мне надо отчитаться перед начальством.

— Как доложишь, поешь и поспи. Не хотелось бы спасать тебя дважды за двое суток.

— Непременно. — Терренс подобрал свою почтовую сумку, валявшуюся рядом с койкой, и вышел.

Серого кто-то отвел на конюшню. Нашла ли Белла дорогу домой?

Он шел медленно, не желая показывать другим, как он слаб. Чудо, что он вообще остался жив. Еще вчера он испытывал страх, а теперь понял, что каждый раз, отправляясь с поручением, может столкнуться со смертью. Понял глубоко, не одним только разумом. Он сумел преодолеть себя, и радость жизни переполняла его.

— Послания для графа Вандроса, — сказал он часовому у палатки.

Граф, беседовавший с одним из своих капитанов, принял его через пару минут.

— А, Терри. Я ждал тебя еще два дня назад.

— Задержался немного, милорд.

— Итак?

Терренс вручил сумку ординарцу.

— Рапорт барона Грюдера, милорд.

— Что еще?

— Барон Монкриф подвергся атаке значительных сил цурани. Он отражал их в течение суток, после чего ему на помощь пришел барон Саммервиль. — Терренс вкратце изложил подробности и добавил: — Барон Монкриф пал в бою.

— Жаль, — сказал граф. — Славный был человек. Герцог Бас-Тайра огорчится, узнав об этом. Монкриф был одним из его баронов. Что еще имеешь сообщить?

— Вчера я видел к югу от лагеря отряд цурани, идущий на запад.

— Я отправлю патруль разобраться, что им здесь надо.

— Тогда у меня все, граф.

Граф заметил, что мундир Терренса грязен, а на плаще запеклась кровь.

— Были какие-то затруднения в дороге?

— Пустяки, граф. Не о чем говорить.

— Ну, ступай отдыхать и пришли ко мне очередного гонца. Ты свободен.

Терренс вышел, и граф сказал капитану:

— Хорошо, что парень остался вестовым. Там куда безопаснее.

Терренс умял ковригу горячего хлеба, полкруга сыра и запил трапезу бутылкой вина, которую раздобыл у каптенармуса. Это не утолило его голода.

— Уильям, — окликнул он, просунув голову в палатку, где лежал на тюфяке другой гонец, прикрыв глаза согнутой в локте рукой.

— Терри?

— Твой черед.

Уильям кивнул и стал натягивать сапоги.

— Что, досталось тебе? — спросил он Терренса.

— Да ну. Не о чем говорить, — улыбнулся тот.

— Ну, до скорого.

— Счастливо, Уильям.

— И тебе счастливо, Терри.

Терренс лег, надеясь, что успеет выспаться до нового поручения. Но успеет он или нет, ехать все равно придется, когда настанет его очередь.

Элизабет Хэйдон

СИМФОНИЯ ВЕКОВ

Рапсодия (1999)
Пророчество (2000)
Судьба (2001)

Реквием по солнцу (2002)
Элегия погибшей звезды (2003)

В «Симфонии» история вселенной делится на семь веков. Трилогия о Рапсодии и ее продолжение относятся к концу Пятого Века, Века Раскола, и началу Шестого, Века Сумерек.

В каждом из мест рождения времени, где впервые появились пять первичных стихий — воздух, огонь, вода, земля и эфир, — растет гигантское дерево. Старейшее из Деревьев Мира — Сагия, растущая на острове Серендаир, в месте рождения эфира. Пробираясь по его переплетенным корням, трое героев спасаются от уничтожившего остров катаклизма и выходят на поверхность земли на другом конце мира шестнадцать столетий спустя.

Три спутника вначале враждебны друг другу. Рапсодия, в которой смешалась кровь людей и лиринов, носит титул Дающей Имя и способна управлять вибрациями, из которых состоит жизнь. Она бежит от преследующего ее рока, и двое мужчин неохотно оказывают ей помощь. Дар Брата, злобного и безобразного наемного убийцы, позволяет ему выслеживать свои жертвы по биению их сердец. Его друг Грунтор, клыкастый великан-фирболг, владеет внушительной коллекцией оружия и любит залихватские походные песни. Их преследует демон стихийного огня, имеющий власть над подлинным именем Брата. Рапсодия случайно меняет его имя, что дает ему возможность уйти от демона и спастись. Отныне он зовется Акмед Змей. Пробираясь по корням Деревьев Мира, беглецы пересекают огонь в центре Земли благодаря Рапсодии, способной манипулировать именами. Совместные испытания постепенно делают случайных попутчиков друзьями. Изпод земли они выходят преображенными — время как будто

© Перевод. Виленская Н.И., 2006

остановилось для них. Они узнают, что их родной остров погиб, а его жители, предупрежденные о катастрофе королем-провидцем, пересекли океан, высадились в тех же краях и создали новую цивилизацию, которая пала в последующих войнах. Ныне их соплеменники, намерьены, живут затаившись и скрывают свое происхождение. Трем друзьям становится ясно, что демон огня, ф'дор, продолжает следить за ними, вселившись в неизвестного им носителя и творя зло. В романе «Рапсодия» рассказывается, как трое беглецов начинают строить новую жизнь на своей новой родине среди фирболгов, кочевников-полулюдей. Со временем Акмед становится их вождем в неприступных горах королевства Илорк, на руинах намерьенской цивилизации. В «Пророчестве» Рапсодия, обнаружив в древней библиотеке Илорка коготь дракона, странствует по свету вместе с Эши, человеком, прячущим свое лицо. Она находит драконихи Элинсинос, возвращает ей коготь, и та отказывается от мести, которую собиралась обрушить на фирболгов. Раскрываются кое-какие козни ф'дора, но кто он, по-прежнему остается тайной. Акмед находит дитя живой земли, спящее в развалинах колонии дракиан. О девочке заботится Бабушка, единственная оставшаяся в живых обитательница колонии. Он убеждается, что ф'дор тоже разыскивает это дитя, поскольку ее ребро, созданное из Живого Камня, — это ключ, такой же, которым Акмед открыл Сагию. Но демон таким ключом способен отомкнуть Подземные Палаты, освободить других демонов огня и ввергнуть мир в хаос. В «Судьбе» повествуется о разоблачении демона, последовавшей за этим битве и восстановлении Намерьенского союза.

В «Реквиеме» и «Элегии» мы встречаемся с теми же героями три года спустя и следим за развитием событий, которые приводят к межконтинентальной войне. В каждой новой книге этого симфонического повествования раскрываются новые секреты.

Новелла «Порог» относится к Третьему Веку. Это хроника гибели Серендаира и тех, кто остался на нем до конца.

ПОРОГ

Три Века назад обреченный остров Серендаир уже пережил один катаклизм. Звезда под названием Спящее Дитя, упав в море, снесла часть побережья, но пощадила середину. На этот раз Дитя, по многим признакам, начинает пробуждаться под водой, и Гвиллиама, короля Серендаира, посещает видение, предвещающее полную гибель острова.

Почти все покидают остров: наины, жители северных гор, лирины, обитающие в срединных лесах и равнинах, и люди. Три флотилии во главе с королем отплывают, чтобы начать жизнь на другом континенте. Остаются только глупцы, упрямцы, покорные судьбе или уж самые отчаянные.

Кроме них, король оставляет на острове горстку своих гвардейцев. Их задача — поддерживать порядок, обеспечивать защиту остальным и сохранять королевскую власть на случай, если катастрофа все-таки не произойдет. Обреченные на гибель вместе с островом, они не могут предугадать, что случится с ними на пороге между жизнью и смертью.

Вот их история, затерявшаяся в веках.

Горячий пар вставал над морем, и оно из-за этого казалось тихим, как в туманное утро.

Сегодня пар над северными островами стал гуще, отметил Гектор, заслонив глаза от полуденного солнца. Отражаясь в воде, оно слепило глаза. Определенно гуще.

Справа от него всматривался в туман Анаис. Серебристые глаза друга оставалось такими же спокойными и задумчивыми, как в детстве, — они редко бывали иными. Гектор знал, что Анаис тоже заметил, как сгустился туман.

Не сводя глаз с облаков пара, Гектор вытер лоб рукавом.

— Ты по-прежнему отказываешься видеть, что его стало больше, Севирим? — шутливо спросил он молодого солдата, заранее зная ответ.

— Не вижу никакой разницы с вчерашним днем, — затверженно ответил тот. — И с позавчерашним тоже.

Джармон, вдвое старше их всех, отнял руку от глаз и досадливо покрутил головой.

— Вот так он и будет долдонить, пока вода не нальется ему в рот и волны не сомкнутся над головой. Глаза у него хорошие, однако он слеп как крот. Не спрашивай его больше, Гектор. Он испытывает остатки моего терпения.

Севирим плюнул в море и последовал за Гектором, который уже шагал прочь из заброшенной гавани.

— Напрасно ты думаешь, что я тешу себя пустыми иллюзиями, Джармон, — сказал он тихо. — Просто не вижу смысла заранее смиряться с неизбежностью. Возможно, видение короля было обманным, или он неверно истолковал его. А если Спящее Дитя в самом деле восстанет, море не обязательно затопит весь остров: этого не случилось, даже когда звезда упала на Землю. Мы, конечно, потеряем кусок побережья, но если подняться повыше, как мы советовали другим...

— Прошу тебя, перестань, — проронила Канта.

Ее сухой, скрипучий голос без труда перекрыл ветер, и Севирим тут же умолк. Канта расходовала слова бережно, точно их произнесение причиняло ей боль, но сказанному ею трудно было не подчиниться.

Гектор остановился и впервые за многие дни окинул внимательным взглядом своих товарищей — четырех совершенно разных существ, которых объединяло одно: все они доб-

ровольно пожертвовали жизнью, чтобы остаться на острове и помочь ему выполнить никому не нужную миссию.

Его удивило, как сильно они изменились физически после ухода кораблей, но еще больше он поразился тому, что до сих пор не замечал этого. Знаменитая борода Джармона, рыжая с подпалинами, поседела так, что сливалась с окружавшим его туманом. Канта, и раньше худая и черная, как тень, окончательно ссохлась. Ее глаза, не мигая, смотрели на него из серой дымки, и сила ее воли заполняла пространство, занимаемое прежде ее телом.

Севирим потупился, явно задетый ее приказом. Он был совсем мальчишкой, когда необдуманно связал свою судьбу с Гектором, а за последние пять месяцев состарился лет на двадцать, но сохранил свой бесивший Джармона идеализм. После каждого выговора, полученного от старших, частица этого идеализма покидала его, унося с собой новую каплю молодости.

Понимающий взгляд Анаиса Гектор поймал, словно мяч. Самый близкий его друг, брат во всем, кроме крови, Анаис всегда понимал его без слов — возможно, их, несхожих внешне, связывало внутренне общее лиринское наследие. Анаис обладал традиционными чертами лирингласов: серебристыми глазами, розовой кожей и гладкими, отражающими солнце волосами. Гектор, темноглазый и темноволосый, пошел в мать; шапка его кудрей доходила только до бровей Анаису. Теперь они стали похожи — обстоятельства, усталость и жар закипающего моря сделали обоих тускло-серыми.

Гектор смотрел, все еще во власти тишины, которой потребовала Канта, и ничего не чувствовал по поводу замеченных им перемен. Затем, все так же молча, кивнул им, призывая следовать за собой.

Молчание длилось, пока они, идя вдоль каменистого берега, не пришли к ожидавшим их лошадям. Там Анаис отвесил Севириму легкий подзатыльник и воскликнул:

— Я понял причину твоего упрямства! Тебе просто неохота таскать мешки с песком.

Севирим выжал из себя улыбку:

— Ты меня за это винишь?

— Ну что ты. Я ищу союза с тобой, чтобы поднять бунт против этой бессмысленной работы.

Гектор, сев на чалую, хмыкнул.

— Пустая трата времени. Неизвестно, погибнет ли остров, но мешки с песком неотвратимы, как смерть.

— Ты говоришь на ветер, Гектор, — угрюмо бросил Джармон. — Но если тебе от этого легче, у меня возражений нет.

— Говори за себя, — сказал Анаис, тоже садясь на коня. — У меня они есть. Если б я знал, что ты запряжешь нас в работу, нипочем не остался бы. Одно дело обречь себя на верную смерть в обществе лучшего друга, совсем другое — ломать свои чистые ногти, копаясь в грязи, и возводить зачем-то эти песчаные укрепления. Это чересчур утомительно. С тебя причитается, Гектор — будешь поить меня всю ночь самыми лучшими винами.

Гектор снова хмыкнул и пустил чалую рысью.

Они доехали по северно-западному берегу до заброшенной рыбачьей деревни и спешились, чтобы прочесать крытые тростником хижины и разрушенные причалы. С вывозом этого поселения трудностей не было: рыбаки знали море и первыми поняли, что дело неладно.

Пятеро молча шагали по плотному песку и битым ракушкам. Только ветер гудел, налетая с моря, да тростник шуршал, да шмыгали крысы, да изредка всхрапывали лошади.

У каждого пустого дома кто-нибудь отделялся от других и заходил внутрь. Там мало что осталось — все свои пожитки рыбаки прихватили с собой, отплывая на северный континент.

Во время двух предыдущих проверок пятеро находили здесь самоселов — мужчин, женщин и детей с дикими глазами, пришедших из дальних мест уже после отплытия флотов. Эти несчастные ютились в покинутых хижинах, уповая на чудо, и бесцельно слонялись по берегу. Им посчастливилось: для них нашлось место на немногих спасательных судах, еще заходивших на остров. Гектор молился, чтобы не пришлось больше никому говорить, что теперь отъезд невозможен. Ры-

дания, которые неизбежно последовали бы за таким известием, и теперь стояли у него в ушах — он наслушался их во время проводов.

Мысли его, как всегда, устремились к Талтее и детям. Закрывая глаза, он так и видел ее, беременную, с большим животом, держащую за плечо их сына...

— Мертвец, — сообщила Канта из развалин сарая, где раньше солили рыбу.

Джармон и Анаис, перебравшись через кучу ржавого железа, присоединились к ней. Канта, скрестив руки, смотрела на труп. Мертвый старик лежал, скорчившись, под поломанным столом. Над ним вились мухи.

— Когда мы тут проезжали пару недель назад, его еще не было, верно ведь, Гектор? — сказал Анаис.

Гектор кивнул и достал огниво. Когда остальные вышли, он высек огонь и поджег то, что осталось от кровли.

— Кто бы ты ни был, я поручаю твое тело ветру, а твою душу — заботам Единого Бога, — произнес он нараспев. Он уже не раз говорил эти слова за последние недели, как Дающий Имя, но обходился без имен.

Кизийка Канта, дитя упомянутого ветра, осторожно раздула огонь. Тот вспыхнул и разгорелся.

Сарай наполнился дымом, и пятеро продолжили свой обход. В пустой деревне никого больше не оказалось. Они снова сели на коней и поехали на юг, не оглядываясь на столб дыма и пламени.

Мощеные улицы Истона, большого портового города к югу от рыбачьей деревни, сделали их путешествие более звучным: копыта лошадей громко цокали по булыжнику, рождая эхо в переулках, выходящих на площадь.

Стоическое выражение на лицах всадников сменилось унынием, неизменно охватывавшим их при посещениях главного города западных земель. С каждым возвращением сверкающий алмаз побережья, город, построенный когда-то королем-провидцем, тускнел и разрушался все больше, превращаясь в приют крыс и привидений.

Пятеро спешились у сухого фонтана на площади. Их сапоги глухо стукнули о булыжник.

— Проклятие, — вымолвил Севирим, глядя на мозаичный бассейн, над которым раньше высилась статуя короля-основателя, сидевшего верхом на гиппогрифе. Теперь ее разбили, и крылья волшебного скакуна мраморной россыпью валялись на дне фонтана. Отбитая голова короля лежала на улице, глядя глазами без зрачков в затянутое дымкой небо.

Джармон, всю жизнь служивший потомкам этого короля, подошел к постаменту и смахнул пыль с надписи:

Империя, построенная рабами, рушится еще при жизни деспота;
Город, построенный свободными, стоит тысячу лет.

— И половины не простоял, ваше величество, — тихо заметил старый солдат, ведя мозолистым пальцем по строчкам.

— Зачем? — ни к кому не обращаясь, спросил Севирим. — Какая надобность? Им что, больше беспокоиться не о чем, раз они тратят время вот на это? Им еще мало разрушений? Скоты.

— Успокойся, — сказал Гектор. — Это всего лишь статуя. Идеалы остаются.

Севирим ответил горьким смехом и повел свою лошадь прочь от фонтана.

— Вам, жителям запада, должно быть тяжело повторять этот неизменный маршрут, — сказал Анаис, когда Канта и Джармон тоже ушли с площади и занялись прочесыванием назначенных каждому улиц. — Нам, жившим на востоке за Великой рекой, хотя бы не приходится смотреть, как медленно приходит в упадок наша родина.

Гектор, не отвечая, подозвал чалую, и они с Анаисом последовали за другими в пустой город.

Он шел мимо закрытых лавок, где любил останавливаться ребенком. Битое стекло и щебень усеивали мостовую перед витриной кондитерской — здесь выставлялись когда-то пирожные, столь восхитительные, что горожане приписывали им волшебные свойства. Гектор остановился и теперь,

припоминая замки из цукатов и крема, шоколадных крылатых коней, драконов в клубничной чешуе, — но увидел перед собой только пустое помещение, где на пол сквозь дырявую крышу ложились полосы света, пропахшее дегтем, лампадным маслом и разрухой.

Он не знал, сколько простоял так, вглядываясь в прошлое, и голос Анаиса вырвал его из грез, как набатный колокол.

— В резиденции прелата никого — только бродячие собаки да пропасть ворон.

— Пропасть ворон, говоришь?

— И здоровущие такие! Одна из них определенно была раньше женой прелата.

— Сходство бесспорно, но ее там никак быть не может, — улыбнулся Гектор. — Да поможет Единый Бог моему отцу — она отплыла на его корабле.

— Бедный Маквит, — покачал головой Анаис. — Будто у него без нее мало горя.

Гектор, отказавшись от попыток вспомнить былое великолепие кондитерской, кивнул.

— Отца перед отъездом больше всего мучила горькая ирония всего этого. В юности он сражался на Сереннской войне, спасая остров от огня Подземных Палат, препятствуя демонам, порожденным этим огнем, разрушить Серендаир. Теперь ф'доры побеждены, и последние из них навеки заперты в Подземных Палатах, но острову все-таки суждено погибнуть от огня — небесного огня, сошедшего в море.

— Знаешь, я сомневаюсь, что ирония мучила Маквита больше всего. — Анаис пнул ногой разбитую вывеску.

— Ты в конюшню заходил?

— Да.

— Живые еще остались?

— Все, как ни удивительно, живы, бедные твари. Исхудали только, кожа да кости. Канта им скармливает остатки сена.

Гектор тяжело вздохнул.

— Придется нам немного изменить свой привычный маршрут. Выведем их из города в поле. Это милосерднее, чем

оставлять их в стойлах и кормить, только когда мы бываем здесь. На воле они сами найдут траву и воду.

— Согласен. От задержки вреда не будет — людей все равно не осталось и охранять некого.

Гектор оглянулся на главную улицу, ведущую на север, к воротам Закрытого Города.

— Не все люди уехали, — возразил он тихо. — Только те, кто мог это сделать.

Анаис, проследив за его взглядом, вздохнул.

Ветер с моря летел по улицам Истона, швыряя песок в глаза. Двое людей вспомнили те дни, когда флотилии уже ушли, но спасательные корабли из других стран еще порой заходили в порт. Молодой, недавно коронованный король Гвиллиам, возглавивший кампанию по спасению своих подданных от грядущего катаклизма, отплыл на последнем корабле последнего флота, полагая, что все серенны, желавшие покинуть остров, уже уехали.

Он совсем забыл про Закрытый Город.

Удивляться этому особенно не приходилось. Упомянутый квартал, хотя и входил в его королевство, представлял собой отдельный, замкнутый мирок. Раньше это была исправительная тюрьма для мелких воришек, после Город развился в пестрое общество с собственными законами, понятными только тем, кто жил за его воротами.

При всей его кажущейся закрытости, под его стенами пролегали многочисленные подземные ходы, уподобляя его бобровой хатке или крысиному гнезду. Еще до Сереннской войны, которая закончилась двести лет назад, он делился на два Кольца — Внешнее и Внутреннее. Во Внешнем располагался знаменитый рынок, который охотно посещали все истонцы, проходя за ворота.

Доступ туда открывался раз в неделю, в базарный день, по сигналу большого медного колокола. В воротах всем пришельцам извне давали бирку, и ее следовало сохранить, чтобы выйти обратно, когда колокол вечером возвестит о закрытии. На рынке продавались духи, уносящие за грань реального, полотно и шелк удивительных расцветок, драгоцен-

ности, зелья, бальзамы и прочие товары со всех концов света. Одно лишь их разнообразие позволяло догадаться, как дырявы толстые стены Закрытого Города.

Внутренее Кольцо было еще более загадочным местом, куда имели доступ лишь постоянные жители самого Города. В его темных переулках, где стояли дома без окон, вершились иные дела, которые добропорядочным истонцам могли привидеться разве что в страшном сне.

Когда Гектор и его товарищи впервые поняли, что о Закрытом Городе никто не подумал, они попытались обеспечить его жителям отплытие на первом же пришедшем в Истон корабле. Гектор сам отправился в Город, чьи массивные ворота больше не охранялись снаружи. Он распахнул их и предложил испуганным людям по ту сторону спасение. Спящее Дитя пробуждается, сказал он. Скоро оно восстанет и унесет остров Серендаир с собой в море, как предсказал король.

Тогда в Закрытом Городе народу было полным-полно. Люди смотрели на него как на безумного, отворачивались и расходились по своим делам, точно его здесь и не было.

На следующий день, когда Гектор снова вернулся уговаривать их, он нашел ворота закрытыми. К ним была приколота записка, где вежливо, с благодарностью отклоняли его предложение и желали ему всего наилучшего.

Мысль о тысячах живых душ там, за воротами, преследовала Гектора много недель, пока они впятером отправляли с острова других запоздавших, что приходили из-за Великой реки. Он часто приходил туда и стоял под стеной, думая, как бы убедить власти Закрытого Города пощадить свой народ.

Потом беспокоиться стало не о чем. Корабли перестали приходить: море над усыпальницей Спящего Дитяти становилось все горячее, вода закипала в трюмах, и корпуса лопались по швам. Гектор больше не находил в себе сил думать о тех, кто по-прежнему жил за этими стенами и кому было суждено остаться на острове до последнего часа — как и тем, кто так и не пришел из-за Великой реки.

Как ему самому и четырем его спутникам.

Поздно беспокоиться.

Гектор моргнул от яркого солнца и заслонился рукой.

— Идем, — сказал ему Анаис, блестя серебристыми глазами, и кивнул в сторону гавани.

Гектор чмокнул губами, подзывая лошадь, и пошел за ним.

В гавани горели костры, пепел смешивался с паром, идущим от моря. Канта, Джармон и Севирим, наверно, нашли другие тела или падаль — иначе они не стали бы расходовать драгоценное топливо.

Это зрелище уже не поражало Гектора. После ухода последнего корабля они встречали много таких костров вдоль длинной петли, которую закладывали с юга на север, западнее Великой реки. На восточные земли они решились заехать один только раз — там существовали свои мелкие королевства, чьи правители постановили остаться. Либо они не верили в видение короля Гвиллиама, либо предпочитали умереть у себя на родине. После отбытия Третьего Флота все, кто еще желал уехать, приходили с востока на запад, и Гектор считал своим долгом поддержание порядка именно здесь, на западной территории. С началом голода и болезней бунты и мародерство пошли на убыль, и вдоль западного берега острова пылали очистительные погребальные костры. Они же служили хорошими маяками, посылая сигналы бедствия кораблям в море.

Дым клубился, колеблемый непостоянным морским ветром, и Гектор видел у костров черные тени своих друзей — они сгребали золу и подбрасывали плавник в огонь.

Тень, принадлежавшая, кажется, Анаису, поманила Гектора к себе.

Сквозь едкий, щипавший глаза туман он прошел до конца пристани, где стоял друг его детских лет. Море тихо плескалось, укрытое непроницаемой пеленой. Этот ритуал они совершали уже много раз после ухода Второго Флота. Вот так же, плечом к плечу, стояли они в тот страшный день, когда поручили своих жен и детей заботам Маквита. Совместное молчаливое бдение возвращало их в ту область Времени, когда жизнь еще имела для них смысл.

— Они мне больше не снятся, — сказал Анаис, глядя в туман. Ветер заглушал его голос.

— Правда?

— Да. А тебе?

Гектор вдохнул запахи соли и пепла, думая о Талтее, сыне и еще не рожденном ребенке.

— Снятся. Каждую ночь. — Он опустил глаза, глядя на волны, плещущие у свай. — Только они, ничего больше. — Он терпел свои дни только потому, что снова надеялся увидеть эти сны ночью.

Анаис задумчиво кивнул.

— Когда я просыпаюсь, то припоминаю их лица, но по ночам мне снится Дерево Мира.

Гектор, сморгнув, повернулся к другу лицом:

— Сагия?

Анаис снова кивнул:

— И Зачарованный лес, где я родился.

Гектору стало холодно в полдневную жару при упоминании о Сагии. Для лиринов, народа Анаиса, иначе называвшихся детьми неба, это великое дерево было священным. Сагия обозначала одно из пяти мест рождения Времени. Здесь некогда возникла стихия Эфира, дающая жизнь всему острову.

— Что же ты видишь в этих снах, Анаис?

Тот наклонил голову, словно стараясь лучше вспомнить свои видения.

— Я стою у подножия Дерева, глядя на его массивный ствол и нижние ветви, что простираются над кронами всех деревьев в лесу. Его кора мерцает серебром. Вокруг Дерева стоит длинная очередь всех лиринских племен. Лириндарки, лесные жители; лиринведы, кочевники, живущие и в лесу и в поле; горожане лиринпаны. Все они ждут. Мой народ, лирингласы, Певцы Неба, стоят в самом конце и машут цветочными гирляндами.

Один за другим лирины взбираются на нижние ветви, затем поднимаются выше и строят себе пристанища — гнезда, за неимением лучшего слова. Лирингласы украшают ствол Дерева своими гирляндами. — Анаис закрыл глаза, вспоми-

ная. — Они поют. Лирины пришли к Сагии, чтобы встретить свой конец на Ее ветвях.

Голос Севирима разбил тишину гавани.

— Гектор, корабль! Корабль входит в порт!

Двое друзей, изумленные, вперили взгляды в туман.

Вскоре корабль действительно показался. Обезветривая паруса, он шел к стоянке на южном конце главного мола. Гектор побежал назад к остальным, Анаис за ним.

— Дурачье, — проворчал Джармон, следя за судном, которое снова скрылось в тумане. — Заблудились, должно быть. Нет на свете капитана, не знающего, как опасны эти места.

— Они не заблудились, — возразила Канта. — В движении судна видна уверенность.

— Эй! — Северим побежал к причалу, размахивая руками в вихре черного пепла. — Эй, на борту!

Ответило ему только пение ветра.

С полчаса они простояли в густом тумане, и наконец Анаис увидел слабый огонек — он двигался к ним над волнами, покачиваясь вверх-вниз.

— Шлюпку спустили, — сказал он. — Это фонарь у нее на носу.

— Шхуна, двух- или трехмачтовая, — определил Джармон. — А может, бригантина — не могу разглядеть. Большущая. Они, видно, бросили якорь прямехонько за волнорезом. Оно и понятно. Я бы тоже не сунулся в гавань, когда такой туман, да еще маяки не горят.

— Севирим, возьми головню и помаши им, — велел Гектор, выходя на конец мола. Сквозь дым и туман он видел только этот слабый свет лодочного фонаря.

— С ума посходили, — сокрушался Джармон. Севирим влез с головней на воздвигнутую ими стенку из мешков с песком. — С тех пор, как заходил последний, прошло больше двух полных лун — с чего же этот приперся? Не видят они, что ли, сколько тут пара? Он, поди, до самого неба встает — в открытом море должно быть видно.

— Может, у них глаза, как у Севирима, — ответил Анаис. — Скоро узнаем.

Они подождали еще немного и, не сговариваясь, присоединились к Гектору.

Фонарь приблизился. Солнце, пронизывая пар, рассеивало его свет.

— Хоа! — прокричал чей-то грубый голос сквозь плеск волн у пирса.

Другие многочисленные голоса поддержали его:

— Хоа! Есть тут кто? Хоа!

В тумане замелькали огни, идущие клином. Из пара показалась шлюпка с рулевым и четырьмя гребцами, за ней еще пять.

— Хоа! — повторил человек, стоящий на носу первой лодки. — Я ищу сэра Гектора Монодьера. Это кто-то из вас?

— Это я. — Гектор, держась за тумбу, наклонился, чтобы лучше разглядеть человека в шлюпке. — Что привело вас сюда?

Тот щитком приставил руку к глазам.

— Я Петарис Флинт, капитан «Оседлавшего бурю». Хожу под флагом Маринкаэра. Я привез вам новости. Бросьте канат!

Джармон и Анаис помогли шлюпке причалить. Севирим тем временем указывал путь остальным. Гектор протянул капитану руку и только теперь заметил, какой худой и слабой сделалась его кисть.

Капитан оказался крепышом с выпуклой грудью, седой бородой и черными, глубокими, как море, глазами. Он посмотрел на более высокого Гектора, обвел взглядом четырех других и вздохнул.

— Кто мог бы вообразить, что большой маяк Истона погаснет еще при моей жизни? Я бы скорей усомнился в восходе солнца, чем в этом маяке. Увы, увы. — Он дал матросам в шлюпке знак сушить весла. — Мы пришли забрать последний груз, сэр Гектор. Если у вас еще есть опоздавшие, другого случая у них уж точно не будет. Море за Северными островами нагрелось так, что трюмные воды закипают в десяти лигах от Балатрона. Не знаю еще, что с нами-то будет. Снимемся на закате с приливом и пойдем на юго-запад, сколько ветра хватит, до самых Ледовых полей, а потом уж свернем обратно на север. Тот, кто окажется на борту до заката, сможет уплыть с нами, остальные останутся здесь — без всяких исключений.

— Да простит меня Единый Бог, если я покажусь неблагодарным, но зачем вы все-таки пришли? — недоверчиво спросил Гектор. — Вот уже два месяца, как все корабли обходят эти места, а наши собственные флотилии ушли еще на три месяца раньше: Третий Флот отчалил ранней весной. Спасать больше некого — все, кто хотел уехать, уже уехали.

— Я пришел по приказу короля Маринкаэра, — нахмурился капитан, — а его попросил об этом Стефастион, один из баронов Маносса.

— Маносса? — Гектор взглянул на Джармона и Анаиса. Те пожали плечами. Маносс — далекая страна на восточном берегу Северного континента. Беженцев, отказавшихся уплыть с островными флотилиями, увозили в другие края, поближе.

— Да, — подтвердил Флинт. — И новости мои тоже из Маносса. Флот вашего отца высадился там.

— В Маноссе? — встревожился Гектор. — Но почему? Что случилось? Они направлялись совсем не туда.

— Они, как я понял, попали в большой шторм у Нулевого меридиана. Многие корабли погибли. Часть уцелевших пристала к Гематрии, Острову Морских Магов, хотя это и запретное место. Остатки флотилии ваш отец привел в Маносс — потому, наверное, что их сильно потрепало и они все равно не добрались бы до Змеиных Земель на востоке, куда первоначально лежал их путь. Там они и останутся, так мне сказали.

— А что Первый Флот? И Третий?

— Про них ничего не слыхать. Боюсь, что и не услышим, коли они шли в Змеиные Земли. Тот край не без причины стоит особняком от всего прочего мира, — беспокойно оглядываясь, сказал капитан.

— Есть у вас известия о моей семье? — спросил Гектор.

— Мне говорили, что ваша жена и сын живы-здоровы. И дочка тоже — мне велено вам передать, что роды прошли благополучно.

— Не знаете ли, как ее назвали?

— Ваша жена сказала, что вы сами должны знать.

— Как дела у моего отца? Что с его кораблем?

Флинт отвел глаза.

— Он жив, и корабль его цел, как мне сказано.

Гектор и Анаис облегченно переглянулись. Семья Анаиса плыла на том же корабле. Было, однако, ясно, что капитан что-то скрывает.

— Расскажите мне все, о чем бы вы ни умалчивали, — попросил Гектор. — Мой отец болен?

— Нет, насколько я знаю. — Капитан велел матросам грести к берегу и сказал: — Он несет вахту в море, сэр Гектор. Приведя к берегу остатки Второго Флота и тем исполнив свой долг, он отправился на мыс Ситгрейд, южную оконечность Маносса, и вошел по колено в море. Так он и стоит день и ночь, отказываясь от пищи, а к себе допускает только вашу жену и сына. Когда барон спросил вашу жену, что это значит, она ответила: он ждет.

Гектор выслушал его молча, глядя на восток, и сказал:

— Благодарю вас.

Нетерпение взяло верх над морской выдержкой, и капитан заговорил снова.

— Я изложил свои новости, сэр Гектор. Вторая моя задача, как я уже говорил — взять на борт оставшихся на острове беженцев. Соберите их.

Гектор, словно слыша об этом впервые, посмотрел на капитана и кивнул.

— Хорошо.

— Открывай ворота, Севирим.

Молодой солдат с сомнением глядел на толстые створки и на пустые сторожевые башни по обе стороны от них. Убедившись, что стену вокруг Закрытого Города никто не охраняет, он взялся за ржавое кольцо и потянул что есть силы.

Тяжелые деревянные ворота, окованные медью, бесшумно раскрылись.

— Поглядите только, — проворчал Джармон. — Раньше засовы отодвигали втроем, а ворота в это воровское гнездо и вовсе всемером открывали. Теперь же они открываются, точно кухонная дверь моей матушки. Поистине я зажился на свете.

Гектор прошел за стену, укрепленную изнутри железными брусьями.

Закрытый Город был пуст — или казался таким. Гектор чувствовал, что за каждым углом, за каждым заколоченным окном таятся тени. Он чувствовал на себе чьи-то взгляды, хотя сам никого не видел.

Они двинулись по тихим улицам, переступая через клочья ткани, разбитые тележки, битое стекло и пятна сажи от жаровен. На каждом углу Гектор вглядывался во Внешнее Кольцо, но не замечал никого, звал, но не получал ответа.

Наконец они пришли к большому колодцу посреди Закрытого Города, к месту, которое некий почтенный историк описал как «пристанище существ, никогда не выходящих на свет и живущих под землей, в подобии муравейника». Гектор сам не знал, верит ли он в этих мифических крысолюдей, да это и не имело значения. Зная, что колодец разнесет его голос по всему Городу, он перегнулся через край и закричал:

— Эй! Все, кто меня слышит, выходите! Именем Гвиллиама, короля Серендаира, приказываю вам немедленно покинуть это место! Последний корабль ждет в гавани. Он отплывет на закате, и других уже не будет. Спасайтесь! Спящее Дитя пробуждается!

Его слова прокатились по всем окрестным переулкам, и он стал ждать.

Ответа не последовало.

— Анаис, — сказал Гектор, не оборачиваясь и не сводя глаз с лежащих перед ним улиц, — ступай к воротам и позвони в базарный колокол.

— Ты уверен, что он еще там? Почти все колокола острова переплавили на крепежные части для кораблей, когда начался исход.

— Этот колокол висел в Закрытом Городе, про который все начисто забыли. А для тех, кто удрал отсюда через подземные ходы, он был слишком велик, чтобы его забирать. Звони, пока стены не рухнут.

Трое других бессознательно стали спина к спине — теперь они вместе с Гектором держали под наблюдением все

стороны света. Там перемещались тени, но больше ничего видно не было.

Заряженные арбалеты они держали направленными вниз, на булыжник, и сами сохраняли неподвижность, как эти камни. Потом у ворот зазвонил колокол.

Медные волны катились по улицам. В глинобитном домике у колодца захлопали крылья, стая голубей поднялась в небо.

Колокол звонил долгие четверть часа, потом замолк и после нескольких мгновений тишины зазвучал снова. Гектор продолжал смотреть вдаль, стойко перенося какофонию. В конце одной из улиц вдруг показался силуэт человека. Неизвестный дождался паузы и крикнул:

— Пусть перестанет сейчас же, не то я прикажу его застрелить.

— Это был бы неразумный приказ, — крикнул в ответ Гектор. Трое других подняли арбалеты. — И для тебя он стал бы последним.

Незнакомец хрипло засмеялся и вышел, слегка прихрамывая, на свет. Колокол зазвонил снова.

— Постой, Анаис! — во весь голос заорал Гектор.

Колокол умолк. Хромой, опираясь на палку, повернулся к далеким воротам. Трое не опускали оружия.

— Это что же вы такое делаете? — раздраженно осведомился хромой оборванец. — Голубей всполошили, нарушили мой послеобеденный сон.

— Последний спасательный корабль пришел в гавань. Это моя последняя попытка спасти оставшихся на острове подданных короля.

— Ага, теперь понятно. — Оборванец осклабился и поскреб седую щетину на подбородке. — Вы просто все перепутали. — Он говорил мирно и снисходительно, словно беседуя с детьми. — Тут нет королевских подданных, да и не было никогда. Король давно позабыл про нас, как его отец и дед до него. Теперь я тут король — вообще-то меня называют Деспотом, — ведь прочих власть предержащих и след простыл. Это мой народ, и только я велю, уйти им или остаться, жить

или умереть. — Он подался вперед, опираясь на палку и еще шире улыбаясь щербатым ртом. — Так вот: я велю им остаться. Занимайтесь своими делами, сэр рыцарь, и бегите на свой корабль. Мы благодарим вас за ваше великодушное предложение, но я, как король, отклоняю его.

— Какой из тебя король, — презрительно бросил Джармон.

— Отчего же? — засмеялся Деспот. — У меня немало общего с Гвиллиамом. Во мне даже больше от короля. Напугал народ своими предсказаниями, да и бежать. Отказался от наследственных прав ради спасения собственной шкуры. Я по крайней мере остался на посту, со своим народом. Я не трус, не то что ваш Гвиллиам.

Джармон, потемнев, прицелился в него из арбалета.

— Прикажи, Гектор, и я его прикончу, — гневно промолвил он.

— Сейчас не время для твоих глупых игр, — сказал Деспоту Гектор, сделав Джармону предостерегающий знак.

— Ну так не теряйте его, это самое время. Не знаете разве, что это за место? Кого здесь спасать-то?

Гектор смерил его взглядом. Ему всегда говорили, что в Закрытом Городе надо опасаться подвоха, но при оборванце оружия вроде бы не было, и Гектор не видел открытой двери или окна, где мог бы прятаться лучник. Позиция Анаиса у ворот оставалась неясной.

— Их, — ответил он просто, обводя рукой темные улицы. — Любого, кому не дали случая выбрать жизнь, а не смерть, будь то мужчина, женщина или ребенок. Всех, кто захочет уйти, будь они преступники или невинные жертвы. Именем короля Гвиллиама я предлагаю им такую возможность. Отступись и пойми, что времени нет. Мы стоим на пороге смерти.

Глаза Деспота потемнели, открыв всю свою бездушную глубину.

— Так перешагните его. Неучтиво стоять на пороге.

— После вас, ваше величество.

Гектор опустил руку, и три стрелы одновременно вошли оборванцу в глаз, сердце и лоб, пронзив его насквозь, как бумажного. Деспот с грохотом упал на булыжник, и голуби снова

вспорхнули вверх. Шум его падения эхом отразился в улицах, сменившись мертвой тишиной.

— Анаис, позвони еще три раза, — крикнул через плечо Гектор.

Гул возобновился и через некоторое время утих опять.

— Выходите же! — снова воззвал Гектор. — Ступайте с нами, если хотите жить!

Ему долго никто не отвечал, но потом тени в переулках сгустились и как будто пришли в движение.

Медленно, по одному и по двое, на площадь потянулись фигуры. Они щурились на застланное пеленой солнце, точно его свет причинял боль. Тощие мужчины, изнуренные женщины, дети в лохмотьях жались друг к другу, опустив запавшие глаза. Гектор, не уверенный до сих пор, что здесь еще есть кого спасать, затаил дыхание.

— Севирим, проводи этих людей в гавань и посади на корабль. И пошли к нам Анаиса — мы осмотрим здесь все дома и проверим Внутреннее Кольцо.

Севирим кивнул и махнул рукой. Десятка два теней в человеческом облике побрели к воротам.

— За мной, — скомандовал юноша. — Глядишь, и поживете еще немного.

Они прочесывали улицу за улицей, одну глинобитную хибару за другой, но живых больше не находили. Зато мертвых здесь оказалось больше, чем где-либо на западных землях — слишком много, чтобы сжигать их или хотя бы читать над ними молитву.

Четверо стучали по стенам и кричали тем, кто мог прятаться на чердаках и в подвалах, но вспугивали только крыс, птиц да одичавших кошек, питавшихся мертвечиной.

Наконец Анаис, перебиравшийся с крыши на крышу, слез и встал перед внутренней стеной, отделявшей Внешнее Кольцо от лабиринта темных внутренних улиц. Черные чугунные ворота в виде огромной замочной скважины сорвали с петель. В этом деянии чувствовалась дикая злоба. Анаис согнулся в поясе, тяжело дыша от усталости и разочарования.

— Должно быть, оно здесь начинается, Внутреннее Кольцо, — выговорил он между двумя глотками воздуха. — Хочешь войти туда, Гектор?

— Да.

— Еще бы, — вздохнул Анаис. — Зря только язык утруждал тебя спрашивать. Дай хоть дух перевести, будь так добр. Стар я становлюсь для таких упражнений.

Гектор ничего не сказал, лишь подумал: «Многое бы я отдал за то, чтобы ты и вправду мог состариться, Анаис».

— Солнце клонится к западу, — заметила Канта, заслонив глаза длиннопалой рукой и вглядываясь в плотный туман. — Еще два часа, и оно закатится.

— Значит, на поиски у нас не более получаса, — кивнул Гектор. Джармон уже открывал покореженные ворота. — Здесь будем держаться вместе. В свое время это место сильно напоминало Подземные Палаты, и разные случайности нам ни к чему.

Они вошли, стараясь не зацепить куски рваного металла, и впервые в жизни ступили на улицы Внутреннего Кольца.

В каком-то смысле оно их разочаровало.

Один из самых темных углов острова и всего мира ничем не отличался от Внешнего Кольца, да и от некоторых кварталов города Истона, если на то пошло. Здесь, если это возможно, было еще спокойнее, чем в других частях западного побережья. Единственная разница заключалась в том, что здешние дома тесно жались друг к другу, а бельевые веревки, протянутые прямо из окон, связывали их не только на земле, но и в воздухе.

Гектор открыл дверную створку, свисавшую на одной петле, и заглянул в какую-то разоренную лавку.

— Мой отец много раз бывал здесь, — произнес он задумчиво, — и говорил, что над этим местом висит тьма. Что она присутствует в самом воздухе. Должно быть, это было свойство темного народа, который тут обитал, — уходя, они прихватили ее с собой.

— Вот и ладно, — пробурчал Джармон. — Авось, она затмит им путь в море, и они потонут, не оставив следа.

Четверо снова принялись прочесывать улицы, выкрикивая те же слова, что и во Внешнем Кольце — но тишина, царившая здесь, поглощала их крики.

Повернув за угол вслед за Кантой, они увидели пустой серый проем в тесном ряду других зданий, точно недостающий зуб в чьей-то тусклой улыбке.

Кизийка, наклонив голову, вдохнула ветер и сказала:

— Отравители. — Больше ни одного разрушенного дома они во Внутреннем Кольце не встречали.

— Свои секреты они тоже забрали с собой, — заметил Анаис.

— Да нет тут никого, Гектор, — нетерпеливо заявил Джармон. — Давай уйдем. Мы все обыскали, сам Единый Бог не мог бы требовать большего — давай убираться, пока не попали в ловушку и не наткнулись еще на какую-нибудь пакость, оставленную нарочно для гвардейцев его величества.

Гектор еще раз оглядел пустые улицы и дома — молчаливые свидетели, не ставшие бы давать показаний, даже если бы могли говорить. Еще один кладезь тайн уходит в анналы Времени.

— Да, — сказал он, повернувшись к остальным. — Заканчиваем поиски и уходим.

Вторая шлюпка готовилась отчалить, когда они вернулись на мол в гавани Истона.

Севирим замахал рулевому, прося подождать, и побежал навстречу друзьям, вглядываясь в туман за ними.

— Есть еще кто-нибудь?

— Никого, — проронил Гектор. — Закрытый Город пуст.

Капитан «Оседлавшего бурю» вышел к ним из тумана.

— Мы и на две пятых не загрузились. Неужто это все?

— Боюсь, что да, — ответил Гектор.

— Стоило рисковать, что нас разнесет на куски! — с сердцем сказал Петарис Флинт. — Из-за двадцати оборванных крыс в человеческом облике.

Гектор нахмурил лоб, стоя в тусклых лучах заходящего солнца.

— Спасение даже одной души оправдывает любые усилия. Жаль, что мне такое счастье больше не будет доступно. Отправляйтесь на корабль, капитан, и ставьте паруса. Спешите домой, к своим близким, и увозите свой человеческий груз, пока еще можно.

— Хорошо, — коротко кивнул Флинт. — Поднимайтесь на борт, сэр Гектор, и мы возьмем курс на Ледовые поля.

Пять пар глаз твердо смотрели на него из тумана.

— Вы не поняли, — после долгого и неловкого молчания сказал Анаис. — Мы остаемся.

— Я дал клятву, — подтвердил Гектор, прервав его. — Волей моего короля и повелителя я должен поддерживать здесь порядок и хранить его трон.

— Но это безумие! Король уехал, сэр Гектор, исход с острова завершился успешно. Здесь больше нечего охранять. Ваш король, конечно, не желал оставлять вас на смерть, когда вы исполните свой долг до конца. Поднимайтесь на борт.

— Благодарю вас, но не могу.

— Потому что такова королевская воля?

— Да. Такова королевская воля.

— В таком случае ваш король глуп, — презрительно заявил капитан. — Зачем обрекать на смерть хороших людей, если здесь ничего больше нет? Что за человек и что за король мог отдать подобный приказ?

— Мой король, — яростно громыхнул Джармон, отодвинув Гектора и Анаиса. — Наш король. И мой вам совет, не оскорбляйте его снова, если сами не хотите встретиться со смертью.

— Подумайте о своей семье, — снова воззвал капитан к Гектору.

— Я думаю о ней при каждом вздохе, — заверил Гектор, легонько отпихивая Джармона назад. — Но я поклялся своему королю, а они, — он кивнул на четырех остальных, — поклялись мне. Спасибо вам за хлопоты, капитан Флинт, и за ваши героические усилия, но с вами отправится только один из нас.

Капитан заморгал. Напряжение, стальными обручами сковавшее воздух, исчезло — четверо соратников Гектора обменивались растерянными, вопросительными взглядами.

Гектор дал им знак отойти немного. Они дошагали до середины пирса, где капитан не мог слышать их. Там Гектор, указав на берег, где высилась стенка из мешков с песком, тихо сказал:

— Канта, Джармон, ступайте дальше. Ты тоже, Анаис.

— Как?! — Слова вырвались, прежде чем Севирим успел сдержать их. — Ты отсылаешь меня?! Ну уж нет. Я не поеду.

Гектор снова махнул остальным, чтобы те уходили, и сказал тихо, положив руку на плечо юноше:

— Да, Севирим. — Тот сердито стряхнул его руку. — Ты поедешь.

— Но почему? Разве я меньше предан тебе, чем они? Разве я опозорил тебя, подвел?

— Ничего подобного. — Гектор вернул руку на место. — Послушай меня, Севирим. Времени мало, и лишних слов тратить нельзя, поэтому они должны быть предельно ясными. Никто не мог бы желать более верного соратника и лучшего друга, чем был ты для меня и других — для всей этой обреченной земли. Но сейчас мне нужно, чтобы ты отправился с капитаном, позаботился о беженцах и о том, чтобы они там не взбунтовались. — Гектор невольно поморщился, видя страдание на лице своего молодого друга.

— Я хочу остаться здесь, Гектор.

— Это потому, что ты подлинно наш, Севирим, — вздохнул Гектор. — Я вот не хочу — но мои желания, как и твои, ничего не значат. Оба мы пленники слова «надо», и за нас решает тот, кто нами командует. — Его голос смягчился. — Ты выполняешь тот же королевский приказ, что и все мы: «охранять моих подданных до последнего дня». Эти нищие беженцы — такие же королевские подданные, как ты или я, и они нуждаются в нашей защите. Увези их отсюда, Севирим, и доставь в безопасное место.

Севирим потупился, не способный больше сохранять спокойствие на лице.

— Ты приказываешь мне это вопреки моей воле и моей клятве? — прерывисто выговорил он.

— Только если ты меня вынудишь, — мягко ответил Гектор. — Считай, что я прошу тебя сделать это, как своего друга

и брата. Ты поклялся поддерживать меня и помогать мне выполнять приказ, полученный мною от короля. Уехав сейчас, ты поможешь мне больше, чем оставшись со мной.

Севирим постоял еще немного, не отрывая глаз от гниющих досок пирса, под которыми плескалась вода, и наконец кивнул.

Гектор, в свою очередь, кивнул трем остальным и вернулся с Севиримом назад, к концу мола. Анаис помахал рукой, Севирим в ответ вяло приподнял свою. Джармон склонил голову и отвернулся. Только Канта стояла с бесстрастным лицом, пронизывая взглядом туман.

— Я бросаю их и тебя, — пробормотал Севирим. — Ты спасаешь мне жизнь, но делаешь меня трусом.

Гектор резко остановил его, дернув за руку.

— Будь проклят твой язык, если еще раз скажет такие слова. И будь проклят твой разум, если он верит в них. Для того, чтобы выполнить мою просьбу, нужно куда больше смелости, чем остаться. Умереть легко, это всякий дурак может, а вот жизнь требует мужества. Ступай на этот проклятый корабль и выполни свой долг перед королем, передо мной и перед самим собой.

Севирим взглянул ему в глаза и спросил тихо:

— Почему я, Гектор? Я пойду, только скажи, почему ты выбрал меня, а не Анаиса, не Джармона, не Канту.

Гектор перевел дыхание.

— Потому что ты никогда не верил по-настоящему, что умрешь. В отличие от нас всех ты надеялся, что остров уцелеет и смерть пройдет стороной. Возможно, это Единый Бог распорядился так, чтобы она в самом деле обошла тебя стороной.

Севирим посмотрел на него долгим взглядом и наконец кивнул, принимая свою судьбу.

— Я найду Талтею с детьми, Гектор, и буду беречь их, пока жив.

Гектор обнял его.

— Спасибо, друг. Скажи Талтее, что я думал о них до последнего вздоха, расскажи о том, что здесь было. Скажи ей все, Севирим, не щади ее. Она сильнее любого из нас. — Он сжал

Севирима еще крепче. — А я скажу тебе то, чего не говорил и ни скажу ни единой живой душе. — И он прошептал юноше на ухо: — Никому из нас не надо было здесь оставаться.

Севирим, не найдя слов, кивнул снова.

Они дошли до конца окутанного паром мола. В пелене маячил, как тень, капитан. Рулевой посветил Севириму фонарем, и тот, окруженный мглистым сиянием, поднял руку в прощальном приветствии.

Гектор смотрел на него, пока тень друга не скрылась в тумане, и сказал капитану:

— Спасибо.

— Это окончательно? — с сожалением спросил Флинт. — И не в моих силах уговорить вас, сэр Гектор?

— Окончательно. А не могли бы вы взять лошадей из городской конюшни? Они тоже служили королю верой и правдой — если у вас найдется место для них, это порадует мое сердце.

— Напрасно гоняли судно, — вздохнул капитан. — Трущобные крысы, тощие клячи и один солдат, а лучшие остаются на волю рока. Извинитесь за меня перед вашим старым воином, сэр Гектор: король, который внушает благородным людям такую преданность, поистине великий король.

— Он был нашим государем, — просто ответил Гектор.

— Понимаю. — Капитан взглянул на низкое солнце. — Пусть ваши люди приведут лошадей и загрузят в шлюпки — мы доставим их на корабль и больше уже не вернемся. — Флинт приготовился сойти в ближайшую из пяти шлюпок, но Гектор его задержал.

— Я обнаружил, что каждая спасенная мною жизнь немного продлевает мою собственную. — Он пожал капитану руку. — Спасибо, что помогли мне в этом, капитан Флинт.

— Жаль, что мне не представилось случая узнать вас ближе, сэр Гектор. — Флинт сошел в шлюпку, отдал команду и пропал в поглотившем его тумане.

Солнце зашло. Четверо оставшихся, стоя на мешках с песком, смотрели, как тают вдали мачты «Оседлавшего бурю». Волны плескали, завывал морской ветер.

— Да будет так, — сказал Джармон, когда ночь опустилась над морем.

Остальные промолчали. Анаис слез, добежал до конца мола и прокричал во мрак:

— Счастливого пути, Севирим. Будь осторожен во льдах!

Гектор тоже спустился.

— Поработаем, пожалуй, еще часок, чтобы укрепить стенку, — сказал он, отряхивая руки от песка. — Мешки давно кончились, но можно накидать песок лопатами и утрамбовать у основания... — Он осекся, увидев в темноте два силуэта.

На границе порта и города стояла женщина, кутая тощие плечи в рваную шаль. Скорее привидение, чем живой человек, она молча смотрела в туман впалыми глазами.

Рядом с ней виднелся ребенок, кажется, мальчик — худенький, с длинными волосами, достаточно маленький, чтобы водить его за руку, хотя стоял он отдельно. Большие, как у матери, глаза при свете головни казались темными, но жизнь, еще сквозившая в них, отличала его от женщины.

Рука Джармона, державшего головню, дрогнула, и свет заколебался.

— Ох, нет, — промолвил он. — Нет.

Какое-то мгновение в гавани слышался только вездесущий вой ветра. Налетел ледяной дождь, и Гектор сердито откинул волосы с глаз.

— Джармон, Канта, найдите мне лодку. Должна же тут быть хоть какая-нибудь — ялик, рыбачий баркас...

— Гектор, — тихо вставил Анаис.

— Давай факел, — свирепо крикнул Гектор Джармону. — Я мигом догоню корабль. Там увидят свет...

— Перестань, Гектор, — сказал Анаис уже более решительно.

В глазах рыцаря металось отчаяние.

— Бога ради, найдите мне проклятущую лодку!

— Прекрати. — Голос Канты прорезал ветер. Ее бесстрастное лицо блестело то ли от слез, то ли, что казалось более вероятным, от дождевых струй. — Надо увести их куда-нибудь под крышу.

Трое молча смотрели на своего командира, не обращая внимания на дождь, промочивший их волосы и одежду. Гектор, согнувшись, уперся руками в колени, точно весь дух из него вышел, и долго еще стоял так.

— Укроемся в конюшне, пока буря не пройдет, — предложил Анаис, стиснув его за плечо. — Только там еще осталась какая-то крыша.

Гектор, не разгибаясь, кивнул.

— На ночь возьмем их с собой, в гостиницу на перекрестке, — промолвил наконец он.

Женщина не шелохнулась, когда Анаис подошел, но мальчик, широко раскрыв перепуганные глазенки, спрятался за нее.

— У тебя лучше получится, Гектор, — сказал лиринглас. — Вряд ли он видел раньше кого-то из наших.

Гектор, выпрямившись, потряс мокрой головой.

— Я тоже отчасти лиринглас.

— Но ты больше похож на человека, — нетерпеливо ответил Анаис. — Ты и есть человек. Поди сюда.

Гектор, глубоко вздохнув, подошел к Анаису и сказал женщине:

— Пойдемте с нами. — Она как будто и не слышала — если бы она не стояла так прямо, он подумал бы, что жизнь уже покинула ее тело. Гектор присел и протянул руку ребенку.

— Пойдем со мной, — сказал он, как будто уговаривая родного сына, не больше чем на год старше этого мальчика. — Мы тебя отведем в сухое место.

Мальчик выглянул из-за женщины. С его волос капала вода.

— Пойдем же, — поманил его Гектор.

Мальчик подумал немного, потом взял женщину за руку и повел. Она все так же куталась в свою промокшую шаль.

Головня в руке Джармона зашипела и погасла.

Всю дорогу до перекрестка ребенок проспал, сидя в седле впереди Гектора и прислонившись к нему. Женщина, ехавшая позади Анаиса, тоже как будто спала: ее стеклянные глаза оставались открытыми, но дыхание стало ровнее.

Укрываясь от дождя в конюшне, ни один из них не произнес ни слова. Дождь перешел в настоящий шторм. Его полотнища обрушивались на дырявую кровлю и водопадами врывались внутрь.

— Хорошо хоть лошадей забрали, — заметил Джармон, отодвигаясь от новой течи.

— Да, спасибо морякам, — сказал Анаис, а Гектор промолчал.

Шторм пошел на убыль, оставив за собой большие клубы тумана, и они двинулись на восток от Истона через мраморные городские ворота, которые раньше считались чудом зодчества, а ныне лежали в развалинах. Ночью разрушения были не так заметны, как днем, и когда город остался позади, могло показаться, что мир остался прежним. Лошади, приободрившись, трусили по немощеной дороге — возможно, они радовались, что снова оказались в туманном поле после смрада погребальных костров.

Около часа спустя они подъехали к легендарной гостинице. Она стояла покинутая, почти всю мебель из нее вывезли. Историческая ценность этого дома превышала всякое воображение: гостиница служила неприкосновенным убежищем и местом переговоров во время Сереннской войны двести лет назад и даже после нее. Она славилась своей безопасностью, своим гостеприимством и огромным каменным очагом, где никогда не угасал огонь. Теперь она смотрела на путников темными, пустыми глазами, как женщина в рваной шали. Золотой грифон на двери, служивший, по преданию, талисманом и хранивший гостиницу даже от врагов, занявших западную часть острова, уплыл за море с Первым Флотом, и вход зиял, как устье пещеры.

Но эта пустая скорлупа и теперь никому не отказывала в приюте. Для Гектора и его друзей она оставалась любимым местом отдыха и желанным убежищем, несмотря на отсутствие хозяина, виночерпия, духов домашнего очага и двери.

Джармон спешился, зажег факел и пошел проверить, не забрел ли в дом кто-нибудь со времени их последнего ночлега. Канта тем временем помогла Гектору и Анаису ссадить их живой груз.

— Ума не приложу, откуда они взялись, — сказал Гектор. Мальчик, не просыпаясь, тонкими ручонками обхватил его за шею.

— Бьюсь об заклад, что с рынка, — предположил Анаис, снимая с коня женщину.

— Как же мы их не заметили?

— Могло быть и по-другому, — пожал плечами лирингласс. — Может, они пришли из-за Великой реки или из какой-то деревни на ее берегу. Всех до единого нам не спасти, Гектор, вопреки всем твоим стараниям. Пора уж тебе это понять.

Гектор погладил мальчика по спине, думая о другом ребенке.

— Да, Анаис. Я понял.

Канта ушла в темноту. Мужчины видели это, но ничего не сказали. Они привыкли к ее ночным отлучкам: она, как все ее соплеменники, уходила общаться с ветром.

— Все чисто, — доложил из гостиницы Джармон.

— Это хорошо. Разведи огонь, Джармон, а ты, Анаис, погляди, не осталось ли в подвале съестного. — Гектор вошел в темную, выстывшую таверну.

— Должно остаться, если крысы не сожрали, — сказал Анаис. — Севирим там много всего запрятал. — Он ввел в дом женщину, сошел немного по лестнице и обернулся, мерцая серебром своих глаз. — Помнишь, как он говорил: что, мол, толку пережить стихийное бедствие, если потом с голоду помирать придется?

— Помню, — улыбнулся в ответ Гектор.

— Ты хорошо сделал, что отправил его, — сказал Анаис, спускаясь в подвал.

— Я рад, что ты так думаешь, Анаис.

— Я того же мнения, — откликнулся Джармон, раздувая огонь в очаге. — Теперь хотя бы помереть можно спокойно.

Мальчик проснулся от пахнущего ветчиной дыма и стал уплетать за обе щеки. Со двора пришла Канта.

— Что поведал тебе ветер в эту ночь? — поддразнил ее Анаис, подвинув к ней тарелку с ее порцией. Только он один

не боялся ее испепеляющих взглядов и даже получал от них удовольствие.

— Много разных вещей, — ответила она ровно, вешая на очаг мокрую куртку и усаживаясь рядом. — Но ясности нет ни в чем.

Она взяла тарелку и стала есть. Трое мужчин, не сводя с нее глаз, в напряженном молчании ожидали, что она скажет дальше, но кизийка спокойно доела свой ужин и запила его отборным сидром, гордостью Севирима.

Некоторое время в гостинице слышался только треск огня. Затем Гектор послал мальчика отнести ужин матери и уговорить ее поесть. Та взяла кусок твердого сыра и безучастно уставилась на него.

— Канта, — сказал Гектор, — что говорит ветер?

Ее глаза при свете очага казались чернее, чем окружавший их мрак, бронзовая кожа отражала пламя.

— Что-то надвигается.

— Что? — спросил Джармон. — Что надвигается?

— Ветры, когда говорят, большей частью говорят одно и то же. — В ее скрипучем голосе мужчинам послышались другие, нестройные голоса — они то поднимались, то опадали в режущей ухо какофонии.

— Теперь не то, — продолжала Канта. — Они стонут, точно охваченные ужасом, и говорят неясно. Они боятся того, что близится к нам.

Мужчины переглянулись. В голосе Канты они слышали раскаты грома и жуткую каденцию урагана, под напором которого рушатся дома. Это напоминало ощущения воина, затерявшегося в гуще боя. Ветер предсказывал нечто страшное, но ничего неожиданного в этом не было.

— Так что же все-таки надвигается, Канта? — спросил Анаис.

— Конец, — отвечала она.

Огонь немного согрел промозглые комнаты, и путники стали укладываться спать. Пример подал Джармон. За свою долгую жизнь на службе у короля он научился бодрствовать

сутками, если надо, и отдыхать при первом удобном случае. Он расстелил свои одеяла за стойкой, оказав этим услугу остальным: Анаис как-то пожаловался, что от храпа Джармона у него лук разгибается, а меч ржавеет.

Женщина, так и не промолвившая ни слова, впала в забытье вслед за Джармоном. Мальчик поиграл в ножички с Анаисом и долго сидел на коленях у Гектора, который показывал ему на стене теневые фигуры. Потом и он свернулся рядом с матерью, укрытый плащом рыцаря.

Канта заняла свое место у дверного проема, где ее омывал ветер. Она, можно сказать, несла стражу, хотя мало было вероятия, что в гостиницу заявятся какие-нибудь оставшиеся на острове разбойники. Репутация этого дома, слывшего пристанищем добрых людей и бастионом тех, кто его защищает, сохранилась и после исхода.

Лишь двое друзей детства еще сидели, молча передавая один другому мех с вином. Гектор задумчиво смотрел в огонь.

— Девочка, значит, — сказал наконец Анаис, устремив на него взгляд своих блестящих серьезных глаз.

Гектор кивнул.

— Близняшки, наверное, счастливы, — сказал Анаис, думая о собственных дочках. — Они немножко огорчились, когда твой Айдан оказался мальчиком.

— Это не мешает им отлично играть втроем. — Гектор откинулся назад, скрестив ноги на камнях очага. — Утешительно думать, что наша с тобой дружба передалась новому поколению.

— Как ее назвали? Флинт сказал, что ты знаешь.

— Да. Мы договорились, что если будет девочка, ее назовут Эльсинор — разве только Талтея, увидев ее, сочтет, что такое имя ей не подходит.

Анаис приложился к меху и поднял его, словно произнося тост.

— Хорошее имя. Эльсинор из Зарослей Шиповника. Этой сереннской тезкой можно только гордиться.

— Да, но значение имени этим не исчерпывается. — Гектор наблюдал, как пламя пляшет над раскаленными угля-

ми. — Вспомни драконихy, открывшую свои земли для короля и его народа...

— Ну конечно. Элинсинос, не так ли? Ты решил назвать дочь в ее честь.

— С помощью лирингласа, Дающего Имя, мы припасли для ребенка два имени, мужское и женское, чтобы назвать его еще до рождения.

— Ты думал, если девочку будут звать похоже, драконихa погодит ее есть? — хмыкнул Анаис.

Гектор, отвернувшись, посмотрел на спящую у двери Канту и перевел взгляд на мальчика с его матерью. Джармона он не видел, но мерный храп, ритмом напоминающий марш, говорил о том, что старый солдат крепко спит.

— Не скрою, весть о том, что Второй Флот высадился в Маноссе, меня порадовала. Между Маноссом и Змеиными Землями лежит океан; это развитая, просвещенная страна с хорошо налаженной морской торговлей, армией и прочими признаками твердой власти. Думать, что наши родные отправились в неизведанные края, где правит древняя драконихa, которую один только Меритин объявлял гостеприимной, было самым тяжким, что выпадало мне в жизни. Сейчас по крайней мере я знаю, что они в безопасности.

— Да — пока остаются в Маноссе, — серьезно заметил Анаис. — Ты ведь помнишь, что каждый из беженцев, взойдя на корабль, присягнул королю на верность? Они все обязаны собраться, если рог затрубит, и эта клятва действительна для всех последующих поколений. Если Гвиллиам позовет, им ничего не останется, как снова отплыть в Змеиные Земли. — Увидев, как поникли плечи друга, Анаис добавил: — Но ты не бойся — ведь там, по словам Меритина, настоящий рай. До того времени, как он отправился подыскивать островитянам место для поселения, из Змеиных Земель никто еще не возвращался живым. А Меритин вернулся, да еще с великодушным предложением от их правительницы — стало быть, он знает, о чем говорит.

— Как знать, — глухо произнес Гектор. — Как знать, добрался ли хоть кто-то до Змеиных Земель. Флинт сказал, что

от Первого и Третьего Флотов нет известий. Но нам с тобой Единый Бог послал благословение в наши последние дни. Мы знаем, что хотя бы наши семьи благополучно высадились на сушу. Когда они отплывали, я не думал, что снова услышу о них. Теперь, как Джармон любит говорить, я могу умереть спокойно.

Анаис встал и лениво потянулся.

— Да, но, пожалуй, не в эту ночь. Что думаешь делать, Гектор? Есть ли смысл возвращаться на наш обычный маршрут? Если, как полагает Канта, конец близок, почему бы не подождать его здесь? Тут у нас и еда, и топливо, и крыша над головой — а самое главное, выпивка. Неплохое местечко, чтобы встретить последний час своей жизни.

— Да, — согласился Гектор. — Думаю, это разумно, хотя и подозреваю, что этим предложением мы обязаны твоей любви к хорошему элю. Брать их с собой в объезд просто немыслимо, — он посмотрел на женщину с мальчиком, — и одних оставлять тоже нельзя. Она — живой труп и не способна позаботиться о ребенке. С тем же успехом мы можем устроить их поудобнее, да и себя заодно. — Он разостлал одеяло на полу перед очагом и лег. — Кроме того, здесь близко от города, и можно строить нашу песчаную дамбу в две смены.

Анаис застонал и тоже улегся.

Им снилось Дерево Мира и лица тех, кого уже не суждено повидать наяву — пока эти сны не прервал лязг меча, вынутого Кантой из ножен.

Одним не по возрасту гибким движением пожилая кизийка вскочила и шагнула за порог, где дымчато-серое небо предвещало рассвет.

— Стой! Кто идет? — крикнула она.

Миг спустя к ней присоединились мужчины. Они всматривались в полумрак, ища источник встревожившего ее звука.

На перекрестке гарцевал конь, всадник с трудом удерживался в седле.

— Помогите, — взмолился он старческим голосом. — Я Бранн из Сухой Бухты, что на северном побережье, близ Кирлан-Деламара. Ищу королевских солдат.

— Принеси фонарь, Джармон, — распорядился Гектор.

Всадник между тем соскочил наземь, сделал нетвердый шаг и свалился прямо на дорогу. Лошадь попятилась, что Гектор приписал ее плохой выучке или неумению всадника. Взяв фонарь, он жестом приказал Анаису остаться с мальчиком и женщиной, а Канте и Джармону следовать за собой.

— Что тебе нужно? — крикнул он, подходя к упавшему.

— Я ищу королевских солдат, — задыхаясь, повторил старик.

Гектор поднял фонарь, чтобы лучше его разглядеть. В сумраке тот выглядел, как человек. Седые волосы висели по обе стороны его морщинистого лица, как сухие листья на зимнем дереве.

— Я Гектор Монодьер и служу его величеству Гвиллиаму, королю Серендаира. Что нужно тебе от меня?

— Вашей помощи, сэр рыцарь. — Старик отмахнулся от фляги с водой, которую протянул ему Джармон. — Спящее Дитя пробуждается.

— Знаю — и чего ты от меня хочешь?

Глаза старика, покрасневшие от усталости, наполняло отчаяние, заметное даже в предрассветных сумерках.

— Есть, возможно, способ сдержать потоп, который неизбежно последует за ее пробуждением — хотя бы отчасти.

Трое переглянулись, и Джармон сплюнул.

— Сумасшедший, — проронил он, пока Гектор помогал старику подняться. — Ты проделал весь путь с северного берега, чтобы сказать нам об этом? Лучше бы вы все ушли на восточную возвышенность или в Высокие пределы.

Теперь они рассмотрели старика как следует. Он, как и казалось раньше, был человеком, пожилым человеком с темными глазами — хотя состарили его, очевидно, не столько годы, сколько тяжкая жизнь в северном климате, где бьет в скалистый берег мощный прибой. Лишь стойкие из стойких способны бороздить суровые воды близ устья Великой реки. Одет он был в старую промасленную рыбацкую робу. От его одежды и от него самого пахло гнилью и разложением — этот запах был присущ почти всем, кто остался на острове после ухода фло-

тилий. Смрад, исходящий от старика, был особенно силен, поскольку смешивался с застарелой рыбной вонью, от которой ни один рыбак не в силах отмыть свою одежду и руки.

— В нашей деревне живут одни старики. Причина, по которой мы там остались, вам, более молодым и сильным, может показаться слишком простой. Но мы жили на краю моря всю свою жизнь, сэр Гектор, и силы у нас уже не те. Вздумай мы спасаться и уходить куда-то, многие из нас не пережили бы такого похода. Если Пробуждению суждено пресечь наши дни, мы смирились с такой участью.

— Зачем же ты прискакал сюда? — осведомился Джармон. — На острове полно таких, как вы. Тут и лирингласы, и болги, и бенгарды, и гвадды, и люди — все, кто пренебрег видением короля и решил остаться. Нам нечем тебе помочь. Вам всем предлагали уехать, но вы отказались и тем наложили печать на собственную судьбу.

— Спокойно, Джармон, — произнес Гектор, поддерживая старика. — Тебе, отец, надо зайти в дом и согреться. Мы охотно разделим с тобой нашу еду и питье.

— Нет, сэр Гектор, — затряс головой старик. — Не время. Вы должны помочь нам. Я верю, что мы нашли способ...

— Позови Анаиса, Канта, — велел Гектор. Лирингласс пришел, и он снова спросил старика: — Так чего же ты от меня хочешь?

Бранн, стоя в кругу света от фонаря, указал во тьму на юго-востоке, где начинало светать.

— Поезжайте в замок Элизиан, — окрепшим голосом сказал он. — Я знаю, сэр Гектор, что там хранится королевский скипетр. Он-то мне и нужен.

Джармон сгреб старика за рубаху и с легкостью приподнял над землей.

— Наглый пес, — гаркнул он в лицо Бранну. — Страна вот-вот погибнет. Мы пожертвовали всем, чтобы остаться с глупцами и маловерами, которые предпочли смерть жизни, предложенной им нашим королем. А теперь ты вообразил, что мы и честью своей пожертвуем, отдав подобную вещь такому, как ты?!

— Отпусти его, Джармон, — сердито приказал Гектор. — Держи себя в руках.

Джармон швырнул Бранна наземь. Гектор присел рядом со стариком, дрожащим от страха, и взял его за плечо.

— Зачем тебе скипетр? Спрашиваю еще раз: чего ты от меня хочешь?

Старик, обежав взглядом окружавшие его лица, остановился на лице Гектора и, видимо, успокоился.

— Если стать на самом высоком месте нашей деревни, то через пролив, где покоится Спящее Дитя, можно увидеть северные острова — в ясную погоду по крайней мере. — Он говорил запинаясь, и Гектор кивнул, желая его ободрить. — Теперь звезда, пробуждаясь, отбирает силу у моря, и оно стало закипать, обнажая берег. Полоса прилива Сухой Бухты отодвинулась далеко в море и открыла нечто, принадлежащее другому Веку.

— Что же это? — спросил Анаис.

Старик посмотрел на него, сглотнул и снова остановил взгляд на Гекторе.

— Похоже, что это древний рудник, сэр Гектор — быть может, там добывали серебро. В Первом Веке, в День Богов, еще до падения звезды на землю, древние строили рудники всякого рода и черпали оттуда богатство, как мы теперь достаем рыбу из моря. Огромность этой впадины не опишешь никакими словами. Вода, когда схлынула, обнажила только самый ее край, и край этот тянется, сколько глаз видит.

— Я так и не понял, какое отношение это имеет ко мне или к королевскому скипетру, — пожал плечами Гектор.

Бранн говорил теперь медленно, выбирая слова и переводя взгляд на всех поочередно.

— Говорят, что в Первом Веке немалая доля земли, лежащей теперь на дне моря, была сушей. Когда звезда Мелита, известная теперь как Спящее Дитя, упала на Серендаир, она унесла с собой больше половины острова, сэр Гектор. Северные острова Балатрон, Бриала и Кверель были тогда вершинами гор, и множество пахотных земель ушло в море после тогдашнего потопа. Серендаир много столетий назывался Половинной Землей — вот сколько отнял у него океан.

В те дни, еще до первого наводнения, открывшийся ныне рудник был, должно быть, запечатан правившим тогда королем. Он мог представлять опасность из-за одной своей величины, но закрыть его могли и по другим причинам: в брошенных рудниках струятся кислотные реки и загораются пожары, которые одно лишь время способно погасить. Они изобилуют провалами и глубокими шурфами. Столь огромный рудник был, наверное, крайне опасным местом, вот древние его и закрыли, навсегда, как им думалось, опечатав вход. — Старик, охрипший от напряжения, подался ближе, чтобы Гектор наверняка услышал его. — Мне кажется, мы нашли этот вход, сэр Гектор.

— И ты думаешь, что королевский скипетр способен его отпереть?

— Да. — В темных глазах Бранна вспыхнуло волнение. — В руках короля — или того, кто его заменяет. Единственный из символов королевской власти, оставшийся здесь, может стать ключом. Двери рудника выходят на усыпальницу Дитяти, и закрытыми их держит скорее приказ короля, нежели железные затворы. Возможно, вы, как регент, сумеете отпереть их. Если они откроются до Пробуждения, то эта громадная пещера на краю моря, возможно — заметьте, я говорю «возможно», — послужит естественным стоком. Быть может, мы избежим худшего, если море хлынет не на остров, а в эту большую дыру. — Бранн умолк, не сводя глаз с гвардейцев, которые отошли посовещаться.

— Смешно, — пробормотал Джармон. — Эта дыра в земле не больше способна сдержать потоп, чем чайная чашка.

— Кто знает? — возразил Анаис. — Рыбак прав. В тот первый раз Серендаир спасли естественные дамбы — горы, рифы и низменности. Море затопило часть, но не весь остров.

— Ты прямо как Севирим, — фыркнул Джармон. — Видать, это мешки с песком так подействовали на твои мозги. И на твои тоже, Гектор, — бросил он погруженному в раздумья командиру. — Это же полная чушь.

— А что, если нет, Джармон? — сказал Гектор. — Что, если в эти последние дни Единый Бог послал нам спасение? Разве так трудно поверить, что его милосердие способно спасти нас?

— Ты сомневаешься в видении короля? — воинственно спросил Джармон.

— Сам король сомневался в нем. Будь он более уверен, что катастрофа, увиденная им в день его коронации, полностью уничтожит остров, он ни за что не уехал бы — и не оставил бы здесь меня как хранителя своих прав. — Гектор взглянул на Канту, подозрительно сузившую глаза. — Разве не так, Канта? Я стою в тени короля, я его родственник и его регент, призванный удержать его власть над этой землей. Если остров переживет Пробуждение благодаря тому, что я совершу от имени Гвиллиама, его род сохранит все права на престол, и он сможет занять трон без всякой борьбы.

— Это так, — кратко ответила Канта.

— И если сам король не исключал, что полного уничтожения можно избежать, так ли уж неразумно для нас предположить то же самое?

Анаис тронул Гектора за локоть и спросил на языке лирингласов:

— А может быть, ты склонен на это надеяться из-за тех, кто не поспел на «Оседлавшего бурю»?

Гектор помолчал и ответил прямо:

— Я уже и сам не знаю, что мною движет. Не знаю даже, как поступил бы в таких обстоятельствах мой отец, а это всегда было для меня пробным камнем. Мои мысли смешались, как голоса ветров, которые Канта слышала ночью. В них очень мало ясности, Анаис. Могу только сказать, что в этой новой возможности мне видится обещание — возможно, потому, что здесь хоть что-то зависит от нас. Провести последние дни в гостинице за едой и выпивкой — дело хорошее, только это не по мне. Попытаться никогда не мешает. Уж лучше я умру, пытаясь сделать что-то, пускай бесполезное, чем упущу случай спасти, что только возможно.

Трое других задумчиво помолчали, и наконец Анаис сказал:

— Даже в своей растерянности ты остаешься нашим вождем, которому мы дали клятву. Если ты хочешь попытаться, мы с тобой. Ведь так? — Он глянул на Канту и Джармона.

— Так, — сказал Джармон, а Канта чуть заметно кивнула.

Гектор подумал еще немного и сказал старику:

— Я сделаю то, о чем ты просишь. Но хочу сразу внести ясность: я не выпущу скипетр из рук.

Лицо старика выразило великое облегчение.

— Иного мы и не желаем. И знайте, сэр рыцарь: добьетесь вы успеха или нет, мы будем вечно вам благодарны за все, что вы сделаете для нас.

И даже Канта, подозрительная по натуре, услышала правду в словах старика.

Солнце уже полностью вышло на небо, когда они всемером отправились на восток, навстречу разгорающемуся дню. По земле стлался туман, и казалось, что они едут по золотой дороге прямо в облака.

Мальчик, так и не сказавший, как его зовут, сидел в седле перед Гектором, наслаждаясь свежим ветерком и красотой ранней осени. Его, дитя городских улиц, завораживали луговые цветы, прихваченные первыми заморозками, поля, струящиеся волнами, как зеленое море, и только начинавшие одеваться в разноцветный убор деревья.

Замок Элизиан стоял на юго-востоке, за Великой рекой, пересекающей остров с севера на юг. С высокого утеса он глядел на южное побережье острова в десяти милях от него. В ясные дни с самых высоких его башен виден был океан, тихо набегающий на подветренный берег — разительное отличие от свирепых валов, громящих остров на севере, откуда приехал Бранн.

В лиге от реки Гектор и Анаис недоуменно переглянулись. Здесь, на юге, она всегда громко шумела, раздувшись от северного прилива и вод притоков, больших и малых. Ее грозная песнь слышалась на многие мили, но теперь до путников не донеслось ни единого звука, кроме тревожного чирикания птиц да воя ветра.

— Река стояла низко, когда мы переправлялись в последний раз, — сказал Анаис, — но такой тихой я ее не припомню. — Женщина позади него накренилась, и он пристроил ее руку так, чтобы она крепче охватывала его за пояс.

— Она теперь почти совсем высохла, — вставил Бранн. — Кое-где на дне только лужи остались. Я ехал к вам по восточному берегу моря, и колесо каменной мельницы в Гавани Надежды стояло без движения.

— Морская вода уходит в могилу звезды, увлекаемая ее жаром, — сказал Гектор, показывая мальчику парящего в небе ястреба.

— Линия северного берега отступила больше чем на милю, сэр Гектор, — подтвердил рыбак. — Иначе вход в рудник никогда бы не обнаружился.

Как только он произнес это, под землей прокатился рокот.

Гвардейцы пришпорили коней. Спящее Дитя давало о себе знать таким образом еще до исхода островитян — трясло землю, точно потягивалось во сне. Эти сотрясения постоянно усиливались.

До реки они доехали молча. Перед ними вырос мост у Присова Брода, самый большой на острове. Он чернел на утреннем солнце, которое поднялось уже высоко.

— Ты взял хлеб для троллей, Гектор? — шутливо спросил Анаис. Согласно давней традиции все путники бросали в реку хлеб или сухари для сказочных стражей, живущих под старым мостом.

— Нет, — слегка улыбнулся Гектор — Нам теперь надо беречь каждую крошку. Что толку пережить стихийное бедствие, если потом с голоду помирать придется?

— Тролли так и так уплыли со Вторым Флотом, — добавил Джармон, немного воспрявший духом от поездки на свежем воздухе.

— Вот почему жена прелата оказалась на корабле твоего отца, — вздохнул Анаис.

— Причислить жену прелата к троллям значит нанести им тяжкое оскорбление, — не уступил Джармон.

Копыта лошадей застучали по доскам настила над почти пересохшей рекой. По каменистому дну (раньше глубина реки под мостом превышала человеческий рост) упорно струились ручейки притоков, доказывая, что река не совсем еще умерла.

Солнце достигло зенита, когда вдали показались башни Элизианского замка. Солдаты, как всегда, невольно придержали коней, чтобы полюбоваться величественным зрелищем. Белый мрамор на синем осеннем небе сверкал по-прежнему, указывая путь, как маяк.

И Гектор, и его мать родились в этом дворце. Задержавшись на мгновение, он пустил лошадь быстрой рысью, к восторгу своего маленького седока.

Меланхолия не заставила себя ждать. Они ехали через бесконечные, теперь сильно поредевшие яблоневые сады. Деревья к западу от Истона, вплоть до Зачарованного леса, где родился Анаис, беспощадно вырубались на постройку кораблей. Яблони, непригодные для этой цели, постигла такая же участь — они шли на сундуки, бочки и даже на топливо для кузниц, где спешно ковали оснастку, наконечники для стрел и многое другое. Немногие оставшиеся в садах деревья принесли скудный урожай, но собрать его все же стоило.

Еще тяжелее оказалась дорога через Каменный лес, некогда подходивший к самому подножью утеса, где стоял замок. Земля, из которой произрастали древние деревья, считалась Живым Камнем, первичным элементом, сохранившимся от самого Преждевременья, когда мир был нов. Семена лесных деревьев, по преданию, бросили в живую землю, и из них выросли громадные кедры и дубы, наделенные волшебной силой. Эти великаны, чья кора отливала зелеными, пурпурными, алыми и золотыми красками, сами казались подобием Живого Камня — они не валились от ветра, не горели в огне, не поддавались гнили. Они стояли вечно, никогда не меняясь, и древние соки, струясь по ним, складывались в бесконечную мистическую симфонию веков. Анаис и Гектор провели в этом лесу свое детство, и им больно было видеть, что от прежних гигантов остались только огромные пни. Из их древесины построили корабельные корпуса и мачты, не боящиеся гнили, огня и океанских бурь.

«На этих кораблях наши семьи обрели спасение, — говорил себе Гектор, проезжая по вырубке. — Спасение».

На другом краю Каменного леса стали видны крепостные стены замка, к которым вели триста ступеней. Гектор, при-

держав лошадь, оглянулся и увидел испуг на лице старого рыбака.

— Не отчаивайся, Бранн. Теперь, когда подъемников больше нет, такое восхождение немногим под силу. Оставайся здесь. Мы с Анаисом, Джармоном и Кантой скоро вернемся.

Двое солдат — старый и молодой — вздохнули, но промолчали.

За все годы, прожитые в замке, Гектор не уставал восхищаться его устройством. Вот и теперь, поднимаясь по высеченным в скале ступеням, через ведущие к замку сады и террасы, он высматривал скрытые там укрепления. Когда-то в этих расположенных кольцами бастионах размещались десять тысяч солдат. То, что они оставались скрытыми от посторонних глаз, было заслугой короля Вандемира. Он воздвиг этот замок, как монумент мирному времени, помня при этом, что война всегда где-то не за горами.

Король верхом на гиппогрифе, чья разбитая статуя валялась теперь в сухом фонтане на площади Истона. Дед Гектора.

— Ты знала его, Канта? — спросил Гектор, поднимаясь по гранитным дорожкам мимо засохших клумб и фигурно подстриженных деревьев. — Короля Вандемира?

— Да. — Она смотрела вверх, на боковой вход в замок, никем теперь не охраняемый. Одна створка слегка приоткрылась, свидетельствуя о полной заброшенности этого места. В прежнее время здесь несли караул не меньше двух десятков солдат.

Четверо зашагали по гулким чертогам, глядя прямо перед собой, чтобы не видеть пустоты прекрасных некогда залов. Их шаги звучали глухо в сумрачных коридорах.

Гектор мог бы найти здесь дорогу с закрытыми глазами. Только поспешность, на которой настаивал старый рыбак, и проснувшаяся надежда мешали ему остановиться и посмотреть на знакомые с детства переходы, комнаты и ниши. Многие гобелены так и остались на стенах, произведения искусства по-прежнему украшали дворец — мародеры, дочиста разграбившие всю округу, ничего здесь не тронули. Элизиан все

еще считался священным, хотя на его троне больше не было короля.

Свернув в коридор, ведущий к тронному залу, Гектор понял, почему это так.

Король в каком-то смысле остался на троне. Гвиллиам назвал его, Гектора, своего кровного родича, тенью короля — стало быть, король покинул остров не окончательно.

— Мне повезло здесь вырасти, — сказал Гектор, минуя детскую, где играла его мать со своими братьями и сестрами, пока их родители исполняли свои королевские обязанности. — Столько закоулков, столько мест, где можно спрятаться. Чтобы меня отыскать, созывали всю дворцовую стражу. Я устроил себе гнездо под драпировкой в Зале Истории и часто там засыпал. Это было очень весело, пока мой собственный сын не начал вытворять то же самое. До сих не понимаю — где так умудрились запрятаться этот мальчишка с его матерью, что мы их не нашли?

— В городском некрополе, — сказала вдруг Канта, устремив взгляд на огромные черные двери тронного зала. — В одной из гробниц.

— Почему ты так думаешь?

— От них пахло смертью. — Канта взялась за массивное дверное кольцо из меди. — Теперь тоже пахнет, но по-другому.

В громадном темном зале стоял трон из белого мрамора с сине-золотой росписью. Еще недавно на нем восседал последний король Серендаира, еще не вступивший в брак. Гектор взошел на помост по застланным ковром ступеням и занял королевское место. На стене перед собой он увидел девиз Вандемира, неизбежно притягивающий взгляд каждого короля, занимавшего этот трон:

Тяжек долг того, кому служат все, ибо он служит всем

Гектор прочел его и протянул руку к правому подлокотнику.

— Траан дер, синга ивер монокран фри, — тихо произнес он на языке древних сереннов, Перворожденных, детей Эфира — первых жителей этого острова. — Явись именем короля.

Мраморный подлокотник раскрылся, и на уровень трона поднялась механическая рука, сжимающая королевский скипетр Серендаира.

Этот символ власти представлял собой палицу темного дерева длиной с бедро взрослого человека, покрытую позолотой и рунами. Под слоем золота еще просматривались зеленые, пурпурные, алые и золотистые штрихи — цвета деревьев Каменного леса, откуда, возможно, и взяли этот жезл. Алмаз величиной с детский кулачок на его конце тускло светился в сумраке зала.

Гектор вынул его из механических пальцев.

В темных глазах Канты появился блеск, которого Гектор раньше не видел. Он вопросительно посмотрел на нее и удивился, когда она заговорила — обычно Канта ревниво оберегала свои мысли.

— Если бы престол перешел к старшему сыну Вандемира, а не к младшему, мы давно бы уже увидели тебя на этом троне, Гектор.

Он встал, спустился и зашагал к выходу.

— Выходит, мне предназначено закончить свои дни именно так. Будь я королем, я не уехал бы. Зато ты, Канта, и Джармон, и Анаис, и Севирим — вы все отправились бы вместе с остальными, чтобы охранять их в новом для них мире и продолжать жить. По этой, и только по этой причине я сожалею, что престол не достался мне.

Кизийка ничего не ответила, и из дворца они вышли молча. У самой крепостной стены Гектор тронул ее за руку.

— Скажи мне одну вещь, Канта. Время церемоний прошло, пустой учтивостью мы ничего не достигнем. Когда ты говорила, что король кизов выбрал тебя как представительницу вашего народа, я сразу подумал, что ты сама вызвалась. Ты — старый и самый близкий друг моего отца. Это ради него ты решила остаться со мной, верно?

Канта недовольно сощурилась.

— Маквит никогда не попросил бы меня об этом. Никого не попросил бы.

— Я знаю, — улыбнулся Гектор, — но ведь ему не пришлось просить.

Канта нахмурилась и призналась:

— Нет. Не пришлось. Я и верно осталась ради него — чтобы быть рядом с его сыном, когда его самого здесь нет. — Она смотрела на зеленые поля, позолоченные клонящимся к западу солнцем. — Такой конец не хуже любого другого.

— Спасибо, — сказал Гектор. — За то, что осталась, и за то, что сказала.

Она только кивнула в ответ.

— Я попрошу тебя еще об одном, — сказал он, когда они стали спускаться по лестнице. — Взяв женщину и ребенка с собой на север, мы будем двигаться медленнее, и это уменьшит надежду на их выживание. Элизиан — наивысшая точка южной половины острова. Если море пощадит хоть что-то, это будет он. Побудь с ними, Канта, и позаботься о них, особенно о мальчике. Мы оставим тебе провизию, а в садах можно будет брать яблоки. Если нам удастся сдержать море, а у тебя кончатся припасы, можешь вернуться в гостиницу. — Канта кивнула, и Гектор остановил ее, придержав за локоть. — Но если придет волна, поднимитесь как можно выше. Советую тебе держаться поближе к башне провидцев. — Он указал на самый высокий из шпилей замка, где жил когда-то Грааль, провидец и королевский советник.

Канта снова ответила кивком.

Джармон уже держал лошадей наготове. Мужчины сели верхом, и тут мальчик завопил, извиваясь в крепких руках Канты:

— Не-ет! Вожми меня с собой! — Он смотрел на Гектора. — Хоцу с тобой!

Его крик прозвучал в голове Гектора, как эхо. Точно так же кричал Айдан в тот день, когда он посадил свою семью на корабль.

«Хоцу с тобой, папа! Хоцу с тобой!»

У него сжалось горло. Он вспомнил, как расплакалась Талтея, такая сильная и храбрая, услышав мольбу своего сына. Он нагнулся, погладил мальчика по голове и кивком простился с Кантой. Ребенок, когда Гектор оглянулся, все еще бился

в ее руках и сдался только, когда всадники почти совсем скрылись из виду.

Совсем как Айдан.

Теперь они ехали вдоль реки на север, где когда-то мулы тянули баржи, нагруженные товарами из дальних стран и с северных островов. Эти караваны вели торг у каждой переправы и каждой деревни, а заканчивали путь в Саутпорте, огромном городе в устье реки.

Камни на обочине дороги содрогались. Чем дальше на север, тем чаще и сильнее становились подземные толчки, а небо почти полностью затянулось туманом, сквозь который изредка виднелись клочки синевы.

Всадники хранили молчание. С каждым прожитым ими днем туман сгущался все больше и глушил сперва шутки, а потом и всякие разговоры.

Наконец они достигли Гавани Надежды, большого мукомольного города на Великой реке, где скрещивались западный и восточный тракты. Прежде Гавань была сердцем реки. Повозки, вытянувшись, сколько хватал глаз, сгружали зерно для мельниц и загружались всевозможными товарами с барж. Теперь город опустел, а колеса больших мельниц застряли в грязи или уперлись в камень.

Мельница Пратта, самая крупная из всех, стояла на самом глубоком и быстром участке реки. Западный и восточный берега рядом с ней соединял мост, с которого открывался красивый вид. Теперь западная половина моста обрушилась, но восточная еще сохранилась. Путники проехали мимо, и только жар солнца где-то над головой помог им определить, что сейчас полдень.

За мельницей, где дорога сворачивала на восток, Гектор объявил привал, чтобы лошади могли попастись. Зачерпнув горсть гладких речных камешков, он позвал Анаиса, и они вдвоем пошли вдоль берега. По широкому руслу реки едва струился узенький ручеек.

— Помнишь, она здесь казалась в добрую милю шириной, — сказал Гектор, глядя, как вода пробирается между камней и разбитых бочек на дне.

— Да. Упасть тут в воду было смерти подобно. Мельница молола день и ночь — из того, кто свалился бы в реку к северу от нее, назавтра испекли бы хлеб.

— А теперь мы могли бы перейти ее вброд, лишь слегка промочив ноги. Словно река никогда и не делила остров надвое. — Гектор посмотрел на камешки у себя в руке. — Отец как-то сказал мне то, что теперь не выходит у меня из головы. — Он помолчал, припоминая отцовские слова в точности. — Он входил в братство Кузенов, солдат, повинующихся ветру. Там он научился входить в двери ветров, что помогало ему преодолевать большие расстояния за короткое время. Когда я спросил, какой магией он для этого пользовался, он ответил: никакой магии не требуется, надо лишь уяснить, что расстояние — это иллюзия.

Всех нас, и друзей и врагов, соединяют узы, которые сильнее того, что нам видится как мировое пространство. Это пространство, это расстояние — всего лишь порог между одной и другой областью, одной и другой душой, дверь, мост, если хочешь. Чем сильнее связь между двумя местами, тем ниже порог — тем легче его перейти, вернее сказать. Физическое расстояние становится чем-то второстепенным. Это знание помогло Маквиту выиграть величайшую битву своей жизни и победить огненного демона, ф'дора Тсолтана. Его ненависть к этому демону и ко всему роду ф'доров была сильнее каких бы то ни было препятствий, и мир оказался недостаточно просторен для них. — Гектор перевел дух. — По этой же причине, должно быть, мне кажется, что мои жена и сын совсем рядом, и во сне я не вспоминаю их, а именно вижу — такими, как они есть сейчас. По этой же причине тебе снится Дерево Мира и твои родные места.

Анаис кивнул, и они помолчали, глядя на журчащий по дну реки ручеек.

— Какая погода нас ожидает в ближайшие дни? — спросил Гектор, кинув туда камешек.

— Если не считать возможной катастрофы, то, похоже, хорошая. А что?

Гектор бросил в ручей еще одну гальку.

— Просто хотел узнать, не промочит ли тебя дождь во время поездки.

Улыбка исчезла с лица Анаиса.

— Поездки? Какой поездки?

— Я отправляю тебя домой, Анаис. Тебе не надо больше сопровождать нас. Мы либо добьемся своего, либо нет — твое присутствие не имеет значения. Твои сны означают, что Сагия зовет тебя, и пренебрегать ее зовом негоже.

В серебристых глазах Анаиса отразились одновременно понимание и печаль.

— Я научился принимать многое, чего год назад даже представить себе не мог, множество трагических и страшных вещей — но мне даже в голову не приходило, что я встречу свой конец вдали от тебя.

Гектор швырнул вниз оставшиеся камни и вытер ладонь о рубашку.

— Мы всю свою жизнь провели рядом, Анаис, и это была хорошая жизнь, — произнес он твердо. — Нет нужды еще и умирать вместе — главное, умереть достойно.

— Если Севирим был прав, или если ты выполнишь, что задумал, нам, может, и вовсе не придется умирать, — отвернувшись, сказал Анаис.

— Может быть. Но все равно отправляйся домой.

Земля у них под ногами колыхнулась сильнее прежнего, словно подтверждая слова Гектора.

На обратном пути к лошадям он остановил друга еще один раз, напоследок.

— Знай, что где бы мы ни были в свой последний час, ты будешь со мной, Анаис, — сказал он просто.

— И после тоже, Гектор, — улыбнулся лиринглас. — Нас с тобой даже смерть не разлучит. — Он стиснул плечо друга. — За тобой должок: ты обещал всю ночь поить меня дорогими винами.

Когда Анаис уехал, дни и ночи побежали быстро.

Над северными островами сквозь туман стало видно желтое зарево. Подземный рокот сделался громче, сотрясения

сильнее, и путники больше не знали покоя. Сон для них стал непозволительной роскошью, усталость грозила опасностью потерять дорогу в тумане.

Услышав наконец шум прибоя и увидев над горизонтом огонь, они сочли, что Сухая Бухта уже близко, и устроили привал — последний, как они полагали. Гектор высыпал в котелок над костром остатки провизии, Джармон и рыбак занялись лошадьми.

— Бранн, — прервал тягостное молчание Гектор, когда все трое сели за еду, — ты всегда жил в Сухой Бухте?

— Нет. Я там родился, но вернулся туда не так уж давно.

— Да ну? — Джармон отставил миску. — Необычно для рыбака, правда? В таких местах семьи живут целыми поколениями.

— Это верно. Но мне когда-то представился случай уехать, и я им воспользовался. Где я только ни побывал, каких занятий ни перепробовал, но о родине не забывал никогда. Когда стало известно, что Дитя пробуждается, меня одолело желание вернуться домой и помочь своим чем только смогу.

— Ты ведь понимаешь, что надежда сделать хоть что-то, не говоря уж о спасении твоей деревни, очень невелика? — серьезно спросил Джармон. — Сглупил ты, братец.

— Ошибаешься, — поспешно вставил Гектор, видя, как померк блеск в глазах рыбака. — Надежда, даже самая малая, остается надеждой, и попытка — это не глупость.

— Большего я и не прошу. — Бранн завернулся в свое грубое одеяло и улегся поспать.

Когда он задышал глубоко и ровно, Джармон достал потертый кисет и набил трубку остатками табака.

Земля содрогалась. Гектору казалось, что толчки стали дольше, а то, что они участились, уже не подлежало сомнению. Анаис перед отъездом на восток заметил, что даже Севириму было бы трудно это отрицать.

Гектор смотрел в темное небо, на котором не было звезд.

— Вот и остались мы вдвоем, Джармон, — сказал он, глядя, как летят по ветру клочья тумана.

— Еще Бранн. — Дым, выдыхаемый Джармоном, смешивался с туманом.

— Да, Бранн. Будь к нему немного добрее — ты его совсем застращал.

— Вот и ладно. — Старый солдат наклонился к Гектору над углями костра. — Я никому больше не доверяю, Гектор, а дуракам и себялюбцам особенно. Когда им предлагали спасаться, они отказывались, а теперь, вишь ты, спохватились. Правильно делают, что боятся меня.

Гектор взял в руки королевский скипетр.

— Ты предубежден против него, Джармон. Этот скипетр сделан из древнего дерева и наделен вещей силой. Он дал бы мне знать, если бы рыбак лгал нам, но до сих пор Бранн говорил одну только правду.

— Да какая теперь разница, — повел плечами Джармон. — Вы с ним единственные, кому еще есть что терять.

Гектор посмотрел на него вопросительно.

— Ты говоришь, что попытаться никогда не мешает, но сам боишься потерпеть неудачу, — пояснил Джармон, попыхивая трубкой. — Все время боишься, точно в твоих силах что-то предотвратить. Это дело обречено на неудачу с самого начала, Гектор, но только ты один с этим борешься. Мы, остальные — исполнители, не вожди. Мы знаем, что даже в неизбежном поражении есть своя слава. Для солдата, в конце концов, не важно, чем кончится битва. Ему важно то, как сражался он, важно, стоял ли он до конца или дрогнул перед лицом смерти. Солдат не решает, где, когда и с кем ему биться. Остаться с тобой было единственным, что я решил сам, и я не жалею о своем решении.

А вот ты все время боролся, хотя и молча — боролся против решения короля оставить тебя на острове и против нашего решения остаться с тобой. Ты мог бы отказаться от этого и прожить свои последние дни в подобии мира, если б не родился вожаком. Я не ты — я знаю, что мое мнение о решении его величества ничего не стоит. И живу себе спокойно между нынешним мигом и последним.

— Я стою в тени короля, — сказал Гектор, глядя во мрак. — Я принадлежу к его роду. Я его регент, призванный сохранить его власть над этой землей. Его ответственность перешла ко мне. Если я от нее откажусь, это и будет поражением.

— Не обманывай себя, парень, — серьезно ответил ему Джармон, по привычке пряча кисет на место. — Королевская власть ушла с острова вместе с королем. Спящее Дитя начало просыпаться, когда скрылись из виду паруса королевского корабля. Не отрицаю, что его право на трон сохраняется, пока здесь находишься ты, но в конце концов это утратит всякое значение. Его власть над этой землей, которую прежде никто не оспаривал, теперь надломилась и почти никого уже не защищает. То, что было прочно при короле и при всех правителях до него, теперь продырявилось. Государство, прочное как железо, проела ржавчина. Эти дыры тебе не заделать, как ни борись. Все уже решено. Ты пытаешься уберечь остров в его последние дни, потому что дал клятву, только твой авторитет уже ничего не значит.

Он вынул изо рта трубку и посмотрел Гектору прямо в глаза.

— Но твоего самопожертвования это не умаляет. Может, ты и не станешь великим, но если рожденный стать великим отказывается от возможности себя проявить, это и есть жертва. Уступить в битве, которую ты мог бы выиграть, по слову твоего короля — это великая жертва. Все прочие перед ней бледнеют. — Джармон подгреб к огню сухие листья. — Кроме мешков с песком, разве что.

В эту последнюю ночь Гектору, как всегда, приснились Талтея и дети. Каменистая земля, к которой он прижимался ухом, нагрелась от жара, идущего с севера, и наполнила туманом его ясные прежде сны.

Ему снилось, что он держит на руках свою дочь, играет с сыном, чувствует глубокий лад между собой и женой, а потом на него упала тень. Гектор поднял голову, и тень приняла облик короля, которого он не застал в живых. Того, чья безголовая статуя лежала теперь разбитая на площади Истона. Его деда, Вандемира.

Король безмолвно поманил его за собой, и Гектор увидел, что жены и детей больше нет рядом.

Он последовал за тенью короля через девственно-зеленую долину и само Время. Он шел по тихому, повитому легким туманом лесу, и Время отматывалось назад.

Третий Век, в котором он жил, шел обратным порядком. Гектор видел, как ушедшие с острова флотилии возвращаются в гавань, как заново собранное королевство дробится на части после Сереннской войны, видел саму войну. Он видел, как поля, устланные телами убитых, вновь покрываются зеленью. Годы, складываясь в века, неспешно скользили мимо.

Он оглянулся. Тень короля осталась позади и сливалась с туманом.

Гектор побежал, и обратный ход истории тоже ускорился. От Сереннской войны к войнам человека с другими созданиями и к пришествию человека на Серендаир во Втором Веке. Гектор пытался позвать короля, но в этой прохладной зеленой долине не было звуков.

Он помчался во весь опор, стремясь обнаружить цель всего этого. Второй Век незаметно пролетел мимо, и настал Первый, День Богов, когда землю населяли Древние. Краем глаза Гектор видел, как обращается вспять первый катаклизм. Воды, покрывшие остров, отступали, звезда возвращалась на небо, Подземные Палаты с заключенными в них ф'дорами запечатывались вновь — позднее эти духи вырвутся на волю и вселятся в человеческие тела, как Тсолтан, побежденный отцом Гектора.

С отменой каждого произошедшего события мир, по которому бежал Гектор, становился все более зеленым, свежим, мирным и живым. Перемещаясь против течения Времени, Гектор начинал понимать, сколько магии ушло из мира, в котором жил он сам, и как она наполняла мир в эти давние времена.

Промелькнул и Первый Век, сменившись Преждевременьем. На глазах у Гектора зарождались первобытные племена, возникшие из пяти стихий. Драконы, дети живой земли; кизы, дети ветра; водные жители митлины, предшественники людей, строили прекрасный подводный город Тартекор; спускались со звезд серенны, первые из племен. Ф'доров,

демонов стихийного огня, бесформенных и несущих хаос, четыре других племени заточили в подземный склеп, чтобы спасти землю от разрушения.

Гектор видел первозданный мир, нетронутый и спокойный. Потом и он исчез, и земля вернулась обратно в море, и ветер умер. Мир, охваченный огнем, преобразился в летящий по небу пылающий шар, оторвавшийся от звезды, и воссоединился с родным светилом.

Вокруг не осталось ничего, кроме усеянного звездами неба и тени умершего короля. Вандемир устремил на внука печальный взгляд.

К чему все это, дед? С губ Гектора не слетело ни звука, однако слова его отдавались эхом в темной пустоте. *Что ты хотел показать мне?*

Вечность, так же беззвучно ответил король.

Что это значит — вечность? Гектор с трудом дышал в тяжелом тумане темной пустоты.

Тень короля стала таять, и до Гектора донесся его беззвучный голос.

В вечности нет времени. Оставаясь здесь, ты хотел дать им больше времени, а тебе следовало бы озаботиться тем, чтобы не потерять вечность.

Гектор вздрогнул и проснулся.

По земле под его головой змеилась большая трещина.

Он вскочил на ноги и оттащил прочь старого рыбака. Джармон бросился отвязывать лошадей.

Опаленные деревья вокруг содрогнулись от рева, похожего на гром. Рыбак кричал что-то, но Гектор не слышал его. Трое людей пятились, таща за собой испуганных животных, вслепую отступая на север сквозь озаренный огнем туман. Земля под ногами постепенно перестала трястись, но рокот не прекращался.

— Все хорошо, Бранн? — Гектор пытался успокоить чалую, но она с диким ржанием плясала на месте, заложив уши.

Глаза старика остекленели, как у чалой, однако он кивнул.

— Вот оно, Пробуждение, — еле слышно из-за рокота пролепетал он. — Времени на сон не осталось, сэр Гектор.

Мы уже недалеко — если поторопимся, будем в Сухой Бухте еще до света. Умоляю вас, поспешим! Мой народ ждет избавления.

— Дураки они будут, твои односельчане, если до сих пор не ушли из деревни, — отозвался Джармон. — С той стороны так жаром и пышет. Если они еще ближе к северу, то наверняка уже испеклись.

Гектор обхватил дрожащего рыбака за плечи и помог ему сесть на коня.

— Едем. Остановимся только на месте — или уж в Загробном мире.

Они ехали через низины в устье Великой реки, где раньше стояли многочисленные города и села. Черный дым, густо стоявший в воздухе, позволял видеть только речное русло.

Лошади, которых гнали без отдыха, не позволяя даже напиться, еле передвигали ноги. Конь Бранна пал, и Джармон посадил рыбака, серого от усталости и страха, позади себя.

— Ты уж прости, Рози, старушка, — бормотал он, поглаживая взмыленную шею своей кобылы. — Скоро это кончится, и ты отдохнешь.

Сквозь ветер уже слышался грохот прибоя.

— Приехали! — прохрипел Бранн, дергая Джармона за рукав. — Море сильно отошло назад, но его еще слышно.

Гектор остановил чалую. Над морем порхали, как светляки, капли жидкого пламени, рисуя грозные узоры на почерневшем небе. Сквозь дым порой виднелись обгоревшие бревна причалов и хижин.

Трое, бросив лошадей на берегу, побрели по сырому песку. Им то и дело встречались холмики — мертвые тела, занесенные пеплом.

Гектор поглядывал на Бранна. Старик, заслонив глаза, искал в черных клубах цель их путешествия — вход в рудник.

— Вон там, — сказал он наконец немного окрепшим голосом. — К северу от обвалившегося моста, за тем мысом — раньше вода окружала его с трех сторон.

Песчаный берег колыхнулся, словно подтверждая его слова.

— Показывай дорогу, — крикнул Гектор.

Они брели через пески, оставленные отхлынувшим морем. На поверхности проступали скелеты кораблей, обломки рифов, раковины всевозможных моллюсков.

Огненный язык стрельнул неподалеку в черное небо и вновь опал в океан.

Миля за рухнувшим мостом, вторая, третья. Мокрый песок обжигал обутые в сапоги ноги. Когда из-за дыма ничего уже не стало видно, Бранн остановился около уцелевшей, застрявшей в песке рыбачьей лодки, упал на колени и прошептал:

— Здесь.

Гектор слезящимися от жары и пепла глазами посмотрел в сторону, куда указывал скрюченный стариковский палец.

Сначала он не увидел ничего, кроме бесконечных песков и дыма, но потом разглядел, и дыхание пресеклось в его саднящем горле.

Они стояли на вершине подводного хребта, постепенно сходившего в трещину глубиной больше тысячи футов. На ее дне еще оставались лужи соленой воды. Гектор, обводя ее глазами, не нашел ни начала, ни конца. Трещина тянулась до самого горизонта — они смотрели на нее, как на бескрайний луг с высокой горы. Какова бы ни была истинная величина древнего рудника, она не поддавалась оценке даже при ясном небе; впадина, на века погребенная под песком, уходила за черту отступившего моря. Только теперь Гектор понял замысел Бранна: если направить море в этакую воронку, хотя бы часть острова может быть спасена.

— Где же вход? — прокричал он сквозь идущий с севера гул.

— На дне, — крикнул в ответ Бранн, стараясь не сгибаться под жгучим ветром.

— Можно ли здесь спуститься, Гектор? — спросил Джармон, ища на скальной стене выемки и не находя их. — Если мы сорвемся с такой высоты, то долетим до самого низа. По крайней мере недолго мучиться будем.

— Вон там, похоже, есть какая-то тропка, — пригибаясь, ответил Гектор.

— Надо спешить, — сказал Бранн, с тревогой глядя на небо. Жидкий огонь снова ударил вверх, разбрызгивая пепел, и земля под ногами заколебалась. Рыбак перелез через край обрыва в месте, указанном Гектором, и двое солдат последовали за ним.

Скользя то на ногах, то на спине, они спускались в трещину, подгоняемые близостью Пробуждения. Здесь, на глубине, уже не было обломков, которые они видели у кромки берега.

Спустившись, они оказались у подножия отвесного утеса. Ноги вязли в песке, еще недавно покрытом толщей морской воды.

Ветер выл где-то над ними и лишь изредка задувал в каньон, швыряя песок им в глаза.

— Где дверь? — опять спросил Гектор. Здесь, в относительной тишине, кричать уже не приходилось.

— Там, — дрожащим голосом ответил Бранн, указывая на север.

Туда трое добирались уже ползком, преодолевая каменные россыпи и рытвины.

Перед ними высилось нечто, напоминающее две плотные земляные глыбы, гладкие, как гранит, и белые, как морской песок вокруг них. От прочих подводных скал глыбы отличала только тонкая черная трещина между ними.

Грунт под ногами вздыбился сильнее прежнего, и ветер наверху завыл еще пронзительнее и отчаяннее. Огонь ударил в небо, окрасив тучи кровью.

Гектор достал из котомки скипетр. Алмаз на сияющем золотом древке сверкнул почти грозным огнем.

Две глыбы перед ними как будто зашевелились. Трое мужчин смотрели, словно завороженные, как стекает вниз песок, наросший с незапамятных времен, и обнажаются гигантские, окованные бронзой створки дверей, покрытые письменами и рунами, которых Гектор никогда не видывал прежде. На правой открылась замочная скважина странного вида.

— Поторопитесь, сэр рыцарь, — взмолился Бранн, глядя через плечо на северный небосклон.

Скипетр в руке Гектора стал каким-то другим. Жезл, вырезанный, по его мнению, из ветви живого дерева, теперь походил на кость с алмазным суставом. Гектор осторожно поднес его к скважине, прикидывая нужный угол, и произнес:

— Виден, синга ивер монокран фри. — Откройся именем короля.

Знаки на двери ожили, и позолота золотыми чешуйками стала осыпаться с жезла.

Гектор вставил ключ в замок, медленно повернул против солнца.

Он скорее почувствовал, чем услышал раскатистый грохот, и трещина между створками стала чуть шире. Гектор толкнул правую, сдвинув ее разве что на волос, и попытался заглянуть внутрь.

Там стояла кромешная тьма. Гектор приоткрыл дверь еще немного, одолевая вековые наносы песка. Бранн помогал ему, вкладывая в это остаток сил.

Огни Пробуждения взмывали все выше и пылали ярче, бросая тени в темную каверну. Гектор снова заглянул в щель.

Он не представлял себе всей огромности этого места. Никаких стен не было видно, точно дверь отворялась прямо в ночное небо, в глубины вселенной.

— Еще раз, сэр рыцарь, — прошептал бледный от изнеможения Бранн. — Надо открыть пошире. Времени совсем не осталось.

Джармон тоже налег на дверь изо всей силы. Правая створка с визгом, от которого Гектор передернулся, подалась еще немного в бесконечную тьму.

Сначала Гектор, как и раньше, ничего не увидел внутри. Потом на самом краю его поля зрения замелькали какие-то огоньки — возможно, остатки пожара, горевшего в руднике уже несколько тысячелетий. Но эти огоньки перемещались, и Гектор вдруг ощутил слабость, и в голову ворвались тысячи визгливых, бурно ликующих голосов.

Огни перетекали с высоких карнизов в огромную яму, как по стволу горящей сосны. Все они, дальние и ближние,

валили к двери, наполняя воздух разрушительным хаосом вспышек.

Гектор, чья голова раскалывалась от торжествующего воя, мог лишь смотреть в ужасе, как огненный поток, набирая силу, льется прямо к нему.

Его разум дрогнул от сознания того, что он сделал. Время остановилось. Истина, открывшаяся ему, звучала громче, чем рокот землетрясения.

Он только что сломал единственный барьер, отделявший жизнь от небытия, существование от гибели.

Мало того — его деяние грозило самому Загробному миру.

— Боже, — прошептал он, весь мокрый от пота. — Да ведь это Палаты, Джармон. Мы открыли Подземные Палаты.

Глухое проклятие Джармона потонуло в визге и скрежете огненных демонов, рвущихся на волю после долгого заточения.

Ухватившись за кольцо, оба солдата стали тянуть дверь на себя. Им удалось закрыть ее, но не до конца: рыбак заклинил ее своим телом, усевшись верхом на пороге.

— Уйди, дурак! — Джармон хотел оттащить старика и взвыл от боли, когда тот мертвой хваткой вцепился в его руку.

Лицо старика, ставшее почти прозрачным, выражало неприкрытый восторг. Над хищным оскалом улыбки сверкали темные глаза, обведенные кроваво-красными кольцами.

— Это обо мне предупреждали вас ветры, сэр Гектор, — сказал он тихо. — О моем приближении.

— Нет, — прохрипел Гектор. — Ты... ты...

Демон в образе старика недовольно пощелкал языком, что противоречило его веселой улыбке.

— Ну-ну, сэр Гектор, — с преувеличенной учтивостью произнес он. — Это исторический момент, его следует ощутить во всей полноте! Не будем портить его упреками.

Он отпустил руку Джармона, и солдаты снова ухватились за дверь, но ф'дор не уступал, и сила его возрастала с каждым мгновением. Гектор тянул что есть мочи, но только ободрал кожу со своих потных ладоней.

Джармон, отступив, выхватил меч, но Бранн щелкнул пальцами. Темное пламя, зажженное им, пробежало по клин-

ку, и меч расплавился в руке Джармона. Гвардеец с криком упал на песок.

— Скипетр... — выговорил Гектор.

— Не помог тебе отличить правду от лжи? — охотно поддержал разговор демон, следя, как приближаются к двери его соплеменники. — Но ведь я говорил вам чистую правду. Мой народ в самом деле целую вечность прожил на краю моря, и телом мы немощны, хотя духом сильны. Одни, без помощи, мы никогда не открыли бы эту дверь. Правда и то, что никто из нас и думать не смел бы притронуться к скипетру: Живой Камень, увенчанный алмазом, для нас верная смерть. Вот почему нам нужен был ты, и мы благодарны тебе за услугу.

— Священная земля, — прошептал Гектор, без всякой пользы дергая дверь и сопротивляясь голосам демонов, вопящим у него в голове. — Гостиница стоит на священной земле...

— Так ведь я не входил в нее. И во дворец тоже, если помнишь. Вы встретились со мной на перекрестке дорог и оставили меня у подножия замка. Очень любезно с вашей стороны, — засмеялся демон. — То, что я рассказывал вам о себе, тоже правда. Мне представился случай покинуть родину — давным-давно, во время первого катаклизма, когда звезда в первый раз проломила Палаты. Многим из нас удалось уйти, прежде чем склеп запечатали снова, и все эти века за нами охотились, вынуждая переходить из одного тела в другое. Мы скрывались и выжидали, но теперь мы снова выйдем на свет — благодаря тебе, сэр Гектор. Ты стремился спасти от катастрофы все, что только возможно, и в итоге вывел из плена целый народ! Мало того, что ты освободил нас из заточения — теперь наш повелитель, который долго следил за дверью в ожидании этого дня, займет твое тело! Что может быть поучительнее подобной развязки!

Огонь в глазах демона пылал не менее ярко, чем в небе.

— Когда старый рыбак подплыл в своей лодчонке посмотреть, что такое открылось на дне отступившего моря, я, не имеющий формы, подкараулил его. Я, как и сказал, сразу вернулся домой, услышав о Пробуждении. Я, конечно, предпочел бы более молодое и сильное тело, — вздохнул демон, —

но в дни стихийных бедствий надо брать первое, что попадется. Замечательная вещь правда, не так ли? Надо лишь уметь говорить ее так, чтобы каждый толковал, как удобно ему.

Наконец я сказал, что мы будем вечно благодарны тебе, сэр рыцарь, и мы благодарны. Вечно.

Джармон, пошатываясь, поднялся на ноги, посмотрел Гектору в глаза и тихо сказал:

— Открой дверь, Гектор.

Эти слова прозвучали ясно среди хаоса, царящего в голове Гектора. Рыцарь сузил глаза и тут же широко распахнул их. Он понял.

Собрав последние силы, он налег на правую створку дверей и открыл ее еще шире, чем прежде. Голова у него буквально разламывалась от бешеного визга демонской орды, подступившей уже совсем близко. Он пытался отвести глаза от ужаса этого зрелища, но помимо воли продолжал смотреть на поток черного огня, несущийся к выходу из тюрьмы.

В тот же миг Джармон бросился на Бранна и обхватил его руками. Хилое демоново тело не устояло перед натиском, и оба влетели через порог в Палаты.

Это позволило Гектору закрыть громадную дверь как раз вовремя, не дав ф'дорам, сидевшим в заточении с Первого Века, выйти в материальный мир.

Он вынул ключ из замка и зашвырнул его далеко назад. Затем продел руки в медные кольца и напряг все свои мышцы на то время, пока сверкающие створки не потемнели, вновь превратившись в безжизненный камень.

Ум его мутился от воплей, которые он слышал и чувствовал по ту сторону этих дверей. Демоны колотили в них изнутри, сотрясая его тело. Он нагнул голову, сдерживая их напор и пытаясь хоть немного заглушить ужасающие звуки. Ему казалось, что среди них он различает голос Джармона, выдающий нестерпимые муки, телесные и душевные.

Пока он прижимался всем телом к камню, жгущему грудь и лицо, небо над ним сделалось белым.

С громовым ревом, раздробившим небесный свод, Спящее Дитя поднялось из морской пучины.

Этот рев заглушил даже визг, идущий из Подземных Палат. Гектор теперь чувствовал только чудовищный жар сзади. Жар испепелял его тело и проникал сквозь дверь, навеки припечатывая Гектора к медным кольцам.

Переходя через смертный порог в Загробный мир, Гектор наконец увидел то, о чем говорил ему отец и что он сам пересказывал Анаису. Ближе последнего вздоха и в то же время за полмира от себя он увидел своего друга на ветвях Сагии, увидел отца, несущего бдение по колени в прибое, а на берегу позади него — Айдана и Талтею с младенцем на руках. Маквит смотрел на него с другого конца мира, с другой стороны Времени.

Когда его дух расстался с телом, растворяясь и в то же время расширяясь до самых краев вселенной, Гектор усилием воли заставил себя удержать невидимую нить еще на миг. Чтобы поцеловать в последний раз жену и детей, чтобы шепнуть отцу через порог связующей их любви:

Дело сделано, отец. Твое ожидание окончено. Возвращайся обратно к живым.

Последняя его мысль была иронической, даже веселой. Теперь, когда море вновь скроет двери Подземных Палат, его спеченное в глину тело запрет их и даже в смерти будет нести дозор, как нес он при жизни.

А ключ живой земли зарыт в песок на дне океана, и никому во веки вечные его не сыскать.

— Канта, дай яблоцка!

Дочь ветра посмотрела на поднятое к ней серьезное личико и улыбнулась помимо воли. Без труда дотянувшись своей длинной рукой до верхушки невысокого деревца, она сорвала твердый красный плод и подала его мальчику.

Женщина, сидя на земле разоренного сада, бессмысленно грызла свое яблоко и смотрела невидящим взглядом на пасущуюся тут же серебристую кобылу Канты.

Мертвая тишина опустилась на них, точно где-то закрылась дверь.

Ветры, яростно воющие вот уже столько недель, утихли, и Канта все поняла.

На миг она замерла в огромности застывшего мира, на краю катастрофы. За долю мгновения до того, как ветры вновь подняли стон, она ухватила мальчика за шиворот и понесла к лошади. Яблоко из его руки скатилось на землю.

Когда она волокла вслед за мальчиком перепуганную женщину, небо побелело. Когда она пустила кобылу вскачь, на северо-западном небосклоне вспыхнуло пламя, словно от раздутой ветром свечи; яркое от боли, оно зажигало растекающиеся от него тучи. Канта отдала лошади краткую гортанную команду и помчалась галопом, придерживая женщину и ребенка впереди себя.

Даже здесь, на южной оконечности острова, земля колебалась под копытами лошади. Канта чувствовала, как тяжело дышит мальчик — должно быть, он плакал, но душераздирающий плач ветров заглушал все прочие звуки. Канта молилась им, прося ускорить и облегчить ее путь, но ответа не получала.

У подножия утеса она сняла женщину и ребенка с лошади, перерезала подпруги и отпустила животное на волю Бога. Потом схватила женщину за руку, взяла мальчика под мышку и начала медленное восхождение.

Надрываясь от усилий, она поднялась до половины, и тогда ветры накинулись на нее, осыпая пеплом и сором. Они не давали ей дышать, угрожали сбить ее с ног. Ей пришлось отпустить женщину, чтобы удержать мальчика.

— Поднимайся! — крикнула ей Канта, но женщина, как столб, застыла на месте. Тщетно попытавшись сдвинуть ее, Канта бегом бросилась наверх под вновь почерневшим небом.

Она несла ребенка, обхватившего его шею, через темные чертоги замка и вверх, на башню, перескакивая через две ступени. Стены башни, выстоявшие пятьсот лет во всех войнах и ураганах, шатались вокруг.

Канта добралась до вершины. В пыльной комнате, уставленной книгами и склянками, жил когда-то королевский провидец. Обессилевшая кизийка поставила мальчика на пол и, ведя его за руку, распахнула хлопавшую на ветру дверь. Хрустя битым стеклом, они преодолели последнюю деревянную

лесенку. Канта открыла люк и вышла с мальчиком на крышу башни, где мудрец некогда беседовал с молниями.

В широких лугах и порубленных лесах вокруг Элизиана разгуливали, взметая землю, громадные смерчи. Вдалеке неслась во весь опор, без седла, серебристая лошадка. Канта поискала глазами женщину, но не увидела ведущих в замок ступеней.

Мальчик показывал куда-то на север.

Оттуда шел темно-серый водяной вал вышиной с башню, круша на своем пути города и деревни, мосты и мельницы.

Это был лишь предшественник — за ним катилась настоящая волна. Канта не видела ее гребня, слившегося с темным небом.

Вся дрожа, Канта посадила ребенка себе на плечи — она старалась поднять его как можно выше и в то же время не хотела больше видеть выражения его глаз. Сама она смотрела на вставшее дыбом море. На ее глазах оно поглотило реку, поля, яблоневый сад. За миг до того, как оно захлестнуло башню, соединившись на юге с самим собой, Канта вспомнила легенду о лиринах, живших на берегу во времена первого катаклизма: их земли ушли под воду, когда Дитя спустилось на землю. По преданию, они преобразились, став из детей неба детьми моря, научились дышать под водой, поселились в морских гротах и создали целую цивилизацию на зыбком дне океана. Если в сказках есть хоть крупица правды, может быть, мальчик тоже выживет, подумала Канта, придерживая его ножки у себя на груди.

Ревущая серая стена заслонила свет.

— Задержи дыхание, малыш, — сказала Канта.

С кормовой палубы «Оседлавшего бурю» Севирим смотрел на полыхающий на горизонте огонь. Остров за Ледовыми полями был так далек, что поначалу юноша принял Пробуждение за игру красок заходящего солнца. Но когда тучи запылали и в тот же миг утихли морские ветры, он понял, что происходит.

Он не мог оторвать глаз от раскаленной добела, ярче солнца, полосы на горизонте. Не обращая внимания на команду

и пассажиров, тоже глядевших на восток, он склонил голову и предался своему горю, а огонь померк и ушел в море.

Волна прокатилась по обугленной земле острова, залив Высокие пределы, поля и леса. Раздувшаяся, почерневшая от горячей лавы, она дошла до Илиесана и на миг задержалась над Сагией, чьи ветви, убранные цветами, служили последним прибежищем детям неба. Потом обрушилась, и море сомкнулось над островом со всех сторон.

Пришел час прилива. Остров Серендаир, первое из мест рождения Времени, скрылся в морских глубинах, и настал покой.

Море, окутанное горячим паром, сделалось тихим, как в туманное утро.

Нил Гейман

АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ

Задверье (1996)
Дым и зеркала (1998)
Песочный человек (1999)
Звездная пыль (1999)
Американские боги (2001)
Коралина (2002)
Дети Ананси (2005)

В «Американских богах» рассказывается история человека по имени Тень, в начале книги он отбывает в тюрьме срок за преступление, которое действительно совершил.

Он ждет освобождения, воссоединения с женой, возвращения на старую работу, но трагическая смерть жены в автокатастрофе кладет конец всем его надеждам, и вскоре он оказывается телохранителем и водителем при престарелом мошеннике, называющем себя мистер Среда.

Тень узнает, что, приезжая в Америку, поселенцы привозили с собой своих богов. Некоторые преуспели, но большинству богов и мифических существ приходится перебиваться кое-как, питаясь теми клочками веры, какие они могут найти. Работая на Среду, Тень знакомится со многими из них: со славянским богом смерти Чернобогом, с мистером Нанси, африканским богом-трикстером Ананси, с огромным числом мифических персонажей, отчасти сохранившихся в памяти людей, отчасти забытых.

Среда — американская ипостась скандинавского бога Одина и, по всей видимости, пытается развязать войну между богами старыми и новыми, которые начинают завладевать умами и сердцами людей: богами телевидения, технологии, денег.

Тень остается в живых, а вот Среда нет. Тень умирает на дереве и возрождается вновь. Ему даже удается остановить войну. И тогда, уже не совсем человек, но и не бог, он покидает Америку.

Гейман говорит: «Я придумал «Американских богов» как фон, на котором разворачиваются истории. В следующем романе, который я сейчас пишу и который называется «Дети

© Перевод. Комаринец А.А., 2006

Ананси», рассказывается про мистера Нанси и его сыновей Паука и Толстого Чар-лиса. Пока мне не позвонил Роберт Силверберг и не попросил у меня новеллу, которая примыкала бы к «Американским богам», я думал, что верну Тень в далеком будущем, что через него смогу рассказать историю иной Америки. Но у меня в голове начал вертеться сюжет: что-то про Тень в Северной Шотландии, а потом прибавились еще различные старые легенды и книги по археологии, которые я читал.

Я написал рассказ и в процессе сообразил, что возможны еще много других — про приключения Тени в Объединенном Королевстве и про его возвращение в Соединенные Штаты. А тогда понял, какими будут следующие «Американские боги»».

ПОВЕЛИТЕЛЬ ГОРНОЙ ДОЛИНЫ

Глава первая

— Если хотите знать мое мнение, — сказал Тени худощавый пожилой человек, — вы в своем роде монстр. Я прав?

Если не считать барменши, кроме них, в баре при гостинице в городке на северном побережье Шотландии никого не было. Тень сидел себе за столиком, тянул светлое пиво, когда к нему пересел этот человечек. Лето подходило к концу, и Тени казалось, что все кругом холодное, маленькое и сырое. На столе перед ним лежала книга «Приятные прогулки по окрестностям», и он изучал маршрут, которым собирался пойти завтра: к береговым скалам и дальше к мысу Гнева.

Он закрыл книгу.

— Я американец, — ответил он, — если вы это имели в виду.

Склонив голову набок, человечек театрально подмигнул. У него были отливающие сталью седые волосы, серое лицо и серый дождевик, и выглядел он, как провинциальный юрист.

— Это как посмотреть, — сказал он. — Возможно, как раз об этом я и говорил.

За свое недолгое пребывание в этих краях Тень лишь едва-едва научился понимать местный выговор: сплошь гортанная картавость с вкраплениями раскатистого «р» да еще странные слова, но с серым незнакомцем проблем не возникало. Все в речи человечка было маленьким и живым, каждое сло-

во произносилось так четко и правильно, что Тени казалось, будто это он сам говорит с полным ртом овсянки.

Отпив из своей рюмки, человечек продолжал:

— Так, значит, американец. Чрезмерная сексуальность, чрезмерная зарплата и к нам — через океан, да? На вышках работаете?

— Прошу прощения?

— Нефтяник? С буровых платформ на шельфе. К нам сюда время от времени эти парни заваливают.

— Нет. Я не с буровых.

Достав из кармана трубку и маленький перочинный ножик, человечек начал счищать со стенок чашечки окалину. Потом, постучав, вытряс черные крошки в пепельницу.

— В Техасе, знаете ли, есть нефть, — сказал он, помолчав, точно поверял великую тайну. — Это в Америке.

— Да, — согласился Тень.

Он подумал было, не сказать ли что-нибудь про Техас, например, что Техас, кажется, действительно находится в Техасе, но решил, что тогда придется объяснять, в чем соль шутки, а потому промолчал.

Тень почти два года старался держаться подальше от Америки. И когда рухнули небоскребы, его там не было. Иногда он говорил себе, что возвращаться ему незачем и, случалось, почти готов был в это поверить. В Шотландию он приехал два дня назад, высадился в Турсо с парома, пришедшего с Оркнейских островов, и в этот городок добрался автобусом.

А человечек все не унимался:

— В Абердин приезжал один техасский нефтяник. Познакомился в пабе с одним стариком, совсем как мы с вами. Так вот они разговорились, а техасец и скажи: «У себя дома я встаю утром, сажусь в машину (уж извините, акцент я передавать не стану), поворачиваю ключ в замке зажигания, вдавливаю педаль акселератора...» — вы ее называете...

— Педаль газа, — покорно подсказал Тень.

— Вот именно. «Давлю после завтрака на газ и даже до обеда не успеваю доехать до конца моего участка». А хитрый старый шотландец только кивает и говорит: «Угу-угу, и у меня когда-то была такая машина».

Человечек пронзительно рассмеялся, показывая, что шутке конец. Тень улыбнулся и кивнул, показывая, мол, понял, что это шутка.

— Что пьете? Светлое. Дженни-солнышко, повтори нам. Мне «Лагавулин»*. — Человечек набил в трубку табак, который достал из кисета. — Вам известно, что Шотландия больше Америки?

Когда Тень вечером сюда спустился, в баре при гостинице не было ни души. Только худая барменша, которая, куря, читала газету. Он пришел сюда посидеть у камина, поскольку номер ему дали промозглый, а металлические батареи на стене были еще холоднее, чем воздух в комнате. Он не рассчитывал на компанию.

— Нет, — отозвался он, всегда готовый разыграть простака. — Не знал. С чего вы взяли?

— Все дело в дробности, — объяснил человечек. — Чем меньшие величины вы рассматриваете, тем больше видите. Если знать, какой дорогой ехать, Америку можно пересечь за тот же срок, что и Шотландию. Непонятно? Ну, возьмем карту, на ней побережье кажется единой плотной линией. Но когда идете по нему пешком, оно изрезанное и извилистое. Все. Об этом целая передача была по телевизору. Удивительные вещи.

— О'кей, — отозвался Тень.

Вспыхнул огонек зажигалки, и человечек стал тянуть и пыхтеть, тянуть и пыхтеть, пока не удостоверился, что раскурил трубку как надо, а тогда убрал зажигалку, кисет и ножик назад в карман пальто.

— Это все не к тому, — сказал человечек. — Полагаю, вы останетесь здесь на уик-энд?

— Да, — сказал Тень. — Вы... вы служащий гостиницы?

— Нет-нет. По правде говоря, когда вы приехали, я стоял в холле. Услышал, как вы разговариваете с Гордоном за стойкой.

Тень кивнул. Ему казалось, что, когда он заполнял регистрационную карточку, в холле гостиницы не было ни души,

* Сорт виски. — *Примеч. пер.*

но вполне возможно, человечек просто проходил мимо. И тем не менее... было в этом разговоре что-то неверное. Во всем происходящем было что-то не так.

Барменша Дженни поставила на стойку их кружки.

— Пять двадцать, — сказала она и, развернув газету, снова в нее углубилось.

Сходив к стойке, человечек заплатил и вернулся с кружками.

— Вы к нам надолго? — спросил он.

Тень пожал плечами:

— Хотел поглядеть, каково тут. Побродить по побережью. Посмотреть достопримечательности. Может, на неделю. Может, на месяц.

Дженни отложила газету.

— Это глухая дыра в чертовой заднице, — весело сказала она. — Вам следовало бы подыскать себе место поинтереснее.

— Вот тут ты ошибаешься, — возразил человечек. — Это глухая дыра посреди задницы только тогда, когда смотришь не с той стороны. Видите вон ту карту, приятель? — Он указал на засиженную мухами карту Северной Шотландии, висящую на стене против стойки. — Знаете, что с ней не так?

— Нет.

— Она вверх ногами! — победно возвестил человечек. — Север наверху. Карта должна говорить людям, где мир кончается. Дальше ходу нет. Там край света. Но понимаешь, раньше все было не так. Раньше это был не север Шотландии. Это была самая южная оконечность мира викингов. Знаешь, как называется предпоследнее графство Шотландии к северу?

Тень поглядел на карту, но она была слишком далеко, подписей не разобрать.

— Сатерленд! — осклабился человечек. — Южный край. Не для всех, разумеется, но для викингов уж точно.

К ним подошла барменша Дженни.

— Я отлучусь ненадолго, — сказала она. — Если до моего возвращения вам что-нибудь понадобится, спросите портье.

Подложив в камин полено, она вышла в холл.

— Вы историк? — спросил Тень.

— Вот насмешили! — хохотнул человечек. — Возможно, вы и монстр, но весельчак. Надо отдать вам должное.

— Я не монстр.

— Ну да, ну да, именно так и говорят все монстры, — отозвался человечек. — Раньше, в Сент-Эндрюсе у меня была специализированная клиника. А теперь так, общая практика. Ну, в общем и целом, тоже была. Я почти отошел от дел. Хожу пару дней на неделе в местную больницу, только чтобы скальпель в руке не дрожал.

— Почему вы все время называете меня монстром? — спросил Тень.

— Потому что я сам отчасти монстр, — сказал человечек, поднимая стакан виски с видом человека, приводящего неопровержимый аргумент. — Свояк свояка и так далее... Все мы монстры, разве не так? Прекрасные монстры, плетущиеся по болотам неразумия... — Он остановился отхлебнуть виски, потом сказал. — Скажите, такой здоровяк как вы... Вы никогда вышибалой не были? «Извини приятель, боюсь, сегодня тебе сюда нельзя, закрытое мероприятие, поэтому сматывай удочки и вали» и так далее?

— Нет, — покачал головой Тень.

— Но чем-то подобным наверняка занимались?

— Да, — согласился Тень, который когда-то работал телохранителем у старого бога, но это было в другой стране.

— И вы... э... простите, что спрашиваю, не поймите меня неправильно... Вам нужны деньги?

— Всем нужны деньги. Но у меня все в порядке. — Это было далеко не так, но истина заключалась в том, что когда Тень нуждался в деньгах, мир как будто из кожи вон лез, чтобы его ими обеспечить.

— А вам не хотелось бы заработать немного на карманные расходы? Побыть вышибалой? Дело плевое.

— На дискотеке?

— Не совсем. На частной вечеринке. Одна компания снимает большой старый дом в наших местах, в конце лета они со всего света сюда приезжают. Но, скажем, в прошлом году,

веселье было в самом разгаре, шампанское под открытым небом лилось рекой, а потом возникли проблемы. Серьезные проблемы. Такие кому угодно уик-энд испортят.

— С местными жителями?

— Не совсем.

— Проблемы политические? — спросил Тень. Ему не хотелось впутываться в местную политику.

— Ни в коей мере. Так, щенки. Волосатики и прочие идиоты. И вообще в этом году они скорее всего не вернутся. Вероятно, уже свалили еще в какую-нибудь глушь и там устраивают демонстрации против международного капитализма. Но для перестраховки ребята из большого дома попросили меня поискать кого-нибудь, кто мог бы нагнать на них страху. Вы малый крупный, им именно такой нужен.

— Сколько? — спросил Тень.

— Если придется драться, сумеете за себя постоять? — ответил вопросом на вопрос человечек.

Тень промолчал. Серый человечек смерил его взглядом, потом снова улыбнулся, показывая желтые, прокуренные зубы.

— Полторы тысячи фунтов всего за уик-энд. Это хорошие деньги. К тому же наличными. И перед налоговой инспекцией отчитываться незачем.

— В ближайший уик-энд? — спросил Тень.

— Начиная с утра пятницы. Дом большой. По сути, достроенный и перестроенный замок. К западу от мыса Гнева.

— Надо подумать, — сказал Тень.

— Если согласитесь, — продолжал серый человечек, — у вас будет фантастический уик-энд в историческом поместье, и могу гарантировать, что вы познакомитесь со всякими интересными людьми. Чего еще желать в отпуске, да еще денег заработаете. Жаль, что сам я уже не молод. И э... если уж на то пошло, ростом не вышел.

— Ладно, — сказал Тень, и как только произнес эти слова, спросил себя, не пожалеет ли.

— Молодчина. Я еще с вами свяжусь, расскажу, как и что.

Серый человечек встал и, проходя мимо, мягко хлопнул Тень по плечу. А потом ушел, оставив Тень в баре одного.

Глава вторая

Тень странствовал почти полтора года. С рюкзаком за плечами он пересек Европу и добрался до северной Африки. Он собирал оливки и ходил на лов сардин, крутил баранку грузовика и продавал вино у обочины шоссе. Наконец, несколько месяцев назад, он вернулся автостопом в Норвегию, в Осло, где родился тридцатью пятью годами ранее.

Он сам толком не понимал, чего, собственно, ищет. Знал только, что еще не нашел, хотя бывали минуты — на горном склоне, на утесах или у водопада, — у него возникало пронзительное ощущение, что то неведомое искомое совсем рядом: за выступом гранитной скалы или в ближайшем сосновом лесу. И все же возвращение на родину оставило по себе глубокую неудовлетворенность, и когда в Бергене его спросили, не хочет ли он восполнить недостающую половину экипажа моторной яхты, направлявшейся в Канны на встречу со своим владельцем, он согласился.

Из Бергена они пошли под парусом на Шетландские острова, оттуда — на Оркнейские, где провели ночь в пансионе с завтраком в Стормнессе. Утром при выходе из гавани окончательно и бесповоротно отказали двигатели, и судно пришлось на буксире оттащить назад к причалам.

Бьёрн, капитан и вторая половина экипажа, остался на яхте объясняться со страховщиками и отвечать на гневные звонки владельца. Тень не видел причин оставаться и потому сел на паром до городка Турсо на северном побережье Шотландии.

Ему не сиделось на месте. По ночам ему снились трассы, то, как он въезжает на сияющую неоном окраину города, где люди говорят по-английски. Иногда этот город находился на Среднем западе, иногда во Флориде, иногда на Восточном побережье, иногда на Западном.

Сойдя с парома, он купил путеводитель живописных прогулок, обзавелся расписанием автобусов и отправился куда глаза глядят.

Вернулась барменша Дженни и начала протирать все поверхности тряпкой. Завязанные в узел волосы у нее были такие светлые, что казались почти белыми.

— И как в ваших краях развлекаются? — спросил Тень.

— Пьют. Ждут смерти, — мрачно откликнулась она. — Или едут на юг. На том, по сути, варианты исчерпываются.

— Вы уверены?

— Ну, сами подумайте. У нас тут нет ничего, кроме овец и холмов. Живем мы, разумеется, за счет туристов, но вас на самом деле слишком мало. Грустно, правда?

Тень пожал плечами.

— Вы из Нью-Йорка? — спросила она.

— Из Чикаго. Но сюда я приехал из Норвегии.

— Вы говорите по-норвежски?

— Немного.

— Тогда вам стоит кое с кем познакомиться, — вдруг сказала она, потом поглядела на часы. — Кое с кем, кто тоже приехал сюда из Норвегии, но это было давным-давно. Пойдемте.

Убрав тряпку, она щелкнула выключателем за стойкой и направилась к двери.

— Пойдемте, — повторила она.

— А вы можете вот так уйти? — спросил Тень.

— Я могу делать все, что захочу, — отозвалась она. — Это ведь свободная страна, так?

— Наверное, да.

Она заперла дверь бара латунным ключом. Они вышли в холл.

— Подождите здесь, — сказала она и исчезла за дверью с табличкой «Частное помещение», откуда появилась через несколько минут в длинном коричневом пальто. — Ну вот, я готова. Идите за мной.

На улице было темно и ветрено.

— Так у вас это поселок или маленький городок? — спросил Тень.

— Это, мать его, кладбище. Нам туда. Идемте.

Они шли по узкой дороге. Луна светила огромная и желтовато-бурая. Тень расслышал шум моря, хотя самого его еще не видел.

— Вас зовут Дженни? — спросил он.

— Верно. А вас?

— Тень.

— Это ваше настоящее имя?

— Так меня называют.

— Тогда пойдемте, Тень.

На вершине холма они остановились. Поселок остался далеко внизу, но перед ними стоял серый каменный дом. Свет внутри не горел. Открыв калитку, Дженни повела Тень по тропинке к входной двери. Он задел росший рядом с тропинкой небольшой куст, и воздух наполнился сладким ароматом лаванды.

— Чей это дом? — спросил Тень. — Выглядит пустым.

— Не волнуйтесь, — сказала Дженни. — Через минуту хозяйка будет дома.

Она толкнула незапертую дверь, и они вошли внутрь. Дженни нажала клавишу выключателя у двери. Большую часть первого этажа занимала кухня, одновременно служившая гостиной. Вдоль одной стены шла крохотная лесенка, уводившая, как предположил Тень, в спальню на чердаке. На сосновой стойке стоял CD-проигрыватель.

— Это ваш дом, — констатировал Тень.

— Дом, милый дом, — согласилась она. — Хотите кофе? Или чего-нибудь выпить?

— Ни того, ни другого, — отозвался Тень, спрашивая себя, что, собственно, Дженни нужно. Она едва на него смотрела, даже не улыбнулась ни разу.

— Я правильно все расслышала? Доктор Гаскелл просил вас помочь приглядеть за вечеринкой на уик-энд?

— Наверное.

— И что вы намерены делать завтра и в пятницу?

— Гулять, — ответил Тень. — У меня есть путеводитель. Там обещают несколько красивых пеших маршрутов.

— Кое-какие из них красивые. Кое-какие опасные. Кое-где даже летом можно найти в тени оставшийся с зимы снег. В тени многое что способно протянуть очень и очень долго.

— Я буду осторожен, — пообещал Тень.

— Вот и викинги так говорили, — с улыбкой отозвалась Дженни. Сняв пальто, она бросила его на ярко-пурпурный диван. — Возможно, на утесах мы встретимся. Я люблю гулять. — Она вытянула шпильку из узла волос у себя на затылке, и по плечам рассыпались светлые-пресветлые локоны. Они были длиннее, чем поначалу решил Тень.

— Вы одна тут живете?

Достав из лежащей на стойке пачки сигарету, она прикурила от спички.

— А вам какое дело? — спросила она. — Вы ведь на ночь не останетесь, так?

Тень покачал головой.

— Гостиница у подножия холма, — сказала она. — Пропустить невозможно. Спасибо, что проводили меня до дома.

Пожелав ей доброй ночи, Тень вышел в лавандовую ночь. Постоял немного, озадаченно глядя на луну над морем. Потом спустился с холма и вышел к гостинице. Дженни была права: пропустить невозможно. Он поднялся по лестнице, отпер дверь своего номера ключом на короткой и толстой палочке-бирке и вошел в комнату. Там было гораздо холоднее, чем в коридоре.

Сняв ботинки, он, не зажигая света, растянулся на кровати.

Глава третья

Корабль был из ногтей мертвецов и ни шатко ни валко плыл сквозь туман, то задирая нос, то скатываясь с гребней бурных волн.

На палубе маячили тени, мужчины ростом с холмы или дома, и, приблизившись, Тень смог различить их лица: гордые воины, все как один сильные и крепкие духом. И качка им как будто была нипочем, каждый, застыв в ожидании, точно прирос к палубе.

Сделав шаг вперед, один поймал руку Тени в собственную гигантскую лапищу. Тень ступил на серую палубу.

— Добро пожаловать к проклятым, — низким скрипучим голосом сказал тот, кто сжимал руку Тени.

— Привет тебе! — отозвались остальные на палубе. — Привет тебе, солнценосный! Привет тебе, Бальдр!

В свидетельстве о рождении Тени значилось Бальдур Лун, но он покачал головой.

— Это не я, — сказал он им. — Я не тот, кого вы ждете.

— Мы тут умираем, — не отпуская его руки, сказал человек со скрипучим голосом.

Холодно было в этом туманном месте между миром живых и миром потусторонним. Соленая пыль разбивалась о нос корабля, и Тень промок до нитки.

— Верни нас назад, — сказал державший его руку. — Верни нас домой или дай нам уйти.

— Я не знаю как, — ответил Тень.

И тогда мужчины на палубе принялись причитать и выть. Одни ударяли древками копий в палубу, другие били короткими мечами по медным накладкам на кожаных щитах, создавая ритмичный грохот в аккомпанемент крикам, которые из воплей горя превратились в улюлюканье берсерков...

В небе раннего утра кричала чайка. Ночью ветер распахнул окно и теперь стучал рамой о стену. Тень лежал на нерасстеленной кровати в узком номере отеля. Кожа у него была влажной — возможно, от пота.

Начинался еще один холодный день конца лета.

В отеле ему упаковали в контейнер несколько сандвичей с курицей, яйцо вкрутую, пакетик чипсов с сыром и луком и яблоко. Протягивая ему контейнер, портье Гордон спросил, когда его ждать назад, и объяснил, что если он опоздает больше чем на пару часов, они вызовут спасателей, а еще попросил у Тени номер его мобильного.

Мобильного телефона у Тени не было.

Он отправился по маршруту, ведущему к побережью. Пейзаж завораживал дикой, безлюдной красой, звеневшей и от-

дававшейся эхом в пустотах в душе Тени. Он представлял себе Шотландию мягким краем — сплошь поросшие вереском пологие холмы, но здесь, на Северном Побережье, все, даже серые облака, бегущие по бледно-голубому небу, казалось угловатым и острым.

Он шел по проложенному в книжке маршруту — через поросшие кустарником луга, мимо сараев, вверх-вниз по каменистым холмам.

Временами он воображал, что стоит неподвижно, а мир движется под ним, что он просто перебирает землю ногами.

Маршрут оказался утомительнее, чем он ожидал. Он планировал поесть в час, но к полудню ноги у него устали, и вообще захотелось отдохнуть. Он дошел по тропинке до склона холма, где за выступающим валуном можно было удобно укрыться от ветра, и присел на корточки съесть свой ленч. Далеко впереди было видно море... нет, Атлантический океан.

Он думал, что здесь один.

— Отдадите мне свое яблоко? — спросил женский голос.

Это была Дженни, барменша из гостиницы. Ее слишком светлые волосы разметал по плечам ветер.

— Здравствуйте, Дженни, — сказал Тень, отдавая ей яблоко.

Достав из кармана коричневого пальто складной нож, она села рядом с ним.

— Спасибо.

— Вы говорите совсем без акцента, — сказал Тень. — Наверное, вы приехали из Норвегии совсем маленькой. Я хочу сказать, на мой взгляд, вы говорите, совсем как местные.

— Разве я сказала, что приехала из Норвегии?

— Разве нет?

Наколов кусочек яблока, она манерно ела его с ножа, касаясь только зубами.

— Это было очень давно. — Она глянула на него искоса.

— По семейным обстоятельствам?

Она повела плечами, словно хотела ими пожать, как будто тот ответ, какой могла бы ему дать, считала ниже своего достоинства.

— Вам тут нравится?

Посмотрев на него в упор, она покачала головой.

— Я чувствую себя как «хульдр».

Это слово он слышал раньше. В Норвегии.

— Это ведь какая-то разновидность троллей, да?

— Нет, это создания гор. Они похожи на троллей, но приходят из леса. И они очень красивы. Как я. — Произнося эти слова, она усмехнулась, будто знала, что слишком худая, слишком бледная и мрачная, чтобы считаться красивой. — Они влюбляются в фермеров.

— Почему?

— Откуда мне, черт побери, знать! — отрезала она. — Просто влюбляются. Иногда фермер догадывается, что разговаривает с хульдр, потому что сзади у нее свисает коровий хвост или, еще хуже, сзади у нее вообще ничего нет, она просто полая и пустая, как раковина. Тогда фермер читает молитву или убегает к своей мамочке и своей ферме. Но иногда фермеры не убегают. Иногда какой-нибудь смельчак бросает нож ей через плечо или просто улыбается и берет хульдр в жены. Тогда у нее отпадает хвост. Но она все равно гораздо сильнее обычной женщины. И она все равно томится по своему дому в горах и лесах. Она никогда не будет по-настоящему счастлива. Она никогда не станет человеком.

— И что с ней происходит потом? — спросил Тень. — Она стареет и умирает со своим фермером?

От яблока осталась лишь сердцевинка. Ловким движением Дженни швырнула ее. Описав высокую дугу, сердцевинка полетела к подножию холма.

— Когда ее муж умирает... Наверное, она возвращается в свои леса и холмы. — Она смотрела перед собой на склон. — Есть история про то, как один фермер взял в жены хульдр, но дурно с ней обращался. Кричал на нее, не помогал по хозяйству и в поле, возвращался домой из селения пьяный и злой. Иногда он ее бил. Так вот. Однажды она готовила завтрак, а он пришел и начал на нее кричать, мол, еда ему не готова, мол, она ничегошеньки не умеет, мол, он вообще не знает, зачем на ней женился. Какое-то время она его слушала, а по-

том, не произнося ни слова, подошла к очагу и взяла кочергу. Тяжелую чугунную кочергу. Взяла и без малейшего усилия согнула в кольцо. Один в один ее обручальное, только больше. Не хмыкнула, не вспотела, просто согнула, как ты бы согнул тростинку. Увидев это, ее фермер побелел как полотно и ничего больше не сказал про свой завтрак. Он видел, что она сделала с кочергой, и понял, что в любой момент за прошедшие пять лет она могла бы сделать то же самое и с ним. И до дня своей смерти он больше и пальцем ее не тронул, ни разу сурового слова не сказал. А теперь объясните мне, мистер Все-зовут-меня-Тень: если она могла это сделать, то почему позволяла ему себя бить? Зачем ей вообще сдался такой человек? Ну, как это объяснить?

— Может быть, — сказал Тень, — может быть, она была одинока?

Она вытерла нож о джинсы.

— Доктор Гаскелл все твердил, что вы монстр, — сказала она. — Это правда?

— Не думаю, — ответил Тень.

— А жаль, — сказала она. — С монстрами всегда знаешь, как обстоят дела, верно?

— Вы знаете?

— Абсолютно. Под конец дня попадешь на обед. Только не ты будешь обедать, а тобой пообедают. Кстати об обеде, я вам кое-что покажу. — Встав, она повела его верх по склону. — Видите? Вон там? На дальнем склоне холма, где он обрывается в горную долинку, если присмотритесь, можно разглядеть дом, где вы будете работать в этот уик-энд. Видите? Вон там.

— Нет.

— Глядите внимательнее. Я укажу. Смотрите вдоль моего пальца.

Дженни стала совсем рядом, вытянула руку и показала на склон дальней гряды. Он увидел, как лучи солнца отразились от чего-то, что, наверное, было озером — это «лох», поправил он самого себя, в конце концов он же в Шотландии, — а над ним темнели на склоне серые камни. Сперва Тень принял их за выступ породы, но они были слишком правильными, несомненно, какое-то строение.

— И это замок?

— Я бы так его не назвала. Просто большой дом в долине.

— Вы на тамошних вечеринках бывали?

— Местных они не приглашают. А меня и подавно. Но вам все равно не надо туда ехать. Вам следовало бы отказаться.

— Они хорошо платят, — объяснил Тень.

Тут она впервые его коснулась: положила белый-пребелый палец на тыльную сторону его темной ладони.

— А какое дело монстру до хороших денег? — спросила она и улыбнулась. Тень, чертыхнувшись, подумал: «А ведь она, черт побери, действительно красивая». Но тут она убрала руку и отступила на шаг. — М-да. Вам, наверное, нужно продолжать прогулку? У вас не так много времени осталось, скоро придется поворачивать назад. Когда начинает смеркаться, в конце лета темнеет быстро.

Дженни осталась посмотреть, как он забрасывает на плечи рюкзак и спускается с холма. У подножия он обернулся и посмотрел вверх. Она все еще глядела ему вслед. Тень помахал, и Дженни помахала ему в ответ.

Когда он оглянулся в следующий раз, на холме уже никого не было.

Через узкий проливчик он перебрался паромом на мыс и стал подниматься к маяку. А обратно вниз поехал на маршрутном автобусе.

В гостиницу он вернулся в восемь вечера, усталый, но довольный. Незадолго до сумерек пошел дождь, но он успел укрыться в покосившемся, заброшенном домишке и, пока по крыше барабанили капли, читал газету пятилетней давности. Через полчаса дождь перестал, но Тень порадовался, что надел крепкие ботинки, так как тропинку развезло.

Он умирал от голода и спустился в ресторан. Там было пусто.

— Эй? — окликнул Тень.

— Угу. — В дверь между рестораном и кухней выглянула пожилая женщина.

— Обед еще подаете?

— Угу. — Она смерила его неодобрительным взглядом от заляпанных глиной ботинок до встрепанных волос. — Вы у нас остановились?

— Да. В одиннадцатом номере.

— Ну... вам, наверное, захочется переодеться к обеду, — сказала она. — Так добрее по отношению к другим обедающим.

— Значит, подаете.

— Угу.

Поднявшись к себе в номер, он бросил на кровать рюкзак и стащил ботинки. Надев кроссовки, он провел расческой по волосом и спустился снова.

В столовой уже не было пусто. За столиком в углу сидели двое, притом настолько отличные друг от друга, насколько вообще могут отличаться два человека. Слева горбилась поптичьи над столом невысокая женщина лет шестидесяти. Напротив нее сидел молодой человек — крупный, неловкий и совершенно лысый. Тень решил, что это мать и сын.

Он сел за стол в середине.

Появилась с подносом пожилая официантка и поставила перед парой по тарелке супа. Молодой человек начал на суп дуть, чтобы остудить, а мать сильно постучала по его руке ложкой.

— Прекрати, — сказала она и начала ложкой отправлять себе в рот суп, с шумом его всасывая.

Лысый молодой человек грустно оглядел зал ресторана. Встретившись с ним взглядом, Тень кивнул. Молодой человек вздохнул и вернулся к своему дымящемуся супу.

Тень без энтузиазма проглядел меню. Он уже готов был сделать заказ, но официантка снова исчезла.

Краем глаза Тень уловил мазок серого — в дверь ресторана заглянул доктор Гаскелл. Вошел и направился прямо к столику Тени.

— Вы не против, если я к вам присоединюсь?

— Отнюдь. Прошу вас. Садитесь.

Доктор Гаскелл сел напротив Тени.

— Хорошо провели день?

— Очень хорошо. Много ходил.

— Лучший способ нагулять аппетит. Итак. Завтра с самого утра за вами пришлют машину. Захватите свой багаж. Вас отвезут в дом. Введут вас в курс дела.

— А деньги? — спросил Тень.

— Это они тоже уладят. Половину до, половину после. Еще что-нибудь хотите узнать?

От двери на кухню за ними наблюдала официантка, но как будто и не собиралась подойти.

— Ага. Что нужно сделать, чтобы получить в этих местах чего-нибудь поесть?

— Чего вы хотите? Я бы рекомендовал бараньи отбивные. Мясо местное.

— Звучит неплохо.

— Прошу прощения, Мора, — громко позвал Гаскелл. — Извини, что тебя беспокою, но можно нам обоим бараньи отбивные?

Поджав губы, официантка вернулась на кухню.

— Спасибо, — сказал Тень.

— Не за что. Еще чем-нибудь могу вам помочь?

— Да. Люди, которые приедут на вечеринку. Почему они не привозят профессиональных телохранителей? Зачем нанимать меня?

— Собственная охрана у них тоже будет, нисколько в этом не сомневаюсь. Своих людей они, разумеется, привезут. Но всегда хорошо иметь под рукой кого-нибудь из местных.

— Даже если этот местный — иностранный турист?

— Вот именно.

Мора принесла две тарелки супа и поставила их перед Тенью и доктором.

— Входят в обед, — мрачно сказала она.

Суп был слишком горячий и на вкус слегка отдавал томатной пастой и уксусом. Тень был настолько голоден, что съел почти всю тарелку прежде, чем сообразил, что суп ему не нравится.

— Вы говорили, что я монстр, — сказал Тень стально-серому человечку.

— Правда?

— Да.

— Ну, в наших краях полно монстров. — Он едва заметно кивнул на пару в углу. Взяв салфетку, маленькая женщина обмакнула ее в стакан с водой и энергично стирала пятнышки алого с губ и подбородка своего сына. Вид у него был смущенный. — Мы живем тихо, в глуши. В сводки новостей попадаем только в том случае, когда какой-нибудь скалолаз пропадает или еще лучше умирают голодной смертью туристы. Большой мир обычно вообще забывает о нашем существовании.

Появились бараньи отбивные — с гарниром из переваренного картофеля, недоваренной моркови и чего-то бурого и мокрого; последнее, как предположил Тень, возможно, в прошлой жизни было шпинатом. Тень начал резать отбивную ножом. Доктор взял свою руками и с удовольствием принялся кусать и жевать.

— Вы сидели?

— Сидел?

— В тюрьме. Вы были в тюрьме. — Прозвучало это как утверждение, а не вопрос.

— Да.

— Значит, умеете драться. Способны, если придется, кому-нибудь наподдать.

— Если вам требуется кому-то наподдать, — сказал Тень, — я, вероятно, не тот, кто вам нужен.

Человечек усмехнулся, раздвинув серые губы в жире от отбивной.

— Уверен, что тот самый. Я просто спросил. Нельзя обижаться на человека только за то, что он спросил. Не будем об этом. Вот он — точно монстр, — продолжил человечек, указывая недоеденной отбивной в угол зала. Лысый молодой человек ел ложкой какой-то белый пудинг. — И его мамаша тоже.

— По мне, так на монстров не похожи, — возразил Тень.

— Боюсь, это не совсем удачная шутка. Местное чувство юмора. О моем следует предупреждать на въезде в городок. Кстати о монстрах. Простите старика. Не верьте ни единому

моему слову. — Сверкнув желтыми от табака зубами, доктор Гаскелл вытер рот и руки салфеткой. — Мора! Нам понадобится счет. Я плачу за обед молодого человека.

— Сейчас, доктор Гаскелл.

— Не забудьте, — сказал доктор Тени, — завтра утром в холле гостиницы в четверть девятого. Не позже. Они люди занятые. Если вас не будет на месте, они просто уедут, а вы упустите полторы тысячи фунтов за каких-то два дня работы. И премию, если они останутся довольны.

Послеобеденный кофе Тень решил выпить в баре. В конце концов, там был камин. Он надеялся, что тепло прогонит пробравший его до костей холод. За стойкой возился Гордон-портье.

— У Дженни сегодня выходной? — спросил Тень.

— Что? Нет, она просто подменяла. Она так иногда делает, когда народу слишком много.

— Вы не против, если я подброшу в камин еще полено?

— Не стесняйтесь.

«Если шотландцы так обращаются со своим летом, — подумал Тень, вспомнив афоризм Оскара Уайльда, — они вообще никакого не заслуживают».

Вошел лысый молодой человек, нервно кивнул Тени. Тень кивнул в ответ. Насколько он мог разобрать, у него вообще никаких волос не было: ни бровей, ни ресниц. От этого молодой человек походил на младенца, был каким-то незаконченным. Тень спросил себя, не заболевание ли это или, быть может, побочный эффект химиотерапии. Пахло от него сыростью.

— Я слышал, что он говорил, — заикаясь, произнес лысый молодой человек. — Он назвал меня монстром. И мою маму тоже. У меня уши хоть куда. Я мало что упускаю.

Уши у него действительно были хоть куда: прозрачно розовые и торчащие по бокам головы, как плавники какой-то огромной рыбы.

— У вас прекрасные уши, — сказал Тень.

— Дразнитесь? — Голос у лысого сделался обиженный, а вид — такой, будто он вот-вот полезет драться. Он был лишь на дюйм ниже Тени, а Тень был человеком крупным.

— Если мои слова означают то, что я думаю, то не дразнюсь, даже в мыслях не имел.

Лысый кивнул:

— Это хорошо. — Он сглотнул и помялся. Тень спросил себя, не следует ли ему сказать что-нибудь примирительное, но лысый продолжил: — Я тут не виноват. Это все шум. Я хочу сказать, сюда же приезжают, чтобы спастись от шума. И людей. И вообще там на склоне слишком много людей. Почему бы вам всем не убраться восвояси и не перестать так ужасно шуметь?

В дверях появилась его мать. Нервно улыбнувшись Тени, она поспешила к сыну и потянула его за рукав.

— Ладно, ладно, — сказала она. — Не расстраивайся так по пустякам. Все в порядке. — Она бросила на Тень птичий, успокаивающий взгляд. — Извините. Уверена, он это не всерьез.

К подошве ее туфли прилип кусок туалетной бумаги, а она этого еще не заметила.

— Все нормально, — сказал Тень. — Знакомиться с новыми людьми всегда полезно.

Она кивнула.

— Тогда ладно, — сказала она.

Ее сын вздохнул с явным облегчением. «А ведь он ее боится», — подумал Тень.

— Пойдем, лапочка. — Старая дама потянула сына за рукав. Он покорно поплелся за ней к двери. А там упрямо остановился и обернулся.

— Вы им скажите, — велел лысый молодой человек, — пусть так больше не шумят.

— Я им передам, — пообещал Тень.

— Я ведь все слышу.

— Не беспокойтесь, обязательно передам.

— Он на самом деле хороший мальчик, — сказала мать лысого молодого человека и, все еще держа его за рукав, увела в холл. Кусок туалетной бумаги так и волочился за ней по полу.

Тень вышел за ними в холл.

— Прошу прощения.

Мать и сын разом обернулись.

— У вас что-то к туфле прилипло, — сказал Тень.

Она опустила глаза. Потом другой туфлей наступила на бумагу и высвободилась, после чего, одобрительно кивнув Тени, наконец удалилась.

Тень подошел к стойке портье.

— У вас есть подробная карта этих мест, Гордон?

— Военно-геодезического управления подойдет? Принесу вам ее в гостиную.

Вернувшись в бар, Тень допил кофе. Гордон принес ему карту. Тень был поражен обилием деталей: на ней как будто была помечена каждая овечья тропа. Он рассмотрел карту внимательно, прослеживая свой сегодняшний путь. Нашел холм, на котором остановился и съел свой ленч. Провел пальцем к юго-западу.

— В ваших местах никаких замков нет?

— Боюсь, нет. Кажется, есть один к востоку. На стойке лежит справочник по замкам Шотландии, могу дать вам его посмотреть...

— Нет-нет, не надо. А как насчет больших усадеб в этих местах? Таких, какие можно было бы назвать замком? Или крупных поместий?

— Ну, есть отель «Мыс Гнева», вот тут. — Он указал на карте. — Но местность в тех местах довольно пустынная. Формально, с точки зрения заселенности, как они там ее еще называют, плотности населения, там просто пустыня. Боюсь, даже никаких колоритных развалин нет. И без машины туда не добраться.

Поблагодарив, Тень попросил разбудить его пораньше. Он пожалел, что не смог найти на карте дом, который видел с холма, но, быть может, он, не туда смотрел. Такое с ним уже случалось.

Пара в соседнем номере ссорилась или занималась любовью. Тень не мог разобрать, что именно они делали, но всякий раз, как он начинал засыпать, повышенные голоса или крики вырывали его из дремы.

Позднее он даже не был уверен, действительно ли это случилось, действительно ли она к нему приходила, или это был первый из снов за ту ночь, но незадолго до полуночи (судя по часам на прикроватном радио) в дверь его номера постучали. Он встал.

— Кто там? — позвал он.

— Дженни.

Открыв дверь, он поморщился на свет из коридора.

Кутаясь в коричневое пальто, она смотрела на него неуверенно и нервно.

— Да?

— Завтра вы поедете в тот дом, — сказала она.

— Да.

— Я подумала, надо попрощаться. На случай, если у меня не будет шанса снова с вами увидеться. Если вы не вернетесь в гостиницу. А просто уедете куда-нибудь. И я больше никогда вас не увижу.

— Тогда до свидания, — сказал Тень.

Она оглядела его с ног до головы, осмотрела футболку и длинные трусы, в которых он спал, голые ноги, потом ее взгляд вернулся к его лицу. Вид у нее был встревоженный.

— Вы знаете, где я живу, — наконец сказала она. — Если понадобится, позовите.

Подняв руку, она мягко коснулась его губ указательным пальцем. Палец у нее был очень холодный. Потом отступила на шаг в коридор и так и осталась стоять лицом к нему, не делая никаких попыток уйти.

Закрыв дверь номера, Тень услышал удаляющиеся по коридору шаги. Он снова лег.

А вот дальнейшее точно было сном. Ему снилась его собственная жизнь, перепутанная и искаженная. Вот он сидит в тюрьме, учится фокусам с монетками и убеждает себя, что любовь к жене поможет ему преодолеть все что угодно. А то вдруг — Лора мертва, он на свободе и работает телохранителем у старого мошенника, который велел Тени называть себя Средой. А потом его сон заполнился богами: старыми, забытыми богами, нелюбимыми и брошенными богами, и богами

новыми, мимолетными испуганными созданиями, одураченными и растерянными. Это было переплетение неправдоподобностей, «кошкина люлька», которая превратилась в сеть, которая превратилась в спутанный клубок размером с весь мир...

Во сне он умер на дереве.

Во сне он восстал из мертвых.

А после была лишь тьма.

Глава четвертая

В семь зашелся визгом телефон у кровати. Тень принял душ, побрился, оделся и уложил свой мир в рюкзак. Потом спустился в ресторан на завтрак из пересоленной овсянки, вялого бекона и маслянистой яичницы. А вот кофе был на удивление хорош.

Без десяти восемь он уже ждал в холле.

В четырнадцать минут девятого вошел мужчина в дубленке. Он сосал самокрутку. Мужчина бодро протянул руку.

— Вы, должно быть, мистер Лун, — сказал он. — Моя фамилия Смит. — Я вас подброшу в большой дом. — Рукопожатие у него было твердое. — А вы ведь здоровяк, да?

Непроизнесенным осталось: «Но я мог бы вас завалить», но Тень все равно его расслышал.

— Так мне говорят, — отозвался он. — Вы не шотландец.

— Только не я, приятель. Просто приехал на недельку проследить, чтобы все шло как по маслу. Я — лондонец до мозга костей. — Вспышка белых зубов на жестком, как лезвие топора, лице. Тень решил, что ему наверное за сорок. — Пойдемте в машину. В курс дела введу вас по дороге. Это ваши вещи?

Тень вынес свой рюкзак к машине, запачканному глиной «лендроверу», мотор которого работал. Забросив рюкзак на заднее сиденье, Тень сел вперед. Затянувшись в последний раз самокруткой, превратившейся теперь в желтовато-белый окурок, Смит выбросил ее в окно со стороны водителя на дорогу.

Они выехали из поселка.

— Так как же произносится ваше имя? — спросил Смит. — Бальдр, Бальдур или как-то еще?

— Тень, — ответил Тень. — Меня называют Тень.

— Хорошо.

С минуту они ехали молча.

— Значить, Тень, говорите? — сказал Смит и повторил: — Тень. Не знаю, как много старый Гаскелл рассказал вам про предстоящую вечеринку.

— Кое-что.

— Ладно, вот что самое важное вам следует знать. Что бы там ни случилось, обо всем молчок. Ясно? Что бы вы ни увидели, это люди просто немного веселятся. Никому ни о чем ни слова, даже если вы узнаете кого-нибудь, если понимаете о чем я.

— У меня плохая память на лица, — сказал Тень.

— Вот молодчина. Мы тут только для того, чтобы гарантировать, что все отлично проведут время и никто не будет им докучать. На этот уик-энд они приедут издалека.

— Понятно, — сказал Тень.

Они подъехали к парому на мыс. Припарковав «лендровер» у обочины, Смит забрал их багаж и запер машину. На другой стороне переправы их ждал точно такой же заляпанный глиной «лендровер». Открыв дверцы, Смит забросил сумки назад и выехал на проселок.

Они свернули еще до маяка и некоторое время молча ехали по проселку, который быстро превращался в овечью тропу. Несколько раз Тени приходилось вылезать и открывать ворота. Переждав, когда «лендровер» проедет, он закрывал их и снова садился в машину.

Над полями кружили вороны, те же огромные черные птицы провожали Тень безжалостными взглядами с низких каменных стен.

— Значит, были в кутузке? — спросил вдруг Смит.

— Прошу прощения?

— В тюрьме. В каталажке. Полно слов на разные буквы, обозначающих плохую кормежку, никакой ночной жизни,

неадекватные средства гигиены и ограниченные возможности перемещения.

— Ага.

— Не слишком-то вы разговорчивы, да?

— Я думал, это достоинство.

— Намек понял. Просто хотел поболтать. Тишина действует мне на нервы. Вам тут нравится?

— Наверное. Я здесь всего несколько дней.

— А у меня мурашки по коже, черт побери. Какая глушь! Я в Сибири знаю места гораздо уютнее. Уже были в Лондоне? Нет? Когда приедете на юг, я вам все покажу. Отличные пабы. Настоящая еда. И всякая туристическая ерунда, которую вы американцы любите. Но уличное движение — сущий ад. Здесь хотя бы можно спокойно вести машину. Никаких тебе гребаных светофоров. В начале Реджет-стрит есть один светофор, на котором, клянусь, пять минут можно простоять на красном, а зеленый зажигается секунд на десять. Две машины максимум проскакивают. Ну что за идиотизм! И нам говорят, такова цена, которую мы платим за прогресс. Ну разве так правильно?

— Наверное, — пожал плечами Тень. — Пожалуй.

Они теперь ехали по бездорожью, тряслись и подпрыгивали по поросшей кустарником ложбинке меж двух крутых склонов.

— Гости на этой вечеринке, — сказал Тень, — они на внедорожниках приедут?

— Не-а. Для них у нас вертолеты. Прибудут сегодня к обеду. Вертушкой сюда, вертушкой в понедельник утром обратно.

— Как на острове.

— Если бы! Не пришлось бы иметь дело со свихнувшимися местными. Никто не жалуется, что на соседнем острове шумят.

— А на ваших вечеринках много шумят?

— Это не моя вечеринка, приятель. Я только администратор. Слежу, чтобы все было тип-топ. Но — да. Насколько я понимаю, когда они разойдутся, то еще как шумят.

Травянистая ложбинка превратилась в овечью тропу, овечья тропа сменилась асфальтовой дорогой, которая карабкалась на склон под углом почти в сорок пять градусов. Потом внезапный поворот — и вот они уже подъезжают к дому, который Тень узнал сразу. Дженни ему его вчера показала за ленчем.

Дом был старым. Это было видно с первого взгляда. Одни части казались старше других. В правом крыле здания одна стена была сложена из серых валунов, тяжелых и замшелых. Эта стена вдавалась в другую, сложенную из бурых кирпичей. Всю постройку и оба крыла покрывала крыша с темно-серой черепицей. Дом выходил на гравиевую дорогу и небольшое озерцо у подножия холма. Тень выбрался из «лендровера». Поглядел на дом и почувствовал себя малой букашкой. Ему казалось, будто он вернулся домой, и ощущение было не из приятных. На гравиевой площадке перед домом было припарковано еще несколько внедорожников.

— Ключи от машин висят в буфетной, на случай если вам потребуется взять одну, — сказал Смит. — Я вам покажу, когда будем проходить.

Пройдя в высокие деревянные ворота, они оказались в центральном внутреннем дворе, лишь отчасти вымощенном. В центре журчал небольшой фонтан, вокруг — пятачок неухоженной, клокастой змеящейся травы, зажатой серыми плитами.

— Вот тут будет праздник в субботу вечером, — сказал Смит. — Я покажу, где вы будете стоять.

Через неприметную дверь они прошли в меньшее крыло, миновали комнату, где по стенам висели на крючках ключи, каждый со своей бумажной биркой, и еще одну — с пустыми полками. Прошли тусклый пыльный коридор, поднялись по лестнице. На лестнице не было ковровой дорожки, вообще ничего, кроме побелки на стенах. («Так вот, это помещения для слуг, сечете? На них денег никогда не тратят»). Было зябко, но Тень уже начинал привыкать, что внутри здания холоднее, чем снаружи. Он спросил себя, как же строители добиваются такого эффекта и не секрет ли это английской архитектуры.

Смит привел Тень на самый верх и показал ему темную комнату, в которой стояли антикварный платяной шкаф, узкая чугунная кровать (Тень с первого взгляда понял, что она ему слишком коротка) и старинный рукомойник. Небольшое оконце выходило во внутренний двор.

— Уборная в конце коридора, — сказал Смит. — Ванные комнаты для слуг этажом ниже. Их две: одна — для мужчин, одна — для женщин, никаких душевых. Количество горячей воды, боюсь, в этом крыле дома строго ограничено. Ваша форменная одежда — в платяном шкафу. Померьте ее сейчас, чтобы проверить, не жмет ли что, потом снимите до вечера, когда станут прибывать гости. Стиральных машин здесь мало, одежду надо чистить щеткой. С тем же успехом мы могли быть на Марсе. Если я вам понадоблюсь, я в кухне. Внизу не так холодно, если «Ага» работает. Вниз по лестнице до конца и налево, потом направо. Если заблудитесь, покричите. В другое крыло не ходите, разве что вас туда пошлют.

Он оставил Тень одного.

Тень примерил черный смокинг, белую рубашку, черный галстук. На дне платяного шкафа стояли начищенные до блеска черные туфли. Все сидело отлично, будто было сшито специально на него, даже новые туфли не жали. Он убрал все назад в шкаф.

Спустившись по лестнице, он нашел Смита на площадке, где тот яростно тыкал в кнопки маленького серебристого мобильного телефона.

— Нет приема, черт побери! Эта дрянь зазвонила, а когда я теперь пытаюсь прозвониться назад, не дает сигнала. Тут у них просто каменный век, будь он неладен. Как ваш костюм? Все в порядке?

— В полном.

— Молодчина. Никогда не трать пяти слов, если можешь обойтись двумя, а? Я мертвецов знавал, которые были более разговорчивы.

— Правда?

— Не-а. Фигура речи. Пошли. Как насчет ленча?

— Конечно. Спасибо.

— Ладно. Двигайте за мной. Тут у них черт ногу сломит, но вы быстро разберетесь.

Ели они в огромной пустой кухне: поглощали полупрозначную оранжевую копченую лососину на белом хлебе с хрустящей корочкой и кусочки острого сыра с жестяных эмалированных тарелок, запивая все крепким сладким чаем из больших кружек. «Агой», как выяснил Тень, оказался большой металлический ящик, отчасти печка, отчасти нагреватель воды. Открыв одну из многочисленных дверец в боку, Смит забросил внутрь несколько больших совков угля.

— А где остальная еда? И повара и официанты? — спросил Тень. — Не может же нас быть только двое.

— Хорошо подмечено. Все привезут из Эдинбурга. Сработает как часы. Кормежка и обслуга будут здесь к трем и начнут распаковываться. Гостей привезут в шесть. Фуршет назначен на восемь. Поболтают, поедят, посмеются. Ничего, что потребовало бы больших усилий. Завтра с семи до полудня завтрак. После полудня гости будут гулять, смотреть живописные виды и все такое. Во дворе сложат костры. Потом вечером костры зажгут, все устроят себе бурную ночку под открытым небом, будем надеяться, без вмешательства соседей. Утром в воскресенье ходим на цыпочках из уважения ко всеобщему похмелью, в воскресенье после полудня приземлятся вертолеты, и мы помашем всем ручкой. Вы заберете свой конверт с деньгами, и я отвезу вас назад в гостиницу, или, если вам тут наскучило, можете поехать со мной на юг. Как вам это нравится?

— Тип-топ, — отозвался Тень. — А кто может объявиться в субботу вечером?

— Просто брюзги. Местные, со скуки решившие испортить всем настроение.

— Какие местные? — спросил Тень. — Тут на несколько миль, кроме овец, никого.

— Местные. Они тут повсюду, — сказал Смит. — Вы их просто не видите. Прячутся, как Соуни Бин и его семейка.

— Кажется, я о нем слышал, — протянул Тень. — Имя знакомое...

— Это реальное историческое лицо. — Шумно отхлебнув чаю, Смит откинулся на спинку стула. — Дело было лет шестьсот назад. После того, как викинги свалили назад в Скандинавию или переженились и приняли христианство, пока не превратились в еще одну горстку шотландцев, но до того, как умерла королева Елизавета, и Яков спустился с гор, чтобы править обеими странами. Где-то в этом промежутке. — Он сделал еще глоток. — Так вот. В Шотландии то и дело исчезали путники. Ничего необычного в этом не было. Я хочу сказать, в те времена, если ты отправлялся в дальний путь, то не всегда возвращался домой. Иногда проходили месяцы, прежде чем все понимали, что ты уже не вернешься, а тогда винили волков или непогоду и решали путешествовать группами и только летом.

Но как-то один путник отстал от своих, большинство уехали далеко по долине, и вот, когда они выехали на гребень холма, с деревьев на них попадали, повылезали, точно из-под земли, дети. Целая свора детей, вооруженных кинжалами и ножами, костяными дубинами и крепкими палками, которые набросились на путешественников, стащили их с лошадей и прикончили. Всех, кроме нашего старикашки, который отстал от остальных и потому спасся. Он был единственным, но ведь достаточно и одного, правда? Старикашка добрался до ближайшего городка и там поднял большой шум, а городские власти собрали отряд горожан, позвали солдат и вернулись в холмы с собаками.

Убежище они искали много дней и уже готовы были сдаться, когда у входа в одну пещеру на морском берегу собаки вдруг залаяли. Тогда они спустились вниз.

Оказалось, что под землей целые катакомбы, и в самой большой и глубокой пещере они нашли старого Соуни Бина и его выводок, а еще свисающие с крюков туши, закопченные или зажаренные. Ноги, руки, бедра, кисти и ступни мужчин, женщин и детей были развешены рядами, как вяленая свинина. Были еще разрубленные тела, залитые известью, на манер солонины. Груды золотых и серебряных монет, горы часов, колец, мечей, пистолей и одежды, невообразимые бо-

гатства — они ведь ни пенни не потратили. Сидели себе в своих пещерах, ели, размножались и ненавидели.

Он жил там много лет. Старый Соуни создал свое крохотное королевство, которое состояло из него самого и его жены, его детей и его внуков, а кое-кто из внуков были заодно и его детьми. Сплошь инцест в этой банде.

— Это взаправду произошло?

— Так мне говорили. Есть записи процесса. Все семейство отвезли в Лит, чтобы там судить. Суд принял любопытное решение: в силу своих поступков Соуни не может считаться человеком. Поэтому его приговорили как зверя. Его не повесили и не отрубили ему голову. Просто разожгли костер и бросили в него Бина с женой, чтобы они сгорели дотла.

— А что сталось с его семьей?

— Не помню. Возможно, детишек сожгли, а может, и нет. Скорее всего сожгли. В здешних краях от монстров избавляются без лишних слов и раз и навсегда.

Помыв в раковине тарелки и кружки, Смит поставил их на решетку сушиться. Потом они вышли во внутренний двор, где Смит ловко свернул самокрутку. Лизнув бумажку, он пригладил ее пальцем и прикурил полученный цилиндрик от «зиппо».

— Давайте посмотрим. Что вам нужно знать на сегодня? Ну, основа проста: говорите, когда к вам обратятся... впрочем, с этим у вас, похоже, проблем не будет.

Тень промолчал.

— Ладно, поехали дальше. Если один из гостей у вас что-нибудь попросит, сделайте все возможное, чтобы это обеспечить. Если возникнут сомнения, обратитесь ко мне, но сделайте, как вас попросили, если это не отрывает вас от основных обязанностей или не нарушает первого правила.

— А именно?

— Не. Трахать. Дамочек навеселе. Обязательно найдется какая-нибудь юная леди, которая после бутылки вина пойдет искать на свою голову приключений. А если такое случится, будете изображать «Санди пипл».

— Не понимаю, о чем вы.

— «Наш репортер с извинениями удалился». Понятно? Можно смотреть, но не трогать. Усекли?

— Усек.

— Умница.

Тень поймал себя на том, что Смит начинает ему нравиться. Он сказал себе, что проникаться симпатией к этому человеку неразумно. Ему и раньше случалось встречать таких, как Смит: людей без совести, без морали, без сердца, и они, как правило, были столь же опасными, сколь и располагающими к себе.

В три часа действительно прибыл обслуживающий персонал, доставленный вертолетом, который больше напоминал транспортно-десантный, чем прогулочный. Ящики с вином и коробки с провизией, плетеные корзины с крышками и контейнеры новоприбывшие распаковали с поразительной расторопностью. Еще были коробки, до верху наполненные льняными салфетками и скатертями. Еще были повара и бармены, официантки и горничные.

Но первыми с вертолета сошли охранники: крупные, плотные парни с наушниками и, как Тень без сомнения определил, выпирающими из-под курток кобурами. Один за другим они отрапортовали Смиту, который отправил их инспектировать дом и окрестности.

Тень по возможности помогал: таскал из вертолета на кухню ящики с овощами. Он мог унести вдвое больше кого-либо другого. В следующий же раз, когда он проходил мимо освободившегося Смита, он остановился и спросил:

— Если у вас столько ребят в секьюрити, зачем тут я?

Смит приветливо улыбнулся:

— Послушай, сынок. Сюда приедут люди, которые стоят столько, сколько нам с вами и во сне не приснится. Им нужно твердо знать, что о них заботятся. Случаются похищения. У важных людей есть враги. Много что может произойти. Только вот эти ребята ничему такому случиться не позволят. Но заставлять их разбираться с местными ворчунами, все равно что ставить противопехотные мины в саду, лишь бы избавиться от случайных любопытных. Ясно?

— Ясно, — отозвался Тень.

Вернувшись к вертолету, он поставил на землю коробку, помеченную «МОЛОДЫЕ БАКЛАЖАНЫ» и полную блестящих черных плодов, сверху водрузил ящик с капустой и понес все это на кухню, уже совершенно уверенный, что ему лгут. Ответ Смита был вполне логичным. Даже убедительным. Просто это была неправда. Ему нет никаких причин тут находиться, а если есть какая-нибудь, то совсем не та, которую ему назвали.

Он пережевывал это и обмозговывал, пытаясь сообразить, зачем его привезли в этот дом, и надеялся, что по его лицу ничего не видно. Тень привык все держать в себе. Так безопаснее.

Глава пятая

Ранним вечером, когда небо порозовело, прилетели еще вертолеты, из которых выбрались с два десятка стильно и дорого одетых людей. Некоторые улыбались и смеялись. Большинству было тридцать — сорок лет. Тень никого не узнал.

Небрежно, но плавно Смит переходил от гостя к гостю, уверенно приветствуя прибывающих.

— Добрый вечер, пройдете вот сюда и повернете направо, в главном зале подождите. Там отличный огонь в камине. Кто-нибудь за вами придет и отведет вас в вашу комнату. Ваш багаж уже будет ждать там. Если нет, позвоните мне, но он там будет. Желаю здравствовать, ваша светлость, выглядите вы — загляденье. Прислать кого-нибудь поднести вам сумочку? Ждете хозяина? Как и все мы, как и все мы.

Тень завороженно смотрел, как Смит обходится с каждым гостем, как в его манере смешиваются фамильярность и уважительность, дружелюбие и особый шарм кокни: менялись интонации, тембр, даже согласные и гласные звуки произносились так или иначе — в зависимости от того, к кому он обращался.

Очень хорошенькая женщина с коротко стриженными темными волосами улыбнулась Тени, когда он вносил в дом ее сумки.

— Дамочка навеселе, — пробормотал, проходя мимо, Смит. — Руки прочь.

Последним появился дородный мужчина, которому, на взгляд Тени, было едва за шестьдесят. Опираясь на дешевую деревянную трость, он подошел к Смиту и что-то сказал ему вполголоса. Смит ответил в той же манере.

«Тут всем заправляет он», — подумал Тень. Это чувствовалось в осанке, в жестах. Смит уже больше не улыбался, больше не улещивал. Он докладывал: тихо и деловито сообщал старику все, что ему следует знать.

Смит поманил пальцем Тень, который тут же подошел к говорящим.

— Тень, — сказал Смит. — Это мистер Элис.

Мистер Элис пожал темную смуглую руку Тени своей пухлой и розовой.

— Приятно познакомиться, — сказал Тень.

— Ну, — снизошел мистер Элис, — продолжайте.

Смит кивнул Тени, мол, он может идти.

— Если вы не против, — сказал ему Тень, — мне бы хотелось оглядеться, пока еще не совсем стемнело. Прикинуть, откуда могут прийти местные.

— Слишком далеко не уходите, — сказал Смит, поднял чемоданчик мистера Элиса и повел его в дом.

Тень обошел дом по периметру. Его подставляют. Он не знал зачем или почему, но был твердо уверен, что сделал правильный вывод. Слишком многое не сходится. Зачем нанимать в охранники бродягу, если привозишь собственных профессиональных телохранителей? В этом смысла не больше, чем в том, что Смит представил его мистеру Элису — и это после того, как два десятка гостей обращались с Тенью скорее как с декоративным украшением, чем как с человеком.

Перед домом тянулась низкая каменная стена. За домом поднимался холм размером с небольшую гору перед ним — он полого спускался к озеру. Чуть в стороне шла дорога, по которой его привезли сегодня утром. Пройдя к дальнему углу строения, Тень нашел садик пряных трав, окруженный высокой стеной, за которой расстилалась пустошь. Спустившись в садик, он подошел внимательнее осмотреть сцену.

— Рекогносцировка? — спросил один из охранников в черном смокинге.

Тень не заметил, как он подошел, а значит, надо думать, он в своем деле дока. Как и большинство обслуживающего персонала, телохранитель говорил с шотландским акцентом.

— Просто осматриваюсь.

— Хотите местность изучить? Очень мудро. За эту сторону дома не беспокойтесь. В сотне ярдов отсюда есть речушка, впадающая в лох, а за ней — обрыв, пара сотен футов мокрых камней. Ногу некуда поставить.

— Вот как. А местные, те, кто может сорвать праздник, откуда они приходят?

— Мне-то откуда знать?

— Я, пожалуй, схожу вон туда, взгляну, как там и что, — сказал Тень. — Посмотрю, не пойму ли, каковы подходы.

— Я бы этого не делал, — сказал телохранитель. — На вашем месте бы не делал. Камни действительно опасны. Заглядитесь на что-нибудь — достаточно поскользнуться: полетите с камнями прямо в лох. Если пойдете туда, даже тела вашего, возможно, не найдут.

— Понимаю, — сказал Тень, который действительно понял.

Он пошел дальше в обход дома. Теперь, когда он их выискивал, он по пути заметил еще пятерых телохранителей и был уверен, что есть те, которых он пропустил.

Через французские окна в главном крыле дома он увидел огромную, обшитую деревянными панелями столовую, где за накрытым столом болтали и смеялись гости.

Тень вернулся в крыло для слуг. После каждой перемены блюд тарелки составляли на буфет, и обслуга угощалась вовсю, наваливая себе деликатесы. Сидя за деревянным кухонным столом, Смит уминал бифштекс с кровью, заедая его крабовым салатом.

— Вон там икра, — сказал он Тени. — «Золотой Осетр», высшего качества. В старые времена распорядители приберегали такое для себя. Впрочем, я не любитель этого лакомства, так что угощайтесь.

Тень из вежливости положил на край тарелки немного икры. Потом прибавил к ней крохотные яйца-пашот, несколько ложек пасты, немного куриного филе под сладким соусом. Сев рядом со Смитом, он принялся за еду.

— Не понимаю, откуда могут приходить местные, — сказал он. — Ваши люди блокировали подъезд. Любому, кто захочет сюда добраться, придется переплыть озеро.

— Значит, полазили вокруг?

— Да.

— Встретили кого-нибудь из моих ребят?

— Да.

— И что скажете?

— Мне бы не хотелось с ними связываться.

Смит ухмыльнулся:

— Такому здоровяку, как вы? Вы сумеете за себя постоять.

— Они убийцы, — просто ответил Тень.

— Только когда требуется, — отозвался Смит, вдруг перестав улыбаться. — Почему бы вам не подняться к себе наверх? Когда вы мне понадобитесь, я вам покричу.

— Конечно, — сказал Тень. — А если я вам не понадоблюсь, это будет очень тихий уик-энд.

Смит посмотрел на него в упор:

— Вы свои деньги отработаете.

По черной лестнице Тень поднялся в длинный коридор на самом верху и толкнул дверь в свою комнату. Снизу доносился шум вечеринки, он выглянул в небольшое оконце. Французские окна в главном крыле были распахнуты, и гости в перчатках и шубах, с бокалами вина в руках высыпали во внутренний двор. До него долетали обрывки перескакивающих с предмета на предмет разговоров — звуки слышались отчетливо, но слова и их смысл терялись. Временами из общего шелеста вырывалась отдельная фраза.

— А я ему говорю, таких судей, как вы, я не покупаю, а продаю...

Тень услышал женский голос:

— Это монстр, милочка. Совершеннейший монстр. Но что тут поделаешь?

А другая женщина говорила:

— Если бы я то же могла сказать о моем друге!

На это последовал взрыв смеха.

У него было два варианта. Он может остаться или попытаться уйти.

— Я остаюсь, — сказал он вслух.

Глава шестая

Это была ночь опасных снов.

В своем первом сне тень снова был в Америке, стоял под уличным фонарем. Поднявшись на несколько ступенек, он толкнул стеклянную дверь и вошел в закусочную, похожую на вагон-ресторан в каком-нибудь поезде. Он слышал, как поет старик — поет низким скрипучим голосом на мотив «Мой милый за океаном»:

Дедуля сбывал матросам кондомы,
Прокалывал кончик иглой, ца-ца
Моя бабуля аборты делала дома,
К нам деньги текут рекой, ца-ца.
Бум-ца-ца, бум-ца-ца, бум-ца-ца-ца.
К нам деньги текут рекой, ца-ца.

Тень прошел вдоль вагона-ресторана. За столиком в конце сидел седой старик с бутылкой пива в руке распевал: «Текут, текут, мой Бог, деньги текут рекой». Когда он завидел Тень, его лицо расплылось в широкой обезьяньей улыбке.

— Садись, садись, — ткнул он бутылкой в сиденье напротив.

Тень сел напротив старика, которого знал под именем Среда.

— Ну и в чем беда? — спросил Среда, вот уже два года как мертвый или, во всяком случае, настолько мертвый, насколько бывают подобные ему существа. — Я бы предложил тебе пива, но обслуживание здесь ни к черту.

Тень сказал, что все в порядке. Он не хочет пива.

— Ну? — Среда поскреб в бороде.

— Я в старинном доме в Шотландии с кучей чертовски богатых людей, и они что-то затевают. Мне грозит беда, но я не знаю, в чем она заключается. Но, думаю, дело серьезное.

Среда отхлебнул из бутылки.

— Богатенькие не такие, как мы, мой мальчик, — помолчав, возвестил он.

— И что же это значит?

— Ну, для начала, большинство из них скорее всего смертные. Тут тебе волноваться не о чем.

— Не морочь мне этим голову.

— Но ты-то не смертен, — продолжал Среда. — Ты, Тень, умер на дереве. Ты умер и вернулся.

— И что с того? Я даже не помню, как мне это удалось. Если меня убьют на сей раз, я так и останусь мертвым.

Среда прикончил свое пиво. Потом помахал бутылкой, будто управлял невидимым оркестром, и пропел следующий куплет:

Братишка блядей к Христу обращает,
Себе помогая рукой, ца-ца.
Пятерка, и церковь грехи все прощает.
К нам деньги текут рекой, ца-ца.
Бум-ца-ца, бум-ца-ца, бум-ца-ца-ца.
К нам деньги текут рекой, ца-ца.

— Помощи от тебя никакой, — сказал Тень. Вагон ресторан превратился вдруг в обычный купейный, грохочущий через снежную ночь.

Поставив пустую бутылку на стол, Среда пригвоздил Тень взглядом своего настоящего, не стеклянного глаза.

— Все дело в повторяемости, в ритуале, — сказал он. — Если они считают тебя героем, то ошибаются. Когда ты умрешь, Беовульфом, Персеем или Рамой тебе уже не стать. Правила совершенно другие. Шахматы, а не шашки. Го, а не шахматы. Понимаешь?

— Ни черта, — разочарованно ответил Тень.

* * *

Люди в коридоре большого дома пьяно шумят, шикают друг на друга, пока спотыкаясь и хихикая, нащупывают дорогу в потемках.

Тень спросил себя, слуги ли это, или забредшие сюда в поисках приключений гости. Но сны завладели им снова...

Он вновь стоял в обветшавшем домишке, где позавчера укрывался от дождя. На полу — тело мальчика не старше пяти лет. Голое, лежит навзничь, руки-ноги раскинуты. Вспышка ослепительного света. Кто-то прошел мимо Тени, будто его и вовсе тут не было, и переложил руки мальчика. Снова вспышка.

Тень догадался, что мужчина делает фотографии. Это был доктор Гаскелл, серый человечек из бара при гостинице.

Достав из кармана белый бумажный пакет, Гаскелл выловил из него что-то и положил себе в рот.

— Леденцовая смесь, — сказал он ребенку на каменном полу. — Ням-ням. Твои любимые.

Улыбнувшись, он присел на корточки и сделал еще один снимок мертвого мальчика.

Тень протиснулся через каменную стену домика, ветром просочился в щели между камнями. Он полетел к берегу. На камнях разбивались волны, и Тень заскользил над водой, над серыми морями, вверх-вниз по волнам к кораблю из ногтей мертвецов.

Корабль был далеко в открытом море, а Тень несся над водой, будто тень тучи.

Корабль был огромным. Как это он раньше не понял, какая перед ним громадина? Протянулась могучая лапища, схватила его руку и вытащила из моря на палубу.

— Верни нас домой, — сказал гулкий, как прибой, голос, настойчивый и яростный. — Верни нас домой или дай нам уйти. — С заросшего бородой лица на него смотрел единственный свирепый глаз.

— Я вас тут не держу.

На палубе корабля стояли великаны, высоченные мужчины, сотканные из теней и замерзшей водяной пыли, порождения пены и снов.

Один, ростом выше других, рыжебородый, сделал шаг вперед.

— Мы не можем пристать к берегу, — прогрохотал он. — Мы не можем уплыть.

— Отправляйтесь домой, — сказал Тень.

— С нашим народом мы приплыли в эти южные земли, — сказал одноглазый. — Но он нас оставил. Они захотели себе других, более тихих, ручных богов, и в сердцах своих от нас отказались.

— Отправляйтесь домой, — повторил Тень.

— Слишком много воды утекло, — сказал рыжебородый. Тень узнал его по молоту. — Слишком много крови пролито. Ты нашей крови, Бальдр. Освободи нас.

Тень хотел ему сказать, что он не их, что он вообще ничей, но тонкое одеяло соскользнуло с кровати, его ноги торчали за ее край, а чердачную комнату залил лунный свет.

В большом доме теперь царила тишина. Среди холмов кто-то взвыл, Тень поежился.

Он лежал на слишком для него короткой кровати и воображал себе время, которое собирается озерцами и лужицами, спрашивая себя, нет ли такого места, где время висит, как густой туман, где оно громоздится и удерживается... Города, думал он, наверное, полны временем: все места, где собираются люди, куда они приходят и приносят с собой свое время.

Но будь оно так, размышлял Тень, то должны быть и другие края, где люди редки, где земля ждет, горькая, как гранит, а тысяча лет для холмов — что мгновение ока, бег облаков, колыхание волн и ничего больше. В тех местах, где время редко, как сито, как люди...

— Они тебя убьют, — прошептала барменша Дженни.

Тень теперь сидел подле нее на склоне холма в лунном свете.

— Зачем им меня убивать? — спросил он. — Я же никто.

— Они всегда так поступают с монстрами, — объяснила она. — Они должны так делать. Они всегда это делали.

Он протянул руку, чтобы коснуться ее щеки, но она отвернулась. Сзади Дженни была пустой и полой. Она опять повернулась к нему лицом.

— Уходи оттуда, — прошептала она.

— Ты можешь ко мне прийти, — возразил он.

— Не могу, — сказала она. — На моем пути препятствия. Путь туда труден, и его охраняют. Но ты можешь позвать. Если ты позовешь, я приду.

Тут наступил рассвет, а вместе с ним из болота у подножия холма выбрался рой карликов. Дженни махнула на них хвостом, но без толку. Они накинулись на Тень, как пчелиный рой, пока он не начал вдыхать карликов, пока его нос и рот не заполнились крошечными ползучими, жалящими существами, и он не начал задыхаться в темноте...

Он рывком втянул себя в кровать, в свое тело и свою жизнь, в мир бодрствующих. Сердце колотилось у него в груди, он хватал ртом воздух.

Глава седьмая

На завтрак были копченая сельдь, помидоры с гриля, яичница, тосты, коротенькие и толстые сардельки и куски чего-то круглого, темного и плоского, чего Тень не опознал.

— Что это? — спросил он.

— Кровяная колбаса, — отозвался сидящий рядом с ним мужчина. Это был один из охранников, который за едой читал вчерашнюю «Сан». — Из крови и пряных трав. — Наложив вилкой на тост яичницу, он откусил кусок. — Не знаю. Так мне, во всяком случае, сказали. Говорят, никогда нельзя смотреть, как готовят колбасу и пишут законы? Что-то в таком духе.

Тень съел все, но кровяную колбасу оставил на тарелке.

На столе стоял кофейник с настоящим, заваренным кофе, и он выпил большую кружку горячего напитка без молока и сахара, надеясь, что это поможет ему проснуться и прочистит мозги.

Вошел Смит.

— А вот и наша тень, — пошутил он. — Можно вас на пять минут?

— Вы же платите, — сказал Тень.

Они вышли в коридор.

— Это мистер Элис, — объяснил Смит. — Хочет вас на два слова.

Оставив позади известковую побелку крыла для слуг, они вышли в обшитые мореным дубом залы старого дома. По гигантской деревянной лестнице поднялись в просторную библиотеку. Там никого не было.

— Он будет через минуту, — пообещал Смит. — Пойду скажу ему, что вы ждете.

Книги в библиотеке были укрыты от мышей, пыли и людей за запертыми стеклянными дверями с проволочной сеткой. На стене висела картина с изображением оленя, и Тень подошел, чтобы рассмотреть его поближе. Олень смотрел надменно и гордо, будто чувствовал свое превосходство, в долине у него за спиной клубился туман.

— «Повелитель долины», — сказал мистер Элис, который вошел медленно, опираясь на трость. — Наиболее часто копируемая картина викторианских времен. Это не оригинал, но все равно работа Лэндсира, он написал ее в конце восьмидесятых, воспроизвел собственную картину. Я к ней очень привязан, хотя знаю, что не следует. Это тот самый Лэндсир, который изготовил львов для Трафальгарской площади.

Он подошел к эркеру, Тень сделал несколько шагов следом. Во внутреннем дворе внизу слуги расставляли столы и стулья. У пруда в середине еще несколько человек — гости, насколько мог видеть Тень, — складывали бревна и сучья для костров.

— Почему они не пошлют сложить костры слуг? — спросил Тень.

— А почему слуги должны получать удовольствие? — вопросом на вопрос ответил мистер Элис. — Это все равно что отправить слугу после обеда пострелять фазанов. Когда сам притаскиваешь сучья и складываешь их на нужное место в

определенном порядке, в костре есть нечто особенное. Так, во всяком случае, мне говорили. Сам я такого не делал. — Он отвернулся от окна. — Садитесь. У меня шея затекает на вас смотреть.

Тень сел.

— Я много о вас слышал, — продолжал мистер Элис. — Уже давно хотел с вами познакомиться. Говорят, вы смышленый молодой человек, да еще с большим будущим. Вот что про вас говорят.

— Значит, вы не просто туриста наняли, чтобы он не подпускал к вашей вечеринке соседей?

— И да, и нет. У нас, сами понимаете, было несколько других кандидатов. Просто вы нам больше всего подходите. А когда я догадался, кто вы... Ну, вы просто дар богов, так ведь?

— Не знаю. Действительно дар?

— Несомненно. Понимаете, эти вечеринки устраивают уже очень давно. Почти тысячу лет без перерыва. Ни одного года не пропустили. И каждый год устраивается поединок между их человеком и нашим человеком. И наш человек побеждает. В этом году наш человек — вы.

— Кто... — начал Тень. — Кто такие «они»? И кто такие «вы»?

— Я ваш хозяин, — сказал мистер Элис. — Полагаю... — На мгновение замолчав, он постучал тростью в деревянный пол. — «Они» — те, кто проиграл, впрочем, это было давным-давно. Но мы победили. Мы были рыцарями, а они — драконами, мы — убийцами великанов, а они — ограми. Мы были людьми, а они монстрами. И мы победили! Теперь они знают свое место. Сегодняшний бой — для того, чтобы не дать им забыть. Сегодня вечером вы будете сражаться за человечество. Нельзя дать им одержать верх. Даже в малости. Мы против них.

— Доктор Гаскелл назвал меня монстром, — сказал Тень.

— Доктор Гаскелл? — переспросил мистер Элис. — Это ваш друг?

— Нет, — ответил Тень. — Он работает на вас. Или на людей, которые работают на вас. Кажется, он убивает детей и делает фотографии трупов.

Мистер Элис уронил свою трость и неловко за ней наклонился.

— Я вас, Тень, монстром не считаю, — сказал он наконец. — Я считаю вас героем.

«Нет, — подумал Тень. — Вы считаете меня монстром. Но вы думаете, что я ваш монстр».

— Так вот, — продолжал мистер Элис, — сегодня вечером вы себя покажете и, уверен, хорошо покажете, а тогда можете назвать свою цену. Вы никогда не задумывались, почему некоторые люди становятся кинозвездами, знаменитостями или миллиардерами? Готов поспорить, что задумывались. «У него же нет таланта? Что такого есть у него, чего нет у меня?» Что ж, иногда ответ очень прост: на его стороне такой человек, как я.

— Вы бог? — спросил Тень.

Тут мистер Элис раскатисто, от души рассмеялся:

— Отличная шутка, мистер Лун. Вовсе нет. Я просто малый из Стритхэма, который пробил себе дорогу в жизни.

— И с кем же я буду бороться? — поинтересовался Тень.

— Сегодня вечером вы с ним встретитесь, — сказал мистер Элис. — А пока нужно кое-что достать с чердака. Почему бы вам не пособить нашему Смити? Для такого здоровяка, как вы, — раз плюнуть.

Аудиенция закончилась, и, словно по сигналу, вошел Смит.

— Я как раз говорил, — сказал мистер Элис, — что наш друг поможет тебе спустить кое-что с чердака.

— Отлично, — отозвался Смит. — Пошли, Тень. Проложим себе путь наверх.

И они пошли наверх: по темной неосвещенной деревянной лестнице, к запертой на висячий замок двери, которую Смит открыл. Пыльный деревянный чердак был доверху заставлен чем-то, напоминающим...

— Барабаны? — удивился Тень.

— Барабаны, — подтвердил Смит. Они были изготовлены из дерева и звериных шкур. И все разного размера. — Ладно. Давай стащим их вниз.

И они потащили. Смит сносил по одному за раз, держа барабан так, словно он был большой ценностью. Тень носил по два.

— А что, собственно, сегодня произойдет? — спросил Тень на их третий, а может, четвертый заход.

— Ну, — протянул Смит. Они поставили барабаны у подножия лестницы в большом зале. У очага негромко беседовали несколько человек. Когда они вернулись на лестницу и были уже вне пределов слышимости гостей, Смит сказал: — Мистер Элис под вечер нас оставит. А я еще немного тут покручусь, но потом тоже уеду.

— Мистер Элис уезжает? Разве он не примет участия в вечеринке?

Вид у Смита сделался оскорбленный.

— Он же хозяин. Но. — Тут он остановился. Тень все понял: такие, как Смит, своих нанимателей не обсуждают. Они снесли вниз остальные барабаны, а после вернулись за тяжелыми кожаными мешками.

— Что в них? — спросил Тень.

— Палочки, — ответил Смит и, помолчав, добавил: — Они — древних родов. Я про тех, что внизу. Очень старые деньги. Они знают, кто босс, но это еще не делает его одним из них. Понимаете? Они — единственные, кто будет присутствовать на сегодняшнем празднике. Мистера Элиса они бы там видеть не хотели. Понимаете?

Тень действительно понял и пожалел, что Смит вообще согласился говорить про мистера Элиса. Он почему-то сомневался, что Смит хоть словом обмолвился бы тому, кто, на его взгляд, проживет достаточно долго, чтобы это слово повторить.

Но сказал Тень только:

— Тяжелые у вас барабанные палочки.

Глава восьмая

С наступлением сумерек черный частный вертолетик унес мистера Элиса. «Лендроверы» увезли обслуживающий персонал. На последнем уехал Смит. В большом доме остались только Тень и гости с их дорогими стильными нарядами, с их

улыбками. Они разглядывали Тень, как пойманного льва, которого привезли для их увеселения, но с ним разговаривали. Темноволосая женщина, которая по приезде улыбнулась Тени, принесла ему поесть: стейк, едва прожаренный. Она принесла ему тарелку, но никаких приборов, точно считала, что есть он будет руками и зубами, а поскольку он был голоден, то так и сделал.

— Я не ваш герой, — сказал он им, но они отказывались встречаться с ним взглядом. Никто с ним не разговаривал, во всяком случае, напрямую. Он чувствовал себя зверем.

А потом сумерки сгустились. Тень вывели во внутренний двор к пыльному фонтану, под дулом пистолета сняли с него одежду, и женщины намазали его тело густым желтым жиром, который втерли.

На траву перед ним положили нож. Движение пистолетом — и Тень поднял оружие. Рукоять была из какого-то темного металла, шероховатая и удобная в руке. Клинок выглядел острым.

Потом они распахнули двойные двери из внутреннего двора в большой дом, и двое мужчин зажгли высокие костры. Затанцевало и затрещало пламя.

Остальные открыли кожаные мешки, и каждый из гостей взял по резной черной палочке, больше похожей на тяжелую узловатую дубинку. Тени невольно вспомнились дети Соуни Бина, вылезающие из-под земли с дубинами из берцовых костей.

Расположившись вдоль края внутреннего двора, гости принялись ударять палочками в барабаны. Начали они медленно и тихо, двор сотрясла низкая, пульсирующая вибрация, похожая на биение сердце. Потом они стали выбивать и выстукивать странный ритм, стаккато, которое колебалось и кружило, все громче и громче, пока не заполнило разум и мир Тени. Ему казалось, что само пламя вспыхивает мигает в такт барабанам.

А затем за стенами дома поднялся вой.

В этом вое было страдание, и, перекрывая барабанный бой, он пронесся над холмами, — вопль боли, утраты и ненависти.

Фигура, которая, спотыкаясь, прошла через ворота во двор, сжимала себе голову, закрывая уши руками, словно чтобы остановить оглушительные звуки. Вот она вышла на свет костров.

Она была огромной: много выше Тени, и нагой. На ней не было ни волоска, и с нее капала вода.

Опустив руки, существо оглянулось по сторонам, его лицо исказила безумная гримаса.

— Прекратите! — возопило оно. — Прекратите шуметь.

А люди в стильной загородной одежде все выбивали и выбивали ритм, все быстрее, все сильнее, так что шум затопил Тени голову и грудь.

Монстр вышел на середину двора и глянул на Тень.

— Ты, — сказало существо. — Я же тебя просил. Я же говорил тебе про шум. — И оно завыло — низким горловым воем вызова и ненависти.

Существо подобралось ближе к Тени, потом увидело нож и замерло.

— Сражайся! — крикнуло оно. — Сразись честно! Не хладным железом! Сразись со мной!

— Я не хочу с тобой сражаться, — отозвался Тень и, уронив в траву нож, медленно поднял пустые руки.

— Слишком поздно, — сказало лысое существо, которое не было молодым человеком. — Для этого уже слишком поздно.

И бросилось на Тень.

Впоследствии, думая про тот поединок, Тень вспоминал его лишь отрывками. Помнил, как рухнул наземь и как перекатился. Помнил глухой барабанный бой и выражение на лицах барабанщиков, голодными глазами следившими за двумя фигурами в огненном свете.

Они сжимали, дубасили и молотили друг друга. По лицу ломавшего Тень монстра бежали соленые слезы. Тени подумалось, что он и его противник стоят друг друга. Монстр ударил Тень локтем в лицо, и Тень почувствовал на языке вкус крови. А еще ощутил, как в нем самом поднимается гнев — алая волна ненависти. Выбросив вперед ногу, он поддел монстра под колено, и, когда монстр отшатнулся, кулак Тени уда-

рил ему в живот, отчего он вскрикнул и взревел с болью и гневом.

Взгляд на гостей: на лицах барабанщиков Тень увидел жажду крови.

Поднялся ветер, холодный ветер, морской ветер, и Тени показалось, что в небе над ним зависли великанские тени, огромные фигуры, которые он видел на корабле из ногтей мертвецов, и сейчас они смотрели на него с высоты, будто именно этот поединок и удерживал их на корабле, не давая высадиться на берег, не давая уплыть.

Этот бой — древний, подумал Тень, древнее, чем кажется мистеру Элису, и продолжал думать об этом, даже когда когти твари располосовали ему спину. Это бой человека с монстром, старый, как само время: это Тезей сражается с Минотавром, это Беовульф силится одолеть Гренделя, это тот герой, что извечно стоит между светом и тьмой и устало стирает со своего меча кровь чего-то нечеловеческого.

Горели костры, пульсировали и гремели барабаны, точно биение тысяч сердец.

Когда монстр напал снова, Тень поскользнулся на мокрой траве и упал навзничь. Пальцы твари охватили его шею и начали сжимать: Тень почувствовал, как все тускнеет, становится все более далеким. Сомкнув пальцы на кустике травы, он глубже вонзил их в землю, потянул, захватывая пригоршню травы и липкой земли, и с силой вдавил холодную грязь в лицо монстра, на мгновение его ослепив. Он перекатился. Теперь уже он сидел верхом на монстре. С силой ударил его коленом в пах, и монстр свернулся клубком, завыл и заплакал.

Осознав, что барабанный бой прекратился, Тень поднял глаза.

Гости отложили барабанные палочки.

Они приближались к нему, сжимая круг. Теперь мужчины и женщины поднимали свои палочки, как дубины. Но смотрели они не на Тень: они не отрывали глаз от монстра на земле и, занеся свои резные орудия, надвинулись на него в свете костров.

— Хватит! — вырвалось у Тени.

Первый удар резной барабанной палочкой пришелся по голове существа. Монстр взвыл и извернулся, поднимая руку, чтобы отвести следующий удар.

Тень бросился вперед, заслоняя его своим телом. Темноволосая женщина, когда-то ему улыбавшаяся, теперь бесстрастно обрушила палочку-дубину ему на плечо. Еще одна дубина, на сей раз в руках старика, ударила его по ноге, отчего онемела голень. Третий удар пришелся ему в бок.

«Они убьют нас обоих, — подумал Тень. — Сначала его, потом меня. Вот, что они сделают. Вот что они всегда делают. — А потом ему в голову пришла новая мысль: — Она сказала, что придет. Если я ее позову».

— Дженни? — прошептал он.

Ответа не было. Все происходило так медленно. Опускалась еще одна дубина, на сей раз целясь ему в кисть. Тень неловко выкатился из-под удара, успел увидеть, как тяжелая дубина ударяет в траву.

— Дженни, — сказал он, стараясь как можно отчетливее представить себе ее слишком светлые волосы, ее худое лицо, ее улыбку. — Я призываю тебя. Приди. Прошу.

Порыв холодного ветра.

Темноволосая женщина высоко занесла дубинку и быстро, с силой обрушила ее, метя Тени в лицо.

Удар не достиг цели. Хрупкая ручка перехватила дубину, точно веточку.

Светлые волосы развевались вокруг ее головы на холодном ветру. Тень не мог бы сказать, во что она одета.

Дженни поглядела на него. И Тени показалось, что в ее глазах он прочел разочарование.

Один мужчина изготовился ударить ее по затылку. И снова дубина ее не коснулась. Она повернулась...

Скрежещущий звук, будто нечто себя разрывает.

А потом взорвались костры. Вот на что это походило. Пылающие поленья и сучья разлетелись по всему двору, их занесло даже в дом. И люди кричали на суровом ветру.

Тень нетвердо поднялся на ноги.

Окровавленный и скрюченный монстр лежал на земле. Тень не знал, жив он или нет. Подхватив тело, он взвалил его себе на плечо и, спотыкаясь, побрел со двора.

Едва переставляя ноги, он вышел на посыпанную гравием стоянку, и тут же у него за спиной захлопнулись тяжелые деревянные ворота. Никто больше не выйдет. Тень стал спускаться по склону — шаг за шагом — к узкому шотландскому озерцу, лоху.

Дойдя до кромки воды, он остановился и, рухнув на колени, насколько мог мягко опустил лысого человека на траву.

Услышав за спиной грохот, он оглянулся на вершину холма.

Дом горел.

— Как он? — спросил женский голос.

Тень повернулся. Она стояла по колено в воде. Мать монстра шла к берегу.

— Не знаю, — честно ответил Тень. — Он ранен.

— Вы оба ранены, — сказала она. — Вы сами весь в крови и синяках.

— Да, — согласился Тень.

— И все же он не мертв. Неплохо для разнообразия.

Выйдя на берег, она села, положив себе на колени голову сына. Достав из сумочки пачку носовых платков, вытащила один, плюнула на него и начала яростно скрести лицо сына, стирая кровь.

Пламя над домом на холме теперь уже ревело. Тень даже не представлял себе, что от горящего здания может быть столько шума.

Старая дама подняла глаза к небу. Издала горловой, похожий на смешок звук, потом покачала головой.

— Знаете, — сказала она, — а ведь вы их впустили. Они так долго были заперты за гранью этого мира, а вы их впустили.

— Это хорошо? — спросил Тень.

— Не знаю, голубчик, — сказала старая дама и снова покачала головой. Она тихонько напевала сыну, словно он был еще маленьким мальчиком, и, послюнив носовой платок, промокала ему раны.

Тень стоял голый у кромки воды, но жар от горящего здания обдавал спину теплом. Он смотрел, как пламя отражается в стеклянной поверхности лоха.

Всходила желтая луна.

Синяки и раны начинали болеть. Завтра боль будет еще сильнее.

За спиной — шаги по траве. Он поднял глаза.

— Привет, Смити, — сказал Тень.

Смит поглядел на троих у воды.

— Тень, — сказал он, покачав головой. — Тень, Тень, Тень, Тень, Тень. Исход должен был быть совсем иным.

— Извините, — отозвался Тень.

— Это доставит столько хлопот мистеру Элису, — сказал Смит. — Те люди были его гости.

— Это были звери, — возразил Тень.

— Может, и так, — сказал Смит, — но это были богатые и влиятельные звери. А теперь придется позаботиться о вдовах и сиротах и еще бог знает о чем. Мистер Элис будет недоволен. — Он произнес это как судья, выносящий приговор.

— Вы ему угрожаете? — поинтересовалась старая дама.

— Я не угрожаю, — бесстрастно ответил Смит.

Она улыбнулась:

— А вот я угрожаю. Если вы или жирный сукин сын, на которого вы работаете, причините хотя бы какой-то малейший вред этому молодому человеку, вам же будет хуже. — Тут она улыбнулась, показав острые зубы, и Тень почувствовал, как волосы у него за затылке встают дыбом. — Есть вещи пострашнее смерти, — сказала она. — И мне известны почти все. Я не молода и слов даром не теряю. Поэтому на вашем месте, — усмехнулась она, — хорошенько бы присматривала за этим мальчиком.

Одной рукой, точно тряпичную куклу, она подхватила тело сына, другой крепче прижала к боку сумочку. Потом кивнула Тени и ушла в темно-стеклянную воду. Вскоре она и ее сын уже скрылись под поверхностью озерца.

— Вот черт, — пробормотал Смит.

Тень не сказал ничего.

Смит порылся по карманам. Отыскав кисет с табаком, он свернул себе самокрутку. Прикурил.

— Вот так-то, — сказал он.

— Вот так-то? — переспросил Тень.

— Надо вас, пожалуй, помыть и найти вам какую-нибудь одежду. Иначе до смерти простудитесь. Вы же слышали, что она сказала.

Глава девятая

В тот же вечер в гостинице Тень уже ждал лучший номер. Меньше чем через час после возвращения Тени Гордон-портье принес ему новый рюкзак, коробку с новой одеждой, даже новые ботинки. Вопросов он никаких не задал.

Поверх одежды лежал пухлый конверт.

Тень его разорвал. В конверте оказались его паспорт (слегка обгоревший), его бумажник и деньги: несколько перетянутых красными резинками пачек новых пятидесятифунтовых банкнот.

«К нам деньги текут рекой», — без удовольствия подумал Тень и попытался — без особого успеха — вспомнить, где слышал эту песню.

Он долго лежал в ванне, отмачивая синяки.

Потом спал.

Утром он оделся и по ведущей от порога гостиницы дороге поднялся на холм. Он был уверен, что на вершине есть каменный дом с лавандой в саду, полосатая обеденная стойка из сосны и пурпурный диван, но сколько бы он ни искал, никакого жилья на холме не было, даже признаков того, что здесь хоть когда-то было что-то, помимо травы и тернового куста.

Он позвал ее по имени, но никто ему не ответил, только налетел с моря ветер и принес с собой первое обещание зимы.

И все же, когда он вернулся к себе в номер, она ждала его. В своем коричневом пальто она сидела на кровати, пристально рассматривая ногти. Когда он отпер дверь и вошел, она не подняла головы.

— Привет, Дженни, — сказал он.

— Привет, — отозвалась она. Ее голос прозвучал очень тихо.

— Спасибо, — сказал Тень. — Ты спасла мне жизнь.

— Ты позвал, — тускло ответила она. — Я пришла.

— Что-то не так?

Тут она на него поглядела.

— Я могла бы быть твоей. — В глазах у нее стояли слезы. — Я думала, что ты полюбишь меня. Может быть. Когда-нибудь.

— Что ж. Быть может, мы могли бы узнать. Завтра мы могли бы пойти вместе вдоль берега. Только, боюсь, недалеко. Физически я не в лучшей форме.

Она покачала головой.

Самое странное, подумалось Тени, что она уже больше не походила на человека: она выглядела как то, чем и являлась — как дикое существо, создание леса. На кровати, под ее пальто, дернулся и затих хвост. Она была очень красива, и он поймал себя на том, что очень, очень ее хочет.

— Беда хульдр, — сказала Дженни, — пусть даже забравшейся далеко-далеко от своего дома, в том, что если не хочешь быть одинокой, то должна любить мужчину.

— Так люби меня. Останься со мной, — сказал Тень и добавил: — Пожалуйста.

— Но ведь ты, — с печальной окончательностью возразила она, — не человек.

Она встала.

— Однако, — сказала она, — все меняется. Теперь я, возможно, смогу вернуться домой. Проведя здесь тысячу лет, я даже не знаю, помню ли я норвежский язык.

Взяв его большую руку в маленькие свои, способные гнуть стальные пруты, способные раздавить в песок камни, она нежно сжала его пальцы. А после ушла.

Тень остался в гостинице еще на день, а потом сел на автобус до Турсо, а оттуда на поезд до Ивернесса.

В поезде он заснул, но ему ничего не приснилось.

Когда он проснулся, на банкетке рядом с ним сидел мужчина. Мужчина с лицом жестким, как лезвие топора, читал

книгу в бумажной обложке. Увидев, что Тень проснулся, он ее закрыл. Тень глянул на обложку: «Трудность бытия» Жана Кокто.

— Хорошая книга? — спросил Тень.

— Ничего, нормальная, — ответил Смит. — Тут сплошь эссе. Предполагается, что они очень личные, но создается такое впечатление, что всякий раз, когда он невинно поднимает глаза и говорит: «Это все я», перед тобой какой-то двойной блеф. Но «Belle et la Bete»* мне понравился. Когда я его смотрел, мне казалось, я к нему ближе, чем когда читаю его откровения.

— Тут все на обложке, — сказал Тень.

— Вы о чем?

— Трудность быть Жаном Кокто.

Смит почесал нос.

— Вот, прочтите. — Он протянул Тени газету «Скотсмен»**— На девятой странице.

Внизу девятой страницы была небольшая заметка: отошедший от дел врач покончил жизнь самоубийством. Тело Гаскелла нашли в его машине, припаркованной на стоянке для пикников у прибрежного шоссе. Он проглотил тот еще коктейль из обезболивающих, залив его почти полной бутылкой «Лагавулина».

— Мистер Элис не переносит, когда ему лгут, — сказал Смит. — Особенно наемные работники.

— Про пожар там что-нибудь есть? — спросил Тень.

— Какой пожар?

— И то верно.

— Но я нисколько бы не удивился, узнав, что в ближайшие несколько месяцев сильных мира сего станут вдруг преследовать всякие несчастья. Автокатастрофы. Аварии поездов. Может быть, даже самолет упадет. Убитые горем вдовы, сироты и возлюбленные. Очень грустно.

Тень кивнул.

---

* «Красавица и чудовище» (*фр.* (букв.) «Красавица и зверь»). — *Примеч. пер.*

** «Шотландец». — *Примеч. пер.*

— Знаете, — продолжал Смит, — мистер Элис очень беспокоится о вашем здоровье. Он волнуется. Я тоже волнуюсь.

— Вот как? — переспросил Тень.

— На все сто. Я хочу сказать, вдруг с вами что-то случится, пока вы в нашей стране? Может, чрез дорогу не в том месте перейдете. Пачку денег покажете не в том пабе. Мало ли что? Проблема в том, что, если вы пострадаете, то — как там ее зовут? — мамаша Гренделя может неверно это понять.

— Ну и?

— И мы считаем, что вам лучше уехать из Англии. Так ведь для всех будет безопаснее, правда?

Некоторое время Тень молчал. Поезд начал замедлять ход.

— Ладно, — сказал Тень наконец.

— Это моя станция, — сказал Смит. — Я тут выхожу. Мы закажем вам билет — разумеется, первым классом. Куда бы вы ни направились. Билет в одну сторону. Только скажите, куда хотите поехать.

Поезд остановился. Не станция даже, маленький полустанок, как будто посреди нигде. У перрона, на жиденьком солнышке был припаркован большой черный автомобиль. Стекла в окнах были затемненные, и Тень не смог разглядеть, кто в нем.

Опустив окно купе, мистер Смит открыл снаружи дверь вагона и ступил на платформу. Потом повернулся, чтобы через открытое окно поглядеть на Тень.

— И?

— Думаю, — сказал Тень, — я несколько недель погуляю по Англии, посмотрю местность. Вам придется просто молиться, чтобы, переходя улицу, я смотрел по сторонам.

— А потом?

И тут Тень понял. Возможно, он с самого начала это знал.

— В Чикаго, — сказал он Смиту, когда поезд дернулся и начал отъезжать от станции. Произнося эти два слова, Тень почувствовал себя старше. Но нельзя же откладывать это вечно.

А потом добавил так тихо, что слышать это мог только он один:

— Наверное, я возвращаюсь домой.

Вскоре пошел дождь: огромные капли разбивались о стекла, по окнам хлестали серые струи, отчего весь мир расплывался пятнами серого и зеленого. В пути на юг Тень сопровождали утробные раскаты грома. Ворчала гроза, выл ветер, молнии отбрасывали на небо гигантские тени, и в их обществе Тень понемногу начал чувствовать себя не таким одиноким.

Терри Брукс

ШАННАРА

Меч Шаннары (1977)
Эльфийские камни Шаннары (1982)
Песнь Шаннары (1985)

НАСЛЕДИЕ ШАННАРЫ
Потомки Шаннары (1990)
Друид Шаннары (1991)
Королева эльфов Шаннары (1992)
Талисманы Шаннары (1993)
Первый король Шаннары (1996)

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЖЕРЛЯ ШАННАРЫ
Ведьма Ильзе (2000)
Чума (2001)
Моргаур (2002)

ВЕРХОВНЫЙ ДРУИД ШАННАРЫ
Джарка Русс (2003)
Танэквиль (2005)

Время действия этой серии романов следует за катастрофой, которая разрушила старый мир и почти уничтожила населявшие его народы. В начале сериала тысячелетия дикости и варварства завершаются с появлением новой цивилизации, в которой науку, как главный источник знания, заменяет магия. Совет Друидов, состоящий из наиболее одаренных представителей новых рас — людей, двергов, троллей, гномов и эльфов (названия взяты из древних легенд), — взялся за трудную задачу возрождения мира и прекращения межрасовых стычек, в которых гибли выжившие в так называемых Великих Войнах.

Но войны продолжались, хотя и в другом виде. Магию, как и науку, можно использовать и во благо, и во зло, она может изменять жизнь, как в ту, так и в другую сторону. В «Мече Шаннары» друид, поглощенный стремлением к магической силе, манипулировал троллями и гномами, чтобы добиться власти над остальными расами. Он потерпел неудачу из-за Ши Омсфорда, последнего представителя древнего эльфийского рода, носившего фамилию Шаннара. С помощью брата и нескольких товарищей Ши смог поднять прославленный Меч Шаннары, чтобы уничтожить Темного Владыку.

Далее в «Эльфийских камнях Шаннары» его внук Виль сталкивается с другой опасностью, против которой должен использовать магию, заключенную в Эльфийских Камнях. Но это изменяет наследственность Виля, и у его детей магия в крови. В результате в третьей книге сериала, «Песнь Шаннары», Брин и ее брат Джайр были избраны друидом Аллаионом для поисков и уничтожения Илдатч, книги темной ма-

© Перевод. Дрибинская Е.Я., 2006

гии, которая уже совратила Владыку-Колдуна и теперь делала то же самое с Призраками Моорд.

Нижеследующая история происходит через несколько лет после «Песни Шаннары», в ней вновь действует Джайр Омсфорд, который должен дойти до предела в своей одержимости прошлым и использовании магии, хотя сестра предостерегала его против этого.

НЕУКРОТИМЫЙ

Прошлое всегда с нами.

Хотя Джайр Омсфорд едва достиг того возраста, с которого юноша может считаться мужчиной, но значение этих слов он понимал с самого детства. Они означали, что жизнь будет лепить и переделывать его по-своему, и все, что с ним будет, — следствие того, что уж было. Это означало также, что люди, с которыми он когда-то общался, повлияли на его манеры и убеждения. Что весь его прошлый опыт — залог будущих решений. Что жизнь подобна цепи и ее невозможно разорвать.

Для Джайра прочнейшим из звеньев жизненной цепи был Гарет Джакс. Это звено, в отличие от других, воплотило в себе большинство воспоминаний, которыми Джайр дорожил. Он хранил их как стеклянное украшение, которое берут с полки, протирают от пыли и кладут обратно с величайшей осторожностью.

Тем летом, два года спустя после возвращения из Грэймарка, эти воспоминания все еще преследовали Джайра. Он часто просыпался по ночам от снов, в которых Гарет Джакс вновь и вновь попадал в окружение в битве с Джахирой. Он слышал отзвуки иных голосов в обыденных разговорах с друзьями и соседями, а в лицах незнакомцев искал сходство с Мастером Оружия. Но все это не пугало, а лишь волновало его. Эти сны, отзвуки и отблески говорили, что в нем живо прошлое, которым он так сильно дорожил.

В день, когда в Тенистую Долину приехала девушка, Джайр работал в таверне, по просьбе родителей помогал трактирщику и его жене. Он стоял на пороге, прилаживая новую доску взамен той, которая треснула во время бури. От этой работы его и отвлекло появление девушки, которая как-то необычно держалась в седле. Джайр прикрыл глаза рукой от солнца, и тут она выехала из-за деревьев. Всадница сидела на огромном вороном жеребце так, словно аршин проглотила. Темные блестящие волосы волнами ниспадали до пояса. Она была невысокой, но от нее веяло уверенностью, которой не нужна грубая сила.

Девушка увидела Джайра и направила своего коня к нему. Она подъехала, отбросила с лица прядь мешавших ей волос и спросила с озорной улыбкой:

— Что, Джайр Омсфорд, твой язык кошки съели?

— Кимбер Боу, — произнес он, не вполне впрочем в этом уверенный. — Не может быть.

Гостья спешилась, бросила поводья привычного к такому обращению вороного и крепко обняла Джайра.

— А ты, похоже, подрос, — сказала она и взъерошила его светлые волосы, делая вид, что на нее это не произвело большого впечатления.

Джайр мог то же самое сказать и о ней. Когда она обняла его, он на себе почувствовал, что Кимбер уже совсем не ребенок. С этим было трудно смириться. В его памяти Кимбер осталась тоненькой девчушкой. Такой она была два года назад, когда они впервые встретились на руинах Кроаха после памятной битвы, позволившей Джайру спасти Брин.

Юноша покачал головой.

— Я тебя даже не узнал.

Кимбер отступила на шаг.

— Так я и знала! Всегда хотела посмотреть, где ты живешь. А Брин здесь?

Брин переехала в Высокие Земли, когда весной вышла замуж за Рона Ли. Они уже ждали первенца, которого (если родится мальчик) обещали назвать Джайром.

— Нет, она теперь живет в Ли: Почему ты не предупредила, что приедешь?

— Неделю назад я и сама этого не знала, — Кимбер покосилась на таверну. — Я устала с дороги и хочу пить. Почему бы нам не поговорить внутри?

Они вошли в прохладный зал и сели к столу у окна, прикрытого от солнца скатом крыши. Трактирщик принес кувшин эля и пару кружек и, уходя, подмигнул Джайру.

— Он что, подмигивает тебе каждый раз, как ты приводишь сюда симпатичную девушку? — спросила Кимбер, когда убедилась, что трактирщик ее не слышит. — И часто ты здесь бываешь?

Юноша покраснел.

— Таверна принадлежит моим родителям. Скажи, наконец, Кимбер, что случилось?

Она задумалась.

— Да сама толком не знаю. Я приехала, чтобы найти тебя и уговорить пойти вместе со мной. Но вот я здесь, и я не знаю, что тебе сказать... Может быть не стоит даже пытаться, а просто остаться в Долине и ходить к тебе в гости, пока не надоем. Что ты на это скажешь?

Джайр откинулся на спинку стула и улыбнулся.

— Полагаю, что скажу: добро пожаловать, Кимбер, оставайся у нас, сколько захочешь. Ты этого хотела?

Кимбер отпила чуть-чуть эля и покачала головой.

— Чего я хотела — не имеет значения. Может, и то, чего хочешь ты, тоже не имеет значения, — она посмотрела в окно. — Меня послал дед. Он велел сказать тебе: то, что мы считали сделанным два года назад, не завершено. Похоже, остался оборванный конец.

— Оборванный конец?

— Помнишь, как твоя сестра сожгла книгу Илдатч в Грэймарке?

Джайр кивнул.

— Такое, даже если захочешь, то не забудешь.

— Дед сказал, что она пропустила страничку...

Обедали у Джайра дома. Обед юноша приготовил сам — суп из свежих овощей с огорода, хлеб, сыры и сушеные фрук-

ты, оставленные ему родителями, уехавшими на юг, поскольку южанам потребовался их дар целителей.

Джайр и Кимбер сидели за обеденным столом и смотрели, как за окнами сгущается темнота и укрывает окрестности черным шелком. Небо было ясным, и на его тверди сверкали драгоценные камни звезд.

— Дед не сказал тебе, зачем я ему понадобился? — уже раз в пятый или шестой спросил Джайр.

Кимбер терпеливо покачала головой.

— Он только сказал, что нужен именно ты. Не твоя сестра, не твои родители и не Рон Ли. Только ты.

— А насчет эльфийских Камней он ничего не говорил? Ты уверена?

Она посмотрела на него с легким раздражением.

— Знаешь, это самый лучший обед в моей жизни. Честное слово. Чудесный суп, дашь потом рецепт? Но сейчас мне достаточно того, что я его ем. Давай ты перестанешь задавать дурацкие вопросы, и мы будем просто наслаждаться, хорошо?

Джайр скорчил обиженную гримасу и принялся за суп. Некоторое время он молчал. Ему трудно было поверить в рассказ Кимбер, еще труднее — согласиться на то, о чем она просила. Два года назад брат и сестра Омсфорды выбрали разные пути, чтобы добраться до тайника Илдатч, книги темной магии, чье колдовство во времена Ши и Флика Омсфордов породило Владыку-Чародея и его Носящих Череп, а совсем недавно выпустило в мир Призраков Моорд. Магия книги была так сильна, что рукопись обрела собственную жизнь, стала подчинять создания из плоти и крови и превращать их в лишенных смерти чудовищ. Так продолжалось, пока Брин и Джайр не уничтожили книгу.

Впрочем, сначала Илдатч чуть не уничтожила Брин. Владеющая магией Песни желаний, властью творить и разрушать словами и музыкой, Брин была не только достойным противником, но и привлекательным союзником. Вероятно, она оказалась бы на стороне книги, не вмешайся Джайр вовремя. Но как раз за этим Король Серебряной Реки и послал юношу — найти ушедшую от Алланона Брин. Джайр знал, чего от него

ждали. Его собственная магия была куда слабее — всего лишь способность изменять видимость вещей, не меняя их сути. Но чтобы справиться с заданием, хватило и этого.

Потому-то Джайра несколько смутило нынешнее желание деда Кимберли вызвать именно его. Какой бы ни была опасность от возрожденной книги Илдатч, Джайр был вооружен против нее хуже всех. Он недаром сомневался в выборе старика — юноша давно убедился, что Колин непредсказуем и далеко не всегда гребет веслами в такт другим. Кимбер могла верить ему во всем, но это вовсе не значило, что и Джайр должен ему доверять.

Еще больше сомнений вызывало утверждение старика, что книга Илдатч не была уничтожена полностью. Ведь Брин приложила все усилия, чтобы сжечь ее. Сестра воспользовалась своей магией, чтобы превратить книгу в пепел целиком, страницу за страницей. Как могло что-то сохраниться? Как могла Брин ошибиться в столь важном деле?

Джайр знал, что не выяснит этого, пока не съездит вместе с Кимбер повидаться со стариком и не выслушает того, но Каменный Очаг был далеко, в Восточных землях, и путешествие туда отнимет много сил и времени. А если окажется, что Колин ошибся?

И Джайр снова задавал Кимбер вопросы, надеясь узнать хоть что-нибудь полезное, как будто ожидал откровения. Но вскоре старые вопросы были заданы не по одному разу, а новые не приходили на ум.

— Я знаю, ты считаешь, что дед слегка не в себе, — сказала Кимбер. — Тебе вполне хватило того времени, что ты прожил рядом с ним два года назад. Я не вижу смысла притворяться. С ним трудно. Но еще я знаю, что он видит то, чего не видят другие, что ему ведомо многое, в чем отказано большинству. Я могу читать следы на земле и идти по ним, а он может читать знаки в воздухе. Дед умеет обращаться с зельями и порошками, а этого после падения Старого Мира никто больше не умеет. Он — это нечто большее, чем кажется.

— Значит, ты веришь, что мне нужно ехать, что твой дед может оказаться прав насчет Илдатч? — Джайр подался вперед, забыв о еде. — Скажи мне правду, Кимбер!

— Думаю, что будет разумно принять во внимание его слова. — Ее лицо было спокойно, но взгляд тревожен. — Я могу сомневаться в дедушке, но я видела выражение его лица, когда он велел найти тебя. Он сначала как следует все обдумал. Дедушка бы и сам приехал, но я ему не позволила. Он слишком стар и болен. Ну, а раз я не отпустила его, то пришлось ехать самой. Понятно теперь, как я к этому отношусь?

Кимбер посмотрела на свою тарелку и отодвинула ее в сторону.

— Давай приберем и посидим снаружи.

Они убрали со стола и вымыли посуду, а потом вышли на крыльцо и сели на деревянную скамейку. Ночь была теплой, пахло жасмином и свежей листвой, в темноте чуть слышно журчал ручей. Юноша и девушка сидели молча, слушая серебристый шум воды. В лунном свете мелькнул темный силуэт совы, от деревни донесся слабый отзвук смеха.

— Кажется, что Грэймарк был давным-давно, — тихо произнесла Кимбер. — Так давно — целых два года назад.

Джайр кивнул, вспоминая.

— Я часто думал о тебе и твоем дедушке — как вы там. Не знаю, почему я беспокоился. У вас ведь все было хорошо до того, как Брин и Рон вас нашли. Наверное, и потом тоже все было в порядке. А охотничий кот еще у вас живет?

— Шепот? Да. Он охраняет нас от того, от чего мы не смогли бы уберечься сами, — она задумалась. — Но, Джайр, у нас не все так хорошо, как ты думаешь. Все меняется. Я взрослею, а дедушка стареет. Я нужна ему все больше, а он мне — все меньше. Шепот чаще уходит и реже возвращается. Вокруг нашего дома вырастают деревни. Там теперь уже не та глушь, что была раньше. Милях в пяти от нас гномское поселение, и их кланы постоянно ездят от Вольфсктаага до Рэйвенсхорна и обратно. — Кимбер нахмурилась. — Все меняется.

— Что ты будешь делать, когда дед умрет?

Она тихо засмеялась.

— Этого не может быть. Он будет жить вечно. — Девушка вздохнула. — Иногда я думаю уехать из Каменного Очага, пожить где-нибудь еще. Знаешь, я мечтаю увидеть мир.

Он посмотрел на нее.

— Может, тебе отправиться в Пограничье? Поселиться там? Наверное, тебе бы понравилось.

Она кивнула:

— Наверное...

Продолжать Кимбер не стала, так что Джайр откинулся назад и задумался, глядя в темноту. Ему хотелось, чтобы она осталась здесь. Ему нравилось с ней говорить, и со временем, возможно, они стали бы хорошими друзьями.

— Я хочу, чтобы ты поехал со мной, — вдруг сказала Кимбер, пристально глядя на него. — Я могу тебе сказать: дело, скорее, во мне, а не в дедушке. Я устала от него. Ненавижу в этом признаваться, как будто я жалуюсь. Но он меня раздражает — он дряхлеет и становится невыносим. Я не знаю, насколько он прав насчет Илдатч, но я не думаю, что смогу сама докопаться до истины. Вот я и хочу просить тебя отправиться в Каменный очаг. Думаю, что только твой разговор с дедом может все прояснить.

Джайр задумчиво покачал головой.

— Я ведь едва его знаю. Не понимаю, что изменит мое присутствие.

Кимбер замерла, потом коротко вздохнула.

— Джайр, мой дед помог твоей сестре, когда она в этом нуждалась. Я прошу оказать мне ответную услугу. Мне кажется, ты нужен ему, — и не важно, на самом ли деле нам угрожает Илдатч. Его тревожит что-то вполне реальное. Я хочу, чтобы ты поехал со мной и помог все исправить.

Он заставил себя надолго задуматься — хотя уже знал, что собирается сказать. Интересно, какое решение принял бы Гарет Джакс? Наконец, Джайр произнес:

— Хорошо, я еду.

Потому что знал — Мастер Оружия на его месте поступил бы именно так.

Джайр оставил у трактирщика письмо родителям, в котором сообщал, куда едет, собрал необходимые вещи и запер дом. Он подумал, что по возвращении можно ждать непри-

ятностей, но это его не остановило. Трактирщик одолжил ему лошадь — спокойную, надежную гнедую, от которой не приходилось ждать неожиданностей и глупостей. Джайр был не особенно ловок с лошадьми, но понимал, что конь ему необходим. Особенно когда впереди такой далекий путь.

До Каменного Очага добирались неделю. На север от Тенистой Долины и Далнских лесов, обогнув с запада Радужное озеро, далее — через Каллархорн вдоль реки Мермидон до Раббовых равнин. Они пересекли Рабб, проехав вдоль рек до Верхнего Анара, потом через проход между Вольфсктаагскими горами и Дарклинским Пределом. В дороге Джайр думал о том, как непохожа эта поездка на его прошлое посещение Восточных Земель. Тогда его преследовали, ему грозило больше опасностей, чем он мог сейчас припомнить. А Гарет Джакс спасал его вновь и вновь. Теперь же Джайр путешествовал без малейшего страха, не оглядываясь через плечо, а о Гарете Джаксе только вспоминал.

— Как ты думаешь, могли у нас быть другие жизни, до этой? — спросила Кимбер на последнем привале перед Каменным Очагом.

Они сидели у костра в небольшой рощице, на южной оконечности Рабба, в лесах Дарклинского Предела. Неподалеку всхрапывали лошади, лунный свет заливал простирающуюся перед ними равнину. В воздухе уже чувствовался холод, предвестник надвигающейся осени.

Джайр улыбнулся.

— Я об этом и не задумывался никогда. В этой-то жизни полно забот, безо всяких раздумий о каких-то других.

— А после этой будет какая-нибудь? — Кимбер откинула назад волосы. Обычно она собирала их в хвост, но на ночь распускала. — Дед думает, что будет. И я тоже. Мне кажется, что в мире все связано. Все жизни, как мгновения во времени, связаны друг с другом. Словно рыба, которая все плывет и плывет в реке, прошлое стремится вперед, чтобы стать будущим.

Джайр посмотрел в темноту.

— Я тоже думаю, что мы связаны с нашим прошлым, но больше с событиями и с людьми, которые в них участвовали.

Мне кажется, что мы всегда словно бы тянемся назад, чтобы вытащить в новый день то, что мы помним. Иногда — ради знания, иногда — просто ради удобства. Я не помню никаких прошлых жизней, но помню то, что было в этой. Тех, кто в ней был.

Кимбер пересела к нему поближе.

— Ты так это сказал... Ты вспомнил о том, что случилось у Небесного Источника два года назад?

Джайр кивнул.

— И о Мастере Оружия?

— Откуда ты о нем знаешь?

— Ну, это совсем не тайна, Джайр. После этого ты больше ни о ком не говорил. Только о нем, только о том, как он спас тебя в Кроахе, как сражался с Джахирой. Ты что, не помнишь?

Он пожал плечами.

— Может быть, ваша с ним связь уходит в далекое прошлое, может, она дольше этой жизни? — Кимбер подняла бровь. — Ты об этом не думал? Может быть, вы и в прошлой жизни были связаны друг с другом, и потому он произвел на тебя такое впечатление?

Джайр рассмеялся.

— Я думаю, что он произвел на меня такое впечатление потому, что он — лучший боец, какого я видел. Он... — Джайр запнулся, подыскивая верное слово. — Он неукротимый. Никто не мог выстоять против него, даже Джахира. Он одолел то, что оказалось не по силам Алланону.

— Но ведь насчет прошлых жизней я могу оказаться права, — настаивала Кимбер. Ее рука легла ему на плечо. — Ты можешь уступить мне в этом, верно, долинник?

Он мог уступить — и в этом, и во многом другом. Он хотел ей об этом сказать, но не знал, как это сделать, чтобы не выглядеть глупо. Его тянуло к ней, и это было неожиданно. Джайр так долго думал о Кимбер как о маленькой девочке, что теперь было трудно относиться к ней как к взрослой. Ему казалось, что такая перемена просто невозможна. Эта новая Кимбер его смущала. Как она относится к нему теперь, когда

он изменился столь же сильно? Джайр не мог заставить себя спросить об этом.

Ближе к вечеру следующего дня путники добрались до Каменного Очага. Джайр никогда раньше здесь не был, но Брин так часто описывала скалу, похожую на печь, что юноша ее сразу узнал, когда увидел темную вершину над плоской лесистой долиной. Ее необычный суровый облик подходил к этой стране, земле темных слухов и странных событий. Однако все это тоже было в прошлом. Теперь же все иначе. Кимбер и Джайр ехали по дороге там, где два года назад не было никаких дорог. Они миновали недавно заселенную гномскую деревушку, видели новые дома и слышали звонкие голоса детей. Деревни росли, глушь отступала. В вечно меняющемся мире только изменения постоянны.

Вскоре перед ними предстал дом — деревянный, с крылечками спереди и сзади. Стены его густо увивал плющ, а вокруг раскинулся сад с аккуратными дорожками. У дома и сада был ухоженный вид, яркие цвета радовали глаз. Здание походило скорее на сельскую усадьбу, чем на лесное обиталище. В загоне за домом обнаружились кобыла с жеребенком, была в хозяйстве и корова. За загоном выстроились в линию аккуратно побеленные сарайчики. Тенистые деревья укрывали усадьбу от постороннего взгляда — с дороги Джайр не различил в листве даже кровли.

Он оглянулся на Кимбер:

— Ты сама за всем этим присматриваешь?

— По большей части, — она криво усмехнулась. — Мне нравится смотреть за хозяйством. И всегда нравилось — с тех самых пор, как я достаточно подросла, чтобы помогать по дому.

Они въехали на двор, спешились, и тут на пороге появился Колин. Он был стар, мешковатая одежда скрывала его худобу, а седые волосы торчали в разные стороны, как будто он только что проснулся. Колин направился к приехавшим, дергая себя за бороду. Глаза его смотрели остро и вопрошающе. Старик вглядывался в Джайра так, будто был не вполне уверен, что делать с юношей.

— Ага! — он подошел к долиннику так близко, что тому пришлось сделать шаг назад. Старик пристально смотрел прямо в лицо Джайру, изучая его эльфийские черты. — Это он?

— Да, дедушка, — смущенно сказала Кимбер.

— Ты уверена? Точно?

— Да, дедушка.

— Потому что, знаешь, он может оказаться кем-нибудь еще. Он вообще может быть кем угодно! — Колин нахмурил изборожденный морщинами лоб. — Ты точно молодой Омсфорд? Тот мальчик, Джайр?

Джайр кивнул:

— Это я. Вы не помните меня? Мы встречались два года назад в развалинах Грэймарка.

Старик уставился на него, будто не слышал вопроса. Его изучающий взгляд был Джайру неприятен.

— А без этого нельзя? — наконец спросил он. — Может, нам войти в дом и сесть?

— Когда я скажу! — ответил тот. — Когда я скажу, что закончил! Не мешай моим штудиям!

— Дедушка! — воскликнула Кимбер.

Старик ей не ответил.

— Ну-ка, дай взглянуть на твои руки.

Джайр протянул ему руки ладонями вверх. Колин некоторое время внимательно вглядывался в них, потом заворчал, как будто обнаружил искомое, и сказал:

— Проходите в дом, я соображу чего-нибудь поесть.

Они вошли и сели за грубо сработанный деревянный обеденный стол, но стряпней занялась Кимбер. А Колин сбивчиво и многословно толковал о прошлом и о Джайре, ошарашивая того потоком самых разнообразных сведений и наблюдений.

— Я тебя помню, — говорил он. — Совсем еще мальчишка, ты с сестрой выбрался из Грэймарка, и оба вы были в пыли и пахли смертью! Ха! Мне-то знаком этот запах, уверяю тебя! Я сражался с полчищами чудовищ из преисподней задолго до твоего рождения, когда никого из живущих ныне еще не было на свете, да и многие из тех, что давно умерли, тогда

еще не родились. Могущество ушло, но умений я не растерял, ни единого из них. Алланон знал столько же. Ровно столько знал, чтобы дать себя убить.

Джайр не имел понятия, о чем старик говорит, но встрепенулся, заслышав имя друида.

— Ты знал Алланона?

— Пока он был жив — нет. Однако когда он умер, узнал. Твоя сестра была ему подарком, как раз то, что ему было нужно, когда он понял, что конец уже близок. Для иных это вроде как подарок. Может, и у тебя такой будет когда-нибудь.

— Какой подарок?

— Знаешь, я был когда-то молод. И друидом я когда-то тоже был.

Джайр уставился на старика, не зная, верить его словам или нет. Представить его молодым было трудно, но представить его друидом было еще труднее. Если старик и в самом деле был друидом — во что Джайр ни на миг не поверил, то что он делает здесь, в глуши, рядом с Кимбер?

— Я думал, что последним друидом был Алланон, — сказал он.

Старик фыркнул.

— Ты много чего думал, да неверно, — он отодвинул от себя тарелку тушеных овощей с мясом, к которым едва прикоснулся. — Хочешь знать, зачем ты здесь?

Джайр чуть не поперхнулся. Кимбер, сидевшая напротив него, моргнула и сказала:

— Дедушка, может, ты подождешь с этим, пока мы не поедим?

Тот не обратил на нее никакого внимания.

— Твоя сестра думала, что Илдатч уничтожена. Она ошибалась. Это не ее вина, но она ошибалась. Она сожгла книгу в пепел, обратила в обугленные останки, и тут книге должен был прийти конец, но не тут-то было. Не хотите посидеть и поговорить во дворе? На свежем воздухе, под ночным небом иной раз легче все обдумать.

Они вышли на переднее крыльцо. Небо на западе горело пурпурным и розовым, а на востоке уже украсилось убываю-

щей луной и россыпью звезд. Старик занял единственное кресло-качалку, а Джайр и Кимбер уселись на скамейке с высокой спинкой. Джайру вдруг пришло в голову, что нужно бы еще почистить и накормить лошадь — и если бы он вспомнил об этом вовремя, то все уже было бы сделано.

Некоторое время они молчали, старик покачивался в своем кресле, потом махнул рукой в сторону Джайра.

— Месяц назад, в ночь полнолуния, под яркими звездами, я проснулся и пошел к пруду, тому, что к югу отсюда. Почему — не знаю. Просто пошел. Что-то меня заставило. Я лег в траву и заснул, и увидел сон. Только это был не просто сон. Раньше у меня часто бывали такие видения. Я был тогда ближе к теням мертвых, и они приходили ко мне, потому что я сочувствовал им. Но это было давным-давно, и я думал, что таким видениям пришел конец.

Некоторое время он, похоже, обдумывал свои слова.

— Тогда я был друидом.

— Дедушка... — мягко произнесла Кимбер.

Старик опять посмотрел на Джайра.

— В моем видении ко мне пришел из преисподней призрак Алланона. Он говорил со мной. Он сказал, что Илдатч еще не уничтожена, что кусочек ее сохранился. Всего лишь одна страница, обожженная по краям... Она завалилась между камнями под тем местом, где горело остальное. Может, сама книга в предсмертной агонии нашла способ спасти эту страничку? Не знаю. Призрак мне этого не сказал. Сказал лишь, что страница уцелела, когда твоя сестра уничтожила книгу. Лист нашли в камнях муэллреты, которые охотились за артефактами, что могли бы дать им силу Призраков Моорд. Эти реты знали, что нашли, потому что сама страница им сказала. Она много чего им нашептала! Даже частица этой книги живет своей жизнью, так могущественны ее чары!

Джайр покосился на Кимбер, та слегка неуверенно ему подмигнула. Было ясно, что она все это слышит впервые.

— Одна страница, — сказал старик. — Не слишком-то опасно, а? Разве что там есть заклинание, которое могут использовать муэллреты?

Колин запустил руку в спутанную копну седых волос.

— Или опасно? Да, я тоже так думаю. Одна страница, одна из многих. Какой от нее вред? Я проснулся и не поверил видению, убедил себя, что это всего лишь злобное вторжение прошлого в мирную жизнь, беспочвенный страх, порожденный слабостью глупого старика. Но оно повторилось еще раз, и на этот раз я спал в собственной постели. Оно было сильнее, чем прежде, и настойчивее. Призрак укорил меня за нерешительность, за мои прошлые и нынешние неудачи. Он велел мне найти тебя, Джайр, и привезти сюда. Он не давал мне покоя ни в ту ночь, ни потом.

Старик выглядел подавленным, как будто воспоминание о визите призрака преследовало его, а он вовсе не желал с ним связываться. Джайр теперь лучше понимал, почему для Кимбер было так важно вызвать его сюда. Старик был на грани душевного истощения. Может, у него были галлюцинации, а может, он общался с призраками мертвых. Может, это был Алланон, а может, и нет. Но что бы там ни было, а далось это ему тяжело.

— Ну, вот я здесь, и что же мне делать? — спросил Джайр.

Старик посмотрел на него. В его глазах отразилась глубокая печаль.

— Я не знаю, — сказал он. — Мне не сказали.

Он снова уставился во тьму и умолк.

— Извини, — позже сказала Кимбер. В ее голосе слышалась усталость. — Я не думала, что он будет нести чушь, получив возможность поговорить с тобой. Мне надо было догадаться. Не следовало звать тебя сюда.

Они опять сидели на скамейке, попивая холодный эль из глиняных кружек и слушая ночь. Старика они уложили в постель и сидели с ним рядом, пока тот не захрапел. Кимбер постаралась ускорить дело чашкой лечебного чая.

Джайр улыбнулся ей.

— Не извиняйся. Я рад, что ты меня сюда привезла. Не знаю, могу ли я помочь, но мне кажется, ты была права, когда не хотела одна заниматься этим делом. Если ты попытаешься остановить его, будет еще хуже.

— Но это все полная бессмыслица! Он месяцами не вылезал из постели. Он не спал у пруда. И все его сны оттого, что он отказывается нормально есть. — Кимбер резко выдохнула. — А вся эта штука с Илдатч, которая уцелела в виде обгорелой страницы! Я привыкла верить тому, что дед говорит, еще с тех пор, как была ребенком и думала, что он самый мудрый человек на свете. А теперь мне кажется, что он выжил из ума.

Джайр пригубил эля.

— Не знаю. Он, похоже, вполне уверен.

— Но ты же ему не веришь?

— Не совсем. Может, он нашел нечто, стоящее внимания. Сны — это способ увидеть то, чего мы не способны видеть непосредственно. Нужно время, чтобы их расшифровать. Но стоит задуматься...

— Зачем призраку Алланона приходить к дедушке во сне и просить привести тебя сюда? Почему бы просто не явиться тебе? — с жаром произнесла она. — Какой смысл делать это через деда? Он не тот человек, к которому ты прислушаешься!

— Призрак явился ему не просто так. Он должен быть как-то замешан в деле.

Джайр посмотрел на Кимбер, ища у нее поддержки, но она отвернулась, поджав губы.

— Ты поможешь ему, Джайр? Ты попытаешься заставить его понять, что он бредит, или будешь поддерживать его безумие?

От такого упрека он вспыхнул, но сдержал себя. Кимбер просила, чтобы он помог ее деду выбраться из трясины иллюзий, а вместо этого он собирается прыгнуть туда же. Но Джайр не мог отбросить слова старика так же легко, как это сделала Кимбер. Над ним не тяготели годы, проведенные рядом со стариком, он смотрел на Колина иначе, чем она. Не стоит так легко отказываться верить видениям, снам и призракам. Джайр и сам встречал их, чего стоит хотя бы визит Короля Серебряной Реки два года назад при сходных обстоятельствах. Если бы он тогда не поверил, если бы оказался предвзят, то он потерял бы Брин, а весь мир переменился бы. Так что неверие — далеко не лучший способ отношения к непонятному.

— Кимбер, — сказал он спокойно. — Я не знаю еще, что буду делать. Мне известно слишком мало, чтобы принять решение. Но если я отброшу то, что сказал твой дед, все может обернуться гораздо хуже, чем если я попытаюсь понять, что же за этим стоит.

Он ждал ответа, а она смотрела вдаль, по-прежнему поджав губы. Наконец, она повернулась к нему и медленно кивнула.

— Прости. Я не хотела на тебя набрасываться. Ты поехал со мной, потому что я попросила, а я позволила себе выплескивать на тебя раздражение. Я знаю, что ты хочешь помочь.

— Да, хочу, — подтвердил он. — Пусть спит себе, а там посмотрим, будет ли у него опять видение. Мы сможем поговорить об этом на свежую голову, когда он проснется. И, быть может, сумеем обнаружить, откуда взялись эти странные сны.

Кимбер торопливо покачала головой.

— Но если видение настоящее, Джайр? Если все это правда? Если я привезла тебя сюда ради своих личных целей и подвергла опасности? Я этого не хотела, но что, если это так?

Она опять выглядела растерянным ребенком. Джайр улыбнулся и приподнял бровь.

— Ты только что говорила, что правдой это быть не может. Ты готова изменить свою позицию, едва я сказал, что мы не должны пускать дело на самотек? Я ведь не утверждал, что верю в видение. Я только сказал, что в нем может быть доля правды.

— А я не хочу, чтобы она там оказалась. Я хочу, чтобы это оказалось работой буйной дедушкиной фантазии и ничем иным. — Кимбер внимательно посмотрела на него. — Я хочу, чтобы это ушло куда подальше и никогда не возвращалось. Хватит с нас Призраков Моорд и книг темной магии.

Он кивнул, протянул руку и легко коснулся ее щеки, сам удивляясь своей смелости. Когда она закрыла глаза, он почувствовал, как горит лицо, и быстро убрал руку. У него вдруг закружилась голова.

— Давай подождем и посмотрим, Кимбер, — сказал он. — Может быть, у него больше не будет видений.

Она открыла глаза и прошептала:

— Может быть.

Джайр снова отвернулся, глядя в темноту, отхлебнул эля и стал ждать, пока в голове прояснится.

Этой ночью у Колина не было видений. Зато они были у Джайра Омсфорда.

Залезая в постель, он ничего такого не ожидал: он слишком устал от долгой дороги и выпил многовато эля. Кони были вычищены и накормлены, вещи уложены в шкаф, свет погашен. Джайр не знал, сколько времени проспал, когда это началось. Внезапно сон отлетел, а сам он был бодр и готов действовать.

Джайр стоял у кромки воды, простиравшейся вдаль, докуда мог видеть глаз. Поверхность ее была серой и гладкой, в воде отражалось небо, такое же плоское и бесцветное, так что различия между ними почти не было. Призрак уже был там, возвышаясь над поверхностью озера — огромный темный фантом, заслонивший часть горизонта. Лицо призрака скрывал капюшон, так что видны были лишь красноватые вспышки, похожие на глаза, горящие в чернильной пустоте.

Ты знаешь меня...

Конечно же, он знал. Знал инстинктивно, даже не размышляя об этом, еще до того, как призрак заговорил.

— Ты Алланон.

В жизни. В смерти — его призрак. Помнишь ли ты меня, каким я был...

Джайр снова увидел друида — как он ждет их с Брин и Роном Ли, возвращающихся домой, внушительная темная фигура, слишком массивная для их дома. Он вновь услышал, как друид рассказывает им об Илдатч и Призраках Моорд. Резкие черты и решительный голос обворожили его. Джайр не знал другого такого же властного человека, как Алланон. Кроме Гарета Джакса, разумеется.

— Я тебя помню, — сказал Джайр.

Смотри.

В воздухе перед призраком появился размытый и плохо различимый образ. Это были развалины огромной крепости,

горы битого камня на фоне леса и гор. Разрушенный Грэймарк. Туманные фигуры двигались там, роясь среди камней. Группа с факелами зашла глубоко вниз по туннелям, грозящим обвалиться. Все они были в плащах с капюшонами, но отблески пламени на их руках и лицах высвечивали узор ящеричьей чешуи. Муэллреты. Они прокладывали путь в глубь развалин, в катакомбы, где можно найти только тьму и смерть. Продвигались медленно, осторожно, часто останавливались, осматривая углы и щели — любую трещину в земле, в которой могло быть что-то спрятано.

Потом один муэллрет начал неистово копать, разбирая камни и балки, издавая шипение, как змея. Он работал долго, совершенно один, потому что его спутники куда-то ушли. Вскоре его чешуйчатую кожу покрыли пыль и кровь, а дыхание стало прерывистым от усталости.

Но в конце концов он нашел то, что искал. Из-под обломков на свет явилась обгорелая страница. Письмена на ней пульсировали, как вены под кожей...

Смотри.

Появился второй образ, еще одна крепость — ее Джайр не узнал, хотя она и показалась ему смутно знакомой. Крепость была такой же темной и унылой, как Грэймарк, полной теней и мрака, суровой и грубо вырубленной. Видение лишь на миг задержалось снаружи, а потом увлекло долинника за ворота и укрепления, в глубину подземелий. В комнате, слабо освещенной факелами, чадившими в сыром стоячем воздухе, несколько муэллретов склонились над одинокой страницей, найденной в руинах Грэймарка.

Они были заняты загадочным ритуалом. Джайр не был уверен, но ему показалось, что муэллреты не вполне понимают, что с ними происходит. Они двигались согласованно, как части машины, склонив головы и устремив взгляды в одну точку. Гипнотическое звучание их голосов и движения заставляли предположить, что они отвечают чему-то, чего Джайр не мог видеть. В дыму и полумраке они напоминали Паучьих Гномов с Тофферовой Гряды, пришедших принести себя в жертву Оборотням из-за ошибочной веры в то, что несколькими жизнями смогут уплатить за сотни других.

Руки муэллретов гладили поверхность страницы, испещренной письменами, голоса бормотали тайные заклинания и мольбы. Под пальцами рептилий страница светилась, буквы на ней пульсировали, отзываясь на их усилия. Джайр ощущал, как из молящихся утекает, высасывается их жизнь.

Чтобы вернуться с грани исчезновения и восстановить утраченные заклинания, останкам Илдатч нужна была подпитка. Книга питалась.

Образ поблек. Джайр снова был наедине с тенью Алланона, и две одинокие фигуры смотрели друг на друга через пустоту. Мрак сгущался, небо темнело. В воде уже не отражалось света.

Уже потом Джайр осознал, почему вторая крепость показалась ему такой знакомой. Это был Дун Фи Аран, гномьи темницы, в которые его уволок муэллрет Ститис, чтобы заставить отдать магию, а потом и жизнь. Джайр помнил отчаянье, которое овладело им в подземной камере — глубоко под землей, в основании крепости, где он был один среди тьмы и тишины. Он вспомнил свой страх.

— Я не могу вернуться туда, — прошептал он, уже зная, чего попросит призрак.

Но призрак ничего не стал просить. Вместо этого он в третий раз взмахнул рукой, и воздух между ним и долинником задрожал.

Смотри.

— Я так и знал! — радостно воскликнул Колин. — Книга жива! Я ведь тебе говорил? Разве не так? Ты думала, внучка, что я сумасшедший старикашка, а теперь как? Я рехнулся или нет? Галлюцинации? Игра воображения? Ха! Так будете обходиться со мной, как с нежным цветочком? Будете надо мной смеяться и нянчиться?

Он приплясывал по комнате и кудахтал, как безумец. Джайр решил, что от грани сумасшествия старик все же недалек. Юноша терпеливо наблюдал за Колином, пытаясь не смотреть на Кимбер, которая прямо-таки излучала ярость и раздражение. Было уже утро, и они сидели друг против друга за старым обе-

денным столом, в потоках солнечного света, льющегося в комнату через открытые окна. Этот яркий свет совсем не соответствовал мрачности момента.

— Ты не сказал нам, чего хотел от тебя призрак, — тихо произнесла Кимбер. В ее голосе Джайр услышал нетерпение.

— Да вы сами уже догадались, — ответил он, неохотно встречаясь с ней взглядом. — Я и сам знал это до того, как он показал мне третий образ. Я должен отправиться в Дун Фи Аран и положить этому конец.

Колин прекратил приплясывать.

— Ну, я полагаю, ты можешь это сделать, — сказал он, отбрасывая недомолвки. — Ты ведь уже это делал, верно?

— Нет, дедушка, не он, — нетерпеливо оборвала его Кимбер, — а его сестра. И я не понимаю, почему бы не послать за ней, если уж речь идет о том, чтобы закончить работу, не доделанную два года назад. Это она виновата, что Илдатч все еще жива.

Джайр покачал головой.

— В этом никто не виноват. Просто так случилось. И вообще, Брин замужем, ждет ребенка и не пользуется больше магией.

И не будет никогда ею пользоваться, подумал он. Ей потребовалось много времени, чтобы преодолеть случившееся в Маэльморде. Джайр видел, как это было тяжело, и он не знал, станет ли она когда-нибудь прежней. Брин предупреждала его, что магия опасна, что на нее нельзя полагаться, что она может обратиться против тебя в тот самый миг, когда ты уверен, что она на твоей стороне. Он помнил затравленный взгляд Брин.

Джайр наклонился вперед, сложив руки на столе перед собой.

— Призрак Алланона объяснил, что Брин не может второй раз явиться перед Илдатч — даже если это одна страница. Она слишком уязвима для ее магии, слишком восприимчива к тому, как Илдатч воздействует на людей, даже таких могущественных, как Брин. Идти должен кто-то другой, тот, кто еще не открылся перед книгой.

Кимбер подалась вперед и сжала его руки.

— Но почему это должен быть ты, Джайр? Это может сделать кто-нибудь еще.

— А может и нет. Дун Фи Аран — цитадель муэллретов, и страница упрятана где-то в ее глубинах. Но я владею магией песни желаний, и я могу замаскироваться с ее помощью. Всем будет казаться, что меня там нет. Так что я могу выиграть достаточно времени, чтобы найти страницу, пока меня не обнаружили.

— Мальчик прав! — Колин воспрял духом. — Прекрасный выбор!

— Дедушка!

Старик повернулся к ней, ероша спутанную бороду.

— Не кричи на меня!

— Тогда прекрати говорить чепуху! Джайр — плохой выбор. Он, может, и сумеет пройти мимо ретов в крепость, но потом ему надо будет уничтожить страницу и выйти обратно. И как он это сделает, если вся его магия — это иллюзии, дым и отражения? Как он будет защищаться, если на него нападут, а ведь нападут наверняка!

— Мы пойдем с ним! — объявил дед. — Мы будем его защищать! Возьмем Шепота — как только он вернется с гулянки. Проклятый котяра!

Кимбер потерла глаза, как будто ей туда что-то попало.

— Джайр, ты понял, что я сказала? Это безнадежно!

Долинник не ответил. Он вспомнил третий образ, который показал ему призрак Алланона и о котором он не рассказывал. Даже не образ — сумятица неопределенных видений, туманных и смутных, которые напугали и озадачили его. Однако они же и наполняли его предчувствием успеха, таким сильным и безошибочным, что Джайр не мог его отвергнуть.

— Призрак сказал, что я могу найти способ, — ответил ей Джайр. — Если я поверю в себя.

— Если ты поверишь в себя — и все? — переспросила Кимбер.

— Я понимаю, что это звучит по-дурацки. И я боюсь Дун Фи Аран с тех самых пор, как два года назад муэллрет Ститис

держал меня там в плену. Я думал, что умру в камере. Или со мной случится нечто более ужасное. Я никогда и ничего так не боялся. Когда я оттуда выбрался, я поклялся, что никогда и ни за что туда не вернусь.

Он перевел дыхание.

— Но я думаю, что все равно должен идти, и потому, что нужно остановить Илдатч, и потому, что Алланон дал мне понять — я больше не должен бояться. Он дал мне уверенность в том, что на этот раз все будет иначе. Ведь я теперь старше и сильнее — и готов встретиться с тем, что меня ожидает в Дун Фи Аран.

— Может, он это сказал, чтобы добиться своего, — возразила Кимбер. — Может, это такой друидский трюк, обман, которым славятся призраки?

Джайр кивнул:

— Может быть. Но не похоже. Я не чувствую в этом лжи, наоборот — это правда.

— Конечно, должно быть похоже на правду, — тихо сказала она. — Я привезла тебя сюда, чтобы ты помог дедушке примириться с его снами, а не рисковал из-за них жизнью. Но то, чего я боялась, случилось. Я не хотела этого.

Она так стиснула его руки, как будто пыталась причинить боль.

— Если бы я не приехал, Кимбер, кто бы разбирался с его видениями? Мы не рассчитывали на это, но мы обязаны сделать то, что нужно. Я должен идти. Должен.

Она кивнула и отняла руки.

— Я знаю. — Девушка перевела взгляд на Колина, который наконец-то успокоился и выглядел растерянным, как будто вспомнил о чем-то важном. Кимбер ласково улыбнулась ему: — Я знаю, дедушка.

Старик медленно кивнул, но уже без всякой радости.

Выступить решили на следующий день. Путешествие предстояло неблизкое, даже если ехать верхом. Понадобится почти неделя, чтобы перебраться через горы Рэйвенсхорн и миновать окраины Древних Топей до того места, где над Се-

ребряной Рекой в тени Высоких Вершин стоит Дун Фи Аран. Местность там была труднопроходимая, за пределами гномских и двергских селений начинался глухой лес. Кругом болота и джунгли, многие — слишком опасные, чтобы идти напрямик. Путь по прямой исключался. В лучшем случае они могли бы отыскать дорогу вдоль восточной границы Рэйвенсхорна. Припасы и воду придется нести с собой. И надо приготовиться к худшему.

Джайра не радовала мысль, что с ним поедут Кимбер и Колин, но он ничего не мог поделать. Он собирался вернуться в край, который был чужим и незнакомым два года назад и таким остался. Он не смог бы найти дорогу сам, а единственной помощью были девушка и старик, и оба знали Анар гораздо лучше, чем любой из известных ему людей. Обоих следовало бы оставить дома, в безопасности, но Джайр сомневался, что они ему позволят это сделать, даже если бы он мог без них обойтись. По некоторым совершенно очевидным причинам они намеревались присмотреть за этим делом вместе с ним.

Остаток дня они провели, собираясь в дорогу, — занятие нудное и выматывающее эмоционально, словно готовишься лезть на обрыв, чтобы потом с него спрыгнуть. Говорили мало, и только о деле.

Гораздо чаще, чем Джайр готов был это признать, он гадал, насколько искушает свою удачу, возвращаясь в край, откуда ему однажды уже посчастливилось сбежать. Он мог бы сказать, что на этот раз идет туда потому, что у него нет выбора. Но ведь выбор-то был! Он мог забыть о видениях и их объяснениях. Он мог сказать, что Кимбер права, и его используют втемную. Он мог даже заявить, что все усилия возродить Илдатч все равно обречены, его сестра своей магией уничтожила книгу так, что восстановить ее из одной странички невозможно. Джайр мог прекратить дело, просто объявив, что поедет домой просить помощи у родителей и сестры. Ведь в любом случае привлечь их было бы полезно, верно?

Но Джайр не собирался этого делать. Он знал, что не попросит о помощи, даже когда убеждал себя, что должен это сделать. Он слишком недавно стал взрослым, и не хотел про-

сить помощи без совсем уж крайней необходимости. Обращение к родителям и сестре принизило бы его в собственных глазах. Он не мог расписаться в неудаче заранее. В конце концов, что-то он мог и сам сделать. Он уже бывал в тех краях и, несмотря на опасность, побывает снова.

С наступлением ночи настроение Джайра не улучшилось, тем более что поделать ничего было нельзя — только ждать утра. Кимбер приготовила ужин, старик разглагольствовал о старых временах и новом мире, о друидах прошлого и о будущем без них. Вот увидите, утверждал он, друиды вернутся. Они снова будут нужны, уж поверьте. Джайр молчал. Он не хотел озвучивать свои мысли насчет друидов и их нужности.

Ночью ему опять снился сон, но на этот раз в нем не было призрака Алланона. Во сне Джайр был уже в крепости Дун Фи Аран, шел по сырым и мрачным переходам, в которых безнадежно заблудился, и искал выход. Свистящий голос непонятно откуда шептал ему: «Никогда не выйдешшшь». Его осаждали ужасные твари, но он мог разглядеть только их тени. Чем дольше он бродил там, тем страшнее становилось, и в конце концов он тратил все силы только на то, чтобы не закричать.

Потом перед ним открылась дверь, за нею царила непроглядная тьма. Он остановился на пороге, боясь идти дальше. Джайр знал, что если войдет, случится что-то ужасное. Но ничего не мог поделать — сзади сгущались тени, они давили на него, и скоро должны были окутать совсем. И он вошел в комнату — один шаг, два, три — очень осторожно, боясь, что осторожность его не спасет.

К нему протянулась тонкая загорелая рука — он знал, что это рука Кимбер. Он рванулся к ней, плача от благодарности, но что-то сильно ударило его сзади, он споткнулся и полетел в яму. Джайр падал — и не мог спастись, протянутая рука исчезла, его усилия были тщетны. Он падал, ожидая удара, который раздробит его кости и убьет его, и знал, что этот миг все ближе и ближе...

И тут за ним протянулась еще одна рука, крепко схватила, и падение прекратилось.

Он проснулся и резко сел на постели, переводя дыхание и вцепившись в одеяло, которое сбросил с себя, пока метался во сне. Ему потребовалось время, чтобы окончательно проснуться и прийти в себя. Настолько, чтобы не бояться падения. Джайр подтянул колени и положил на них голову. Сон напугал его, он чувствовал себя всеми брошенным.

Наконец он поднял голову. За окном первый проблеск рассвета горел над деревьями. Внезапно Джайра охватил панический ужас.

Что я делаю?

Он понимал, что не подходит для выполнения задачи, которую взвалил на себя. Ему не хватало ни силы, ни отваги. У него не было необходимого мастерства и опыта. Ему не исполнилось и двадцати лет. Хотя кое в каких делах Джайра могли считать взрослым, но в глубине души он все еще оставался мальчишкой — а только это и стоило принимать в расчет. Будь он похитрее, он бы сейчас выскользнул за дверь и вернулся домой по той же дороге, по которой приехал. Он отказался бы от этого дела и сохранил свою жизнь.

Джайр долго думал над такой возможностью. Но он понимал, что не сделает этого. В нем всего лишь говорил инстинкт.

Снаружи светало, начинался день. Наконец Джайр встал и оделся.

Они вышли в путь утром и направили коней на север от Каменного Очага, к перевалам Тофферовой гряды, ведущим через Рэйвенсхорн вглубь Восточных Земель. Словоохотливый Колин ехал впереди. Он выбрал такой путь, чтобы добраться верхом до самого Дун Фи Аран, несмотря на непредвиденные обстоятельства и капризы погоды, о чем Колин напоминал при каждом удобном случае. Надо признать, что старик знал местность лучше, чем кто-либо еще, кроме кочевых гномов и немногочисленных местных Охотников. Но Джайр беспокоился, сможет ли старик вспомнить все, что знает, когда понадобится. Юноша ничего не мог поделать с непредсказуемостью Колина, и ему оставалось только надеяться на лучшее. Пока со стариком вроде бы все было в порядке, намного лучше, чем ожидал Джайр.

Жалко, что Шепот не объявился до их отъезда — кот был бы неплохим подспорьем для компании. Немногие, будь то зверь или человек, отважились бы схватиться со взрослым охотничьим котом. Но тут ничего нельзя было поделать. Пришлось выступить в поход без Шепота.

Первые три дня стояла хорошая погода, и в дороге ничего не происходило. Они проехали на север к перевалам Тофферовой Гряды, минуя Древнюю Пустошь с ее Оборотнями. Путешественники ехали при свете дня, каждый вечер они разбивали лагерь в том месте, которое выбирал Колин с одобрения Кимбер — чтобы быть уверенными в безопасности. Кимбер готовила еду и укладывала деда спать. Старик не протестовал и, улегшись, засыпал сразу.

— Это все чай, — по секрету сказала девушка Джайру. — Я добавляю ему немного успокоительного, того же, которое я использовала в Каменном Очаге. Иногда только это и помогает ему заснуть.

Они мало кого повстречали в дороге, и заурядность поездки как бы противоречила ее конечной цели. Иногда Джайру казалось, что это просто путешествие через пустынные земли, исследование незнакомого края, и у него нет другого дела — только глазеть по сторонам. Тогда ему было трудно сосредоточиться на том, что ждало их в конце пути. Цель казалась далекой и не относящейся к реальности.

Но такие моменты долго не длились, и когда они проходили, Джайр обращался к мрачным размышлениям о том, что потребуется от него по прибытии в Дун Фи Аран. И приходил к одному и тому же выводу. Войти будет довольно просто. Он знал, как замаскироваться при помощи магии, как использовать ее, чтобы не обнаружили. В отличие от Брин, он продолжал пользоваться магией, постоянно практиковался и проверял границы своих возможностей. Пока он будет помнить о границах и не переходить их, все будет в порядке.

Его больше волновало, что в самой крепости его могут обнаружить и схватить. Он не собирался этого допускать, но что делать, если случится худшее? Джайр был старше и сильнее, чем два года назад, и после возвращения в Долину он

учился владеть оружием, знал как защитить себя. Но он не был искусным бойцом, а теперь ему предстояло проникнуть во вражескую твердыню. И единственными его помощниками были девушка и полусумасшедший старик. Не очень-то обнадеживающе. Конечно, у Кимбер были ее смертоносные метательные ножи, у Колина — сумка с диковинными порошками и химикатами, среди которых были и такие, что могли обрушить стену, но Джайр не намеревался полагаться на них. Когда Джайр не думал о том, чтобы развернуться и поехать домой — а на этой мысли он ловил себя не реже раза в день, — он размышлял, как бы убедить Кимбер с дедом не ездить в Дун Фи Аран вместе с ним. Какая бы судьба ни ждала Джайра, он не желал, чтобы они пострадали. Это его призвал призрак Алланона, его одного. Это ему выпала задача уничтожить остатки Илдатч.

Его преследовали страхи и сомнения. Они были как придорожная пыль и постоянно напоминали о том, что дело добром не кончится, что он взвалил на себя ношу не по плечу. Джайр не мог избавиться от них, не мог убедить себя, что эти настойчивые голоса — ложь, призванная поколебать его и без того ничтожную уверенность в себе. С каждой милей он все больше и больше ощущал себя мальчиком, который уже проходил этой дорогой. Дун Фи Аран был огненной преисподней, полной ужаса, а муэллреты — чудовищами, что раздувают ее огонь. Джайр мечтал, чтобы с ним рядом опять были Гарет Джакс, пограничник Хэльт, эльфийский принц Эдайн Элессдиль и дверг Форэйкер. Даже неразговорчивый, сердитый гном Слантер пригодился бы. Но все они, кроме гнома, которого он не видел со дня расставания два года назад, погибли в Грэймарке. Никто не мог их заменить, нигде нельзя было найти равных им по отваге. И раз уж Джайр решил, что Кимбер и Колин будут не более чем проводниками и спутниками в дороге, ему придется все сделать самому.

На четвертый день погода испортилась. С рассвета на западе заклубились тучи, и к началу дня пошел дождь. Путники уже прошли Рэйвенсхорн и ехали на юго-восток по предгорьям. Местность была скалистая и поросшая кустарником,

так что пришлось спешиться и вести коней в поводу под непрекращающимся проливным дождем. В плащах и капюшонах, под дождем, путники стали безликими туманными фигурами.

Кутаясь в промокший под дождем плащ, Джайр поймал себя на неуместной мысли, что свои шансы на успех он сильно недооценил, что подготовлен лучше, чем раньше, и сможет с помощью магии войти в крепость и осмотреть ее. Ему нужно было только проникнуть в Дун Фи Аран, выждать момент и уничтожить остатки Илдатч. Совсем не так, как в прошлый раз, когда эта книга была сознательным существом, способным себя защитить. Не было и в помине никаких Призраков Моорд. Муэллреты опасны, но не так, как ходуны. Так что Джайр мог справиться.

Он верил в это часа два, а потом сомнения и страхи вернулись, и его уверенность в себе испарилась. Джайр огляделся — они тащились по грязи по склону холма, и эта дорога вела только в одно место...

Вечером путники стали лагерем у Грэймарка, на берегу Серебряной Реки. Развели костер под прикрытием дубов — таких могучих, что их ветви совсем закрывали небо. Валежника было достаточно, часть его была сухой, так что горела даже под дождем. Ближе к Дун Фи Аран и муэллретам огонь разводить будет опасно, но в этих лесах опасность исходила разве что от четвероногих тварей. В такой глуши больше никто не встречается.

Однако едва они поели, как услышали позвякиванье сбруи и топот вьючного животного. Затем из темноты раздался голос и попросил позволения присоединиться к ним. Колин позволил, ворча под нос, и в круг света от костра вышел ночной гость с мулом в поводу. Это был высокий худой человек, закутанный с головы до ног в плащ, видавший лучшие времена. Крепкий мул тащил деревянную раму, увешанную котелками, сковородками и прочей кухонной утварью.

Коробейник привязал своего мула и сел к огню. Он отказался от чая ради эля, который с благодарностью выпил одним глотком.

— Долгий и дождливый день, — устало произнес он. — Но эль все делает сносным.

Незнакомцу предложили ужин — кое-что осталось и еще не успело остыть.

— Вкусно, — признал он, кивнув Кимбер. — Первый, и, видать, последний раз в дороге ем горячее. На этом пути маловато костров. И людей не встретишь. Но я готов присоединиться к компании нынче ночью. Надеюсь, вы не против.

— Куда вы идете? — спросил Джайр, воспользовавшись возможностью.

Коробейник замер, не донеся кусок до рта, и криво усмехнулся.

— Я хожу этим путем несколько раз в год, ищу места, где не бывает других торговцев. Со стороны незаметно, но у подножия гор есть деревни, там нужен мой товар. Я прихожу, делаю свое дело и возвращаюсь домой. Дорога длинная, но мне нравится. И беспокоиться надо только о себе да об этом муле.

Он откусил еще, тщательно прожевал и добавил:

— А вы? Что привело вас на восток от Рэйвенсхорна? Простите, что спрашиваю, но вы не похожи на здешних жителей.

Джайр и Кимбер переглянулись.

— Мы едем в Дун Фи Аран, — заявил Колин, прежде чем они смогли его остановить. — У нас там дела. С ретами.

Коробейник скорчил гримасу.

— Я б дважды подумал, прежде чем завести с ними дело, — в голосе его слышалось явственное отвращение. — В Дун Фи Аран вам не место. Найдите кого-нибудь, кто не так...

Он умолк, переводя взгляд с одного лица на другое, и явно не мог подобрать слова, которые выразили бы то, что он думает о возможностях юноши, девушки и старика вести дела с муэллретами.

— Много времени это не займет, — сказал Джайр, пытаясь сделать хорошую мину. — Нам просто надо кое-что забрать.

Коробейник кивнул, его худое лицо еще больше вытянулось.

— Ну, будьте осторожны. Муэллретам нельзя доверять. Они нелюди, и обычаи у них нелюдские. Я туда никогда не хожу. Никогда!

Он снова занялся едой, и пока он не закончил, никто не произнес ни слова. Но когда он отставил тарелку и снова потянулся за кружкой, Кимбер подлила ему еще эля и спросила:

— Вы никогда не имели с ними дела?

— Да было как-то, — тихо ответил он. — Случайно. Они отняли у меня все, что было. И бросили умирать. Но я знал местность, так что смог вернуться домой. И никогда больше близко к ним не подходил, ни в Дун Фи Аран, ни на дороге. Они — чудовища.

Он помолчал.

— Давайте я вам кое-что расскажу о Дун Фи Аран, раз уж вы туда идете. Никому этого не говорил. Повода не было, да и не думал, что кто-то мне поверит. Но вы должны это знать. Я был внутри, за стенами. Они держали меня там, пока решали, что со мной сделать, — после того, как отобрали товар и мула. Я наблюдал тени, которые проходили сквозь стены, будто те были не из камня, а из воздуха. Я видел свою мать — она пятнадцать лет как умерла. Она манила меня за собой, пыталась вывести оттуда. Но я не мог уйти с ней, потому что не мог проходить сквозь стены, как она. Это правда. Клянусь. Там и другие были. И еще были вещи, о которых я не хочу говорить. Там, в Дун Фи Аран. Реты вроде бы их не видели. Или не обращали внимания. — Он покачал головой. — Никто не захочет войти туда второй раз, после того, как выбрался.

Голос его прервался, он уставился в темноту, как будто высматривал там более следы воспоминаний, от которых не мог избавиться. В его глазах отражался страх, взгляд говорил о потрясении. Торговец не казался ни трусливым, ни суеверным, но в текучих ночных тенях он ясно видел демонов, которых остальные даже не замечали.

— Вы мне верите? — тихо спросил он.

У Джайра пересохло во рту, и горло перехватило от мгновенно наступившей тишины.

— Не знаю, — проговорил он.

Торговец кивнул.

— Но умнее будет поверить.

На рассвете торговец попрощался с ними. Они смотрели, как коробейник ведет своего мула между деревьями и сворачивает на север, вдоль Серебряной Реки. Он вошел в стену утреннего тумана, как те тени в Дун Фи Аран, о которых он поведал ночью, и пропал из виду. Кругом царили тишина и пустота, звуки здесь гасли словно в тумане и мороси. Если бы не Серебряная Река, они легко бы заблудились. Колин останавливался несколько раз, выбирая путь. Горизонта видно не было, небо и земля сливались где-то совсем рядом, так что возникало ощущение кокона. Или гроба. Он смыкался вокруг них и отказывался отпускать. Это постоянство, которое грозило кончиться только вместе с жизнью, давило. Пустота вокруг была гнетущей и пугающей, и мешала Джайру сохранить остатки и без того сильно подточенной уверенности в себе. И без того уже вчерашний торговец сильно охладил его пыл, а теперь вид окружающей местности добавил тягостных впечатлений — как угли разметал.

Колин и Кимбер почти не разговаривали с ним, погрузившись в свои мысли. Путники в тумане походили на призраков. Они ехали, как уставшие воины, которые возвращаются домой после битвы — согнутые усталостью и воспоминаниями, затерянные в темноте. В тот день путь казался слишком долгим, и временами Джайр был так уверен в тщетности всех усилий, что хотел остановить своих спутников и предложить повернуть назад. Он сожалел о собственной слабости, не дававшей ему так поступить. Он не мог ни показать эту слабость, ни признаться в ней. Выказать неуверенность и бессилие — почти верная смерть, это он знал.

На следующую ночь путешественники спали у реки — там они нашли пихтовую рощицу, которая их приютила, привязали лошадей и сели отдохнуть. Огня не разводили. Они были уже слишком близко к Дун Фи Аран. Обед был холодным, от простуды должен был помочь эль, но спать путники легли мрачные и недовольные.

Проснулись рано, закоченевшие от ночного холода и моросящего дождя. В миле от стоянки они нашли расчищенный проход вдоль берега реки, ехали до позднего вечера, а к ночи, когда с гор задул ледяной ветер, увидели цель своего пути.

Это был тягостный момент. Дун Фи Аран возник перед ними словно призрак, скопище стен и башен, укутанное туманом и скрытое завесой дождя. Мечущийся свет факелов бросал блики на грубую поверхность железных ворот, пробивался сквозь узкие окна, забранные решетками, — как будто там, внутри, плененные духи сражались за глоток воздуха. В небо тянулся клубящийся дым, делая крепость похожей на дымящиеся руины. Ни единого признака жизни, ни единой тени от движущейся фигуры. Изнутри не доносилось ни звука. Как будто крепость была покинута на милость сумрака и привидений.

Трое путников заехали за деревья поодаль от замка и спешились. Они долго стояли и смотрели на крепость, но в сгущающейся темноте ничего особенного не разглядели.

Джайр вглядывался в очертания запретной твердыни, догадываясь, что ждет его внутри. По коже ползли мурашки.

— Ты не сможешь туда войти, — вдруг произнесла Кимбер напряженным высоким голосом.

— Я должен.

— Ты ничего не должен. Брось это дело. Я чую там зло, оно разлито в воздухе. Дедушка, скажи ему, что он не должен идти дальше.

Джайр взглянул на Колина. Старик встретил его взгляд и отвернулся. Он решил оставить решение долиннику. В первый раз за все время, что они были знакомы, он занял нейтральную позицию. Теперь, когда прямо перед ними лежал Дун Фи Аран, это о многом говорило.

Джайр глубоко вздохнул и повернулся к Кимбер:

— Если я хотя бы не попытаюсь, то весь этот путь я проделал зря.

Она посмотрела сквозь дождь и темноту туда, где высился замок муэллретов, и покачала головой:

— Мне все равно. Я не знала, что так получится. Это место еще хуже, чем я думала. Я уже сказала — не хочу, чтобы с тобой

что-нибудь случилось. А это, — она указала на крепость, — выглядит слишком трудным делом для кого угодно.

— Похоже, крепость заброшена.

Кимбер устало посмотрела на него.

— Не будь дураком. Ты сам в это не веришь. Ты знаешь, что там. Почему ты прикидываешься, будто может оказаться иначе? — Ее губы сошлись в тонкую линию. — Давай вернемся. Прямо сейчас. Пусть кто-нибудь другой возится с Илдатч, у кого возможностей больше. Это уж слишком, Джайр!

Отчаяние в ее голосе грозило разрушить и ту слабую решимость, что у него еще осталась. В ее глазах отражался страх давешнего коробейника, страх перед темным местом и темными чувствами. Она всей душой ощущала неприступность и мощь громады Дун Фи Аран. Джайр не мог ее ни в чем винить. Кимбер не была трусливой, но она боялась. Джайр и сам с трудом представлял, как войдет внутрь. Куда проще было бы уйти отсюда.

Он огляделся по сторонам, делая вид, что все идет как надо.

— Сегодня уже слишком поздно. Давайте станем на ночь под деревьями, тут хоть какое-то укрытие. Поедим и ляжем спать. Утром все обдумаем и решим, что делать.

Кимбер вроде бы согласилась. Без дальнейших разговоров они углубились в лес, подальше от крепости и ее таинственных обитателей, среди которых могли найтись любители прогулок. Дождь все шел, ветер не прекращался, и это неприятное сочетание не давало устроиться хоть с какими-нибудь удобствами. Путники укрылись от ветра в ельнике — лучше все равно ничего не было, привязали и расседлали коней, устроились сами.

Припасы подходили к концу, и Джайр приятно удивил Кимбер со стариком, достав фляжку эля, которую, по словам долинника, он специально приберегал к сегодняшнему дню. Чтобы отметить приезд да немного развеять дурные предчувствия. Джайр щедро наполнил чашки и смотрел, как они пьют, сам же только делал вид.

От собственной лжи Джайру было не по себе. Но он делал это ради их же блага, и тем оправдывал себя.

Кимбер и ее дед заснули через несколько минут, прямо на земле. Снотворное, которое Джайр украл у девушки и добавил в эль, сделало свое дело. Джайр уложил спящих под елью, развернул одеяла и хорошенько укрыл. Юноша видел, как Кимбер подливает деду снадобье каждый вечер с самого отъезда из Каменного очага, и составил свой план. Если он правильно рассчитал дозу, они не проснутся до утра.

К тому времени он или вернется, или будет мертв.

Джайр повесил на пояс свой короткий меч, сунул в сапог кинжал, завернулся в плащ и отправился узнать, что его ждет в Дун Фи Аран.

Он не ощущал ни прилива храбрости, ни уверенности в том, что решил сделать. Кимбер считала, что у него был выбор, но на самом деле никакого выбора не было. Не в характере Джайра бежать от ответственности, и не имело значения, напрашивался он на приключения или они сами нашли его. Призрак Алланона призвал именно его, и сделал это обдуманно. Джайр не мог оставить такой призыв без внимания. В своей недолгой жизни юноша уже один раз прошел по этому пути, и в конце его понял истину, которую другие могли позволить себе не замечать — а он не мог. Если он провалит дело, то, похоже, никто другой не сможет его выполнить.

Мысленно он все решил почти в самом начале, и все его сомнения и страхи лишь испытывали решимость.

Джайр находил некоторое утешение в том, что помешал Кимбер и старику отправиться в крепость вместе с ним. Они бы пошли, конечно, с благими намерениями — и может, даже были бы полезны. Но Джайр беспокоился бы за них, а это бы мешало. И потом, себя-то он мог укрыть магией. А вот провести еще двоих в Дун Фи Аран было выше его возможностей.

Из-за дождя и тумана дальше пары ярдов ничего не было видно, и идти приходилось осторожно. Впереди во мгле мерцали тусклые желтые огни факелов Дун Фи Аран. Под ногами пружинила мокрая земля, устланная опавшими листьями, то и дело попадались валежины. Воздух был холоден, пахло сырой землей и мокрой корой. К лесным ароматам примешивался острый запах огненных ям, на который Джайр и шел.

Наконец деревья расступились, открыв массивные стены крепости — черные, мерцающие под дождем. Джайр замедлил шаг, внимательно рассматривая окна и парапеты и выжидая момент. Потом запел, призывая магию Песни желаний. В отличие от Брин, для него сила Песни была почти как старый друг. Может, именно поэтому здесь оказался он, а не его сестра.

Перед ним темнели главные ворота крепости — из крепкого дуба, окованного железом, двадцати футов в высоту. Они казались неприступными, но Джайр приметил боковую дверь, через которую впускают ночных путников, когда опасно открывать большие ворота. Он направился к этой двери и пел, вовсе не стараясь скрываться, а, наоборот, притворяясь тем, кем не был.

И обретенный облик позволил ему войти.

Когда Джайр дошел до двери, он шепотом позвал стража, стоявшего за ней. Долинник не сомневался, что там кто-то есть. Как и Кимбер, Джайр ощущал зло этого места и знал, что источник его никогда не спит. И почти сразу ему отозвались. В железной решетке сдвинулась планка, блеснул желтый глаз. Его хозяин увидел то, чего не было на самом деле. Он увидел другого муэллрета, промокшего, злого — и облеченного властью, которой невозможно было не подчиниться. Дверь отворилась со стоном ржавого железа, и в щель просунулось ящеричье лицо.

— Шшто принессс...

Страж подавился остатком фразы. Перед ним стоял уже не муэллрет. Вместо него возвышалась высокая закутанная в плащ фигура человека, который был мертв уже больше двух лет.

Перед стражем ворот стоял друид Алланон.

Джайр сильно рисковал, но риск оправдался. Шипя от страха и отвращения, ошеломленный страж отступил обратно к караульной, забыв запереть дверь. Джайр вошел, оттесняя муэллрета дальше и дальше. Рет запоздало схватился за копье, но одного угрожающего жеста хватило, чтобы он в ужасе его уронил и снова отступил, на этот раз до самой стены.

— Вы утаили обрывок Илдатч, — прогремел из уст Джайра голос друида. — Отдайте его мне!

Муэллрет с рыданиями шмыгнул через заднюю дверь караульной и побежал, его свистящий голос сорвался на шипение прежде, чем он добежал до центральной башни и исчез в ней. Рет даже не обернулся, чтобы проверить, следует ли за ним Алланон, так сильно он хотел сбежать и позвать на помощь. Но если бы ящер все же оглянулся, то обнаружил бы, что друид исчез, а вместо него опять появился тот муэллрет, что примерещился ему сначала. Именно в этом обличье Джайр последовал за убегающим стражем, не отвлекаясь на посторонние действия. Когда мимо него пробегали реты, направлявшиеся к караульной, чтобы встретить угрозу, которой больше не было, Джайр или отступал в тень, или уступал дорогу — словно бы из уважения.

Юноша пробирался по главной башне твердыни, выбирая дорогу по коридорам и лестницам, против общего движения. Крепость, как гнездо гадюк, кишела рептилиями с холодными, пронзительными глазами. «Только не смотри им в глаза!» Джайр слыхал истории о том, как муэллреты лишали людей разума. Он и сам когда-то оказался жертвой их гипноза и не собирался повторять этот опыт. Он избегал прямых взглядов проходивших мимо муэллретов и шел в глубины крепости, оставляя позади шум и крики, раздававшиеся на главном дворе.

Бег времени и шансы на удачу казались ему сдвигающимися стенами. Где же этот страж?

Страж обнаружился впереди, он излагал свои вести другому муэллрету, кажется, более способному справиться с неожиданностью. Этот второй выслушал стража молча и отослал его обратно, а сам развернулся и пошел по коридору, ведущему куда-то еще дальше. Джайр, собрав в кулак всю отвагу, последовал за ним.

Преследуемый целенаправленно шел то по коридорам, то спускался по винтовым лестницам. Он раза два или три оглянулся, но Джайр снова сменил обличье, теперь он был не муэллретом, а частью самой крепости. Он был стенами, полом, воздухом и вообще ничем особенным. Рет мог оглядываться сколько угодно, но ему пришлось бы долго и внима-

тельно присматриваться, чтобы понять — он видит что-то не то.

Куда больше Джайра беспокоило, что этот муэллрет может и не привести его к обрывку Илдатч. Он предполагал, что страж поспешит предупредить о появлении и угрозе Алланона тех, кто охраняет страницу, и приведет к ним Джайра. Но ничто не указывало, что рет ведет его туда, куда нужно. Если Джайр ошибся, то его ждут неприятности, о которых он не хотел и думать. Его способность использовать магию не бесконечна. Рано или поздно он устанет и тогда окажется не только без прикрытия, но и совершенно без защиты.

Впереди коридор был залит светом факелов. Путь преграждала окованная железом дверь и два стража с копьями. Выйдя из темного коридора на свет, муэллрет подал стражам знак, и они расступились перед ним. Джайр, укрытый невидимостью, воспользовался сменой тени и света, догнал своего муэллрета и проскользнул вслед за ним, пока дверь закрывалась.

Оказавшись внутри, он быстро окинул взглядом похожую на пещеру задымленную комнату и тех, кто в ней находился. Семь — нет, восемь — муэллретов сгрудились вокруг огромного деревянного стола, уставленного бутылями, фиалами и прочими замысловатыми сосудами, заваленного старыми книгами и таблицами. В центре стола на высокой подставке лежала единственная страница, обгоревшая по краям. От нее шло странное сияние, письмена на смятой бумаге пульсировали. От листа бумаги веяло такой мерзостью, что Джайра затошнило.

У него даже не возникло вопроса, что он видит. Подавив отвращение, он собрал остатки решимости и опустил засов, заперев дверь изнутри.

Девять голов повернулись разом, свет упал на их лица, до того скрытые в тени капюшонов. Они замешкались на миг, потом муэллрет, приведший за собой Джайра, развернулся к двери с кинжалом в когтистой руке. Джайр тем временем проскользнул вдоль стены, заходя поближе к столу и тому, что на нем лежало. Муэллреты встали между дверью и своим со-

кровищем, чутко прислушиваясь к тому, что происходит снаружи. Джайру нужно было всего несколько мгновений, чтобы обойти их и схватить страницу. Он засунет ее в пламя факела, прежде чем его остановят. Если сделать это достаточно быстро, реты вообще не поймут, что здесь кто-то был.

«Спокойно. Не спеши. Не выдай себя».

Муэллрет, стоявший ближе других к выходу, откинул засов и распахнул дверь. Он молча прошел мимо удивленных стражей в коридор и огляделся. Джайр подобрался к столу и протянул руку к обгорелой странице. Муэллреты тихо переговаривались, пытаясь понять, угрожает ли им что-нибудь или нет.

Джайр дотянулся до подставки, схватил страницу — и тут же с воплем ее выронил. Она обожгла ему пальцы, как пылающий уголь.

Муэллреты резко развернулись и увидели, что их драгоценная страничка закружилась в воздухе и медленно падает на стол среди всякой ерунды, дымясь и извиваясь, как живая. У хранителей вырвался крик, некоторые извлекли из-под своих одеяний мечи и принялись размахивать ими, тыкая в воздух. Испуганный неудачей Джайр отступил, злясь на себя и пытаясь сохранить спокойствие. Магия берегла эту страничку точно так же, как некогда охраняла всю книгу Илдатч. Была ли то магия самой книги или магия ее хранителей? Если Джайр не может взять страницу в руки, то как же сжечь ее, как донести до огня? Как ее уничтожить?

Он прижался к стене, скрываясь от ретов, которые и сами не понимали, что они ищут. Они знали, что что-то здесь есть, но не знали, что именно. Если ему удастся удержать их в заблуждении достаточно долго...

Мысли суетились, как крысы в клетке.

Тут один муэллрет, додумавшись, взял со стола круглую деревянную коробку, стал набирать оттуда пригоршнями белый порошок и разбрасывать его. Джайр понял, что сейчас произойдет. Как только на него угодит горстка порошка, его станет видно столь же ясно, как тень на ярком солнце. Единственная надежда — уничтожить страницу Илдатч до того, как

его обсыпят порошком. Похоже, у него оставалась лишь одна попытка.

Джайр оглянулся через плечо, высматривая ближайший факел. Если схватить его и броситься вперед, то им можно будет ткнуть в страницу. Этого может хватить.

«Спокойно. Не спеши».

Муэллреты обходили стол, хватая распростертыми руками воздух — пытались поймать невидимого пришельца. Рет с порошком разбрасывал белое вещество вокруг себя, но от Джайра его пока что отделял огромный стол. Джайр продолжал вести песнь желаний, сосредоточившись на своей цели.

И тут рет с порошком развернулся и бросил его в направлении Джайра.

Это было уже слишком. Джайр инстинктивно сменил невидимость на другое прикрытие, более надежное. Комната заполнилась фигурами Гарета Джакса — в черных плащах, с клинками в обоих руках, они двигались, как и положено бывалым воинам. Это было единственное, что смог в панике создать Джайр, так что он ухватился за образ Мастера Оружия, как утопающий за веревку.

Сначала ему показалось, что этого хватит. Муэллреты в ужасе отпрянули назад — вторжение застало их врасплох. Даже стражи, перегородившие дверь, наставили на иллюзии свои копья. Какой бы ни была магия Джайра, муэллреты не были с ней знакомы, и теперь не знали, что делать.

Это и был нужный ему момент смятения, и Джайр им немедленно воспользовался. Он схватился за факел, висевший на стене, и рванул его. Но руки скользили от пота, и Джайр не мог вытащить факел из гнезда. Муэллреты яростно зашипели — они теперь ясно видели пришельца за фигурами его защитников, и сразу поняли, что он пытается сделать. При других обстоятельствах они еще могли бы раздумывать, но сейчас ими двигало неосознанное и всеподавляющее желание защитить обрывок Илдатч. Рептилии явно не хотели терять свой шанс на бессмертие.

Они набросились на образы Гарета Джакса толпой, с ножами и короткими мечами, ничуть не заботясь о собственной

безопасности. Их яростная атака застала Джайра врасплох, и он потерял контроль над своей Песней. Созданные им образы исчезли один за другим. Муэллреты поняли, что противостояли им не настоящие воины, а призраки, цветной мираж.

Джайр оставил попытки вытащить факел из гнезда и повернулся к муэллретам. Они окружили его и приближались, заключив в кольцо острых стальных клинков, сквозь которое ему было не прорваться. Он слишком медлил. Он упустил свою возможность. В отчаянии Джайр выхватил меч. Мимолетом он вспомнил Гарета, — как тот двигался, когда его окружали враги, — и представил, что сделал бы Джакс.

Словно в ответ на эту мысль совершенно неожиданно возник новый образ. В полумраке комнаты снова появился Мастер Оружия, копия уже уничтоженных образов, в черном плаще, со своим столь смертоносным клинком. Но этот образ не отделился от Джайра, как те, прежние. Напротив, он сомкнулся и облек долинника, как вторая кожа. Это произошло так быстро, что юноша даже не попытался этого избежать.

Буквально через мгновение он сам стал этим образом.

И сразу же это странное сочетание Джайра с Мастером Оружия бросилось на муэллретов с одной-единственной целью. Реты, полагая, что и это иллюзия, едва отмахнулись от него. Двое поплатились за это жизнью буквально в одно движение. Муэллреты с опозданием поняли, что столкнулись с чем-то новым. Они размахивали своими клинками, но точно так же могли махать деревянными игрушками. Джайр слышал сдавленные звуки, когда его меч находил цель, ощущал содрогание тел. Муэллреты умирали с застывшим на лицах удивлением, а он убивал их — одного за другим.

Это было ужасно и восхитительно. Джайр с головой погрузился в свои ощущения — несколько мгновений он был кем-то совершенно другим, человеком с иным прошлым и иными чувствами. Он не просто выглядел как Гарет Джакс — он стал им. Джайр так самозабвенно перевоплотился в Мастера Оружия, что пугающие и темные чувства, которые он сейчас испытывал, наполняли его удовлетворением и желанием испытать их вновь.

Реты-охранники тоже кинулись в бой с копьями наперевес. С обученными стражами было не так легко справиться. Изогнутое лезвие скользнуло по правому плечу, и Джайр содрогнулся от обжигающей боли. Он сделал ложный выпад и уклонился от следующей атаки. Стражи бросились на него, но Джайр был к этому готов и легко ушел в сторону. Призрак невесомо скользнул, уклоняясь от их оружия, и оказался рядом, прежде чем реты поняли, что бессильны его остановить.

Секундой позже последний рет лежал на полу мертвым.

Когда Мастер Оружия обернулся посмотреть на произведенное им опустошение, он увидел юношу, который так и стоял у дальнего края стола. Их взгляды встретились, и у него что-то повернулось внутри. Юноша стал медленно таять прямо на глазах, превращаясь в привидение.

Он исчезал.

«Сделай что-нибудь!»

Он все-таки вырвал из гнезда на стене факел и бросил его прямо на стол, среди порошков и зелий. Они мгновенно занялись жарким белым пламенем, разбрасывая искры. В центре стола страница Илдатч задергалась, потом поднялась в воздух и поплыла в потоке нагретого воздуха.

«Убегает...»

Он выхватил кинжал из сапога и прыгнул вперед, пронзил лист бумаги прямо в воздухе и пригвоздил к поверхности стола, в огонь. Бумага обернулась вокруг руки, и он запрокинул голову от внезапной острой боли, пронзившей руку и отдавшейся в груди. Но не отпустил. Несмотря на боль, он держал страницу приколотой к столу. Когда бушующее пламя заставило его выпустить рукоять и отступить, остаток Илдатч было трудно узнать. Он стоял, прижимая к себе обожженную руку, и смотрел, как догорает и обращается в пепел этот проклятый обрывок бумаги.

Потом он обошел вокруг стола и, сделав шаг через образ юноши из Долины, снова оказался в собственном теле. Словно тяжесть с плеч свалилась. Он посмотрел на смутную фигуру в черном плаще, с которой был недавно одним целым — она исчезала, возвращалась в эфир, из которого пришла, обратно в страну мертвых.

* * *

Джайр выбежал из комнаты, полной трупов муэллретов, и направился к выходу. Мысли его были полны тем, что он только что испытал, неуверенностью и сомнениями. И хотя он продолжал использовать песнь желаний, чтобы скрыть себя, ему казалось, что он совершенно открыт.

«Что там произошло?»

Неужели Гарет Джакс восстал из мертвых, чтобы в последний раз защитить Джайра? Или это Алланон прислал его сюда своей друидической магией, которая превыше власти могил?

Быть может.

Но Джайр думал иначе. Он решил, что сам, своей Песней желаний дал жизнь последнему образу.

Это было невозможно, но Джайр был в этом уверен.

Он поднимался из казематов Дун Фи Аран, собравшись с духом. Безумием было думать, что его магия может дать жизнь мертвым. Это означало такие возможности, о которых он едва мог подумать. Оживлять мертвых противно всем законам природы. От одной мысли у него ползли мурашки по коже!

Но это его спасло, верно? Позволило ему уничтожить обрывок Илдатч, а ведь ради этого он и пришел в Дун Фи Аран. И какая разница, как он это сделал?

Но разница была. Он помнил, что чувствовал, будучи частью Гарета Джакса. Помнил, каково это — убивать муэллретов, слышать их вопли, встречать их недоуменные взгляды, чуять их кровь и страх. Он помнил, как его клинок скрежетал по их костям и на удивление легко рассекал покрытую чешуей плоть. Ему не было противно, он наслаждался этим настолько, что в те краткие мгновения, что он был един с Мастером Оружия, ему это было необходимо. И даже сейчас, когда все уже кончилось, а тело и разум Джайра вновь принадлежали только ему, он хотел повторения схватки.

Что, если бы он не обернулся и не увидел, как истаивает юноша из долины?

А если бы он не понял, в каком опасном положении оказался, слившись с призраком из ниоткуда?

Найти выход из подземелий оказалось гораздо легче, чем он ожидал. Джайр не встретил больше ни одного муэллрета, пока не дошел до верхних залов. Там муэллреты до сих пор искали Алланона, так и не догадавшись, что друид был всего лишь иллюзией. Они еще не знали, что произошло в подземельях — вероятно, каменные стены и железные двери приглушили шум битвы. Муэллреты не видели Джайра, окутанного магией, и тот быстро добрался до ворот. Сбив с толку и без того растерянных стражников, он заставил их еще раз открыть дверь и исчез в ночи.

Он шел прочь от крепости через дождь и туман под прикрытием песни желаний, пока не добрался до деревьев, и там магия умерла у него на устах. Колени подломились, и он сел на мокрую землю и уставился в пространство. Обожженная ладонь болела, рана на плече — тоже. Он был жив, но казался себе мертвым. И в этом был виноват он сам. Разве он не хотел вернуть из мертвых Гарета Джакса? Разве не хотел сохранить воспоминания о Грэймарке и Кроахе? Сделать прошлое, которое он так ценил, частью настоящего?

Он прижал пострадавшую ладонь к земле и стал смотреть на нее.

Что-то было не так.

Если это Гарет Джакс сражался с муэллретами и уничтожил обрывок Илдатч, то почему рука обожжена у Джайра? И рана на плече...

Он задумался, вспоминая. В бою у Гарета Джакса был один клинок, а не два, как у других иллюзий.

И это был клинок Джайра.

Горло перехватило. Он все понял не так. Песнь желаний не воскресила Гарета Джакса из мертвых. Она даже не призвала его. Там был только один человек.

Он сам, Джайр.

Теперь он понимал, в чем дело, и что в его рассуждениях было неверно. Брин предупреждала, чтобы Джайр не доверял магии, что она опасна. Но он не послушал. Он решил, что раз использует магию не так, как она, с меньшей силой и вроде бы более безобидно, то ему ничего не угрожает. Брин

могла изменять вещи, создавать их и уничтожать, он же мог только делать вид. Какой в том вред?

Но его магия изменилась. Может быть, потому что он повзрослел. Или просто развилась со временем. Но как бы то ни было, за последние два года его способности стали другими. И нынче ночью, в подземельях Дун Фи Аран, в ответ на отчаяние и страх, впервые проявились его новые возможности.

Он не вызывал тень Гарета Джакса. Он не возвращал жизнь мертвому неким таинственным образом. Он преобразил себя в соответствии с образом Мастера Оружия. Это он сам был там в облике своего бывшего защитника, он стал копией машины убийств, которой был Мастер Оружия. Вот почему он так ясно все ощущал, вот почему все казалось таким настоящим. Оно и было настоящим. Гарет Джакс в подземелье Дун Фи Аран был отражением собственной темной натуры Джайра, глубоко погребенной под поверхностью его души.

Отражением, в котором Джайр чуть не растворился полностью.

«Я должен был рискнуть, чтобы выжить и уничтожить Илдатч».

И тут он совершил еще одно открытие, столь ужасное, что ему стало ясно — это правда. Алланон знал, что может сделать магия Джайра, когда призывал его через видения Колина. Алланон знал, что магия проявится, чтобы защитить Джайра от муэллретов.

Кимбер Боу была права. Друид использовал его. Даже мертвый, он мог управлять живыми. Этого требовали обстоятельства. Это диктовала необходимость, и Джайр был принесен им в жертву за один проблеск в самой темной части его души.

Он закрылся от этого. Он хотел вернуться домой. Он хотел забыть все, что случилось этой ночью. Он хотел забыть о том, что может сделать его магия. Он хотел бы никогда не проходить этим путем.

Джайр разворошил опавшие листья и влажную землю и вдохнул их острый запах. Он ждал, пока уляжется волнение и прояснится голова. Вдалеке слышались вопли из крепости.

Там нашли комнату с убитыми. Теперь они будут гадать, что же произошло, но никогда не смогут узнать наверняка.

Знать будет только он.

Прошло много времени, прежде чем Джайр снова открыл глаза и стряхнул с обожженной руки мусор и грязь. Надо было возвращаться к Кимбер и деду и будить их. Он расскажет им, что произошло в подземелье, но не все. Все он никогда и никому не сможет рассказать.

Он размышлял, не последовать ли совету сестры и не забросить ли магию навсегда. Что будет, если обстоятельства и судьба снова заставят его применить магию, вот как сегодня? Каковы будут последствия?

Прошлое всегда с нами, но иногда мы не понимаем, для чего.

Джайр поднялся с земли и пошел прочь.

Содержание

Предисловие 5
Робин Хобб. СТРАНА ЭЛДЕРЛИНГОВ 9
Джордж Р.Р. Мартин. ПЕСНЬ ЛЬДА И ОГНЯ 91
Орсон Скотт Кард. СКАЗАНИЕ О МАСТЕРЕ ЭЛВИНЕ 191
Диана Гебелдон. ГОСТЬЯ 245
Роберт Силверберг. МАДЖИПУР 335
Тэд Уильямс. ИНОЗЕМЬЕ 395
Энн Маккефри. ПЕРН 461
Раймонд Фейст. ИМПЕРСКИЕ ВОЙНЫ 509
Элизабет Хэйдон. СИМФОНИЯ ВЕКОВ 557
Нил Гейман. АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ 625
Терри Брукс. ШАННАРА 685

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ «буква»

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (095) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Легенды II

Составитель Роберт Силверберг

Сборник

Ответственные редакторы Е.А. Барзова и Г.Г. Мурадян
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.В. Демидова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19А, оф. 214
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Роберт Силверберг ВНОВЬ собрал для этого сборника самых знаменитых творцов миров. Джорджа Р. Мартина, создавшего мир «Песни льда и огня». Терри Брукса, создавшего мир «Шаннары». Нила Геймана, создавшего мир «Американских богов». Тэда Уильямса, создавшего мир «Иноземья». И многих, многих других – тех, что не просто пишут романы-фэнтези, а, подобно демиургам, полетом фантазии творят миры. Тех, которым нет равных. Они объединились для сборника «Легенды», чтобы пригласить миллионы своих поклонников попутешествовать по этим мирам еще раз. И все произведения, вошедшие в «Легенды II» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней, — были написаны СПЕЦИАЛЬНО для антологии...

ISBN 5-17-034469-4
9 785170 344697